МАРКС

И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ XIX ВЕКА

МАРКС
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО
РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

МАРКС И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ XIX ВЕКА

(Статьи и документы)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1970

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга состоит из двух разделов: 1) научные статьи, посвященные теоретической и революционной деятельности Маркса, 2) документы, характеризующие некоторые стороны исторического развития борьбы рабочего класса в отдельных странах.

Публикуемые материалы освещают великую роль Маркса и его учения в освободительной борьбе пролетариата XIX века, лучшие традиции которой унаследованы и продолжены современным рабочим и коммунистическим движением.

Маркс был неразрывно связан с международным рабочим движением. Процесс формирования и развития марксизма тесно переплетался с развитием пролетариата и его классовой борьбы. Еще на заре своей научно-политической деятельности Маркс и Энгельс высказали глубокие мысли об исторической миссии рабочего класса, о значении теории для революционной практики, о их неразрывном единстве. На опыте революционной борьбы пролетариата и народных масс Маркс и Энгельс разрабатывали вопросы теории и практики марксизма, имевшие огромное значение для судеб рабочего движения. В единстве революционной теории и революционной практики состоит сущность и непреодолимая сила марксизма. Сам Маркс в течение всей своей жизни олицетворял собой такое единство, будучи гениальным ученым и одновременно пламенным революционным борцом. Маркс и Энгельс вошли в историю как великие теоретики и организаторы международного рабочего движения.

На основе обширного, зачастую впервые вводимого в научный оборот материала статьи сборника содержат конкретный анализ отдельных сторон революционной деятельности Маркса.

Книга открывается статьей, посвященной роли марксистской политической экономии во всей системе взглядов Маркса, ее значению для освободительной борьбы рабочего класса. В статье, в частности, делается попытка проследить неразрывную связь разработки экономической теории Маркса с решением коренных задач рабочего движения, а также вопросов повседневной борьбы пролетариата.

Одна из публикуемых в сборнике статей раскрывает деятельность Маркса в революции 1848—1849 гг., явившейся важным поворотным пунктом мирового революционного процесса. Эта деятельность была неразрывно связана с борьбой пролетарских и народных масс. Особую роль в деле сплочения немецкого пролетариата и повышения его классового сознания Маркс отводил «Новой Рейнской газете», которую он начал издавать в период революции совместно с Энгельсом в Кёльне. Автор показывает влияние этой газеты на рабочее движение Германии и борьбу Маркса за консолидацию немецкого пролетариата. В противовес утверждениям буржуазных и реформистских авторов в статье на конкретном материале раскрываются тесные связи Маркса, Энгельса и их сторонников с передовыми немецкими рабочими и воздействие учения Маркса на рабочее движение Германии того времени. Благодаря организаторскому и редакторскому таланту Маркса газета стала, по словам Ленина, «лучшим непревзойденным органом революционного пролетариата» [1]. Редакция газеты поддерживала широко развернувшуюся борьбу народных масс, в которой ведущую роль играли рабочие. В статье показано, как Маркс, Энгельс и их сторонники через посредство газеты стремились поднять классовую сознательность и организованность рабочих, неустанно воспитывали у них чувство пролетарского интернационализма.

Намеченные задачи в революции 1848—1849 гг. Маркс, Энгельс и их сторонники осуществляли, борясь, с одной стороны, против реформистской тенденции Стефана Борна и др., которые толкали рабочий класс на путь чисто экономической борьбы, с другой — против левосектантских элементов во главе с Готшальком, пытавшихся изолировать рабочих от общедемократического движения. В одной из статей сборника освещается закончившаяся победой марксистского направления борьба Маркса против сектантской тактики Готшалька и его сторонников в кёльнском Рабочем союзе.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 83.

Ряд статей посвящен важнейшему этапу деятельности Маркса в международном рабочем движении — периоду I Интернационала. Материалы этих статей отражают исключительное значение для всего международного рабочего движения руководящей роли Маркса в первой массовой организации международного пролетариата.

Одна из статей раскрывает роль Маркса в разработке программы экономической борьбы пролетариата на материалах Женевского конгресса Интернационала. Маркс в эти годы сделал значительный шаг вперед в развитии экономической части программы пролетарской партии. В этой статье предпринята попытка раскрыть конкретные пути и формы проникновения идей научного коммунизма в рабочее движение, показать, в какой мере отдельные положения марксистской политической экономии еще до выхода в свет I тома «Капитала» нашли отражение в документах Генерального Совета Интернационала и решениях Женевского конгресса 1866 года.

Группа статей, включенных в книгу, характеризует большую систематическую и повседневную работу Маркса по руководству рабочим движением в различных странах, помощь после прекращения деятельности I Интернационала складывавшимся во многих странах рабочим партиям. В статье, посвященной роли Маркса и марксизма в рабочем движении Франции в первой половине 70-х гг. XIX века, приводятся конкретные данные о распространении марксизма, о сохранившемся влиянии Интернационала, несмотря на жестокую реакцию после поражения Парижской Коммуны и разгром организаций Интернационала. Вопреки неправильному представлению о том, что Интернационал во Франции после Коммуны «бесследно исчез», автор на большом фактическом материале показывает пути проникновения идей Интернационала во французское рабочее движение в этот период.

Кроме уже упомянутых статей о деятельности Маркса в Германии в период революции 1848—1849 гг. в двух других статьях рассматривается его деятельность как секретаря-корреспондента Генерального Совета Интернационала для Германии, которую он осуществлял с самого основания Интернационала вплоть до 1872 г., и его деятельность по руководству немецкой социал-демократией в первый период действия исключительного закона 1878 года.

Первостепенное значение для международного рабочего движения имела забота Маркса и Энгельса о воспитании убежденных и теоретически подготовленных кадров пролетарских революционеров. Две статьи сборника раскрывают некоторые страницы биографий бельгийского социалиста, основателя секций

Интернационала в Бельгии Де Папа и видного деятеля немецкого и международного рабочего движения И. Ф. Беккера, показывают влияние Маркса и научного коммунизма на их идейное развитие.

В ряде статей сборника содержится материал, характеризующий отношение представителей различных направлений современной буржуазной и реформистской историографии к Марксу и марксизму, разоблачается тенденция умалить роль марксизма в освободительной борьбе немецкого пролетариата, стремление изобразить развитие марксистской теории и рабочего движения как два изолированных процесса, ограничить заслуги Маркса разработкой теории, представить его кабинетным ученым, оторванным от рабочего движения.

Второй раздел сборника составляют разнообразные по своему характеру документы, все (за исключением 4-х писем) публикуемые впервые. Они содержат достоверные и богатые сведения о рабочем движении отдельных стран.

Большой интерес представляют протоколы Коммунистического клуба в Нью-Йорке (1857—1867 гг.), отражающие начало пропаганды марксизма в рабочем движении США, историю и пути его распространения в этой стране.

Публикуемые письма Де Папа к Марксу и членам Генерального Совета свидетельствуют о большом влиянии Интернационала в Бельгии, о поддержке бельгийскими секциями Генерального Совета против бакунистов и представителей других сектантских и реформистских течений, об активном участии этих секций в организуемом Советом движении международной пролетарской солидарности, в частности, о помощи в забастовочной борьбе рабочих.

Особый интерес представляет рукопись видного деятеля международного и французского рабочего движения Поля Лафарга — «Манифест французской Рабочей партии». Эта рукопись была прочитана и отредактирована Марксом.

Тексты упомянутых документов публикуются по подлинникам или фотокопиям подлинников, хранящимся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Публикуемые в настоящей книге материалы — и исследовательские статьи, и документы — проливают дополнительный свет на важные страницы исторического прошлого, которым по праву гордится международный пролетариат.

В редактировании сборника, кроме редакционной коллегии, принимали также участие тт. Л. И. Гольман, Б. Г. Тартаковский и Н. Б. Тер-Акопян.

С Т А Т Ь И

В. С. Выгодский

МАРКСИСТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Нет ничего более практичного, чем хорошая теория, говорят физики, подчеркивая при этом трудности создания такой теории. Общественная практика подтверждает это в полной мере. Рабочему классу, впервые выступившему в первой половине XIX века как самостоятельная политическая сила, была насущно необходима научная теория, которая объясняла бы положение этого класса в общей структуре капитализма и указывала на те перспективы, которые его ожидают в будущем. Теория научного коммунизма, разработанная Марксом и Энгельсом в 40-е годы, явилась именно такой теорией.

Разработка теории научного коммунизма неизменно осуществлялась Марксом в неразрывной связи с разработкой его экономической теории. Более того, обоснование и развитие теории научного коммунизма было неизменной *целью* многолетних занятий Маркса политической экономией. Систематическая формулировка основных положений теории научного коммунизма явилась результатом первого великого открытия Маркса — материалистического понимания истории, разработанного им совместно с Энгельсом в середине 40-х годов прошлого века [1]. Вместе с тем была создана методологическая основа для будущей экономической теории Маркса, а сама теория прибавочной стоимости — второе великое открытие Маркса — была создана в 1850—1863 годах. Одновременно получила свое экономическое

[1] См. *Г. А. Багатурия.* «Первое великое открытие Маркса. Формирование и развитие материалистического понимания истории» (в сб-ке «Маркс-историк». М., 1968, стр. 107—173).

обоснование и была развита дальше теория научного коммунизма.

Но, разумеется, история разработки экономического учения Маркса, а стало быть и теории научного коммунизма, не заканчивается в 1863 году. В последнее двадцатилетие своей жизни Маркс не только интенсивно развивал дальше экономическую теорию; в течение всего периода деятельности I Интернационала, а также и впоследствии Маркс интенсивно разрабатывал экономическую политику рабочего класса, применяя свою экономическую теорию к решению конкретных вопросов классовой борьбы, разрабатывал свое учение о будущем коммунистическом обществе.

Таким образом, важнейшим показателем зрелости экономической теории Маркса в тот или иной исторический период является степень разработанности и обоснования в каждый такой период теории научного коммунизма. Экономическая теория во всем основном и главном была разработана Марксом еще до опубликования I тома «Капитала», а это означает, что к 1867 г. теория научного коммунизма уже получила свое обоснование. Не случайно поэтому, что классическую формулировку основных положений материалистического понимания истории и вытекавшей из него теории научного коммунизма Маркс дал в 1859 г. (в предисловии к работе «К критике политической экономии»), сразу же после того, как в 1857—1858 годах он разработал в основном свою теорию стоимости и прибавочной стоимости.

Теория научного коммунизма включает в себя три основных круга вопросов. Во-первых, это вопросы борьбы рабочего класса в капиталистическом обществе. Во-вторых, это учение о социалистической революции как необходимом результате развития антагонистических противоречий капитализма. В-третьих, это учение о будущем коммунистическом обществе. Развитие экономической теории Маркса означало вместе с тем обоснование и развитие всех этих элементов теории научного коммунизма; в настоящей статье мы будем рассматривать в основном первые два из них.

Энгельс недаром называл экономическую теорию Маркса «политической экономией рабочего класса в ее научном выражении» [1]. В своих экономических работах Маркс неизменно стремился применить разработанные им теоретические принципы к решению конкретных вопросов рабочего движения, экономической политики рабочего класса. Сравнение таких работ, как «Наемный труд и капитал», «Заработная плата», «Манифест

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 381.

Коммунистической партии», с одной стороны, и «Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих», «Заработная плата, цена и прибыль» — с другой, показывает, что применение Марксом его экономической теории к решению вопросов экономической политики рабочего класса в работах 60-х годов было существенно иным, нежели в работах 40-х годов. Иначе и быть не могло. Ведь между 1849 и 1864 годами Маркс разработал свою экономическую теорию. Таким образом, практические выводы, сделанные Марксом в различные периоды в отношении экономической политики рабочего класса в его борьбе с классом капиталистов, свидетельствуют о степени развития его экономической теории в тот или иной период. Это ясно видно на примере отношения Маркса к экономической борьбе профсоюзов за повышение заработной платы и законодательное ограничение рабочего дня.

Уже в 40-е годы Маркс и Энгельс высоко ценили роль профсоюзов и экономической борьбы рабочего класса как средства политического объединения рабочего класса, как школы его революционного воспитания. Достаточно в этой связи обратиться к «Нищете философии», где имеется специальный раздел о стачках и коалициях рабочих. Однако они недооценивали в то время возможности для рабочего класса путем стачечной борьбы и деятельности профсоюзов добиться существенного изменения своего экономического положения. Маркс писал в 1847 г. по поводу профсоюзов, что «издержки, которых они требуют от рабочих, в большинстве случаев больше, чем то повышение дохода, которого они хотят добиться. Они не могут долго сопротивляться законам конкуренции» [1]. Подобным же образом — т. е. по существу отрицательно — оценивали Маркс и Энгельс в 40—50-е годы билль о десятичасовом рабочем дне и экономические результаты стачечной борьбы рабочих [2], высоко оценивая при этом ее политическое значение.

Эта концепция непосредственно вытекала из тогдашних экономических взглядов Маркса и Энгельса, из разделявшегося ими ошибочного тезиса буржуазной политической экономии, согласно которому нормальная при капитализме цена рабочей силы («цена труда») совпадает с физическим минимумом заработной платы. «Средняя цена наемного труда есть минимум заработной платы»,— отмечали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» [3]. Впоследствии Маркс показал, что

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 6, стр. 600.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 240, 248, 253; т. 28, стр. 27.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 439; см. также т. 6, стр. 439—440

теория минимума заработной платы уходит своими корнями еще к физиократам [1].

В 60-е годы мы встречаем совершенно иную постановку этого вопроса. На основе разработанной им к этому времени экономической теории Маркс в работе «Заработная плата, цена и прибыль» показал, что стоимость необходимых жизненных средств определяет лишь низшую границу стоимости рабочей силы; фактический же ее уровень — а следовательно, также фактический уровень заработной платы и фактическая величина рабочего дня — устанавливается «лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом... дело сводится к вопросу о соотношении сил борющихся сторон» [2].

Уже в 1853 году в одной из статей, напечатанных в «Нью-йоркской трибуне» [3], Маркс дал иную, чем в 40-е годы, постановку вопроса о борьбе рабочих за повышение заработной платы. В своей аргументации против тех, кто считает забастовки вредными для интересов рабочих, Маркс исходил из циклического характера развития капитализма. Но только разработка теории прибавочной стоимости, анализ товара рабочая сила позволили Марксу рассмотреть отношение между капиталом и трудом как специфически общественное, т. е. классовое отношение, которое не может быть понято вне классовой борьбы между рабочими и капиталистами. Из экономической теории Маркса следовало, что борьба рабочего класса за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня прямо диктуется экономической необходимостью, непосредственно вытекает из общей тенденции капитала низвести стоимость рабочей силы до ее физического предела [4].

И поэтому нет ничего удивительного в том, что в «Учредительном Манифесте» I Интернационала Маркс чрезвычайно высоко оценил билль о десятичасовом рабочем дне [5], принятый английским парламентом 8 июня 1847 г. В нашей литературе справедливо подчеркивается революционная преемственность между «Манифестом Коммунистической партии» и «Учредительным Манифестом» [6], но совершенно недостаточно отмечается тот важный факт, что «Учредительный Манифест» представлял собой принципиальный шаг вперед в развитии теории научного коммунизма, так как он базировался на разработанной уже к этому времени Марксом его экономической теории.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 13—14.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 150—151.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 9, стр. 174—175.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 154.
[5] См. там же, стр. 8—9.
[6] «Первый Интернационал», часть I. М., 1964, стр. 66—69.

Так осуществленный в «Учредительном Манифесте» анализ положения рабочего класса в 1848—1864 гг. подтвердил два важнейших вывода экономической теории Маркса. Во-первых, подтвердилось, что экономический прогресс в буржуазном обществе не в состоянии устранить нищету трудящихся. Во-вторых, были отмечены «два крупных факта», свидетельствующие о развитии в недрах капитализма материальных предпосылок будущего общества: фабричное законодательство как элемент общественного предвидения и кооперативное движение как доказательство ненужности буржуазных отношений для ведения крупного современного производства.

Как дальнейшее развитие новой концепции экономической борьбы рабочего класса следует также рассматривать выдвинутое Марксом в 1866 году требование законодательного установления 8-часового рабочего дня, а также ту высокую оценку деятельности профсоюзов, которую он дал в 60-е годы [1].

* * *

Фундаментальная роль экономической теории во всей системе марксизма объективно вытекала из открытой Марксом и Энгельсом в 1843—1846 годах структуры общества, из того, что «экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка» [2], в то время как взаимодействие производительных сил и производственных отношений в рамках общественного производства образует скрытую основу исторического развития всякого общества, в том числе и буржуазного. С тех пор всестороннее исследование экономического закона движения капиталистического общества составило главный предмет научной работы Маркса вплоть до конца его жизни, и именно это исследование дало Марксу наибольший материал для теории научного коммунизма.

Уже в период открытия и первой детальной разработки материалистического понимания истории в 1843—1846 гг. Марксом и Энгельсом была сформулирована и исследована всемирно-историческая роль пролетариата как единственного класса, способного уничтожить капиталистический строй и создать общество без классов [3]. В основу этого исследования, впервые подробно изложенного Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», был положен тот факт, что капиталистическое общество

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 196, 200.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44.
[3] См. *В. Г. Мосолов.* «Изучение К. Марксом всемирной истории в 1843—1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории» («Маркс-историк», стр. 85—106); *Н. И. Лапин.* «Молодой Маркс». М., 1968, стр. 224—233.

характеризуется антагонистическим противоречием между производительными силами и производственными отношениями. По самой своей природе крупное производство предполагает универсальное, т. е. общественное присвоение производительных сил. При капитализме это невозможно, так как производство развивается здесь в рамках частной собственности. Развитие же крупной промышленности в условиях частной собственности ведет лишь к усилению разрыва между капиталом и трудом, к «расщеплению между капиталом и трудом», так как частная собственность означает не что иное, как «распоряжение чужой рабочей силой», т. е. эксплуатацию труда капиталом [1]. Развитие производительных сил при капитализме превращает громадное большинство общества в пролетариат — класс, для которого становится «невыносимым не только его отношение к капиталисту, но и самый труд». В условиях буржуазного общества пролетарий «с ранних лет является жертвой и... в пределах своего класса у него нет шансов добиться для себя условий, делающих возможным его переход в другой класс» [2]. Сами же производительные силы в этих условиях превращаются в свою противоположность, становятся «разрушительными силами». Это присущее капитализму антагонистическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями и служит основой социалистической революции.

Материальной предпосылкой коммунизма является «огромный рост производительной силы», «высокая степень ее развития». Поэтому развитие капитализма, происходящее на основе «самого широкого разделения труда» и развития крупной промышленности, представляет собой прогрессивный фактор, так как уничтожение частной собственности только и возможно с развитием крупной промышленности. Только на высокой ступени развития производительных сил антагонистическое противоречие между ними и капиталистическими общественными отношениями становится действительно «невыносимым»; «отчуждение» социальной деятельности становится именно «такой силой, против которой совершают революцию». Только с развитием крупной промышленности становится возможным существование развитого рабочего класса, происходит формирование революционной массы, восстающей против капиталистического строя. Только на высокой ступени развития производительных сил возможно достижение того изобилия предметов потребле-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»)». М., 1966, стр. 42, 92.

[2] Там же, стр. 78, 81, 84.

ния, которое составляет необходимую предпосылку коммунизма [1].

Из условий классовой борьбы в капиталистическом обществе следует, что пролетариат — хотя он и ставит перед собой задачу уничтожения всей старой общественной формы и всякого господства вообще — «должен прежде всего завоевать себе политическую власть». При этом только в революции пролетариат «может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» [2].

Вместе с частной собственностью коммунистическая революция уничтожает и «отчуждение», порабощение индивида его собственным продуктом. Коммунистическая революция уничтожает принудительно навязанное индивидам общественное разделение труда, принудительное закрепление социальной деятельности и в первую очередь противоположность между городом и деревней. Только в условиях общественной собственности возможна личная свобода индивидов. Только уничтожение наемного труда делает возможным сохранение пролетария как личности [3].

Приходится только удивляться той глубине и полноте, с которой в «Немецкой идеологии» были сформулированы основные положения теории научного коммунизма — в особенности тех ее аспектов, которые относятся к всемирно-исторической роли пролетариата. Но здесь сразу же во весь рост встала задача экономического обоснования теории, подведения экономического фундамента под только что воздвигнутое здание теории научного коммунизма. Первую попытку такого обоснования Маркс предпринял уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». С полной определенностью Маркс говорит здесь о коммунизме как неизбежном результате внутреннего экономического развития буржуазного общества: «Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике» [4]. Констатация необходимости выведения коммунизма из внутренних тенденций экономического развития капиталистического общества означала важный шаг в разработке и экономическом обоснова-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»)». М., 1966, стр. 32, 45, 46, 52, 65, 79.

[2] Там же, стр. 43, 50.

[3] Там же, стр. 49, 93—94.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 588. Глубокий анализ «Экономическо-философских рукописей 1844 года» под углом зрения обоснования коммунизма содержится в упоминавшейся выше книге Н. И. Лапина о молодом Марксе, гл. VI.

нии теории научного коммунизма. Но для того чтобы сделать это, Марксу надо было сначала раскрыть сами эти внутренние тенденции, раскрыть экономический закон движения буржуазного общества, иными словами — разработать теорию стоимости и прибавочной стоимости. (Отсутствие этой теории в первой половине 40-х годов в особенности сказалось на тех страницах «Экономическо-философских рукописей 1844 года» [1], где Маркс выводит неизбежность социалистической революции из обнищания рабочего класса в условиях капитализма, из снижения заработной платы рабочих ниже ее минимальной величины.)

* * *

Рукопись «Критика политической экономии», написанная Марксом с октября 1857 по май 1858 года на основе многолетнего изучения капиталистической экономики и буржуазной политической экономии, а также вышедший в свет в 1859 году первый выпуск «К критике политической экономии», созданный на основе этой рукописи,— в совокупности представляют собой первоначальный вариант «Капитала», в котором впервые были разработаны основные положения марксистской экономической теории. Вместе с тем первоначальный вариант «Капитала» содержит в себе решающие пункты, касающиеся экономического обоснования теории научного коммунизма.

В рукописи «Критика политической экономии» Маркс впервые осуществил детальную разработку своей теории стоимости, и это сразу же позволило ему дать научную критику экономических воззрений Прудона, этого псевдосоциалистического «лжебрата», отмежевание от которого Маркс и Энгельс неизменно считали важной задачей научного коммунизма [2]. В полемике с Прудоном и его последователями речь шла не о проблемах абстрактной теории; нужно было обосновать необходимость революционного свержения буржуазного строя и тем самым опровергнуть тезис прудонистов о возможности путем реформы денежного обращения и банков уничтожить антагонистические противоречия капитализма. Критика теории Прудона, направленной на реформирование буржуазного общества, которая содержится в «Нищете философии», была недостаточна, так как в этой работе Маркс еще в значительной мере опирался на экономические воззрения Рикардо. Только в процессе разработки своей собственной экономической теории в конце 50-х годов Маркс показал, что антагонистический характер капиталисти-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 558.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 29; т. 19, стр. 231—232; т. 22, стр. 198; т. 29, стр. 469; т. 31, стр. 456.

ческих противоречий нельзя ликвидировать посредством реформ, что попытки прудонистов сохранить буржуазное общество, исправив его недостатки, являются вредной утопией, лишь дезорганизующей рабочий класс, отвлекающей его от подготовки социалистической революции.

В процессе критики прудонистской теории Маркс разработал основные элементы своей теории стоимости. Он показал, что в ходе развития общественного производства и общественного разделения труда в рамках частной собственности с необходимостью происходит превращение продукта в товар, товара — в меновую стоимость, а меновой стоимости — в деньги. Этот анализ Маркс осуществил, исходя из той методологической установки, которая играет фундаментальную роль в его экономической теории и которая требует различать общественную форму и вещественное содержание любого экономического явления, в частности — стоимость и потребительную стоимость товара, абстрактный (общественный) и конкретный (частный) труд и т. д. При этом Маркс показал, что абстрагирование от общественной формы экономических явлений невозможно при их исследовании. (Противоположной ошибкой было бы абстрагирование от вещественного содержания экономических явлений.) Экономические категории, являющиеся выражениями экономических явлений, могут быть выведены только из производственных отношений — последние и представляют собой общественную форму экономических явлений,— а не из вещественного содержания этих явлений. Эта методологическая установка была полностью противоположна методологии прудонистов, вслед за буржуазными экономистами отождествлявших потребительную стоимость и стоимость товара.

Важнейшим моментом в Марксовом анализе товара в рукописи «Критика политической экономии» было выяснение необходимой внутренней связи между условиями товарного производства, распределения и обращения; для этой цели Маркс сформулировал понятие общественно необходимого рабочего времени как меры стоимости товара, которой характеризуется «экономическое качество» товара, его обмениваемость. Это понятие резюмирует ту внутреннюю связь, которая существует между стоимостью как элементом производственных отношений и данным уровнем производительных сил. Результатом функционирования производительных сил, конкретного труда является определенная потребительная стоимость, которая в рамках данной системы производственных отношений, в рамках частной собственности, одновременно выступает как вещественный носитель стоимости товара,— точно так же, как конкретный, частный труд, создавший эту потребительную стоимость,

одновременно является вещественным носителем абстрактного общественного труда, частицы совокупного труда общества. В процессе реализации товара, превращения его в деньги, и происходит выявление общественной природы труда, создавшего этот товар, происходит сведѐние конкретного частного труда к абстрактному общественному труду. В Марксовой теории стоимости это нашло свое выражение в установлении принципиальной необходимости превращения товара в деньги, в принципиальной необходимости обмена, в котором находит свое внешнее проявление внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью товара, между частным и общественным характером труда, создающего этот товар.

Тем самым была полностью доказана несостоятельность попыток прудонистов с помощью «рабочих денег» непосредственно, минуя процесс реализации, превратить товар в деньги, обеспечить непосредственную обмениваемость всех товаров, ликвидировав тем самым наиболее острое в то время противоречие капиталистической экономики — кризис перепроизводства. Более того, по мысли Прудона и его последователей, введение «рабочих денег», сохранив частную собственность и товарное хозяйство, в то же время привело бы к социалистическим отношениям, к созданию совершенно новых условий производства и обмена. «На долю господина *Прудона* и его школы выпала задача,— отмечал Маркс,— всерьез проповедовать низвержение *денег* и превознесение *товара* в качестве сущности социализма» [1].

Разработка Марксом теории стоимости в рукописи «Критика политической экономии» означала гораздо большее, чем возможность критики различных форм домарксовского социализма или же различных направлений буржуазной политической экономии. В результате такой разработки Маркс получил возможность на основе теории стоимости осуществить анализ собственно капиталистических отношений, объяснить механизм капиталистической эксплуатации, создать теорию прибавочной стоимости. Маркс показал, что, поскольку товар выступает как элементарная «экономическая клеточка» буржуазного общества, то стоимостные отношения с необходимостью составляют исходный пункт в анализе капитализма; поэтому и в теории, так же как и в капиталистической действительности, «понятие стоимости предшествует понятию капитала» [2]. Теория стоимости, следовательно, играет фундаментальную роль в экономической теории Маркса, поэтому впоследствии он не раз возвращался

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 70.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 199.

к дальнейшей разработке и обоснованию этой теории, получая каждый раз все новые и новые результаты.

Содержанием капиталистического производственного отношения является обмен деятельностью между трудом и капиталом, между рабочим и капиталистом. Трудность применения теории стоимости к анализу этого обмена заключалась в том, что видимость здесь резко противоречит сущности: неэквивалентный по существу обмен между рабочим и капиталистом осуществляется — а следовательно, и должен быть объяснен — в рамках закона стоимости, в рамках обмена эквивалентов. Исходная ситуация была охарактеризована Марксом следующим образом: «Капитал... представляет собой силу, присваивающую себе чужой труд *без обмена, без эквивалента,* однако под видом обмена» [1].

Данный Марксом анализ механизма капиталистической эксплуатации также исходит из различения вещественного содержания и общественной формы процесса капиталистического производства. Маркс показал, что отношение между трудом и капиталом заключает в себе два качественно различных момента: 1) вытекающий из общественной капиталистической формы собственно обмен между рабочим и капиталистом, в ходе которого капиталист получает в свое распоряжение труд рабочего, сохраняющий и умножающий капитал; 2) вытекающий из вещественного содержания капиталистического производства самый процесс труда, в ходе которого и осуществляется это сохранение и умножение капитала. Четкое различение вещественного содержания и общественной формы отношения между трудом и капиталом сразу же позволило установить, что объектом сделки между рабочим и капиталистом не является труд рабочего, ибо этот труд представляет собой вещественное содержание процесса производства и происходит на второй его стадии. Не являясь собственником средств производства, рабочий не может быть ни собственником своего труда, ни собственником продукта этого труда. Он является собственником лишь своей способности к труду, своей рабочей силы. Ее-то он и продает капиталисту.

Анализ товара рабочая сила в рукописи «Критика политической экономии» был осуществлен Марксом на основе разработанной перед этим теории стоимости. Продажа рабочей силы капиталисту происходит по ее стоимости, определяемой стоимостью тех жизненных средств, которые необходимы для существования рабочего. Капиталист получает в свое распоряжение потребительную стоимость товара рабочая сила, которая заклю-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 45.

чается в способности рабочего увеличивать стоимость капитала и реализация которой происходит в процессе труда. Прибавочная стоимость определяется Марксом как разность между той стоимостью, которую труд рабочего создает в процессе производства, и стоимостью, которую капиталист уплачивает рабочему в виде заработной платы. Капиталистический способ производства создает необходимые и достаточные условия для существования прибавочной стоимости. Во-первых, капиталистические производственные отношения с необходимостью приводят к тому, что труд рабочего, так же как и продукт этого труда, принадлежит капиталисту. Во-вторых, закон стоимости вполне допускает, чтобы стоимость, созданная в результате затраты труда рабочего, превышала стоимость рабочей силы. Эти стоимости, как показал Маркс, вообще независимы по своим размерам друг от друга. В-третьих, вещественное содержание процесса капиталистического производства, уровень развития производительных сил в условиях капитализма превращают возможность существования прибавочной стоимости в действительность. Производительность общественного труда при капитализме такова, что реально существуют две формы прибавочной стоимости — абсолютная и относительная, причем капитал стремится к увеличению как той, так и другой.

Основы учения о прибавочной стоимости, заложенные в рукописи «Критика политической экономии», позволили Марксу сформулировать и обосновать экономический закон движения буржуазного общества, а это в свою очередь имело решающее значение для обоснования теории научного коммунизма. Маркс показал, что присвоение классом капиталистов прибавочной стоимости, созданной рабочими, происходит в полном соответствии с внутренними законами капиталистического способа производства, и прежде всего с законом стоимости; стало быть, капиталистическая эксплуатация вытекает из самого существа капиталистических производственных отношений. Отсюда прямо следовало, что освобождение рабочего класса от капиталистической эксплуатации не может быть осуществлено в рамках капиталистического строя. Иными словами, следовал вывод о *необходимости* социалистической революции.

Из теории прибавочной стоимости, далее, вытекала объективная тенденция капиталистического способа производства к всемерному усилению эксплуатации рабочего класса — прежде всего путем развития производительных сил. Объективно присущее капиталу стремление к созданию максимума прибавочной стоимости реализуется, во-первых, путем увеличения общей массы труда и, во-вторых, путем сведения к минимуму затрат необходимого труда. Категории абсолютной и относи-

тельной прибавочной стоимости по-разному выражают эту объективную тенденцию капитала. Но, как показал Маркс, гигантское развитие производительных сил, которым сопровождается усиление эксплуатации труда капиталом, означает также создание и накопление элементов будущего, коммунистического способа производства. Эти элементы обусловливают *возможность* социалистической революции. «Если бы в этом обществе, как оно есть,— говорит Маркс,— не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством» [1].

В условиях капиталистического способа производства материальные предпосылки будущего общества резюмируются в создании прибавочного труда, что составляет, по мысли Маркса, «великую историческую сторону капитала» [2]. Капиталистическая общественная форма этой категории выражается в принудительном труде рабочего, в присвоении капиталистом прибавочной стоимости, в эксплуатации рабочего класса. Вещественное же ее содержание заключается в создании *потенциального свободного времени* сверх того времени, которое необходимо для простого поддержания существования рабочего. Иными словами, капитал создает материальные элементы для всестороннего развития личности при коммунизме.

Решительно подчеркнутый в рукописи «Критика политической экономии» прогрессивный характер капитализма по сравнению с докапиталистическими формациями представляет собой один из самых важных результатов, полученных Марксом из анализа экономического закона движения буржуазного общества. Только капитализм сумел обеспечить такое развитие производительных сил, которое является необходимым для перехода к коммунизму и всестороннего развития всех членов общества. Этим теория Маркса существеннейшим образом отличается от утопических воззрений домарксовского социализма, от современных Марксу мелкобуржуазных теорий и т. п. (Исключение составляют взгляды Роберта Оуэна, что специально отмечал Маркс.) «Следует признать заслугой Маркса по сравнению с обыкновенными социалистами то,— писал Энгельс,— что он показывает наличие прогресса и там, где крайне одностороннее развитие современных условий сопровождается ужасными непосредственными последствиями. Это имеет место везде при изображении вытекающих из фабричной системы в целом контрастов богатства и бедности и т. д.» [3]. Рассматривая

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46. ч. I, стр. 103.
[2] Там же, стр. 280.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 232.

вопрос о применении детского труда при капитализме, Маркс в составленной им инструкции делегатам Женевского конгресса I Интернационала отметил прогрессивный характер этой тенденции, несмотря на те уродливые формы, которые эта тенденция принимает при капитализме [1].

Однако выполнив свою историческую миссию, всесторонне обобществив труд, капитализм, как показал далее Маркс, превращается в тормоз на пути дальнейшего развития человечества. Маркс называет четыре фактора, представляющих собой те объективные границы, которые капиталистический способ производства ставит развитию производительных сил: 1) ограничение стоимости рабочей силы рамками необходимого труда; 2) ограничение прибавочного рабочего времени рамками прибавочной стоимости; 3) необходимость реализации товара, превращения его в деньги; 4) ограничение производства потребительных стоимостей меновой стоимостью. Все эти четыре фактора в совокупности характеризуют капиталистические производственные отношения, не совпадающие с развитием производительных сил, а на определенном уровне вступающие в антагонистическое противоречие с этим развитием.

До каких же пор возможно прогрессивное развитие капитализма? Маркс дает совершенно точный ответ. Наивысшее развитие базиса, отмечает Маркс, «есть тот пункт, где сам базис приобретает такую форму, в которой он совместим с *наивысшим развитием производительных сил,* а потому также — с наиболее богатым развитием индивидов [в условиях данного базиса]. Как только этот пункт достигнут, дальнейшее развитие выступает как упадок, а новое развитие начинается на новом базисе» [2]. Маркс имеет здесь в виду любую общественную формацию, но прежде всего — капиталистический базис, на смену которому приходит коммунизм.

С развитием буржуазного общества происходит *разложение* капитала как господствующей формы производства. Развитие производительных сил приводит к тому, что процесс производства превращается в технологическое применение науки, а непосредственный труд становится лишь второстепенным, хотя и необходимым моментом процесса производства. Тем самым подрывается основа капиталистического способа производства, базирующегося на законе стоимости, на рабочем времени в качестве единственно определяющего элемента. Стремясь свести к минимуму рабочее время, капитал в то же время сохраняет его в качестве единственной меры и источника богатства. Таков первый момент разложения капитала.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16. стр. 197.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 34.

Развитие производительных сил в рамках капитализма приводит также к тому, что непосредственный труд теряет свой характер частного труда, который лишь путем обмена выступает в качестве частицы общественного труда. *«Таким образом, отпадает и другой базис этого способа производства»* [1]. Так внутри буржуазного общества создаются материальные условия для того, чтобы взорвать его экономическую основу. Эти же самые условия представляют собой исходный пункт для развития коммунистического общества.

Как мы видим, развитая в 1857—1858 гг. в рукописи «Критика политической экономии» экономическая теория Маркса не только вполне подтвердила основные положения теории научного коммунизма, сформулированные в 40-е годы, но и позволила существенно углубить и дополнить их. Это касается прежде всего вывода об огромной внутренней способности капитализма к развитию производительных сил, несмотря на присущие ему антагонистические противоречия. Именно на основе этого вывода Маркс в 1859 году в предисловии к работе «К критике политической экономии» сформулировал свое знаменитое положение о жизнеспособности общественных формаций, вытекающей из тех возможностей, которые они создают для развития производительных сил. Далее, было существенно развито важнейшее положение теории научного коммунизма о материальных предпосылках коммунизма, созревающих в недрах буржуазного общества, в особенности тех из них, которые связаны с подрывом основ капиталистического способа производства — рабочего времени как единственной меры и источника общественного богатства, а также частного характера труда. Наконец, были получены важные результаты, касающиеся научного прогнозирования коммунистического общества (на этом последнем вопросе мы не останавливаемся). «Подобно тому как система буржуазной экономики развертывается перед нами лишь шаг за шагом,— писал Маркс,— так же обстоит дело и с ее самоотрицанием, которое является ее конечным результатом» [2]. По мере того как Маркс разрабатывал и углублял свое экономическое учение, все основные моменты теории научного коммунизма также получали свое дальнейшее развитие.

* * *

В 1862—1863 годах Маркс предпринял обширное историко-критическое исследование буржуазной политической экономии, сопровождавшееся интенсивной разработкой экономической

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 218.
[2] Там же, стр. 222.

теории. Речь идет о центральном разделе рукописи 1861—1863 годов — «Теориях прибавочной стоимости», оказавшемся единственным наброском IV тома «Капитала»[1] (вся рукопись 1861—1863 годов представляет собой второй черновой вариант «Капитала»). В «Теориях прибавочной стоимости» Марксом был рассмотрен обширный круг проблем, связанных с антагонистическими противоречиями капитализма, с положением и борьбой рабочего класса в буржуазном обществе.

Исследуя воззрения физиократов, Маркс вскрыл корни буржуазной концепции «минимума заработной платы», рассматривавшей стоимость рабочей силы как некую неизменную величину, не зависящую от ступени исторического развития. Но сама по себе констатация этой стоимости как твердо фиксированной величины — даже в завуалированной форме минимума заработной платы — была необходима для осознания прибавочной стоимости как избытка стоимости, создаваемой рабочим, над стоимостью его рабочей силы. Критика внеисторического подхода буржуазной политической экономии к стоимости рабочей силы позволила Марксу впоследствии разработать основные принципы экономической борьбы рабочего класса с классом капиталистов.

Фиксирование минимума заработной платы было необходимо также и для установления того факта, что повышение заработной платы не ведет к повышению стоимости товаров, а только уменьшает норму прибыли, получаемой капиталистом. Установление этого чрезвычайно важного для теории научного коммунизма факта было крупной научной заслугой Рикардо, однако его всестороннее обоснование было дано лишь в теории Маркса. В частности, разработав свою теорию средней прибыли и цены производства, Маркс показал, что приводимые у Рикардо «исключения» из установленного им самим факта являются исключениями кажущимися, так как они касаются только лишь цен производства и не затрагивают стоимостей товаров. Так была теоретически доказана необоснованность весьма распространенного в буржуазном обществе предрассудка, будто повышение заработной платы повышает цены товаров. Источник этой догмы буржуазной политической экономии содержится в теории Смита, рассматривавшего заработную плату как один из конституирующих элементов стоимости товара. Из этой ложной концепции следовал ложный вывод о том, что борьба рабочих за повышение заработной платы бесполезна, так как то, что капиталист потеряет на таком повышении, он вернет себе в результате повышения цен на продавае-

[1] Опубликован в 26 томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

мые им продукты. В 1865 г. в своем докладе «Заработная плата, цена и прибыль», сделанном на двух заседаниях Генерального Совета I Интернационала, Маркс подробно рассмотрел все аспекты этой проблемы с точки зрения борьбы рабочего класса.

Маркс еще и потому очень ценил данный в теории Рикардо анализ относительной заработной платы (заработная плата выступала в этой теории как определенная *доля*, которую рабочий получает из совокупной стоимости продукта), что рабочий рассматривался здесь «в его общественном отношении», а рабочий класс в целом сопоставлялся с другими классами буржуазного общества. «Положение классов по отношению друг к другу обусловливается в большей мере относительной заработной платой, чем ее абсолютной величиной»[1]. Выяснению того места, которое рабочий класс занимает в структуре буржуазного общества, Маркс уделяет очень много внимания. Большой материал был, в частности, получен им в процессе решения проблемы производительного и непроизводительного труда в капиталистическом обществе.

С этой проблемой тесно связан вопрос о паразитических классах буржуазного общества. Капитализм в своем развитии воспроизводит различные паразитические классы, отсюда стремление вульгарных экономистов (объясняемое также и тем, что сам капиталист объявляется «непроизводительным» работником — с точки зрения «настоящих производительных рабочих») признать производителями материального богатства вообще все классы, в том числе и не входящие непосредственно в сферу материального производства. Рост производительности труда закономерно ведет к относительному уменьшению числа рабочих, занятых в сфере материального производства. Результатом этого в условиях капитализма является рост непроизводительной сферы (непроизводительной по отношению к сфере *материального* производства), пролетаризация части производительных классов (в результате процесса концентрации капитала), переход небольшой части пролетариата в ряды среднего класса.

В связи с проблемой производительного и непроизводительного труда Маркс анализирует надстройку буржуазного общества, так называемые «идеологические сословия», «идеологические составные части господствующего класса», порожденные антагонизмами в области материального производства. Что касается так называемого «свободного духовного производства данной общественной формации», то, как отмечает Маркс, «капиталистическое производство враждебно известным отраслям

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 463.

духовного производства, например искусству и поэзии». Если же речь идет о таких непроизводительных слоях, «которые сами ничего не производят — ни в области духовного, ни в области материального производства», то их существование вытекает из «недостатков социальной структуры», из-за «наличия социальных зол»[1].

Капиталистический способ производства отрывает умственный труд от физического, распределяет его между различными людьми. Соединение этих видов труда происходит на определенное время в непосредственном процессе производства; материальный продукт является продуктом совместного труда как работников умственного, так и работников физического труда. Поэтому, как отмечает Маркс, «это разъединение нисколько не мешает... тому, что отношение каждого из этих людей в отдельности к капиталу неизменно остается отношением наемного работника». Сюда присоединяется еще и то, что лица умственного труда «вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются»[2]. Маркс вскрывает здесь материальную основу, сближающую между собой пролетариев физического и умственного труда. И те, и другие выступают как производительные рабочие, создающие прибавочную стоимость для капиталиста; и те, и другие подвергаются капиталистической эксплуатации, несут на себе все тяготы экономической конъюнктуры.

Развитие капиталистического производства, связанное с ростом органического строения капитала, ведет к возрастанию «отчуждения и противоположности» между трудом и капиталом. Одним из проявлений этого является постоянное относительное перенаселение как результат капиталистического применения машин. (Этот последний факт в конце концов признал и Рикардо, сначала отрицавший его.) Маркс говорит о массе «полузанятых или совсем не занятых людей, барахтающихся в непрестанных поисках работы» на дне буржуазного общества. В этой связи Маркс констатирует *относительное* (но отнюдь не абсолютное!) уменьшение того фонда, из которого получают свой доход рабочие. Абсолютно же наемный труд расширяет свои размеры, имеет место «увековечение наемного рабства посредством применения машин»[3].

Одной из существенных тенденций капиталистического накопления является неодинаковое положение различных слоев рабочего класса («если одна часть рабочих умирает с голоду,— замечает Маркс,— то другая часть их может лучше питаться,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. I, стр. 280, 283.
[2] Там же, стр. 422, 206.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 621, 628, 636.

лучше одеваться»), а также рост непроизводительных работников и «промежуточных слоев, стоящих между рабочим и капиталистом». «Те классы и подклассы, которые не живут непосредственно своим трудом, возрастают в численности и живут лучше, чем прежде, и точно так же увеличивается число непроизводительных работников». Этим углубляется экономическая, социальная и политическая пропасть, отделяющая рабочих от капиталистов. Маркс констатирует «постоянное увеличение средних классов, стоящих посредине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой,— средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжелым бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч» [1]. Социальная устойчивость правящей верхушки увеличивается также в результате пополнения ее — через посредство средних слоев — наиболее способными выходцами из низших классов. «Чем более способен господствующий класс,— писал Маркс спустя два года,— принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство» [2].

Развивая в «Теориях прибавочной стоимости» свою теорию накопления, Маркс формулирует троякое воздействие накопления капитала на положение рабочего: во-первых, «увековечение условий труда как чужой по отношению к рабочему собственности, как капитала, ведет к увековечению его положения как наемного рабочего»; во-вторых, «накопление капитала ухудшает положение рабочего *относительно*, увеличивая относительное богатство капиталиста и его партнеров» и уменьшая «ту долю валового продукта, которая сводится к заработной плате»; в результате возрастает «количество и численность тех классов, которые живут на прибавочный труд рабочего»; в-третьих, «так как условия труда нагромождаются против отдельного рабочего во все более гигантских скоплениях, все в большей степени выступая как социальные силы, то для рабочего отпадает возможность самому овладеть ими, как это иногда бывало при мелком производстве» [3]. Как мы видим, Маркс сформулировал здесь свое учение об обнищании рабочего класса в условиях капитализма, он особенно подчеркнул здесь *качественную* сторону процесса обнищания, всю совокупность

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 622—623, 635, 636.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 150.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 364.

условий, в которых находится рабочий класс капиталистического общества.

Анализируя влияние роста общественной производительности труда на заработную плату рабочих, Маркс опроверг утверждение буржуазных экономистов, будто между этими величинами имеет место обратно пропорциональное соотношение. «Дело обстоит как раз наоборот,— подчеркивает Маркс.— Чем производительнее страна сравнительно с другой на мировом рынке, тем выше в ней заработная плата по сравнению с другими странами. Не только номинальная, но и реальная заработная плата в Англии выше, чем на континенте... Но заработная плата в Англии выше не в такой степени, в какой производительность английских рабочих превышает производительность рабочих других стран»[1]. Рост производительности труда, следовательно, выступает как фактор не абсолютного, а относительного обнищания рабочего класса. Маркс еще раз констатирует в этой связи низкий жизненный уровень сельскохозяйственного пролетариата по сравнению с промышленным пролетариатом. Точно так же и фермер сплошь и рядом получает прибыль ниже среднего уровня. Вычет из прибыли фермера (так же как и вычет из заработной платы сельскохозяйственного рабочего) образует существенный источник земельной ренты.

Элементы исторического подхода к капиталистическому способу производства, присущие некоторым буржуазным экономистам, привели их к выводу о ненужности для капиталистического производства процента и земельной ренты, и — соответственно — их носителей. Маркс отмечает, что осуществление этого «буржуазного идеала» свело бы противоречия буржуазного общества «к простой противоположности между капиталом и наемным трудом,— упрощение, которое, несомненно, ускорило бы гибель этого способа производства» [2].

Вывод о необходимости конфискации частной земельной собственности государством и ликвидации паразитического класса собственников земли берет свое начало от физиократов. Однако практически буржуазия так и не решилась на этот радикальный шаг. Исследуя условия действия рикардовского закона дифференциальной ренты, Маркс подчеркивает, что национализация земли при капитализме отнюдь не означала бы уничтожения частной собственности на землю. В противном случае она была бы просто невозможна, так как «если бы собственность на землю превратилась в *народную собственность,* то перестал бы существовать вообще базис капиталистического

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 7.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 373.

производства, та основа, на которой покоится превращение условий труда в обособленную от рабочего и противостоящую ему силу»[1]. Поэтому при капитализме можно было бы (теоретически) ликвидировать только одну форму ренты — абсолютную ренту, дифференциальная же рента может быть ликвидирована только в коммунистическом обществе. Дифференциальная рента как форма «ложной социальной стоимости» отпадает только вместе с уничтожением товарно-денежных и капиталистических отношений. Зато абсолютная рента, так же как и базирующийся на ней класс земельных собственников, представляется излишней с точки зрения капиталистического способа производства.

Разрабатывая в «Теориях прибавочной стоимости» свое учение о ренте, Маркс для этого конкретного случая развил теорию *капиталистической монополии*, существующей в рамках буржуазного общества[2]. Характеристика домонополистического капитализма как капитализма «свободной конкуренции» вовсе не означает, что эта конкуренция существует вне монополии. Ведь само существование капиталистического способа производства базируется на монополии собственности всего господствующего класса — класса капиталистов — на основные средства производства. «*Монополия* капитала одна только,— говорит Маркс,— дает капиталисту возможность выжимать из рабочего прибавочный труд»[3]. Теория капиталистической монополии чрезвычайно выпукло характеризует те экономические средства, с помощью которых класс капиталистов и класс земельных собственников обеспечивают свое монопольное господство в системе буржуазного общества, эксплуатацию рабочего класса и всех трудящихся. Эта теория показывает вместе с тем, что только *полное* уничтожение капиталистического способа производства способно ликвидировать *все* виды капиталистической монополии и *все* вытекающие из нее формы эксплуатации рабочего класса и других трудящихся классов в промышленности и сельском хозяйстве: монополию всего класса капиталистов, получающих среднюю прибыль; монополию крупных капиталистов, реализующих еще и сверхприбыль; монополию земельных собственников, получающих абсолютную ренту; наконец, монополию собственников лучшей земли (или, в случае национализации земли, монополию капиталистического государства), получающих еще и дифференциальную ренту. Мечты

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 107—108.
[2] Подробнее см. *В. С. Выгодский*. «История одного великого открытия Карла Маркса». М., 1965, стр. 127—135.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 96.

последователей Сен-Симона и Фурье об установлении «истинной социальной стоимости» [1] могут быть реализованы только в коммунистическом обществе.

* * *

Продолжая разработку экономической теории, Маркс создал еще и третий черновой вариант «Капитала» — рукопись 1863—1865 годов. Значительная часть этой рукописи была подготовлена Энгельсом к печати в виде III тома «Капитала», из других сохранившихся ее частей наибольший интерес представляет так называемая «Глава шестая» [2], которая была написана Марксом в качестве заключительной главы I тома «Капитала», подводящей итоги анализа процесса производства капитала и намечающей переход ко II тому. В ней содержится много такого материала, который не нашел подробного освещения в окончательном тексте I тома «Капитала». Этот материал мы прежде всего и рассмотрим, разумеется, под углом зрения теории научного коммунизма.

Центральное место в «Главе шестой», озаглавленной Марксом «Результаты непосредственного процесса производства», занимает анализ формального и реального подчинения труда капиталу как двух важнейших этапов в развитии капиталистического способа производства.

Формальное подчинение труда капиталу характеризуется господством капиталистических производственных отношений на *старой* производственной основе. Материальным выражением этого этапа в развитии капитализма является абсолютная прибавочная стоимость. Господство капиталистических отношений стимулирует повышение непрерывности и интенсивности труда, увеличение производства, развитие производительных сил общественного труда. Развивается производство относительной прибавочной стоимости, являющейся материальным выражением реального подчинения труда капиталу. Переход от формального к реальному подчинению труда капиталу стимулируется механизмом закона стоимости, стремлением капиталиста получить дополнительную прибавочную стоимость в виде разницы между общественной и индивидуальной стоимостью своего продукта.

Маркс выясняет двойственное влияние перехода к реальному подчинению труда капиталу на положение рабочего

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 384; см. также *В. С. Выгодский.* «Проблема «ложной социальной стоимости» в экономической теории К. Маркса» («Научно-информационный бюллетень» сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС № 17, 1968).

[2] Опубликована во II (VII) томе «Архива Маркса и Энгельса». М., 1933.

класса. Наряду с усилением эксплуатации происходит социальный рост рабочего класса. «Капиталистическое отношение здесь представляется подъемом на высшую социальную ступень»[1]. Во-первых, для отдельного рабочего принципиально возможны (и на самом деле имеют место) колебания его заработной платы вокруг стоимости рабочей силы. (В противоположность этому минимум заработной платы раба выступает как независимая от его труда, постоянная величина.) Эти колебания создают, как говорит Маркс, «широкую арену (в узких пределах) для *индивидуальности* рабочего», стимулируют у рабочего «развитие собственной способности к труду», создают возможность «посредством особой энергии, таланта и т. д. подняться в высшие сферы труда, совершенно так же, как остается абстрактная возможность, что тот или иной рабочий сам станет капиталистом и эксплуататором чужого труда»[2]. Маркс отмечает в этой связи, что экономическая задача профсоюзов, в частности английских тред-юнионов, заключается как раз в том, чтобы воспрепятствовать падению цены рабочей силы (заработной платы) ниже уровня ее стоимости[3]. Во-вторых, капиталистические отношения обусловливают совершенное равнодушие рабочего к содержанию своего труда, к особому виду своей деятельности. «Поэтому, поскольку разделение труда не сделало способности к труду совершенно односторонней, свободный рабочий *принципиально* восприимчив ко всякой перемене своей способности к труду и своей трудовой деятельности и готов к ней.., если она сулит лучший заработок». «Все эти изменившиеся отношения,— резюмирует Маркс,— делают деятельность свободного рабочего интенсивнее, непрерывнее, подвижнее и искуснее, чем деятельность раба, не говоря о том, что они делают его самого способным к совершенно другой исторической роли»[4].

Под углом зрения формального и реального подчинения труда капиталу Маркс рассматривает в «Главе шестой» и проблему производительного и непроизводительного труда в капиталистическом обществе. В частности, он отмечает, что отрасли нематериального производства — например производства предметов искусства или медицинской помощи — представляют собой пока еще лишь переходную форму к формальному подчинению труда капиталу.

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 117.
[2] Там же, стр. 113—115.
[3] Там же, стр. 235—237.
[4] Там же, стр. 115—119.

Цель капиталистического производства — а следовательно, и производительного труда — заключается не в существовании производителей, а в производстве прибавочной стоимости, поэтому весь тот необходимый труд, который не производит прибавочного труда, является излишним с точки зрения буржуазного общества. Соответственно этому, тот валовой продукт, который не содержит чистого продукта, а только воспроизводит рабочего, точно так же излишен, как и производящий его рабочий. «Если рабочие были необходимы на известной ступени развития производства, чтобы производить чистый продукт, то они становятся излишними на более развитой ступени производства, которая в них больше не нуждается. Иными словами, необходимо только то количество людей, которое может принести прибыль капиталу» [1]. Маркс отмечает, что эти положения коренным образом отличаются от соответствующих более ранним способам производства воззрений, руководствуясь которыми, например, городские магистраты запрещали изобретения, чтобы не лишать рабочих куска хлеба, а государство охраняло от иностранной конкуренции национальную промышленность, являющуюся источником существования значительных масс людей. В этом же духе А. Смит полагал, что вложение капитала в сельское хозяйство является более производительным, так как здесь капитал занимает большее количество людей. Тот факт, что чистый продукт выступает как высшая и конечная цель капиталистического способа производства, «есть лишь грубое, но верное выражение того, что *увеличение стоимости капитала* и, следовательно, создание прибавочной стоимости, безо всякого внимания к рабочему, есть движущая душа капиталистического производства» [2].

Подводя итоги исследованию формального и реального подчинения труда капиталу, Маркс отмечает, что если предпосылкой возникновения формального подчинения труда капиталу является определенная ступень развития производительных сил и потребностей, выходящих за рамки прежних производственных отношений и вынуждающих эти последние к превращению в капиталистические отношения,— то на основе формального подчинения труда капиталу развивается реальное господство капитала над трудом, происходит «полная экономическая революция», с одной стороны, закрепляющая это господство, а с другой стороны, создающая «реальные условия нового способа производства, ...материальный базис для преобразованного по-новому общественного процесса жизни и тем самым новой

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 149.
[2] Там же, стр. 153.

общественной формации»[1]. Маркс подчеркивает принципиальное отличие такого подхода к анализу капиталистического способа производства от воззрений буржуазных экономистов, которые сумели увидеть, как осуществляется производство *внутри* капиталистического отношения, но при этом не понимают, как возникает и создается само это отношение «и как вместе с тем в нем создаются материальные условия его разложения и тем самым устраняется его *историческое оправдание* как *необходимой формы* экономического развития»[2].

* * *

Экономические явления в III томе «Капитала» рассматриваются Марксом в той форме, «в которой они выступают на поверхности общества»[3], стало быть, в форме извращенной, скрывающей действительное положение вещей. Рассмотрение процесса капиталистического производства, взятого в целом, начинается здесь анализом категории издержек производства. В рамках капитализма эта категория выражает тот факт, что рабочий, вступив в процесс производства, образует составную часть функционирующего капитала; прибавочная стоимость выступает при таком рассмотрении как порождение всего авансированного капитала и приобретает превращенную форму прибыли, форму, которая существенно маскирует происхождение прибавочной стоимости из неоплаченного труда. Да и количественно норма прибыли всегда меньше нормы прибавочной стоимости. Категория издержек производства выступает в качестве нижнего предела рыночной цены товара, а потому — с точки зрения капиталиста — в качестве его внутренней стоимости. Отсюда прибавочная стоимость выступает в буржуазной политической экономии как избыток продажной цены над стоимостью, возникающей в процессе продажи, выступает в форме «прибыли от отчуждения». Именно отсюда исходит также взгляд Прудона на издержки производства как на действительную стоимость товара. «Это сведение стоимости товаров к издержкам их производства образует в действительности основу его «Народного банка»»[4].

Всестороннее рассмотрение категории издержек производства позволило Марксу вскрыть ряд существенных моментов, определяющих тенденцию капиталистического способа производства к удлинению рабочего дня и росту интенсивности труда.

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), стр. 175—177.
[2] Там же, стр. 177.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 29.
[4] Там же, стр. 47.

Возникающая отсюда экономия в применении постоянного капитала делает выгодным для капиталиста удлинение рабочего дня даже при повышенной оплате сверхурочного рабочего времени. Этому способствует также и моральный износ машин. «В силу своей противоречивой, антагонистической природы капиталистический способ производства приводит к тому, что расточение жизни и здоровья рабочего, ухудшение условий его существования само причисляется к экономии в применении постоянного капитала и, следовательно, к средствам повышения нормы прибыли» [1]. Дело здесь не только в том, что стоимость рабочей силы представляет собой составную часть издержек производства; условия процесса производства в значительной мере включают в себя и условия жизненного процесса рабочего, поэтому экономия на издержках производства одновременно является экономией на условиях его жизни.

Капиталистический способ производства впервые осуществляет экономию на условиях производства, вытекающую из общественного характера процесса труда. При этом насаждается капиталистическая дисциплина труда (например, путем соответствующей организации оплаты труда, применения поштучной оплаты), «которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся на себя» (как это показали кооперативные фабрики рабочих), которая в принудительной форме приводит к тому, что «средства производства расходуются именно так, как этого требует само производство». Антагонистическая природа капитализма сказывается в том, что непосредственно общественный характер труда (имеющий место в рамках собственно процесса производства) является источником расточения жизни и здоровья рабочего. «Только ценой колоссального расточения сил отдельного индивидуума обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества» [2].

Уже в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс показал, что категории средней прибыли и цены производства выражают объективный факт совместной эксплуатации рабочего класса совокупным капиталом, классом капиталистов: «мы имеем здесь,— пишет Маркс в III томе «Капитала», развивая идеи, сформулированные им в 1862 году,— математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 98.

[2] Там же, стр. 95, 101; см. также стр. 115.

с рабочим классом как целым» [1]. Каждый отдельный капиталист (так же как капитал каждой отдельной отрасли общественного производства) одинаково заинтересован и в эксплуатации «собственных» рабочих, так как посредством этой эксплуатации он имеет возможность получить добавочную прибыль, и в эксплуатации всего рабочего класса, обеспечивающей ему среднюю прибыль.

Излагая в III томе «Капитала» свою теорию средней прибыли и цены производства, Маркс снова анализирует изменение цен производства вследствие изменения заработной платы — факт, противоречащий на первый взгляд теории стоимости и как будто подтверждающий вульгарную точку зрения, что рост заработной платы означает рост цен. Маркс показывает при этом, что сумма цен производства (а стало быть, и сумма стоимостей) продуктов всех капиталов остается неизменной при любом изменении заработной платы, изменяются (в противоположных направлениях) только цены производства капиталов более низкого — по сравнению со средним общественным капиталом — и более высокого строения.

Так как норма прибыли является стимулом капиталистического производства, то тенденция к ее понижению означает, что развитие производительных сил в рамках капитализма имеет определенный предел, который «свидетельствует об ограниченности и лишь историческом, преходящем характере капиталистического способа производства». Маркс показал, что преодоление тенденции нормы прибыли к понижению в рамках капитализма с необходимостью осуществляется посредством кризисов, посредством периодического обесценения существующего капитала. Иначе и не может быть в условиях капиталистических отношений, когда расширение или сокращение производства зависит не от удовлетворения общественных потребностей, а от реализации прибыли.

Детальный анализ основного противоречия капитализма на данной стадии исследования (в частности рассмотрение тенденции нормы прибыли к понижению) привел Маркса к выводу о том, что в условиях капитализма «рабочие становятся уже лишними, как только исчезает необходимость заставлять их работать в течение 12—15 часов ежедневно». «Если бы развитие производительных сил,— продолжает Маркс,— уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел» [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 217.
[2] Там же, стр. 265, 289.

Переход от исследования капитала в его общей форме к анализу товарно-торгового капитала позволил Марксу рассмотреть положение торговых рабочих как одного из отрядов рабочего класса. Маркс отмечает, что с прогрессом капиталистического способа производства торговые рабочие из привилегированной, лучше оплачиваемой прослойки рабочего класса превращаются в низкооплачиваемую часть рабочих. Маркс констатирует следующие причины обесценения рабочей силы торговых рабочих: во-первых, вследствие роста разделения труда имеет место одностороннее развитие их рабочей силы, а потому ее стоимость уменьшается; во-вторых, распространение начального образования, знания языков и т. д. удешевляет обучение торговых рабочих, увеличивает их приток из низших классов, увеличивает конкуренцию между ними. Отмеченная здесь Марксом тенденция имеет, по-видимому, общее значение, так как с развитием капитализма понижаются издержки производства «особо обученной рабочей силы». Энгельс отмечал, что данное Марксом в 1865 г. «предвидение участи торгового пролетариата» полностью оправдалось [1].

Деление прибыли на процент и предпринимательский доход объективно приводит к представлению последнего как заработной платы за надзор над трудом. В этой связи Маркс анализирует вещественное содержание и общественную форму «труда по надзору и управлению». По своему вещественному содержанию это — «производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства», так как «во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской». По своей антагонистической форме этот вид труда возникает из противоположности «между работником, как непосредственным производителем, и собственником средств производства». Таким образом, при капитализме «труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами» [2]. В этой связи Маркс рассматривает английские кооперативные фабрики рабочих, доказывающие полную ненужность капиталиста в качестве функционера общественного производства.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 428, 330.
[2] Там же, стр. 422.

* * *

Первый том «Капитала», опубликованный Марксом в 1867 году, подытожил предыдущие экономические исследования Маркса в области теории прибавочной стоимости. Как мы видели, по мере разработки этой теории в 50-е и 60-е годы постепенно получала свое обоснование и теория научного коммунизма. В первом томе «Капитала» и сама теория прибавочной стоимости, и вытекающие из нее положения теории научного коммунизма даны в систематизированном виде, в процессе восхождения от абстрактного к конкретному.

Сформулируем еще раз вкратце эти основные положения.

1. В своей экономической теории Маркс объяснил капиталистическую эксплуатацию внутренними закономерностями капиталистического способа производства; прибавочную стоимость он вывел не из нарушения действия закона стоимости в условиях капитализма, как это делал А. Смит, не из отклонений рыночных цен от стоимостей, как это получалось у буржуазных экономистов, начиная от меркантилистов и кончая Мальтусом, Торренсом, Джоном Стюартом Миллем и многими другими, а, наоборот, он вывел ее из анализа стоимостных отношений капитализма. Об исключительной важности этого вывода для теории научного коммунизма, для обоснования необходимости социалистической революции мы говорили выше.

2. Маркс показал, что «в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент» [1]. Эта концепция означала вместе с тем решительную критику теории «минимума заработной платы», из которой исходила буржуазная политическая экономия и которая послужила обоснованием для так называемого «железного закона заработной платы», для отрицания борьбы рабочего класса за повышение заработной платы. В противоположность этому апологетическому взгляду Маркс показал, что «если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде» [2].

3. Маркс впервые в экономической науке ввел понятие нормы прибавочной стоимости (отношение прибавочной стоимости или прибавочного рабочего времени к переменному капиталу или необходимому рабочему времени) как «точного выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом» [3]. Однако норма прибавочной стоимости

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 182.
[2] Там же, стр. 184.
[3] Там же, стр. 229.

не характеризует абсолютной величины эксплуатации, меняющейся, например, вместе с изменением величины рабочего дня.

4. Маркс дал развернутое обоснование борьбы рабочих за нормированный рабочий день. Опираясь на свое учение о двойственном характере труда и на вытекающую из него различную роль постоянного и переменного капитала в процессе образования стоимости товара, Маркс показал полную несостоятельность догмы буржуазных экономистов, согласно которой прибыль представляет собой результат последнего часа (или часов) труда рабочего: так называемый «последний час Сениора». Эта догма была направлена против борьбы рабочих за 10-часовой рабочий день.

Маркс показал, далее, принципиальную невозможность точного фиксирования величины рабочего дня. Его минимальная (немыслимая для капитализма) граница определяется необходимым рабочим временем. Максимальная граница рабочего дня определяется двумя факторами: «физическим пределом рабочей силы», а также соображениями «морального свойства»: «рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры» [1]. Эта двойственность в определении верхней границы рабочего дня и делает невозможным точное определение его величины; величина рабочего дня колеблется между его физическим и социальным максимумом. Законы товарообмена санкционируют как ту, так и другую величину: право рабочего как продавца рабочей силы требовать цену, равную стоимости своего товара (социальный максимум); право капиталиста как покупателя максимально использовать купленный товар (физический максимум). «При столкновении двух равных прав решает сила. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня,— борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом» [2].

Часть раздела о пределах рабочего дня в I томе «Капитала» написана в форме полемического диалога между рабочим и капиталистом, причем, как отмечал Маркс, «во время большой стачки лондонских строительных рабочих в 1860—1861 гг., требовавших сокращения рабочего дня до 9 часов, их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего» [3]. Впоследствии — уже после выхода в свет I тома «Ка-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 243—244.
[2] Там же, стр. 246.
[3] Там же.

питала» — секции I Интернационала в Нью-Йорке и Лондоне выпускали листовки с текстом указанного диалога.

5. Маркс вскрыл объективную тенденцию капиталистического способа производства к максимальной эксплуатации рабочего класса, что неизбежно ведет к преждевременному истощению и уничтожению рабочей силы, в корне подрывает «жизненную силу нации» [1]. Только сопротивление всего общества и прежде всего рабочего класса может положить предел стремлениям капитала к безграничному высасыванию рабочей силы, принудить капиталистическое государство к законодательному регулированию рабочего дня. Документально проследив историю борьбы английских рабочих за законодательное регулирование рабочего дня, Маркс пришел к выводу, что английское фабричное законодательство «явилось результатом длительной классовой борьбы» [2].

Обосновывая борьбу рабочего класса за сокращение рабочего дня, Маркс исходит из своего определения стоимости рабочей силы, включающего в себя и моральный элемент. Из этого определения следует, что рабочему необходимо и поэтому должно быть выделено время «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья» [3]. Только после того как законодательное регулирование рабочего дня пробило себе дорогу в крупных отраслях промышленности, результатом чего было «поразительное развитие этих отраслей в период 1853—1860 гг., совершавшееся рука об руку с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих», буржуазные экономисты «поспешили провозгласить идею необходимости законодательного регулирования рабочего дня новым характерным завоеванием их «науки»» [4].

6. Исследуя в I томе «Капитала» историю английского фабричного законодательства, Маркс дал очень высокую оценку деятельности Роберта Оуэна, во многом предвосхитившего будущую эпоху, выразившего ряд коренных объективных тенденций рабочего движения. Роберт Оуэн и другие теоретики английского рабочего класса, отмечал Маркс, «первые бросили вызов капиталистической теории». Маркс указывает, что, «когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 251, 275.
[2] Там же, стр. 292, 301, 308.
[3] Там же, стр. 274.
[4] Там же, стр. 304—305.

своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию,— совершенно так же, как осмеивали его «соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая фигурирует в виде официальной фразы в каждом фабричном акте, третья даже служит прикрытием реакционного шарлатанства» [1].

7. Важное значение имеет общий вывод Маркса об объективной обусловленности рабочего движения, вырастающего «из самих производственных отношений». Рабочее движение и его результат — законодательное ограничение рабочего дня — выступают как важнейший этап на пути к будущему революционному преобразованию капиталистического общества. Отчет фабричных инспекторов 1859 года, который цитирует Маркс, выразил это следующим образом: «Сделав рабочего хозяином его собственного времени, они» (фабричные законы) «дали ему нравственную силу, которая направляет его к обладанию политической властью» [2].

8. Раскрыв механизм капиталистической эксплуатации, Маркс сформулировал законы, управляющие движением прибавочной стоимости. Анализ соотношения между нормой прибавочной стоимости, ее массой и числом применяемых рабочих дал следующий результат: «В известных границах, вынуждаемое капиталом предложение труда независимо от предложения рабочих» [3]. «В известных границах» — потому, что средний рабочий день всегда меньше по крайней мере 24 часов. А также потому, что объективная тенденция капитала к максимальному сокращению числа применяемых рабочих (в дальнейшем Маркс вскрывает объективно необходимый характер этой тенденции) находится в противоречии с тенденцией производить максимум прибавочной стоимости.

Но капитал не только независим (в известных границах) от наемного труда. Маркс показал, что «в процессе производства капитал развился в командование над трудом... в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует узкий круг его собственных жизненных потребностей... капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде» [4]. Капиталистический способ производства извращает действительные от-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 308.
[2] Там же, стр. 292, 310—311.
[3] Там же, стр. 314.
[4] Там же, стр. 319.

ношения между рабочей силой и средствами производства. Если мы рассматриваем вещественное содержание процесса производства, то рабочий в процессе труда применяет средства производства. Если же речь идет об общественной форме этого процесса, то средства производства потребляют рабочего, они представляют собой «средства высасывания чужого труда». «Плавильные печи и производственные здания, которые ночью отдыхают и не высасывают живой труд, представляют собой «чистую потерю»... для капиталистов. Поэтому плавильные печи и производственные здания создают «притязание на ночной труд» рабочих сил» [1]. Таким образом, тенденция к усилению эксплуатации вытекает из самого капиталистического производственного отношения.

Исследуя те способы, которыми капиталист достигает такого усиления эксплуатации (если величина рабочего дня дана, то увеличить норму прибавочной стоимости капиталист может только путем уменьшения необходимого рабочего времени), Маркс — в соответствии с требованиями абстрактной теории стоимости — абстрагируется от понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы, хотя, как отмечает Маркс, «этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы» [2]. И тем не менее капиталисту удается систематически понижать стоимость рабочей силы — теми же методами, которыми он достигает понижения стоимости всех товаров, т. е. путем повышения производительности труда, путем переворота «в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства». «Отсюда имманентное стремление и постоянная тенденция капитала постоянно повышать производительную силу труда с целью удешевить товары и посредством удешевления товаров удешевить самого рабочего» [3].

Таким образом, Маркс всюду прослеживает противоречивые тенденции капиталистического способа производства, в конечном счете вытекающие из противоречия между вещественным содержанием и общественной формой тех экономических явлений, которые порождают эти тенденции. Вещественное содержание капиталистического производства проявляется здесь в развитии производительности труда, в удешевлении товаров. И в этом как раз и заключается прогрессивная сторона данного способа производства. Но общественная форма капиталистического производства проявляется в том, что «экономия на труде,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 320.
[2] Там же, стр. 324.
[3] Там же, стр. 325, 330.

достигаемая благодаря развитию производительной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня» [1].

9. Уже исследование Марксом самой первой стадии в развитии капиталистического производства — простой капиталистической кооперации — показало, что одновременное применение многих рабочих порождает производительную силу общественного труда, безвозмездно присваиваемую капиталом. Но «в планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции» [2]. Маркс отмечает также тенденцию к усилению классовой борьбы: «Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а в связи с этим неизбежно растет давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление» [3]. Давление капитала проявляется, в частности, в деспотической форме капиталистического управления. Управление процессом капиталистического производства по своему вещественному содержанию представляет собой управление общественным процессом труда для изготовления продукта, и в этом своем качестве оно совершенно не нуждается в капиталисте как таковом. Маркс цитирует английский буржуазный еженедельник «Spectator», который по поводу инициативы рабочих города Рочдейла (Манчестерский промышленный округ), организовавших в 1844 г. потребительское кооперативное общество, писал следующее: «Они показали, что рабочие ассоциации могут успешно управлять лавками, фабриками и почти всеми формами промышленности, они чрезвычайно улучшили положение самих рабочих, но (!) они вовсе не оставляют заметного места для капиталиста» [4]. «Какой ужас!» — иронически добавляет Маркс. Однако по своей общественной форме капиталистическое управление есть управление эксплуатацией труда. Именно для этой цели капитал создает целую армию наемных работников, которой передаются функции надзора за рабочими.

С ростом масштаба капиталистического производства возрастает необходимость контроля со стороны капитала над целесообразным применением рабочими средств производства. Одним из средств, которые уже в то время применял капитал, было привлечение рабочих к «участию» в делах предприятия. Еще в 1857 году Маркс подверг критике систему «участия рабочего в прибыли» как форму социальной демагогии, представляющую собой «особый способ надувать рабочих и *незаконно удерживать* у них *часть их же заработной платы* в более ненадежной

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 331.
[2] Там же, стр. 341.
[3] Там же, стр. 342
[4] Там же, стр. 343.

форме прибыли, зависящей от состояния предприятия»[1]. Капиталистическая практика уже во времена Маркса полностью подтвердила справедливость этой оценки. Цитированный выше еженедельник сообщал, что после учреждения капиталистами и рабочими своего рода товарищества в Манчестерской компании для производства проволоки «первым результатом было внезапное уменьшение расточительства материалов, так как люди поняли, что им, как и всяким другим собственникам, незачем транжирить свое собственное имущество»[2].

10. Мануфактурная стадия в развитии капитализма вместе с ростом разделения труда привносит понятие «частичного рабочего». Следствием этого является повышение производительности труда и одновременно — «безусловное подчинение» частичного рабочего капиталу. Мануфактура культивирует необученных рабочих, «превращает в особую специальность отсутствие всякого развития»[3]. В результате происходит падение стоимости рабочей силы и расширяется область прибавочного труда.

Все три стадии в развитии капиталистического способа производства (простая кооперация, мануфактура, крупная промышленность) характеризуются постепенным отделением науки, духовных потенций производства от труда рабочих. «То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале». Маркс цитирует одного из последователей Оуэна, социалиста-рикардианца Уильяма Томпсона: «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука, вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему»[4].

11. Все те тенденции, которые на первых этапах развития капиталистического способа производства проявлялись в неразвитом, зародышевом виде, получили свое полное развитие на стадии крупной промышленности.

Анализ того влияния, которое оказывает на рабочих капиталистическое применение машин, позволил Марксу сделать вывод о «бесстыдном расточительстве человеческой рабочей силы», которым сопровождается развитие машинного производства при капитализме. Машинное производство впервые делает возможным широкое применение женского и детского труда, что означало прежде всего понижение стоимости рабочей силы взрослых рабочих и увеличение степени ее эксплуатации (именно поэтому рабочий класс прямо заинтересован в ограничении женского

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 46, ч. I, стр. 241.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 23, стр. 343.
[3] Там же, стр 351, 363, 369.
[4] Там же, стр. 374.

и детского труда, что доказывается также историей борьбы английских рабочих). Маркс показывает, далее, что этим самым «капитал узурпировал для своего самовозрастания труд, необходимый для потребностей семьи», в результате чего возросли «издержки производства рабочей семьи» [1].

Чрезвычайно важным результатом капиталистического применения машин было удлинение рабочего дня и рост интенсификации труда, обусловленные самой сутью капиталистического производства на машинной стадии его развития, вытекающие из условий применения машин, их материального и морального изнашивания, необходимости обеспечения непрерывного производства и т. д. При этом машинное производство, подчиняя капиталу новые слои рабочего класса, создавая избыточное рабочее население, сламывает тем самым сопротивление рабочих удлинению рабочего дня; если же рабочий класс добивается законодательного регулирования рабочего дня, капитал прибегает к интенсификации труда, к «конденсации труда» в рамках сокращенного рабочего дня. Увеличение скорости машин, увеличение количества машин, находящихся под контролем одного рабочего,— вот те средства, которыми капиталист добивается этого. Капиталисты использовали при этом и тот факт, что «дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности», что «простое сокращение рабочего дня поразительно увеличивает регулярность, однообразие, порядок, непрерывность и энергию труда» [2]. Объективный характер борьбы рабочего класса за принудительное сокращение рабочего дня, выясненный Марксом прежде, получил тем самым дальнейшее обоснование.

Рассматривая процесс производства как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, Маркс отметил свойственную капитализму тенденцию к нивелированию различных видов труда; это позволило Марксу рассматривать труд рабочего как «простой, средний общественный труд» [3]. На капиталистической фабрике эта тенденция выступает в полной мере. Техническое разделение труда на фабрике характеризуется сочетанием занятого у машин рабочего с немногими помощниками, простыми подручными, и количественно незначительной группы, занятой контролем за машинами, их починкой и т. д. (инженеры, механики, столяры). С одной стороны, применение системы машин обусловливает подвижность рабочих, свободное перемещение их от одной машины к другой, с другой — рабо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 406—407.
[2] Там же, стр. 421—422.
[3] Там же, стр. 209.

чий превращается в придаток машины, вследствие чего «завершается и его беспомощная зависимость от фабрики в целом, следовательно от капиталиста». «Здесь, как и всегда,— добавляет Маркс, характеризуя свой метод различения вещественного содержания и общественной формы явлений,— необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого процесса» [1].

12. Рассмотрев три стадии в историческом развитии капитализма и представив их как три стадии в развитии производства прибавочной стоимости, Маркс перешел к анализу самого процесса производства прибавочной стоимости.

Формулируя законы противоположного движения стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости в результате изменения производительности труда, Маркс фиксирует границы колебаний цены рабочей силы. Степень падения цены рабочей силы, нижней границей которого является понизившаяся стоимость рабочей силы, «зависит от относительного веса, который имеет давление капитала, с одной стороны, сопротивление рабочих — с другой». Но даже в том случае, когда цена рабочей силы остается выше ее понизившейся стоимости, рост производительности труда ведет к углублению пропасти «между жизненными уровнями рабочего и капиталиста». Если же повышается интенсивность труда, то «возрастание цены рабочей силы не связано необходимо с повышением этой цены над стоимостью. Оно может, наоборот, сопровождаться падением ее ниже стоимости. Последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует ее ускоренного изнашивания» [2]. В этом последнем случае имеет место нарушение закона стоимости в отношении товара рабочая сила, стоимость которого определяется нормальными условиями существования рабочего.

13. Особый интерес для теории научного коммунизма представляет Марксов анализ различных форм заработной платы. Маркс показал, что «существуют методы понижения цены труда, независимые от уменьшения номинальной... заработной платы» [3]. Иными словами, может иметь место диспропорция между тем количеством труда, которое рабочий отдает капиталисту, и тем эквивалентом, который он получает взамен. Далее, Маркс показывает принципиальное отличие неполной занятости

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 433.
[2] Там же, стр. 531, 532, 534.
[3] Там же, стр. 555.

от законодательного ограничения рабочего дня. Неполная занятость уничтожает связь между оплаченным и неоплаченным трудом, ликвидирует регулярность труда, ведет к смене периодов чрезмерного труда и полной безработицы. Низкая оплата часа труда стимулирует рабочего работать в сверхурочное время, которое оплачивается более высоко. В своих требованиях, выдвигаемых во время забастовок, рабочие стихийно исходят из действительного положения дел. Маркс указывает на законодательное ограничение рабочего дня как на наиболее реальное средство борьбы с указанной тенденцией капиталистического производства.

14. Исследуя то влияние, которое воспроизводство и накопление капитала оказывают на положение рабочего класса, Маркс исходит из того, что воспроизводство рабочей силы представляет собой лишь момент воспроизводства капитала, что «накопление капитала есть увеличение пролетариата» [1]. Даже самые благоприятные условия, в которые может быть поставлен рабочий класс в рамках капиталистического накопления, не могут уничтожить отношений капиталистической эксплуатации. «Повышение цены труда... в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наемный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать ее напряжение менее сильным». Это вытекает из самого существа капиталистического производства, целью которого является нажива класса капиталистов путем эксплуатации рабочего класса. Поэтому увеличение заработной платы, означающее уменьшение присваиваемого капиталистами неоплаченного труда, «никогда не может дойти до такого пункта, на котором оно угрожало бы существованию самой системы» [2].

Одним из самых существенных материальных результатов процесса капиталистического накопления является рост органического строения капитала и вытекающее отсюда абсолютное и относительное уменьшение спроса на рабочую силу по мере возрастания капитала. Так образуется промышленная резервная армия, вдвойне необходимая для капиталистического способа производства,— для его свободного развития в условиях промышленного цикла и для усиленной эксплуатации занятых рабочих.

Рассмотрение различных форм относительного перенаселения привело Маркса к выводу о закономерном характере пауперизма в капиталистическом обществе; Маркс формулирует и подробно обосновывает «абсолютный, всеобщий закон капитали-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 628.
[2] Там же, стр. 632.

стического накопления». обусловливающий «накопление нищеты, соответственное накоплению капитала» [1]. Необходимо специально подчеркнуть то обстоятельство, что хотя Маркс называет закон капиталистического накопления «абсолютным» законом, он тут же замечает, что, «подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами». Одним из таких обстоятельств несомненно является сопротивление рабочего класса, так как «с накоплением капитала развивается классовая борьба, а потому и самосознание рабочих» [2].

15. Резюмируя процесс исследования I тома «Капитала», Маркс изображает развитие капиталистического способа производства, характеризовавшееся переходом от внеэкономического принуждения к «свободному» наемному труду, от формального к реальному подчинению труда капиталу. Возрастает капиталистическая эксплуатация, но вместе с ней растет и «возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства». И, наконец, следует окончательный вывод о неизбежности социалистической революции, об «экспроприации экспроприаторов» [3], завершающий разработку теории научного коммунизма в I томе «Капитала» [4].

* * *

Основной критерий, которым неизменно руководствовался Маркс в своей научной работе, формулируется просто: интересы пролетарской революции, интересы пролетариата. Маркс был прежде всего революционер, а не кабинетный ученый, и его теоретическая работа непосредственно определялась развитием мирового революционного процесса. После того как в 1843 году — в результате огромной теоретической и практической работы — Маркс открыл всемирно-историческую роль пролетариата как единственной силы, способной уничтожить капиталистический строй и создать коммунистическое общество, после того как он пришел к выводу о пролетарской революции как единственной возможности смести с лица земли буржуазные порядки и тем самым заложил краеугольный камень теории научного коммунизма,— он сразу же приступил к работе по *теоретическому обоснованию* коммунистических идей. В то же время Маркс

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 658—660.
[2] Там же, стр. 668.
[3] Там же, стр. 772—773.
[4] Материал II тома «Капитала», изданного Энгельсом на основании марксовых рукописей 70-х годов, выходит за рамки настоящей статьи.

всегда стремился претворить эти идеи в жизнь. Устремленность к действию, утверждение необходимости и возможности революционного преобразования капиталистического общества пронизывает всю теорию Маркса.

Марксу пришлось затратить немало усилий, чтобы внедрить в сознание передовых представителей рабочего класса понимание необходимости самостоятельной разработки и глубокого овладения экономической теорией.

Рассказывая в 1851 году Иосифу Вейдемейеру о той огромной напряженной работе в области политической экономии, которую он вел в это время, Маркс с насмешкой говорит о том, что «демократическим «простакам», которым приходит наитие «свыше», таких усилий, конечно, не нужно. Зачем этим счастливчикам мучить себя изучением экономического и исторического материала? Ведь все это *так просто,* как говорил мне бывало достойный Виллих» [1].

Когда вышла в свет работа Маркса «К критике политической экономии», он с горечью сообщал Энгельсу о том, что г-н Либкнехт заявил Бискампу, что «никогда еще ни одна книга так *не разочаровывала* его», а сам Бискамп сказал мне, что не понимает, «к чему все это»». Обиженный за Маркса, Энгельс ответил ему возмущенным письмом [2].

Марксу и в дальнейшем не раз приходилось терпеть упреки в «несвоевременности» его экономических исследований [3]. То непонимание, которое длительное время встречала работа Маркса по созданию экономической теории, отражает — помимо объективных трудностей, с которыми было связано ее усвоение [4],— по-видимому, всегда бытовавшее отрицательное или в лучшем случае недоверчивое отношение к абстрактной экономической теории как к некоей схоластической выдумке, не имеющей актуального практического значения. В письме к Энгельсу от 16 мая 1868 г. Маркс указал на одну из причин такого непонимания, заметив, что «практически интересное и теоретически необходимое в политической экономии... далеко расходятся друг с другом» [5]. Скрупулезный анализ «экономической клеточки» буржуазного общества, осуществленный Марксом, мог представляться мудрствованием вокруг мелочей. Однако

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27. стр. 489.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 29, стр. 375—378.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 273.

[4] «*Научные* попытки революционизирования науки,— писал в связи с этим Маркс,— никогда не могут быть действительно общедоступными» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 528). См. также Соч., т. 31, стр. 448.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 75.

для теории прибавочной стоимости, а стало быть, и для теории научного коммунизма, эти «мелочи» имели основополагающее значение.

Что же касается самого Маркса, то он неизменно рассматривал свою работу над «Капиталом» как свою главную *партийную* обязанность, имеющую самое актуальное значение для борьбы рабочего класса [1]. «Хотя я и посвящаю много времени подготовительным работам к Женевскому конгрессу,— писал Маркс в 1866 г.,— но поехать на него я не могу, да и не хочу, потому что долгий перерыв в моей работе невозможен. То, что даст эта моя работа, я считаю гораздо более важным для рабочего класса, чем все, что я мог бы сделать лично на каком бы то ни было конгрессе» [2].

Маркс и Энгельс неизменно подчеркивали совершенно исключительную роль теории, воспринятой народными массами, в первую очередь рабочим классом, и ставшей в результате этого материальной силой. «Раз понята связь вещей,— писал Маркс,— рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике» [3]. Призыв к тому, чтобы «знание» руководило рабочими массами, решительно прозвучал в «Учредительном Манифесте» I Интернационала [4].

Рассказывая Марксу по его просьбе о происшедшем в начале 1867 г. конфликте между ткачами и фабрикантами в Манчестере, Энгельс специально подчеркивал: «рабочие были правы теоретически, и практически они тоже одержали верх». Маркс использовал присланный Энгельсом материал в I томе «Капитала», также специально отметив при этом, что требование рабочих о сокращении рабочей недели было в сложившейся ситуации «теоретически... совершенно правильно» [5].

Экономическую теорию Маркса Энгельс охарактеризовал как *твердыню* пролетарской партии [6].

Следует подчеркнуть, что провозглашение интересов пролетариата в качестве критерия исследований Маркса нисколько не противоречит подлинно научному характеру этих исследований. С другой стороны, неуклонное соблюдение указанного критерия обусловило необычайную эффективность теории Маркса,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 462; т. 30, стр. 465; т. 31, стр. 453 и т. д.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 437.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 461—462.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 10.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 232; т. 23, стр. 444—445 (примеч. 207).

[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 238—239.

ту огромную роль, которую она сыграла в изменении действительности. Эту особенность марксизма прекрасно выразил Энгельс. «Коль скоро речь идет о «человеке науки», экономической науки,— писал он,— то у него не должно быть идеала, он вырабатывает научные результаты, а когда он к тому же еще и партийный человек, то он борется за то, чтобы эти результаты были применены на практике» [1].

Разумеется, решающей проверкой марксистской теории могла быть — и была — только лишь пролетарская революция, знаменовавшая начало перехода от капитализма к коммунизму и доказавшая, что мировой революционный процесс совершается «по Марксу». Но существовали и другие способы «экспериментальной» проверки истинности экономического учения Маркса, в частности, имеющие отношение к повседневной экономической борьбе рабочего класса с классом капиталистов. Ведь то, что Маркс создал в области экономической теории, было не чем иным, как политической экономией рабочего класса. Именно поэтому, разрабатывая свою экономическую теорию, Маркс вместе с тем всегда стремился формулировать основные положения экономической политики рабочего класса в его борьбе с капиталистами и капиталистическим государством.

Верность указанному критерию позволила Марксу создать такую экономическую теорию, которая служит надежным руководством к действию, указывает метод, дает отправные пункты для изучения действительности и выработки стратегии и тактики борьбы рабочего класса как в отдельных странах, так и в международном масштабе.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 170.

С. З. Левиова

«NEUE RHEINISCHE ZEITUNG» И БОРЬБА МАРКСА ЗА КОНСОЛИДАЦИЮ ГЕРМАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 ГОДОВ

Деятельность Маркса в годы революции, его роль в рабочем движении Германии в 1848—1849 годах неоднократно привлекали к себе внимание исследователей и биографов Маркса. Руководящие принципы тактики пролетариата в буржуазно-демократической революции, выработанные Марксом в условиях германской революции 1848—1849 гг. и положенные В. И. Лениным в основу разработки большевистской тактики в 1905 г., сохранили непреходящее значение и сегодня. В наши дни позиция основоположников научного коммунизма в борьбе пролетариата за ликвидацию феодальных отношений, за национальное единство и прогресс германского народа во многом может служить образцом для действий коммунистов развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Освещение проблем тактики основоположников научного коммунизма непосредственно связано с решением кардинального вопроса о месте марксизма в развитии международного рабочего движения. До сих пор эти проблемы являются предметом острой идеологической борьбы. К ним снова и снова возвращаются марксистские авторы, а для представителей буржуазной и ревизионистской историографии они по-прежнему являются излюбленным объектом фальсификации истории рабочего движения. Вкривь и вкось толкуя одни факты, умалчивая о других, наши противники изо всех сил стремятся доказать, что марксизм с самого своего возникновения был оторван от рабочего движения и не оказывал никакого воздействия на его развитие. Этот тезис на все лады повторяли представители

различных направлений и школ, а в наши дни его взяла на вооружение западногерманская историография, в частности, направление, возглавляемое Вернером Конце.

Утверждение о мнимой «нереальности» программы Маркса и Энгельса в революции сочетается у этих авторов со стремлением доказать, будто сфера деятельности Маркса в 1848—1849 гг. ограничивалась демократическим движением. Отрицая влияние Союза коммунистов на борьбу германского пролетариата и рост его политического сознания, Конце и его последователи (Шидер, Бальзер и др.) противопоставляют Марксу и его соратникам реформистскую деятельность Борна и руководимого им Рабочего братства, в котором они видят чуть ли не предшественника идеи «интеграции» рабочего движения в буржуазном обществе [1].

Для того чтобы раскрыть роль марксизма в германском рабочем движении 1848—1849 гг., особенно важно рассмотреть на конкретном документальном материале позицию в рабочем вопросе основанной и руководимой Марксом в 1848—1849 годах «Neue Rheinische Zeitung».

В данной статье использованы не только статьи Маркса и Энгельса, но и различные материалы газеты, дополняющие картину их борьбы за влияние коммунистов на рабочее движение и за воспитание у пролетариата сознания его роли как ведущей силы в революционном процессе.

Воздействие редактируемой Марксом газеты на рабочее движение прослеживается в нескольких аспектах. Прежде всего по материалам многочисленных корреспонденций с мест можно видеть, какое большое место на страницах газеты занимало освещение положения различных слоев германского пролетариата и их борьбы за свои непосредственные интересы. В то же время эти материалы отнюдь не носили только информационного характера,— редакция газеты, стремясь преодолеть разобщенность и раздробленность германского пролетариата, знакомила рабочих с жизнью и борьбой их собратьев в различных частях страны и тем самым пробуждала у них сознание общности своих классовых интересов. Таким путем газета содействовала распространению опыта борьбы рабочих отдельных местностей на всю страну, классовому воспитанию немецкого пролетариата.

Другой важной формой влияния «Neue Rheinische Zeitung» на развитие пролетарской борьбы в Германии в годы революции было непосредственное участие ее редакторов в рабочем дви-

[1] См. об этом подробнее статью *Е. П. Канделя* «По следам одной буржуазной легенды (К вопросу о тактике Маркса и Энгельса в Союзе коммунистов в 1848—1849 гг.)». «Новая и новейшая история», 1968, № 5.

жении наиболее передовой области страны — Рейнской провинции, в первую очередь деятельность Маркса и его соратников в кёльнском Рабочем союзе. В этой деятельности общая марксистская платформа газеты получила свое практическое осуществление. Союз явился одним из связующих звеньев между «Neue Rheinische Zeitung» и пролетарскими массами, одним из центров сплочения и революционного воспитания передовых рабочих в духе коммунистических идей и тактических принципов Союза коммунистов. Придя к руководству Рабочим союзом, члены Союза коммунистов добивались его превращения в широкую организацию, руководствующуюся революционными принципами и являющуюся известным образцом для формирования пролетарских организаций в других частях Германии.

Кёльнскому Рабочему союзу отводилась важная роль в планах создания общегерманского объединения рабочих союзов, к осуществлению которого Маркс и его друзья приступили весной 1849 года. Именно в это время Маркс счел возможным, учитывая происшедшие прогрессивные изменения в классовом сознании пролетарских масс, предпринять практические шаги к созданию массовой пролетарской партии в Германии. Борьба за эту партию, прерванная победой контрреволюционных сил, составляет кульминационный пункт в деятельности редакции «Neue Rheinische Zeitung», направленной на сплочение и организацию немецкого пролетариата в период революции.

Показать все указанные аспекты воздействия боевого штаба пролетариата — «Neue Rheinische Zeitung» — на немецкое рабочее движение, выявить их взаимосвязь, единую направленность и является задачей настоящей статьи.

«Neue Rheinische Zeitung» была революционным органом, выражавшим интересы пролетариата и позицию его авангарда — Союза коммунистов. Об этом говорил сам состав редакции газеты, куда, наряду с Марксом и Энгельсом, входили видные деятели Союза коммунистов — Вильгельм Вольф, Эрнст Дронке, Георг Веерт, Фердинанд Вольф, Фердинанд Фрейлиграт и Генрих Бюргерс.

«Neue Rheinische Zeitung» представляла собой новое явление в истории революционной печати. Она была основана как ежедневная политическая газета общегерманского масштаба с широкой сетью корреспондентов, обеспечивающих всестороннюю и оперативную информацию. Этим она существенно отличалась от рабочей печати того времени, носившей узко цеховой характер. Газета провозгласила себя органом демократии, то есть широких народных масс города и деревни. Однако ориентация на большую читательскую аудиторию отнюдь не исчерпывала политических целей редакции. С самого начала

Маркс и его соратники считали своей важнейшей задачей защиту интересов рабочих, вовлечение их в политическую борьбу, разъяснение им подлинных классовых целей пролетариата. Эти черты резко выделяли газету на фоне современной ей демократической прессы. В газете систематически публиковались редакционные статьи на актуальные темы, бóльшая часть которых была написана Марксом и Энгельсом.

Отношение к союзникам и врагам, оценка текущих политических событий, выдвижение актуальных лозунгов революционной борьбы — во всех этих вопросах исходным моментом для редакции газеты была позиция пролетарских революционеров. Это и дало основание Энгельсу определить тактику возглавляемого коммунистами левого крыла демократии, которую проводила в жизнь «Neue Rheinische Zeitung», как «знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени» [1].

Слова Энгельса раскрывают одну из важнейших особенностей тогдашней социально-политической обстановки в Германии.

Уже в начале революции Маркс и Энгельс пришли к выводу, что в силу экономической отсталости и политической раздробленности страны уровень развития немецких рабочих масс и их политическое сознание значительно ниже, чем у их собратьев в передовых странах тогдашней Европы — Англии и Франции. Не только пропаганда коммунистических идей, но даже республиканские лозунги не могли встретить понимание и поддержку со стороны широких слоев пролетариата, в значительной степени охваченных отсталыми настроениями.

Предстояла большая, упорная и терпеливая разъяснительная работа, чтобы преодолеть эти представления и предрассудки и вывести пролетарские массы на широкую дорогу политической борьбы. Политическое воспитание рабочих в духе революционной демократии — такова была неотложная и насущная задача, за осуществление которой редакторы вновь созданной газеты взялись со всей страстностью и энтузиазмом талантливых пропагандистов и публицистов.

Считая делом первостепенной важности пробуждение у рабочих сознания того, что защита завоеванных народом в марте 1848 г. демократических свобод и доведение до конца германской буржуазной революции соответствуют их классовым интересам, редакция газеты на первых порах уделяла этим общепо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 16.

литическим вопросам большее внимание, чем борьбе рабочих за улучшение экономических условий их существования. В то же время Маркс стремился к тому, чтобы язык газеты и выдвигаемая ею программа были понятны и близки рабочим. Поэтому он не считал целесообразным с самого начала развивать на страницах «Neue Rheinische Zeitung» коммунистические идеи, понимание которых требовало предварительной подготовки, или выступать с лозунгом республики в тот момент, когда значительная часть рабочих еще находилась во власти монархических иллюзий. Будущее подтвердило правильность расчетов Маркса и Энгельса на то, что под влиянием революционных событий в сознании пролетарских масс произойдут такие сдвиги, которые вскоре позволят развернуть пропаганду в духе «Манифеста Коммунистической партии».

То обстоятельство, что редакция газеты не могла тогда с этого начать, отнюдь не означает, однако, как утверждают многие зарубежные историки, будто она отказалась от задачи классового воспитания немецкого пролетариата и от программы, провозглашенной весной 1848 г. в «Требованиях Коммунистической партии в Германии». Начало такой ошибочной трактовке тактики основоположников научного коммунизма в германской революции положило утверждение Ф. Меринга, будто Маркс в «Neue Rheinische Zeitung» не касался — по крайней мере, до весны 1849 г.— специфических классовых интересов рабочих [1]. Эта точка зрения в значительной степени объяснялась тем, что биограф Маркса был недостаточно знаком со всеми материалами газеты и основывал свои выводы лишь на сравнительно небольшом количестве известных ему статей Маркса и Энгельса, опубликованных на ее страницах. В то же время Меринг неоднократно подчеркивал значение деятельности Маркса и Энгельса и их соратников — членов Союза коммунистов — в годы революции, их воздействие на рост политического сознания германских рабочих.

В отличие от Меринга правосоциалистическая историография всячески стремилась принизить и умалить роль Маркса в германской революции и в развитии рабочего движения. Излюбленным утверждением представителей этого направления являлось положение о том, будто Маркс выступал в годы революции не как вождь рабочего класса, а как демократ [2]. Эта

[1] *Ф. Меринг.* «Карл Маркс. История его жизни». М., 1957, стр. 210—211.

[2] См., например, работу западногерманских историков *В. Конце* и *Д. Гроу* «Die Arbeiterbewegung in der nationalen Bewegung». Stuttgart, 1966, S. 39, а также статью В. Конце «Der Beginn der deutschen Arbeiterbewegung» (в книге «Geschichte und Gegenwartsbewußtsein». Göttingen, 1963, S. 336).

ходячая догма была подхвачена и буржуазными авторами в их фальсификаторских концепциях истории марксизма. Идеологические противники марксизма не способны понять основную особенность программы коммунистов в буржуазно-демократической революции — тесную связь и взаимную обусловленность демократических и социалистических задач пролетариата. А именно в силу этой особенности пролетарская классовая ориентация Маркса и Энгельса, проявившаяся с первых дней издания их газеты, могла привести, как показал В. И. Ленин, к практическим мерам по созданию массовой рабочей партии лишь весной 1849 года [1]. Но с самого начала Маркс и Энгельс готовили для этого почву, стараясь поддерживать и развивать революционные тенденции в немецком рабочем движении и преодолевать все то, что тормозило пробуждение классового сознания пролетариата.

* * *

Рабочее движение Германии к моменту революции представляло собой противоречивую и неоднородную картину. Несмотря на то что отдельные его представители оказались способными воспринять наиболее передовые идеи своего времени и примкнули к возглавлявшемуся Марксом и Энгельсом Союзу коммунистов, германский пролетариат, в значительной части носивший еще полуремесленный характер, в своей массе оставался классом в себе, не осознавшим общности своих интересов и насущных задач.

Мартовская революция 1848 г. и завоеванные ею демократические свободы пробудили его активность. По всей стране возникали многочисленные рабочие союзы; наряду с этим многие рабочие и ремесленники входили в демократические организации.

Однако уровень сознания рабочих был еще весьма низок, в своих стремлениях и требованиях они, как правило, не выходили за рамки ремесленно-цеховых интересов; в политическом отношении они в значительной степени находились под влиянием мелкобуржуазных демократов. Поэтому Маркс и Энгельс и их соратники считали первостепенными задачами, с одной стороны, развитие классового сознания рабочих, а с другой — вовлечение их в политическую жизнь, в борьбу за доведение до конца буржуазно-демократической революции. Это должно было способствовать преодолению идейной отсталости рабочих Германии, их зависимости от мелкобуржуазной идеологии.

Редакция «Neue Rheinische Zeitung» последовательно отстаивала интересы рабочих. Она уделяла большое внимание

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 128—129.

положению различных слоев германского пролетариата, деятельности рабочих союзов, борьбе рабочих за свои права.

Материалы газеты показывают, что революция всколыхнула даже многочисленную наиболее отсталую прослойку ремесленников и ремесленных подмастерьев, смутно сознававших свои классовые интересы. Зачастую они еще поддерживали мастеров, питавших цеховые иллюзии и требовавших от правительства принятия мер в защиту ремесла от внутренней и внешней конкуренции. Так, на съезде ремесленников в Гамбурге в июне 1848 г., организованном Союзом для защиты немецкого ремесленного сословия, обсуждался проект нового промыслового устава, предусматривавший сохранение цеховой регламентации и ряд охранительных мер для поднятия ремесел в Германии. В то же время на съезде раздавались голоса о необходимости защиты квалифицированных рабочих от конкуренции богатых мастеров, правда, с той целью, чтобы предоставить им самим возможность стать самостоятельными ремесленниками [1]. «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала это сообщение гамбургского корреспондента без всяких комментариев.

В одном из своих июньских номеров газета поместила, также без каких-либо комментариев, заметку из Берлина о конгрессе ремесленных союзов Германии, созванном по инициативе одного из берлинских союзов ремесленников (всего в столице Пруссии насчитывалось пять таких союзов). На конгресс, заседание которого открылось 18 июня, прибыло 35 делегатов от 95 союзов различных городов центра и севера Германии, Силезии, Познани и Саксонии [2].

Позднее, в начале февраля 1849 г., в связи с петицией делегации ремесленников прусскому королю, газета выразила свое критическое отношение к выдвинутой ими программе. Правда, и в этом случае берлинский корреспондент газеты ограничился тем, что сопроводил некоторые их требования восклицательными знаками или краткими замечаниями. Такого рода иронические восклицания вызвала высказанная авторами петиции уверенность в возможности «мирного сотрудничества и счастливой жизни социальных сословий», а также требование введения покровительственных пошлин. По поводу пункта, предусматривающего «преобразование благотворительных учреждений», корреспондент заметил в скобках: «почему не отмена?» [3].

[1] «Neue Rheinische Zeitung» (далее «NRhZ»), 5 и 6. VI. 1848. Корреспонденции из Гамбурга от 1 и 3 июня.

[2] «NRhZ», 22. VI. 1848. «Конгресс ремесленных союзов многих городов».

[3] «NRhZ», 3. II. 1849. Корреспонденция из Берлина от 31 января.

Воспроизводя документы, в которых ремесленники и рабочие формулировали свои требования, редакция отнюдь не солидаризировалась с ними в тех случаях, когда они носили узкоцеховой характер. Так, рассказывая о состоявшейся в феврале 1849 г. встрече берлинских портных для обсуждения промыслового устава, корреспондент газеты подчеркивал, что принятые на этом совещании решения носили весьма противоречивый характер, так как участники его еще весьма смутно сознавали необходимость улучшения своего положения. Поэтому были приняты, с одной стороны, решения с целью охраны цеховых интересов, а с другой — предложения об учреждении национальных мастерских [1].

В целом, однако, «Neue Rheinische Zeitung» не выступала с резкой критикой представлений и требований ремесленников, не желая оттолкнуть широкие массы рабочих. Редакция считала, что при существующих условиях создание и деятельность ремесленных союзов будет способствовать пробуждению активности этих слоев и что опыт классовой борьбы поможет им в дальнейшем избавиться от многих предрассудков и иллюзий.

В то же время редакция «Neue Rheinische Zeitung» поддерживала борьбу подмастерьев против мастеров, стремясь опереться на ту прослойку ремесленников, которая ближе всего стояла к промышленному пролетариату.

На страницах газеты публиковались заявления ремесленников, направленные против эксплуататорских поползновений мастеров [2]. Стараясь способствовать освобождению ремесленной массы от политического и идейного влияния мелкобуржуазной ремесленной верхушки, редакция фиксировала внимание на фактах, свидетельствовавших о растущих противоречиях между подмастерьями и мастерами.

В декабре 1848 г. в газете в этой связи был опубликован весьма любопытный документ. Ремесленные подмастерья, входившие в состав делегации, посланной комитетом силезского союза ремесленников в Берлин для вручения королю петиции со своими требованиями, прислали «Открытое заявление против

[1] «NRhZ», 24. II. 1849. Корреспонденция из Берлина от 21 февраля.

[2] Авторитет газеты нередко заставлял хозяев считаться с этими выступлениями. Так, в ответ на объявление о том, что одному сапожному мастеру требуются шесть подмастерьев, была помещена составленная, по-видимому, самими подмастерьями анонимная заметка, призывавшая подмастерьев не наниматься к нему. На другой же день в отделе объявлений газеты появился ответ хозяина, заверявшего, что условия работы у него являются вполне приемлемыми, в чем он приглашал удостовериться представителей подмастерьев. Через несколько дней комиссия сапожных подмастерьев сообщила, что непорядки в этой мастерской устранены. См. «NRhZ», 13, 15, 16 и 22. III. 1849 (Beilage).

обмана и хитрости». В нем разоблачались происки мастеров, которые навязали делегации, вместо петиции с требованиями ремесленников, благодарственный адрес королю. В знак протеста подписавшие заявление подмастерье-трубочист Хюллебранд и столярный подмастерье Штееr вышли из состава депутации [1]. Как сообщила вскоре газета, действия демократически настроенных подмастерьев были поддержаны их товарищами. Собрания подмастерьев Бреславля приняли специальные постановления (их текст был расклеен на улицах города), в которых заявляли, что лишают мандатов делегатов-мастеров, обманувших их доверие [2].

В январе 1849 г. подмастерья ряда городов заявили о своем отказе принять участие в конгрессе ремесленников в Берлине, созывавшемся при поддержке правительства. Сапожные подмастерья Кёльна мотивировали свой отказ тем, что предложения предыдущего конгресса ремесленников во Франкфурте в сентябре 1848 г. (они назвали его «допотопным конгрессом») «не могут выражать их интересы» [3]. Комитет бреславльских подмастерьев выступил с протестом против созыва конгресса в Берлине, поскольку там мастерам оказывалось предпочтение по сравнению с подмастерьями, и настаивал на создании «свободной ассоциации подмастерьев» [4]. Все эти заявления, опубликованные на страницах газеты, отражали изменения, происходившие в сознании рядовых ремесленников под влиянием опыта революции.

В одном из февральских номеров «Neue Rheinische Zeitung» под редакционной чертой был помещен анонимный документ, направленный против кёльнского сапожного мастера Шютцендорфа, который был известен своими ретроградными взглядами. В начале 1849 г., во время подготовки к выборам во вторую палату прусского ландтага, Шютцендорф фигурировал в качестве кандидата реакционных партий. Неизвестный автор упомянутого заявления, по всей вероятности ремесленник, предостерегал рабочих против Шютцендорфа, ссылаясь на то, что на сентябрьском ремесленном конгрессе во Франкфурте он представлял «не рабочих, а мастеров, и не мелких, а крупных мастеров». Любопытно, что Шютцендорфу инкриминировалась не только его враждебная позиция по отношению к интересам рабочих, но и то, что он «был самым решительным противником французских идей о рабочих ассоциациях» [5].

[1] «NRhZ», 28. XII. 1848 (Beilage).

[2] «NRhZ», 31. XII. 1848. Корреспонденция из Бреславля от 27 декабря.

[3] «NRhZ», 11. I. 1849 (Beilage).

[4] «NRhZ», 16. I. 1849. Корреспонденция из Бреславля от 12 января.

[5] «NRhZ», 4. II. 1849 (2. Beilage). «Шютцендорф!!».

Много внимания уделяла «Neue Rheinische Zeitung» положению промышленного пролетариата и его борьбе за свои права.

В отличие от буржуазных филантропов редакция газеты и ее корреспонденты стремились вызвать у читателя не жалость к страдающим рабочим, а ненависть к их эксплуататорам. Уже в первые месяцы издания газеты в ряде заметок и статей была обрисована нищета ткачей в горных округах Силезии. При этом подчеркивалось, что причиной их катастрофического положения является социально-политический строй Германии, охраняемый королевской властью «божьей милостью» [1].

На конкретных примерах газета показывала, что своекорыстная классовая политика буржуазии, приобщившейся после мартовской революции к политической власти, нашла свое выражение в антирабочих тенденциях.

В одном из первых номеров газеты было помещено сообщение о бедственном положении безработных в Эльберфельде. При этом автор корреспонденции отмечал, что магистрат, выражавший интересы буржуазии, вынужден был занять безработных на муниципальных работах, опасаясь, что в противном случае в Эльберфельде вспыхнут волнения [2].

В корреспонденциях «Neue Rheinische Zeitung» сообщалось о снижении берлинскими фабрикантами заработной платы наемным рабочим, о произвольных вычетах из заработной платы у рабочих Кёльн-Минденской железной дороги за опоздание на несколько минут, а также о том, что правительство Бранденбурга — Мантёйфеля направляет революционно настроенных рабочих на строительство железной дороги, чтобы удалить их из Берлина [3].

Эти многочисленные факты были обобщены в статье Маркса «Буржуазный документ». Обрисовав тяжелые условия, в которых находились рабочие, занятые на городских работах в Кёльне, Маркс предъявил германской буржуазии обвинение в *«бесстыдной жестокости по отношению к рабочему классу»* [4]. Позднее, в подготовительных материалах Маркса к памфлету «Господин Фогт» (1860 г.), эта статья была охарактеризована им самим следующим образом: «Немецкие буржуа. В частности, по поводу циничной *рабочей книжки,* которую должны заполнять кёльнские пролетарии, занятые на городских работах» [5].

[1] «NRhZ», 21. VI и 4. VII. 1848.

[2] «NRhZ», 2. VI. 1848. Корреспонденция из Эльберфельда от 31 мая.

[3] «NRhZ», 6. VII, 11. XI. 1848; 27. I. 1849. Корреспонденции из Берлина и Дортмунда.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 162.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1367, л. 24.

Со статьей Маркса перекликается опубликованная в газете в январе 1849 г. корреспонденция «Попечительство бреславльской буржуазии о бедных». Автор статьи, посетивший местные работные дома, куда помещались бездомные бедняки, делился с читателями своими впечатлениями об увиденном. Работные дома, организованные городскими властями на манер английских, были настоящими казематами, тюрьмами для бедных. «Как явствует из этого краткого описания,— заключал корреспондент,— во всем, что касается учреждений для бедняков, здешнюю буржуазию смело можно поставить на одну доску с английской» [1].

Опубликованная в газете в июле 1848 г. заметка из Крефельда изобличала обманные маневры местных капиталистов. В первые месяцы революции несколько тысяч рабочих шелкоткацких фабрик выступили со своими требованиями. Стремясь во что бы то ни стало прекратить начавшиеся волнения, фабриканты пошли на уступки — были введены расчетные листы и статуты, регулирующие положение ткачей. Однако очень скоро рабочим пришлось горько разочароваться — им было объявлено, что хозяева не намерены платить заработную плату в узаконенных размерах, а недовольным рабочим пригрозили увольнением [2].

«Neue Rheinische Zeitung» стремилась рассеять представления рабочих, будто все их бедствия связаны с применением машин. Публикуя сообщения из Бреславля о том, что рабочие, собираясь у здания фабрики, угрожают разрушить паровые машины, лишающие их куска хлеба, газета замечала: «Эти люди в своей близорукости и непонимании не видят иной причины своей нужды, кроме машин, которые находятся у них перед глазами». В качестве примера отсталых настроений рабочих приводилась также петиция ситцепечатников франкфуртскому Национальному собранию, которая содержала требование охраны ручного труда, направленное против машин и конкуренции иностранного капитала [3].

Вопрос о роли машин вскоре явился предметом обсуждения также и в кёльнском Рабочем союзе, где его руководители, члены Союза коммунистов Молль и Шаппер, разъясняли рабочим историческое значение машинного производства при капиталистическом строе. Шаппер в своей речи подчеркнул, что применение машин и разделение труда способствуют сплочению рабочих и пробуждению их классового сознания. Что же касается

[1] «NRhZ», 20. I. 1849. Корреспонденция из Бреславля от 16 января.
[2] «NRhZ», 30. VII. 1848. Корреспонденция из Крефельда от 23 июля.
[3] «NRhZ», 1. VII.1848. Корреспонденция из Бреславля от 24 июня.

отрицательных последствий введения машинного производства, то они будут устранены тогда, когда все машины станут общественной собственностью [1].

В поле зрения редакции «Neue Rheinische Zeitung» постоянно стояла задача организации сил рабочего класса, содействие стремлению рабочих к объединению, к основанию союзов для защиты своих прав. Заметки и корреспонденции газеты содержат обширные сведения о деятельности рабочих союзов. Из различных городов Германии сообщалось об организационной структуре этих союзов, об их программах, о предпринимаемых ими действиях, публиковались многочисленные документы рабочих организаций.

Так, в одной из корреспонденций в феврале 1849 г. подчеркивалось, что в условиях «господствующей системы эксплуатации рабочих» большую роль играют рабочие союзы, возникшие в ряде пунктов Рейнской провинции и стремящиеся «вырвать рабочее сословие из трясины невежества и нищеты и помочь ему осознать свое положение» [2]. Автор заметки отмечал, что в результате этой своей деятельности рабочие союзы стали «предметом ненависти и преследований со стороны господ фабрикантов». В материалах «Neue Rheinische Zeitung» находила отражение трезвая оценка редакцией уровня развития германского рабочего движения и классового сознания германского пролетариата.

Насколько сильны были даже среди промышленных рабочих иллюзии о возможности классового мира и сотрудничества, видно на примере берлинского союза машиностроителей. Как сообщалось в ряде корреспонденций газеты, во время кровавых столкновений берлинских рабочих с войсками 31 октября 1848 г. союз машиностроителей пытался сыграть роль посредника между рабочими и буржуазным гражданским ополчением. «Neue Rheinische Zeitung», разоблачая предательскую позицию буржуазии по отношению к народным массам, отмечала, что эти события раскрыли глаза многим рабочим на существование глубокой пропасти, разделяющей пролетариат и буржуазию [3].

В связи с этим в союзе машиностроителей возникли серьезные разногласия, которые привели к прекращению его деятельности. Сообщая об этом, берлинский корреспондент «Neue

[1] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» (далее «ZAV»), 20, 23, 27. VII. 1848.

[2] «NRhZ», 7. II. 1849. Корреспонденция из Леннепского округа от 4 февраля.

[3] «NRhZ», 3. XI. 1848 (2. Beilage). Корреспонденция из Берлина от 1 ноября.

Rheinische Zeitung» выражал уверенность, что жизнеспособные элементы, существующие в союзе, приведут к созданию новой организации, «которая поставит своей задачей не только социальную деятельность рабочих коалиций против хозяев, но и чисто политическую деятельность» [1].

Весьма критически оценивала газета программу союза машиностроителей Дортмунда. Как подчеркивалось в корреспонденции, главной целью этого союза было основание кассы взаимопомощи. Руководители союза тщательно избегали обсуждения каких бы то ни было политических вопросов. Запрещено было употреблять «даже само слово «рабочие»,— писал корреспондент.— Эти наивные люди хотят называться ремесленниками». Автор заметки иронически отзывался о «робких идеях и благочестивых пожеланиях» членов этого союза, на собраниях которого только и шла речь о братской любви, единении и мирных переговорах с хозяевами, о послушании в отношении дирекции и об улучшении положения в результате взаимной поддержки [2]. Однако и здесь наивные иллюзии рабочих были разрушены в ходе дальнейших событий. Дирекция Кёльн-Минденской железной дороги и местные власти, напуганные даже такими робкими попытками рабочих создать свою собственную организацию, вызвали в город войска и объявили об увольнении трех руководителей союза. Сообщая об этих фактах грубого произвола, автор заметки подчеркивал, что они являются прямым доказательством правоты «Neue Rheinische Zeitung», которая утверждала, что «*буржуазия* повсюду находится в тайном сговоре с вооруженной силой» [3].

В корреспонденции из Гамбурга в январе 1849 г. рассказывалось о деятельности тамошних рабочих союзов. При этом автор замечал, что среди них господствует раздробленность и разобщенность. Каждая узкая профессия организовывала свой особый союз. «Такая обособленность никуда не годится,— говорилось в заключение,— пришло время всем остальным рабочим союзам Гамбурга и его окрестностей объединиться с просветительным союзом» [4]. Вместе с тем корреспондент весьма положительно отзывался о деятельности рабочего союза района Санкт-Георг, которым руководил член Союза коммунистов Бюринг.

Судя по осведомленности автора, хорошо знакомого с положением в рабочих организациях Гамбурга и с их руководителями, эта статья принадлежала перу активного участника

[1] «NRhZ», 21.XII.1848. Корреспонденция из Берлина от 18 декабря.
[2] «NRhZ», 8.XI.1848. Корреспонденция из Дортмунда от 5 ноября.
[3] «NRhZ», 11.XI.1848. Корреспонденция из Дортмунда от 8 ноября.
[4] «NRhZ», 21.I.1849 (Beilage). Корреспонденция из Гамбурга от 17 января.

рабочего движения. Она помечена тем же значком (***), что и корреспонденция из Гамбурга, присланная в редакцию газеты, но по неизвестной причине не напечатанная [1], а также другие заметки о рабочих союзах этого города, публиковавшиеся на страницах газеты [2].

«Neue Rheinische Zeitung» внимательно следила за выступлениями рабочих союзов по политическим вопросам. Она опубликовала протест рабочего союза в Хамме против высылки руководителей франкфуртского рабочего союза Эсселлена, Пельца и Лёвенштейна [3]. Из Кёнигсберга сообщалось о том, что местный рабочий союз обсуждает вопрос о вооружении его членов и создании своего добровольческого отряда [4].

Весьма оперативно откликалась «Neue Rheinische Zeitung» на различные проявления сопротивления рабочих гнету предпринимателей и произволу властей. В этом Маркс и другие редакторы видели признаки крепнущей революционной энергии пролетарских масс Германии, их готовности активно участвовать в революционной борьбе и отстаивании своих классовых интересов. Сообщая о различных выступлениях рабочих в защиту своих прав, газета акцентировала внимание на элементах организованности, имевшихся в этом стихийном протесте масс.

На страницах «Neue Rheinische Zeitung» публиковался обширный материал о стачечном движении, о борьбе рабочих и ремесленных подмастерьев за улучшение условий своего труда. В августе 1848 г. газета воспроизвела подписанное Борном и Янсеном обращение типографских подмастерьев Берлина, объявлявших о своем решении начать забастовку в знак солидарности с печатниками Майнца [5]. Это решение поддержали и типографские подмастерья Дрездена; там прекратили работу почти все печатники — 102 человека [6]. Как сообщала газета, вслед за продолжительной стачкой берлинских печатников выступили и портновские подмастерья, которые угрожали оставить работу, если не будут удовлетворены их требования [7].

Газета освещала на своих страницах выступления рабочих, возмущенных отказом предпринимателей и властей удовлетворить их требования. В Хемнице в начале сентября рабочие вышли на улицу, протестуя против ареста участников уличных

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 23, ед. хр. 21/8.
[2] См., например, «NRhZ», 6 и 19. II. 1849. Корреспонденции из Гамбурга от 26 января и 15 февраля.
[3] «NRhZ», 15. VI. 1848.
[4] «NRhZ», 4. VII. 1848. Корреспонденция из Кёнигсберга от 27 июня.
[5] «NRhZ», 1. VIII. 1848 (Beilage).
[6] «NRhZ», 6. VIII. 1848.
[7] «NRhZ», 20. VIII. 1848. Корреспонденция из Берлина от 17 августа.

волнений. Толпа рабочих освободила арестованных и стала сооружать баррикады. В конце концов власти вынуждены были удовлетворить требования рабочих, отозвав войска [1].

В октябре 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» сообщила из Дюссельдорфа о прекращении муниципальных работ на так называемом Гольцхеймском острове, в результате чего более 600 человек остались без куска хлеба. Рабочие Дюссельдорфа направились к ратуше с протестом против произвольных действий магистрата. «Отцы города», собравшиеся на экстренное заседание, объявили о своем решении занимать не более 80—100 человек в неделю, ссылаясь на недостаток средств. Однако корреспондент газеты вскрывает истинные мотивы дюссельдорфских буржуа: «Известно, что филантропический интерес нашей буржуазии к рабочему классу обычно усиливается или исчезает в зависимости от того, терпит реакция поражение или торжествует победу». В данном случае, подчеркивалось в газете, решение о прекращении работ было принято после сентябрьских событий в Кёльне (попытки властей спровоцировать народные выступления и расправиться с революционерами путем временного введения осадного положения) и укрепления позиций реакции в Берлине. В ответ на протест рабочих дюссельдорфские власти издали распоряжение о чрезвычайных мерах для поддержания спокойствия в городе [2].

В начале декабря 1848 г. газета сообщила, что рабочие Кёльна, ранее занятые на городских работах, а теперь уволенные, собрались на площади перед ратушей; они требовали предоставить им заработок, на который они могли бы прокормить себя и свои семьи [3].

В феврале 1849 г. берлинские корреспонденты газеты подробно освещали выступления рабочих, занятых на строительстве канала Берлин-Шпандау, которые протестовали против сокращения заработной платы. Несколько сот рабочих, окруживших здание городской ратуши, были разогнаны войсками, часть рабочих арестована [4]. Сообщая, что власти направляют для борьбы с рабочими не только войска, но и гражданское ополчение, рекрутировавшееся главным образом из имущих слоев, бреславльский корреспондент газеты с возмущением отмечал, что гражданское ополчение способно на решительные действия только по отношению к безоружным рабочим [5].

[1] «NRhZ», 17. IX. 1848. Корреспонденция из Хемница от 11 сентября.
[2] «NRhZ», 14. X. 1848 (Beilage). Корреспонденция из Дюссельдорфа от 12 октября.
[3] «NRhZ», 7. XII. 1848.
[4] «NRhZ», 4. II. 1849. Корреспонденция из Берлина от 1 февраля.
[5] «NRhZ», 21. XII. 1848. Корреспонденция из Бреславля от 16 декабря.

Весной 1849 г. на страницах газеты публикуются материалы о напряженном положении в связи с выступлением берлинских ситцепечатников на фабрике Гольдшмита. Возмущенные произвольными действиями хозяев, бастующие рабочие толпами собирались у ворот фабрики, угрожая разрушить машины. Они были разогнаны войсками, причем полиция произвела многочисленные аресты. В течение некоторого времени фабрика охранялась войсками. Забастовали и другие рабочие Берлина. Каменщики устраивали многолюдные собрания, обсуждая известия о предстоящем снижении заработной платы [1].

Так руководимая Марксом «Neue Rheinische Zeitung» неизменно стояла на страже интересов рабочих, с горячим сочувствием следила за их борьбой и гневно обличала угнетательскую политику буржуазии. Эта классовая позиция редакции вызывала ненависть к ней со стороны буржуа, которые тщетно пытались заставить замолчать «красную» газету. В одной из корреспонденций газеты радость кёльнских «отцов города» по случаю введения осадного положения в сентябре 1848 г. и прекращения выхода «Neue Rheinische Zeitung» объяснялась тем, что «газета защищала рабочий класс от посягательств буржуазии» [2].

Анализ материалов «Neue Rheinische Zeitung» показывает, что на всем протяжении своего существования газета уделяла большое внимание вопросам рабочего движения Германии. Не ограничиваясь простой информацией, редакция в своих комментариях вскрывала недостатки и слабые стороны деятельности рабочих союзов. Не впадая в нравоучительный тон, она умело разъясняла рабочим противоположность их интересов интересам буржуазии. Газета всячески старалась воздействовать на процесс пробуждения классового сознания немецких рабочих, придать ему должное направление. Широкая политическая пропаганда, которая изо дня в день велась на страницах газеты, убеждала рабочих в необходимости активного участия в политической борьбе. Читателям газеты всячески разъяснялась мысль, что только победа революции и упрочение демократических завоеваний могут создать благоприятные условия для борьбы рабочих за свои классовые интересы.

Позиция газеты в отношении рабочего движения целиком соответствовала общей тактической линии Маркса в германской революции. Она отвечала его курсу на разоблачение предательства дела революции либеральной буржуазией. Главный редактор «Neue Rheinische Zeitung» и его друзья ориентировались на

[1] «NRhZ», 4. III (2. Ausgabe) и 9. III. 1849. Корреспонденции из Берлина от 2 и 6 марта.

[2] «NRhZ», 13. X. 1848. Корреспонденция из Дортмунда от 10 октября.

народные массы, прежде всего на пролетариат, как на главную движущую силу буржуазно-демократической революции, способную довести ее до конца.

Эта линия последовательно проводилась на страницах газеты, во многих ее материалах, в частности в статьях о дебатах в прусском Национальном собрании по вопросу о признании мартовской революции — дебатах, во время которых буржуазные лидеры один за другим отрекались от революции и отрицали революционное происхождение демократических свобод, завоеванных в марте 1848 года [1]. Направляемая Марксом газета умело подчеркивала важнейшую роль рабочего класса в германской революции, даже воспроизводя материалы, исходившие от умеренных, проникнутых верноподданническим монархическим духом либеральных деятелей. В начале июня 1848 г. редакция привела выступление представителя кёльнских либералов Паннеса на собрании буржуазного Союза граждан. Отметив, что причинами германской революции являются картофельная болезнь, неурожай и финансовый кризис, оратор вынужден был признать, что пролетариат был единственным участником мартовских баррикадных боев в Вене и Берлине [2]. Так признание классового противника газета использовала для того, чтобы показать рабочим, что им принадлежала решающая роль в уже свершившихся революционных событиях и что в будущем перед ними стоят еще более грандиозные задачи.

* * *

Тактическая линия, проводимая Марксом в «Neue Rheinische Zeitung» по отношению к германскому рабочему движению, находила свое конкретное воплощение в деятельности коммунистов в кёльнском Рабочем союзе [3].

С самого основания этой организации, в середине апреля 1848 г., в его деятельность энергично включились члены Центрального комитета Союза коммунистов К. Шаппер и И. Молль, имевшие за плечами многолетний опыт успешной социалистической пропаганды в эмиграции.

Коммунистам вскоре удалось завоевать авторитет среди членов Союза. Бесспорным доказательством этого является избрание

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 63—78.

[2] «NRhZ», 3. VI. 1848.

[3] История этой организации, в свое время обрисованная в работе социал-демократического автора Г. Штейна, тенденциозной по своей исходной позиции и оценкам (*H. Stein*. «Der Kölner Arbeiterverein (1848—1849). Ein Beitrag zur Frühgeschichte des rheinischen Sozialismus». Köln, 1921), освещена в обстоятельной и хорошо документированной монографии германского исследователя-марксиста Г. Беккера (*G. Becker*. «Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849». Berlin, 1963).

Молля председателем в начале июля 1848 г., когда арест руководителей союза Готшалька и Аннеке и отъезд временного председателя Янсена привели к кризису руководства [1]. Примерно в это же время Шаппер был избран членом объединенной комиссии демократических союзов Кёльна и председателем одного из филиалов Рабочего союза [2].

Эти организационные перемены не замедлили отразиться на направлении Рабочего союза. Шаппер, Молль и их друзья, стоявшие на платформе «Neue Rheinische Zeitung», привлекают внимание рабочих к узловым вопросам политической жизни. 31 июля 1848 г. Молль призывает к борьбе за единую республику; он доказывает, что только такое государственное устройство может обеспечить будущность Германии; это «признают виднейшие умы нашего времени» [3], заявляет он, имея в виду Маркса и Энгельса. В деятельности Рабочего союза все более активное участие принимают редакторы «Neue Rheinische Zeitung» Вильгельм Вольф и Эрнст Дронке и другие члены Союза коммунистов — Бедорф, Рёзер, Рейф, Нотъюнг [4]. Маркс, всецело занятый редактированием газеты, до осени 1848 г. не мог уделять непосредственного внимания руководству союзом. Однако он оказывал на него воздействие через своих соратников, а также с помощью материалов газеты.

Свидетельством возраставшего влияния «Neue Rheinische Zeitung» является воспроизведение некоторых ее материалов на страницах печатных органов союза. Так, в газете «Freiheit, Arbeit» была перепечатана упомянутая выше статья Маркса «Буржуазный документ», которую редакция снабдила следующим сопроводительным замечанием: «Дабы представить публике новое и неопровержимое доказательство того, что положение рабочих, вместо того чтобы улучшаться, становится тяжелее с каждым днем, мы спешим довести до всеобщего сведения нижеследующий договор, который вынужден заключать с городскими властями каждый рабочий, если он не желает умереть с голода» [5].

«Neue Rheinische Zeitung» не освещала систематически деятельность кёльнского Рабочего союза, поскольку одновременно в Кёльне выходила специальная газета, издававшаяся руководством союза (вначале «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln»,

[1] «ZAV», 13. VII. 1848. Протокол заседания комитета Рабочего союза 6 июля.

[2] «ZAV», 20. VII. 1848. Протокол заседания комитета 13 июля.

[3] «ZAV», 6. VIII. 1848. Протокол заседания комитета 31 июля.

[4] «ZAV», 24.VIII и 21. IX.1848. Протоколы заседаний комитета 17 августа и 11 сентября; «NRhZ», 3. III. 1849.

[5] «Freiheit, Arbeit», 14. I. 1849.

затем «Freiheit, Arbeit» и, наконец, «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit»). Однако время от времени Маркс помещал на страницах своей газеты сообщения о Рабочем союзе, подчеркивая его участие в политической борьбе и в демократическом движении. Редакция «Neue Rheinische Zeitung» поддерживала стремление передовой части союза вывести организацию на путь активной политической деятельности на основе той тактической платформы, которую отстаивали Маркс и Энгельс. В ноябре 1848 г. газета, например, поместила заметку о том, что делегация Рабочего союза посетила Килля, депутата Национального собрания от Кёльна. Делегация из семи рабочих выразила одобрение политической позиции Килля, примыкавшего к левому крылу Собрания [1].

С октября 1848 г. на страницах «Neue Rheinische Zeitung» начинают публиковаться объявления о собраниях союза и его филиалов, а также о заседаниях его комитета. В объявлении, опубликованном 14 октября, сообщалось о возобновлении собраний Рабочего союза после отмены осадного положения в Кёльне, когда «наступил конец сабельного режима» [2]. Иногда объявления извещали лишь о дате и месте собрания. В других случаях приводилась повестка дня или главные вопросы, подлежащие обсуждению. Так, например, сообщалось, что собрание 18 января 1849 г. будет посвящено предстоящим выборам во вторую палату; 2 и 26 марта должны были состояться доклады о текущей политике; на 12, 16 и 23 апреля было назначено обсуждение законопроектов министерства Мантёйфеля [3]. В объявлении о собрании 11 апреля 1849 г. указывалось: «Важные текущие события заставляют комитет назначить очередное еженедельное собрание, несмотря на праздничные дни» [4].

В январе и феврале 1849 г. «Neue Rheinische Zeitung» поместила заявление комитета Рабочего союза, связанное с борьбой против сектантской позиции сторонников Готшалька. Члены комитета, Шаппер, Рёзер и Рейф, отмежевывались от статей газеты «Freiheit, Arbeit», инспирированных Готшальком [5]. Вскоре было опубликовано официальное заявление о выходе нового печатного органа союза — газеты «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» [6]. Из состава редакции были удалены приверженцы Готшалька.

[1] «NRhZ», 8. IX. 1848. «Делегация рабочих к Киллю».
[2] «NRhZ», 14. X. 1848 (Beilage).
[3] «NRhZ», 22. X, 18. XI. 1848, 18, 31. I (Beilage), 2. II (Beilage), 3. II (Beilage), 25. II, 10, 25. III (2. Ausgabe), 1. IV (Beilage), 15. IV (2. Ausgabe), 22. IV (Beilage), 2 и 9. V. 1849.
[4] «NRhZ», 10. IV. 1849.
[5] «NRhZ», 31. I. 1849 (Beilage).
[6] «NRhZ», 4. II. 1849 (2. Beilage).

В ряде объявлений сообщалось о собраниях многочисленных филиалов Союза [1]. Некоторые из этих сообщений были подписаны председателями филиалов, членами Союза коммунистов Эссером, Рейфом, Лесснером (под псевдонимом Карстенс) и Нотъюнгом [2].

О повышении политической активности рабочих свидетельствуют выступления членов Рабочего союза против политических репрессий, жертвами которых становились активные деятели рабочего и демократического движения.

Стремясь разделаться с «Neue Rheinische Zeitung», прусская полиция в августе 1848 г. угрожала высылкой ее редактору Марксу и сотруднику редакции Шапперу. Это вызвало всеобщее негодование членов союза. Решено было послать депутацию к полицей-директору Гейгеру, чтобы выразить решительный протест. Текст этого заявления был опубликован в газете союза [3]. Кёльнские власти вынуждены были считаться с настроениями рабочих, выраженными столь энергичным образом. Через несколько дней было объявлено, что полиция временно воздерживается от исполнения приказа о высылке Шаппера [4]. Не удалось властям в этот момент провести в жизнь и задуманный ими план высылки Маркса из Кёльна.

Кёльнский Рабочий союз совместно с дюссельдорфским Народным клубом организовал кампанию протеста в связи с арестом революционного поэта Фрейлиграта, весьма популярного среди рабочих, стихотворения которого систематически печатались на страницах «Neue Rheinische Zeitung». Депутация представителей обоих союзов была направлена к обер-прокурору Николовиусу, чтобы добиться освобождения поэта [5].

В сентябре члены комитета Рабочего союза Сальгет и Блюм, совершавшие поездку по окрестностям Кёльна с целью создания в различных пунктах новых рабочих союзов, были арестованы в местечке Весселинген по наущению пастора и приказу бургомистра. В связи с этим «Neue Rheinische Zeitung» обратилась с негодующим запросом к прокуратуре [6].

Под руководством соратников Маркса — Молля и Шаппера в союзе, начиная с июля 1848 г., проводились систематические дискуссии на политические и социальные темы, что способствовало росту классового сознания рабочих.

[1] «NRhZ», 10 и 15. III (Beilage), 19. IV. 1849.

[2] «NRhZ», 15. II (Beilage), 9. III (Beilage), 1. IV. 1849 (2. Ausgabe).

[3] «ZAV», 24. VIII. 1848.

[4] «ZAV», 27. VIII. 1848. Протокол заседания комитета 21 августа.

[5] «ZAV», 14. IX. 1848. В состав депутации от Рабочего союза вошли Шаппер, Молль, Калькер Нотъюнг и Мюллер.

[6] «NRhZ», 12. IX. 1848. Заметка озаглавлена «Аресты».

Начав обсуждение с вопросов, непосредственно интересовавших рабочих, как роль машин и организация труда, руководители союза перешли к политическим вопросам — в частности, к вопросу о будущем устройстве Германии. Это давало им возможность разъяснить рабочим программу Союза коммунистов в германской буржуазно-демократической революции, сформулированную в «Требованиях Коммунистической партии в Германии» и изо дня в день пропагандировавшуюся на страницах «Neue Rheinische Zeitung».

Редакторы газеты и их соратники по Союзу коммунистов вели пропаганду революционной программы не только в самом Кёльне, но и в его окрестностях. Так, в сентябре 1848 г. Маркс и руководители Рабочего союза выступали на собрании в местечке Ворринген. В зачитанном Шаппером 14 сентября на заседании комитета союза донесении местного бургомистра полицейским властям Кёльна об этом собрании сообщалось, что Маркс и его единомышленники «в неуважительном тоне отзывались о его величестве всемилостивейшем короле и проповедовали ужасный коммунизм, даже распространяли листок с 17 коммунистическими требованиями». Весьма знаменательно, что Шаппер не стал опровергать эти сведения, а настаивал на правомерности действий коммунистов, поскольку существует свобода собраний. Выступивший на этом же заседании Винтер из Ворингена (по-видимому, член местного рабочего союза, организованного кёльнскими деятелями Союза коммунистов) заверил собравшихся, что «в Ворингене и его окрестностях люди почти единодушно разделяют новые идеи» [1].

В октябре 1848 г. произошли существенные изменения в руководстве Рабочего союза. В результате репрессий со стороны кёльнских властей в конце сентября 1848 г. союз вновь лишился своих руководителей — Шаппер был арестован (его освободили лишь в середине ноября), а Молль вынужден покинуть Германию. По инициативе Рёзера и Нотъюнга комитет послал делегацию к Марксу с просьбой взять на себя руководство союзом [2]. На заседании 16 октября было объявлено, «что в ответ на просьбу посланной к нему союзом делегации д-р Маркс дал согласие стать во главе нашего союза» [3].

Решение Маркса было связано с большим риском. В качестве председателя Рабочего союза он ставил себя под удар полиции, которая во что бы то ни стало стремилась покончить не только с крамольной организацией, но и с ненавистной «Neue

[1] «ZAV», 21. IX. 1848. Протокол заседания комитета 14 сентября.
[2] «ZAV», 19. X. 1848.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, стр. 549.

Rheinische Zeitung». Арест или вынужденный отъезд Маркса из Кёльна поставил бы под угрозу дальнейшее издание «Neue Rheinische Zeitung». И тем не менее Маркс счел своим долгом революционного борца откликнуться на зов рабочих и в создавшихся критических условиях сделать все для того, чтобы сохранить их организацию и обеспечить правильное направление ее деятельности.

Принимая непосредственное участие в деятельности Рабочего союза, Маркс выдвигал на первый план вопросы его тактики в важнейших политических событиях. По его предложению был принят постоянный распорядок заседаний комитета союза: первый час отводился на обсуждение текущих дел, а второй час посвящался обсуждению социальных и политических проблем [1]. Дискуссии по этим вопросам Маркс считал одной из форм систематической пропаганды идей научного коммунизма. Обязанности председателя он выполнял в октябре и в первой половине ноября; затем председателем стал Рёзер, а 28 февраля 1849 г. этот пост занял Шаппер, который оставался председателем союза вплоть до мая 1849 года [2]. Однако и после передачи председательских полномочий другим лицам Маркс продолжал оказывать направляющее влияние на союз, активно участвуя в руководстве его деятельностью.

Маркс выступал на собраниях Рабочего союза и на заседаниях комитета по важнейшим политическим вопросам. 15 января 1849 г. он взял слово в связи с выборами во вторую палату прусского ландтага. Обсуждение избирательной тактики явилось важным этапом в той идейной борьбе, которую вели в Рабочем союзе Маркс и его соратники. В противовес сектантской позиции Аннеке и других сторонников Готшалька, Маркс убедительно разъяснял задачи пролетариата в германской буржуазно-демократической революции и отстаивал необходимость совместных действий с мелкобуржуазными демократами в борьбе против наступления контрреволюции [3].

На общем собрании Рабочего союза 4 февраля 1849 г. Шаппер сообщил, что Маркс и Энгельс изъявили желание выступать раз в две недели с «социальными лекциями» [4], т. е. с пропагандой научного коммунизма. В связи с этим орган Рабочего союза газета «Freiheit, Arbeit» писала в редакционной статье: «Мы можем лишь выразить свою благодарность некоторым руководителям демократической партии за то, что они теперь по-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 550.

[2] Там же, стр. 549—550, 551, 552; «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» (далее — «FBA»), 19. XI. 1848; 4. III. 1849.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 629—630.

[4] «FBA», 15. II. 1849.

чувствовали настоятельную потребность прочитать лекции по политическому и социальному вопросам, дабы обрисовать народу общественные отношения и разъяснить ему его положение».

Важную роль в идейном сплочении рядов Рабочего союза сыграло окончательное размежевание с сектантскими элементами из числа сторонников Готшалька [1]. В конце апреля 1849 г., когда Рабочий союз под руководством членов Союза коммунистов приобрел черты массовой пролетарской организации, пришло время для полного разрыва с Готшальком. Постановление одного из филиалов союза, в котором содержится решительное осуждение деятельности Готшалька и его тактики, было одобрено на заседании комитета [2].

Эти действия Маркса и его соратников способствовали росту их влияния и авторитета среди рабочих.

* * *

Наглядным примером принципиальности и в то же время гибкости, прозорливости и дальновидности Маркса в вопросах германского рабочего движения 1848—1849 гг. является позиция редакции «Neue Rheinische Zeitung» по отношению к Борну и возглавлявшимся им рабочим организациям [3]. Правильная оценка противоречивой позиции Борна возможна только при рассмотрении всей его деятельности в целом. Современная буржуазная историография (например, западногерманский историк Ф. Бальзер и израильский автор Ш. Нааман) изображает Борна как родоначальника германского рабочего движения и противопоставляет его Марксу и Энгельсу [4]. С другой стороны, в прошлом несколько односторонне оценивали деятельность Борна некоторые советские историки, делая упор на оппортунистический характер его программы и тактики и оставляя в тени несомненные заслуги созданных им организаций. При таком освещении роли Борна остается непонятным, что̀ побуждало Маркса ориентировать руководимый им кёльнский Рабочий союз на сближение с Рабочим братством весной 1849 года. За

[1] Этому вопросу посвящена статья М. А. Кочетковой «Борьба Маркса против сектантского направления Готшалька в рабочем движении Германии в 1848—1849 гг.» (настоящая книга, стр. 77—103).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 642—644, а также «FBA», 29. IV. 1849. Протокол заседания комитета 24 апреля 1849 года.

[3] *М. И. Фриман*. «Стефан Борн, как выразитель экономистской тенденции в рабочем движении Германии 1848—49 годов». Ученые записки Ярославского пединститута. Выпуск VII. История. Ярославль, 1945.

[4] *F. Balser*. «Sozial-Demokratie 1848/49—1863». Stuttgart, 1962; *Sh. Na'aman*. «Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten in Deutschland in der zweiten Phase seines Bestehens». «Archiv für Sozialgeschichte».1965, Bd. V.

последнее время в советской исторической литературе наблюдается более правильный подход к оценке Борна [1]. Историки-марксисты ГДР убедительно показали прогрессивные стороны деятельности руководимого Борном Рабочего братства [2].

Значительную роль в формировании мировоззрения Стефана Борна сыграли идеи научного коммунизма. Борн, вступивший в Союз справедливых еще до преобразования его в 1847 г. в Союз коммунистов, находился в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом во время своего пребывания в Париже и Брюсселе.

После мартовской революции Борн оказался в Берлине, откуда первое время переписывался с Марксом и присылал корреспонденции для «Neue Rheinische Zeitung».

Однако уже летом 1848 г. Борн стал все более отдаляться от Союза коммунистов и отходить от его тактической линии. Вскоре он утратил какую-либо связь с руководством союза.

Деятельность Борна в качестве одного из руководителей рабочего движения Берлина носила противоречивый характер. Организации, которые он возглавлял,— созданный в апреле 1848 г. Центральный комитет немецких рабочих, а затем возникшее на его основе в сентябре того же года Рабочее братство,— отвечали стихийному стремлению рабочих к объединению и в этом смысле сыграли положительную роль в развитии германского рабочего движения [3].

Определенное влияние на Борна оказали идеи, навеянные произведениями основоположников научного коммунизма (в частности, «Манифестом Коммунистической партии» и «Требованиями Коммунистической партии в Германии»). В одной из программных статей издававшейся Борном газеты «Das Volk» в конце мая 1848 г. подчеркивалось, что социальное и политическое освобождение рабочего класса возможно лишь в результате коренного преобразования жизненных условий общества и что при существующих обстоятельствах германский пролетариат должен совместно с буржуазией бороться против королевской власти и феодальной аристократии [4]. Вместе с тем программа Борна содержала положения реформистского толка, заимствованные у представителей различных направлений мелкобуржуазного социализма. Перенося на немецкую почву идеи Луи Блана и других французских утопистов, Борн выдвигал в

[1] *Карл Маркс*. Биография. М., 1968, стр. 183—184, 230; *Е. П. Кандель*. Цит. соч.; *М. И. Михайлов*. «История Союза коммунистов». М., 1968, стр. 237—240.

[2] *G. Becker*. Op. cit., S. 103—105, 239—245.

[3] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I. Berlin, 1966, S. 138—139.

[4] «Das Volk», 25. V. 1848 (Extra-Blatt).

качестве средства решения социального вопроса так называемую организацию труда, понимая под ней, как и Блан, создание производительных ассоциаций, пользующихся государственной помощью, и образование из представителей пролетариата «рабочего министерства» (подобия печально знаменитой Люксембургской комиссии во Франции, существовавшей до июня 1848 г.). Таким образом, в противовес тому, что писала редактируемая им газета в упомянутой статье, он склонялся к убеждению, что возможно коренное улучшение положения рабочих в рамках существующего социального и политического строя Германии. Это придавало программе Борна реформистский характер.

На первой стадии германской революции Борн отводил второстепенное значение участию рабочих в политической борьбе, в общедемократическом движении. Деятельность руководимых им организаций была направлена главным образом на удовлетворение экономических требований рабочих. Как писал впоследствии Энгельс, Борн и его Рабочее братство, занимаясь организацией стачек, профессиональных союзов, кооперативных товариществ, забывали, что «задача состояла прежде всего в том, чтобы путем политической победы завоевать себе сначала такую почву, на которой только и возможно прочное осуществление таких вещей» [1]. По определению В. И. Ленина, Борн представлял близкое к экономизму направление в рабочем движении Германии 1848—1849 годов [2].

Отношение Маркса и Энгельса к Борну и возглавлявшимся им рабочим организациям определялось рядом моментов. Деятельность Борна пользовалась поддержкой тех слоев германских рабочих и ремесленников, которые еще не осознали необходимости подлинно революционных методов защиты классовых интересов пролетариата. В то же время в Рабочем братстве принимали участие члены Союза коммунистов (Бюринг, Брун, Крюгер и другие). В отличие от Готшалька, Борн не был настроен враждебно по отношению к Марксу и Энгельсу и изъявлял готовность сотрудничать с редакцией «Neue Rheinische Zeitung». Поэтому Маркс и Энгельс не считали целесообразным прямое выступление против его позиции, рассчитывая, что в ходе революции Борн и идущие за ним рабочие поймут ошибочный характер избранной ими тактики.

Однако редакция «Neue Rheinische Zeitung» не только не поддерживала программу Борна, но решительно подчеркивала ее существенное отличие от своей собственной позиции [3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 228.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 131.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 270—271.

Зимой 1848—1849 гг. рабочие все больше начинают понимать, что наступление контрреволюции таит в себе серьезную опасность. Это заставило и Борна несколько изменить характер своей агитации, о чем свидетельствуют не только статьи в органе его организации «Verbrüderung», но и его выступления на рабочих собраниях и конгрессах рабочих союзов.

«Neue Rheinische Zeitung» с одобрением отмечала наметившееся у Борна стремление выйти за пределы узко экономической борьбы. Так, например, в начале февраля 1849 г. в отчете о Гейдельбергском конгрессе рабочих союзов газета дала весьма одобрительную оценку выступления Борна против мелкобуржуазного реформиста Винкельблеха[1], одного из поборников восстановления средневековой цеховой организации. В марте 1849 г. «Neue Rheinische Zeitung» отметила, что в речи на празднестве в Лейпциге по случаю годовщины февральской революции во Франции Борн подчеркнул, что ни французская, ни в особенности германская революции не добились решающих результатов и что решительные действия в борьбе за свободу еще предстоят[2]. В апреле 1849 г. на страницах газеты отмечается руководящая роль Борна на конгрессе рабочих союзов Баварии[3].

Определенные сдвиги влево, которые наметились к весне 1849 г. в позиции Борна и ряда деятелей Рабочего братства, привели Маркса к выводу, что существует реальная возможность оказать влияние на Рабочее братство и способствовать его превращению в массовую пролетарскую организацию, стоящую на революционных позициях.

* * *

К концу 1848 г. в рабочем движении Германии стали все больше обнаруживаться сдвиги, на которые с самого начала рассчитывал Маркс. Сказалось и формирующее влияние самого объективного процесса развития революции, и воздействие революционных идей «Neue Rheinische Zeitung», и то, что сделали для пробуждения классового сознания рабочих рассеянные по всей Германии члены Союза коммунистов — активные участники рабочих союзов и демократических организаций. Значительная часть рабочих утратила иллюзии о возможности сотрудничества с буржуазией и властями, рабочие все больше стали поворачивать к политике, усилилась тенденция к объединению сил, и не только в рамках локальных профессиональных союзов,

[1] «NRhZ», 4. II. 1849. Корреспонденция из Гейдельберга от 30 января.
[2] «NRhZ», 7. III. 1849. Корреспонденция из Лейпцига.
[3] «NRhZ», 13. IV. 1849 (2. Ausgabe). Корреспонденция из Франконии от 6 апреля.

но в провинциальном, а также и в общенациональном масштабах. Восприимчивее становились рабочие и к коммунистическим идеям.

События, которые привели в конце 1848 г. к контрреволюционному перевороту в Пруссии, воочию показали рабочим предательскую сущность политики крупной буржуазии, которая за спиной народа заключила союз с силами реакции.

О росте классового сознания немецких рабочих свидетельствует помещенная на страницах «Neue Rheinische Zeitung» заметка столяра Йозефа Кампа. Знаменательно само заглавие этой заметки — «Господство капитала» [1]. Несмотря на путаные представления автора о причинах бедственного положения рабочих и о путях его улучшения, заметка была проникнута мыслью о противоположности классовых интересов рабочих и капиталистов.

Революционный дух проник и в среду ремесленных подмастерьев. Кёнигсбергский корреспондент газеты рассказывал о союзе подмастерьев-столяров, среди которых приобрели значительное влияние сторонники социализма [2].

Опыт политических боев в Германии за время, прошедшее с начала революции, помог рабочим избавиться от многих иллюзий и неверных представлений. Это особенно сказалось во время выборов во вторую палату прусского ландтага в январе 1849 года.

Активное участие рабочих в выборах во многих случаях помогло демократам одержать победу над реакционерами. «Neue Rheinische Zeitung» обращала особое внимание на то, что в некоторых промышленных районах рабочим удалось в первом туре провести своих собственных кандидатов в выборщики. Об этом, в частности, сообщалось в корреспонденции «Neue Rheinische Zeitung» из Эльберфельда, который издавна считался цитаделью консервативной буржуазии. В одном из избирательных округов Эльберфельда был создан рабочий комитет. В другом округе благодаря поддержке рабочих был избран ряд демократов из политического клуба, а кандидаты реакционной партии провалились [3].

Весьма показателен для настроений рабочих был банкет в Бреславле 16 апреля 1849 г., который газета назвала «социально-демократическим» [4]. Банкет был устроен в ознаменование объединения рабочего союза с социально-демократическим

[1] «NRhZ», 20. I. 1849 (Beilage).
[2] «NRhZ», 16. V. 1849. Корреспонденция из Кёнигсберга от 10 мая.
[3] «NRhZ», 27. I. 1849 (Beilage).
[4] «NRhZ», 20. IV. 1849 (2. Ausgabe). Корреспонденция из Бреславля от 16 апреля.

рабочим союзом. Зал, в котором присутствовало около двух тысяч человек, был украшен эмблемами красной республики. О значении, которое придавала этому собранию редакция «Neue Rheinische Zeitung», свидетельствует то, что ему были посвящены корреспонденции в трех номерах газеты. В одной из этих заметок сообщалось, что на банкете произносились «различные речи социалистического характера» [1]. В сообщении другого корреспондента воспроизводилось выступление Ф. А. Штильха, встреченное собравшимися с бурным одобрением. Оратор дал краткий обзор различных группировок в лагере демократии. К первой категории он причислил социалистов, или «красных демократов», которые стремятся освободить человечество от господства «материальной личной собственности» и уничтожить эксплуатацию человека человеком. Эти положения, несомненно, заимствованные у коммунистов, сочетались в речи Штильха с мелкобуржуазными требованиями организации труда и создания производительных ассоциаций как средства достижения всеобщего благополучия. В заключение своей речи Штильх заявил: «Мы — солдаты красного знамени, гордые тем, что выступаем в авангарде лагеря демократии как передовые бойцы... повторяем трижды наш старый пароль: «Красная демократия умирает, но не сдается!»» [2].

Деятельность рабочих союзов и участие рабочих в демократическом движении воспринимались буржуазией как грозные признаки выступления пролетариата в качестве самостоятельной классовой силы. «Neue Rheinische Zeitung» отмечала, что первые шаги рабочих в борьбе за свои экономические и политические интересы вызвали репрессии со стороны предпринимателей и властей. Так, в начале июля 1848 г. газета сообщила из Ганновера об аресте председателя местного рабочего союза печатника Штеегена по обвинению в государственной измене [3]. Полицейский террор против участников рабочего движения еще больше усилился в конце 1848 г. как в связи с общим наступлением контрреволюционных сил, так и в связи с ростом активности и организованности самих рабочих масс. В этих условиях редактируемая Марксом газета все энергичнее стала обличать произвольные действия власть имущих и все чаще поднимать свой голос в защиту преследуемых рабочих.

В январе 1849 г. берлинский корреспондент газеты, например, подробно осветил судебный процесс членов комитета бер-

[1] «NRhZ», 21. IV. 1849. Корреспонденция из Бреславля от 17 апреля.

[2] «NRhZ», 22. IV. 1849. Корреспонденция из Бреславля от 18 апреля («Речь на рабочем банкете»).

[3] «NRhZ», 2. VII. 1848. Корреспонденция из Ганновера от 28 июня.

линских печатников, руководивших стачкой типографских подмастерьев летом 1848 года [1].

Не оставляла газета без внимания и враждебные рабочим действия фабрикантов. Так, она сообщила в феврале 1849 г., что в фабричном поселке Фогельсмюле предприниматели удалили местного врача, который вел среди рабочих революционную пропаганду, приобрел среди них большую популярность и был избран председателем Рабочего союза [2].

Подробное освещение на страницах «Neue Rheinische Zeitung» получила работа региональных конгрессов рабочих организаций, которые состоялись зимой и весной 1849 г. в различных частях Германии и отразили возросшее стремление представителей немецкого пролетариата к сплочению и объединению своих сил.

Газета опубликовала подробную корреспонденцию о Гейдельбергском конгрессе южногерманских рабочих союзов, который состоялся 28—29 января 1849 г. [3] Автором ее, по-видимому, был друг Маркса, член Союза коммунистов Иосиф Вейдемейер [4].

Конгрессы рабочих союзов состоялись в Северной Германии (в Гамбурге), Тюрингии, Баварии. Как сообщала газета, после закрытия Гамбургского конгресса, 14 февраля 1849 г., в большом зале города Тонхалле состоялось собрание участников конгресса совместно с рабочими и членами местных рабочих и демократических союзов, на котором присутствовало около двух тысяч человек [5].

«Neue Rheinische Zeitung» опубликовала ряд материалов о ходе конгресса рабочих союзов Баварии в Нюрнберге в начале апреля 1849 года. Автор корреспонденции называл день открытия конгресса «днем политического прогресса», первой грандиозной революционно-демократической демонстрацией во Франконии [6]. Конгресс постановил действовать в контакте с Рабочим братством. Помимо обычных требований — учреждения национальных мастерских и создания народных школ и библиотек — конгресс заявил о необходимости отмены цеховой организации и введения свободного промыслового устава, а также предложил ввести десятичасовой рабочий день. В решениях конгресса

[1] «NRhZ», 22. I. 1849. Корреспонденция из Берлина от 18 января. О результатах этого процесса — обвинительном приговоре рабочим — газета сообщила 24. I. 1849.

[2] «NRhZ», 7. II. 1849. Корреспонденция из Леннепского округа от 4 февраля.

[3] «NRhZ», 4. II. 1849. Корреспонденция из Гейдельберга от 30 января.

[4] *G. Becker.* Op. cit., S. 239.

[5] «NRhZ», 19. II. 1849. Корреспонденция из Гамбурга от 15 февраля.

[6] «NRhZ», 13. IV. 1849 (2. Ausgabe). Корреспонденция из Франконии от 6 апреля.

фигурируют и требования общедемократического характера — сокращение постоянной армии и срока военной службы, всеобщее вооружение народа и создание самостоятельных отрядов рабочих, установление всеобщего избирательного права, отмена сословных привилегий, введение прогрессивно-подоходного налога. Однако наряду с этим на баварском конгрессе прозвучали и выступления представителей отсталых слоев рабочих. Например, выдвигалось требование об устройстве рабочих палат и профессиональных судов из представителей рабочих и предпринимателей.

Редакция «Neue Rheinische Zeitung» с пристальным вниманием наблюдала за деятельностью рабочих конгрессов, находившихся в значительной степени под влиянием Рабочего братства. Она рассматривала эту деятельность как проявление новых тенденций в развитии германского рабочего движения.

* * *

Учтя происшедшие в рабочем движении Германии сдвиги, Маркс и его соратники весной 1849 г. приступили к подготовке создания широкой пролетарской организации вначале в Рейнской провинции и Вестфалии, а затем и в общегерманском масштабе.

Несмотря на то что к этому времени революционное движение в Германии в целом шло на убыль, Маркс и Энгельс продолжали возлагать большие надежды на дальнейшее развитие европейской революции. Это соответствовало их общей концепции, согласно которой победа революции в Германии была возможна лишь в результате совместных действий пролетариата и народных масс ряда европейских стран. Основоположники научного коммунизма ожидали, что революционная борьба в Европе вскоре вступит в новую фазу, видя признаки возможного перелома в назревании нового революционного кризиса во Франции и в широком размахе, который приобрела национально-освободительная борьба венгерского народа.

Рост политического и классового сознания германских рабочих в результате приобретенного ими опыта революционной борьбы вызвал к жизни почти повсеместную тягу к объединению в более широком масштабе. С другой стороны, ранее преобладавшее влияние мелкобуржуазных демократов все более уступало место растущему стремлению рабочих к классовой самостоятельности. Рабочие постепенно утрачивали свои первоначальные иллюзии; они приходили к пониманию того, что мелкобуржуазные лидеры не способны отстаивать интересы пролетариата, а их колебания и нерешительность могут ока-

заться пагубными для возглавляемого ими демократического движения.

Приносила свои плоды деятельность Маркса и его соратников по идейно-политическому просвещению и организационному сплочению рабочих Кёльна и Рейнской провинции. Значительную роль сыграла публикация на страницах газеты в первой половине апреля 1849 г. произведения Маркса «Наемный труд и капитал», в котором в популярной форме разъяснялась рабочим сущность капиталистической эксплуатации. Это произведение воспитывало у рабочих сознание непримиримой противоположности их классовых интересов интересам буржуазии. Во введении к публикации Маркс остановился на причинах, побудивших его именно теперь напечатать в газете свои лекции, прочитанные еще в 1847 г. в брюссельском Немецком рабочем обществе. Аргументация Маркса проливает свет на изменение тактики коммунистов весной 1849 года. Он подчеркнул, что в первый период издания газеты ее редакция считала своей первоочередной задачей анализ самого хода происходившей классовой борьбы и политических конфликтов, и лишь после того, как читатели смогли проникнуть в суть современных политических битв (иными словами, получили надлежащую политическую подготовку), стало возможным обрисовать «экономические отношения, на которых основано как существование буржуазии и ее классовое господство, так и рабство рабочих» [1].

Кёльнский Рабочий союз принял меры для широкой пропаганды произведения Маркса. 11 апреля 1849 г. комитет союза в своем постановлении рекомендовал филиалам организовать на материале этих статей «обсуждение социального вопроса». В то же время он предполагал послать всем рабочим союзам Германии соответствующие номера «Neue Rheinische Zeitung» с тем, чтобы они обсудили вопрос о заработной плате [2].

Совокупность всех перечисленных обстоятельств создавала благоприятные объективные условия для подготовки создания самостоятельной пролетарской партии. Этот план последовательно проводился в жизнь. В феврале — марте 1849 г. редакция «Neue Rheinische Zeitung» усилила критику мелкобуржуазных демократов. Весьма резко характеризуя руководителей крайнего левого крыла второй палаты прусского ландтага, газета отметила, что, хотя представители пролетариата выступают совместно с мелкой буржуазией в борьбе против общего врага — существующего правительства,— их разделяют глубокие принципиальные расхождения [3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 429.
[2] «FBA», 12. IV. 1849.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 318.

Внутри Рейнского окружного комитета демократов нарастали разногласия между Марксом и его сторонниками, с одной стороны, и мелкобуржуазными демократами, руководителями Демократического общества,— с другой. К этому времени в кёльнском Демократическом обществе усилилось влияние правых элементов. На собрании общества 13 апреля 1849 г. Риттингхаузен предложил изменить название общества на «демократически-социалистическое». Под давлением правых предложение было отклонено. Комментируя это решение, «Neue Kölnische Zeitung» писала: «Таким образом, демократический союз предпочитает и впредь плавать в общих водах демократии, которая ныне полностью заняла место старого *«либерализма»*» [1]. В то же время это решение Демократического общества, как правильно полагает Г. Беккер в противовес мнению других исследователей, отнюдь нельзя считать причиной выхода пролетарских революционеров из Рейнского окружного комитета демократов [2]. Причины этого шага носят значительно более глубокий характер; он был вызван необходимостью размежевания с мелкобуржуазной демократией как одной из важных предпосылок создания самостоятельной политической партии пролетариата.

14 апреля 1849 г. на заседании Рейнского окружного комитета демократов Маркс, Шаппер, Вольф и Аннеке заявили о своем выходе из этого объединения демократических и рабочих союзов [3]. Вслед за этим произошел разрыв кёльнского Рабочего союза с объединением демократических союзов Германии, в которое он ранее входил. Организационный разрыв с демократами и усиление полемики с ними по политическим и идеологическим вопросам не означали отказа от тактики блока с ними перед лицом общего врага. Однако формы совместных действий с демократическими элементами теперь стали иными, соответствующими наступившему новому этапу в становлении самостоятельного пролетарского движения.

Еще в марте 1849 г. началась подготовка к объединению рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии. В ряде номеров редактируемой Марксом газеты публиковалось обращение комитета Рабочего союза ко всем демократическим союзам Рейнской провинции и Вестфалии с призывом прислать свои адреса в редакции «Neue Rheinische Zeitung» и «Neue Kölnische

[1] «Neue Kölnische Zeitung», 15. IV. 1849.
[2] *G. Becker*. Op. cit., S. 248.
[3] Единственные сведения о ходе этого заседания содержатся в листовке, выпущенной 18 апреля Демократическим обществом (*W. Kühn*. «Der junge Hermann Becker». Dortmund, 1934, S. 162—163).

Zeitung»[1]. При этом имелись в виду те демократические союзы, в которых наиболее сильны были пролетарские элементы[2]. На этот призыв откликнулись представители ряда союзов, о чем можно судить по некоторым из их писем, сохранившимся в архиве редакции «Neue Rheinische Zeitung»[3].

План создания самостоятельной организации германского пролетариата, выдвинутый Марксом и Энгельсом и их соратниками весной 1849 г., опирался на возможность консолидации рабочих организаций Германии вокруг реально существующих центров — Рабочего братства и кёльнского Рабочего союза. Маркс и Энгельс стремились использовать разветвленные связи Рабочего братства в Германии и оказать революционизирующее влияние на входившие в него рабочие союзы.

16 апреля 1849 г. общее собрание Рабочего союза, наряду с постановлением о выходе из объединения демократических обществ, приняло решение об участии в общегерманском конгрессе рабочих союзов в Лейпциге, созываемом Рабочим братством[4]. 17 апреля на заседании комитета союза было постановлено созвать в Кёльне 6 мая 1849 г. конгресс рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии. В комиссию для подготовки конгресса вошли Маркс, В. Вольф, Шаппер, Аннеке, Эссер и Отто[5]. Это решение было утверждено общим собранием Рабочего союза[6]. В извещении о созыве конгресса, составленном от имени комиссии и опубликованном в «Neue Rheinische Zeitung», говорилось о необходимости «тесного сплочения однородных элементов, энергичной совместной деятельности всех рабочих союзов». К участию в конгрессе приглашались «все рабочие, а также все другие союзы, которые хотя и не носят пока этого названия, тем не менее *являются решительными сторонниками принципов социальной демократии*»[7]. Важно отметить, что во всех документах, связанных с созданием новой организации, подчеркивался не только ее классовый, пролетарский характер, но и социалистическая направленность ее программы (именно это выражали в то время термины «социальный» и «социально-демократический»).

Конгресс рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии состоялся, как и было намечено, 6 мая 1849 г. в обычном месте

[1] «NRhZ», 11—21.III.1849.
[2] «Neue Kölnische Zeitung», 12. IV. 1849.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 23, ед. хр. 14/12, 14/13, 14/17.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 640.
[5] Там же, стр. 641.
[6] Там же, стр. 645.
[7] Там же, стр. 646.

собраний кёльнского Рабочего союза — гостинице «Кранц». На нем присутствовало 120 делегатов, которые представляли 20 рабочих союзов Рейнской провинции, 6 рабочих союзов Вестфалии и 1 — Нассау. Председательствовал на конгрессе Шаппер [1]. Однако к этому времени политическая обстановка в Германии стала крайне напряженной в связи с развернувшейся вооруженной борьбой за имперскую конституцию. Боясь, что восстание, охватившее Саксонию и Юго-Западную Германию, распространится на Рейнскую провинцию, местные власти намеревались воспользоваться любым предлогом, чтобы ввести в Кёльне осадное положение. Поэтому заседание конгресса продолжалось всего несколько часов. В печати ничего не сообщалось о его решениях. Можно предполагать, что обсуждались необходимые меры для отпора контрреволюции.

События заключительного этапа германской революции, которая стремительно приближалась к развязке, вскоре коренным образом изменили обстановку на Рейне и во всей стране. Не смог состояться общегерманский конгресс рабочих союзов в Лейпциге. Не осуществились надежды Маркса и Энгельса на возможность нового развития германской революции при поддержке победоносной революции в ряде европейских стран. Потерпело поражение восстание в Дрездене, а также разрозненные восстания в отдельных городах Рейнской провинции (Дюссельдорфе, Эльберфельде и т. д.). Прусские власти насильственно прекратили выпуск «Neue Rheinische Zeitung», выслав из Кёльна Маркса и угрожая арестами и высылкой другим членам редакции. 19 мая 1849 г. вышел ее последний номер.

Революционные силы Юго-Западной Германии вели неравный бой с превосходившими их силами объединенной реакции во главе с гогенцоллернской Пруссией. Не замедлила последовать развязка — окончательное поражение революции в общегерманском масштабе.

Маркс и Энгельс и возглавляемый ими отряд пролетарских революционеров на всем протяжении революции были неразрывно связаны с рабочим движением и сделали все от них зависящее для политического просвещения, организации и сплочения германского пролетариата. Самоотверженную борьбу пролетарского авангарда в революции организовывала и направляла «Neue Rheinische Zeitung» — мужественная и решительная защитница интересов рабочих.

[1] *G. Becker*. «Der Kongreß der Arbeitervereine der Rheinprovinz und Westfalens am 6. Mai 1849». «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1968. H. 2, S. 374—375, 379.

М. А. Кочеткова

БОРЬБА МАРКСА ПРОТИВ СЕКТАНТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ГОТШАЛЬКА В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ ГЕРМАНИИ В 1848—1849 ГОДАХ

Основоположники марксизма, возглавлявшие в период революции 1848—1849 гг. передовой отряд германского пролетариата, активно выступали против оппортунистических и сектантских течений в рабочем движении. Одним из наиболее значительных эпизодов в этой борьбе было выступление Маркса и его соратников против сектантской группы Андреаса Готшалька, пользовавшейся большим влиянием среди кёльнских рабочих.

Деятельности Готшалька в рабочем движении касались многие исследователи. Первой серьезной попыткой осветить тактику Готшалька в период революции 1848—1849 гг. и проследить историю созданной им организации — кёльнского Рабочего союза, явилась работа немецкого социал-демократического историка Г. Штейна [1]. В книге Штейна собран большой фактический материал, дается, хотя и не совсем точная, картина экономического состояния Рейнской провинции накануне революции 1848—1849 гг., делается попытка осветить роль Маркса в кёльнском Рабочем союзе и борьбу различных направлений внутри этой организации. Однако работа Штейна не свободна от серьезных недостатков [2]. Преувеличивая роль Готшалька в рабочем движении Кёльна в 1848—1849 гг., изображая его тактику как единственно правильную в условиях того времени,

[1] *H. Stein.* «Der Kölner Arbeiterverein (1848—1849). Ein Beitrag zur Frühgeschichte des rheinischen Sozialismus». Köln, 1921.

[2] См., например, критические замечания на книгу Г. Штейна в рецензии Э. Цобеля. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Книга первая. М., 1924, стр. 491—497.

Штейн тем самым представляет в неверном свете борьбу Маркса и его соратников против позиции Готшалька и его сторонников.

Иначе оценивается деятельность Готшалька в советской историографии. Е. А. Степанова в своей статье «Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848—1849 гг.» характеризует тактику Готшалька в кёльнском Рабочем союзе как сектантскую [1]. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие советские историки [2].

Наиболее значительное за последние годы исследование по истории рабочего движения в Кёльне принадлежит перу историка ГДР Герхарда Беккера [3]. В своей книге, содержащей много нового и ценного фактического материала, он с марксистских позиций осветил историю кёльнского Рабочего союза в 1848—1849 годах. Однако, критикуя политические взгляды Готшалька, Беккер не всегда раскрывает связь тактики Готшалька с объективными историческими условиями. Не до конца обоснован также тезис автора о полном преобразовании союза в марксистскую организацию после поражения Готшалька.

Цель данной статьи показать более детально, чем это было сделано до сих пор, сектантскую позицию Готшалька в рабочем движении Германии 1848—1849 гг., раскрыть ее социальные корни и осветить борьбу Маркса и его соратников против Готшалька и его последователей в Рабочем союзе Кёльна.

* * *

Демократическое движение, развернувшееся в Германии в предреволюционные годы, не было однородным по своему характеру. В нем наметилось три основных направления: городская мелкобуржуазная демократия, крестьянская демократия, особенно сильная в Южной Германии, и, наконец, пролетарская, руководимая Марксом и Энгельсом. Центрами демократического движения становились развитые в промышленном отношении районы страны, где скапливалось наибольшее количество рабо-

[1] Сб. «К столетию революции 1848 года». М., 1949, стр. 25—27. См. также: *Е. А. Степанова, С. З. Левиова.* «Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848—1849 годов». М., 1955, стр. 36—37, 44—45.

[2] См., в частности, статьи: *И. Л. Васильев.* «О деятельности К. Маркса в кёльнском Рабочем союзе в период революции 1848—1849 гг. в Германии» («Ученые записки Липецкого désинститута. Вып. V. Серия — Общественные науки». Воронеж, 1967, стр. 118—144) и *М. И. Михайлов.* «Борьба К. Маркса против сектантства в 40-х годах XIX в.» («Вопросы истории КПСС», 1968, № 5, стр. 45—59).

[3] *G. Becker.* «Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849. Zur Geschichte des Kölner Arbeitervereins». Berlin, 1963. См. также рец. *Е. Канделя* на эту работу («Новая и новейшая история», 1964, № 2).

чих и ремесленников. Одним из таких центров демократии являлись Рейнская провинция и Вестфалия. Особенно крепло и ширилось демократическое движение в главном городе Рейнской провинции — Кёльне.

В числе интеллигентов, примкнувших в 40-е годы XIX в. к демократии, был Андреас Готшальк, занимавший должность врача для бедных в Кёльне. Наблюдая бесправие и нищету рабочих и ремесленников, он постепенно проникся сочувствием к ним. Интерес к социально-политическим вопросам побудил Готшалька вступить в общение с социалистами и демократами Кёльна Даниельсом, Бюргерсом, Д'Эстером, которые с начала 1846 г. были тесно связаны с Марксом и Энгельсом. Однако Готшальк тяготел больше к «истинным социалистам»; он сблизился с Мозесом Гессом, одним из главных представителей этого течения, с Аннеке, Виллихом, Янсеном, Нотъюнгом и другими деятелями, также находившимися под влиянием идей «истинных социалистов». В 1847 г. Готшальк был принят Гессом в Союз коммунистов [1]. 5 сентября 1847 г. Готшальк сообщил Гессу об основании в Кёльне общины Союза коммунистов, в которую вместе с ним вошли Аннеке, Виллих, Янсен и др. [2] С момента организации общины Готшальк принимал самое активное участие в ее заседаниях, происходивших два раза в неделю. Вместе с членами общины он читал политическую литературу, по-видимому, познакомился также с работами Маркса и Энгельса, участвовал в дискуссиях, занимался повседневной пропагандой. Незаурядный ораторский талант Готшалька способствовал быстрому росту его популярности среди кёльнских демократов.

Февральская революция во Франции послужила толчком для более решительных выступлений кёльнских рабочих и демократов. 3 марта 1848 г. в Кёльне произошла массовая демонстрация, организованная кёльнской общиной Союза коммунистов. Готшальк вместе с другими членами общины (Виллихом, Аннеке) принимал в ней активное участие. От имени многотысячной демонстрации он вручил магистрату Кёльна петицию с требованием демократических свобод и охраны прав рабочих. В момент передачи петиции он произнес речь, в которой призывал членов магистрата помочь трудящимся. Собравшиеся на площади перед ратушей демонстранты были тем временем окружены войсками и разогнаны. Готшальк, Аннеке и Виллих подверглись аресту и были преданы суду, однако по королевской амнистии 21 марта 1848 г. их освободили из-под ареста.

[1] Ф. Энгельс — В. Либкнехту, 29 октября 1889 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 250.

[2] Сб. «Союз коммунистов — предшественник I Интернационала». М. 1964, стр. 146—147.

Поведение Готшалька, его речь и текст врученной им петиции во время демонстрации отражали путаный характер его политических и социальных воззрений[1]. Он осуждал олигархию денежных тузов и высказывался за «монархию на демократической основе», способную защитить страдающий пролетариат от социальной несправедливости, ратовал исключительно за мирные средства борьбы. Такие взгляды в значительной мере предопределили и ошибочную тактику Готшалька в дальнейшем ходе революции.

В письме к Марксу, написанном через несколько дней после кёльнской демонстрации, Энгельс оценил мирную тактику ее руководителей как основную причину неудачи, постигшей кёльнцев[2].

Разногласия между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Готшальком, с другой, отчетливо определились после возвращения основоположников научного коммунизма в апреле 1848 г. в Кёльн. Учитывая создавшуюся в Германии обстановку, слабость и незрелость рабочего движения, Маркс и Энгельс решили выступить на крайнем левом, фактически пролетарском фланге демократического движения. В соответствии с этой тактикой они примкнули также к мелкобуржуазному Демократическому обществу в Кёльне. Свои действия они рассматривали лишь как первый шаг, направленный на политическую активизацию пролетарских масс в ходе неизбежного дальнейшего углубления революции.

Иначе понимал обстановку Готшальк. Он был склонен удовлетвориться результатами мартовской революции. «Мы можем и должны быть пока удовлетворены тем, что достигнуто в настоящее время»,— писал он 26 марта 1848 г. своему идейному наставнику М. Гессу[3]. Пренебрегая общеполитическими задачами, которые стояли в тот момент перед германским народом, Готшальк уводил кёльнских рабочих в сторону от непосредственного участия в демократическом движении. Он сеял среди них иллюзии о возможности коренного улучшения их положения в результате социальных преобразований в рамках существующего строя.

В апреле Готшальк выступил в качестве инициатора создания в Кёльне самостоятельного рабочего общества. В его состав вошли члены кёльнских общин Союза коммунистов, а также

[1] Текст речи Готшалька и описание событий 3 марта 1848 г. содержатся в написанной вскоре им самим и выпущенной анонимно брошюре: «Der sogenannte Aufruhr am 3. März 1848 zu Cöln. Authentische Darstellung».

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 112.

[3] *M. Hess*. «Briefwechsel». 'S-Gravenhage, 1959, S. 175.

ближайшие соратники Маркса по Союзу коммунистов Шаппер и Молль. Однако преобладающее влияние в Рабочем союзе в этот период имели сторонники Готшалька.

На учредительном собрании Рабочего союза 13 апреля Готшальк произнес длинную речь, в которой весьма расплывчато изложил цели союза, заключавшиеся, по его мнению, в устранении общественного неустройства, обеспечении трудящихся работой и улучшении их жизненных условий. При этом он и не пытался разъяснить, каким путем можно всего этого добиться [1].

По своему социальному составу Рабочий союз был в значительной мере организацией ремесленников. Этот факт отразился также на его структуре. Комитет союза был избран по цехово-профессиональному принципу: один человек от каждой отрасли промышленности или профессии. В соответствии с данным принципом в комитет входил только 1 представитель от фабричных рабочих, абсолютное большинство комитета составляли представители ремесленников. Секретарями комитета Готшальк, избранный председателем союза, назначил участника демонстрации 3 марта бывшего прусского офицера Аннеке, журналиста Принца, землемера Янсена, учителя чистописания Ренарда и поэта Хокера [2].

В обстановке революционного подъема кёльнский Рабочий союз очень скоро стал одной из самых массовых рабочих организаций Рейнской провинции и Вестфалии. Насчитывая в момент образования 300 членов, он с невероятной быстротой пополнял свои ряды. Уже 24 апреля в союзе было более 4 тысяч человек, 8 мая — 5 тысяч, а к июлю — 7—8 тысяч [3]. Однако причина такого роста отчасти заключалась в тактике, проводимой группой Готшалька. Деятельность союза ограничивалась, главным образом, борьбой за интересы разорявшихся ремесленников и выдвижением некоторых частных требований социального характера. Так, на заседании комитета союза 21 апреля 1848 г. одна за другой принимались петиции к обербургомистру, депутатам и магистрату Кёльна об улучшении создавшегося положения в госпитале и инвалидных домах, об изменении положения мастеров и подмастерьев, о снижении налогов для булочников и мясников [4] и т. п. Это стремление ограничиться ремесленно-цеховыми рамками, отгородиться от борьбы за демократические свободы, от участия в общеполитической борьбе

[1] «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» (в дальнейшем — «ZAV»), 23. IV. 1848.

[2] Ibid.

[3] «ZAV», 27. IV (Extra Beilage), 14. V, 13. VII. 1848.

[4] «ZAV», 30. IV. 1848.

импонировало многим ремесленникам, за счет которых в основном и пополнялись ряды союза.

Большой вред нанес Готшальк демократическому движению своей тактикой бойкота выборов в берлинское и франкфуртское Национальные собрания в апреле 1848 года. Готшальк, первоначально возлагавший большие надежды на свое избрание в парламент, после введения в действие закона, предусматривавшего косвенную систему выборов, испытал сильное разочарование. На заседании комитета союза 1 мая 1848 г. по поводу только что закончившегося первого дня выборов в берлинское Национальное собрание он призывал к отказу от участия в выборах, открывавших, по его словам, дорогу для всякого рода злоупотреблений. «Существуют лишь единственные действительно народные выборы..,—заявил Готшальк,—когда представитель народа избирается на свободном, открытом народном собрании большинством голосов... Он... призывает всех членов Рабочего союза, всех сознательных мужей протестовать вместе с ним против юридических полномочий законодательного собрания, которое явится результатом теперешних «дурных выборов»» [1].

Еще до того, как был обнародован протокол заседания комитета, в органе кёльнского Рабочего союза появилось обращение за подписью председателя, секретарей и комитета Рабочего союза с призывом отказаться от участия в выборах. Комитет решительно протестовал против того:

«1) чтобы какой бы то ни было человек, который не будет избран большинством голосов на свободном открытом народном собрании, присваивал себе право называться народным представителем...

2) чтобы какое бы то ни было собрание, которое непосредственно не вызвано к жизни народом, присваивало себе функции законодательного народного собрания» [2].

Шаппер, Молль и другие члены Союза коммунистов, придерживавшиеся тактики Маркса, призывавшего поддерживать демократических кандидатов на выборах, выступали за участие в избирательной кампании. Некоторая часть членов Рабочего союза шла за ними, и это не могло не оказать влияния на весь союз. Однако Готшальку в конце концов все же удалось склонить большинство членов союза к бойкоту выборов. В результате кёльнская демократия потеряла около 6 тысяч голосов избирателей из 21 тысячи кёльнцев, имевших право участия в первичных выборах, и не смогла добиться преобладания над другими партиями [3].

[1] «ZAV», 7. V. 1848.
[2] «ZAV», 3. V. 1848 (Extra Beilage).
[3] *G. Becker*. Op. cit., S. 51; «Neue Kölnische Zeitung», 5. I. 1849.

Более сильное противодействие Готшальк встретил при обсуждении в союзе вопроса о возвращении в страну известного своими реакционными взглядами принца Прусского, изгнанного революцией. В то время как Маркс, будучи одним из руководителей кёльнского Демократического общества, вместе со всеми его членами высказался резко и определенно против этого намерения правительства Кампгаузена, Готшальк фактически поддержал правительство. Его не остановило даже то обстоятельство, что все члены комитета Рабочего союза, кроме одного, выступили на заседании 15 мая 1848 г. против решения правительства. В своей речи Готшальк назвал протест против возвращения принца Прусского *«полумерой, глупой и незаконной»* [1]. Комитет не принял никакого решения по обсуждавшемуся вопросу [2]. По сути дела, это было первое серьезное поражение Готшалька в Рабочем союзе. Оно было вызвано возраставшей непопулярностью правительства среди членов союза. Поражение Готшалька произошло также не без влияния Маркса и его сторонников. Об этом свидетельствовали не только выступления Молля в Рабочем союзе, но и статьи, направленные против возвращения принца Прусского в Германию, которые были опубликованы несколько позже на страницах «Neue Rheinische Zeitung» [3].

К этому времени Готшальк уже начал переходить к открытой борьбе с Марксом. Решающим шагом на этом пути был его выход из Союза коммунистов. Устав Союза, обязывавший его подчиняться руководству, выполнять определенные поручения. стал особенно стеснять его после организации Рабочего союза, в котором он намеревался проводить свою собственную линию.

Заявление Готшалька о выходе из Союза коммунистов рассматривалось на заседании кёльнской общины 11 мая 1848 года. Вопрос, заданный ему Марксом с намерением выяснить его окончательное решение, заставил последнего откровенно сформулировать свою позицию по отношению к Союзу коммунистов. Выражая готовность содействовать Союзу на определенных условиях, Готшальк вместе с тем настаивал на своем выходе, поскольку «изменившаяся в настоящее время обстановка требует также и изменения устава Союза... в существующем до сих пор уставе он видит угрозу своей личной свободе» [4]. Такая мотивировка оставляла мало сомнений относительно подлинных намерений Готшалька.

[1] «ZAV», 21. V. 1848.
[2] Ibid.
[3] «NRhZ», 2. VI. 1848 («Протест», «Клубы», «Обращение демократов Нейсса к кёльнскому Демократическому обществу»).
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, стр. 523.

С момента создания постоянного органа революционного. пролетарского крыла демократии — «Neue Rheinische Zeitung» Готшальк и его сторонники начали публичные нападки на газету и ее редакцию. В «Zeitung des Arbeiter-Vereines» уже 11 июня 1848 г. появилась статья под названием «Орган демократии» [1]. В ней утверждалось, что «Neue Rheinische Zeitung» вовсе не является органом демократии, а «находится в руках истинных аристократов, и как раз опаснейших из них — в руках финансовых аристократов». Полемика против «Neue Rheinische Zeitung» продолжалась в течение июня и июля (уже после ареста Готшалька) [2]. Нередко выпады против газеты носили чисто демагогический характер. Владельца типографии, в которой она печаталась, обвинили в эксплуатации рабочих и низкой оплате их труда [3]. Орган Рабочего союза пытался внушить своим читателям, будто содержание «Neue Rheinische Zeitung» им недоступно, иронически заявляя, что «музыка» этой газеты слишком «возвышенна», чтобы быть понятной [4].

В конце мая — начале июня Готшальк выдвинул броский, но весьма неопределенный по содержанию лозунг «рабочей республики». Выступая на общем собрании кёльнского Рабочего союза 4 июня 1848 г., он пытался вскрыть сущность данного лозунга, но не пошел дальше ничего не разъясняющего заявления, что «рабочая республика» — это такая республика, в которой «тунеядству становится невозможным существовать за счет труда» [5]. Еще более туманно представлял Готшальк пути достижения поставленной цели. Как и мелкобуржуазные демократы, он говорил о простом «введении» республики, сводя при этом роль рабочих лишь к «объединению» и терпеливому ожиданию [6]. Лозунг «рабочей республики» дезориентировал рабочих, вселяя в них ложную надежду на возможность незамедлительно и без всякой борьбы добиться своих прав.

Утопический характер выдвинутого Готшальком лозунга, его ошибочность и вредность в тактическом отношении для дела пролетариата в революции становятся особенно ясными при сопоставлении с тактикой Маркса и Энгельса в этом вопросе. Уже в первые дни революции они четко и ясно сформулировали требование единой и неделимой республики в Германии, выдвинув его как первый пункт политической платформы Союза коммунистов в германской революции [7]. Прекрасно понимая, что соз-

[1] «ZAV», 11. VI. 1848 (Extra Beilage).
[2] «ZAV», 18 и 25. VI, 6, 16 и 23. VII. 1848.
[3] «ZAV», 25. VI. 1848.
[4] «ZAV», 23. VII. 1848.
[5] «ZAV», 11. VI. 1848.
[6] «ZAV», 6. VII. 1848.
[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 1.

дание такой республики, неизбежно буржуазно-демократической по своему характеру, могло явиться только итогом развития революции, Маркс и Энгельс выступали с критикой мелкобуржуазных иллюзий «декретирования» республики [1]. В то время как тактика Маркса и Энгельса была последовательно направлена на активизацию трудящихся масс и на усиление их борьбы за демократию, новый тактический шаг Готшалька столь же последовательно обрекал рабочих на пассивное выжидание. Политическая деятельность в кёльнском Рабочем союзе становилась исключительной привилегией его руководства.

В середине июня 1848 г. во Франкфурте-на-Майне состоялся конгресс демократов. Его организаторы, мелкобуржуазные демократы, ставили своей целью объединение демократических сил всей Германии. «Neue Rheinische Zeitung» оказывала содействие созыву конгресса [2], в его работе приняли участие некоторые члены Союза коммунистов, в том числе К. Шаппер, И. Молль, Э. Дронке, А. Клусс и И. Вейдемейер [3]. В работе конгресса решил принять участие также Готшальк. Он, однако, стремился достигнуть с помощью конгресса единства всего рабочего движения и немедленно «организовать рабочий класс всех германских государств в крупную, сильную, объединенную партию» [4], которую, по-видимому, надеялся возглавить сам, сделав Кёльн центром всех рабочих союзов Германии.

Во Франкфурт Готшальк ехал с заранее подготовленной программой, принятой на заседании комитета Рабочего союза 10—11 июня 1848 года [5]. Она состояла из 3-х пунктов:

1. Все рабочие союзы должны стремиться к тому, чтобы *«открыто* требовать и прокладывать путь единой республиканской конституции для всей Германии».

2. «Конгресс и все рабочие союзы не должны обращать никакого внимания на какие бы то ни было решения франкфуртского и берлинского учредительных собраний, так как они не являются подлинными представителями народа...»

3. «Конгресс должен немедленно обсудить меры, с помощью которых в Германии скорее всего может быть введена республика» [6].

На конгрессе Готшальк проявлял большую активность, но не добился сколько-нибудь значительных успехов. Правда,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 41.

[2] «NRhZ», 7. VI. 1848 (Beilage), 11. VI. 1848.

[3] *G. Lüders*. «Die demokratische Bewegung in Berlin im Oktober 1848». Berlin und Leipzig. 1909, S. 137—140.

[4] «ZAV», 18. VI. 1848.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

конгресс одобрил его предложение о республике, как единственно приемлемой форме государственного устройства для Германии [1]. Однако другое сделанное им предложение — опубликовать заявление, призывающее не признавать берлинское и франкфуртское Национальные собрания — было отвергнуто делегатами. Попытка навязать конгрессу сектантскую тактику не увенчалась успехом и не способствовала популярности Готшалька. Несмотря на все усилия его не избрали в Центральный комитет демократов, который должен был осуществлять связь между отдельными союзами [2]. В своем отчете о Франкфуртском конгрессе перед комитетом кёльнского Рабочего союза 18 июня он умолчал о всех невыгодных и неприятных для него моментах. Умолчал он также об усилении влияния «Neue Rheinische Zeitung», которая на конгрессе была признана одним из ведущих органов демократии [3].

После конгресса Готшальк резко изменил свое отношение к демократам. Из противника совместных действий с ними он стал сторонником таковых и с необыкновенной настойчивостью выступил за объединение трех кёльнских демократических союзов: Рабочего союза, Демократического общества и Союза рабочих и работодателей. Не учитывая существенных различий между этими тремя организациями, Готшальк надеялся растворить их в кёльнском Рабочем союзе и возглавить все движение.

Маркс и Энгельс выступили против предложения Готшалька об организационном слиянии трех кёльнских союзов. Выступая за тесный союз со всеми революционно-демократическими силами, они стремились, однако, предупредить такие действия, которые могли задержать развитие классового сознания пролетариата и его классовой организации. По этой причине Маркс вошел вместе с Шаппером в качестве представителя Демократического общества в созданную в конце июня 1848 г. объединенную комиссию, которая должна была решить вопрос о совместных действиях трех кёльнских союзов [4]. От Рабочего союза в комиссию вошли Готшальк и Янсен (позже его заменил Аннеке), от Союза рабочих и работодателей — Г. Беккер и Шютцендорф. Предложение Готшалька о слиянии трех союзов Кёльна не нашло поддержки даже в Рабочем союзе, и спустя две недели

[1] «ZAV», 25. VI. 1848.

[2] *G. Becker*. Op. cit., S. 72—73.

[3] «ZAV», 25. VI. 1848; *G. Lüders*. Op. cit., S. 136.

[4] Подробнее об этом см.: *М. А. Кочеткова*. «Деятельность Маркса и Энгельса в кёльнском Демократическом обществе». В сб. «Из истории формирования и развития марксизма». М., 1959, стр. 311—312; *С. З. Левиова*. «Карл Шаппер». В сб. «Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры». М., 1961, стр. 88.

после создания объединенной комиссии она была преобразована в Рейнский окружной комитет демократов. Готшальк, таким образом, потерпел еще одно поражение.

Июньское восстание парижских рабочих в 1848 г. повлекло за собой дальнейшее обострение классовой борьбы во всей Европе. Готшальк и руководимый им кёльнский Рабочий союз вслед за Марксом и Энгельсом и «Neue Rheinische Zeitung» решительно выступали в поддержку повстанцев. Серия статей «Neue Rheinische Zeitung», посвященных июньскому восстанию [1], несомненно, оказала большое влияние на Готшалька. В печатном органе союза была опубликована передовая статья «Рабочая революция в Париже и «Kölnische Zeitung»», которая перекликалась с выступлением Готшалька на заседании комитета союза 26 июня 1848 года [2]. Но поддерживая восстание французских рабочих, Готшальк по-прежнему боялся политических выступлений германских рабочих. На том же заседании комитета союза он предостерегал рабочих от активных действий и снова затуманивал им головы своими рассуждениями о возможности добиться республики без кровопролитий, считая «единственным средством для победы объединение» [3]. Готшальк говорил даже о готовности буржуазии пойти на уступки, но при этом он не учитывал того, что после поражения парижского пролетариата реакция во всей Европе вновь подняла голову. Очень скоро, однако, ему самому пришлось в этом убедиться. Репрессии обрушились и на кёльнский Рабочий союз. 3 июля 1848 г. полицейскими властями были арестованы Готшальк и Аннеке. Почти полгода, пока шло следствие, они были лишены возможности принимать участие в политической жизни. Расчет реакции был прост: арестовав руководителей Рабочего союза, она стремилась обезглавить и ликвидировать союз. Дальнейшая история Рабочего союза показала, что реакция просчиталась.

Первое время после ареста Готшалька в союзе наблюдалась некоторая растерянность, нарушился привычный распорядок заседаний его комитета, задерживался выпуск органа союза — «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln». Но вскоре все стало входить в свою колею. Уже 6 июля 1848 г. был избран новый председатель Рабочего союза. Им стал испытанный боец Союза коммунистов соратник Маркса и Энгельса — Иосиф Молль [4]. Задача, стоявшая перед ним и другими коммунистами, была

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 115, 116, 117—120, 121, 123—127, 128—132, 133—137, 138—142, 143—149, 150—159.

[2] «ZAV», 2 и 6. VII. 1848; *H. Stein*. Op. cit., S. 55; *G. Becker*. Op. cit. S. 83—84.

[3] «ZAV», 6. VII. 1848.

[4] «ZAV», 13. VII. 1848.

чрезвычайно трудна. Надо было освободить кёльнских рабочих от сектантских предрассудков, убедить их в ошибочности тактики Готшалька и направить развитие Рабочего союза по пути подлинной пролетарской революционности. Положение осложнялось большой личной популярностью Готшалька среди членов союза, приобретавшей порой характер культа личности,— одного из наиболее характерных проявлений сектантства в рабочем движении. Предстояла серьезная борьба против группы приверженцев Готшалька, активно стремившихся к сохранению прежней тактики.

Молль уже в своем первом выступлении после избрания его председателем Рабочего союза подверг косвенной критике проявления культа личности Готшалька, выразив уверенность в том, что каждый член союза способен «взять на себя обязанности председателя и энергично выполнять их» [1]. Он призвал всех членов союза оказывать содействие комитету. Принципиальная критика авторитарного характера прежнего руководства продолжалась и в последующие месяцы. Шаппер, выступая 3 сентября 1848 г. на общем собрании Рабочего союза, подчеркивал в своей речи: «...надо оказывать внимание каждому человеку, который борется за права рабочих. Тот, кто делает ставку на личность... не понимает духа нашего времени» [2]. При этом никакие личные выпады против Готшалька не допускались ни внутри союза, ни вне его. Напротив, «Neue Rheinische Zeitung» в первые же дни после ареста Готшалька выступила с разоблачениями полицейского произвола [3].

Деятельность соратников Маркса и Энгельса была направлена также на просвещение рабочих. По предложению Шаппера в союзе стали систематически ставить и обсуждать вопросы, имевшие непосредственное практическое значение для всего рабочего движения 40-х годов XIX в. Так, на нескольких заседаниях комитета в июле месяце 1848 г. обсуждался вопрос о пользе или вреде машин [4]. Среди части отсталых рабочих росло и ширилось движение, направленное против введения машинного оборудования на производстве и приводившее подчас к стихийным бунтам, кончавшимся разрушением машин [5]. Обсуждение этого вопроса помогло рабочим уяснить себе, что безработица возникает от того, что машины находятся в руках капиталистов [6].

[1] «ZAV», 13. VII. 1848.
[2] «ZAV», 7. IX. 1848.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 171, 172—174, 182.
[4] «ZAV», 20, 23 и 27. VII. 1848.
[5] *G. Becker*. Op. cit., S. 95.
[6] «ZAV», 27. VII. 1848.

Большой интерес представляет также и то, какой отклик нашла в Рабочем союзе дискуссия Маркса с Вейтлингом, происходившая в кёльнском Демократическом обществе [1]. При обсуждении в Рабочем союзе вопроса об организации труда в современном обществе Шаппер со всей определенностью высказался против утопических проектов Вейтлинга [2]. По примеру Демократического общества в союзе по предложению Молля было также решено раз в неделю заслушивать политические обзоры [3].

Маркс и Энгельс не только через своих соратников оказывали влияние на деятельность Рабочего союза, но и сами принимали непосредственное участие в его работе. Энгельс, присутствовавший вместе с одним из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» — Дронке на заседании комитета союза 11 сентября 1848 г., выступил здесь с большой речью в ходе дискуссии об организации труда в современных условиях. Речь Энгельса была с одобрением воспринята присутствующими [4].

Укрепились связи Рабочего союза с «Neue Rheinische Zeitung» и Демократическим обществом. В августе 1848 г. обе организации и газета совместно выступили в защиту Маркса и Шаппера от полицейских преследований [5]. Все это свидетельствовало о постепенно происходившем сплочении революционных сил.

Эти успехи были достигнуты в результате упорной борьбы со сторонниками Готшалька. Серьезные разногласия возникли в союзе в связи с характером материалов, помещаемых в «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln». Поводом для них послужило опубликование статьи «Политика» [6], в которой затрагивался вопрос о будущем политическом устройстве Германии. Требованию единой, демократической республики, выдвинутому Марксом и Энгельсом, в статье противопоставлялась реакционная в тех условиях идея федеративной республики. «Пруссия хочет остаться Пруссией и знать не хочет Германии... мы не хотим никакого насильственным путем удерживаемого единства, мы не можем его хотеть; мы хотим *федеративную республику...*», — говорилось в статье [7]. 31 июля 1848 г. на заседании комитета Молль резко выступил против этой статьи. Он заявил, что демократическое будущее Германии гарантируется народу только при условии свободной, единой республики, как это признано

[1] См. *М. А. Кочеткова.* Цит. соч., стр. 314—316.
[2] «ZAV», 7. IX. 1848
[3] «ZAV», 31. VIII. 1848.
[4] «ZAV», 21. IX. 1848. Запись речи Энгельса не сохранилась.
[5] «ZAV», 13 и 24. VIII. 1848.
[6] «ZAV», 30. VII. 1848.
[7] Ibid.

«выдающимися людьми нашего времени»[1]. Начавшись с этого эпизода, борьба за направление газеты продолжалась около двух месяцев[2]. Точка зрения соратников Маркса и Энгельса одержала верх, и постепенно орган союза стал превращаться в подлинную рабочую политическую газету. С сентября 1848 г. в ней почти из номера в номер в качестве передовых печатался материал о политических событиях[3].

Сильное сопротивление оказывали сторонники Готшалька также организационным изменениям, проводившимся Моллем в Рабочем союзе. Все же Моллю удалось осуществить некоторые меры по реорганизации руководства союза. Отказ от цехово-профессионального принципа представительства в комитете и значительное сокращение его состава позволили превратить комитет в более дееспособный орган. Протоколы заседаний комитета, прежде бесконтрольно составлявшиеся и публиковавшиеся Готшальком и его ближайшими друзьями, отныне подлежали предварительному утверждению комитетом[4].

Эта борьба отражала и в то же время стимулировала более глубокие изменения, происходившие в Рабочем союзе. Они выразились, прежде всего, в уменьшении его численности[5]. Покидали ряды союза главным образом мелкобуржуазные элементы из числа разорившихся ремесленников. Надежды на незамедлительное улучшение их положения, обещанное им Готшальком, не сбылись, а Молль и Шаппер ориентировали членов союза на длительную и сложную борьбу. Таким образом, союз очищался от попутчиков рабочего движения и, становясь меньше по численности, в то же время превращался в более крепкую и боеспособную организацию, большинство которой составляли уже более сознательные и активные рабочие[6].

Перед лицом наступления контрреволюции в сентябре 1848 г. Маркс и Энгельс начали активнее вмешиваться в непосредственное практическое руководство рабочим и демократическим движением в Кёльне. Они вошли в состав Комитета безопасности, избранного на народном собрании 13 сентября. В состав комитета были избраны также Молль и Шаппер. Напуганные размахом народных выступлений, власти обрушились в первую очередь на демократические организации Кёльна. Полиция получила предписание арестовать наиболее видных ораторов на на-

[1] «ZAV», 6. VIII. 1848.
[2] *G. Becker*. Op. cit., S. 106.
[3] См. «ZAV», 3. IX. 1848 и след.
[4] «ZAV», 27, 30. VII, 6. VIII и след.
[5] «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» (в дальнейшем — «FBA»). 11. III. 1849.
[6] Орган союза сообщал о регулярном посещении рабочими общих собраний, а также заседаний комитета («ZAV», 17. IX. 1848).

родных собраниях. 25 сентября были арестованы руководящий деятель Рабочего союза Карл Шаппер и один из руководителей союза рабочих и работодателей в Кёльне Герман Генрих Беккер. Попытка арестовать Молля не удалась, ибо рабочие воспрепятствовали этому силой. В связи с произведенными арестами 25 сентября 1848 г. весь день происходили волнения в демократически настроенных кругах. Правительство было не прочь спровоцировать восстание, которое из-за своей неподготовленности с самого начала было бы обречено на неудачу. Вожди пролетариата и руководители Демократического общества и Рабочего союза разгадали планы контрреволюции и предотвратили неизбежное кровопролитие. Маркс сумел убедить рабочих не идти на преждевременное выступление. Однако к вечеру, после того как поползли слухи о том, что кёльнские власти собираются послать войска для разгона рабочих и ареста Молля, рабочие воздвигли баррикады [1]. Власти сочли эти действия достаточным поводом для введения осадного положения в Кёльне. Оно было объявлено на следующий день. За несколько часов до этого «Neue Rheinische Zeitung» специальной заметкой предупредила кёльнских рабочих об угрожавшей опасности [2]. Энгельс, В. Вольф, Молль и Дронке — руководители демократического движения и активные участники народных собраний — вынуждены были покинуть город из-за угрожавшего им ареста. С введением осадного положения прекратилась деятельность демократических организаций и был приостановлен выход газет. Временно прекратилась также деятельность кёльнского Рабочего союза и его печатного органа.

После отмены 3 октября осадного положения сторонники Готшалька, воспользовавшись замешательством в Рабочем союзе в связи с отсутствием Шаппера и Молля, снова активизировали свою деятельность. Рабочий-сигарочник Рёзер, временно возглавлявший союз, не смог дать им должного отпора. В их руках оказался орган союза — «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln», редактором которого стал Принц, один из ярых приверженцев Готшалька [3]. На страницах газеты вновь появились весьма путаные статьи в защиту экономических интересов ремесленников. На заседаниях комитета союза нередко инициативой завладевали люди типа Принца и Сюрта, убежденные сторонники Готшалька [4]. Отдавая себе отчет в сложившемся положении, революционно настроенные члены Рабочего союза уже в первой половине октября направили к Марксу делегацию с просьбой

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 451—452.
[2] Там же, стр. 447.
[3] «ZAV», 5. X. 1848.
[4] «ZAV», 12, 15. X. 1848.

возглавить кёльнский союз. Маркс, несмотря на свою занятость, согласился «пойти навстречу желанию рабочих» [1]. 16 октября он принял участие в заседании комитета союза в качестве председателя кёльнского Рабочего союза. 22 октября общее собрание членов Рабочего союза утвердило избрание Маркса председателем [2]. Такой оборот событий заставил приверженцев Готшалька отказаться от открытых попыток вновь захватить руководство Рабочим союзом.

Революционные события в Вене в октябре 1848 г. были серьезным испытанием классовой сознательности и солидарности кёльнских рабочих. От исхода венского восстания зависели судьбы революции во всей Германии. Тактика Маркса в вопросе помощи немецкого народа революционной Вене заключалась в организации народной борьбы с контрреволюцией «в своем собственном доме» [3]. В «Neue Rheinische Zeitung» Маркс посвятил венскому восстанию целый ряд статей [4]. Он придавал также большое значение позиции Рабочего союза в этом вопросе. Уже на первом заседании союза, на котором Маркс присутствовал в качестве председателя, он подчеркивал в своем выступлении «выдающуюся роль, которую рабочие сыграли в недавней венской революции». Предложение Маркса направить адрес венскому Рабочему союзу было принято при полной поддержке участников заседания [5]. Вслед за «Neue Rheinische Zeitung» и новый орган кёльнского Рабочего союза «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» в ряде своих номеров уделил внимание успехам революционного восстания в Вене, называя Вену «храброй поборницей нашей свободы» [6].

Рабочий союз занимал также последовательную классовую позицию по основным внутриполитическим проблемам германской революции. Делегат кёльнского союза Фридрих Бейст на втором конгрессе демократов, заседавшем в Берлине 26—31 октября 1848 г., отстаивал программу, почти целиком совпадавшую с «Требованиями Коммунистической партии в Германии» [7].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 549.
[2] Там же, стр. 551.
[3] Там же, стр. 483.
[4] Там же, стр. 449—450, 460—461, 488—489, 490—491, 492—494.
[5] Там же, стр. 549.
[6] «FBA», 26. X. 1848; см. также 2 и 12. XI. 1848.
Выход «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln» прекратился в связи с осуждением владельца типографии Броккера-Эверертса по обвинению в нарушении законов о печати. Рабочий союз, не имея возможности выплатить крупный денежный залог, требовавшийся для продолжения выпуска прежнего органа, практически без перерыва приступил к изданию новой газеты.
[7] Отчеты о работе второго конгресса демократов см. в «NRhZ», 2, 5. XI. 1848.

Этот программный документ стал также предметом широкого обсуждения и пропаганды внутри Рабочего союза [1].

После разгрома венского восстания возросла угроза контрреволюции. В Пруссии готовился государственный переворот. Маркс и Энгельс стремились с помощью «Neue Rheinische Zeitung» и демократических организаций предупредить народные массы о надвигавшейся опасности и подготовить их к отпору наступавшей контрреволюции. На заседании 6 ноября 1848 г. сразу же после падения Вены Маркс в своем выступлении по этому поводу объяснил собравшимся, что лишь предательство венской буржуазии дало возможность Виндишгрецу овладеть городом [2].

Кёльнский Рабочий союз в этот период действовал в основном единодушно, руководствуясь тактикой Маркса. Соратники Маркса и большинство сознательных рабочих в союзе понимали сложность и опасность момента. На заседании комитета 23 ноября 1848 г. вице-председатель Рабочего союза Рёзер заявил: «Сейчас не время действовать изолированно и преследовать лишь наши частные интересы. Сейчас все партии должны объединиться в борьбе против абсолютизма...» [3]. Затем на заседании выступил освободившийся незадолго перед тем из заключения Шаппер и, предложив не тратить слов на обсуждение и без того ясных вопросов, поддержал предложение Рёзера о посылке эмиссаров Рабочего союза в деревню для распространения там «наших идей» в соответствии с решением первого конгресса демократических организаций Рейнской провинции и Вестфалии [4]. Только сторонники Готшалька пытались противодействовать этой тактике. Они призывали не принимать участия ни в каких «эксцессах» или же подбивали членов союза использовать момент, чтобы добиться решения чисто социально-экономических проблем [5].

Таким образом, в период, когда председателем Рабочего союза был Маркс, его тактика во всех вопросах одерживала верх над сектантской линией сторонников Готшалька. Идеи научного коммунизма охватывали в союзе все большее и большее число рабочих и все глубже проникали в рабочее движение Германии. Сторонники Готшалька на это время практически вынуждены были отказаться от открытой борьбы, так как уже не располагали для этого необходимыми силами, и рабочим все яснее становилась несостоятельность их программы и тактики.

[1] «FBA», 9. XI. 1848.
[2] «FBA», 12. XI. 1848.
[3] «FBA», 30. XI. 1848.
[4] Ibid.
[5] Ibid.

В декабре 1848 г. состоялся суд над бывшими руководителями Рабочего союза Готшальком, Аннеке и Эссером. Предварительное следствие по их делу продолжалось почти 6 месяцев. Этот политический процесс против руководителей союза власти намеревались превратить в прецедент для ему подобных. Поэтому к нему особенно тщательно готовились. Неоднократные попытки со стороны руководителей Рабочего союза и демократических деятелей способствовать быстрейшему освобождению заключенных не имели успеха [1]. Демократическая печать, прежде всего «Neue Rheinische Zeitung», внимательно следила за ходом этого дела, доказывая несостоятельность предъявленного арестованным обвинения в «подстрекательстве к мятежу и основании запрещенного сообщества» и вскрывая подлинные причины затягивания предварительного заключения [2]. Как только начало слушаться дело Готшалька, Аннеке и Эссера, «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала написанную Марксом статью «Процесс Готшалька и его товарищей» [3], в которой разоблачались действия полицейских властей, бывших «единственными творцами этой криминалистской драмы» [4]. Маркс раскрыл в статье все лицемерие существования суда присяжных в Пруссии в условиях прусского военно-полицейского государства, при засилье юнкерства, военщины и бюрократии.

Процесс продолжался три дня. Суд не смог доказать вины обвиняемых и был вынужден их оправдать. 23 декабря 1848 г. Готшальк, Аннеке и Эссер были признаны невиновными и освобождены из-под ареста. Рабочий союз собирался устроить в честь такого события факельное шествие, но комендант Кёльна не дал на это разрешения [5].

Сразу же после выхода из тюрьмы Готшальк начал активную борьбу против преобразований, произведенных в Рабочем союзе Марксом и его сторонниками. Он стремился любой ценой восстановить свой прежний авторитет среди кёльнских рабочих и возглавить кёльнский Рабочий союз. 24 декабря Готшальк уехал в Бонн, куда вызвал к себе нескольких своих сторонников для совместной выработки плана дальнейших действий [6].

[1] См. «ZAV», 31. VIII, 15 и 22. X. 1848; «FBA», 5, 9, 16. XI. 1848 и др.

[2] «NRhZ», 5. VIII. 1848; «ZAV», 22. X. 1848; «FBA», 5, 16. XI. 1848.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 139—147.

[4] Там же, стр. 142.

[5] «Freiheit, Arbeit» (в дальнейшем — «FA»), 14. I. 1849; *H. Stein*. Op. cit., S. 88; *M. Hund*. «Eine Notiz von Karl Marx als Präsident des Kölner Arbeitervereins». In: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1966, N 1, S. 76—77.

[6] *K. Stommel*. «Der Armenarzt Dr. Andreas Gottschalk, der erste Kölner Arbeiterführer, 1848». «Annalen des Historischen Vereins für den Niederrhein», 1964, Heft 166, S. 99; «FBA», 22. IV. 1849; «NRhZ», 22. IV. 1849.

И на этот раз было решено начать с газеты Рабочего союза, воспользовавшись тем, что ответственным редактором «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» был в это время активный сторонник Готшалька Принц. С 31 декабря Принц самовольно прекратил выпуск газеты. Спустя две недели, 14 января 1849 г., под нажимом руководства Рабочего союза ему пришлось возобновить выпуск органа союза, но, по существу, это был лишь тактический маневр. Газета вышла под измененным названием «Freiheit, Arbeit», в качестве издателя вместо вице-председателя Рёзера был указан сторонник Готшалька типограф Броккер-Эверертс. Дело было, однако, не только в этих изменениях, предпринятых без ведома комитета, а прежде всего в содержании газеты. С первого своего номера «Freiheit, Arbeit» выступила открыто против лидеров демократии, которых в то время пролетарские революционеры рассматривали как союзников. В статье «К Демократическому обществу» газета даже прямо обвиняла руководство Общества в предательстве интересов народа [1]. Статья явно свидетельствовала о стремлении группы Готшалька сорвать сотрудничество Рабочего союза с демократами.

На состоявшемся на следующий день после выхода газеты заседании комитета союза было решено потребовать у Принца отчет о его поведении. После выступления Маркса и Шаппера комитет решил также создать специальную редакционную комиссию, чтобы официальный орган «действительно представлял интересы союза и редактировался в духе нашей партии» [2]. В состав комиссии были назначены Шаппер, Рёзер и Рейф.

Однако Принц уклонялся от контроля со стороны редакционной комиссии и продолжал свою деятельность. Появление еще одной статьи — «Господину Раво» [3], полной злобных выпадов против одного из лидеров демократии Раво, толкнуло комитет союза на немедленные решительные действия для обуздания сектантски настроенных элементов. На заседании 29 января 1849 г. Принц после обстоятельного обсуждения его действий заявил, что готов признать редакционную комиссию, но считает невозможным согласовывать с ней все статьи. Это заявление Принца самым решительным образом осудил Маркс [4]. В заключение было принято решение не считать больше газету «Freiheit, Arbeit» органом союза. В качестве такового было решено возобновить издание газеты «Freiheit, Brüderlichkeit,

[1] «FA», 14. I. 1849.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 629.
[3] «FA», 28. I. 1849.
[4] К сожалению, краткая протокольная запись, свидетельствующая о выступлении Маркса, текст его не воспроизводит (см. «FBA», 8. II. 1849).

Arbeit». Ее редактором был назначен Христиан Йозеф Эссер. Новый орган начал выходить 8 февраля 1849 года.

Принятые меры ослабили позиции группы Готшалька, но она по-прежнему продолжала свою фракционную деятельность внутри Рабочего союза. Кроме того, она располагала газетой «Freiheit, Arbeit»[1], которую превратила в орудие открытой борьбы против Маркса, «Neue Rheinische Zeitung», против нового руководства Рабочего союза. Приверженцы Готшалька явно стремились вызвать раскол среди кёльнских рабочих.

Сам Готшальк предпочитал оставаться вдали от Кёльна. Пробыв две недели в Бонне, он перебрался в Париж[2], а затем в Брюссель. Из Брюсселя Готшальк послал 9 января 1849 г. в Рабочий союз «Заявление», которое позже было опубликовано в издававшейся Принцем газете[3]. В этом документе Готшальк объявлял о своем добровольном изгнании, которое якобы связано с тем, что народ недостаточно убежден в его невиновности, хотя она и доказана судом присяжных. Он писал, что намерен оставаться в изгнании до тех пор, пока его «не призовет обратно на родину голос верховного судьи в стране в данное время или всеобщий призыв... сограждан»[4].

Документ произвел весьма неблагоприятное впечатление на членов Рабочего союза и способствовал развенчанию авторитета Готшалька среди рабочих. Недовольство вызывала в особенности последняя фраза, которая явно свидетельствовала о заигрывании Готшалька с монархистами. На заседании 15 января 1849 г. член комитета Вестерман зачитал «Заявление» Готшалька и выразил свое недоумение по поводу его содержания. Затем выступил Маркс. Он предложил отказаться пока от принятия решения по данному вопросу, «так как текст заявления слишком сомнителен и неясен, чтобы сделать из него определенный вывод». Для уяснения этого вопроса Маркс считал необходимым создать комиссию, которая «обратится к д-ру Готшальку с письмом, требуя объяснения и разъяснения по этому поводу»[5]. Шаппер поддержал Маркса. По-видимому, учитывая былую популярность Готшалька среди рабочих, Маркс хотел прежде всего добиться, чтобы всем членам союза стали ясными причины, побудившие Готшалька написать свое «Заявление», а уж затем выносить окончательное решение. Предложение Маркса было принято. В комиссию были избраны Маркс, Аннеке, Шаппер, Рёзер и Эссер. На письмо, посланное ему от имени Рабочего союза,

[1] «Freiheit, Arbeit» выходила до 17 июня 1849 г.
[2] *K. Stommel.* Op. cit., S. 99; «FA», 23. III. 1849.
[3] «FA», 18. I. 1849.
[4] Ibid.; см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 702.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 629.

Готшальк ничего не ответил. «Заявление» Готшалька фактически привело к его саморазоблачению перед кёльнскими рабочими.

Важным вопросом, по которому в союзе в январе 1849 г. возникли разногласия из-за сектантских действий сторонников Готшалька, был вопрос об участии Рабочего союза в выборах во вторую палату [1]. Маркс и другие редакторы «Neue Rheinische Zeitung» придавали очень большое значение этим выборам, так как в условиях победы контрреволюции после государственного переворота 5 декабря 1848 г. было особенно необходимо провести во вторую палату как можно больше депутатов-демократов [2]. Явно вразрез с этой тактикой шла статья в первом номере «Freiheit, Arbeit» «К Демократическому обществу», уже упоминавшаяся выше. Очевидно, не случайно обсуждение этой статьи и вопрос о выборах одновременно стояли в повестке дня заседания комитета 15 января 1849 г.[3] Разногласия на этот раз в отличие от мая 1848 г., когда речь шла вообще об отказе от участия в выборах, вызвал лишь вопрос о характере действий во время избирательной кампании: выступать самостоятельно или совместно с мелкобуржуазной демократией. Маркс поддержал Шаппера в отношении того, что Рабочий союз не может в настоящее время выдвинуть своих собственных кандидатов. «Сейчас речь идет не о принципиальных действиях,— говорил Маркс,— а лишь о том, чтобы представлять оппозицию правительству, абсолютизму, феодальному господству, а для этого годятся также и простые демократы, даже либералы, которые, в свою очередь, недовольны нынешним правительством» [4]. Следующее заседание комитета, 18 января 1849 г., также было посвящено вопросу о выборах [5]. Против совместных действий с мелкобуржуазными демократами во время выборов во вторую палату высказался Аннеке. Он требовал, чтобы союз выбрал своих собственных представителей — «решительных людей» [6]. Возражая ему, Шаппер указал на причины, побуждающие к совместным действиям с демократией: «На этот раз мы объединяемся с ней [демократией.— *М. К.*], так как наше время еще не пришло и не потому, что мы удовлетворены ее теориями, а для того, чтобы с ее помощью победить злобного общего врага...» [7]. По окончании дискуссии было принято решение о совместных

[1] Выборы выборщиков во вторую палату прусского ландтага были назначены на 22 января, выборы депутатов — на 5 февраля 1849 г.
[2] «NRhZ», 18. I. 1849 и Beilage.
[3] «FA», 21. I. 1849.
[4] Ibid.
[5] «FA», 25. I. 1849.
[6] Ibid.
[7] Ibid.

действиях с демократами на выборах. Сторонники Готшалька вновь остались в меньшинстве. Несмотря на сложную внутриполитическую обстановку в стране, демократы, благодаря поддержке рабочих, одержали победу на выборах. В то время как Маркс и его сторонники направляли все усилия для обеспечения успеха демократам, приспешники Готшалька во главе с Принцем всячески им мешали. Большой вред принесла уже упоминавшаяся выше статья против Раво. Настойчивые попытки выбить почву из-под ног демократов были связаны с намерением Готшалька выставить свою кандидатуру во вторую палату. Находясь в Брюсселе, он подготавливал почву для того, чтобы быть «призванным» в Германию. Но в Кёльне Готшалька никто не выдвинул. Его кандидатура была названа лишь при дополнительных выборах по избирательному округу Бонна в конце февраля [1], однако и здесь он потерпел поражение. Когда отпала надежда возвратиться в Германию в роли избранника народа, Готшальк вернулся на родину в марте 1849 г. без всякого шума и, поселившись в Бонне, стал преподавать в университете [2]. Однако он не отказался от политических интриг в Рабочем союзе и, ведя с помощью своих сторонников кампанию против Маркса, выжидал удобного момента для восстановления своего положения в союзе.

Активную роль в этой борьбе играла группа Принца, издававшая газету «Freiheit, Arbeit». Выступая с резкими нападками на демократических деятелей, на «Neue Rheinische Zeitung» и лично на Маркса, газета не гнушалась при этом и прямой клеветой. На страницах «Freiheit, Arbeit» выступал и сам Готшальк [3]. Для характеристики его позиции определенный интерес представляет опубликованное анонимно письмо «Господину Карлу Марксу, редактору «Neue Rheinische Zeitung»», написанное Готшальком еще за границей [4]. Необоснованные личные нападки на Маркса чередовались здесь со вздорными политическими обвинениями. Так, Готшальк утверждал, будто Маркс и его сторонники считают буржуазно-демократическую революцию конечной целью рабочего движения. Свою собственную группу Готшальк охарактеризовал как «револю-

[1] «Königlich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats-und gelehrten Sachen», 27. II. 1849.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6. стр. 644; *K. Stommel*. Op. cit., S. 101; Готшальк — Гервегу, 22 марта 1849 г.; «Briefe von und an Georg Herwegh». München, 1898, S. 265.

[3] К числу работ, принадлежащих перу Готшалька, по-видимому, относятся статьи, опубликованные без подписи в «FA», 11, 18, 22. II, 29. III и 15. IV. 1849.

[4] «FA», 25.II. 1849; Готшальк — Гессу, 22 марта 1849; *M. Hess*. Op. cit., S. 216.

ционную пролетарскую партию, не знающую никаких компромиссов», которую ничто не может запугать: «ни перманентные революции,.. ни гибель немецкого народа, ни уничтожение немецкой нации, ни господство казачества... и меньше всего — возврат к варварству средневековья» [1]. Столь же крикливый, экстремистский характер носили и другие материалы, публиковавшиеся в газете. Очень характерно в этой связи заявление экспедиции «Freiheit, Arbeit», которое перепечатывалось в газете несколько раз подряд. «До тех пор, пока еще существует свобода печати в ее теперешней форме,— говорилось в нем,— маленькая газета «Freiheit, Arbeit» будет решительно бороться со всеми реакционными партиями, начиная с партии, представленной «Neue Preußische Zeitung», и включая партию «Neue Rheinische Zeitung»» [2].

«Neue Rheinische Zeitung» не считала нужным отвечать на подобные выпады группы Готшалька. Борьба с ней велась, главным образом, внутри Рабочего союза. Здесь эта группа с каждым днем утрачивала влияние. Голоса сторонников Готшалька в это время все реже и реже слышались на заседаниях комитета союза — они теряли одну позицию за другой и постепенно оказались в полной изоляции. Не желая отказываться от своих сектантских позиций, некоторые из них демонстративно покидали Рабочий союз. Так поступил секретарь союза Сюрт [3]. В качестве мотивировки своего ухода, наряду с состоянием здоровья, он ссылался на невозможность оказывать сопротивление лицам, которые желают использовать союз в своих целях, приписывая тем самым новому руководству грехи, свойственные Готшальку и его сторонникам.

Поражение группы Готшалька в Рабочем союзе свидетельствовало о росте сознательности его членов. Дала свои плоды и та значительная просветительная и воспитательная работа, которая проводилась в союзе. На заседаниях его комитета ставились вопросы о классовой борьбе рабочих в других европейских странах [4], об отношении к внутриполитическим событиям, в частности целый ряд заседаний комитета был посвящен дебатам по поводу октроированной конституции 5 декабря 1848 года [5]. С политическими обзорами в Рабочем союзе выступал Карл Шаппер [6].

Всей этой деятельностью члены союза были подготовлены к одобрению предложения Шаппера о выработке нового устава,

[1] «FA», 25. II. 1849.
[2] «FA», 22, 23, 29. III, 1. IV. 1849.
[3] «FA», 18. II. 1849.
[4] «FA», 18. I. 1849.
[5] «FBA», 15, 22. II. 1849.
[6] «FBA», 18, 24. II и 1. III. 1849 и др.

которое было внесено им на заседании комитета 25 января 1849 года. Реорганизация союза была необходима, так как старый устав уже не соответствовал новым задачам, когда на передний план выдвигались просветительные цели, и не способствовал дальнейшей подготовке пролетариата к роли будущего руководителя революции.

Новый устав был принят на общем собрании 25 февраля. В его первом параграфе записано: «Целью кёльнского Рабочего союза является просвещение его членов в политическом, социальном и научном отношении с помощью книг, газет, листовок и путем проведения научных докладов и бесед» [1].

Организационные изменения шли значительно дальше тех изменений, которые были проведены Моллем в июле 1848 года. В комитет союза, состоявший из 15 человек, входило 9 председателей филиалов, редактор газеты и 5 членов, которые выбирались на общем собрании. Комитет союза и комитеты филиалов должны были переизбираться каждые 3 месяца. Каждый член союза имел билет, платил членские взносы и в случае неуплаты в течение 3 месяцев исключался из союза.

Выборы на руководящие должности в союзе 28 февраля 1849 г. свидетельствовали о возросшем авторитете коммунистов. Председателем Рабочего союза был избран Шаппер, его заместителем — Рёзер, кассиром — Рейф и секретарем — Бедорф. Все они были одновременно членами Союза коммунистов.

Укрепление организации Рабочего союза было как нельзя более своевременным. Изменившаяся расстановка классовых сил в Германии (буржуазия перешла полностью в лагерь реакции, а мелкая буржуазия показала неспособность руководить борьбой народных масс), наметившееся в самом пролетарском движении стремление к созданию самостоятельной массовой партии рабочего класса требовали твердого революционного руководства борьбой народных масс. Всем этим и было обусловлено изменение позиции Маркса и Энгельса по отношению к мелкобуржуазным демократам. 14 апреля 1849 г. Маркс, Шаппер, В. Вольф и Аннеке вышли из Рейнского окружного комитета демократических союзов [2] и тем самым порвали с мелкобуржуазной демократией организационно, не отказываясь при этом от совместных действий с ней. Вслед за выходом Маркса из Рейнского комитета демократических союзов общее собрание кёльнского Рабочего союза приняло 16 апреля 1849 г. постановление о выходе из объединения демократических обществ Германии и о присоединении к объединению немецких рабочих сою-

[1] «FBA», 22. II. 1849.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 462. В апреле Маркс и его сторонники вышли также из кёльнского Демократического общества.

зов с центральным комитетом в Лейпциге [1]. Этим решением одновременно предусматривалась и посылка делегатов на конгресс рабочих союзов в Лейпциг, а также проведение в Кёльне конгресса всех рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии, который был назначен на 6 мая 1849 года.

Таким образом Маркс и его соратники занялись подготовкой к созданию самостоятельной, массовой рабочей организации. Они исходили при этом из того, что на данном этапе революции уже созрели необходимые для объединения рабочих условия.

Именно в этот период приверженцы Готшалька, лишившись своих позиций в Рабочем союзе, предприняли попытку создать свою собственную организацию. Газета «Freiheit, Arbeit» усиленно восхваляла Готшалька, пытаясь восстановить его былой авторитет среди рабочих. 26 апреля 1849 г. группа сторонников Готшалька в Кёльне обратилась к нему с предложением возглавить новый союз. В ответном письме из Эмса Готшальк благодарил за оказанное доверие, но, видимо, считая почву еще недостаточно подготовленной, отклонил сделанное предложение [2].

Активизация группы Готшалька в тот момент представляла определенную опасность для рабочего движения Германии. Это могло помешать наметившемуся объединению рабочих союзов, повлиять на направление делавшего еще только первые шаги самостоятельного рабочего движения. В связи с этим действиям группы Готшалька был сразу же дан решительный отпор. «Neue Rheinische Zeitung» и орган Рабочего союза «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» выступили с заявлениями, разоблачавшими Готшалька [3]. Сильный удар Готшальку и его группе был нанесен постановлением первого филиала кёльнского Рабочего союза [4]. По решению комитета оно было опубликовано 29 апреля в органе союза. В этом документе с большой полнотой и ясностью характеризовалась враждебная рабочему движению деятельность Готшалька, особенно после его оправдания в декабре 1848 г., разоблачались его честолюбивые планы вновь захватить власть в Рабочем союзе. По поводу пресловутого «Заявления» говорилось, что Готшальк «...издевается над народом, считая его способным призвать обратно кого бы то ни было, кто признает и обращается к какому-то другому верховному судье, а не к самому голосу народа, что он играет здесь самую жалкую роль лицемера и стремится оставить для себя свободным путь и к королю, и к народу» [5].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 640.

[2] «FA», 6. V. 1849; *H. Stein*. Op. cit., S. 100; *G. Becker*. Op. cit., S. 259—260.

[3] «NRhZ», 22. IV. 1849; «FBA», 22. IV. 1849.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 642—644; «FBA», 29. IV. 1849.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 643—644.

После этих выступлений влияние группы Готшалька было окончательно подорвано. Готшальк вскоре совсем исчез с политической арены. Он вновь поселился в Кёльне и вернулся к медицинской практике. Летом 1849 г. Готшальк участвовал в борьбе с эпидемией холеры, вспыхнувшей в городе. Вскоре он заболел сам и 8 сентября 1849 г. умер. Похороны Готшалька в Кёльне вылились в своеобразную демонстрацию — трудящиеся воздавали должное памяти самоотверженного врача и основателя первой организации кёльнских рабочих.

Поражение революции в Германии надолго задержало дальнейшее развитие рабочего движения. Ударом для всего рабочего движения Германии явилось прекращение выхода «Neue Rheinische Zeitung» и вынужденный отъезд из Кёльна Маркса, Энгельса и их соратников. 25 мая 1849 г. Кёльн покинул ввиду угрозы ареста и председатель Рабочего союза Карл Шаппер. В июне председателем Рабочего союза вновь избрали Рёзера. В обстановке победы сил контрреволюции деятельность кёльнского Рабочего союза утратила свой политический характер, уже к осени 1849 г. союз превратился преимущественно в просветительную организацию.

Развитие кёльнского Рабочего союза в 1848—1849 гг. представляет значительный интерес для истории революции в целом во всей Германии и всего немецкого рабочего движения. Рабочий союз — одна из первых массовых организаций ремесленников и рабочих — стал ареной борьбы двух течений в революции: отражавшего интересы разорявшихся ремесленников сектантского течения, которое представляли Готшальк и его приверженцы, и подлинно революционного, отражавшего интересы всего класса пролетариев, течения, которое возглавляли Маркс и его соратники по «Neue Rheinische Zeitung» и Союзу коммунистов. Эти два течения породили две принципиально различные тактические линии. Одну, основанную на принципах научного коммунизма, на глубоком понимании классовой структуры общества и исторических условий, на точной оценке каждого этапа революции. Эта тактика была направлена на революционизирование трудящихся масс и их активное участие в политической борьбе. И другую, которая исходила из путаных идеалов «истинного социализма», не учитывала действительного развития революции. Она была рассчитана на пассивность масс и сводилась, в конечном итоге, к защите непосредственных экономических интересов разорявшегося сословия ремесленников.

Подробное изучение деятельности Готшалька и его группы в Рабочем союзе приводит к выводу, что положительный вклад Готшалька в развитие немецкого рабочего движения исчерпы-

вается его участием в создании Рабочего союза. Этот факт имел сам по себе весьма важное значение, ибо с объединением рабочих, хотя бы и в местных масштабах, все движение поднялось на новую ступень. Однако с момента возникновения союза деятельность Готшалька становится помехой для дальнейшего развития рабочего движения. Вместо четко сформулированного требования коммунистов о единой неделимой и демократической республике в Германии, установление которой было необходимым условием развития революции, Готшальк то восхвалял «монархию с демократической основой», то выдвигал утопический лозунг «рабочей республики», тем самым полностью дезориентируя рабочих. Вместо совместных действий с демократическими силами в революции Готшальк проводил курс на изоляцию рабочих от этих сил, обрекая их тем самым на пассивное выжидание и бездеятельность. Вместо политического просвещения рабочих, разъяснения им их классовых интересов и укрепления классового характера организации рабочих Готшальк делал упор на мелкие экономические требования представителей отдельных ремесленных профессий, игнорировал политические требования. Он злоупотреблял своей популярностью среди рабочих, единовластно распоряжался в Рабочем союзе, придавая его деятельности сектантские черты. Личные качества Готшалька немало способствовали авторитарному характеру его руководства союзом и проведению им ошибочной и опасной для рабочего движения линии. Его политика часто определялась личными соображениями и шла вразрез с интересами рабочих. В последний период, после того как Готшальк потерял свои позиции в Рабочем союзе, он окончательно утратил всякую принципиальность, и вся его деятельность свелась к интригам с целью снова захватить власть в союзе. Энгельс с полным основанием характеризовал Готшалька как демагога, «который льстил только-только пробуждающимся массам, потакая всем их традиционным предрассудкам» [1].

Победа над Готшальком, высвобождение кёльнских рабочих из-под сектантских влияний имели принципиальное значение для развития немецкого рабочего движения. В борьбе против Готшалька тактическая линия, избранная Марксом и Энгельсом в революции 1848—1849 гг., показала себя как единственно верная и отражающая подлинные интересы революционного пролетариата.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 250.

В. А. Смирнова

РОЛЬ К. МАРКСА В РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖЕНЕВСКОГО КОНГРЕССА I ИНТЕРНАЦИОНАЛА 1866 ГОДА)

Соединение массового рабочего движения с теорией научного социализма было основным содержанием деятельности Маркса в Интернационале, именно оно прежде всего и определило великую роль Международного Товарищества Рабочих в освободительной борьбе пролетариата. Важное звено в этом процессе составляют решения Женевского конгресса (сентябрь 1866 г.), который сделал значительный шаг вперед в развитии экономической части программы пролетарской партии.

Широко известна оценка, данная Женевскому конгрессу В. И. Лениным. В 1899 г. в работе «Протест российских социал-демократов» он выделил в его решениях вопросы о профессиональных союзах и экономической борьбе. Резолюция конгресса, подчеркивал Ленин, точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от ее преувеличения (свойственного в то время английским рабочим), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (у французов и немцев, особенно у лассальянцев). «Общий или принципиальный вопрос,— писал В. И. Ленин,— и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии» [1].

В данной статье сделана попытка показать на материалах Женевского конгресса конкретные формы и пути проникновения

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 171.

идей научного социализма в рабочее движение и тактику Маркса и его соратников в достижении поставленной цели, проследить, в какой мере отдельные положения Марксовой политической экономии нашли отражение в документах Генерального Совета и решениях конгресса и были восприняты передовыми рабочими, членами Интернационала. Статья не может претендовать на полное решение поставленных вопросов, так как для этого требуется монографическое исследование, расширение хронологических рамок работы и рассмотрение данных проблем на опыте всей истории Первого Интернационала.

В статье использованы, наряду с работами Маркса, печатные и неопубликованные материалы Женевского конгресса: доклады парижской, лионской и швейцарской секций, проекты резолюций, листовки, обращения и др. Особую ценность представляют рукописные протоколы всех заседаний конгресса на французском и немецком языках [1]. На французском экземпляре имеются пометки, сделанные Марксом при подготовке рукописи к печати. Именно этот вариант был положен Генеральным Советом в основу отчета о конгрессе, опубликованного по-английски и по-французски [2]. К анализу привлечен также отчет, помещенный И. Ф. Беккером в «Vorbote» [3] на немецком языке, и некоторые другие публикации.

* * *

К 1863 г. Маркс завершил создание третьей составной части марксизма — политической экономии. К этому времени в его столе лежала написанная еще в 1857—1858 гг. работа, составлявшая 50 печатных листов. Она, в сущности, явилась предварительным вариантом «Капитала». В 1859 г. Маркс выпустил в свет книгу «К критике политической экономии», в которой была «впервые изложена марксистская теория стоимости, являющаяся основой экономического учения Маркса» [4].

Результатом еще более грандиозного труда 1861—1863 гг. была рукопись, в четыре раза превосходившая по объему рукопись 1857—1858 годов. Здесь разработана проблематика будущего первого тома «Капитала», ряд вопросов II и III томов, а также дан историко-критический анализ взглядов предшествовавших Марксу экономистов (IV том «Капитала» — «Теории прибавоч-

[1] «Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs»; «Protokolle des Kongresses in Genf der internationalen Arbeiter-Assoziation soweit es auf deutsch verhandelt worden» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995).

[2] «The International Courier» 20. II—17. IV. 1867; «Le Courrier international» 9. III—27. IV. 1867.

[3] «Vorbote», 1866, №№ 9—11.

[4] «Карл Маркс. Биография». М., 1968, стр. 369.

ной стоимости»). В следующие годы (1863—1865) Маркс написал новый вариант теоретической части «Капитала», то есть I—III томов. И, наконец, в 1866 г. он работал над подготовкой к печати первого тома «Капитала», который вышел в свет через год после Женевского конгресса, 14 сентября 1867 года[1].

В отличие от экономических работ 40-х годов этим исследованиям Маркса предшествовало гораздо более глубокое изучение буржуазной политической экономии, самого капиталистического производства, прошедшего после 1848 г. бурный период развития; наконец, Маркс сумел в большей мере использовать практический опыт классовой борьбы пролетариата, обогащенной за истекший период новыми формами.

Маркс дал к этому времени развернутый критический анализ взглядов различных школ буржуазной политической экономии. По мнению Маркса, они отражали антагонистический характер противоречий буржуазного общества, реальные противоречия объективной действительности.

Беспощадной критике Маркс подверг писания вульгаризаторов классической буржуазной политической экономии, ее эпигонов — Мак-Куллоха, Мальтуса, Рошера и др.

Разбирая взгляды экономистов, выступивших еще в 20-х годах XIX в. в защиту интересов пролетариата (Годскин, Рейвнстон и др.), Маркс показал, что даже лучшие среди них, опираясь на рикардовскую теорию, принимали экономические предпосылки капиталистического производства как вечные и хотели только «вычеркнуть капитал, основу и вместе с тем необходимое следствие этих предпосылок»[2].

С особой разновидностью мелкобуржуазной политической экономии Марксу пришлось встретиться в лице Прудона. Еще в «Нищете философии» Маркс показал, что Прудон сделал шаг назад от теории Рикардо, которая была научным истолкованием современной ему действительности. В 50-х годах несостоятельность прудонизма была раскрыта Марксом в процессе разработки им собственной теории стоимости и прибавочной стоимости на гораздо более зрелом уровне развития марксизма. Это обстоятельство особенно подчеркивается в работах советских экономистов В. С. Выгодского и А. И. Малыша[3].

В 40-х годах Маркс вскрыл классовую природу мировоззрения Прудона, выражавшего настроения подмастерья, мастера,

[1] «Карл Маркс. Биография». М., 1968, стр. 422—426.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 269.

[3] *В. С. Выгодский.* «История одного великого открытия Карла Маркса». М., 1965, стр. 54—56 и др.; *А. И. Малыш.* «Формирование марксистской политической экономии». М., 1966, стр. 323 и др.

т. е. представителей мелкого ремесленного производства[1]. В 50—60-х годах Маркс показал, что при капиталистическом производстве накопленный труд проявляется как все более растущая социальная сила, отчужденная и враждебная пролетарию, и для рабочего отпадает всякая возможность самому овладеть условиями труда, как это иногда бывало при мелком производстве[2]. Отсюда Маркс делал вывод об утопичности и даже реакционности требований Прудона ликвидировать капиталистическую собственность при сохранении «вечных законов» товарного производства.

Важнейшей заслугой Маркса было рассмотрение отношений капиталистического производства как специфической исторической формы общественного труда в противовес апологетам капитализма, объявляющим их вечными и необходимыми отношениями[3].

В отличие от мелкобуржуазных утопистов Маркс положительно оценивал вызванное капиталом развитие производительных сил. Он показал, что первоначальное единство между работником и условиями труда, которое имело место в азиатской общине и при мелком семейном земледелии, непригодно для повышения производительной силы общественного труда. Отсюда неизбежно вытекала необходимость разрыва и противопоставления работнику условий труда, противоположности труда и собственности, которая нашла свое крайнее выражение в капитале. Первоначальное единство, подчеркивал Маркс, может быть восстановлено лишь на той материальной основе, которую создает капитал, и лишь при посредстве революций, которые в процессе этого созидания претерпевают рабочий класс и все общество[4].

Политическая экономия Маркса давала теоретическое обоснование классовой борьбе пролетариата, более того, сама эта борьба рассматривалась Марксом как один из существенных моментов, влияющих на проявление действующих в капиталистическом обществе экономических законов.

К моменту Женевского конгресса из многочисленных произведений Маркса в области политэкономии достоянием общественной мысли стали лишь немногие работы: «Нищета философии», вышедшая на французском языке в 1847 г., «Наемный труд и капитал», опубликованный на немецком языке в 1849 г. в «Новой Рейнской газете», некоторые статьи 50-х годов. Но и эти произведения являлись библиографической редкостью

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 160; см. также, т. 28, стр. 471—472.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 364.
[3] См. там же, стр. 268 и др.
[4] См. там же, стр. 438—439.

и практически были недоступны более или менее широкому кругу читателей. Работы же 50—60-х годов вообще оставались в рукописях. Правда, в 1859 г. вышла книга «К критике политической экономии», но за пределами Германии она получила незначительное распространение.

Однако материалы Женевского конгресса позволяют сделать вывод, что отдельные идеи Маркса, явившиеся достижением его научного творчества 50-х — начала 60-х годов, были гораздо шире распространены среди членов Интернационала, чем это можно было бы предполагать.

По каким же каналам происходило распространение и усвоение этих идей?

Чрезвычайно важное значение имели выступления Маркса на протяжении двух лет в Генеральном Совете Интернационала и особенно его большой теоретический доклад «Заработная плата, цена и прибыль», который был сделан летом 1865 г. во время дискуссии в Совете по вопросам экономической борьбы рабочего класса. Об этом докладе сам Маркс писал Энгельсу 24 июня 1865 г., что он «содержит в чрезвычайно сжатой, но относительно популярной форме много нового, предвосхищающего изложение в моей книге» [1].

Некоторые положения Марксовой политэкономии были изложены в программных документах I Интернационала, написанных Марксом, особенно в «Учредительном Манифесте» и в официальном докладе Генерального Совета Женевскому конгрессу — «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам». За каждым словом этих документов стоит колоссальное теоретическое богатство, каждая мысль, каждое положение разработаны с научной тщательностью и скрупулезностью.

Большую роль в распространении Марксовых идей играли члены Генерального Совета, представители его пролетарского революционного ядра — Эккариус, Юнг, Дюпон, Лесснер и другие. Они были постоянными участниками теоретических дискуссий в Совете, ближайшими соратниками Маркса по руководству Интернационалом в первые годы его существования. Они же были первыми (за исключением, разумеется, Энгельса), кто имел возможность познакомиться с основными научными открытиями Маркса в области политэкономии.

* * *

Идея созыва международного рабочего конгресса уже к моменту основания Первого Интернационала получила довольно широкое распространение. С таким проектом приехала на Уч-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 105.

редительное собрание французская делегация; эта идея была знакома и английским рабочим. В соответствии с решением Учредительного собрания предложение созвать конгресс в ближайшее время, а именно в 1865 г. в Бельгии, было включено Марксом в 3-й пункт Временного Устава Товарищества.

Считая подготовку к конгрессу очень важным направлением в деятельности Генерального Совета, Маркс, однако, видел необходимость сначала выяснить взгляды различных национальных секций относительно задач конгресса и согласовать его программу. При осуществлении этих планов Совет столкнулся с большими трудностями, которые вынудили его перенести дату созыва конгресса на более поздний срок (сентябрь 1866 г.).

25 июля 1865 г. Генеральный Совет, использовав уже опубликованный проект парижской секции [1], утвердил предварительную повестку дня (программу) конгресса. В ее выработке активное участие принял Маркс.

Проект парижской секции	*Проект Генерального Совета*
1. Какова цель Товарищества — какие могут быть его средства?	1. Вопросы, касающиеся конгресса.
2. Труд и его последствия в области гигиены и нравственности; труд — обязанность каждого.	2. Вопросы, касающиеся организации Товарищества.
3. Женский и детский труд на фабриках с точки зрения гигиены и нравственности.	3. Объединение действий с помощью Товарищества в борьбе между капиталом и трудом в отдельных странах.
4. Безработица и средства борьбы с ней.	4. Профессиональные союзы — их прошлое, настоящее и будущее.
5. Стачки, их действие.	5. Кооперативный труд.
6. Ассоциация, принцип и применение.	6. Прямые и косвенные налоги.
7. Начальное и профессиональное образование.	7. Сокращение рабочего дня.
8. Отношение между капиталом и трудом.	8. Женский и детский труд.
9. Иностранная конкуренция. Торговые договора.	9. Московитская угроза Европе и восстановление независимой и единой Польши.

[1] «L'Opinion nationale», 15. VII. 1865.

10. Постоянные армии с точки зрения производства.	10. Постоянные армии; их влияние на интересы производящих классов [1].
11. Является ли нравственность независимой от религии?	

Сравнение проектов показывает, что Маркс, взяв за основу требования самих рабочих, отделил главное от второстепенного. выдвинув на первый план проблемы единства международного рабочего движения, узловые пункты экономической борьбы пролетариата, задачу его организации для сопротивления капиталу.

Эта повестка дня была обсуждена в местных секциях и на Лондонской конференции, созванной Генеральным Советом в сентябре 1865 года. Конференция утвердила программу конгресса в редакции Маркса. В дополнение были включены также пункты о помощи больным, старикам и сиротам и о международных кредитных обществах.

К середине 60-х годов XIX в. в рабочем движении даже наиболее развитых капиталистических стран Европы господствовали всякого рода утопические воззрения, а во многих случаях у рабочего класса отсутствовало понимание противоположности своих классовых интересов интересам буржуазии.

Обсуждение в местных секциях и на конференции показало, что вопросы экономической борьбы пролетариата, составлявшие основную часть программы, не вызвали никаких возражений со стороны рабочих. Это свидетельствовало о том, что они отвечали реальным потребностям классовой борьбы.

Вместе с тем в ходе дискуссий обнаружилось зачастую прямо противоположное толкование и оценка ряда проблем, что являлось следствием различного уровня развития и опыта классовой борьбы рабочих отдельных стран.

Выступления ряда делегатов конференции (Де Папа, И. Ф. Беккера и др.) показали, что линия Совета на развитие заложенных в первых программных документах социалистических принципов найдет поддержку не только у пролетарской части самого Совета, но и в местных организациях Товарищества.

После Лондонской конференции Маркс сгруппировал вопросы программы Женевского конгресса, тематически выделив четыре отдела, из которых нас интересуют первые два: «I. *Вопросы, касающиеся Товарищества* 1) Вопросы, касающиеся его

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, стр. 72. В статье не рассматривается обсуждение на конгрессе требования предоставления независимости Польше, а также религиозного вопроса.

организации. 2) Учреждение обществ взаимопомощи для членов Товарищества.— Моральная и материальная поддержка сирот, оставшихся после лиц, состоявших членами Товарищества. II. *Социальные вопросы* 1) О кооперативном труде. 2) О сокращении рабочего дня. 3) О женском и детском труде. 4) О *тред-юнионах.* Их прошлое, их настоящее, их будущее. 5) Об объединении действий с помощью Международного Товарищества в борьбе между капиталом и трудом. 6) *Об интернациональном кредите:* основание международных кредитных учреждений, их формы и способы действия. 7) *Прямые и косвенные налоги.* 8) Постоянные армии в их отношении к производству». Этот вариант был послан Марксом Юнгу 20 ноября 1865 г. и в эти же дни Де Папу в Бельгию [1].

Выработка общей платформы Генерального Совета по этой программе из-за болезни Маркса развернулась лишь с июля 1866 г., а не с января, как это предполагалось вначале. Фактически же точка зрения членов Генерального Совета складывалась с первых дней организации Товарищества в ходе обсуждения общих теоретических и практических проблем классовой борьбы пролетариата.

Решения Генерального Совета по программе конгресса в конце августа были оформлены Марксом в виде «Инструкции делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам», которая была зачитана на конгрессе в качестве доклада Генерального Совета.

Повестка дня была опубликована в прессе до конгресса более двух десятков раз. Однако идентичных текстов почти не было: менялся порядок расположения вопросов, добавлялись новые, снимались утвержденные конференцией [2]. 31 июля 1866 г. Генеральный Совет, по предложению Маркса, утвердил программу, принятую Лондонской конференцией. Маркс внес в этот вариант только одно изменение, а именно: объединил пункт об образовании обществ взаимопомощи и обеспечении сирот членов Товарищества с первым пунктом — об организации Международного Товарищества в соответствии с вариантом, посланным им Юнгу и Де Папу.

На конгресс программа была привезена, по-видимому, Эккариусом [3]. Юнг и Кример добились того, чтобы конгресс принял

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 409, 412—413.

[2] Французы, например, опубликовали в «Congrès ouvrier. Association internationale des Travailleurs» две программы: одну — утвержденную конференцией, вторую — от собственного имени; в «Journal de Genève» (6. IX. 1866) программа содержала 15 пунктов.

[3] Она целиком совпадает с вариантом, опубликованным в «Times» 3. IX. 1866 г., где, как известно, печаталась информация Эккариуса о конгрессах Интернационала.

за основу именно этот вариант, пункты которого целиком совпадали с пунктами «Инструкции» К. Маркса. Он отличался от «Инструкции» лишь некоторым изменением в расположении вопросов [1].

На конгрессе, на котором присутствовало в общей сложности 60 делегатов, Генеральный Совет представляло четверо (Картер, Эккариус, Юнг, Оджер), Англию — трое (Кример, Дюпон, Лоренс — все члены Генерального Совета). Парижане прислали 11 человек. Они привезли свой доклад (мемуар) [2], который содержал пространное изложение идей Прудона и его последователей по всем вопросам программы. Среди парижской делегации уже до конгресса выявились расхождения между ортодоксальным прудонистским большинством и меньшинством (Варлен и др.), которое впоследствии стало играть ведущую роль в Товариществе во Франции.

Кроме парижан, присутствовало еще 6 французов, из них 4 из Лиона. В лионской делегации также не было единства. Противоречия в этой секции выявились уже в сентябре 1866 г., хотя на самом конгрессе заметной роли они не играли. Доклад лионской делегации написан был под преобладающим влиянием идей Прудона (стачки, женский труд и др.) [3]. Но в отличие от парижского он был проникнут революционным духом.

Наиболее полно были представлены швейцарцы. Делегация швейцарских немцев насчитывала 11 человек; признанным ее руководителем был И. Ф. Беккер. Вместе с представителями из Германии (3 делегата) они на конгрессе составили группу в 14 человек, объединившихся на платформе принципов составленной Беккером «Докладной записки немецкого отделения Международного Товарищества Рабочих (в Женеве)» [4]. Эта записка была обсуждена в сентябре 1865 г. на собраниях женевской секции перед Лондонской конференцией. Поскольку на конференции по существу вопросы программы не обсуждались, то доклад женевцев автоматически был перенесен на общий конгресс.

[1] Далее в изложении всякий раз оговаривается № соответствующего пункта «Инструкции».

[2] «Congrès de Genève. Mémoire des délégués français» был опубликован в Брюсселе в октябре—ноябре 1866 г. Текст его содержится в книге Фрибура «L'Association internationale des Travailleurs». Paris, 1871, pp. 51—86.

[3] В материалах конгресса хранятся два варианта этого доклада (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 15—48 и 57—70).

[4] «Denkschrift der deutschen Abteilung (Genf) der Internationalen Arbeiter-association» («Vorbote», 1866, NN 2—8). На конгрессе был представлен экземпляр этой записки, склеенный из вырезок «Vorbote» и подписанный 14-ю делегатами (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 11/6).

Хотя в отдельных вопросах и чувствуется влияние идей Прудона и Лассаля (женский и детский труд, ассоциации и некоторые другие), но в целом этот документ проникнут боевым пролетарским духом, в нем проступают идеи «Манифеста Коммунистической партии» и в соответствии с программными принципами Интернационала ставится вопрос о завоевании пролетариатом политической власти как обязательном условии социального освобождения пролетариата [1].

Делегаты Романской Швейцарии (19 человек) не выдвигали особой платформы: представители Невшателя и Юры присоединились к «Докладной записке» немецких секций; такую же позицию заняли и делегаты Женевы [2]. Немецкие и швейцарские делегаты во время конгресса совместно с членами Центрального комитета немецких секций в Женеве приняли решение присоединиться к докладу Генерального Совета, но выступать в его защиту (в целях сокращения времени) лишь тогда, когда будет ясно, что предложение Совета не собирает достаточного количества голосов. Поведение делегатов, говорящих по-немецки, подчеркивал Беккер, на конгрессе объяснялось именно этим постановлением [3].

Таким образом, расстановка сил на конгрессе в общем была благоприятна для Генерального Совета. 7 представителей Совета и Англии, как правило, голосовали вместе с 14 немецкими делегатами из Германии и Швейцарии и составляли прочное ядро. с которым во многих случаях шли и представители Романской Швейцарии.

* * *

Хотя сам Маркс в Женеву не поехал, но именно его идеи определили основное направление в работе конгресса. Конгресс утвердил написанный им еще в октябре 1864 г. Временный Устав в качестве общего Устава Товарищества. Программные и организационные принципы этого документа предопределили дальнейшее развитие Интернационала на базе принципов научного коммунизма как массовой революционной организации международного пролетариата. Вторым важнейшим документом конгресса была упомянутая выше «Инструкция делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам», положенная в основу дискуссии и решений конгресса.

[1] «Daher muß die Arbeiterklasse — die sozialdemokratische Partei— vor allen Dingen die politische Gewalt erobern» («Vorbote», 1866, N 6, S. 88).
[2] «La Voix de l'Avenir», 29. VII. 1866; ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1 ед. хр. 1995, л. д. 64—65.
[3] См. «Vorbote», 1866, N 10, S. 143.

Большую роль в защите Марксовых идей на конгрессе сыграли делегаты Генерального Совета —Эккариус, Юнг и Дюпон. Немалая заслуга в сплочении делегатов вокруг платформы «Инструкции» принадлежала старейшему участнику международного рабочего и демократического движения И. Ф. Беккеру, несмотря на не преодоленные им до конца влияния лассальянских и прудонистских идей.

До определенного предела защищали позицию Маркса и английские делегаты, в особенности Картер и Лоренс. К пониманию Марксовой программы экономической борьбы рабочего класса их привела практика английского рабочего движения. В то же время их воззрения отражали противоречивый характер самого тред-юнионизма как движения высокооплачиваемых слоев пролетариата наиболее развитой в тогдашнем мире капиталистической страны. В идеологии лидеров тред-юнионистского движения уже отчетливо проявлялись реформистские и соглашательские тенденции.

Нужно также отметить, что отдельные частные предложения даже тех делегатов, которые еще полностью находились под влиянием мелкобуржуазного социализма, были продиктованы практическими требованиями рабочего движения и в этом смысле не противоречили «Инструкции» (например, частные вопросы кооперативного движения и т. д.).

Дискуссия по программе началась с вопроса *об интернациональном объединении действий при помощи Товарищества в борьбе между трудом и капиталом.* Доклад был сделан Дюпоном, который зачитал соответствующую часть «Инструкции». В ней говорилось об экономической борьбе рабочего класса против капиталистов. В качестве одной из важнейших целей Товарищества выдвигалась задача «добиться того, чтобы рабочие различных стран не только *чувствовали,* но и *действовали* как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии» [1]. В этот пункт Маркс включил утвержденную Советом схему обследования положения рабочего класса. Собранные материалы о характере производства и условиях труда, продолжительности рабочего дня на фабриках, у мелких предпринимателей и в домашнем производстве; о возрасте и поле рабочих; о заработной плате, обращении с рабочими и т. п. должны были дать фактическую картину жизни и условий труда рабочих в каждой стране и помочь Товариществу в организации экономической борьбы рабочего класса не только на этом, но и на последующих этапах. Впервые в рабочем движении поднимался вопрос

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 195.

о научной статистике как факторе «интернационального объединения действий» рабочих всех стран [1].

Дюпон, обращая внимание делегатов на предложенную Советом «Общую схему обследования», сказал: «Это один из наиболее важных вопросов, которые мы должны разрешить, так как только он один может дать нам достоверные факты для сравнения положения рабочего класса в каждой стране; тогда только мы сможем действовать с преимуществом полного знания дела...» [2].

Очень широкая постановка вопроса во втором пункте (Маркс писал, что он, «вообще говоря, охватывает всю деятельность Международного Товарищества» [3]) привела к тому, что дискуссия вылилась в обсуждение вопросов о стачках, профессиональных союзах, кооперации.

По существу положений «Инструкции» по этому пункту на конгрессе не было никаких возражений. В поддержку позиции Генерального Совета выступил портной Лоренс, председатель Ассоциации защиты рабочих-портных в Лондоне. Самой сильной стороной в его выступлении была защита интернационального единства действий пролетариата; он привел факты об организации Советом помощи во время недавней стачки портных в Лондоне и Шотландии (весна 1866 г.) и столкновения бельгийских и английских землекопов на строительстве железной дороги под Лондоном (август 1866 г.). В том же духе говорили и другие англичане.

Специально следует остановиться на дискуссии вокруг проблем стачечной борьбы и непосредственно связанного с ней вопроса об уровне заработной платы. В те годы среди рабочих было широко распространено представление о так называемом минимуме заработной платы. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс установил генезис этой идеи, открыв ее еще у физиократов [4]. Классическая буржуазная политическая экономия в лице Адама Смита и Рикардо исходила из прямой зависимости падения нормы прибыли, которую они смешивали с прибавочной стоимостью, от роста заработной платы. Отсюда Рикардо делал вывод, что рабочий, заинтересованный в накоплении капитала, сам должен желать понижения заработной платы [5]. Последователи и вульгаризаторы теории Рикардо (Джемс Милль, Джон Стюарт Милль и др.) не сумели преодолеть ее противоречий и дать

[1] Подробнее см. *Л. Н. Кашкарева.* «Организация К. Марксом и Ф. Энгельсом рабочей статистики труда». М., 1968, стр. 16—20.

[2] «The International Courier», 27. III. 1867.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 195.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 13—14.

[5] Там же, стр. 217.

рационального объяснения сущности заработной платы. Дж. Ст. Милль, сочинения которого получили в Англии особенно широкое распространение, утверждал, что капиталист оплачивает рабочему весь его рабочий день [1]. С особой яростью против повышения заработной платы выступали вульгарные экономисты — англичане Мальтус, Мак-Куллох, немец Рошер и др. Они защищали тезис об общем повышении цен товаров в случае общего повышения заработной платы, а следовательно, о бесполезности и даже вреде борьбы за ее увеличение [2].

Эту догму воспринял Прудон, почти дословно повторявший аргументацию вульгаризаторов классической политэкономии. Подобное представление нашло отражение и в лассалевском «железном законе заработной платы», на который ссылались в своем докладе немецкие делегаты [3]. Такие же взгляды имели хождение отчасти и среди английских рабочих. Именно с этим тезисом выступил в Генеральном Совете летом 1865 г. Джон Уэстон. Тогда же положения Уэстона были подвергнуты аргументированной критике со стороны Маркса в докладе «Заработная плата, цена и прибыль». Тем не менее на самом конгрессе этот тезис был в какой-то мере поддержан Оджером.

Помимо научной несостоятельности эта точка зрения была чревата опасными выводами для практики рабочего движения, для классовой борьбы пролетариата. Коль скоро она объявляла бессмысленной борьбу за улучшение положения рабочего класса путем увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня, то она логически привела Прудона, а затем и лассальянцев к отрицанию стачечной борьбы и коалиций рабочих.

Члены парижской секции, приславшие своих делегатов на конгресс, видели в стачках проявление анархии, царящей в капиталистической экономике. Они не только не считали их средством борьбы за улучшение положения пролетариата, но, напротив, видели в них фактор, усиливающий анархию, безработицу и т. д. [4]. С этими идеями на конгрессе выступили Толен, Шемале, Фрибур и Камелина. Последний прямо обосновывал свое мнение о бесполезности борьбы за увеличение заработной платы ссылкой на то, что увеличение издержек производства все равно повлечет за собою рост цен [5]. Прудонисты предложили резолюцию, в которой, однако, прямо против стачек не возражали: «Конгресс заявляет, что при современном состоянии промышленности, которое представляет собою состояние войны,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 207 и др.
[2] Там же, стр. 15, 21, 47—53, 57, 171—175, 522—523 и др.
[3] «Vorbote», 1866, N 5, S. 57.
[4] См. «Congrès de Genève. Mémoire des délégués français», pp. 21—23.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 84.

рабочие должны оказывать друг другу помощь для защиты определенного уровня заработной платы [the Scale of Wages]. Вместе с тем он полагает своим долгом заявить, что существует более возвышенная цель, к которой следует стремиться: эта цель — уничтожение всей системы наемного труда [the Wages' System], и конгресс рекомендует изучение экономических систем, основывающихся на справедливости и взаимности» [1].

Швейцарские немцы, в их числе и И. Ф. Беккер, заняли позицию, очень близкую к точке зрения правоверных прудонистов. В записке признавалось право рабочих на забастовку и вместе с тем приводились аргументы в доказательство ее экономической нецелесообразности. Здесь отчетливо проявилась позиция ремесленника, мелкого собственника, с которой и велась критика стачки как формы экономической борьбы пролетариата. «Мелкие предприятия», «мелкие» работодатели, говорилось в докладе, часто находятся в еще худшем положении, чем сами рабочие. Именно они большей частью страдают, и даже погибают в результате стачек, к выгоде крупных предприятий, «крупных» работодателей [2]. В таком же духе выступал Беккер и на самом конгрессе. В немецком отчете в «Vorbote» говорится: «Эти предложения (речь идет о пункте 2 «Инструкции».— *В. С.*) также принимаются при всеобщем одобрении; однако многие ораторы (Куллери, Кард, Толен, Фрибур и Беккер) полагают, что прекращение работы (стачка), которой касались в этой дискуссии, как бы она ни была оправдана, ни в коей мере не может служить рабочим средством улучшения их положения. Эта цель может быть постепенно и успешно достигнута только заменой системы наемного труда [Arbeitslohn] (обменом) продуктами труда путем основания производственных товариществ на основе взаимности и взаимных обязательств» [3].

Маркс в «Нищете философии» и в «Наемном труде и капитале» утверждал, что повышение заработной платы не влияет на цену продуктов, но влияет на величину прибыли: заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу [4]. В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о генезисе этой идеи у Маркса. Нам важно подчеркнуть, что позже точка зрения Маркса становится несравненно более глубокой [5]. В «Теориях прибавочной стоимости» им доказано, что норма прибыли зависит от изменений стоимо-

[1] «The International Courier», 27. III. 1867.
[2] См. «Vorbote», 1866, N 4, S. 57.
[3] «Vorbote», 1866, N 10, S. 146.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 179; т. 6, стр. 449.
[5] См. *В. С. Выгодский*. Цит. соч., стр. 169—170.

сти постоянного капитала; это не имеет никакого непосредственного отношения к изменению действительной величины заработной платы. Действительная заработная плата[1] изменяется в обратном отношении к прибавочной стоимости. Норма прибавочной стоимости повышается или падает в *прямой* зависимости от производительности труда и в *обратной* зависимости от издержек производства заработной платы или от количества необходимого труда, т. е. в обратной зависимости от стоимости труда[2]. Таким образом, повышение или падение заработной платы определяет величину прибавочной стоимости, но оно не оказывает влияния на стоимость товара или на его цену. «Следовательно,— пишет Маркс,—это ложный предрассудок, будто *повышение заработной платы повышает цены товаров»*[3].

В определение стоимости рабочей силы Маркс в 60-х годах вводит новый фактор. В отличие от стоимости всех других товаров, говорит он в «Заработной плате, цене и прибыли», «стоимость рабочей силы складывается из двух элементов: один из них чисто физический, другой — исторический или социальный. *Низшая граница* стоимости рабочей силы определяется *физическим* элементом... Кроме этого чисто физического элемента, стоимость труда определяется в каждой стране *традиционным уровнем жизни*... Этот входящий в стоимость труда исторический или социальный элемент может расширяться или сокращаться, или даже совершенно исчезать, так что не останется ничего сверх *физического предела»*[4]. Стоимость рабочей силы нельзя рассматривать как определенную неизменную величину. Маркс показал, что капиталист всегда стремится понизить *цену* рабочей силы по сравнению с ее *стоимостью,* и проанализировал конкретные формы, в которых проявляется эта тенденция (оплата товарами, фальсификация денег, удлинение рабочего дня и т. д.). Кроме того, с введением машин, ростом органического строения капитала происходит вытеснение части рабочих из производства, рост относительного перенаселения, а следовательно, и ухудшение положения рабочих.

В «Заработной плате, цене и прибыли», не говоря уже о «Капитале», Маркс дал теоретическое обоснование необходимости экономической борьбы рабочего класса, необходимости сопротивления капиталу как фактора, противодействующего тенденции капиталистического производства к сведению стоимости рабочей силы к ее низшему физическому уровню.

[1] О понятии «действительная заработная плата» см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 443, 461 и др.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 223—227, 238—239.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 462.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 150—151.

Многие члены Генерального Совета восприняли идеи «Заработной платы, цены и прибыли». Влияние этого доклада прослеживается в выступлениях Юнга и Дюпона на конгрессе. Юнг приводил мысль о том, что стачка является необходимой формой экономической борьбы на определенном уровне развития рабочего движения. Второе его положение сводилось к тому, что стачка, несмотря на большие материальные жертвы и страдания рабочих, в конечном итоге всегда приносит им выгоду [1].

Важнейший аспект стачечной борьбы был освещен Дюпоном, подчеркнувшим, что стачки как форма экономической борьбы пролетариата вносят в его ряды организованность. Приведя в пример Англию, Дюпон заявил, что никакая другая страна не может похвастаться такой организацией рабочего класса именно потому, что в Англии эта форма экономической борьбы пролетариата получила широкое распространение. «Вот почему,— сказал Дюпон в заключение,— если даже и осуждать стачку в принципе, ее необходимо санкционировать как единственное средство борьбы, которое рабочий класс имеет в своем распоряжении» [2].

Английские делегаты также защищали право рабочих на стачку. Однако в отличие от представителей пролетарского революционного крыла Генерального Совета, которые рассматривали ее как определенное звено в общей борьбе рабочего класса за свое освобождение, они придавали стачкам самодовлеющее значение. В их речах при обсуждении 2-го вопроса сказалось ограничительное утилитарное толкование целей Товарищества, с помощью которого тред-юнионисты рассчитывали предотвратить ввоз хозяевами штрейкбрехеров, контролировать уровень заработной платы в различных отраслях производства. На секции Товарищества они возлагали функции справочных бюро, в которых любой мог бы получить исчерпывающие данные о положении рабочего класса в той стране, куда он направлялся (выступления Лоренса, Оджера, Кримера) [3].

Лоренс в дополнение к «Инструкции» предложил, чтобы различные секции вступали в связь с профессиональными обществами (с отдельными рабочими, где еще не существует профессиональных обществ) с целью составления доклада об экономических и политических условиях рабочего класса данной страны. Такой доклад должен быть сообщен и другим секциям [4]. Этот проект резолюции по существу совпадал с предложением Генерального Совета о статистическом обследовании положения ра-

[1] «The International Courier», 27. III. 1867.
[2] «Le Courrier international», 30. III. 1867.
[3] Ibid.
[4] «The International Courier», 27. III. 1867.

бочего класса. На это и указал в своем вторичном выступлении Дюпон [1].

Благодаря Юнгу и особенно Дюпону прошло предложение Совета. Лоренс отказался от своей резолюции в пользу проекта Кримера, который и был принят конгрессом в дополнение. И хотя во всех вариантах протоколов конгресса нет четкой записи резолюции Кримера, но те части его выступления, которые носят характер предложений, выдержаны в основном в духе «Инструкции».

Итак, в итоге обсуждения этого вопроса, бесспорно, одержала верх позиция Генерального Совета. Прошел целиком пункт 2 «Инструкции», тем самым и французские и швейцарские делегаты признали стачку неизбежной формой борьбы рабочего класса за освобождение. В резюме обсуждения, опубликованного в «Vorbote», прямо говорится, что делегаты «объявили стачку в определенных случаях борьбы труда и капитала необходимым боевым средством, которое часто кладет предел неуемной алчности предпринимателей в снижении заработной платы и увеличении продолжительности рабочего дня, приучает самих рабочих к совместным действиям и приводит иногда к созданию производственных товариществ» [2].

Идеи «Инструкции» об интернациональном объединении действий пролетариата с помощью Товарищества в борьбе против капитала нашли отражение в выступлении ряда делегатов, а также в резолюции Беккера, принятой конгрессом по этому же пункту: «Рабочие общества во всех частях света призываются установить через Генеральный Совет контакты между собой, чтобы доставлять друг другу взаимную информацию об уровне заработной платы, продолжительности рабочего дня, порядке найма рабочих и т. д. Возможно, что таким образом удастся достигнуть желаемого единообразия в уровне заработной платы в разных странах. Так как вопрос о заработной плате носит не национальный, а международный характер, мы приглашаем рабочих всех стран оказывать, насколько это возможно, поддержку друг другу (через посредство Генерального Совета) в своей повседневной борьбе с капиталом: и таким путем рабочие помешают предпринимателям вербовать иностранных рабочих во время стачек рабочих своей страны» [3].

Третий вопрос программы конгресса — *Профессиональные союзы (тред-юнионы), их прошлое, настоящее и будущее* (пункт 6 в «Инструкции» Маркса) — содержал развернутое

[1] «The International Courier», 27. III. 1867.
[2] «Vorbote», 1866, N 10, S. 146.
[3] «The International Courier», 27. III. 1867.

изложение позиции пролетарской партии по отношению к профессиональным союзам и их роли в освободительной борьбе рабочего класса. Эта проблема стала перед Марксом еще в 40-х годах. Однако тогда Маркс совершенно иначе подходил к оценке борьбы профессиональных организаций за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня [1]. Он обращал внимание на аргументацию буржуазных политэкономов, в частности Дж. Уэйда, что повышение заработной платы и даже удержание ее на одном уровне ведет к падению средней прибыли (по сравнению с другими странами), а следовательно, к задержке развития и даже разорению национального капиталистического производства [2]. Однако уже и в то время Маркс подчеркивал, что создание коалиций уничтожает разобщенность и конкуренцию между рабочими, что организация тред-юнионов, стачек шла рука об руку с политической борьбой пролетариата (чартизм). Маркс писал, что по мере развития сами коалиции приобретают политический характер, что в них «пролетарии на наших глазах осуществляют свою организацию как класса» [3], что коалиции «являются средством объединения рабочего класса, средством подготовки к ниспровержению всего старого общества с его классовыми противоречиями» [4].

Таким образом, из всех существовавших в то время форм рабочих организаций (просветительных, кооперативных, взаимопомощи и т. д.) [5] Маркс уже в 40-х годах выделил профессиональные союзы, ибо они отличались наиболее выраженным классовым характером, являлись важным фактором формирования классового сознания пролетариата и его организационного объединения для подготовки к ниспровержению капиталистического общества.

Годы исследований после выхода в свет «Нищеты философии», глубокое проникновение в отношения между трудом и капиталом, анализ специфического характера товара рабочая сила, практика рабочего движения вооружили Маркса научными доказательствами экономической необходимости и исторической целесообразности деятельности тред-юнионов, их борьбы за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, за законодательную защиту интересов рабочих и т. д.

[1] *В. С. Выгодский.* Цит. соч., стр. 168.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 582; см. также т. 4, стр. 181—182.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 184.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 600.

[5] Здесь не идет речь о существовавшей в то время международной организации — Союзе коммунистов, как и о пролетарской партии вообще.

Эти аргументы были изложены Марксом, в частности, в «Заработной плате, цене и прибыли». Не только отдельные положения этого доклада, но и почти буквальные формулировки были включены им в «Инструкцию». Непосредственную задачу профессиональных союзов (попытку остановить непрерывное наступление капитала на жизненные права рабочих) Маркс считает не только законной, но и абсолютно необходимой [1].

В «Инструкции» Маркс рассмотрел этапы профессионального движения. Исходя из факта классового деления общества, он подчеркнул, что между капиталом и трудом никогда не может быть заключен договор, справедливый для рабочего. Социальная сила пролетариата заключается в его численности, но она становится эффективной, когда рабочие объединяются в организацию. Первоначально профессиональные союзы занимаются только вопросами заработной платы и рабочего времени, ведя партизанскую борьбу против капитала,— это прошлое союзов. Постепенно они превращаются в организационные центры для рабочего класса и должны стать организованной силой для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала [2]. В настоящем, подчеркивал Маркс, они еще сами далеко не в полной мере осознали, какую силу они представляют для борьбы против системы наемного рабства, и поэтому держатся в стороне от общего социального и политического движения. С удовлетворением Маркс отмечал сдвиги в этом отношении в сознании английских тред-юнионов, которые выразились в участии их в движении за реформу избирательного права в Англии и в признании роли Международного Товарищества в объединении рабочих всех стран. Маркс считал необходимым для тред-юнионов «научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей великой задачей его *полное освобождение»* [3]. И с этой целью профессиональные организации пролетариата должны поддерживать всякое социальное и *политическое* движение, идущее в этом направлении. Вместе с тем, видя рост реформистских, соглашательских тенденций в английском тред-юнионистском движении, Маркс

[1] Проблема организации профессиональных союзов в годы Интернационала исследована в книге У. Герман «Der Kampf von Karl Marx um eine revolutionäre Gewerkschaftspolitik in der I. Internationale 1864 bis 1868», Berlin, 1968.

[2] О взглядах Маркса на проблемы организации рабочего класса, путях создания пролетарских партий в годы Первого Интернационала и их отношения с профсоюзами см. в статье *И. А. Бах* «К характеристике К. Маркса как руководителя международного пролетариата» («Вопросы истории», 1968, № 6, стр. 208) и в книге U. Herrmann (S. 20, 121—122).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 201.

предостерегал от опасности увлечения «узкими, эгоистическими интересами» в ущерб главному делу — «освобождению угнетенных миллионов» [1].

Резолюция Генерального Совета была принята единогласно. Вместе с нею был принят и проект резолюции парижских делегатов: «В прошлом типом ассоциации было отсутствие солидарности, изоляция, т. е. деспотизм; в настоящем — разобщенность, т. е. война и порабощение; в будущем — упразднение наемного труда, т. е. каждый будет производителем, потребителем и капиталистом в одно и то же время, т. е. свободным» [2].

Пункт 4 — *кооперативный труд* (в «Инструкции» — 5-й) был поставлен перед конгрессом, как и многие другие вопросы, практикой рабочего движения. Идея производительных рабочих ассоциаций, возникшая в начале XIX в., разрабатывалась и пропагандировалась многими представителями разных течений мелкобуржуазного утопического социализма и коммунизма [3]. В середине 60-х годов на страницах рабочей и кооперативной печати широко обсуждались проблемы производительных ассоциаций вообще и в связи с постановкой этого вопроса на Женевском конгрессе в частности. Так, парижские члены Товарищества намеревались предложить на рассмотрение конгресса план создания универсального кооперативного общества [4]. Член Генерального Совета Уэстон опубликовал конкретные рекомендации по организации кооперативов, адресуя свои рецепты непосредственно конгрессу [5]. В апреле 1866 г. газета «Voix de l'Avenir» писала, что главным вопросом Женевского конгресса будет

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 201.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 93. Материалы конгресса свидетельствуют о том, что среди делегатов, как и среди остальных членов Товарищества, не существовало единого понимания термина «ассоциация» («association»). Он употреблялся для обозначения самых разных понятий: самое общее его определение дано в «Докладной записке» немцев. В этой «Записке», во французском «Мемуаре» и других документах (например, статьях и письмах Де Папа) это понятие рассматривалось в историческом плане. Именно так оно трактуется и в данной резолюции Фрибура. В документах, представленных на конгресс Марксом, термин «Association» употребляется почти исключительно по отношению к Интернационалу (в рус. переводе — «Товарищество»), для обозначения же кооперации и профессиональных организаций рабочего класса он прибегает только к специальным терминам (cooperation, trades'unions). При подготовке протоколов Женевского конгресса к печати Маркс подчеркнул, что резолюция Фрибура относится к третьему вопросу программы, к профессиональным союзам (там же, л. д. 90).

[3] См., в частности, о развитии этой идеи Прудоном в статье *Н. Е. Застенкера* «Идейное банкротство современного прудонизма» («Вопросы истории», 1968, № 9, стр. 86—90).

[4] «L'Association», 5. VIII. 1866, p. 531—532.

[5] «Commonwealth», 30. VI. 1866.

организация кооперативных обществ [1]. Французский «Мемуар» видел в кооперации единственный путь к раскрытию индивидуальных способностей человека, его инициативы. «В то время как ассоциация,— говорится в «Мемуаре»,— поглощает индивидов, которые, переставая быть личностями, составляют единство,— кооперация, напротив, собирает людей с целью пробуждения сил и инициативы каждого» [2].

В «Теориях прибавочной стоимости» и в рукописи третьего тома «Капитала» Маркс, опираясь на опыт английских кооперативных фабрик, сформулировал мысль о том, что капиталист в качестве функционера производства стал так же излишен для рабочих, как ранее земельный собственник для капиталиста, что в недрах капитала развивается общественная производительная сила, отделенная и освобожденная от капиталистической формы, формы отчуждения, антагонизма и противоречия. В этом процессе полного отделения труда от собственности на средства производства и на прибавочный труд Маркс увидел необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. Кооперативные фабрики самих рабочих являются первой брешью в капиталистическом производстве. Кредитная система капиталистической экономики (здесь не затрагивается совершенно вопрос о капиталистических акционерных предприятиях) составляет основу для постепенного большего или меньшего расширения кооперативных предприятий в национальном масштабе [3].

На основании этих исследований в «Учредительном Манифесте» и «Инструкции» Маркс оценил кооперацию как «великий социальный опыт», как «одну из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме» [4]. Маркс подчеркивал также, что участие в кооперативном производстве имеет для рабочих большое воспитательное значение, разрушает в их сознании миф о незыблемости капиталистического общества, дает им навык управления производством. В докладе акцент делался именно на это общее значение кооперации. Конкретное же рассмотрение преимуществ той или иной системы кооперации Маркс считал делом практики в каждой отдельной стране.

Маркс исходил при этом из двух важнейших соображений. Он сам подчеркнул в резолюции о кооперативном труде, что

[1] «La Voix de l'Avenir», 29. IV. 1866.
[2] «Congrès de Genève. Mémoire...», p. 20.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 426—427, 480, 482—485; т. 26, ч. III, стр. 522—523 и др.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 9, 199.

рабочему движению нельзя навязывать какие бы то ни было доктринерские системы. Кроме того, он видел, что в своей действительной организации при капитализме кооперативные фабрики и мастерские воспроизводят все недостатки существующей системы, что они не способствуют в должной мере формированию классового самосознания рабочих. Вульгарные буржуазные экономисты (Дж. Ст. Милль, Дж. Холиок, Шульце-Делич и др.), выступавшие активными защитниками и пропагандистами кооперативного движения, видели в нем средство сохранения своего влияния на рабочих и отвлечения их от классовой борьбы, стачек, организации тред-юнионов и участия в политической борьбе. Именно поэтому Маркс так настойчиво подчеркнул в «Учредительном Манифесте», что для освобождения трудящихся масс «кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства», а это возможно только при завоевании рабочим классом политической власти. «Завоевание политической власти,— писал он,— стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса» [1]. С еще большей определенностью он провел эту мысль в «Инструкции» — «кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество», для этого нужны *«общие социальные изменения, изменения основ общественного строя,* которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям» [2].

В Интернационале к моменту Женевского конгресса ближе всех к правильному пониманию вопроса подошли И. Ф. Беккер и С. Де Пап. В беккеровской Докладной записке говорилось, что, прибегая к помощи кооперации, рабочий класс должен ясно сознавать — при современном экономическом и политическом положении его планы могут осуществиться не путем реформ, а путем полного (хотя и постепенного) переворота и что, пока капитал останется частной собственностью, труд будет слугой капитала [3].

Конгресс принял в качестве основной резолюции пункт 5 доклада Генерального Совета, а также одобрил предложение французских делегатов Фрибура и Шемале, в котором отразилась тревога, вызванная ростом буржуазных тенденций в кооперативном движении. Резолюция эта гласила: «Конгресс рекомендует кооперативам избегать той формы управления, когда

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 10.
[2] Там же, стр. 199.
[3] «Vorbote», 1866, N 6, S. 87.

власть сосредоточивается в руках одного лица, и сохранять за членами кооперативов полное право управления в строгом соответствии с пунктами соглашения, подписанными ими»[1]. Резолюция прудонистов не только не противоречила резолюции Генерального Совета, но дополняла одно из ее положений, а именно: пункт (е) — «Во избежание вырождения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (sociétés par actions), рабочие каждого предприятия, независимо от того, являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе»[2]. Резолюция Генерального Совета была направлена против этой тенденции в экономических отношениях внутри кооперативов, резолюция же прудонистов пыталась не допустить ее проявлений в управлении ими. Таким образом, точка зрения Генерального Совета на роль кооперации в общей освободительной борьбе рабочего класса была полностью отражена в решениях конгресса.

По двум следующим вопросам *(налоги и интернациональный кредит)* были приняты прудонистские резолюции.

Утопические взгляды Прудона на роль денег, банков, кредита, его призывы к накоплению уже с 40-х гг. постоянно подвергались критике со стороны Маркса. В «Наемном труде и капитале» Маркс показал, что сберегательные кассы являются орудием в руках капитала, своего рода золотой цепью, на которой правительство держит часть рабочего класса, заинтересовывая ее в сохранении существующего строя. Сбереженные деньги рабочих идут в национальный банк, который извлекает из них прибыль, ссужая их капиталистам[3].

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс дал критику прудоновской теории денег, опровергнув на основе анализа книги французского писателя, последователя Прудона Л. А. Даримона «О реформе банков» тезис о возможности уничтожения пороков капиталистической системы путем реформы банков.

В работах «К критике политической экономии» и в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс показал, что у Прудона отсутствует понимание необходимой связи между товаром и деньгами, понимание того, что сами деньги являются необходимой формой товара[4]. Прудону казалось, что стоит только отменить деньги, перейти к прямому товарному обмену (прудоновская теория рабочих денег), как будет восстановлен «эквивалентный обмен», восстановлена общественная справедливость.

[1] «Le Courrier international», 6. IV. 1867; см. также ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л д. 105.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 199—200.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 584, 590.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 70; т. 26, ч. III, стр. 550.

В полемике с Бастиа в 1849—1850 гг. Прудон выдвинул положение о безвозмездном кредите, требуя отмены ссудного процента. Маркс, критикуя эти взгляды в «Теориях прибавочной стоимости», раскрыл непонимание Прудоном внутренней связи между процентом и системой наемного труда. Прудон рассматривал движение ссудного капитала лишь как взаимоотношение заимодавца и заемщика: он выпускал при этом из виду самое существенное — процесс производства, в котором создается прибавочная стоимость. Поверхностное требование упразднения процента, по мысли Маркса, было направлено против ссудного капитала, не затрагивая при этом капиталистических отношений в целом, сущности капиталистического производства; такой же лозунг выдвигала против ростовщиков промышленная буржуазия на ранней стадии своего развития. Характеризуя эту сторону воззрений Прудона, Маркс говорит, что, «если отбросить все фантастические формы выражения, это означает только то, что не следует переходить от мелкого мещански-крестьянского и ремесленного производства к крупной промышленности» [1].

Однако при составлении «Инструкции» Маркс оставил вопрос об интернациональном кредите без рассмотрения, сопроводив его ремаркой «инициативу следует предоставить французам» [2].

Оживленными дебатами сопровождалось принятие резолюции по пункту 7 — *ограничение рабочего дня* (в докладе Генерального Совета — пункт 3).

Хотя проблема продолжительности рабочего дня затрагивалась Марксом еще в 40-х гг. в «Нищете философии» и в «Манифесте Коммунистической партии», однако, разработана детально она была позднее в «Теориях прибавочной стоимости» и в первом томе «Капитала». Маркс опирался при этом на опыт классовой борьбы, главным образом английского пролетариата.

При анализе рабочий день распадается на прибавочное и необходимое время. Рабочий день, взятый в целом (совокупный рабочий день), превышает ту часть рабочего времени, которая требуется для воспроизводства рабочей силы. Это обстоятельство является необходимым условием существования капиталистического производства и наемного труда. Маркс установил зависимость доли прибавочного и необходимого времени (как и общей продолжительности рабочего дня) от соотношения и различной роли постоянного и переменного капитала, роста производительности труда с введением машин, нормы прибыли и других факторов.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 554.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 202.

Он выявил присущую капиталу тенденцию к сокращению необходимого рабочего времени. Эксплуатация труда, как показал Маркс, возрастает как при удлинении рабочего дня, так и при его интенсификации (уплотнении), если только одновременно с этой интенсификацией рабочий день не подвергается сокращению.

Маркс определил минимальный (необходимое рабочее время) и максимальный (физические возможности рабочей силы) пределы рабочего дня. Он учитывал при этом исторические и моральные факторы, оказывающие свое влияние на определение продолжительности рабочего времени.

Особым сюжетом в исследовании Маркса явилось законодательное ограничение рабочего дня (история фабричного законодательства). Маркс не только описал его историю в главе VIII третьего отдела первого тома «Капитала» [1], но и определил его место в классовой борьбе пролетариата. В связи с этим он теоретически обосновал объективную необходимость самого рабочего движения и единства рядов рабочего класса. Маркс показал, что история нормирования рабочего дня в капиталистическом обществе выступает как борьба за пределы рабочего дня — борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом. Изолированный рабочий не в состоянии оказать сопротивление *«капиталу»* — установление нормального рабочего дня является результатом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом.

Эти проблемы еще до Женевского конгресса отчасти нашли отражение в документах Генерального Совета. В «Учредительном Манифесте» и «Заработной плате, цене и прибыли» Маркс показал крах утверждений вульгарных буржуазных экономистов Н. У. Сениора и Э. Юра, предсказывавших упадок британской промышленности в случае законодательного сокращения рабочего дня. Маркс оценил рабочее законодательство (билль о десятичасовом рабочем дне) не только с точки зрения его практических результатов, но и как принципиальную победу политической экономии рабочего класса над политической экономией буржуазии [2].

Маркс подвел членов Генерального Совета к пониманию того, что ограничение рабочего дня не может быть достигнуто путем частных соглашений между рабочими и капиталистами.

[1] Эта часть была написана Марксом как раз в начале 1866 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 146—147).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 8—9, 111.

Для этого необходимо общее политическое действие — законодательное вмешательство государства под постоянным давлением рабочих [1]. В «Инструкции» Маркс подчеркнул: «Проведением в жизнь таких законов рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, он превращает в свое орудие ту власть, которая теперь используется против него...» [2].

При обсуждении вопроса на конгрессе Дюпон, согласно принятой процедуре, сначала зачитал соответствующую часть «Инструкции». Маркс выдвигал в ней восьмичасовой рабочий день как ближайшее программное требование рабочих наиболее развитых капиталистических стран. Он подчеркнул, что без ограничения рабочего дня невозможны дальнейшие попытки улучшить положение рабочего класса. От продолжительности рабочего времени зависят здоровье и физическая сила рабочего класса, возможность его умственного развития, социальной и политической деятельности. А поскольку рабочий класс является основным костяком каждого народа, то от этого, в конечном счете, зависит и будущее всей нации.

Взгляды участников дискуссии отражали различный уровень рабочего движения в представленных на конгрессе странах Парижская делегация, считая вредным в физиологическом и социальном отношениях всякое удлинение рабочего времени. выдвинула, однако, требование десятичасового рабочего дня. Фрибур был вообще против всякой его законодательной регламентации. Прудонисты считали, что введение восьмичасового рабочего дня во Франции экономически невозможно. Они рассматривали это требование только как далекую перспективу. Мюра заявил, что в будущем они «будут рады найти прецедент в решениях, одобренных первым рабочим конгрессом» [3]. Делегат Ла-Шо-де-Фона Вильмье считал возможным отнести предложение Генерального Совета только к фабричному производству.

Предложение Генерального Совета поддержали представители немецкого рабочего класса и немецкие делегаты из Швейцарии, поскольку вопрос о восьмичасовом рабочем дне был поставлен в их Докладной записке [4]. Все выступавшие из этой группы (Бюттен, Бюркли, Петер и Беккер) признавали правомерность и необходимость резолюции Генерального Совета, хотя и подчеркивали, что это требование, ставшее программой движения для Англии и США, еще не являлось таковым для рабочих континентальной Европы. Бюркли заявил, что рабочие с

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 152.
[2] Там же, стр. 198.
[3] «Le Courrier international», 6. IV. 1867.
[4] «Vorbote», 1866, N 4, S. 58.

континента «должны поддержать наших братьев в Англии и в Америке в их борьбе против капиталистов, и было бы предательством требовать меньшего сокращения рабочего дня, чем они» [1]. Позиция этой группы нашла отражение в резолюции, предложенной Беккером: «Конгресс признает восьмичасовой рабочий день, но пока предоставляет различным группам рабочих самим решать, в зависимости от обстоятельств и существующих препятствий, могут они его ввести или нет» [2]. На сторону большинства стали и швейцарские делегаты Кард и Куллери.

Несмотря на очень краткие записи в протоколах, можно без особого труда уловить отзвуки Марксовых идей в выступлениях членов Генерального Совета — Оджера и Кримера. Так, например, Маркс в докладе «Заработная плата, цена и прибыль» ссылался на Роберта Оуэна, выступившего с требованием общего ограничения рабочего дня еще в 1815 году [3]. А. Оджер упомянул «известного коммуниста Оуэна», доказывавшего, что и трехчасового труда достаточно для создания нынешнего общественного богатства [4].

Далее, в мысли Оджера, что развитие машинного производства [machinery] сокращает количество человеческого труда, нашло отражение положение Маркса о росте удельного веса постоянного капитала и связанного с ним увеличения производительности труда.

Утверждение Кримера, что включение требования 8-часового рабочего дня в программу Интернационала является непременной предпосылкой успешного распространения Интернационала в США, где оно стало лозунгом массового движения американских рабочих, прямо перекликалось с пунктом третьим «Инструкции». Именно здесь Маркс писал, что принятие этого требования Женевским конгрессом «сделает его общей платформой рабочего класса во всем мире» [5].

После длительного обсуждения был принят в качестве резолюции весь соответствующий раздел «Инструкции» [6] (10 человек голосовало против) и дополнение, предложенное И. Ф. Беккером [7].

Расстановка сил при обсуждении вопроса — *женский и детский труд* (в докладе Совета — пункт 4 и отчасти 3) — с одной

[1] «Le Courrier international», 6. IV. 1867.

[2] «Protokolle des Congresses in Genf». ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 5.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 112.

[4] «The International Courier», 3. IV. 1867.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 196.

[6] Эту резолюцию Маркс включил в I том «Капитала» *(К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 310).

[7] «Le Courrier international», 6. IV. 1867.

стороны, показала живучесть прудонистских доктрин среди широких слоев рабочего класса, с другой — выявила процесс поляризации сил внутри самого прудонизма, начавшееся расхождение его левого и правого крыла. Реакционные воззрения Прудона, возражавшего против участия женщины в общественном производстве, определили позицию большинства парижской делегации. В «Мемуаре» они потребовали запрещения женского и детского труда как причины физического и нравственного вырождения человеческого рода.

С поддержкой предложения парижан от имени всех немецких делегатов выступили Беккер и Бюттен, зачитавший соответствующий раздел немецкой Докладной записки [1]. Выдвигая правильное положение о том, что вопрос об эмансипации женщин может быть решен только при условии полного освобождения всего рабочего класса, авторы немецкой Записки вместе с тем отстаивали необходимость запрещения женского труда на производстве как фактора, отрицательно влияющего на воспитание детей и прочность семейного очага. В докладе выдвигалось еще и то соображение, что более дешевый женский и детский труд снижает заработную плату взрослого мужчины. С тех же позиций выступал и Куллери [2].

Принципиально иная оценка содержалась в «Инструкции». Маркс подчеркнул, что тенденция современного развития вовлечь женщин и детей в производство носит прогрессивный характер, хотя при капитализме эта тенденция принимает уродливые формы. Уже в рамках буржуазного общества Маркс считал возможной законодательную защиту интересов подрастающей смены рабочего класса. Труд детей допустим лишь при условии его сочетания с воспитанием, а женщин при запрещении законом для них ночной работы и вредного производства.

Еще в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» как одну из первых мер победившего пролетариата Маркс и Энгельс предлагали «общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.» [3].

В «Инструкции» Маркс писал, что под воспитанием следует понимать три вещи — умственное, физическое воспитание и техническое обучение, которое дает ребенку представление об основных процессах производства и элементарные навыки обращения с орудиями производства. Сочетание этих трех видов

[1] «Vorbote», 1866, N 10, S. 151.
[2] Ibid.
[3] *К. Маркс* и *Ф Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 447.

воспитания Маркс считал возможным осуществить при существующей капиталистической системе. Он подчеркнул, что пока рабочий часто так невежествен, что неспособен понимать подлинные интересы своего ребенка. Задача передовых рабочих состоит в том, чтобы защитить права детей и подростков, добившись от государства проведения общих законов.

Основное положение «Инструкции» было подчеркнуто в выступлении Лоренса: «Если мы хотим на деле помочь освобождению нашего класса, наша роль должна ограничиться наблюдением за тем, что происходит вокруг нас, пониманием социального движения, а не навязыванием этому движению наших чувств и наших частных взглядов. Как очень хорошо сказано в докладе Генерального Совета, «тенденция современной промышленности заключается в вовлечении женщины и ребенка в общественное производство»» [1]. И далее он говорил, что нужно протестовать против эксплуатации женского труда в том виде, как это происходит в условиях капиталистического общества, а не пытаться отвергать женский труд в принципе.

Протокольная запись не позволяет сказать, останавливался ли Дюпон на вопросах женского труда в выступлении по докладу Генерального Совета. Судя по отчету в «The International Courier», он сосредоточил внимание главным образом на бесправном положении подростков, находящихся в ученичестве.

Позиция Генерального Совета в вопросе о женском и детском труде получила поддержку со стороны некоторых прудонистских делегатов, прежде всего Варлена и Бурдона. В этом вопросе они полностью разошлись с большинством парижской делегации. Их точка зрения была изложена в «Мемуаре» парижских делегатов под заголовком «Мнение меньшинства». Признавая, что в условиях капиталистического производства женский труд имеет отрицательные последствия, Варлен, однако, подчеркивал, что на этом основании нельзя осуждать его вообще: «как вы, желающие спасти женщину от проституции,— спрашивал Варлен,— сможете это сделать, если вы не предоставите ей возможности зарабатывать на жизнь?» [2].

Варлен и Бурдон внесли резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Женщина должна работать для того, чтобы вести достойный образ жизни. Нужно стремиться улучшить ее труд, а не запрещать его» [3]. Судя по протокольной записи, позицию меньшинства поддержала и лионская делегация [4].

[1] «Le Courrier international», 6. IV. 1867.
[2] Ibid.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 8; см. также «Vorbote», 1866, N 10, S. 152.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 60.

По второй части 7 пункта (вопрос об образовании) Варлен и Бурдон также выступили против большинства парижской делегации. Правоверные прудонисты в соответствии со взглядами своего учителя высказались в «Мемуаре» против бесплатного и обязательного обучения детей в школах, рассматривая это как вмешательство государства в дела семьи [1]. Точка же зрения Варлена и Бурдона была ближе к позиции Генерального Совета: они предлагали обязательное посещение школы для всех детей, составление программ обучения центральной администрацией с правом для коммун (органов самоуправления) учитывать местные условия. Эта система осуществима лишь при условии демократизации общества. Только такие меры, по мнению авторов, исключали возможность социального неравенства, которое вытекало из существующей системы привилегированных школ и из предлагаемого большинством парижской делегации домашнего воспитания [2].

В этом вопросе большинству парижской делегации по существу пришлось сдать свои позиции. Здесь против них оказалось абсолютное большинство конгресса: делегаты Генерального Совета и англичане, немецкие делегаты, которые отстаивали обязательное бесплатное школьное обучение [3].

При такой расстановке сил парижане, по-видимому, сочли просто нецелесообразным поднимать на конгрессе вопрос о домашнем образовании. Резолюция, предложенная ими, содержала лишь идею, которую поддерживали все делегаты и которая в развернутой и аргументированной форме присутствовала в принятом докладе Генерального Совета,— это идея о сочетании теоретического и практического образования [4].

Из трех представленных резолюций конгрессом были одобрены соответствующая часть «Инструкции» значительным большинством голосов и резолюция парижан; предложение же Варлена и Бурдона конгресс отклонил [5].

По пункту 8 — *постоянные армии и их отношение к производству* (в «Инструкции» соответственно пункт 10) — единогласно было принято предложение Генерального Совета. Маркс не стал доказывать в «Инструкции» тезис об отрицательном влиянии больших постоянных армий на производство (расходы на вооружение и содержание, отвлечение наиболее работоспособной части населения от производительного труда и т. д.). Это

[1] «Congrès de Genève. Mémoire...», p. 12—15.
[2] Ibid, p. 15—19.
[3] «Vorbote», 1866, N 5, S. 75—76.
[4] «Le Courrier international», 6. IV. 1866; ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 9, 10.
[5] «Vorbote», 1866, N 10, S. 152—153.

положение к середине 60-х годов XIX в. приобрело уже аксиоматический характер и признавалось всеми буржуазными демократами на пацифистских, экономических и других конгрессах. «Инструкция» предлагала заменить регулярную армию всеобщим вооружением народа и всеобщим обучением пользованию оружием. Кроме того, был внесен еще ряд предложений, которые в общем повторяли ту же мысль о необходимости и целесообразности введения всеобщего вооружения народа [1].

Наибольшую активность при обсуждении этого вопроса проявили швейцарские и немецкие делегаты: для них этот вопрос носил практический характер в связи с борьбой за демократический путь объединения Германии. Они представили конгрессу сравнительные статистические данные о расходах на постоянную армию и милицию, изложенные в Докладной записке [2]. Опираясь на опыт организации военных кружков (в частности среди немецких рабочих в Женеве), они предложили создавать повсюду, где позволяют условия, общества для военного обучения по единому плану. Немецкие делегаты полагали, что эти мероприятия являлись первыми реальными шагами на пути ко всеобщему вооружению народа.

Поскольку принципиальных расхождений при обсуждении не возникло, то конгресс, наряду с основной резолюцией Совета, единогласно одобрил все другие проекты. Маркс на рукописи французского протокола сделал следующее замечание: *«В немецком протоколе (minutes)* говорится, что в конце концов (finalement) была принята резолюция, предложенная Центральным Советом» [3].

Обсуждение программы конгресса завершилось принятием резолюции швейцарской делегации по пункту 12 — *создание обществ взаимопомощи и установление между ними международных связей.* Это требование, отражавшее пожелания рабочих, при основании Интернационала было включено Марксом во Временный Устав (статья 9) и пункт I «Инструкции». Поскольку на Лондонской конференции 1865 г. швейцарская делегация предложила включить его в программу конгресса, инициатива в этой области была предоставлена швейцарским секциям [4].

Особая забота и интерес швейцарцев, их инициатива здесь вполне объяснимы. Значительная часть немецких рабочих в Швейцарии принадлежала к выходцам из Германии, многие из них отсюда эмигрировали в США или в Англию: поэтому проб-

[1] «Vorbote», 1866, N 11, S. 168.
[2] «Vorbote», 1865, N 7, S. 107—109; 1866, N 8, S. 121—128.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 13.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 194; «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 156.

лема помощи товарищам-эмигрантам постоянно стояла перед рабочими обществами.

После Лондонской конференции Центральный комитет секций немецкого языка, в первую очередь сам Беккер, предпринял ряд практических шагов по реализации своего предложения, организовав в Женеве больничную кассу. Был составлен и отпечатан устав этого общества, которое предполагалось превратить в общее для всей Швейцарии [1].

Дюпле и Беккер хотели использовать местный швейцарский опыт организации взаимопомощи в международном масштабе, рассматривая его как надежный путь для укрепления связей между рабочими всех стран. Они рекомендовали местным секциям выделять часть средств для организации обществ взаимопомощи. Делегат из Штутгарта предложил основывать такие общества на основе единого устава, рассматривая это обстоятельство как важный шаг на пути к созданию единой международной кассы взаимопомощи [2].

Эккариус, Оджер и Кример настаивали на предоставлении инициативы в организации касс взаимопомощи местным секциям. Единогласно была принята предложенная английской делегацией резолюция: «Конгресс целиком одобряет все меры, предпринятые женевской секцией в деле основания обществ взаимопомощи и помощи сиротам. Конгресс рекомендует Центральному Совету немедленно изучить и одобрить наилучшие средства к осуществлению этого принципа на интернациональной основе» [3]. Кроме того, конгресс принял и резолюцию парижской и лионской делегаций. Французы, высказываясь за эти предложения в целом, выражали опасение, что в условиях полицейского режима во Франции фонды таких обществ не будут гарантированы от конфискаций правительством. Они ставили под сомнение возможность международного объединения обществ взаимопомощи [4].

Скептические оговорки прудонистов свидетельствовали о вынужденном признании неисполнимости их собственных утопических проектов освобождения рабочего класса посредством взаимопомощи и взаимного кредита. Пока дело не выходило за рамки деклараций. они ожесточенно отстаивали свои принципы. Когда же единственный раз речь зашла о частичном осуществлении этих деклараций, они отступили.

[1] «Reglement der Krankenunterstützungskasse der Internationalen Arbeiter-Association. Deutsche Abtheilung in Genf (1866)».

[2] «The International Courier», 10. IV. 1867; ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 30, 42—43 и 45.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1995, л. д. 31, 32, 47.

[4] Там же, л. д. 31, 44.

* * *

Женевский конгресс завершил процесс конституирования Товарищества как массовой организации международного пролетариата. Вместе с тем в решениях конгресса нельзя видеть лишь итог двухлетнего развития Интернационала. В его работе были элементы, сыгравшие большую роль в последующей истории Товарищества. При изучении материалов Женевского конгресса прослеживается борьба двух тенденций: первая из них — стремление Генерального Совета и других представителей передового пролетариата превратить Товарищество в центр борьбы международного пролетариата за социальную революцию, за его полное социальное освобождение; вторая — использовать Интернационал для осуществления планов мирного преобразования отношений между трудом и капиталом, возвращения к обществу мелких производителей, децентрализации средств производства и т. д. Какая из этих двух тенденций восторжествовала *по существу* на конгрессе, что̀ из его решений оказало влияние на дальнейшее развитие международного рабочего движения и что осталось только декларацией, забытой в ходе исторического развития, и определяет роль и место Женевского конгресса в истории освободительной борьбы рабочего класса.

И с этой точки зрения совершенно очевидно, что обсуждение программных вопросов прошло при решительном перевесе пролетарского крыла в Товариществе. Закрепив уровень, уже достигнутый в первых программных документах, Женевский конгресс пошел дальше. По самым ответственным пунктам программы прошли предложения Генерального Совета, сформулированные Марксом в «Инструкции делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам».

Принятие этих резолюций явилось значительным шагом вперед в развитии и конкретизации экономической части программы Товарищества в противоположность мелкобуржуазным, реформистским по своему характеру догмам. Это означало признание Интернационалом марксистского понимания задач экономической борьбы рабочего класса: утверждение стачки как закономерной и необходимой формы классовой борьбы пролетариата за свое освобождение; профессиональных организаций рабочего класса как «организованной силы для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала» [1], места кооперации в общей освободительной борьбе пролетариата, требование восьмичасового рабочего дня, признание прогрессивности вовлечения женщин и детей в общественный производительный труд.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 200.

В решениях конгресса нашло отражение и важнейшее положение научного коммунизма о необходимости сочетания политической и экономической борьбы рабочего класса [1].

Принятие конгрессом экономической программы борьбы рабочего класса и широкое ее распространение в дальнейшем среди национальных отрядов пролетариата объясняется тем, что она была выработана Марксом на основе опыта классовой борьбы рабочих, ясного понимания потребностей развивающегося международного пролетарского движения. Победе принципов марксизма над мелкобуржуазными догмами в рабочем движении предшествовала научная победа пролетарской политэкономии не только над политэкономией буржуазии, но и над мелкобуржуазным, в частности прудоновским социализмом, этим, по выражению Маркса, «лжебратом» коммунизма [2].

Программа экономических требований рабочего класса явилась закономерным завершением величайшего научного подвига Маркса — создания им экономической теории, увенчавшей развитие марксизма и давшей социалистическим устремлениям международного пролетариата научное обоснование.

Принятие конгрессом Марксовых резолюций было победой не только его теоретических, но и тактических принципов. От понимания конкретных задач классовой борьбы Маркс вел рабочих к пониманию общих целей движения. «Я не мог и не хотел поехать на конгресс,— писал Маркс Кугельману 9 октября 1866 г.,— но написал программу лондонских делегатов («Инструкцию».— *В. С.*). Я ограничил ее намеренно такими пунктами, на которые рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок» [3].

Этот подход к постановке программных вопросов в Товариществе Маркс сформулировал и в самой «Инструкции»: «Международное Товарищество Рабочих ставит себе целью объединить, направив в общее русло, *стихийное движение* рабочего класса, но отнюдь не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было доктринерские системы» [4].

Маркс и его сторонники исходили из реальных условий рабочего движения, понимая, что на данной стадии развития нель-

[1] Для самого Интернационала это был лишь первый шаг в постановке и решении этого вопроса: он нашел свое дальнейшее развитие в решениях Лозаннского (1867) и Гаагского (1872) конгрессов и Лондонской конференции 1871 года.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 469.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 443.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 199.

зя добиться полного идейного единства национальных отрядов пролетариата. Распространение среди пролетариата незрелых утопических, а иногда и просто реакционных в конечном счете воззрений отражало незрелость самих социальных отношений в той или иной стране. Учетом этой реальной обстановки было продиктовано стремление Маркса и его сторонников и в Генеральном Совете и на конгрессе — подчеркивать не то, что разъединяет рабочих, а то, что их объединяет.

Тактика делегатов Генерального Совета и их сторонников на конгрессе заключалась в том, чтобы добиться принятия предложений Совета по основным принципиальным вопросам, имевшим решающее значение для деятельности всего Товарищества в дальнейшем, и уступать прудонистам по вопросам второстепенным или же принимать их предложения в качестве дополнений к основным решениям.

Резолюции Женевского конгресса создали основу для борьбы за широкую классовую базу организации Интернационала. Уже в ближайшие годы практика классовой борьбы привела к преодолению ряда догм мелкобуржуазного социализма и полной победе в Интернационале Марксовых положений экономической программы пролетарской партии. Деятельность Товарищества способствовала росту профессионального движения в отдельных странах и его организации в национальном и международном масштабах.

Экономическая программа пролетарской классовой борьбы, выработанная в Женеве и дополненная на последующих конгрессах, определение исторической роли профессиональных союзов в борьбе рабочего класса против капитала вошли составной частью в программы марксистских рабочих партий, создание которых в отдельных странах было подготовлено всей деятельностью I Интернационала, стали основой борьбы против истолкования этой роли в реформистском или анархо-синдикалистском духе.

В. А. Морозова

КАРЛ МАРКС — СЕКРЕТАРЬ-КОРРЕСПОНДЕНТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА I ИНТЕРНАЦИОНАЛА ДЛЯ ГЕРМАНИИ

Одной из сторон деятельности Маркса как члена руководящего органа I Интернационала — Генерального Совета — являлось выполнение им в 1864—1872 гг. обязанностей секретаря-корреспондента для Германии.

Приглашенный на митинг 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинс-холле в качестве представителя немецких рабочих, Маркс был избран во Временный комитет новой международной организации [1]. При конституировании Временного комитета в Центральный (позднее Генеральный) Совет на Маркса были возложены обязанности секретаря-корреспондента для Германии [2]. В этой должности он утверждался Генеральным Советом из года в год, на первом же заседании Совета после очередного конгресса Интернационала [3].

Настоящая статья ставит задачу раскрыть связи Маркса с различными немецкими рабочими организациями и отдельными деятелями пролетарского движения Германии в годы Интернационала, осветить его роль в распространении идей Интернационала в этой стране. Хотя существует немало работ, освещающих руководство Маркса германским рабочим движением, перед исследователями еще стоит задача воссоздания полной картины

[1] См. Маркс — Энгельсу, 4 ноября 1864 г., Маркс — К. Клингсу, 4 октября 1864 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 8, 11, 354).

[2] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866». М., 1961, стр. 9—11.

[3] См. Протоколы заседаний Генерального Совета от 25. IX. 1866, 24. IX. 1867, 29. IX. 1868, 14. IX. 1869 и 26. IX. 1871.

его роли как официального представителя Интернационала для Германии. Она представляется тем более актуальной, что в буржуазной и в правосоциалистической исторической литературе по-прежнему господствует концепция, отрицающая влияние Интернационала на немецкое рабочее движение [1].

В данной статье речь идет о деятельности Маркса как секретаря-корреспондента для Германии в 1864—1870 гг. Это годы борьбы Маркса за вовлечение немецких рабочих в Интернационал, за создание массовой базы Интернационала в Германии. Важнейшим событием в этот период было образование в 1869 г. Социал-демократической рабочей партии — первой самостоятельной пролетарской партии в национальном масштабе.

* * *

Несмотря на то что в Германии почва была подготовлена деятельностью Маркса и Энгельса в 40-х гг. и в рабочем движении сохранялись традиции Союза коммунистов, пропаганда Интернационала на первых порах встречала большие трудности. К моменту создания Интернационала в Германии существовали две крупные рабочие организации, возникшие в 1863 г.: Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС) и Союз немецких рабочих обществ (СНРО). Всеобщий германский рабочий союз, организованный под руководством Лассаля, был первой после Союза коммунистов самостоятельной политической организацией немецкого пролетариата. Однако идеология лассальянства, распространявшего в рядах рабочего класса иллюзии о возможности мирного врастания в социализм при помощи всеобщего избирательного права, отрицание лассальянцами значения экономической борьбы против капитала и создания классовых пролетарских организаций — профессиональных союзов, их тактика поддержки правительства Бисмарка в вопросах объединения страны в обмен на неопределенные обещания социальных уступок, националистические тенденции лассальянцев — все это наносило огромный вред рабочему движению.

Главную задачу немецкого рабочего движения в годы Интернационала Маркс видел в освобождении от влияния лассальянства. Это являлось важнейшим условием создания пролетарской партии в Германии. Необходимо было также всемерно способствовать освобождению рабочих обществ от опеки либеральной буржуазии, превращению Союза немецких рабочих обществ в подлинно классовую организацию немецких рабочих.

[1] См., например: *H. Grebing*. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Hannover, 1966 и *H. Wachenheim*. «Die deutsche Arbeiterbewegung 1844—1914». Köln und Opladen, 1967.

Единственной теоретической основой, на которой могла быть создана революционная партия немецкого рабочего класса, была программа Интернационала, провозгласившая важнейшим условием освобождения пролетариата его политическую и идейную самостоятельность, пронизанная идеей пролетарского интернационализма, общности интересов международного рабочего класса, исходящая из идеи о всемирно-исторической роли пролетариата. В сложной обстановке борьбы различных течений в германском рабочем движении Маркс неуклонно добивался усвоения немецким пролетариатом принципов Интернационала, принятия им программы Международного Товарищества Рабочих.

I

БОРЬБА МАРКСА ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ В РЯДЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В 1864—1867 ГОДАХ

Сразу же после создания Интернационала перед Марксом, как секретарем-корреспондентом Генерального Совета для Германии, встала задача установления и развития связей с немецкими рабочими, вовлечения их в Товарищество, приобщения к единым действиям с пролетариатом других стран. Маркс настойчиво разъяснял своим сторонникам в Германии важность присоединения существовавших в стране рабочих организаций к Интернационалу [1]. По мысли Маркса, в Германии, как и в других странах, Интернационал должен был привлечь на свою сторону уже сложившиеся в ходе развития рабочего движения пролетарские организации.

На первых порах Маркс уделял особое внимание Всеобщему германскому рабочему союзу как самостоятельной политической организации пролетариата в отличие от Союза немецких рабочих обществ, перед которым еще стояла задача освобождения от политического влияния либеральной буржуазии. Маркс считал желательным присоединение к Интернационалу ВГРС как организации в целом. 22 декабря 1864 г., за несколько дней до очередного генерального собрания ВГРС, он обратился к одному из своих сторонников в Германии К. Зибелю с просьбой съездить в Золинген и разъяснить от его имени ножевщику Клингсу, члену правления ВГРС, «насколько важно, чтобы Германский рабочий союз на своем съезде в Дюссельдорфе 27 декабря с. г.

[1] См., в частности, Маркс — К. Зибелю, 22 декабря 1864 г. (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 369).

принял резолюцию о присоединении к Международному Товариществу»[1]. По мнению Маркса, это способствовало бы преодолению лассальянства, привело бы к постепенному превращению Союза в подлинно пролетарскую партию.

В первый год существования Интернационала контакты Маркса с ВГРС были весьма интенсивными. С ноября 1864 по март 1865 г. он регулярно переписывался с редактором органа ВГРС газеты «Social-Demokrat» И. Б. Швейцером; много внимания вопросам развития ВГРС и возможности его освобождения от влияния лассальянства уделялось в переписке Маркса с Энгельсом[2] и Либкнехтом.

С декабря 1864 по февраль 1865 г. Маркс и Энгельс являлись сотрудниками «Social-Demokrat». Основоположники научного коммунизма стремились использовать газету для пропаганды идей Интернационала среди немецких рабочих и для развенчания в их глазах лассальянских догм. Уже в ноябре 1864 г. Маркс послал Либкнехту, являвшемуся одним из редакторов «Social-Demokrat», сделанный им немецкий перевод «Учредительного Манифеста Международного Товарищества Рабочих»[3]. Посредством небольших редакционных дополнений он усилил некоторые положения, имеющие значение для критики лассальянства. Так, добавив фразу о том, что руководители английского рабочего класса уже в 1851—1852 гг. понимали ограниченность возможностей кооперации в условиях буржуазного строя, Маркс по существу подчеркнул несостоятельность легенды о приоритете Лассаля в критике буржуазных кооператорских идей[4]. В том месте «Учредительного Манифеста», где говорилось о необходимости для освобождения рабочего класса братского сотрудничества рабочих, Маркс добавил слова: «разных стран», чтобы сделать для немецкого читателя более ясной заложенную

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 369.

[2] Переписка между Марксом и Энгельсом в годы Интернационала является важнейшим источником для изучения данной темы. Энгельс оказывал огромную помощь Марксу в его деятельности как секретаря-корреспондента для Германии, являясь постоянным советчиком Маркса при решении сложных вопросов, возникавших в ходе выработки тактики Генерального Совета в отношении Германии. Значение этих писем тем более велико, что в распоряжении историков сейчас находится лишь небольшая часть тех писем, которые Маркс посылал немецким рабочим деятелям. Их отсутствие в какой-то мере восполняется также письмами, полученными Марксом и Энгельсом в этот период из Германии.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 21. Этот документ был опубликован в «Social-Demokrat» 21. XII и в приложении к номеру от 30. XII. 1864 г. под заглавием «Manifest an die arbeitende Klasse Europa's».

[4] См. Маркс — Энгельсу, 4 ноября 1864 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 7.

в «Манифесте» идею пролетарского интернационализма, чуждую лассальянству [1].

Маркс придавал большое значение опубликованию «Учредительного Манифеста» в немецкой рабочей газете. Передавая на заседании Генерального Совета 3 января 1865 г. членам Совета номера «Social-Demokrat» с текстом этого программного документа Интернационала, он подчеркнул, что это издание получило широкое распространение в Германии [2].

Сотрудничество в «Social-Demokrat» Маркс использовал также для разъяснения немецким рабочим вредности политической линии Лассаля и его последователей, проводимой ими политики компромисса с реакционным прусским правительством. Это было сделано Марксом, в частности, в написанной в январе 1865 г. статье «О Прудоне» [3]. В этой статье, представляющей собой блестящий образец комбинированного удара по различным разновидностям реформизма и сектантства [4], Маркс выделил те общие черты, которые роднили Прудона с другими представителями мелкобуржуазного социализма. Критикуя Прудона как идеолога мелкой буржуазии, показывая несостоятельность идеологии прудонизма, Маркс в то же время развенчал и Лассаля, хотя имя его в статье даже не упоминалось. «Ты заметишь там,— писал он Энгельсу,— что некоторые весьма чувствительные удары, якобы предназначенные для Прудона, на самом деле разят нашего *«Ахилла»* [Лассаля.— *В. М.*] и предназначаются для него» [5].

Против политической тактики Лассаля направлена в статье Маркса критика свойственных идеологам мелкой буржуазии шарлатанства в науке и приспособленчества в политике. «У подобных субъектов,— писал Маркс,— остается лишь один побудительный мотив — их *тщеславие*... При этом неизбежно утрачивается тот простой моральный такт, который всегда предохранял, например, Руссо от всякого, хотя бы только кажущегося компромисса с существующей властью» [6].

С пристальным вниманием следя за каждым выходящим номером «Social-Demokrat», Маркс подмечал все, что характеризовало определявшееся лидерами ВГРС политическое направление газеты.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 10, 11.
[2] «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 24.
[3] Статья была напечатана в «Social-Demokrat» 1, 3 и 5 февраля 1865 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 24—31).
[4] См. «Карл Маркс. Биография». М., 1968, стр. 495.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 36.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 31.

Огромное значение Маркс придавал той позиции, которую газета занимала по отношению к Международному Товариществу Рабочих. Как недопустимый выпад против Товарищества, противоречащий интересам немецкого рабочего движения, он расценил намек в опубликованном газетой «Обращении» президента ВГРС Б. Беккера на то, что ВГРС не может вступить в тесную связь с Интернационалом, так как эта связь якобы не сулит практической пользы и может повредить организации Союза [1]. Маркс счел, однако, возможным ограничиться пока частным письмом Швейцеру по этому поводу [2]. Решительный протест Маркса вызвали помещенные в «Social-Demokrat» [3] корреспонденции из Парижа, автор которых М. Гесс обвинял руководителей парижской секции Интернационала (Толена и Лимузена) в связях с бонапартистскими кругами и в искаженном виде изображал позицию Генерального Совета в отношении группы буржуазных республиканцев, объединявшихся вокруг адвоката А. Лефора и претендовавших на роль представителей французских рабочих [4]. Расценив корреспонденции Гесса как попытку скомпрометировать Интернационал в глазах немецких рабочих, Маркс потребовал от редакции «Social-Demokrat» изменения характера материалов, публикуемых в газете, и прекращения клеветнических выступлений против Международного Товарищества. 6 февраля от своего и Энгельса имени он написал заявление, в котором объявил инсинуации Гесса по адресу французских членов Интернационала «вздорной клеветой». Маркс использовал этот повод для того, чтобы выразить парижскому пролетариату признание за его антибонапартистскую позицию, и дал немецким рабочим совет следовать этому примеру [5].

Гораздо более настороженное отношение вызвало у Маркса проявлявшееся в статьях Швейцера заигрывание с правительством Бисмарка [6]. Он категорически отвергал объяснения Швейцера и Либкнехта, что это вызвано цензурными условиями.

[1] «Social-Demokrat», 30. XII. 1864.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 374—375.

[3] «Social-Demokrat», 13. I и 1. II. 1865.

[4] См. Маркс — Швейцеру, 16 января 1865 г., Маркс — Энгельсу, 25 января 1865 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 35, 375. Письмо Маркса Энгельсу от 3 февраля 1865 г. (там же, стр. 45), а также письмо Марксу члена Интернационала в Париже В. Шили от 19 января 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5. ед. хр. 1515) воссоздают содержание посланных Марксом в связи с публикацией корреспонденций Гесса писем Шили от 16 января и Либкнехту от 2 февраля 1865 г.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч, т. 16, стр. 34.

[6] См., например, Маркс — Энгельсу, 30 января и 3 февраля 1865 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 40, 45. Во второй половине января Маркс дважды писал Швейцеру о необходимости отказаться от восхваления Лассаля и проповедования его лозунгов в газете (там же, стр. 41).

Маркс учил Либкнехта искусству «говорить *все*, если найти подходящую форму» [1]. «Даже и та форма полемики *против* правительства, которая «приемлема» под берлинским меридианом, во всяком случае сильно отличается от кокетничания или даже от кажущегося компромисса с правительством!» [2] — писал Маркс Швейцеру. В письмах к Швейцеру и Либкнехту Маркс давал образцы революционно-пролетарского подхода к оценке действий как правительства, так и оппозиционных ему буржуазных партий

Однако появлявшиеся в газете статьи свидетельствовали о том, что редакция газеты не собиралась менять свою позицию по отношению к прусскому правительству. Начиная с 27 января Швейцер печатал в «Social-Demokrat» серию статей под названием «Министерство Бисмарка», в которой компромисс с реакционным прусским правительством проявился наиболее ярко. Уже после решительного требования Маркса прекратить заигрывание с Бисмарком в «Social-Demokrat» от 17 февраля появилась третья статья из этой серии, в которой Швейцер открыто выступал за поддержку политики Бисмарка в деле объединения Германии «железом и кровью».

Появление этой статьи показало Марксу, что в интересах развития немецкого рабочего движения он должен немедленно порвать с редакцией «Social-Demokrat», публично изложив причины этого шага. 23 февраля подписанное Марксом и Энгельсом заявление о разрыве с газетой было отправлено Либкнехту для передачи Швейцеру [3]. В случае отказа Швейцера напечатать его Либкнехт должен был поместить заявление в «Berliner Reform». Таким образом, Швейцер был вынужден напечатать заявление Маркса и Энгельса в «Social-Demokrat» 3 марта 1865 года. Через посредство Зибеля заявление было помещено в ряде газет Рейнской провинции Пруссии [4]. Либкнехт тоже организовал публикацию заявления в различных газетах и, кроме того, выступил с разъяснением позиции Маркса и Энгельса на собрании берлинского Союза печатников [5].

Благодаря всему этому суть разногласий Маркса с редакцией «Social-Demokrat», а по существу с руководством ВГРС, стала известна передовым рабочим. Охарактеризовав в своем заявлении лассальянство как «королевско-прусский правительственный социализм» [6], Маркс и Энгельс еще раз решительно под-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 63.

[2] Там же, стр. 375.

[3] Там же, стр. 68, 69.

[4] К. Зибель — Энгельсу, 1 марта 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1537.

[5] Либкнехт — Марксу, ранее 10 марта 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1543.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 79.

черкнули недопустимость компромисса пролетариата с реакционным правительством, несовместимость лассальянских догм и тактики с принципами Международного Товарищества Рабочих. 28 февраля Маркс информировал Генеральный Совет о своем разрыве с газетой [1].

Опыт сотрудничества в «Social-Demokrat» убедил Маркса в невозможности использовать ВГРС в интересах Интернационала. Вместе с тем он считал, что сотрудничество в органе ВГРС не было напрасным, а открытый мотивированный разрыв с «Social-Demokrat» будет иметь положительное значение для немецкого рабочего движения. Разрыв с «Social-Demokrat», как писал Маркс Энгельсу, «это хорошее *введение* к разрыву с «лассальянством», который все же неизбежно наступит» [2].

После февраля 1865 г. Маркс временно снимает вопрос о привлечении ВГРС на сторону Интернационала. Вплоть до июля 1868 г. он ни разу в своих сообщениях Генеральному Совету о развитии рабочего движения в Германии не упоминает Всеобщий германский рабочий союз. Маркс решительно отвергал все дальнейшие попытки лассальянских лидеров использовать его или Энгельса имя для того, чтобы укрепить свои позиции в немецком рабочем движении [3]. Отныне Маркс в своей деятельности ориентировался на усиливавшуюся пролетарскую оппозицию в Союзе против лассальянского руководства [4].

* * *

Действия Маркса в отношении ВГРС на первом этапе деятельности Международного Товарищества Рабочих принесли свои плоды в последующие годы. Они отразились, в частности, на процессе возникновения и развития местных секций Интернационала в Германии.

Вопрос о роли Маркса в создании секций Интернационала в Германии, о его связях с этими организациями, его направляющем влиянии на их деятельность — один из аспектов рассматриваемой в данной статье темы, нуждающихся в самом внимательном изучении [5]. Документы, отражающие различные сто-

[1] «Генеральный Совет. 1864—1866». стр. 36.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 83.

[3] Либкнехт — Марксу, 18 января 1866 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1630; Маркс — Энгельсу, 10 февраля 1866 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 147.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 88, 93—94.

[5] История отдельных секций Интернационала в Германии лишь в последнее время стала предметом специальных исследований. См. *H. Gemkow* «Zur Tätigkeit der Berliner Sektion der I. Internationale». In: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1959, № 3, S. 515 ff.; *R. Dlubek U. Herrmann*. «Die Magdeburger Sektion der I. In-

роны деятельности секций[1], дают возможность говорить о том, что эти организации являлись существенным каналом воздействия Маркса на немецкое рабочее движение в годы Интернационала. Они опровергают утверждения буржуазных историков, что секции Интернационала в Германии возникали помимо Маркса, что они не были связаны с Генеральным Советом и целиком направлялись лишь руководимым И. Ф. Беккером женевским ЦК группы секций немецкого языка[2].

Уже в начале 1865 г. Маркс пришел к выводу, что в существующих условиях лучшей тактикой в отношении создания базы Интернационала в немецком рабочем движении будет ориентация на вовлечение в Интернационал индивидуальных членов и организацию небольших секций, непосредственно связанных с Генеральным Советом[3]. «...Я решил теперь предложить моим друзьям в различных местностях Германии создавать небольшие общества, безразлично с каким количеством членов в каждой местности, с тем чтобы каждый член приобретал английский членский билет,— писал Маркс 23 февраля 1865 г. ганноверскому врачу Л. Кугельману, ставшему впоследствии активным членом Интернационала.—...Я очень хотел бы, чтобы и Вы вместе с наиболее близко стоящими к Вам людьми связались таким

ternationale und der Kampf um die Schaffung einer revolutionären Massenpartei der deutschen Arbeiterklasse». In: «Beiträge...», 1962, Sonderheft — «Marx — Engels-Forschung in der DDR», S. 189 ff. Некоторые общие вопросы, связанные с деятельностью секций, освещены в работах: *H. Hümmler*. «Opposition gegen Lassalle». Berlin, 1963; *E. Engelberg*. «Johann Philipp Becker in der I. Internationale. Fragen der Demokratie und des Sozialismus». Berlin, 1964. В советской исторической литературе общая характеристика секций, их роли в распространении идей Интернационала в Германии, в создании СДРП дана в коллективной монографии «Первый Интернационал», ч. I, М., 1964, ч. II, М., 1965 (автор разделов В. А. Морозова).

[1] Наиболее характерные из этих документов опубликованы в сборнике «Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Dokumente und Materialien». Berlin, 1964.

[2] Такую концепцию проводит, в частности, английский историк Р. Морган в книге «The German Social Democrats and the First International 1864—1872». Cambridge, 1965. Не уделяет достаточного внимания вопросу о роли Маркса в руководстве немецкими секциями Интернационала и автор ряда исследований в этой области прогрессивный западногерманский историк Г. Эккерт. См. его статью «Zur Geschichte der Braunschweiger Sektion der I. Internationale». In: «Braunschweigisches Jahrbuch», Bd. 43, 1962 и вводную статью к обширной публикации документов «Zur Geschichte der Sektionen Wiesbaden und Mainz der Internationalen Arbeiter-Assoziation». In: «Archiv für Sozialgeschichte», Bd. VIII, Hannover, 1968.

[3] Отчасти такая тактика объяснялась необходимостью учитывать прусские законы, запрещавшие рабочим обществам вступать в связь с аналогичными обществами за границей. См. сообщение Маркса Генеральному Совету 24. I. 1865 г. «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 193.

путем с Лондоном» [1]. До нас не дошло письмо, посланное Марксом Либкнехту в двадцатых числах апреля 1865 года. Однако ответ Либкнехта дает возможность заключить, что и он получил от Маркса аналогичные инструкции. 29 апреля Либкнехт писал Марксу: «Теперь нужно начать действовать в пользу Международного Товарищества, и именно тем путем, который наметил ты» [2].

С этого времени сторонники Маркса в Германии повели в соответствии с его советами работу по созданию местных секций Интернационала и вовлечению в Товарищество индивидуальных членов.

В Берлине пропаганду идей Интернационала вел Либкнехт, активно действовавший в местной общине ВГРС, оппозиционной по отношению к руководству Союза, и в различных рабочих обществах [3]. Он пытался организовать секцию Интернационала [4], но не успел сделать этого, так как в июле 1865 г. был выслан из Пруссии. Однако результаты его деятельности в берлинской общине ВГРС сказались через несколько месяцев. 13 ноября 1865 г. члены общины сапожники Т. Мецнер и А. Фогт (бывший член Союза коммунистов) и студент технического училища З. Мейер обратились к Марксу с письмом, в котором просили его приехать в Германию и взять на себя руководство немецким рабочим движением [5]. Это письмо, в котором, по оценке Маркса, «вдумчиво и критически» разбиралось «теперешнее состояние немецкого рабочего движения» [6], положило начало переписке Маркса с берлинскими рабочими.

В конце 1865 г. в связи с решением Лондонской конференции допускать к участию в намеченном на май 1866 г. общем конгрессе Товарищества только делегатов обществ, организационно оформивших свою связь с Интернационалом, Маркс еще более настойчиво поставил перед своими сторонниками в Германии вопрос о необходимости организации секций и вовлечения в Интернационал индивидуальных членов. Он связался с жившим в Майнце бывшим членом Союза коммунистов, участником революции 1848 г. механиком Паулем Штумпфом, со

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 384.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1571.

[3] О пропаганде Либкнехтом в этих организациях программных документов Интернационала свидетельствуют, в частности, его письма Марксу от 2 декабря 1864 и 29 апреля 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1493 и 1571).

[4] В. Либкнехт — Марксу, 27 мая 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1585.

[5] «Die I. Internationale in Deutschland», S. 89—90; русский перевод см. «Вопросы истории КПСС», № 9, 1964, стр. 68—69.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 416.

своими корреспондентами в Берлине, с обосновавшимся в Лейпциге Либкнехтом[1]. О мерах, принятых им для организации секций Интернационала в Германии, Маркс поставил в известность Генеральный Совет. На заседании 21 ноября 1865 г. он сообщил: «...Развитие нашего Товарищества в Германии, наконец, подвинулось вперед, хотя там приходится преодолевать препятствия большие, чем те, которые встречаются во Франции». Маркс заявил, что за организацию секций в Берлине, Майнце и Лейпциге взялись люди, за которых он ручается[2]. По просьбе Маркса Генеральный Совет предназначил для отправки в Германию 100 членских билетов[3].

Маркс регулярно посылал членские билеты в Лейпциг, где в результате агитации Либкнехта уже в феврале 1866 г. в Интернационал вступили 12 членов комитета лейпцигского Просветительного рабочего общества, председателем которого был Август Бебель[4]. Под воздействием Маркса в январе 1866 г. в Берлине была создана одна из первых секций Интернационала в Германии. В середине января Маркс послал в Берлин 6 членских билетов, по числу лиц, первоначально входивших в секцию. В дальнейшем секция выросла численно и вплоть до 1872 г. была одной из самых активных в Германии, постоянно поддерживала контакт с Марксом.

Из писем Штумпфа Марксу видно, что Маркс побуждал его вести агитацию в пользу Интернационала. 9 октября 1865 г. Штумпф информировал Маркса о своей пропагандистской деятельности в Майнце и просил прислать коммунистическую литературу[5]. Он неоднократно обращался к Марксу за разъяснением теоретических вопросов, встававших перед ним в связи с его пропагандистской деятельностью[6]. В июне 1867 г. в Майнце оформилась секция Интернационала[7].

Под непосредственным влиянием Маркса организовалась и секция в Зигбурге. Ее создал рабочий-кожевник Иосиф Дицген,

[1] См. Маркс — Либкнехту, 21 ноября 1865 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 411.

[2] «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 93.

[3] Там же, стр. 92.

[4] См., в частности, Маркс — Либкнехту, 15 января 1866 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 419, а также Либкнехт — Марксу, 21 января, 8 февраля 1866 г, Либкнехт — И. Ф. Беккеру, 8 февраля 1866 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 101, 105, 107.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр 1613. См. также Штумпф — Марксу, 18 января 1866 г. ЦПА ИМЛ,ф. 207, ед. хр. 2.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 299, 306; Штумпф — Марксу, 30 июня, 10 и 16 июля 1866 г., 29 сентября 1867 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1664, 1665, 1668, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2086.

[7] Штумпф — И. Ф. Беккеру, 8 июня 1867 г. ЦПА ИМЛ, ф. 207, ед. хр. 3/6.

с 1867 г. переписывавшийся с Марксом. 20 марта 1869 г. Дицген писал Марксу: «Мне удалось основать здесь секцию Международного Товарищества Рабочих — я нашел около дюжины горячих приверженцев дела... В самом Зигбурге почва для агитации очень благоприятна, потому что здесь находятся два значительных промышленных предприятия: металлургический и машиностроительный заводы и т. д., а также очень крупная ситценабивная фабрика» [1].

С января 1866 г. временным организационным центром для возникающих в Германии секций стал возглавлявшийся И. Ф. Беккером Центральный комитет секций немецкого языка в Женеве. 18 декабря 1865 г. Беккер писал Марксу: «В Лейпциге, Готе, Штутгарте и Нюрнберге организуются секции. Не нужно ли их временно присоединить к нам, пока их не соберется большее количество и пока не организуется в Германии Центральный комитет?» [2]. Около 13 января 1866 г. Маркс ответил: «Немецкие секции лучше всего сделают, если примкнут пока к организации в Женеве и вступят с тобой в постоянную связь» [3]. В то же время Маркс считал возможным создание секций, непосредственно связанных с Генеральным Советом, и ориентировал на это Либкнехта [4].

Руководство секциями и индивидуальными членами Интернационала в Германии являлось важной составной частью деятельности Маркса как секретаря-корреспондента для Германии. Маркс был связан с рабочими в различных частях страны. Особенно тесными были его контакты с теми секциями, в которых действовали бывшие члены Союза коммунистов. Таковы были секции в Берлине (А. Фогт), в Майнце (П. Штумпф), в Золингене (К. Клейн) и др. Постоянным корреспондентом Маркса был активный деятель берлинской секции В. Эйххоф. Маркс переписывался с председателем интернационального союза переплетчиков, одним из организаторов секции в Лейпциге Э. Вернером, в более поздние годы — с членами берлинской секции Г. Квасневским, Ф. Йозевицем, Ф. Мильке.

Несмотря на то, что немецкие секции Интернационала были малочисленны и не всегда сильны в организационном и идейном

[1] «Вопросы философии», 1958, № 3, стр. 143—144.

[2] «Die I. Internationale in Deutschland», S. 94.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 416. В контакт с Женевским ЦК вступили секции в Кёльне, Магдебурге, Штутгарте, Брауншвейге, Вольфенбюттеле, Хильдесгейме, Дуйсбурге, Дрездене, Зигкрейзе, Лёррахе, Зеккингене, Бармен-Эльберфельде, Нюрнберге, Фюрте, Тюбингене, Билефельде, в ряде городов Силезии («Vorbote», 1866, № 6, S. 85; 1867, № 5, S. 80; 1867, № 9, S. 114, 143; 1870, № 3, S. 44—45; 1871, № 12, S. 178).

[4] Маркс — Либкнехту, 15 января 1866 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 419.

отношении, они, проводя линию Генерального Совета, сыграли определенную роль в консолидации революционных сил немецкого пролетариата под идейным знаменем Интернационала. До лета 1868 г. местные секции являлись основной опорой Интернационала в Германии.

Однако Маркс стремился к тому, чтобы Международное Товарищество Рабочих получило в Германии массовую базу в виде организации, объединяющей широкие слои рабочего класса. Поэтому он с большим вниманием относился к деятельности Либкнехта в рабочих обществах, следил за совместной борьбой Либкнехта и Бебеля за превращение СНРО в политическую организацию немецкого пролетариата.

II

БОРЬБА МАРКСА ЗА ИДЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕМЕЦКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Одна из важнейших задач, стоявших перед международным рабочим движением, была сформулирована Марксом во «Временном Уставе Товарищества» как основной принцип Интернационала в виде лозунга: «освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом» [1]. В Германии для укрепления классовой самостоятельности пролетариата необходимо было, как говорилось выше, с одной стороны, окончательное освобождение СНРО от опеки либеральной буржуазии и влияния мелкобуржуазной демократии и вступление его на путь самостоятельной классовой политики, а с другой — отказ рабочих, входивших в ВГРС, от поддержки пагубной для рабочего движения политики соглашения с реакционными правительственными кругами Пруссии, проводимой руководством Союза. «Самое нужное для немецкого рабочего класса — это, чтобы они перестали агитировать с милостивого дозволения начальства» [2],— считал Маркс.

Маркс использовал каждый повод, предоставляемый развитием событий в Германии, для того чтобы показать немецким рабочим необходимость выработки самостоятельной классовой позиции в отношении этих событий. Так, он считал, что редакция «Social-Demokrat», органа рабочей организации, обязана занять определенную позицию в кампании за право коалиций, развернувшейся в начале 1865 г. в связи с обсуждением в прусском ландтаге по инициативе буржуазной партии прогрес-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 12.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 134.

систов вопроса о пересмотре «промыслового устава» 1845 года. Свою точку зрения Маркс изложил в письме Швейцеру от 13 февраля 1865 г.[1] Однако вопреки советам Маркса Швейцер, разделявший отрицательное отношение Лассаля к экономической борьбе рабочего класса, держался в этом вопросе нейтрально, что по сути являлось поддержкой правительства.

Столь же необходимым Маркс считал правильно ориентировать немецкий рабочий класс в той сложной политической обстановке, которая создалась в Германии в связи с конституционным конфликтом, вызванным отказом буржуазной оппозиции утвердить требуемые Бисмарком ассигнования для реорганизации армии. Нужно было показать рабочим, что важно бороться не только против реакционного правительства Бисмарка с его социальной демагогией, но и против либеральной буржуазии. Поддерживая выступления прогрессистов против правительства, надо было в то же время критиковать их за непоследовательность и готовность на компромисс с реакцией. Все это было изложено Энгельсом в работе «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»[2], написанной по просьбе Либкнехта и первоначально предназначавшейся для публикации в «Social-Demokrat». Маркс считал эту работу исключительно важной для выработки правильной тактики германского рабочего класса.

Во время работы над ней Энгельс очень детально обсуждал с Марксом ее содержание, основные положения, критическую направленность[3]. Маркс советовал Энгельсу уделить больше внимания *«сельскому населению*, которое немецкий неуч-рабочий [Knote] слишком охотно трактует как несуществующее»[4]. По предложению Маркса Энгельс несколько изменил формулировку в той части текста, где говорилось о требованиях, выдвигаемых передовыми рабочими Германии, таким образом, чтобы у читателя не создалось впечатление, что автор хотя бы в малейшей степени солидаризируется с лассальянскими лозунгами о кооперации при поддержке государства и о всеспасительной силе всеобщего избирательного права. «Форма, в которой неучи в Германии представляют себе государственное вмешательство à la Лассаль, такова,— писал Маркс Энгельсу 11 февраля 1865 г.,— что нужно остерегаться в какой бы то ни было мере солидаризироваться с «таковыми»»[5].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 63—64.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 35—78.
[3] См. Маркс — Энгельсу, 30 января, Энгельс — Марксу, 5, 7, 9 февраля, Маркс — Энгельсу, 10 февраля 1865 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 40, 47, 52—54.
[4] Там же, стр. 54.
[5] Там же, стр. 56; т. 16, стр. 68—69.

Работа Энгельса по своему размеру переросла рамки газетной статьи, поэтому Маркс и Энгельс решили опубликовать ее в виде брошюры в издательстве О. Мейснера в Гамбурге. К тому же ставшее уже явным стремление Швейцера поставить «Social-Demokrat» на службу правительству Бисмарка делало невозможным ее публикацию в этой газете. «Для «Social-Demokrat» эта вещь слишком велика и при существующих отношениях «слишком дерзка»» [1],— считал Маркс.

Брошюра вышла в свет в конце февраля 1865 года. Маркс и Энгельс приняли меры для ее популяризации в Германии. Они организовали через своих сторонников публикацию объявления о выходе брошюры и заметок о ней во многих рабочих и демократических газетах [2].

Брошюра Энгельса вызвала широкий отклик в Германии, она была с восторгом встречена сторонниками Маркса и Энгельса [3]. Активно пропагандировал брошюру Энгельса Либкнехт, организовавший ее обсуждение в некоторых рабочих обществах Берлина [4].

Важнейшим средством достижения политической самостоятельности пролетариата Маркс считал его активное участие в общедемократических движениях. Рассматривая борьбу за демократию как составную часть борьбы за социализм, Маркс разъяснял рабочему классу разных стран, в том числе и Германии, что он является единственной силой в буржуазном обществе, способной вести последовательную борьбу за демократию и социальный прогресс и возглавить в этой борьбе широкие народные массы.

Обстановка, сложившаяся в Германии в середине 60-х гг. XIX в., давала благоприятные возможности для усвоения рабочим классом этих взглядов Маркса. В условиях складывавшейся в стране революционной ситуации Маркс помогал своим сторонникам в Германии использовать подъем политической и общественной активности всех слоев трудящихся для пробуждения революционного классового сознания рабочих. «Пиши мне: 1) о состоянии «нашего» движения в Германии, 2) о политической обстановке в Германии» [5],— просил он Либкнехта.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 54.

[2] Объявления были помещены в «Elberfelder Zeitung», 3. III. 1865 г., в «Oberrheinischer Courier», 7. III. 1865 г., в «Osnabrücker Zeitung», 9. III. 1865 г., в «Neuer Hannoverscher Anzeiger», 11. III. 1865 г., заметки — в «Berliner Reform», 3. III. 1865 г., «Düsseldorfer Zeitung», 3. III. 1865 г., «Rheinische Zeitung», 3. III. 1865 г.

[3] См. И. Я. Клейн — Энгельсу, после 11 марта 1865 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 45.

[4] См. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 40—44.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 432.

С самым пристальным вниманием Маркс следил за назревавшим с весны 1866 г. военным конфликтом между Пруссией и Австрией [1]. Помогая немецкому рабочему классу определить самостоятельную позицию по отношению к происходившей в Германии борьбе за объединение страны, Маркс через своих корреспондентов разъяснял немецким рабочим, что народные массы, в первую очередь рабочий класс, заинтересованы в объединении страны революционным путем, в создании единой демократической республики [2].

С другой стороны, позиция, которую занял по отношению к многочисленным проявлениям антивоенных настроений в разных странах Генеральный Совет, показала Марксу, что не все члены Совета видят различие между разными типами войн и понимают их происхождение, что многие из них под прудонистским влиянием недооценивают значение борьбы за национальную независимость угнетенных народов и создание централизованных национальных государств [3]. Активно участвуя в дискуссии о войне, развернувшейся в Генеральном Совете в июне — июле 1866 г., Маркс дал анализ происходивших в Европе событий, который помог рабочим разных стран усвоить и претворить в жизнь идеи пролетарского интернационализма. В ходе дискуссии [4], которая вылилась в широкое обсуждение национального вопроса, Маркс показал несостоятельность свойственного прудонистам нигилистического отношения к нациям и национальному вопросу. Он поддержал тех членов Генерального Совета, которые, как, например, Юнг, связывали вопрос о войне с перспективой революции в Европе и пытались в связи с этим определить очередные задачи пролетариата. В результате дискуссии была принята резолюция, в которой говорилось, что «возникший на континенте конфликт является конфликтом между правительствами». Совет рекомендовал рабочим «оставаться нейтральными и объединиться, чтобы в единстве почерпнуть силы, необходимые для их социального и политического освобождения» [5].

[1] С апреля по июль 1866 г. этот вопрос занимал большое место в письмах Маркса Энгельсу. См. Маркс — Энгельсу, 2, 6, 23 апреля, 10, 17 мая, 7, 20 июня, 7 июля 1866 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 166, 170—171, 176, 180, 184, 187—188, 192—193, 196).

[2] См., например, К. Маркс — Кугельману, 6 апреля 1866 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 433.

[3] Подробнее об этом см. «Первый Интернационал», ч. I, стр. 99—102.

[4] В протоколах Генерального Совета выступления Маркса и весь ход дискуссии записаны лишь в самой общей форме. Представление о содержании речей Маркса дает его письмо Энгельсу от 20 июня (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 192—193), а также подробное письмо Г. Юнга И. Ф. Беккеру от 2—4 июля 1866 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 76/14).

[5] «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 151.

Конфликт между Австрией и Пруссией не вызвал революционного взрыва в стране. Война очень быстро закончилась полным поражением Австрии, что предопределило объединение Германии под главенством контрреволюционной Пруссии. Но Маркс учил своих сторонников в Германии использовать изменившиеся условия для сплочения пролетариата в общенациональном масштабе и продолжения борьбы за единую демократическую Германию. «Что касается специально Германии,— писал Маркс,— то надо брать вещи такими, каковы они есть, то есть отстаивать революционные интересы таким путем, который соответствует изменившимся обстоятельствам» [1].

Введение в Северогерманском союзе всеобщего избирательного права для выборов в рейхстаг предоставляло немецким рабочим большие возможности для сплочения и организации в самостоятельную политическую силу. Рассматривая борьбу за рабочее представительство в парламенте как важное средство привлечения пролетариата к политической деятельности, Маркс, однако, считал по-прежнему необходимым разъяснять рабочим вредность свойственной лассальянцам идеализации всеобщего избирательного права как якобы всеспасающего средства.

Как секретарь-корреспондент для Германии Маркс добивался, чтобы Генеральный Совет занял последовательную классовую позицию в отношении германских событий. Он не мог пройти мимо того, что не всем членам Генерального Совета была ясна демагогическая цель, которую преследовал Бисмарк, вводя всеобщее избирательное право для выборов в Северогерманский рейхстаг. Когда Оджер, который являлся в то время председателем Генерального Совета, предложил на заседании Лиги реформы приветствовать население Северной Германии в связи с введением всеобщего избирательного права, Маркс через своих соратников добился проведения следующего решения: «...Генеральный Совет считает своим долгом заявить, что он ни в коей мере не солидаризируется с упомянутой резолюцией и с речью, произнесенной гражданином Оджером в ее обоснование» [2].

Во время своего пребывания в Германии в апреле — мае 1867 г. в связи с начавшимся печатанием I тома «Капитала» Маркс получил возможность лучше ознакомиться с политической обстановкой в стране после создания Северогерманского союза и с проходившими выборами в рейхстаг [3]. С большим удо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 438.

[2] «Генеральный Совет. 1866—1868». М., 1962, стр. 69.

[3] В 1867 г. выборы в рейхстаг проводились дважды: в феврале состоялись выборы в учредительный рейхстаг, который должен был обсудить и принять конституцию Северогерманского союза, в августе — в законодательный рейхстаг.

влетворением встретил он известие об избрании в рейхстаг представителей революционного крыла в немецком рабочем движении — Бебеля и Либкнехта [1].

Парламентская деятельность руководителей немецкого пролетариата имела большое значение для развития рабочего движения в стране. В то время как лидеры английских тред-юнионов ориентировали рабочих на соглашение и избирательные комбинации с либералами и радикалами, что превращало рабочих депутатов парламента в придаток буржуазных партий [2], руководители немецкого рабочего класса своей парламентской деятельностью способствовали консолидации его самостоятельного классового политического движения. Маркс считал, что опыт немецких социал-демократов заслуживает обобщения и распространения в международном рабочем движении как противовес практике английских тред-юнионов. Поэтому он систематически сообщал на заседаниях Генерального Совета о действиях Бебеля и Либкнехта в рейхстаге [3]. Обобщая их опыт революционной парламентской деятельности, Маркс оказывал значительное влияние на рост классового сознания международного пролетариата, формирование его как самостоятельной политической силы.

Маркс активно помогал представителям немецких рабочих в рейхстаге использовать его как общегерманскую трибуну и при обсуждении любых законопроектов занимать самостоятельную пролетарскую позицию. Он считал, что рабочие, избранные в рейхстаг, обязаны всячески демонстрировать свою позицию последовательных защитников интересов трудящихся и поборников демократии.

Поддерживая во время работы сессий Северогерманского рейхстага постоянные контакты с Либкнехтом и Бебелем, Маркс давал им советы, посылал материалы, необходимые для выступлений. Так, в октябре 1867 г. он послал Либкнехту по его просьбе [4] материалы об английских парламентских комиссиях, их полномочиях и организации.

Следуя советам Маркса и Энгельса, представители немецких рабочих в рейхстаге использовали в своих выступлениях документы Интернационала. Так, Бебель в речи 18 марта 1869 г., выступив при обсуждении в рейхстаге законопроекта промысло-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 468.

[2] См. об этом «Первый Интернационал», ч. I, М., 1964, стр. 257—261.

[3] См. «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 111; «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1868—1870». М., 1963, стр. 45.

[4] Либкнехт — Марксу, 8 октября 1867 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 179; Маркс — Энгельсу, 14 октября 1867 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 308—309.

вого устава с требованием регламентации фабричного труда — введения 10-часового рабочего дня, отмены воскресного труда, учреждения фабричной инспекции, свободы коалиций для профессиональных организаций и т. д.,— опирался на идеи «Учредительного Манифеста Международного Товарищества Рабочих», а также I тома «Капитала» [1]. Сообщая Генеральному Совету об этом выступлении, Маркс отметил, что впервые в истории буржуазного парламента с его трибуны была произнесена социалистическая речь, в которой излагалась научная точка зрения на классовую противоположность между капиталом и трудом. Особое внимание Маркс обратил на то место в речи Бебеля, где он говорил об Интернационале как организации, выражающей коренные интересы международного пролетариата [2].

Большое значение Маркс придавал борьбе Либкнехта и Бебеля против прусского милитаризма и его агрессивной внешней политики. На заседании Генерального Совета 22 октября 1867 г. Маркс огласил выдержки из стенографических отчетов Северогерманского рейхстага о заседании 17 октября, отметив предложение Либкнехта об упразднении постоянных армий и ту резкую критику, которой Либкнехт подверг Бисмарка за его уступку Наполеону III, выразившуюся в невключении Люксембурга в Северогерманский союз [3]. Считая важным это выступление, Маркс поручил Лафаргу подготовить французский текст речи и послать его для опубликования во французский орган Интернационала «Le Courrier Français» [4].

Не ускользали от внимания Маркса и слабые стороны в позиции Либкнехта в рейхстаге. Одобряя его решительные выступления против проводимой Бисмарком политики «железа и крови», Маркс видел, что из ненависти к Пруссии Либкнехт склонен идеализировать политику Австрии и партикуляризм южногерманских мелких государств. И он, и Энгельс предостерегали Либкнехта от опасности заболевания «южногерманской ограниченностью» [5], учили его сочетать антипрусскую позицию с критикой сторонников федерализма, «1) относиться к событиям и результатам 1866 г. не просто негативно, то есть реакционно, а критически... и 2) нападать на врагов Бисмарка так

[1] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages des Norddeutschen Bundes». I. Legislatur-Periode. Session 1869, S. 146—148.

[2] «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 45.

[3] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 112; см. также Либкнехт — Марксу, 19 октября 1867 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 194.

[4] Текст речи Либкнехта был опубликован в отчете о заседании в газете «The Bee-Hive», 26. X. 1867.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 340.

же сильно, как на него самого, ибо и они тоже ничего не стоят»[1].

Постоянно и настойчиво разъяснял Маркс необходимость проведения классовой, пролетарской политики, воспитания у немецких рабочих сознания их особого положения в капиталистическом обществе. Он решительно критиковал Либкнехта и Бебеля, которые в начале своей парламентской деятельности из правильной посылки о необходимости мобилизовать все демократические силы для борьбы против политики Бисмарка делали неправильный вывод, что на первых порах перед рабочим классом не надо ставить задачу организационного отделения от мелкобуржуазной демократии[2]. Маркс и Энгельс разъясняли им опасность такой недооценки задачи создания пролетариатом собственной политической партии, предупреждали о недопустимости принципиальных уступок мелкобуржуазной демократии, об опасности забвения коренной противоположности интересов пролетариата и других классов.

Решительное возражение со стороны Маркса вызвало, в частности, выступление Либкнехта в Берлинском просветительном рабочем обществе 14 октября 1867 года. Объясняя свою позицию в Северогерманском рейхстаге, Либкнехт заявил, что считает возможным ставить в рейхстаге вопросы только политического, а не социального характера[3]. Эта речь Либкнехта «об отсрочке «социального вопроса»» вызвала порицание со стороны Маркса[4]. Он обратил внимание Либкнехта на недопустимость такой позиции особенно в связи с намерением последнего начать выпуск собственной газеты, со страниц которой эти неправильные взгляды оказывали бы большее воздействие на рабочих.

Здесь, как и в ряде других случаев, официальное положение секретаря-корреспондента Генерального Совета не позволяло Марксу достаточно резко высказать свое отношение к позиции Либкнехта. Поэтому он обратился к Энгельсу с просьбой сделать это. «Так как Либкнехт приглашает тебя, в числе дру-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 350.

[2] Это нашло свое отражение, в частности, в создании по инициативе Либкнехта и Бебеля в августе 1866 г. Саксонской народной партии и их активном участии в ее деятельности.

[3] Отчет об этом выступлении был напечатан в газете «Zukunft» 16. X. 1867 г. и включен в качестве приложения в изданную Либкнехтом в ноябре 1867 г. в Лейпциге брошюру «Was ich im Berliner Reichstag sagte» («Что я говорил в берлинском рейхстаге»). «О разрешении социального вопроса,— сказал Либкнехт,— речь может идти только тогда, когда будет завоевана демократическая государственная форма. Все преждевременные попытки... лишь отодвинут и затруднят победу социалистических принципов».

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 331.

гих, сотрудничать в его проектируемой газетке, то ты можешь privatim [частным образом] дать ему несколько советов о том, как сочетать политическую оппозицию с социальной агитацией» [1],— писал Маркс Энгельсу 27 ноября 1867 года. И в дальнейшем Маркс неоднократно разъяснял Либкнехту через Энгельса значение борьбы за социальные интересы пролетариата в условиях существующего юнкерско-милитаристского прусского государства.

Очень серьезные возражения вызывали у Маркса те уступки, которые Либкнехт, движимый ненавистью к реакционному пруссачеству, делал Немецкой народной партии, что находило свое отражение и на страницах газеты «Demokratisches Wochenblatt», основанной Либкнехтом и выходившей в Лейпциге с 1 января 1868 года [2]. Особенно в первый период существования газеты Либкнехт часто допускал опубликование материалов, отражавших мелкобуржуазные взгляды, в ряде статей проявлялась также апология политики Австрии. «В газете Либкнехта слишком много «южногерманской» ограниченности. (Либкнехт не владеет в достаточной степени диалектикой, чтобы наносить удары одновременно в обоих направлениях)» [3],— так оценивал Маркс основной недостаток газеты «Demokratisches Wochenblatt» и его причины. Такая позиция, по мнению Маркса, дезориентировала рабочих и затрудняла борьбу представителей революционного направления в рабочем движении Германии против влияния лассальянцев на немецкий рабочий класс.

Огромное значение Маркс придавал разъяснению немецким рабочим необходимости сочетания политической и экономической форм классовой борьбы. В первые годы существования Интернационала сплочение в его рядах международного пролетариата осуществлялось преимущественно в ходе экономической борьбы. Для немецких рабочих, находившихся под влиянием лассальянской недооценки таких форм движения, как коалиции и стачки, эта сторона деятельности Интернационала имела особое значение.

Всячески стремясь вовлечь немецких рабочих в Интернационал, Маркс как секретарь-корреспондент для Германии разъяснял им положения научного коммунизма о значении экономической борьбы рабочего класса, сформулированные уже в первых программных документах Интернационала и получившие свое дальнейшее развитие и конкретизацию в «Инструкции де-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 331.

[2] Первоначально газета имела подзаголовок: «Орган Немецкой народной партии».

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 453.

легатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» [1]. Он подчеркивал, что в «Инструкции» намечены задачи международного рабочего движения в вопросах, самым непосредственным образом затрагивающих интересы рабочих масс. «Я ограничил ее намеренно такими пунктами, на которые рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок» [2],— писал Маркс Кугельману.

Маркс считал чрезвычайно важным участие немецких рабочих в стачечной борьбе и всячески способствовал успеху этой борьбы. Как член Совета он выступал инициатором движения солидарности с бастующими в Германии рабочими, считая, что братская помощь различных отрядов пролетариата в экономической борьбе, совместные действия в защиту бастующих являются наиболее доступной для широких слоев рабочего класса формой усвоения идей Интернационала. Начиная с апреля 1865 г., когда к Марксу впервые обратились немецкие рабочие с просьбой оказать помощь их бастующим собратьям (речь шла о поддержке бастовавших в Лейпциге 500 наборщиков) [3], он систематически информировал Генеральный Совет о стачечном движении в Германии, о требованиях рабочих, о помощи, в которой они нуждались со стороны руководящего органа Международного Товарищества. В последующие годы Маркс принимал меры для организации через Генеральный Совет помощи ганноверским ткачам и берлинским пекарям, бастовавшим в июле — августе 1868 г., эссенским горнякам — в сентябре 1868 г., лейпцигским сигарочникам — в июле 1869 г., механикам Люнебурга — в ноябре 1869 г., горнорабочим Вальденбурга — в декабре 1869 — январе 1870 г. [4]

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 194—203. Передовые немецкие рабочие получили возможность ознакомиться с марксистской программой экономической борьбы после опубликования резолюций Женевского конгресса в журнале «Vorbote» (№ 10 и 11, 1866), довольно широко распространявшемся членами Интернационала в Германии.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 443.

[3] 15 апреля 1865 г. к Марксу обратилось правление берлинского Союза печатников («Die I. Internationale in Deutschland», S. 50—51). О мерах, принятых Марксом, см. «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 51 и 53; Кример — Марксу, 20 апреля 1865 г.; Шили — Марксу, 24 апреля 1865 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 75/14 и 259/9).

[4] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 167; «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 4, 78, 128, 138; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 463; Фрицше — Марксу, 11 июля 1869 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 374—376, Либкнехт — Марксу, 7 и 12 июля 1869 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2015; ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5905; Ганноверский комитет профессионального союза металлистов — Марксу, 16 ноября 1869 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 182/2.

Маркс настойчиво разъяснял немецким рабочим общность интересов различных отрядов пролетариата, воспитывал у них чувство солидарности с борьбой товарищей по классу в других странах. Применяя различные средства — обращения через печать, непосредственные контакты с деятелями рабочего движения Германии, с различными рабочими организациями, он призывал немецкий пролетариат к акциям солидарности с борющимся пролетариатом других стран, привлекал немецких рабочих к участию в организуемой Генеральным Советом международной поддержке стачечной борьбы. «Эта борьба против «господина капитала» — даже в ее низшей форме, форме стачки — совсем по-иному покончит с национальными предрассудками, чем декламации о мире господ буржуа» [1],— считал Маркс. К числу таких акций относятся организованное Марксом противодействие попытке шотландских предпринимателей ввезти в Эдинбург немецких и датских рабочих и использовать их в качестве штрейкбрехеров, чтобы сорвать стачку эдинбургских портных в мае 1866 г. [2], организация им публикации извещений о забастовке манчестерских портных в сентябре 1866 г. в демократических газетах различных частей Германии [3].

Большую роль сыграл Маркс в разоблачении перед немецким пролетариатом действий бельгийских властей, организовавших в апреле 1869 г. кровавое избиение бастовавших горняков. Написанное им по поручению Генерального Совета [4] воззвание «Бельгийские избиения» было опубликовано в немецкой печати [5] и вызвало в Германии широкую кампанию солидарности с бельгийскими горняками. Немецкие рабочие провели сбор денежных средств в помощь членам семей жертв избиений в Серене, а также для покрытия расходов, связанных с защитой на суде арестованных рабочих и с расследованием, предпринятым Бельгийской федерацией Интернационала [6].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 295.

[2] См. Энгельс — Марксу, 1 мая 1866 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 178; «Генеральный Совет. 1864—1866», стр. 129, 134; Лесснер и Хауфе — Марксу, 3 мая 1866 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1963. Написанное Марксом как секретарем-корреспондентом для Германии «Предостережение» немецким рабочим см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 167—168.

[3] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 3.

[4] «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 50, 51—52, 54.

[5] «Demokratisches Wochenblatt», 21. V. 1869; «Vorbote», 1869, № 6.

[6] 20 июля 1869 г. Маркс сообщил Генеральному Совету о получении им из Лейпцига 3 ф. 15 шилл. Эти деньги были посланы Бебелем от имени Лейпцигского просветительного рабочего общества. «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 80; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 281.

Считая «великим примером «интернационального объединения действий»» статистическое обследование положения рабочего класса во всех странах, осуществляемое самим рабочим классом[1], Маркс побуждал секции и членов Интернационала в Германии проводить эту работу. Руководители организаций Интернационала в Германии информировали Маркса о своей деятельности в этом отношении, посылали ему собранные ими материалы. Так, после опубликования в немецкой печати циркуляра Генерального Совета о сборе статистических сведений для отчета Совета о положении рабочего класса[2] требуемые сведения прислал в Лондон руководитель секции в Майнце Штумпф[3].

Маркс внимательно относился к деятельности создаваемых немецкими секциями и членами Интернационала производственных кооперативов. Он считал необходимым бороться против широко распространенных в Германии буржуазно-кооперативистских взглядов одного из лидеров партии прогрессистов Шульце-Делича, который пытался отвлечь рабочих от революционной борьбы против капитала проповедью гармонии интересов капиталистов и рабочих, утверждением, что путем создания кооперативных обществ можно радикально улучшить положение рабочего класса в рамках существующего строя. Важно было также на деле опровергнуть точку зрения лассальянцев, питавших и распространявших иллюзию, что производственные

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 195. Общая схема обследования, включенная Марксом в «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», была единогласно принята Женевским конгрессом, предложившим всем организациям Международного Товарищества Рабочих немедленно приступить к работе по сбору фактических данных, характеризующих положение рабочих в различных местностях и в разных отраслях производства. На последующих конгрессах Интернационала вновь подчеркивалась необходимость сбора статистических сведений и представления их Генеральному Совету, а Лондонская конференция 1871 г. полностью включила пункт «Инструкции» о рабочей статистике в текст Организационного регламента Товарищества.

[2] «Demokratisches Wochenblatt», 29. II. 1868; «Vorbote», 1868, № 3. Циркуляр был утвержден на заседании Генерального Совета 28. I. 1868 («Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 128—129).

[3] «Die I. Internationale in Deutschland», S. 205—207. В последующие годы члены Интернационала в Берлине и Бреслау создали в соответствии с решением Лондонской конференции 1871 г. статистические комиссии, о деятельности которых систематически информировали Маркса. Маркс же, считая эти комиссии очень полезными для пропагандистских целей, передавал эту информацию Генеральному Совету. См. Ф. Позевиц — Марксу, 10 февраля 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2759; Б. Гейзер — Марксу, 13 марта 1872 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 637; «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872». М., 1965, стр. 66, 87; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 345.

кооперативы при материальной поддержке со стороны любого, даже прусского, государства смогут избавить пролетариат от эксплуатации и открыть ему путь к социализму.

Этим вредным представлениям члены Интернационала противопоставляли марксистский взгляд на место кооперативного движения в освободительной борьбе рабочего класса, изложенный в составленной Марксом резолюции Женевского (1866 г.) конгресса, резолюциях Лозаннского (1867 г.) и Брюссельского (1868 г.) конгрессов о кооперации. Члены Интернационала в Германии действовали в соответствии с советом Маркса «браться предпочтительнее за *кооперативное производство*, нежели за *кооперативную торговлю»* [1]. В 1866 г. члены золингенской секции объединились в кооператив по производству стальных и железных изделий, в апреле 1867 г. по инициативе кёльнской секции в Кёльне было создано Общество рабочих-портных, ставившее своей целью организацию производственных кооперативных мастерских, в июле 1869 г. в Майнце при участии секции организовался кооператив плотников [2].

Маркс был непосредственно связан с членами золингенского кооператива, по своему составу совпадавшего с секцией Интернационала в Золингене. Золингенцы обращались к Марксу за помощью в сбыте товаров, производимых кооперативом, в рекламировании их продукции. Так, в конце 1867 г. они просили Маркса организовать в Англии заказы на изготовляемые ими предметы [3]. Маркс и Энгельс прилагали немало усилий, чтобы организовать материальную поддержку кооперативу, действовавшему в трудных финансовых условиях [4].

Воспитывая у немецких участников кооперативного движения понимание того, что только применение кооперации в национальном масштабе может явиться реальной формой борьбы против наемного рабства, Маркс способствовал преодолению лассальянского сектантства и реформистских иллюзий у немецких рабочих.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 199.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр 184/4, 186/5; Штумпф — И. Ф. Беккеру, 20 июля 1869 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 393.

[3] См. К. Клейн — И. Ф. Беккеру, 15 января 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 71/2.

[4] Золингенская секция Интернационала — Марксу, 24 мая 1869 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 343—344; Маркс — Энгельсу, 10 декабря 1869 г., Энгельс — Марксу, 13 декабря 1869 г.; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 335—336, 340.

III

БОРЬБА МАРКСА ЗА СОЗДАНИЕ МАССОВОЙ БАЗЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В ГЕРМАНИИ

Пути к расширению базы Интернационала в Германии, превращению ее в массовую, Маркс видел, с одной стороны, в развитии профсоюзного движения, а с другой — в сближении с Интернационалом Союза немецких рабочих обществ, объединявшего тысячи рабочих.

Маркс всецело поддерживал стремление руководителей революционного направления в рабочем движении Германии — В. Либкнехта и А. Бебеля — превратить Союз немецких рабочих обществ в политическую организацию с программой, выражающей классовые интересы пролетариата. Избрание Бебеля в октябре 1867 г. председателем СНРО означало, что сложившееся в Союзе соотношение сил благоприятствует этому процессу. Руководство Союзом было окончательно вырвано из рук буржуазных элементов. Огромное значение Маркс придавал решениям 5-го, Нюрнбергского съезда Союза немецких рабочих обществ (5—7 сентября 1868 г.), принявшего политическую программу Союза. То, что в основу этой программы была положена программа Интернационала [1], что Союз фактически присоединился к Международному Товариществу Рабочих, означало вовлечение масс немецкого рабочего класса в международное пролетарское движение. Это было большой победой принципов Интернационала в рабочем движении Германии.

Маркс внимательно следил за ходом подготовки к съезду, за той ожесточенной борьбой, которую революционное крыло СНРО вело с противниками принятия Союзом политической программы, за включение в повестку дня съезда вопроса о присоединении к Международному Товариществу Рабочих. От своих корреспондентов Маркс знал, что передовые немецкие рабочие с удовлетворением встретили решения Правления СНРО, определившие повестку дня съезда и характер проекта программы. Эйххоф систематически посылал Марксу для его выступлений на заседаниях Генерального Совета газетные вырезки и другие материалы о подготовке съезда; он сообщил Марксу, что берлинская секция выразила членам дрезденского Просветительного

[1] Предложение о включении в программу СНРО пункта о признании программы Интернационала и присоединении к нему было внесено весной 1868 г. дрезденским Просветительным рабочим обществом, председатель которого Ю. Вальтейх в сентябре 1867 г. организовал из членов общества секцию Интернационала.

рабочего общества благодарность за внесенное ими предложение о присоединении СНРО к Интернационалу [1].

Весьма своевременным, по мнению сторонников Маркса в Германии, явился выход в свет в конце июля 1868 г. брошюры «Международное Товарищество Рабочих», написанной В. Эйххофом по совету и при непосредственном участии Маркса [2]. В преддверии съезда Эйххоф приложил много усилий, чтобы распространить брошюру среди рабочих. Он обратился к Марксу с просьбой указать, каким рабочим обществам и лицам следует немедленно послать брошюру [3], распределял экземпляры брошюры в рабочих обществах бесплатно, чтобы облегчить рабочим возможность ознакомления с идеями Интернационала [4].

«Среди немцев начинается массовое присоединение к Международному Товариществу Рабочих» [5],— отмечал Маркс в письме к Энгельсу, выражая уверенность, что присоединение СНРО к Интернационалу и принятие его программы уже обеспечены. В эти дни Генеральный Совет получил подписанное Бебелем письмо Правления СНРО с просьбой прислать на съезд делегата от Генерального Совета [6]. Поддерживая эту просьбу, Либкнехт также просил Маркса приехать в Нюрнберг. *«Необходимо,* чтобы Международное Товарищество Рабочих было представлено там *тобой* или *Эккариусом;* если есть какая-нибудь возможность, то *тобой,* так как ни у кого больше нет такого авторитета... Я должен еще сказать, что наш здешний Народный союз также предложил пригласить тебя в Нюрнберг» [7].

[1] Эйххоф — Марксу, 20 июля 1868 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 227.

[2] *W. Eichhoff.* «Die Internationale Arbeiter-Association. Ihre Gründung, Organisation, politisch-soziale Tätigkeit und Ausbreitung». Berlin, 1868. Об истории создания брошюры см. *И. П. Особова.* «Вильгельм Эйххоф — автор первой работы по истории I Интернационала», в сб. «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1964, а также *H. Gemkow.* «Wilhelm Eichhoff — ein Pionier der Ersten Internationale in Deutschland». In: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, Sonderheft zum 100. Jahrestag der Gründung der I. Internationale. S. 142 ff.

См. цитированное выше письмо Эйххофа Марксу от 20 июля 1868 г., а также письмо Кугельмана Марксу, 2 августа 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5594.

[3] Эйххоф — Марксу, 30 июля 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1877.

[4] Эйххоф — Марксу, 8 августа 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1880.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 107.

[6] Правление СНРО—ГС МТР, 23 июля 1868 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 229—230.

[7] Либкнехт — Марксу, 23 июля 1868 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 231. Делегатом Генерального Совета на Нюрнбергском съезде был И. Г. Эккариус (выданный ему мандат опубликован в «Die I. Internationale in Deutschland», S. 237).

Подготовка Нюрнбергского съезда способствовала консолидации сил сторонников Маркса, членов Интернационала в Германии. Так, Эйххоф вступил в переписку с Либкнехтом [1], послал дрезденскому Просветительному рабочему обществу для публикации в газетах сделанный им перевод на немецкий язык программных документов Международного Товарищества Рабочих — Учредительного Манифеста и Временного устава [2].

На Нюрнбергском съезде развернулась острая борьба между представителями революционного крыла Союза, с одной стороны, и буржуазными либералами и делегатами обществ, находившихся еще под их влиянием, с другой. Предложенная Правлением Союза программа была принята 69 голосами против 44. В связи с действовавшим в Германии законодательством о рабочих организациях присоединение к Международному Товариществу Рабочих могло быть оформлено только как решение «о присоединении к стремлениям Интернационала» [3].

22 сентября 1868 г. на заседании Генерального Совета было заслушано сообщение Эккариуса о Нюрнбергском съезде. Маркс немедленно добился решения Генерального Совета, закрепляющего организационно эти первые шаги. По его предложению избранные съездом 16 доверенных лиц [4] были утверждены в качестве исполнительного комитета Международного Товарищества в Германии [5]. Мандат корреспондента и уполномоченного Генерального Совета был выдан также Либкнехту [6]. Аналогичные полномочия Маркс послал в Берлин Эйххофу [7].

[1] Эйххоф — Марксу, 30 июля 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1877.

[2] Эйххоф — Марксу, 20 июля 1868 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 227.

[3] «Bericht über den Fünften Vereinstag der deutschen Arbeitervereine am 5., 6. und 7. September 1868 zu Nürnberg». Leipzig, 1868, S. 19. Подробнее о съезде см. «Первый Интернационал», ч. 1, стр. 376—380 (автор раздела Е. Н. Барвенко).

[4] См. «Bericht...», S. 37. Доверенными лицами были избраны Бюргер (Гёппинген), Нотц (Штутгарт), Эйхельсдёрфер (Мангейм), Гюнцель (Шпайер), Зоннеман (Франкфурт-на-Майне), Штутман (Рюффельсгейм), Кирхнер (Хильдесгейм), Хейман (Кобург), Моттелер (Криммичау), Краузе (Мюльзен), Бремер (Магдебург), Вальтейх (Максен, около Дрездена), Кобич (Дрезден), Обервиндер (Вена), Лёвенштейн (Фюрт). Некоторые из них (например, Бремер) были активными членами Интернационала в Германии, другие (в частности, Моттелер) стали впоследствии видными деятелями Социал-демократической рабочей партии.

[5] «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 4—5.

[6] «Die I. Internationale in Deutschland», S. 267.

[7] Эйххоф — Марксу, 2 октября 1868 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 271.

* * *

Большую роль в приобщении масс немецких рабочих к идеям Интернационала Маркс отводил профсоюзному движению. Он видел в профессиональных союзах наиболее широкую форму специфически классовой организации пролетариата, естественно толкающую его на борьбу против системы наемного труда. В «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» Маркс призывал профессиональные союзы не ограничиваться, подобно английским тред-юнионам, защитой своих узкоцеховых, частных интересов, а «научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей великой задачей его *полное освобождение»*, «поддерживать всякое социальное и политическое движение, идущее в этом направлении», «доказать всему миру, что они борются отнюдь не за узкие, эгоистические интересы, а за освобождение угнетенных миллионов» [1].

В проведении в жизнь в Интернационале этого принципа, который был утвержден в качестве резолюции Женевского конгресса, Маркс возлагал большие надежды на немецких рабочих, менее зараженных реформистской идеологией, видел в них возможный противовес влиянию либерального тред-юнионизма англичан.

После экономического кризиса 1867 г. усилилось стремление немецких рабочих к созданию профессиональных организаций в различных отраслях труда. Широкий размах получило это движение после Нюрнбергского съезда СНРО. Решение съезда о необходимости добиваться «объединения рабочих в централизованных профессиональных союзах» [2] положило начало новому направлению в немецком профсоюзном движении, стоявшему на позициях пролетарской классовой борьбы. Опубликование в немецкой печати резолюции Брюссельского конгресса Интернационала о профессиональных союзах и стачках [3] помогло немецким рабочим понять значение создания профессиональных союзов и их объединения в национальном и интернациональном масштабе. Маркс расценивал это как важный для Интернационала сдвиг в немецком рабочем движении. Оценивая в «Отчете Генерального Совета IV конгрессу Международного Товарищества Рабочих» успехи Товарищества в Германии за период между Брюссельским (1868 г.) и Базельским (1869 г.) конгрессами Интернационала, он отметил: «В *Пруссии* и в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 201.

[2] «Bericht über den Fünften Vereinstag der Deutschen Arbeitervereine...», S. 26.

[3] «Social-Demokrat», 13. IX. 1868; «Demokratisches Wochenblatt», 19. IX. 1868; «Vorbote», 1868, № 11.

остальной Германии прошлый год был ознаменован организацией профессиональных союзов по всей стране» [1].

Маркс особенно ценил то, что рабочие, входившие в ВГРС, также не остались в стороне от движения за создание профессиональных союзов. Опыт стачечной борьбы пролетариата Германии и других стран, плодотворная поддержка Интернационалом рабочих разных стран в экономической борьбе заставляли членов ВГРС более критически относиться к утверждениям лассальянских лидеров Союза о бесцельности экономической борьбы и создания профессиональных организаций. Боязнь потерять влияние среди рабочих побудила Швейцера и других руководителей ВГРС попытаться взять в свои руки организацию профессиональных союзов в Германии. Чтобы укрепить свой пошатнувшийся авторитет у немецких рабочих, Швейцер возобновил свою переписку с Марксом как секретарем-корреспондентом Генерального Совета для Германии. 15 сентября 1868 г. он сообщил Марксу о созыве в Берлине всеобщего германского рабочего съезда для обсуждения вопроса о создании профессиональных союзов. Швейцер писал также о своем намерении еще до съезда прислать Марксу для ознакомления предлагаемый им проект устава профессиональных союзов [2]. Цель Швейцера, писал Маркс Энгельсу, «разумеется, в том, чтобы опередить Либкнехта и т. д. Он понял, кроме того, что с развитием в Германии *действительной* рабочей организации, опирающейся на профессиональные союзы, его искусственный сектантский союз скоро потеряет почву под ногами» [3].

От своих корреспондентов в Германии Маркс получил достаточно полную информацию о характере съезда, состоявшегося 26—29 сентября 1868 г. [4], и о том, что в его организации ярко сказалась сектантская линия руководства ВГРС. Съезд принял предложенный Швейцером устав [5], который целиком подчинял вновь создаваемые профессиональные союзы диктаторскому руководству со стороны ВГРС. Создавался Всеобщий союз немецких рабочих организаций, президентом которого стал Швейцер.

Маркс считал, что линия, проводимая Швейцером в отношении создания профессиональных союзов, противоречит интере-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 396.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2375.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 125—126.

[4] См., например, Эйххоф — Марксу, 27 сентября 1868 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 268.

[5] Швейцер прибегнул к нечестной уловке, направив Марксу проект устава, опубликованный в «Social-Demokrat» 25 сентября 1868 г., только 8 октября, т. е. после утверждения его всеобщим германским рабочим съездом.

сам немецкого рабочего класса. Свою точку зрения он изложил в письме к Швейцеру от 13 октября, указав ему, что его политика направлена на подчинение классового движения особому сектантскому движению [1]. Отказ Швейцера допустить участие в съезде представителей «нелассальянских кругов» Маркс считал несовместимым с интересами развития движения. Он подверг резкой критике разработанный Швейцером проект устава как «принципиально ошибочный»: «Организация, построенная на основе *централизма,* пригодна для тайных обществ и сектантских движений, но противоречит сущности профессиональных союзов» [2],— подчеркнул Маркс. Она тем более нежелательна в Германии, отметил он, «где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство и где его нужно прежде всего *приучать к самостоятельности»* [3].

Чувство удовлетворения вызывала у Маркса деятельность Бебеля и Либкнехта по созданию профессиональных организаций, связанных с Интернационалом и построенных на основе его принципов. Либкнехт перепечатал в «Demokratisches Wochenblatt» резолюцию Женевского конгресса о профессиональных союзах [4]. Во исполнение решения Нюрнбергского съезда Бебель разработал устав профессиональных союзов, использовав при этом положительный организационный опыт английских тред-юнионов [5]. Этот устав явился основой для создания в важнейших отраслях труда профессиональных союзов, которые подчеркивали свою идейную связь с Международным Товариществом Рабочих, принимая название «интернациональные профессиональные союзы» [6].

Документы, отражающие процесс создания и первые шаги интернациональных профессиональных союзов, показывают, что идеи Маркса о значении профсоюзного движения, о единстве интересов пролетариата всех стран к 1869 г. проникли уже в широкие слои немецкого рабочего класса. В этих документах

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 473—477.

[2] Там же, стр. 476.

[3] Там же.

[4] «Demokratisches Wochenblatt», 7. XI. 1868.

[5] «Demokratisches Wochenblatt», 28. XI. 1868, Beilage.

[6] В 1869 г. организовались интернациональные профессиональные союзы переплетчиков, металлистов, сапожников, плотников, каменщиков. Первым интернациональным профессиональным союзом, объединившим рабочих в общенациональных рамках, явился созданный в мае 1869 г. союз рабочих мануфактур, фабрик и ручного труда. Он объединил рабочих текстильного производства — ткачей, прядильщиков, красильщиков и представителей смежных профессий. В рамках этой организации было положено начало пролетарскому женскому движению в Германии.

выражено понимание того, что профессиональные союзы не должны ограничиваться борьбой за удовлетворение частных, повседневных требований рабочих, а должны превратиться в организации, мобилизующие широкие массы рабочего класса на борьбу за устранение всей капиталистической системы [1].

В 1868—1869 гг. обычным явлением стали обращения немецких рабочих, объединявшихся в профессиональные союзы и желавших установить связь с Интернационалом, за советами и помощью к Марксу как к секретарю-корреспонденту Генерального Совета для Германии. Такие обращения Маркс считал важным свидетельством роста авторитета Интернационала среди немецких рабочих. С большим вниманием отнесся он к горнякам из Лугау (Саксония), обратившимся к нему в ноябре 1868 года [2]. Лугауские горняки выражали желание стать членами Интернационала и просили Маркса сообщить им, каков порядок вступления в Товарищество. Получив от него необходимые разъяснения, 27 рабочих, из которых 25 являлись членами комитета горняков Лугау, Вюршница и Эльсница, направили ему коллективное заявление с просьбой принять их в Интернационал в качестве индивидуальных членов [3].

Из подробной информации о существовавшей в Саксонии системе объединения горнорабочих в цеховые товарищества, которая содержалась в письмах горняков, Маркс убедился, что эта система является средством эксплуатации рабочих предпринимателями, поскольку она держит горняков в финансовой зависимости от денежного фонда товарищества, находящегося в полном распоряжении хозяев предприятий. Считая важным ознакомить членов Генерального Совета с таким примером использования предпринимателями тяги рабочих к объединению, Маркс попросил Энгельса составить на основе лугауских документов доклад для сообщения Генеральному Совету. «Эти бравые лугауские горнорабочие являются первыми в Германии, которые вступают в непосредственную связь с нами; мы должны публично выступить в их защиту»,— писал он 13 февраля 1869 года [4]. 21 февраля Энгельс послал Марксу «Доклад о цеховых

[1] См., в частности, призыв к созданию интернационального профессионального союза металлистов от 25. V. 1869 г. «Demokratisches Wochenblatt», 29. V. 1869; «Die I. Internationale in Deutschland», S. 348—349.

[2] См. Г. А. Бахман и К. В. Юнгникель — Марксу, 15 ноября 1868 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 287—290.

[3] «Die I. Internationale in Deutschland», S. 296—297. 16 февраля 1869 г. Маркс передал Генеральному Совету 1 талер, полученный от горняков Лугау за членские билеты Международного Товарищества Рабочих («Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 33).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 204—205.

товариществах горняков в угольных копях Саксонии» [1], в котором делал следующий вывод: «Чтобы быть действительно рабочими обществами, товарищества горняков должны опираться исключительно на взносы рабочих. Только таким путем могут они превратиться в тред-юнионы, защищающие отдельных рабочих от произвола отдельных хозяев» [2].

В соответствии с решением Совета об опубликовании доклада в английских и немецких газетах Маркс перевел его текст на немецкий язык и послал в Германию [3]. В кратком изложении доклад был напечатан на английском языке в «Bee-Hive» 27.II.1869 года.

В апреле 1869 г. в переписку с Марксом от имени лейпцигских переплетчиков вступил президент созданного в конце марта интернационального союза переплетчиков Э. Вернер, бывший также одним из организаторов секции Интернационала в Лейпциге [4]. Вернер просил Маркса сообщить ему адреса рабочих обществ, профессиональных союзов или лиц в Англии, Франции, Испании, Италии и в других странах, через посредство которых он мог бы установить связи с переплетчиками этих стран [5].

Большую помощь оказал Маркс немецким рабочим-металлистам в создании единого профессионального союза, объединявшего всех рабочих этой профессии. Помимо организовавшегося в августе 1869 г. интернационального профессионального Союза металлистов, существовал Всегерманский союз металлистов, входивший в швейцеровский Союз немецких рабочих организаций; однако комитет этого Союза стоял в оппозиции к Швейцеру [6]. 30 сентября в Ганновере Маркс встретился с руководителями Союза металлистов по их просьбе. Раскрывая

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 358—362.

[2] Там же, стр. 361.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 207, 212—213. Доклад был опубликован в «Social-Demokrat», 17. III. 1869, в «Demokratisches Wochenblatt», 20. III. 1869, в «Zukunft», 20 и 21. III. 1869.

[4] См. Э. Вернер — Марксу, 12 апреля и 28 мая 1869 г.; «Die I. Internationale in Deutschland», S. 333—334, 350—352.

[5] По-видимому, ответом на эту просьбу Вернера явились помещенные в июле 1869 г. в «Vorbote» адреса лиц в Париже (Варлен), Брюсселе (Де Пап), Лондоне (Лесснер), Нью-Йорке (Зорге), Чикаго (Клингс), Сан-Франциско (Рейтер), Барселоне (Фарга-Пелиссер), Мадриде (Мацон), Неаполе (С. Капоруссо), к которым представители профессиональных союзов Германии могли обращаться для установления связей с рабочими этих стран.

[6] Комитет отказался, например, признать решение руководства Союза немецких рабочих организаций от 14 июля 1869 г. об исключении из Союза всех, кто не согласен безоговорочно следовать политике Швейцера.

характер разногласий между Швейцером, с одной стороны, и Бебелем и Либкнехтом, с другой, Маркс разъяснил им политическое значение и задачи профессиональных союзов в революционной классовой борьбе. Он говорил, что профессиональные союзы должны охватывать более широкие массы рабочего класса, становясь оплотом борьбы против капиталистического строя, «школой социализма» [1].

Маркс предупреждал руководителей Союза металлистов об опасности подчинения Союза контролю со стороны сектантской лассальянской организации. «Ваш доброжелательный, беспристрастный, научно обоснованный совет не остался бесполезным» [2],— писали металлисты 5 ноября 1869 г. Марксу, сообщая ему о своем выходе из швейцеровского объединения профессиональных союзов. Состоявшийся 28—30 ноября 1869 г. в Брауншвейге общий съезд металлистов создал в этой отрасли единую организацию, стоявшую на платформе Интернационала. Маркс способствовал также установлению контактов между немецкими металлистами и тред-юнионом механиков Англии [3].

Сдвиг в немецком профсоюзном движении в 1867—1869 гг. произошел в значительной степени под воздействием Маркса и свидетельствовал о распространении в Германии идей Интернационала о неразрывной связи экономической и политической форм борьбы рабочего класса.

IV

РОЛЬ МАРКСА В СОЗДАНИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ И В ЕЕ ИДЕЙНОМ И ОРГАНИЗАЦИОННОМ УКРЕПЛЕНИИ (1868—1870)

Создание в 1869 г. Социал-демократической рабочей партии, явившееся крупной победой революционного направления в немецком рабочем движении, нельзя рассматривать в отрыве от

[1] Отчет об этой беседе был опубликован членом делегации, кассиром Союза металлистов И. Хаманном в «Volksstaat» 27 ноября 1869 года. В этом отчете некоторым мыслям Маркса, в частности о недопустимости подчинения профессиональных союзов сектантской организации лассальянцев, был необоснованно придан обобщающий характер. Этим впоследствии воспользовались сторонники нейтральности профсоюзов, искажавшие подлинные взгляды Маркса, который всегда отстаивал идею руководящей роли политической партии пролетариата по отношению к профессиональным союзам.

[2] «Die I. Internationale in Deutschland», S. 433.

[3] Интернациональный профессиональный Союз металлистов — Марксу, 12 января 1870 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 442; «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 144, 162.

деятельности Маркса как секретаря-корреспондента Генерального Совета для Германии.

В борьбе за пролетарскую партию, которую Маркс и Энгельс вели с середины 40-х гг., I Интернационал явился важным этапом. Создавая эту первую массовую международную пролетарскую организацию, Маркс имел в виду, что сплочение рабочих в международном масштабе будет способствовать и их консолидации в национальных рамках. Уже во «Временном Уставе Товарищества» он намечал путь к решению этой задачи, предлагая членам Интернационала «приложить все усилия для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации», подчеркивая, что «успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией» [1].

Тактика Маркса как секретаря-корреспондента Генерального Совета для Германии в период после Нюрнбергского съезда СНРО, когда борьба за создание пролетарской партии в Германии вступила в новую фазу, определялась решительной борьбой за установление единства рабочего класса путем сплочения возможно более широких масс немецких рабочих на платформе Интернационала. Продолжая разоблачение лассальянских лидеров, он в то же время настойчиво рекомендовал своим сторонникам в Германии укреплять связи с оппозиционными элементами внутри ВГРС, избегать каких-либо действий, которые могли бы оттолкнуть эти элементы, снова отбросить их в объятия лидеров лассальянского Союза. «Что же касается меня,— я имею в виду себя как члена Генерального Совета,— объяснял Маркс свою тактику Энгельсу,— то я должен соблюдать нейтралитет по отношению к различным *организационным* группам рабочих. Это их дело, а не мое, кто у них является вождем. В качестве секретаря для Германии я должен отвечать всем, кто обращается ко мне официально в качестве председателей и т. д. рабочих групп» [2].

Именно этими соображениями определялось отношение Маркса к предложению Либкнехта в сентябре 1868 г. написать от имени Генерального Совета воззвание к немецким рабочим, публично определив его отношение к борьбе двух направлений в немецком рабочем движении [3]. Маркс полагал, что такое офи-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 14.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 104.

[3] Либкнехт — Марксу, 16 сентября 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2296. Как видно из письма Эйххофа Марксу от 27 сентября 1868 г. («Die I. Internationale in Deutschland», S. 270), члены Интернационала в Германии придавали подобному воззванию немалое значение. Эйххоф писал, что «воззвание разъяснит рабочим также позицию Интернацио-

циальное выступление было бы тогда преждевременным. Оно могло оказать максимальное воздействие лишь тогда, когда в ВГРС назреет разрыв масс с лассальянскими лидерами и такой переворот совершится «в результате свободного выступления самих рабочих», а СНРО, примкнувший к Интернационалу, станет его действительной опорой в Германии [1].

Поэтому как тактически неправильное Маркс расценил заявление Либкнехта в «Demokratisches Wochenblatt» 10 июля 1869 г. о том, что Генеральный Совет Интернационала полностью стоит на стороне представляемого Либкнехтом направления, а Швейцер якобы даже не будет допущен на предстоящий (Базельский) конгресс Интернационала. Маркс считал недопустимой подобную постановку вопроса, поскольку «Генеральный Совет никогда не обсуждал дела Швейцера и т. д. и, следовательно, тем более не принимал никаких решений по этому вопросу» [2].

Подходя с огромной требовательностью к своим действиям в качестве секретаря-корреспондента Генерального Совета для Германии, Маркс не желал допустить хотя бы малейшего урона позиции руководящего органа Интернационала каким-либо преждевременным или недостаточно продуманным выступлением. «Генеральный Совет по своему положению должен занимать нейтральную позицию... Мне кажется, что могущество Генерального Совета в значительной степени будет зависеть от того, сумеет ли он не связывать себе преждевременно рук без уверенности в успехе...» [3],— так выразил Маркс в письме к Энгельсу, то есть абсолютно откровенно, свое отношение к предложению Либкнехта. Исходя из этих соображений, Маркс советовал своим сторонникам в Германии придерживаться выжидательной тактики и вести терпеливую разъяснительную работу с рядовыми членами лассальянского Союза.

Это ни в коей мере не означало, конечно, примирительного отношения к деятельности лассальянских лидеров ВГРС и их сторонников. Маркс считал своим долгом выступать «как *частное лицо* с открытой критикой лассальянских предрассудков», когда обстановка делала это «абсолютно необходимым в интересах рабочего движения» [4]. Так, он занял решительную позицию

нала по отношению к замкнувшимся в себе сектам шульцеанцев и лассальянцев». Вторично Либкнехт обратился к Марксу с такой же просьбой в июне 1869 г. (см. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 363).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 265.

[2] Там же, стр. 275, 277.

[3] Там же, стр. 135—136.

[4] К. Маркс — Швейцеру, 13 октября 1868 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 477.

в отношении действий лассальянских элементов в Лондонском коммунистическом просветительном обществе немецких рабочих, которые добились принятия резолюции, одобряющей действия Швейцера по созыву рабочего съезда в Берлине. Считая, что ответственность за эту резолюцию общественность в Германии возложит на него, как на известного и старейшего члена Общества, и что это дезориентирует немецких рабочих [1], Маркс 23 ноября 1868 г. официально заявил о своем выходе из Общества [2]. Мотивируя свое решение, он подчеркнул, что для него, как члена Генерального Совета, определяющим моментом в разногласиях между обеими рабочими организациями в Германии является их отношение к Международному Товариществу Рабочих.

Непримиримая борьба Маркса и его сторонников против оппортунистической тактики руководства ВГРС, систематическая критика сектантской позиции лассальянцев сопровождалась неуклонным стремлением Маркса всемерно содействовать проявлявшимся в рядах ВГРС тенденциям к отказу от ласса-левских догм.

Эти тенденции стали все отчетливее проявляться начиная с 1868 года. Значительное воздействие на этот процесс оказали идеи «Капитала» Маркса [3]. Ставший президентом ВГРС Швейцер, для того чтобы сохранить свое влияние среди рабочих, счел целесообразным выступить с большой статьей «Труд Карла Маркса», в которой дал высокую оценку книги [4]. Стремление руководства ВГРС использовать растущее влияние Маркса на немецких рабочих проявилось и в приглашении Маркса в качестве почетного гостя на Гамбургское генеральное собрание Союза [5].

Передовые рабочие в Германии считали, что приглашение Маркса на генеральное собрание ВГРС имеет принципиальное

[1] Маркс — Энгельсу, 23 ноября 1868 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 169.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 351—352.

[3] Подробнее о значении I тома «Капитала» для развития немецкого рабочего движения в годы Интернационала см. *R. Dlubek, H. Skambraks*. «Das «Kapital» von Karl Marx in der deutschen Arbeiterbewegung 1867—1878». Berlin, 1967.

[4] Статья Швейцера публиковалась в «Social-Demokrat» с 22 января по 29 марта 1868 года.

[5] Швейцер — Марксу, 8 и 28 июля 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2372, 2373. 2 августа президиум ВГРС обратился к членам Правления Союза с предложением послать Марксу почетное приглашение (см. «Social-Demokrat» 2. VIII. 1868; Маркс — Энгельсу, 4 августа 1868 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 105). Официальное приглашение, подписанное президентом и 20-ю (из 24-х) членами правления ВГРС, было отправлено Марксу 13 августа 1868 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2374).

значение, и с нетерпением ожидали его ответа. «Здесь с нетерпением ожидают Вашего ответа г-ну фон Швейцеру,— писал Марксу из Берлина Эйххоф.— Примете Вы это приглашение или отклоните его, будет ли это просто отказ или он будет мотивированным» [1].

Маркс учел то обстоятельство, что приглашение было подписано «более чем 20 рабочими из разных округов Германии» [2]. На заседании Генерального Совета 18 августа 1868 г. он особо подчеркнул этот момент [3]. Тем не менее он не считал возможным присутствовать на собрании ВГРС и в своем официальном ответе [4] сослался на занятость в связи с подготовкой Брюссельского конгресса Интернационала. Маркс выразил свое удовлетворение тем, что в программу собрания включены вопросы, которые «действительно должны быть исходными пунктами всякого серьезного рабочего движения» [5]. «Другими словами, это значит,— комментировал он свой ответ в письме Энгельсу,— я поздравляю их с тем, что они отказались от программы Лассаля» [6]. Письмо Маркса президенту и правлению ВГРС было зачитано на собрании 24 августа и встречено аплодисментами.

Гамбургское собрание, состоявшееся 22—26 августа 1868 г., показало, что многие члены ВГРС испытывали на себе сильное воздействие идей и деятельности Интернационала. По предложению выступившего с докладом о «Капитале» В. Бракке, одного из наиболее ярких представителей оппозиции в ВГРС, было принято следующее решение: «Генеральное собрание заявляет: Карл Маркс благодаря своему труду «Процесс производства капитала» имеет бессмертные заслуги перед рабочим классом» [7].

[1] Эйххоф — Марксу, 8 августа 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1880.

[2] Маркс — Энгельсу, 26 августа 1868 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 114.

[3] «Генеральный Совет. 1866—1868», стр. 175—176.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 329. Ответ Маркса был опубликован в «Social-Demokrat», 28. VIII. 1868 и в «Demokratisches Wochenblatt», 29. VIII. 1868.

[5] Хотя включение в программу Гамбургского собрания ВГРС таких пунктов, как агитация за полную политическую свободу как предпосылку осуществления социальных требований рабочего класса, борьба за нормированный рабочий день, о стачках и тред-юнионах, о «Капитале» Маркса и о международном сотрудничестве рабочего класса, и было демагогическим маневром со стороны руководства Союза, сам факт этот имел немалое значение, свидетельствуя об усилении тенденций к отходу массы членов ВГРС от лассалевских догм, с чем вынуждены были считаться и лидеры Союза. Именно так расценивал это Маркс.

[6] Маркс — Энгельсу, 26 августа 1868 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 115.

[7] «Social-Demokrat», 30. VIII. 1868.

Решение Гамбургского собрания действовать в согласии с Интернационалом Маркс отметил в «Четвертом годовом отчете Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих» как свидетельство важных сдвигов в немецком рабочем движении.

В то же время он считал необходимым по-прежнему разъяснять немецким рабочим, что основная задача рабочего движения в Германии состоит в отказе от реформистской идеологии и сектантских организационных принципов, олицетворением чего являлся ВГРС, и в превращении в подлинно классовое движение, охватывающее широкие слои пролетариата и направляемое революционными идеями.

Как повод для выступления перед немецкими рабочими по этому вопросу Маркс использовал запрещение 16 сентября 1868 г. лейпцигской полицией Всеобщего германского рабочего союза, центр которого находился в Лейпциге, и закрытие отделения ВГРС в Берлине [1]. «Настало время «положить начало» наступлению на это «лассальянство»» [2],— считал он. Позиция Маркса нашла отражение в написанной Энгельсом в конце сентября 1868 г. статье «К роспуску лассальянского Рабочего союза» [3].

Маркс считал момент чрезвычайно важным для того, чтобы оказать давление на руководство ВГРС. Разъясняя Швейцеру в письме 13 октября 1868 г. суть своих разногласий с Лассалем, он показал, в чем состоит противоположность между сектантством и классовым движением. Как учредитель секты, писал Маркс, Лассаль «отрицал всякую естественную связь с прежним рабочим движением как в Германии, так и за границей», «он не искал реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по некоему определенному доктринерскому рецепту» [4]. Маркс отметил, что сектантский характер ВГРС все больше приходит в противоречие с развивающимся рабочим движением Германии. Отказ руководства Союза от догматизма стал насущной необходимостью. Он подчеркнул, что роспуск Всеобщего германского рабочего союза давал его руководителям «*исторический* повод сделать большой шаг вперед и заявить, доказать, если это требовалось, что теперь наступила новая стадия развития и сектантское движение созрело

[1] По мнению Маркса, этот акт явился реакцией на заявление Гамбургского генерального собрания о солидарности с Интернационалом (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 134).

[2] Там же, стр. 131.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 339—342. Статья была опубликована в «Demokratisches Wochenblatt», 3. X. 1868 г.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 475.

для растворения в классовом движении и для того, чтобы покончить со всяким сектантством» [1].

Известно, что руководство ВГРС во главе со Швейцером уже 10 октября, через три недели после запрещения Союза в Лейпциге, восстановило его под тем же названием, перенеся его местонахождение в Берлин. В новом уставе Союза [2] выражалась готовность строго соблюдать прусские законы. И в дальнейшем политика ВГРС не утратила своего сектантского характера и подвергалась решительному осуждению и резкой критике со стороны Маркса.

По существу иным было отношение Маркса к деятельности Бебеля и Либкнехта. Это определялось прежде всего революционной позицией последних, готовностью их прислушиваться к мнению Маркса. Для самого Маркса здесь речь шла о сотрудничестве с единомышленниками, о помощи им в решении сложных вопросов в трудных условиях развития рабочего движения Германии.

Следуя советам Маркса и пользуясь его поддержкой и помощью, Бебель, Либкнехт, Эйххоф и другие сторонники Маркса в Германии добивались изоляции Швейцера и других вожаков ВГРС, разоблачали лассальянскую оппортунистическую программу и тактику, диктаторские тенденции Швейцера, мешавшие установлению единства рабочего класса. Как большой успех революционных сил в немецком рабочем движении Маркс расценил результаты открытой дискуссии Бебеля и Либкнехта со Швейцером на генеральном собрании ВГРС в Бармене-Эльберфельде (28 марта 1869 г.) [3].

В то же время в период, когда речь зашла о непосредственной подготовке к созданию партии, Маркс считал чрезвычайно важным для создаваемой партии, для дальнейших судеб немецкого рабочего движения, чтобы руководство СНРО определенно и решительно порвало связь с Немецкой народной партией, с мелкобуржуазной демократией. «...Новая организация так же мало может быть Народной партией, как и лассалевской церковью» [4],— подчеркивал он.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 475.

[2] «Social-Demokrat», 11. X. 1868.

[3] См. Маркс — Энгельсу, 5 апреля 1869 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 234. Об обстановке накануне дискуссии Маркс узнал из письма Бебеля от 27 марта 1869 г. Это первое известное нам письмо, с которым Бебель обратился непосредственно к Марксу. Оригинал письма не сохранился. Отрывок из него Бебель привел в своих воспоминаниях («Из моей жизни». М., 1963, стр. 279). О ходе собрания, о влиянии выступления Бебеля и Либкнехта на его результаты писал Марксу также один из руководителей золингенской секции Ф. Молль («Die I. Internationale in Deutschland», S. 325—326).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 265.

* *

Внимательно следя за процессом создания пролетарской партии в Германии, Маркс неуклонно направлял деятельность Бебеля и Либкнехта на то, чтобы партия была организована в общенациональном масштабе в соответствии с принципом, сформулированным во «Временном Уставе Товарищества» [1].

Резкое возражение и отпор со стороны Маркса вызвал в связи с этим опубликованный И. Ф. Беккером в июле 1869 г.[2] в форме предложения предстоящему учредительному съезду план организации пролетарской партии, в котором принцип объединения рабочих по государственному признаку в национальных рамках одной страны подменялся принципом их объединения по языку независимо от существующих государственных границ.

Ознакомившись с этим документом, Маркс счел необходимым немедленно информировать Бебеля и Либкнехта о своем отношении к нему. В письме Бебелю, написанном 27 июля 1869 г.[3], он подверг план Беккера резкой критике как противоречащий Уставу Интернационала, препятствующий назревшему уже процессу создания партий рабочего класса в национальных рамках.

Огромное принципиальное значение Маркс придавал вопросу об организационных связях создаваемой пролетарской партии с Интернационалом. Поэтому стремление Беккера сохранить руководящие функции женевского ЦК группы секций немецкого языка по отношению к будущей партии он расценил как серьезное препятствие для дальнейшего развития немецкого рабочего движения на идейной платформе Интернационала [4]. Это стремление свидетельствовало о непонимании Беккером того, что рабочее движение в Германии переросло тот уровень, на котором оно находилось в первый период деятельности Интернационала. Новый этап в развитии немецкого рабочего движения позволял совершенно иначе ставить вопрос об

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 14.

[2] «Vorbote». 1869. № 7.

[3] Это письмо не разыскано. О его содержании см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 281.

[4] Маркс знал, что еще до опубликования плана Беккера между ним и руководителями рабочего движения в Германии выявились разногласия по этому вопросу. «Беккер,— сообщал Либкнехт Марксу,— безусловно хочет, чтобы мы подчинялись ему; я категорически заявил, что мы связаны *непосредственно* с Генеральным Советом» («Die I. Internationale in Deutschland», S. 362). Свою и Бебеля позицию Либкнехт отстаивал — в противовес представителям Женевского ЦК — на конференции социал-демократов в Брауншвейге 6 июля 1869 г. и во время своей агитационной поездки в Вену в конце июля 1869 года.

организационных связях создаваемой партии с Международным Товариществом Рабочих. Сама партия призвана была, по мнению Маркса, стать центром руководства немецким рабочим движением и всей деятельностью секций и отдельных членов Товарищества в Германии, проводником влияния Интернационала на немецкий рабочий класс.

Маркс считал, что организационный план Беккера таил в себе большую опасность и для Международного Товарищества в целом, так как ослаблял руководящую роль Генерального Совета по отношению к национальным организациям. Поэтому информируя 3 августа 1869 г. Генеральный Совет о подготовке к Эйзенахскому съезду и о предложении Беккера, Маркс подчеркнул, что «Совет имеет дело не с языками, а с нациями, и поэтому существуют секретари для Германии, Швейцарии, Франции и т. д.» [1].

Бебель и Либкнехт выразили полное согласие с позицией Маркса в отношении беккеровского плана организации пролетарской партии [2]. 31 июля в «Demokratisches Wochenblatt» был опубликован разработанный Бебелем в сотрудничестве с Либкнехтом, Бракке, Гейбом и другими руководителями немецкого рабочего класса проект программы и устава партии, который Бебель считал «единственно правильной и возможной формой» [3] ее организации. Этот проект, принятый Эйзенахским съездом почти без изменений [4], базировался в своих главных положениях на программных принципах Международного Товарищества Рабочих. Несмотря на некоторые пережитки лассальянских и вульгарно-демократических воззрений, программа Эйзенахской партии в основных вопросах была марксистской. Принятая съездом организационная структура партии сочетала в себе принципы демократизма и централизма и обеспечивала при централизованном руководстве широкое демократическое участие всех членов партии в определении и проведении ее политики.

Стремясь помочь организаторам партии найти правильную форму связи с Международным Товариществом Рабочих, Маркс направил Бебелю письмо [5], в котором ознакомил его с опытом

[1] «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 88.

[2] См. Либкнехт — Марксу, после 27 июля 1869 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 394; Бебель — Марксу, 30 июля 1869 г. *А. Бебель.* Цит. соч., стр. 298.

[3] *А. Бебель.* Цит. соч., стр. 298.

[4] Окончательный текст был напечатан в «Demokratisches Wochenblatt», 14. VIII. 1869 г.

[5] Письмо не разыскано. Бебель сослался на него в докладе на Эйзенахском съезде о программе и организации партии 8 августа и в вы-

лионских рабочих. Он обратил внимание Бебеля на то, что, не имея возможности присоединиться к Интернационалу коллективно, рабочие шелкоткацкой промышленности Лиона сделали это в индивидуальном порядке.

Советы Маркса были учтены при решении на съезде вопроса о формах связи создававшейся партии с Международным Товариществом Рабочих. Было отвергнуто как предложение Беккера о сохранении организационного подчинения организаций Интернационала в Германии Женевскому ЦК группы секций немецкого языка, так и исходившее от лейпцигской секции предложение о прямом присоединении партии к Интернационалу. Съезд принял предложение, сформулированное Бебелем. «Принимая во внимание,— говорилось в проекте и в окончательном тексте программы,— что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество [1], социал-демократическая рабочая партия рассматривает себя, поскольку это позволяют законы о союзах, как ветвь *Международного Товарищества Рабочих* и присоединяется к его стремлениям» [2].

Созданная на Эйзенахском съезде германская Социал-демократическая рабочая партия объединила все течения в немецком рабочем движении, испытавшие на себе влияние Интернационала. Основное ядро партии составил СНРО, сразу после съезда заявивший о своем самороспуске. Одной из составных частей партии явились представители пролетарской оппозиции в ВГРС, а также наиболее активные в политическом отношении деятели профсоюзного движения. Немалую роль в создании партии сыграли секции и индивидуальные члены Интернационала, действовавшие во всех трех названных организациях.

Эйзенахский съезд, принявший решение о создании первой пролетарской национальной партии на основе принципов Международного Товарищества Рабочих, заложил «прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии» [3]. Это было крупнейшим успехом международного рабочего движения, выдающейся победой идей научного коммунизма в Германии.

ступлении во время обсуждения вопроса об организационных связях будущей партии с Интернационалом 9 августа (см. «Protokoll über die Verhandlungen des Allgemeinen Deutschen sozial-demokratischen Arbeiterkongresses zu Eisenach am 7., 8. und 9. August 1869». Leipzig, 1869, S. 19, 73).

[1] Эта часть формулировки дословно взята из «Временного Устава Товарищества» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 12).

[2] «Demokratisches Wochenblatt», 31. VII и 14. VIII. 1869.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 366.

* * *

Чрезвычайно большую роль сыграл Маркс в идейном и организационном укреплении Социал-демократической рабочей партии в первый год ее существования.

После создания партии контакты Маркса с руководителями немецкого рабочего движения усилились. К числу постоянных корреспондентов Маркса прибавились члены находившегося в Брауншвейге Комитета партии[1] — В. Бракке и Л. Бонхорст, член контрольной комиссии А. Гейб, один из редакторов органа СДРП «Volksstaat» А. Гепнер.

Личный контакт Маркса с руководителями Социал-демократической рабочей партии способствовал выработке правильной позиции партии в отношении важнейшего решения Базельского конгресса Интернационала (сентябрь 1869 г.) — о необходимости упразднения частной собственности на землю и обращения ее в общественную собственность[2]. Это решение ставило в повестку дня задачу завоевания крестьян на сторону рабочего класса, борьбу за осуществление союза рабочего класса с крестьянством.

Маркс придавал огромное значение выработке Социал-демократической партией правильной тактики по отношению к крестьянству. Это способствовало бы размежеванию пролетарской партии с мелкобуржуазной демократией. К тому же такая необходимость диктовалась конкретной обстановкой в Германии, где постановления Базельского конгресса о земельной собственности вызвали возмущение мелкобуржуазных слоев. «Не оказалось на нашем пути,— писал Маркс своей дочери Лауре,— ни одного городка в Германии, захолустная газета которого не была бы заполнена описанием деяний «этого ужасного конгресса»»[3].

Во время пребывания Маркса в Германии В. Бракке, Л. Бонхорст и С. Шпир специально приехали 3 октября 1869 г. из Брауншвейга в Ганновер для встречи с ним. Необходимо было обсудить вопрос о практическом применении решения о национализации земли в немецких условиях и о тактике Социал-демократической рабочей партии по отношению к крестьянству. Встреча с Марксом представлялась членам Брауншвейгского комитета тем более необходимой, что между ними и Либкнехтом существовали серьезные разногласия по вопросу о позиции

[1] По уставу местопребывание руководящего органа СДРП — Комитета — каждый год переводилось в другой город. В 1869—1870 гг. Комитет находился в Брауншвейге.

[2] «Базельский конгресс Первого Интернационала». М., 1934, стр. 85.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 527. См. также стр. 305. Маркс гостил в это время в Ганновере у Кугельмана (с 18 сентября по 7 октября 1869 г.).

партии в отношении решения Базельского конгресса. В то время как члены Комитета считали, что партия должна выпустить манифест, заявив в нем, что она полностью разделяет решение конгресса о превращении земли в общественную собственность и делает борьбу за его осуществление одним из направлений своей непосредственной деятельности, Либкнехт, принципиально согласный с решениями Базельского конгресса о национализации земли, но опасавшийся резкого разрыва с Народной партией, доказывал, что открытое присоединение партии к этим решениям является преждевременным [1].

Во время встречи с членами Комитета Маркс изложил им свою точку зрения на то, какие условия необходимы, чтобы базельские решения стали практически осуществимыми в Германии. Он объяснил им необходимость серьезной работы партии в крестьянских массах для разъяснения крестьянам, что улучшение их положения возможно только в результате совместных действий с рабочим классом. Эта встреча способствовала установлению более тесных дружеских связей Маркса с членами руководящего органа Социал-демократической рабочей партии. Один из участников встречи Л. Бонхорст позже обратился к Марксу с письмом, в котором излагал свои соображения о путях агитационной деятельности партии среди крестьян [2].

Тем не менее Маркс видел, что у руководителей Социал-демократической рабочей партии нет ясного понимания того, что крестьянство не является единой массой, что при выработке тактики необходимо учитывать глубокую дифференциацию крестьянства. Нужно было помочь им разобраться в этом вопросе. Это было сделано Энгельсом. В специально написанном предисловии к предпринятому по инициативе Либкнехта второму изданию работы «Крестьянская война в Германии» [3] он изложил свои и Маркса взгляды на роль крестьянства как союзника пролетариата, на необходимость дифференцированного подхода к различным категориям крестьян. Поставив перед немецким рабочим классом задачу втянуть в движение массы сельскохозяйственных рабочих, Энгельс подчеркнул важность

[1] Он опасался, что это приведет к отходу от партии ее союзников — пролетарских элементов в южногерманской Народной партии. Точка зрения Либкнехта была сформулирована, в частности, в передовой статье «Demokratisches Wochenblatt» от 29. IX. 1869 г.

[2] Л. Бонхорст — Марксу, 25 октября 1869 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 429—431; на русском языке письмо опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС», 1964, № 9, стр. 75—77.

[3] Издание вышло в Лейпциге в октябре 1870 г.

и своевременность решения Базельского конгресса о национализации земли для развития рабочего движения Германии [1].

Разъяснения Маркса и Энгельса способствовали выработке СДРП правильной тактики по отношению к крестьянству. Полностью изменил свою позицию Либкнехт. 12 марта 1870 г. он выступил в Мейране (Саксония), а затем в других городах Германии с докладом по аграрному вопросу, в котором взгляды руководства партии были изложены в духе марксизма [2]. Дискуссия по вопросу об отношении к решению Базельского конгресса о национализации земли закончилась принятием на Штутгартском съезде партии (4—7 июня 1870 г.) резолюции, совпадающей с решением Базельского конгресса [3]. Это явилось показателем известного идейного роста молодой партии.

Стремясь укрепить связь Социал-демократической рабочей партии с Интернационалом, Маркс поддерживал тесный контакт с редакцией центрального органа партии «Volksstaat», критиковал его отдельные промахи и ошибки [4]. На страницах газеты систематически печатались статьи Маркса и Энгельса, написанные ими документы Генерального Совета Интернационала. Так, Маркс послал для публикации в «Volksstaat» внесенный им на заседании 16 ноября 1869 г. «Проект резолюции Генерального Совета о политике Британского правительства по отношению к ирландским заключенным» [5]. Поскольку эта резолюция подводила итог имевшей большое значение для пропаганды идей пролетарского интернационализма дискуссии по ирландскому вопросу в Генеральном Совете, Маркс считал необходимым опубликовать ее в печатных органах Интернационала, в том числе в органе СДРП. В «Volksstaat» были опубликованы написанные Марксом проекты резолюций Совета: о газете «Bee-Hive», о «Французской федеральной секции в Лондоне» [6], отражающие борьбу Маркса за идейную чистоту Международного Товарищества Рабочих, а также составленное им 5 июля 1870 г. обращение к профессиональным союзам и секциям Интернационала

[1] Оценку Марксом этого предисловия см. Маркс — Энгельсу, 12 февраля 1870 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 362.

[2] Оценку, данную Либкнехтом энгельсовскому предисловию, см. Либкнехт — Энгельсу, 5 апреля 1870 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 466. Доклад Либкнехта в переработанном виде был издан в 1874 г. в Лейпциге под названием «Zur Grund-und Bodenfrage».

[3] «Protokoll über den ersten Congreß der social-demokratischen Arbeiterpartei zu Stuttgart am 4., 5., 6. und 7. Juni 1870». Leipzig, 1870, S. 15, 16 a.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 353, 374, 416, 424.

[5] «Volksstaat», 27. XI. 1869; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 400—401; т. 32, стр. 315—316.

[6] «Volksstaat», 11 и 21. V. 1870; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 442, 447.

в Европе и Америке в связи с локаутом строительных рабочих в Женеве [1]. Маркс и в дальнейшем всегда рассматривал и использовал «Volksstaat» как важнейший канал идейного воздействия на членов Социал-демократической рабочей партии [2].

* * *

Воспитывая немецких рабочих в духе пролетарского интернационализма, Маркс добивался того, чтобы СДРП, как «немецкая ветвь Интернационала», выполняла свой интернациональный долг не только в экономической борьбе против капитала, но и в борьбе с чуждым, непролетарским идейным влиянием. Поэтому особое значение Маркс придавал позиции СДРП в тот период, когда главным противником марксизма в Интернационале стал бакунизм. В молодой пролетарской партии он искал опору для Генерального Совета в борьбе за укрепление Международного Товарищества Рабочих. С другой стороны, в активном участии немецких социал-демократов в борьбе с бакунизмом Маркс видел средство идейной закалки самих немецких рабочих, усвоения ими таких проблем научного коммунизма, как проблемы тактики пролетарской борьбы, государства, диктатуры пролетариата, значения завоевания буржуазно-демократических свобод для дальнейшего развития рабочего движения и т. п.

Уже поведение немецких делегатов на Базельском конгрессе, где впервые открыто выступил новый противник марксизма — анархизм Бакунина, показало Марксу, что Генеральный Совет может в борьбе с анархизмом опираться на СДРП. Возглавляемая Либкнехтом делегация из Германии дала решительный отпор анархистским взглядам при обсуждении вопросов о государстве и о политической борьбе [3], выступила с развернутым обоснованием в поддержку предложения о расширении функций Генерального Совета [4].

В конце марта 1870 г. специально для информации руководства СДРП, для того чтобы ориентировать его в обстановке, сложившейся в Интернационале из-за подрывной деятельности бакунистов, Маркс написал «Конфиденциальное сообщение» [5].

[1] «Volksstaat», 13. VII. 1870; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 452—454.

[2] Подробнее об этом см. *E. Kundel*. «Die Mitarbeit von Karl Marx und Friedrich Engels am Zentralorgan der Eisenacher Partei «Der Volksstaat»». In: «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1968, Sonderheft zum 150. Geburtstag von Karl Marx, S. 98—132.

[3] См. «Базельский конгресс...», стр. 148; Либкнехт — Марксу, 7 сентября 1869 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 423.

[4] «Vorbote», 1870, № 3.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 429—441. Этот документ был направлен Марксом членам Брауншвейгского комитета через Кугельмана.

Это было особенно важно в связи с подготовкой очередного конгресса Интернационала.

Социал-демократическая партия дала правильную оценку бакунизму. Материалы, полученные от Маркса, были немедленно взяты на вооружение [1]. Либкнехт предложил включить в повестку дня очередного конгресса Интернационала вопрос о «политической позиции социалистической партии» или «о соотношении между политикой и социализмом» [2]. 7 мая 1870 г. он обратился к Марксу с предложением, также свидетельствовавшим о том, что члены Интернационала в Германии понимали значение борьбы с бакунизмом для дальнейшего развития Международного Товарищества Рабочих. Считая, что бакунизм в Германии опоры не имеет, Либкнехт от своего и Бебеля имени предложил рассмотреть вопрос о возможности проведения конгресса Интернационала в 1870 г. в Германии [3]. С таким же предложением выступил и Брауншвейгский комитет [4].

Маркс поддержал это предложение, учитывая при этом, что принятие Генеральным Советом решения о проведении очередного конгресса Интернационала в Германии способствовало бы также росту международного авторитета германской социал-демократии [5]. На заседании Генерального Совета 17 мая 1870 г. по докладу Маркса была единогласно принята резолюция о проведении конгресса Интернационала в 1870 г. в Майнце [6].

* * *

С первых же дней существования Социал-демократической рабочей партии Маркс придавал огромное значение укреплению организационных связей партии с Интернационалом, соблюдению ею Устава и регламента Международного Товарищества Рабочих. 24 марта 1870 г. Маркс писал в Брауншвейг Бракке: «Со-

[1] См. Либкнехт — Марксу, 27 апреля 1870 г. «Die I. Internationale in Deutschland», S. 468; «Вопросы истории КПСС» № 9, 1964, стр. 77.

[2] Там же. На основе этого предложения Генеральный Совет внес в повестку дня конгресса 1870 г. вопрос: «Соотношение между политической деятельностью и социальным движением рабочего класса» («Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 200; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 456).

[3] «Die I. Internationale in Deutschland», S. 472—473.

[4] По-видимому, в письме Бракке Марксу от 9 мая 1870 г., которое до нас не дошло. См. Маркс — Энгельсу, 11 мая 1870 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 419.

[5] Обмен письмами между Марксом и Энгельсом по этому вопросу см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 416—419, 421.

[6] «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 175—176; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 448.

гласно Уставу[1], все национальные комитеты, связанные с Генеральным Советом, обязаны каждые три месяца посылать ему отчеты о состоянии движения. Напоминая Вам об этом, прошу при составлении такого отчета принять во внимание, что он пишется *не* для публики, и поэтому факты должны быть изложены без прикрас, в полном соответствии с положением дел»[2].

Отчет Брауншвейгского комитета Социал-демократической рабочей партии Генеральному Совету, составленный в июне 1870 г.[3], является ценным косвенным свидетельством плодотворных результатов деятельности Маркса как секретаря-корреспондента для Германии. Отчет отражает понимание руководителями СДРП значения деятельности Интернационала и его руководящего органа—Генерального Совета для развития немецкого рабочего движения и ее влияния на исход борьбы революционного направления в немецком рабочем движении против лассальянства. «Вначале не очень принимавшееся во внимание — по крайней мере не оцененное по достоинству — Товарищество, однако, быстро создало противовес *«протаскиванию авторитарного принципа»* (так определялась в отчете политика лассальянских лидеров ВГРС) и тем самым породило условия для возрождения немецкой рабочей партии»[4].

Оценка сложной политической обстановки, в которой происходила борьба с противниками рабочего класса разных направлений, четкая характеристика течений в немецком рабочем движении свидетельствуют об усвоении деятелями партии основных положений марксизма.

Отчет показывает, что Социал-демократическая рабочая партия в соответствии с указаниями Маркса ставила своей задачей завоевание широких масс рабочего класса, привлечение их к активной политической деятельности. Особого внимания заслуживает выраженное в отчете понимание необходимости вовлечения в революционную борьбу сельскохозяйственного пролетариата[5].

[1] Речь идет о решении, принятом Брюссельским конгрессом в дополнение к Уставу Интернационала («Troisième congrès de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte rendu officiel». Supplement au journal «Le Peuple Belge», 6—30. IX. 1868).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 551.

[3] «Die I. Internationale in Deutschland», S. 488—502; русский перевод см. «Вопросы истории», 1964, № 9, стр. 111—117.

[4] «Вопросы истории», 1964, № 9, стр. 115.

[5] Члены Комитета обратились к Генеральному Совету с просьбой прислать материалы, необходимые для составления документа, обращенного к сельскохозяйственным рабочим. «Вопросы истории», 1964, № 9, стр. 116—117.

Отчет Брауншвейгского комитета Генеральному Совету свидетельствует о том, что Социал-демократическая рабочая партия вкладывала вполне определенное содержание в свое решение считать себя «немецкой ветвью Интернационала». Значительное идейное и организационное укрепление партии уже в первый год существования — это в немалой степени заслуга Маркса как секретаря-корреспондента Генерального Совета I Интернационала для Германии.

* * *

«Секретарь-корреспондент для Германии — это реальная деятельность, а не фикция»,— говорил Маркс [1]. Приведенные выше факты дают представление о том, какое содержание он вкладывал в эти слова.

Изучение деятельности Маркса как секретаря-корреспондента Генерального Совета для Германии существенно обогащает его характеристику как руководителя I Интернационала. Оно показывает, что, выступая в Генеральном Совете как представитель рабочего движения определенной страны, Маркс стремился найти в конкретных формах борьбы рабочего класса этой страны общие закономерности, использовать их для разработки принципиальных положений теории и тактики пролетарской борьбы и для определения задач, которые необходимо было поставить перед Интернационалом на дальнейших этапах его развития. В немецком рабочем движении Маркс являлся прежде всего проводником политики Генерального Совета. Его официальное положение как члена руководящего органа I Интернационала в значительной мере определяло характер его связей с различными рабочими организациями Германии, подход к решению тех проблем, которые вставали перед немецким пролетариатом в годы Интернационала.

В последний период деятельности Интернационала, в 70-х гг., в связи с существенными изменениями в международном рабочем движении после Парижской Коммуны, значительно усилилось воздействие марксизма на рабочее движение, возросла роль Маркса как руководителя Интернационала. Изменились также цели и задачи его деятельности как секретаря-корреспондента Генерального Совета для Германии. Обобщение и пропаганда опыта СДРП заняли ведущее место в деятельности Маркса в 1871—1872 гг. Внесение в эти годы в программу международного пролетариата ряда положений научного коммунизма в качестве общепризнанных, основополагающих принципов в значительной мере опиралось на опыт развития рабочего движения в Германии.

[1] «Генеральный Совет. 1868—1870», стр. 56.

Социал-демократическая рабочая партия с честью выдержала испытания франко-прусской войны и Парижской Коммуны. Она подтвердила свою верность пролетарскому интернационализму, не поддавшись во время войны шовинистическому угару и сумев с помощью Маркса определить свою классовую, пролетарскую позицию в войне, поддержанную всем немецким рабочим классом. Во время Парижской Коммуны партия возглавляла в стране движение в защиту этого первого в мире правительства рабочего класса. Позиция немецкого рабочего класса заслужила высокую оценку Маркса. На Лондонской конференции Интернационала (сентябрь 1871 г.) он сказал: «Во время последней войны, в связи с которой разгорелась борьба классов, поведение немецких рабочих было выше всякой похвалы» [1].

В новых условиях, характеризовавшихся тем, что центр тяжести европейского рабочего движения переместился из Франции в Германию [2], Маркс всемерно помогал немецкому пролетариату выполнить его обязательства перед международным рабочим движением. Он всячески способствовал укреплению связей партии с Интернационалом — с Генеральным Советом, с организациями Товарищества в других странах, по-прежнему видел в СДРП опору в борьбе с бакунизмом, помогал руководству партии, секциям Интернационала в Германии преодолевать влияние лассальянцев на немецких рабочих.

Под воздействием Маркса СДРП и местные секции Интернационала в Германии в важный для судеб Международного Товарищества Рабочих период подготовки к Гаагскому конгрессу сумели мобилизовать свои силы и организованно выступили как «немецкая ветвь Интернационала», продемонстрировав понимание сущности происходившей в Интернационале идейной борьбы и значения предстоявшего конгресса. Немецкие делегаты на Гаагском конгрессе (сентябрь 1872 г.) заняли выдержанную революционно-пролетарскую позицию, что в значительной мере способствовало успеху конгресса. Социал-демократическая рабочая партия внесла в этот решающий момент свой ощутимый вклад в победу принципов марксизма в международном рабочем движении.

Гаагским конгрессом завершился восьмилетний период деятельности Маркса в качестве секретаря-корреспондента Генерального Совета I Интернационала для Германии. Это был важный этап в революционно-практической деятельности основоположника научного коммунизма, способствовавший становлению массового социалистического рабочего движения в Германии.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 650.
[2] Там же, стр. 273.

Л. И. Гольман

К. МАРКС И БОРЬБА НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПРОТИВ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЗАКОНА (1878—1881)

После прекращения деятельности I Интернационала усилия Маркса и Энгельса были направлены на оказание помощи формировавшимся во многих странах пролетарским партиям. Роль основоположников научного коммунизма как вдохновителей освободительной борьбы рабочего класса и его интернационального сплочения не ослабела в эти годы. «Наоборот,— писал В. И. Ленин,— можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение» [1].

Особенно прочными были контакты между Марксом и представителями немецкого рабочего движения. Созданная в 1869 г. в целом на марксистской платформе немецкая Социал-демократическая рабочая партия (после Готского объединительного съезда 1875 г. она стала именоваться Социалистической рабочей партией Германии) представляла собой в те годы наиболее боеспособный и организованный национальный отряд мирового пролетарского движения. Она служила образцом для складывавшихся социалистических организаций других стран. Именно этим объясняется такое глубокое внимание к делам и нуждам германской социал-демократии Маркса и Энгельса, их взыскательное отношение к ее руководителям, непримиримость к оппортунистическим элементам, проникавшим в ее ряды.

В освещении отношений Маркса и Энгельса с немецкой социал-демократией в буржуазной и реформистской литературе до

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.

сих пор преобладают тенденции, восходящие еще к Э. Бернштейну, П. Кампфмейеру и другим ревизионистским историкам, которые пытались в той или другой степени умалить роль марксизма в освободительной борьбе пролетариата [1]. Развитие научного социализма и рабочего движения изображается как два параллельных, не связанных между собой процесса. Заслуги Маркса ограничиваются лишь областью разработки социалистической теории, в практической организации сил рабочего класса он якобы не принимал участия, она является делом различных «реальных политиков» вроде Лассаля. Постоянно делаются попытки представить основоположника научного коммунизма кабинетным ученым, доктринером, чуждым понимания действительных потребностей рабочего класса, а иногда и сознательно отгораживающимся от его борьбы, дабы создать себе, как теоретику, положение «безмятежной самоизоляции». Так, в частности, изображаются обычно 50-е и 70-е годы в жизни Маркса, периоды после роспуска Союза коммунистов и прекращения деятельности Интернационала [2]. В отношении последнего периода к этому добавляются еще и утверждения об упадке духовных сил Маркса в старости, о его бесплодности якобы и как ученого в эти годы [3].

Стремлением поставить под сомнение силу и плодотворный характер воздействия марксизма на немецкий рабочий класс даже в период, когда учение Маркса стало служить идейным знаменем немецкой пролетарской партии, проникнута книга Хедвиги Вахенхейм «Немецкое рабочее движение в 1844—1914 годы» [4]. Автор этого объемистого сочинения, изданного в 1967 г. в ФРГ, была активной деятельницей немецкой социал-демократии веймарского периода, социал-демократическим депутатом прусского ландтага в 1928—1933 годы. Книга написана ею в США, в Нью-Йорке, где она живет и в настоящее время. Вахенхейм признает заслуги Маркса как социалистического теоретика, «ваятеля системы», но с оговоркой, что в ряде положений своего уче-

[1] См. *E. Bernstein*. «Die Geschichte der Berliner Arbeiterbewegung». Teile 1—3. Berlin, 1907—1910; *P. Kampffmeyer*. «Unter dem Sozialistengesetz». Berlin, 1928.

[2] Известную дань этой тенденции отдает в своей биографической работе о Марксе Роже Гароди, который ограничивает руководящую роль Маркса в рабочем движении временем, когда он стоял во главе Союза коммунистов и I Интернационала (*R. Garaudy*. «Karl Marx». Paris, 1964, p. 284).

[3] Подобные утверждения содержатся в распространенных на Западе книгах о Марксе Б. Николаевского и О. Менхен-Хёльфена, И. Берлина, А. Кюнцли и др. См. об этом нашу статью «О научных занятиях Маркса в последние годы его жизни». «Вопросы истории КПСС», 1968, № 5.

[4] *H. Wachenheim*. «Die deutsche Arbeiterbewegung 1844—1914». Köln und Opladen, 1967.

ния (идеи о социалистической революции, о будущем обществе, об отмирании государства при коммунизме и т. д.) он был «утопистом». В области же политики, уверяет Вахенхейм, он целиком стоял на утопических позициях. Между Марксом-политиком и Марксом-ученым существовало якобы глубокое противоречие, которое «было перенесено в социалистическое движение Германии» [1]. Отягощенная утопическими политическими тенденциями теория Маркса, по словам автора, не могла оказать большого воздействия на процесс формирования и организации немецкого рабочего класса. Пробудить его к жизни, указать ему реальные пути смог только Лассаль, уступавший Марксу как теоретик, но превосходивший его якобы как политик и организатор. Лассаля Вахенхейм, в соответствии с реформистской традицией, объявляет родоначальником немецкого рабочего движения [2].

Эта же традиция проявляется в отрицании автором роли руководимого Марксом Интернационала в развертывании рабочего движения в Германии. Эйзенахская программа 1869 г., уверяет автор, содержала весьма мало принципов Международного Товарищества Рабочих [3].

Борьбу за утверждение интернационального принципа в немецком рабочем движении Вахенхейм прямо ставит Марксу и его сторонникам в вину. Автор считает ошибкой лидеров социал-демократии включение под влиянием критики Маркса на Готском съезде 1875 г. в программу пункта об интернациональных обязанностях партии. Это, наряду с враждебным обществу и государству направлением, которое стремились придать Маркс и Энгельс деятельности партии, и навлекло на нее, по утверждению автора, репрессии со стороны Бисмарка [4]. Таким образом ответственность за полицейский бисмарковский исключительный закон взваливается на основоположников научного коммунизма.

О помощи Маркса и Энгельса немецким социал-демократам в их борьбе против исключительного закона в книге не сказано ни слова. Наоборот, Вахенхейм пытается создать у читателей впечатление, будто своей нетерпимостью и пристрастным отношением к отдельным лицам (речь идет о Хёхберге, Шрамме,

[1] *H. Wachenheim*. Op. cit., S. 9, 10.
[2] Ibid., S. 10, 70.
[3] Ibid., S. 126.
[4] Ibid., S. 128—129, 175. В целом «Критика Готской программы» Маркса оценивается как документ доктринерский, не содержащий позитивных программных принципов и поставивший партию в трудное положение — перед выбором между «догмой и реальной политикой» (S. 168, 178).

Бернштейне и прочих оппортунистах!) Маркс и Энгельс тормозили налаживание издания партийного органа печати за границей[1].

Вахенхейм не отрицает, что в период исключительного закона против социалистов в партии преобладало влияние марксизма. Но она объявляет его утопическим, сектантским течением, ведущим к обособленности, к противопоставлению интернациональных и классовых интересов общенациональным. При этом делается попытка убедить читателей в том, что и в это время влияние марксизма было неглубоким, распространявшимся лишь на радикальное, левое крыло. Центру, не говоря уже об эвентуальных ревизионистах, удалось, повествует Вахенхейм, удерживать социал-демократию в рамках парламентаризма и тем самым сохранять ее как массовую партию[2]. Таким образом автор по существу отрицает, что социал-демократическая партия в целом стояла на марксистских позициях, и выдает оппортунистические элементы за выразителей истинной партийной политики. Вершины апологии оппортунизма Вахенхейм достигает, пытаясь оправдать голосование за военные кредиты германской социал-демократической фракции в рейхстаге 4 августа 1914 года. Этот день предательского сговора правых социал-демократов с империалистической буржуазией изображается как поворотный пункт, знаменовавший собой окончание «изолированного развития» немецкой социал-демократии, начала ее «интеграции» и превращения в «составную часть» государства и общества[3].

Концепция Вахенхейм как бы синтезирует характерные тенденции немецкой правосоциалистической литературы. Подобные мотивы, в том или другом виде, можно встретить и в работах других социал-демократических историков, писавших до и после второй мировой войны: Р. Липинского, Ф. Тённиса, К. Брандиса, В. Пака, В. Эйхлера, К. Андерса, Ф. Остеррота и др.[4].

На сходных позициях стоят и буржуазные историки других стран Запада, занимающиеся рассматриваемыми вопросами. По-

[1] *H. Wachenheim.* Op. cit., S. 228, 229.
[2] Ibid., S. 250.
[3] Ibid., S. 602—603.
[4] *R. Lipinski.* «Die Sozialdemokratie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart». Vol. 1—2. Berlin, 1928; *F. Tönnies.* «Der Kampf um das Sozialistengesetz 1878». Berlin, 1929; *K. Brandis.* «Die deutsche Sozialdemokratie bis zum Fall des Sozialistengesetzes». Leipzig, 1931; *W. Pack* «Das parlamentarische Ringen um das Sozialistengesetz Bismarcks 1878—1890». Düsseldorf, 1961; *W. Eichler.* «Hundert Jahre Sozialdemokratie». Bonn, 1962; *K. Anders.* «Die ersten Hundert Jahre. Zur Geschichte einer demokratischen Partei». Hannover, 1963; *F. Osterroth D. Schuster.* «Chronik der deutschen Sozialdemokratie». Hannover, 1963.

казательна в этом отношении книга профессора истории университета штата Мичиган Вернона Лидтке «Партия, объявленная вне закона. Германская социал-демократия в 1878—1890»[1]. По ряду вопросов автор придерживается менее тенденциозной точки зрения, чем Вахенхейм. Он стремится учесть литературу, вышедшую в ГДР, более критически оценить роль Лассаля[2]. Свободна книга Лидтке и от неуклюжих попыток изобразить виновниками введения исключительного закона самих революционных социал-демократов, Маркса и Энгельса. Однако проблема их взаимоотношений с немецкой рабочей партией и роль марксизма в ее развитии освещается Лидтке в основном в традиционном реформистско-бернштейнианском духе. Влияние Маркса, Интернационала на программу и тактику эйзенахцев им приуменьшается[3]. В ориентации на классовую политику революционного крыла социал-демократии Лидтке, так же как Вахенхейм, видит тенденцию, ведущую якобы к социальной изолированности[4]. В условиях исключительного закона Маркс и Энгельс будто бы создавали своей крутой позицией дополнительные трудности для лидеров партии, в частности при решении вопроса о нелегальном органе[5].

В годы действия исключительного закона позиции марксизма в социал-демократической партии, признает автор, укрепились, в значительной мере, по его мнению, в результате ответной реакции рабочих на репрессивную политику правительства. В то же время он считает, что даже радикальное крыло партии, не говоря уже об умеренных, воспринявших идеи не только Маркса, но и Лассаля, катедер-социалистов, идеологов государственного социализма и т. д., должно было действовать на практике не в духе «строго марксистского норматива»[6]. Революционную работу социал-демократии в эти годы Лидтке сводит к избирательной, парламентской борьбе. Он не только оправдывает чрезмерное увлечение оппортунистических элементов парламентаризмом, но и вообще изображает деятельность в

[1] *V. L. Lidtke.* «The Outlawed Party: Social Democracy in Germany, 1878—1890». Princeton, New Jersey, 1966. Из других работ, опубликованных в США, отметим книгу: *G. Roth.* «The Social Democrats in Imperial Germany. A Study in Workingclass Isolation and National Integration». Totowa, New Jersey, 1963. Главные идеи книги близки тем, которые развивает Вахенхейм, — влияние марксизма привело якобы к «самоизоляции рабочего движения», чему также способствовали и полицейские репрессии.

[2] См. *V. L. Lidtke.* Op. cit., p. 18, 27, 360.

[3] Ibid., p. 29—30.

[4] Ibid., p. 69.

[5] Ibid., p. 90—91.

[6] Ibid., p. 152.

буржуазном парламенте основным выражением политики партии, противопоставляя ее установкам Маркса и Энгельса на развертывание революционной классовой борьбы. Марксизм якобы не учитывал специфику исторической обстановки и поэтому даже радикальные социал-демократы должны были трактовать теорию Маркса в эволюционистском духе. Реформистски истолковывая всю историю германской социал-демократии этого периода, Лидтке берет под сомнение принятое в марксистской литературе признание его вершиной революционной деятельности германской социал-демократии (от ее основания до 1914 года). Выражения «героический период», «героическая эпоха» неизменно ставятся им в кавычки.

Представители марксистско-ленинской историографии давно опровергли реформистскую интерпретацию этого подлинно героического периода в истории германской социал-демократии. Опираясь на труды Маркса, Энгельса, Ленина, на работы Бебеля, Меринга, на исторические документы, советские и зарубежные историки-марксисты — М. С. Зоркий, Е. А. Степанова, И. С. Галкин, Н. Е. Овчаренко, Б. Г. Тартаковский, В. В. Чубинский, Г. Гемков, Х. Бартель, Д. Фрикке, Э. Энгельберг, Э. Раджионьери и другие — пролили свет на впечатляющие страницы самоотверженной борьбы немецкого пролетариата и его партии против буржуазно-юнкерской реакции в годы действия исключительного закона [1]. В этих работах показано, сколь плодотворным было влияние идей марксизма на деятельность немецкой социал-демократии. Эти идеи помогли ей последовательно отстаивать интересы прогрессивного развития немецкой нации, вести борьбу с реакцией, милитаризмом, шовинизмом. Усвоение научного коммунизма было главным условием превращения немецкой социал-демократической партии во влиятель-

[1] *М. Зоркий.* «По поводу «циркулярного письма» Маркса и Энгельса к вождям германской социал-демократии». «Большевик», 1931, № 12; *Е. А. Степанова.* «Фридрих Энгельс», 2 изд., М., 1956; *И. С. Галкин.* «Рабочее движение в Германии 1871—1914 гг.». М., 1957; *Н. Е. Овчаренко.* «Август Бебель. Краткий очерк жизни и деятельности». М., 1963; *Б. Г. Тартаковский.* «Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата (1875—1895)». М., 1966; *В. Чубинский.* «Вильгельм Либкнехт — солдат революции». М., 1968; *H. Gemkow.* «Friedrich Engels' Hilfe beim Sieg der deutschen Sozialdemokratie über das Sozialistengesetz». Berlin, 1957; *H. Bartel.* «Marx und Engels im Kampf um ein revolutionäres deutsches Parteiorgan 1879—1890». Berlin, 1961; *D. Fricke.* «Bismarcks Prätorianer. Die Berliner politische Polizei im Kampf gegen die deutsche Arbeiterbewegung (1871—1898)». Berlin, 1962; *D. Fricke.* «Die deutsche Arbeiterbewegung 1869—1890. Ihre Organisation und Tätigkeit». Leipzig, 1964; *E. Engelberg.* «Revolutionäre Politik und Rote Feldpost 1878—1890». Berlin, 1959; *E. Ragionieri.* «Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani 1875—1895». Milano, 1961.

ную боевую силу внутри страны и ведущий интернационалистский отряд международного рабочего движения. Марксизм помогал руководителям партии преодолевать идейные шатания, вырабатывать революционную тактику и организационные формы деятельности, соответствовавшие обстановке, включая сюда и использование буржуазного парламента в интересах рабочего класса. Благодаря марксистскому курсу партия сумела выдержать суровые испытания периода исключительного закона. Все это время не только левые элементы, но и вся партия в целом, подавляющее большинство ее членов, стояли на позициях революционного марксизма, хотя в рядах партии и продолжали существовать оппортунистические элементы, а ее руководители иной раз допускали ошибки. Реформистское перерождение руководства немецкой социал-демократии произошло отнюдь не в рассматриваемый период, а гораздо позднее — в условиях империализма, в результате роста оппортунистических элементов и действия других исторических причин.

Историки-марксисты показали, что постоянная личная поддержка Марксом и Энгельсом немецкой социал-демократии, их непосредственное участие во всех ее важных делах играли огромную роль и в идейном воспитании пролетарской партии в Германии и в определении ее политической линии. Особенно важна была эта помощь Маркса и Энгельса в острые моменты жизни партии, когда она испытывала серьезные трудности.

Следует сказать, однако, что в недалеком прошлом в марксистской литературе иногда проявлялась тенденция сводить помощь Маркса и Энгельса немецким социал-демократам к критике оппортунистических ошибок и примиренческого отношения к ним руководителей партии. Бесспорно, выступления Маркса и Энгельса против оппортунизма, в частности, их известное «Циркулярное письмо» в адрес А. Бебеля, В. Либкнехта, В. Бракке от 17—18 сентября 1879 г., сыграли исключительную роль в укреплении партии. Однако формы помощи немецкой партии, ее идейного воспитания со стороны Маркса и Энгельса даже в такие острые моменты не ограничивались критикой оппортунистических колебаний. Никогда не оставляя без отпора эти последние, Маркс и Энгельс постоянно одобряли, поощряли, поддерживали героические дела немецкой революционной социал-демократии, которые в те годы — а не оппортунистические поползновения ее правых и «левых» элементов,— определяли роль партии в рабочем движении, в борьбе против немецко-прусского милитаристского государства. Между тем на авторов, писавших на эту тему, оказывала влияние ошибочная характеристика периода между I и III Интернационалами как полосы сплошного оппортунистического засилия в рабочем дви-

жении Запада. Это определение часто распространялось на германскую социал-демократию времен исключительного закона вопреки мнению В. И. Ленина о ее революционных заслугах в этот период и его высокой оценке ее лидеров [1]. Непримиримость Маркса и Энгельса к оппортунистам искусственно переносилась на их отношение к руководителям партии. Получалось, что от Маркса и Энгельса исходила одна критика за ошибки, одни выговоры и ультиматумы [2].

Для взаимоотношений Маркса и Энгельса с германскими социал-демократами, и вообще с представителями пролетарских партий, даже тогда, когда им приходилось отмежевываться от их ошибочных действий и предупреждать о возможности критического выступления в печати, как это было в 1879 г., был характерен прежде всего метод убеждения. Самая суровая и резкая критика, в частности, в «Циркулярном письме», была проникнута заботой о судьбах партии, дружеским желанием помочь ее руководителям, предупредить их об опасности. Современные марксистские исследователи, особенно Х. Бартель, Г. Гемков и авторы соответствующих разделов I тома восьмитомной истории германского рабочего движения, справедливо указали на то, что в «Циркулярном письме», наряду с разоблачением оппортунизма, имеется и позитивная часть в виде важных элементов учения о революционной пролетарской партии, ее программных и тактических принципах [3]. Именно сочетание критики оппортунистов с положительным разъяснением существа партийной политики сделало этот документ столь действенным средством помощи немецким социал-демократам.

Такое толкование «Циркулярного письма» и других докумен-

[1] См., например, ленинское высказывание о В. Либкнехте в работе «Что делать?» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 80—81), статьи В. И. Ленина «Павел Зингер» и «Август Бебель» (Полн. собр. соч., т. 20, стр. 143—146; т. 23, стр. 363—369).

[2] Подобные тенденции характерны для литературы 30-х годов. Не свободна от них упомянутая статья М. С. Зоркого «По поводу «циркулярного письма» Маркса и Энгельса...». Можно сослаться также и на статью Л. Левитского «Из истории борьбы Маркса и Энгельса на два фронта в германской социал-демократии (1881—1883 гг.)» («Борьба классов», 1932, № 6). Однако если перенесение оценок немецкой социал-демократии эпохи империализма на ее деятельность в XIX в. до некоторой степени объяснимо у авторов статей 30-х годов, то проявление такого антиисторизма и упрощенчества в работах, изданных в 60-е годы, может вызвать недоумение. Между тем в подобном духе трактуются отношения Маркса и Энгельса с немецкой социал-демократией в книге Б. А. Чагина «Развитие Марксом и Энгельсом теории научного коммунизма после Парижской Коммуны». М.—Л., 1964 (см. стр. 101—105, 108, 110—122).

[3] См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung in acht Bänden». Bd I. Berlin, 1966, S. 359—360.

тов Маркса и Энгельса этого периода правильно раскрывает их действительный характер. Оно наносит удар клеветническим версиям буржуазных и реформистских авторов, изображающих Маркса и Энгельса раздраженными и суровыми фанатиками, которые, вместо того чтобы поддержать своих попавших в беду учеников в Германии, якобы обрушились на них за то, что те недостаточно усердно выполняли их директивы из Лондона.

Однако все же приходится констатировать, что и в марксистской литературе до сих пор недостаточно учитывается разнообразный характер той помощи, которую оказывали Маркс и Энгельс своим немецким партийным товарищам в период проведения исключительного закона в первые годы его действия. Мало внимания в указанной литературе уделялось таким формам этой поддержки, как выступления Маркса и Энгельса в печати с разоблачением Бисмарка и его приспешников, их борьба с клеветой на социал-демократов, организация кампаний солидарности с немецкой социал-демократией в других странах, забота о жертвах исключительного закона. Что касается реформистских и буржуазных авторов, то все эти моменты ими попросту игнорируются. Поэтому автор данной статьи попытался пролить некоторый свет именно на указанные выше стороны деятельности Маркса в первые годы действия исключительного закона. Наоборот, широко освещавшихся в литературе, хотя и весьма важных фактов мы позволили себе касаться лишь бегло или вообще не затрагивать, отсылая читателя к упомянутой выше литературе.

* * *

Буржуазно-юнкерская Германская империя с момента своего основания в 1871 г. проявляла резкую враждебность к революционному пролетарскому движению. Уже первые годы существования милитаристского, полицейского государства, возглавляемого Бисмарком — этим бонапартистским политиком прусско-юнкерского толка [1], были ознаменованы преследованиями участников социалистического движения, покушениями на права рабочих организаций, попытками надеть узду на рабочую печать. Однако заигрывание Бисмарка с либеральными кругами, его стремление сломить под флагом «культуркампфа» (борьбы против католической церкви, за «светскую культуру») оппози-

[1] См. его характеристику в работе Ф. Энгельса «Роль насилия в истории» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 442). Эта характеристика и в наши дни служит делу разоблачения культа Бисмарка в современной буржуазной историографии, особенно западногерманской, склонной апологетически оправдывать даже такие меры, как исключительный закон (см. *Г. В. Павленко*. «Бисмарк — кумир западногерманских реакционных историков». «Новая и новейшая история», 1968, № 5).

цию партикуляристских элементов, группировавшихся вокруг католической партии Центра, сдерживали некоторое время реакционные, антисоциалистические поползновения «железного канцлера» и его подручных.

Но к 1878 г. в глазах правящих кругов империи социал-демократическая опасность стала заслонять всякую другую. В 1877 г. Социалистическая рабочая партия Германии насчитывала в своих рядах не менее 32 тысяч активных членов. Она издавала свыше 40 печатных органов, не считая 14 профсоюзных газет, на направление которых партия также оказывала влияние. Социал-демократы занимали ведущие позиции в профессиональных союзах, объединявших 50 000 рабочих, во многих спортивных, просветительных и др. рабочих организациях. Налаживались связи партии с крестьянством [1]. Значительны были избирательные успехи социал-демократии, отражавшие рост ее влияния в массах. На выборах в январе 1877 г. она собрала почти полмиллиона голосов (точнее 493 447), проведя в рейхстаг 12 депутатов вместо 9, которые были от нее избраны в 1874 году [2].

Определенный сдвиг вправо заправил Германской империи был обусловлен также экономическими и социальными причинами, известной перегруппировкой сил среди господствующих классов. Затяжной аграрный кризис, конкуренция других экспортирующих продукты сельского хозяйства стран вызвали поворот юнкерских кругов к протекционизму. Часть крупной буржуазии, все больше объединявшейся в акционерные кампании, особенно владельцы железоделательных и текстильных предприятий, также все настойчивее требовала отказа от фритредерской политики. К концу 70-х годов сложился блок аграриев и крупных капиталистов, стремившихся направить страну на путь активизации борьбы за мировые рынки, внешней экспансии и колониальных захватов. Бисмарк оказался чуток к этим побуждениям верхушки эксплуататорских классов. Он стал добиваться осуществления поставленных ею целей, что требовало, однако, расширения финансовой базы, иными словами нового увеличения прямых и косвенных налогов. Но для этого было необходимо жестокими мерами подавить всякую оппозицию правительству, прежде всего ослабить, если не уничтожить, социал-демократию. Если раньше Бисмарк опирался в значительной мере на национал-либералов, то теперь, подведя черту под «либеральным периодом» своего канцлерства, он избрал в ка-

[1] См. *H. Bartel*. «Marx und Engels im Kampf um ein revolutionäres deutsches Parteiorgan 1879—1890», S. 12—13.

[2] См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik». T. I. Berlin, 1965, S. 103, 112.

честве своей опоры в основном правые силы: партии консерваторов и свободных консерваторов (последние и раньше поддерживали его политику), реакционно-клерикальное крыло партии Центра и лишь отчасти правые элементы национал-либералов. Дабы привлечь на свою сторону Центр, глава Германской империи пошел на отмену почти всех антикатолических законов. При поддержке правых сил Бисмарк надеялся укрепить милитаристско-полицейский режим, сокрушить социалистическое движение, запугать либеральную оппозицию.

Последствия поворота вправо не замедлили сказаться во внутренней и внешней политике. В качестве средства борьбы с рабочим движением Бисмарк избрал не только полицейские меры, но и социальную демагогию бонапартистского пошиба. С 1881 г. стали проводиться пресловутые бисмарковские законы о страховании, весьма выразительно охарактеризованные Энгельсом как «дерьмо в виде социальных реформ» [1]. Введение протекционистских тарифов привело к обострению отношений Германии с рядом стран. Под предлогом избавления от «кошмара коалиций» Бисмарк встал на путь сколачивания военно-политических блоков, стараясь использовать их как орудие в борьбе за гегемонию Германской империи на европейской арене. С начала 80-х годов германские правящие круги, до этого предпочитавшие поощрять колониальные авантюры своих соперников, чтобы отвлекать их от европейских дел и сталкивать друг с другом на почве колониального соперничества, сами активно включились в борьбу за раздел не поделенной еще части мира [2].

В планах заключительных разделов своей незаконченной брошюры «Роль насилия в истории» (конец 1887 — весна 1888) Энгельс отметил внутреннюю связь между всеми этими реакционными чертами, которые в конце 70-х годов приобрела политика Бисмарка, проводимая в интересах «коалиции буржуа и юнкеров». В качестве ее характерных особенностей он указывал на репрессии против социал-демократов, социальные мероприятия «à la Бонапарт», переход к протекционизму, усиление военных приготовлений и «колониальную горячку». Энгельс усмотрел в этом правом курсе Бисмарка проявление его классовой ограниченности. «Бисмарк под конец становится реакционером, тупеет» [3],— констатировал он.

Наиболее ярким признаком усиления реакционности Германской империи и было принятие закона против социалистов. Для проведения этого драконовского закона правящая клика

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 483.

[2] См. *А. С. Ерусалимский*. «Бисмарк. Дипломатия и милитаризм». М., 1968, стр. 146—147, 159, 161, 184, 218—243.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 481, а также стр. 483.

воспользовалась двумя покушениями на восьмидесятилетнего императора Вильгельма.

11 мая 1878 г., когда он проезжал в коляске по главной улице Берлина Унтер ден Линден, в него выстрелил из пистолета безработный жестянщик Хёдель. Покушавшийся был еще раньше исключен из рядов Социалистической рабочей партии за нелояльное отношение к товарищам и растрату партийных денег. Он был близок к христианским социалистам, из которых Бисмарк стремился создать себе опору среди рабочих. И тем не менее реакционные круги вину за покушение возложили на социал-демократов.

Однако внесенный правительством в рейхстаг через 9 дней после покушения проект исключительного закона против социалистов был отвергнут большинством депутатов буржуазных партий. Тогда они еще не решались на проведение столь откровенно реакционной меры.

2 июня 1878 г. было совершено новое покушение на императора. На этот раз его тяжело ранил выстрелом из охотничьего ружья бывший студент Сельскохозяйственной академии, анархист Нобилинг — личность крайне неуравновешенная. К социал-демократии он не имел ни малейшего отношения. 11 июня Бисмарк добился роспуска рейхстага и назначения новых выборов. Они были проведены в обстановке небывалых еще полицейских репрессий и неистовой клеветнической кампании против рабочей партии. Правительственные круги и официальная печать грубо спекулировали на смертельном страхе обывателя перед «красной опасностью». По характеристике Маркса, главные усилия клики Бисмарка были направлены на то, чтобы «вызвать delirium tremens [белую горячку] у немецких филистеров и построить при помощи своей прессы целое здание лжи!» [1].

Посредством таких методов Бисмарку удалось добиться увеличения количества депутатов обеих консервативных партий и склонить национал-либералов к поддержке подготовляемых им полицейских мер против социал-демократии. Но полного триумфа он не одержал. Рабочие массы не поддались на истерическую кампанию официозных и буржуазных органов печати. Незадолго до вновь назначенных выборов (они состоялись 30 июля) Вильгельм Бракке с гордостью за немецких трудящихся писал Энгельсу: «Среди рабочих царят такая готовность к самопожертвованию и такие выдержка и мужество, каких я еще никогда не видел». Социал-демократия получила на выборах свыше 437 000 голосов и провела 9 депутатов [2].

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI). М., 1932, стр. 393.

[2] *Karl Marx, Friedrich Engels.* «Briefwechsel mit Wilhelm Bracke (1869—1880)». Berlin, 1963, S. 174. «Geschichte... Chronik». T. I, S. 117.

16 сентября в новый рейхстаг был внесен второй проект закона против социалистов. Начались прения. На сборище реакционеров и трусливых либералов с огромной силой прозвучал гневный протест вождя немецкого рабочего класса Августа Бебеля против гнусной травли социал-демократии. Пролетарский оратор заявил, что социал-демократия будет продолжать борьбу и в нелегальных условиях и добьется отмены исключительного закона, если он и будет принят. Маркс оценил речь Бебеля как «уничтожающее обвинение» [1]. Аргументы Бебеля были настолько сильны, что представители правящей верхушки вынуждены были вступить в полемику. В защиту законопроекта, помимо заместителя канцлера Штольберга-Вернигероде, открывшего прения, выступили министр внутренних дел Бото Эйленбург, реакционер, недавно назначенный на этот пост Бисмарком, и сам Бисмарк, дважды бравший слово, 17 сентября и 9 октября [2]. Однако их доводы в этом споре выглядели весьма шаткими. «Представители правительства — Штольберг и Эйленбург — имели более чем жалкий вид»,— писал Маркс своей жене 17 сентября 1878 г., прочитав газетный отчет о начале прений [3].

19 октября «закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии» был принят 221 голосом против 149, сроком на три года. В последующие годы Бисмарку удавалось его продлевать, и он действовал до сентября 1890 года. Закон запрещал существование каких-либо рабочих организаций, органов печати, созыв собраний, проведение кампаний, если все это было связано с социалистической пропагандой, которая угрожала бы общественному порядку и спокойствию, а также классовому миру. Власти наделялись правом вводить «малое осадное положение» в отдельных местностях и городах, при котором полиция могла разгонять любые собрания, накладывать арест на помещения, где происходили встречи социал-демократов, на типографии, где печатались их издания, высылать подозрительных лиц вместе с семьями и т. д. «Исключительный закон издается для того,— писал Маркс Энгельсу в дни его обсуждения в рейхстаге,— чтобы отнять у социал-демократического движения даже видимость легальности. Probatum est [испытанный прием]. Поставить вне закона — таково было издавна верное средство объявлять противоправительственные движения «противоза-

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 391.

[2] Выступление Бебеля 16 сентября см. «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags. 4. Legislaturperiode, 1. Session, 1878». Band I. Berlin, 1878, S. 38—50; речи официального оратора правительства Штольберга и правительственных оппонентов Бебеля — Эйленбурга и Бисмарка см. ibid., S. 30, 50—57; 66—70, 124—130.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 267.

конными» и тем самым ограждать правительство от закона — «законность нас убивает»» [1].

Принятие исключительного закона послужило сигналом для разгула полицейского террора. Повсеместно стали закрываться социал-демократические организации, профсоюзные и другие рабочие объединения, находившиеся под влиянием социал-демократов. Социал-демократическая печать была почти целиком уничтожена, на революционную литературу, в том числе на произведения Маркса и Энгельса, наложен запрет. То в одном, то в другом месте — уже в ноябре 1878 г. в Берлине и его окрестностях, в октябре 1880 г. в Гамбурге и Альтоне, в мае — июне 1881 г. в Лейпциге и т. д.— вводилось «малое осадное положение». Только из упомянутых городов было выслано 158 видных социал-демократических деятелей. Многие оказались на скамьях подсудимых и за решетками тюрем [2].

По пути Бисмарка пошли реакционные правители других стран. Социал-демократическая партия была по существу поставлена вне закона в Австро-Венгрии. Французские власти запретили проведение в Париже в сентябре 1878 г. международного рабочего конгресса, арестовав и предав суду его организаторов — французских социалистов. Были арестованы и высланы из Франции некоторые иностранные делегаты, в том числе проживавший в Париже немецкий социал-демократ К. Гирш. Энциклику против социалистов в конце 1878 г. издал папа Лев XIII. Кампании против социалистического движения был, таким образом, придан международный характер.

Маркс и Энгельс с напряженным вниманием следили за драматическими событиями, развертывавшимися в Германии. Еще в апреле 1878 г. в Лондон приезжал Либкнехт, с которым у Маркса состоялись обстоятельные беседы по поводу германских дел [3]. Вслед за тем пришли тревожные известия о покушении Хёделя, о намерениях Бисмарка обрушиться на социал-демократов, о выстреле Нобилинга и роспуске рейхстага, не пожелавшего утвердить первый проект закона о социалистах. «Рейхстаг распускается,— писал В. Либкнехт Энгельсу 8 июня, за 3 дня

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 64. «Законность нас убивает» — слова консервативного политика, монархиста О. Барро, сказанные в период Второй республики во Франции.

[2] См. *H. Bartel*. Op. cit., S. 18—19.

[3] Собираясь в Лондон, Либкнехт просил Энгельса не разглашать предстоящую встречу. «Я хочу иметь дело только с *тобой, Мавром* и ближайшими друзьями,— писал он ему 8 апреля 1878 г.— Нам о многом предстоит поговорить. Так что пусть ни в одной газете не появится сообщение!» В 20-х числах апреля он сообщил Энгельсу о том, что благополучно вернулся в Лейпциг (*Wilhelm Liebknecht*. «Briefwechsel mit Karl Marx und Friedrich Engels». The Hague, 1963, S. 251—252).

до официальной даты роспуска,— и новые выборы при той эпидемии слабоумия, которая наблюдается у Михеля, безусловно приведут к тому, что исключительный закон против нас будет проведен. Тогда *одним* ударом будут уничтожены *все* наши газеты. Это не уничтожит нашу партию, но источник существования многих партийных товарищей будет уничтожен, в том числе и *мой*» [1].

Как близко к сердцу принимал Маркс то угрожающее положение, которое создалось для немецкой пролетарской партии, видно из воспоминаний его «друга по науке», видного русского этнографа, историка, юриста М. М. Ковалевского. Ковалевский свидетельствует о бурной и гневной реакции, которую вызвало у вождя международного пролетариата сообщение о втором покушении на Вильгельма I. «Я случайно находился в его библиотеке в ту самую минуту, когда до Маркса дошло известие о неудавшемся покушении Нобилинга на престарелого императора Вильгельма. Маркс отозвался на это известие словами проклятия по адресу неудачного террориста и тут же объяснил, что от его преступной попытки ускорить ход событий можно ждать только одного — новых преследований против социалистов» [2]. Чувство глубокой тревоги за судьбу германских революционных социал-демократов охватило и членов семьи Маркса. «Что скажете Вы о Нобилинге? — писала в эти дни дочь Маркса Элеонора Гиршу.— Известно ли Вам что-нибудь об этом человеке? Английские газеты еще более презренны, чем немецкие. Они явно были бы рады возложить всю ответственность на социалистов всех стран, чтобы возобновить преследования... Я опасаюсь, что для наших друзей, Либкнехта и других, это обернется плохо» [3].

Маркс и Энгельс прилагали все усилия, чтобы помочь своим немецким соратникам в их борьбе против полицейских репрессий и гнусной клеветы, возводимой на них не только германской, но и международной буржуазной печатью. Уже через несколько дней после покушения Нобилинга Маркс послал заявление в либеральный орган «Daily News», направленное против одного из деятелей бисмарковской Германии Лотара Бухера. Бухер, хотя и не занимал особенно видных государственных постов, был лицом, приближенным к канцлеру. На него возлагали секретные дипломатические миссии. Он был секретарем-архивариусом на Берлинском конгрессе дипломатов в 1878 г. Причастен был Бухер и к подготовке внутренних и междуна-

[1] *Wilhelm Liebknecht.* Op. cit., S. 256.

[2] «Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе». М., 1969, стр. 74.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 395.

родных акций против социалистов, возможно, и к составлению проекта исключительного закона [1].

Цель заявления Маркса против Бухера отчасти заключалась в том, чтобы заклеймить этого ренегата демократического движения 1848 г., ставшего доверенным лицом Бисмарка и выполнявшего его деликатные поручения, связанные с намерением подкупить видных социалистических деятелей. Такую попытку Бухер в 1865 г. предпринял и по отношению к Марксу, передав ему предложение Бисмарка стать корреспондентом по финансовым вопросам официального прусского органа «Staats-Anzeiger». Позднее Бухер сблизился с Лассалем и даже стал его душеприказчиком. Но прежде всего в заявлении, опубликованном в «Daily News» 13 июня 1878 г., и в последовавшем за ним ответе на «разъяснение» Бухера, который был напечатан в ряде немецких газет, Маркс разоблачал бисмарковский режим в целом, подлые и нечистоплотные приемы, к которым его заправилы прибегали раньше и прибегли ныне в борьбе против социализма, грубую клевету, распространяемую ими по поводу причастности социал-демократов к покушениям на императора. Маркс иронически замечал, что немецкие социалисты имели к ним такое же отношение, как к гибели немецкого броненосца «Великий курфюрст», столкнувшегося с другим военным кораблем, или к созыву Берлинского конгресса [2].

В своем печатном выступлении Маркс раскрыл побудительные мотивы, заставлявшие Бисмарка настойчиво добиваться проведения исключительного закона,— его стремление усилить полицейские репрессии и запреты в духе абсолютной монархии, дабы устранить все препятствия для нового завинчивания налогового пресса. Князь Бисмарк, иронически писал Маркс, решает парадоксальную проблему — «как наделить германское правительство всеми финансовыми ресурсами современного государства, навязав в то же время снова немецкому народу тот старый политический режим, который был разбит вдребезги ураганом 1848 года» [3].

Выступление Маркса примечательно и тем, что оно предвосхитило некоторые аргументы, которые позднее были использованы лидерами немецкой социал-демократии в борьбе с вдохновителями исключительного закона, в частности, Бебелем в его упомянутой парламентской дуэли с Бисмарком. Маркс здесь как

[1] Так, в частности, предполагает Г. О. Мейснер, западногерманский историк, автор статьи о Бухере в «Neue Deutsche Biographie» (B II. Berlin, 1955, S. 699).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 148.

[3] Там же.

бы подсказал Бебелю один из способов разоблачения правящей клики посредством обнародования ее попыток добиться тайного сговора с социал-демократами. Это служило одним из доказательств того, что канцлер фальшивил в своих выпадах против социал-демократии, что подлинные причины проведения антисоциалистического закона заключались отнюдь не в приписываемых им пороках, а в совершенно другом, в частности, в провале попыток превратить их в орудие правящих кругов. Именно поэтому Бебель в своей речи 16 сентября указал и на переговоры Бисмарка с Лассалем, и на попытку посредством Бухера затянуть Маркса в сети бисмарковской государственной системы, и на адресованное Либкнехту в период конституционного конфликта предложение занять пост редактора одной из влиятельных официальных газет [1].

В момент проведения через рейхстаг исключительного закона Маркс задумал новое обличение правящей клики Германии. В 20-х числах сентября 1878 г. он получил от Бракке стенографический отчет о первых двух заседаниях рейхстага (16 и 17 сентября), на которых обсуждался проект этого закона, и начал готовить разоблачительную статью для «Daily News». Энгельсу он писал 24 сентября: «Я теперь более или менее занят обработкой его [отчета.— *Л. Г.*] для английской прессы, хотя еще не знаю, получится ли из этого в конце концов нечто подходящее для «Daily News»» [2]. Набросок статьи сохранился, хотя она не была завершена [3]. Возможно, Марксу стало ясно, что опубликовать ее в английской буржуазной печати все равно не удастся, а рабочая и демократическая пресса в Германии как раз в это время подвергалась разгрому.

В наброске статьи о прениях в рейхстаге Марксом были намечены те линии, по которым он считал необходимым вести контрнаступление против германской реакции. Прежде всего он придавал большое значение опровержению лживого тезиса авторов исключительного закона, в частности, министра внутренних дел Эйленбурга о том, что сама доктрина социал-демократов толкает людей на акты, подобные тем, которые были со-

[1] См. «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstags...», S. 41, 43.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 71.

[3] При публикации в «Архиве Маркса и Энгельса» этого документа в 1932 г. он был неудачно озаглавлен: «Конспект прений о законе против социалистов» (т. I (VI), стр. 388). На деле — это не только извлечения из отчета о прениях, но и критические комментарии к ним, содержащие важные мысли по вопросам теории и тактики рабочего движения. Изложение отличается связностью, не свойственной обычным конспектам и выпискам. Таким образом, сохранившийся текст является черновым наброском задуманной статьи.

вершены Хёделем и Нобилингом. Во всех попытках связать эти покушения с социалистическим учением и практической деятельностью социал-демократии нет, писал Маркс, «ни *атома фактического материала»* [1].

Весьма важным считал Маркс разоблачение другого приема реакции — попытки отождествить социал-демократию с анархизмом, доказать, будто анархисты, оправдывавшие террористические акты, являются представителями «крайнего течения» социал-демократии, а потому последняя должна нести за них ответственность. Показывая коренное отличие пролетарского социализма от анархизма, Маркс писал: «В одном случае дело идет только о действительном историческом движении рабочего класса; в другом мы имеем дело лишь с призраком, созданным «jeunesse sans issue», которая хочет делать историю, но только показывает, как идеи французского социализма карикатурно воплощаются в «hommes déclassés»» [2].

Отвечая на поднятый реакционерами в печати и с трибуны собраний шум по поводу якобы приверженности социалистов к насилию (реакционный историк Трейчке после покушений опубликовал, например, статью с характерным названием «Социализм и насилие»), Маркс подчеркивал, что освободительная борьба рабочего класса отнюдь не состоит из сплошных насильственных актов, восстаний, вооруженных столкновений. Прежде чем вылиться в насильственную революцию, она неизбежно проходит мирный этап развития. В тех странах, где это возможно,— Англии, США,— указывал Маркс, рабочий класс ориентируется на мирный переход власти в его руки, хотя он сознает, что и здесь этот мирный путь может быть прерван контрреволюционными действиями эксплуататоров, *«сопротивлением* заинтересованных в старом порядке». Переход от мирной к немирной, насильственной фазе освободительной борьбы зависит не от субъективных желаний революционеров, не от их доктрин, а прежде всего от поведения самих господствующих классов, от той формы, в которой они оказывают противодействие назревшим общественным преобразованиям. ««Мирным» историческое развитие может оставаться лишь до тех пор, пока те, кто в данном обществе обладает властью, не станут путем насилия препятствовать этому развитию» [3].

Таким образом Маркс вновь после своей знаменитой речи в Амстердаме о Гаагском конгрессе Интернационала, произнесен-

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 393.

[2] Там же, стр. 396 (jeunesse sans issue — неудачливая молодежь, hommes déclassés — деклассированные элементы, босяки).

[3] Там же, стр. 397.

ной 8 сентября 1872 г.[1], сформулировал идею о возможности различных путей осуществления социалистической революции, завоевания власти рабочим классом, о необходимости смены тактических форм рабочего движения, перехода от мирной к вооруженной борьбе, в зависимости от исторических условий, соотношения классовых сил и образа действий самих эксплуататоров. При этом и перед лицом полицейских репрессий он считал недостойным для социалистов отрекаться от ориентации на революционный переход от капитализма к социализму и насильственный, немирный путь его осуществления там, где отсутствовала возможность достигнуть этого мирными средствами (то есть в то время почти во всех странах континентальной Европы, в том числе и в Германии). В то же время он считал необходимым опровергать клеветнические обвинения социал-демократов в призывах к применению насилия при всех обстоятельствах. Социал-демократия, подчеркивал Маркс, видит в революционном насилии отнюдь не орудие искусственного ускорения, форсирования исторических событий; пока не созрели объективные предпосылки для революции, она действует мирно. Когда же эти условия сложатся, рабочий класс должен будет, не колеблясь, прибегнуть к насилию в случае, если оно явится необходимым средством преодоления сопротивления отживших свой век эксплуататорских классов.

Маркс показал, насколько лицемерно звучали обвинения социал-демократов в насилии в устах тех, кто сам прибегал к террору и произволу против рабочего движения. Исключительный закон, писал он, «это — *насильственная реакция* со стороны власть имущих против *развития,* которое *проходит* через «мирный этап»» [2]. Он подчеркивал при этом тщетность расчетов реакции на ликвидацию пролетарской партии.

После того как закон против социалистов был введен в действие, Маркс предпринял разоблачение его авторов и в американской печати. В первой половине декабря 1878 г. он несколько раз принимал у себя корреспондента буржуазной газеты «The Chicago Tribune» и обстоятельно беседовал с ним. В беседах он раскрыл подлинную подоплеку проведения исключительного закона в Германии, бонапартистскую сущность политики Бисмарка, заклеймив его стремление усилить военно-полицейскую диктатуру, фальшиво прикрываемую конституционными формами. Снова в печати было обращено внимание и на связь между полицейско-бонапартистскими покушениями канцлера на демократические свободы и его новой налоговой политикой.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 154.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 397.

«Бисмарк идет по стопам Наполеона,— говорил Маркс.— Он начал с установления деспотизма под предлогом объединения Германии... Под прикрытием фиктивной конституции он взваливал на плечи народа налоги для покрытия своих расходов на военные и объединительные планы до тех пор, пока уже не мог больше облагать его новыми налогами, и теперь он пытается делать это, вообще обходя конституцию. Для того, чтобы обирать народ по своему произволу, он вызвал на сцену призрак социализма и делал все, что было в его власти, чтобы *спровоцировать мятеж*» [1].

Антисоциалистические мероприятия Бисмарка, указывал Маркс, особенно ярко выражают реакционную сущность его политики. Они задевают интересы не только рабочего класса, но и широких слоев немецкого народа. При этом поборник политики «кровью и железом» не довольствовался одним исключительным законом. Он помышлял спровоцировать открытое выступление рабочих, чтобы устроить кровавую расправу над ними. О том, что такие намерения у Бисмарка действительно были и в момент проведения исключительного закона и в последующие времена, свидетельствуют его собственные откровения в узком кругу. Так, в конце 1884 г., разгневанный отклонением рейхстагом одного из его законопроектов, Бисмарк высказался в присутствии приближенных лиц в том смысле, что неплохо было бы, если бы социал-демократы устроили путч; тогда он смог бы разогнать рейхстаг и провести новый избирательный закон [2].

Такого рода замыслы правительства, констатировал Маркс, были сорваны благодаря выдержке и стойкости немецкого пролетариата, не поддавшегося ни на какие провокации, в том числе и во время введения «малого осадного положения» в столице в ноябре 1878 г. Для всех здравомыслящих людей становится все более очевидной абсурдность антисоциалистических вымыслов реакционных кругов и бисмарковской печати,— отмечал Маркс, ссылаясь, в частности, на пущенную в ход в начале 1876 г. официозной «Norddeutsche Zeitung» анекдотическую вер-

[1] «Интервью К. Маркса корреспонденту американской газеты «Chicago Tribune» в первой половине декабря 1878». «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10, стр. 12—13. Заслуга первой публикации полного текста этого весьма важного документа принадлежит видному исследователю литературного наследства Маркса и Энгельса Берту Андреасу. Ему, в свою очередь, передал обнаруженный текст интервью американский библиограф Луис Лацарус. Публикуя интервью, Андреас привел во введении сведения о перепечатках его в американской и европейской социалистической печати (см. *Bert Andréas*. «Marx über die SPD, Bismarck und das Sozialistengesetz». «Archiv für Sozialgeschichte». Bd. 5, Hannover, 1965, S. 363—366).

[2] См. *А. С. Ерусалимский*. Цит. соч., стр. 241.

сию о сговоре его с главой иезуитского ордена против Бисмарка. Нелепа была и попытка приписать социалистам организацию всевозможных заговоров и покушений на коронованных особ. Маркс подчеркивал, что социалисты, наоборот, при сложившейся ситуации весьма сожалели бы о смерти германского императора, поскольку правящие верхи Германской империи своей ретроградной политикой только толкают недовольных в ряды социал-демократии и косвенно способствуют ее росту. «Он очень полезен на своем месте,— иронически говорил Маркс о Вильгельме,— а Бисмарк сделал для социалистического движения больше, чем любой другой государственный деятель, доведя положение до крайности» [1].

В интервью Маркс высказал весьма важную мысль о том, что, борясь против исключительного закона, немецкая социал-демократия по существу защищает буржуазно-демократические свободы от посягательств полицейско-абсолютистских сил, в условиях, когда буржуазные партии трусливо отреклись от этой задачи. Маркс говорил, что если бы немецкая буржуазия «не состояла из величайших трусов, то вся политическая деятельность, направленная против правительства, осуществлялась бы ею» [2]. Таким образом в сложившейся обстановке рабочий класс вновь проявил себя как наиболее последовательный защитник демократии.

В своих ответах корреспонденту Маркс снова затронул вопрос об отношении социалистов к насилию. Разоблачая вымыслы антисоциалистической пропаганды, он подчеркнул, что насильственные революции отнюдь не являются плодом политики социалистических партий. Назревавшие в ряде стран — России, Австрии, Германии, Италии — революции, указывал он, вообще еще не являются социалистическими и по своему типу будут на первых порах сродни французской революции конца XVIII века, то есть революции буржуазно-демократической. Социалисты активно участвуют в насильственных революциях, потому что они исторически неизбежны и прогрессивны, обусловлены глубокими социально-экономическими причинами, осуществляются большинством народа. «Ни одна революция не может быть совершена партией, *она совершается только народом»* [3]. Таким образом Маркс по существу в сжатой форме высказал здесь те же мысли по вопросу о революционном насилии, которые он развивал в наброске упомянутой выше незаконченной статьи.

[1] «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10, стр. 12.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Там же, стр. 11.

Интервью, данное Марксом корреспонденту «Chicago Tribune», было опубликовано в этой газете 5 января 1879 года. Оно было перепечатано, в отрывках и в более пространном виде, рядом американских социалистических и рабочих газет, в том числе в органе Социалистической рабочей партии Северной Америки «The Socialist», в социалистической газете «New-Yorker Volkszeitung», и в чикагской рабочей газете «Vorbote». В Европе его опубликовала 9 и 10 апреля 1879 г. ежедневная газета датских социал-демократов «Social-Demokraten», издававшаяся в Копенгагене [1]. Таким образом, распространение интервью по тому времени было довольно значительным, и оно имело довольно широкий резонанс в рабочих и демократических кругах.

Действуя через различные каналы, Маркс использовал для оказания помощи германской социал-демократии и полуофициальные беседы с буржуазными государственными деятелями. Так, 31 января 1879 г. состоялась его встреча с либералом М. Э. Грант Даффом. Разговор, происходивший за завтраком, в ресторане, продолжался три часа. Собеседник Маркса был известен как весьма влиятельная политическая фигура. С 1857 г. он долгое время был членом палаты общин, входил в 1868—1874 гг. в качестве заместителя министра по делам Индии в состав кабинета Гладстона. Грант Дафф имел обширные связи также в литературном и научном мире, был завсегдатаем аристократических клубов. Он любил встречаться с выдающимися людьми, в том числе и с революционерами [2].

Маркс знал, что либеральный деятель вхож ко двору королевы Виктории, связанной родственными узами с германской императорской семьей. Известно Марксу было и то, что между Бисмарком и германским кронпринцем Фридрихом, зятем английской королевы, слывшим англофилом, противником протекционизма, крутых мер против католиков и исключительного закона, существовали трения.

Соглашаясь на встречу с Грант Даффом, Маркс, по-видимому, рассчитывал, что содержание беседы в той или другой форме дойдет до упомянутых придворных кругов и будет способствовать противодействию последних политике канцлера. И действительно, как это выяснилось значительно позднее, от Грант Даффа поступила такая информация. На следующий же день после беседы он отправил письмо принцессе Виктории, жене кронпринца, описав в нем свою встречу со знаменитым революционером. Высокопоставленный аристократ, разумеется, не был

[1] «Archiv für Sozialgeschichte». Bd. 5, S. 365.

[2] См. «The Dictionary of National Biography». Second Supplement. Vol. II, Oxford, 1920, p. 150—151.

способен на точную передачу взглядов вождя пролетариата, к которым он относился весьма неодобрительно, хотя эрудиция и остроумие его собеседника произвели на него сильное впечатление. Грант Дафф признавал, что подлинный Маркс весьма мало похож на того ожесточенного и свирепого человека «с повадками людоеда», каким его изображала полиция, а часто и официальная пресса [1].

Маркс, видимо, и не собирался излагать Грант Даффу основы своего учения. Его целью было дать понять через Грант Даффа английским и германским правящим кругам всю бессмысленность таких мер против рабочего движения, как исключительный закон, и дискредитирующий характер этих мер для самих же инициаторов их проведения. Поэтому в беседе Маркс делал упор на то, что такое вмешательство извне, равно как и рост вооружений, милитаристская политика, не может приостановить углубления внутренних противоречий в современном обществе, порождающих рост революционных сил. «Это порочный круг, из которого нет выхода»,— передал его слова Грант Дафф [2].

Маркс обращал внимание на назревание революции в России, где «реформы сверху» не могут предотвратить краха «старого ветхого здания». Он подчеркивал, что революция может перекинуться в Германию, указывал на ненадежность армии как оплота контрреволюционного режима, на вероятность перехода части ее на сторону народа, на рост недовольства

[1] «The Times Literary Supplement», 15. VII. 1949, p. 464. В письме Грант Дафф сообщал, что Маркс рассуждает «как высокообразованный, скорее даже ученый человек», что речь его отличается «изящными выражениями» и «юмором», что он проявил солидную осведомленность в сравнительной грамматике древнеславянских языков и других «неожиданных вещах» и высказал ряд «правильных суждений о прошлом и настоящем», хотя то, что он говорил о будущем, показалось английскому либералу «смутным».

Письмо Грант Даффа принцессе Виктории (позднее известна как императрица Фредерика) от 1 февраля 1879 г. было опубликовано А. Ротштейном, который обратил внимание и на упоминание о данной беседе с Марксом в «Заметках из дневника» этого политического деятеля и писателя. Письмо это вместе с другими материалами было передано в Английский королевский архив в 1945 г. ландграфиней Гессенской, дочерью императрицы Фредерики. А. Ротштейн справедливо указывает, что ни одному биографу Маркса до сих пор не был известен этот факт. В письме Грант Дафф сообщает о том, что Маркс уважительно отозвался о кронпринце и его супруге; это обстоятельство, а также иронические отзывы Маркса об авторах некоторых апологетических книг о Бисмарке, свидетельствуют, что Маркс знал, куда ведут аристократические связи его собеседника, и намеревался воспользоваться этим в тактических целях.

[2] Ibid.

народных масс, вызванный последствиями экономического кризиса, увеличением бремени военных расходов, взваливаемых на трудящихся.

Грант Дафф кратко передал и то, что Маркс говорил о несостоятельности попыток очернить социалистов, изображая их в одной компании с таким «опустившимся субъектом», как Нобилинг. Маркс давал понять, что подобные люди не имеют ничего общего с подлинными революционными деятелями, хотя часто и пытаются втереться в их среду. Он сообщал, что сам едва избежал встречи с Нобилингом, который во время пребывания в Лондоне намеревался в качестве служащего дрезденского статистического бюро нанести ему визит.

Главным в борьбе против исключительного закона Маркс, однако, считал не апелляцию к благоразумию господствующих классов, хотя и этот путь, как мы видели, он не считал излишним испробовать, а мобилизацию широких народных масс на противодействие реакционной политике Бисмарка, осуждение ее широкими общественными кругами как в Германии, так и за рубежом. Большое значение при этом Маркс придавал выражению солидарности с немецкой социал-демократией социалистов и рабочих других стран. Для этого он стремился привести в действие традиции братской взаимопомощи, утвердившиеся в рабочем движении со времени Международного Товарищества Рабочих.

В трудный период для германской рабочей партии Маркс, а также Энгельс взяли на себя роль защитников ее интересов на международной арене.

В письмах к рабочим деятелям разных стран Маркс призывал к оказанию моральной и материальной поддержки немецких социал-демократов. Он старался организовать сбор средств в пользу жертв исключительного закона, адресуясь с этой целью, в частности, к Ф. А. Зорге и близкому к социалистическим кругам журналисту Дж. Суинтону в США. «Если даже финансовые результаты были бы незначительны,— писал он 4 ноября 1880 г. Суинтону,— то осуждение нового бисмарковского *coup d'état* на открытых собраниях, которые Вы организуете и отчеты о которых будут напечатаны в американской печати и перепечатаны на другой стороне Атлантического океана, бесспорно нанесло бы удар померанскому hobereau [юнкеру] и приветствовалось бы всеми социалистами в Европе» [1].

Маркс и Энгельс считали необходимым проявить всяческую заботу о своих немецких друзьях, среди которых многие в результате запрещения социал-демократической прессы и других

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 376.

преследований остались без заработка. Через английского социалиста М. Барри Маркс и Энгельс, например, пытались договориться о корреспондентской работе в радикальных английских органах печати для В. Либкнехта [1]. При этом речь шла не только о материальной помощи Либкнехту, а также и об использовании радикальной прессы для разоблачения Бисмарка. Так, в письме Марксу в начале ноября 1878 г. Барри сообщал, что он старается договориться с редакторами о таких корреспонденциях по вопросам европейской политики, в которых Либкнехт мог бы «от случая к случаю вставлять описание германских внутренних дел» и прямо «направлять все свои атаки против Бисмарка, выступая при этом, однако, с общей [т. е. общедемократической.— *Л. Г.*], а не с чисто социалистической точки зрения» [2]. На возможность атаковать Бисмарка в печати и рассчитывал Маркс.

По рекомендации Маркса и при посредничестве Гирша сам Барри напечатал 2 октября 1878 г. в радикальной газете «Marseillaise» статью «Социалисты и правительство», в которой разоблачал французских последователей Бисмарка, помешавших созыву международного рабочего конгресса в Париже и арестовавших его организаторов [3]. В ответ на введение в октябре 1880 г. «малого осадного положения» в Гамбурге младшая дочь Маркса Элеонора послала гневное письмо в 38 лондонских и провинциальных газет с протестом против преследования социал-демократов [4].

Маркс поддержал идею посылки в США видных социал-демократов с целью сбора средств в пользу партии и разъяснения истинного положения дел в Германии. Он и Энгельс дали рекомендательные письма в адрес Ф. А. Зорге, Дж. Суинтона, американского социалиста У. Брауна и проживавшего в США бывшего чартистского лидера Дж. Дж. Гарни представителям немецкой социал-демократии Л. Фиреку и Ф. В. Фрицше, совершившим в феврале — мае 1881 г. такую агитационную поездку по городам американской республики. И хотя в своих выступлениях эти посланцы партии часто сбивались на оппортунистический тон, успех их миссии свидетельствовал, что призыв к солидарности встречал широкий отклик среди американских рабочих и немецких эмигрантов в Америке. Энгельс писал по

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 285—286, а также *Wilhelm Liebknecht.* «Briefwechsel mit Karl Marx und Friedrich Engels», S. 260.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3918.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 273, а также *В. Э. Кунина.* «Карл Маркс и английское рабочее движение». М., 1968, стр. 394.

[4] См. *О. Б. Воробьева* и *И. М. Синельникова.* «Дочери Маркса». М., 1964, стр. 111.

этому поводу, что у американских немцев, даже у буржуа, «культ Бисмарка сходит на нет» [1].

Особый вклад в разоблачение бисмарковского режима в международной печати внес Ф. Энгельс. Он писал в 1879—1881 гг. о полицейских мерах Бисмарка, его политике «кнута и пряника», сочетании «репрессий с социальными мероприятиями», вроде выдаваемого за социализм огосударствления железных дорог, введения табачной монополии и т. д., и в итальянскую социалистическую газету «La Plebe» («Исключительный закон против социалистов в Германии.— Положение в России»), и в орган французской рабочей партии «Egalité» («Социализм г-на Бисмарка»), и в английскую тред-юнионистскую газету «Labour Standard» («Бисмарк и германская рабочая партия») [2].

Маркс и Энгельс поистине стояли в центре интернациональной кампании, развернувшейся в международном рабочем движении в защиту немецкой пролетарской партии, которая подверглась бешеным атакам реакционных сил Германии.

* * *

Предметом забот Маркса и Энгельса, разумеется, было и внутреннее состояние социал-демократической партии. Они ясно сознавали, что от того, сумеет ли рабочая партия Германии выдержать этот натиск, не спасовав, не отказавшись от революционных принципов, сохранив свое революционное знамя, зависит будущность рабочего движения как в этой стране, так и в значительной мере на международной арене. Ее поражение или, что еще хуже, капитуляция явились бы сигналом к повсеместному разгрому сил рабочего класса, не говоря уже о моральном ущербе для движения. Маркс и Энгельс весьма опасались, что оппортунистическим элементам в этот критический момент удастся деморализовать и разложить партию изнутри. Отсюда и их столь острое внимание к внутрипартийным вопросам в те годы, и такое непримиримое отношение к идейным срывам.

Они верили в немецких рабочих и были убеждены, что те проявят необходимую стойкость в борьбе против исключительного закона. И революционный авангард немецкого пролетариата оправдал эти надежды. Партийные массы встретили полицейские меры с исключительной выдержкой, самообладанием, готовностью продолжать борьбу. Классовое чутье подсказывало

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 143, а также т. 36, стр. 22 и 76 (критические отзывы о поведении Фирека и Фрицше в США). Фирек информировал Энгельса о ходе поездки (см. его письма Энгельсу от 4 марта и 6 мая 1881 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4261 и 4278).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 157—158, 176—184, 289—291.

передовым рабочим и новые формы революционной работы. На месте разгромленных полицией партийных организаций повсюду возникали новые, нелегальные, налаживались подпольные связи, пропагандистская и агитационная деятельность. Использовались также и некоторые сохранившиеся легальные возможности. «Несокрушимость рабочих масс в Германии достойна восхищения» [1],— писал Энгельс Бебелю 16 декабря 1879 г.

Но если массы обнаружили верный революционный инстинкт, то далеко не все руководители партии оказались на высоте положения. У некоторых из них введение исключительного закона вызвало растерянность. Еще до его окончательного принятия рейхстагом Центральный избирательный комитет в Гамбурге, выполнявший функции Правления, объявил о самороспуске и призвал последовать своему примеру местные партийные руководящие органы. Это был по существу курс на ликвидацию партии. Для ряда социал-демократических деятелей, и в прошлом неустойчивых, изменившаяся обстановка послужила толчком к пересмотру взглядов в духе отказа от революционных методов борьбы. Выразителем этих настроений, в частности, стал Блос [2]. Ради приобретения легальной почвы Блос и другие оппортунисты трусливо готовы были ограничить программу партии демократическими требованиями, дозволенными законом. Для тех, кто и раньше выступал в реформистском духе (Фроме, Грилленберг, Кайзер и др.), исключительный закон дал лишний повод ратовать за умеренность, за поддержку в отдельных вопросах политики Бисмарка. 17 мая 1879 года социал-демократический депутат М. Кайзер с согласия фракции выступил в защиту правительственного проекта введения покровительственных таможенных пошлин в интересах крупных капиталистов и аграриев. Маркс считал речь Кайзера позорной [3]. Резкой критике подверг поведение Кайзера Гирш на страницах издававшегося им с 15 декабря 1878 г. в Бельгии небольшого по формату социал-демократического еженедельника «Die Laterne».

Одновременно в рядах партии оживились сектантско-анархистские тенденции. Питательной средой и того и другого уклона, как правого, так и левого, явились мелкобуржуазные элементы, проникшие в партию, влияние непролетарской идеологии. Неслучайно носителями сектантско-анархистских настроений оказались многие сторонники реформистских взглядов Дюринга

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 341.

[2] См., например, его письмо Энгельсу 4 февраля 1881 г., полное неверия в силы партии, в ее способность действовать в нелегальных условиях (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4245).

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 327.

и в первую очередь И. Мост, а также бывший лидер лассальянцев В. Гассельман. Анархистские настроения усилились также в рядах австрийской социал-демократии.

Высланный в конце 1878 г. из Берлина во время введения там «осадного положения» Иоганн Мост выехал в Лондон, где взял на себя по поручению лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих редактирование еженедельной газеты «Freiheit». Она начала выходить в январе 1879 года. Первоначально газета выступала против правооппортунистических шатаний, в поддержку начавшейся в Германии борьбы против исключительного закона. Однако она не удержалась на этих позициях и вскоре стала рупором анархистских взглядов Моста и его группы. Обвинение в оппортунизме газета распространила на все партийное руководство. Так, уже в мае 1879 г. газета стала публиковать серию передовых статей под заглавием «Является ли социал-демократия революционной партией?», в которой позиция руководящих партийных деятелей истолковывалась как отречение от их революционных высказываний в прошлом [1]. От попыток бросить тень на лидеров партии редакция «Freiheit» перешла к прямым инсинуациям и выпадам, не пощадив даже Бебеля [2]. В статье ««Новая» и «старая» партия» ставился вопрос о необходимости создания новой партийной организации ввиду якобы разложения и упадка прежней. «Остатки старой партии..,— заявлял автор статьи,— увядают», а «новая» (подпольная) партия бурно развивается» [3]. Таким образом здесь обвинение в реформистском перерождении бросалось уже в адрес всей партии и выдвигалось требование порвать с ее традициями.

Мост и его единомышленники навязывали социал-демократии сектантско-авантюристическую тактику. Они выступали против легальных форм деятельности партии: участия в выборах, использования трибуны рейхстага. «Парламентаризм не имеет... для социал-демократии больше *никакого* значения» [4],— провозглашала газета Моста. «Выборы для нас» при сложившихся условиях «дело в высшей степени второстепенное»,— писала редакция газеты, ориентируя социал-демократических рабочих на «неминуемый бросок против государства и общества» [5]. Мост и его группа призывали к «прямым действиям», к организации открытых столкновений с властями. «К делу же, проле-

[1] См. «Freiheit», 3, 10 и 17. V. 1879.

[2] См., например, «Freiheit», 24. IV. 1880 (заметка на 4 стр. с обвинением Бебеля в ура-патриотизме).

[3] «Freiheit», 28. VI. 1879.

[4] «Freiheit», 25. X. 1879.

[5] «Freiheit», 17. I. 1880.

тарии, батальоны труда!» — восклицала газета, демагогически призывая покончить с «пустыми разговорами»[1]. В заявлениях самого Моста развивались волюнтаристские идеи, отрицалась необходимость сочетания курса на подготовку масс к социалистической революции с борьбой за ближайшие задачи партии, в том числе за прогрессивные реформы. Общество объявлялось подготовленным для немедленного коммунистического переворота[2]. Не было недостатка, разумеется, и в крикливой, ультрареволюционной фразе. ««Freiheit» трещит без умолку о революции огнем и мечом»[3],— с негодованием писал Энгельс Беккеру 1 июля 1879 г. по поводу этой псевдореволюционной болтовни.

В письмах ко многим рабочим деятелям Маркс и Энгельс решительно отмежевались от группы Моста, который распространял слухи о том, что он якобы пользуется их поддержкой[4]. В письме Зорге 19 сентября 1879 г. Маркс специально указал на те пороки в позиции Моста и его группы, которые наносили большой вред партии: критиканство вместо серьезной критики правооппортунистических ошибок, использование этих ошибок для публичного скандала с целью дискредитации руководства партии, поощрение заговорщических и авантюристических тенденций, дававших пищу бисмарковским властям для полицейских провокаций. «Мы ставим в вину Мосту не то, что его «Freiheit» *слишком революционна*. Мы обвиняем «Freiheit» в том, что в ней нет *никакого революционного содержания*, а только одни *революционные фразы»*[5],— писал Маркс. Позднее, когда Мост еще больше проникся анархистскими идеями, Маркс решительно осудил «мальчишескую манеру» его и других «ребячливых крикунов» проповедовать индивидуальный террор в качестве некой универсальной революционной «панацеи»[6].

Маркс и Энгельс одобрили борьбу руководителей социал-демократии против сектантско-анархического течения. Но вместе с тем они постоянно обращали внимание на необходимость разоблачения и правого оппортунизма.

[1] «Freiheit», 31. VII. 1880.

[2] См. *I. Most*. «Offener Brief an die Wähler des V. Berliner Reichstagswahlkreises». «Freiheit», 15. V. 1880. Будучи противником участия социал-демократов в выборах и в деятельности рейхстага, Мост тем не менее дал согласие выставить свою кандидатуру на дополнительных выборах в качестве, как сам он писал, революционного «лозунга».

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 299.

[4] О попытках Моста прикрыться авторитетом Маркса и Энгельса см. *А. Бебель*. «Из моей жизни», М., 1963, стр. 627.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 325, см. также письма Ф. Энгельса Гугенхейму 16 июня 1879 г., Эд. Бернштейну 26 июня 1879 г., И. Ф. Беккеру 1 июля и 19 декабря 1879 г., а также 1 апреля 1880 г. (там же, стр. 294, 297—299, 344, 349).

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 147—148.

Представители революционно-пролетарского большинства партии — Бебель, Либкнехт, Зингер, Бракке и др. сумели в критический момент найти правильную революционную линию. Бебель и его соратники обнаружили умение не только руководить массами, но и учиться у них, прислушиваться к их голосу, подхватывать и развивать их революционную инициативу. Раньше других Бебель понял ошибочность решения Правления партии о самороспуске и необходимость выработки новых форм партийной деятельности. Это была нелегкая задача, впервые вставшая перед массовой рабочей партией. Опираясь на передовых рабочих, Бебель приложил огромные усилия к воссозданию партийных организаций. Возглавленный им Центральный комитет помощи высланным членам партии в Лейпциге взял на себя функции руководящего органа и стал направлять всю деятельность социал-демократов по созданию нелегальных партийных организаций. Одновременно партия продолжала использовать и некоторые сохранившиеся легальные возможности, в первую очередь парламентскую трибуну. «Партия под руководством Бебеля и Либкнехта,— писал В. И. Ленин,— научилась соединять нелегальную и легальную работу» [1]. В первый же год действия исключительного закона вышла в свет и знаменитая книга Бебеля «Женщина и социализм», сыгравшая серьезную роль в распространении социалистических идей.

Правильно уловив насущные потребности рабочего движения, Бебель не сразу понял, однако, размеры той опасности, которую представлял в новых условиях для партии правый оппортунизм. Он, например, весьма болезненно реагировал на критику Гиршем выступления Кайзера. Недооценку борьбы с реформизмом обнаружил и Либкнехт. Под влиянием оппортунистов он даже заявил в рейхстаге 17 марта 1879 г., что социал-демократия будет соблюдать исключительный закон как партия реформ. Маркс и Энгельс немедленно выразили Либкнехту свое недоумение по этому поводу [2].

На разлагающее влияние реформистских элементов в партии Маркс и Энгельс обращали внимание еще задолго до принятия исключительного закона. Они с тревогой подмечали, как среди определенных партийных кругов, в первую очередь выходцев из непролетарской среды — чиновников, служащих, студентов — обнаруживаются идейные шатания, увлечения модными буржуазными и мелкобуржуазными теориями, стремление эклектически соединять их с марксизмом, а нередко и прямо заменить

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 367—368.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 298. Сохранилась сделанная Энгельсом выписка из этой речи с упомянутым заявлением (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 401).

марксизм идеями Лассаля, Родбертуса, катедер-социалистов, Дюринга и др. «В Германии в нашей партии,— писал Маркс в октябре 1877 г. Зорге,— не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью» [1]. В распространении оппортунистических веяний Маркс сразу же усмотрел влияние оборотной стороны готского объединения, непозволительных теоретических уступок лассальянцам. Включение несостоятельных лассальянских догм в партийную программу искусственно поддерживало их живучесть, создало атмосферу примиренчества к антипролетарской идеологии. «Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами»,— отмечал Маркс в том же письме.

Одним из серьезных идейных срывов было увлечение значительной части образованной верхушки партии взглядами вульгарного философа и экономиста Евгения Дюринга. Однако и после того, как благодаря выступлению Энгельса, дюрингианству был нанесен сокрушительный удар [2], задачу борьбы с антипролетарскими, мелкобуржуазными влияниями в партии Маркс и Энгельс далеко не считали окончательно решенной. Ряд бывших дюрингианцев нашел себе прибежище в основанном в конце 1877 г. так называемом Мавританском клубе в Берлине. Участники этого клуба — Л. Фирек, К. А. Шрамм, Эд. Бернштейн, К. Хёхберг и др.— пытались влиять в реформистском духе на пролетарские массы [3].

Не удовлетворяло Маркса и Энгельса и направление некоторых органов партийной печати, особенно теоретических журналов. Резко критические отзывы вызвали, например, у Маркса программный проспект и статьи первого же номера издававшегося в Берлине с октября 1877 г. К. Хёхбергом двухнедельного журнала «Zukunft. Sozialistische Revue». «Редко появлялось на свет божий что-либо более жалкое» [4],— писал он об этом Зорге. Редактора этого журнала Маркс считал обычным буржуазным демократом, который «вкупается в партию и хочет переделать ее по своему образу и подобию» [5].

Весьма беспокоило Маркса и Энгельса и то обстоятельство, что руководители партии, особенно Либкнехт, недооценивали

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 234.

[2] Подробно см. *А. Б. Чернов.* «Из истории борьбы против дюрингианства в германской социал-демократии» в сб. «Германское рабочее движение в новое время». М., 1962.

[3] Об этой деятельности клуба писал и сам его участник Эд. Бернштейн (см. «Социал-демократические годы учения (1872—1888)». М.—Л., 1930, стр. 55—56).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 235.

[5] Там же, стр. 54.

важность борьбы с оппортунистическими течениями, терпели их представителей в редакциях газет и журналов, а нередко и выгораживали перед «стариками» в Лондоне. А между тем в период, когда началась полоса суровых испытаний, правооппортунистические элементы своей капитулянтской политикой фактически создали кризис в партии, грозивший подрывом ее единства и отказом от выдержанной революционной политики. Осознать в полной мере эту опасность помогли, однако, Бебелю и Либкнехту и другим лидерам лишь энергичные и решительные действия Маркса и Энгельса.

Примиренчество руководства партии к правому оппортунизму проявилось в чрезвычайно важном вопросе о составе редакции центрального органа. Издавать его при существующем положении можно было только за границей. Редактором предполагалось назначить Гирша, но во время переговоров с ним выяснилось, что помимо редакционной комиссии в Лейпциге, куда войдут Бебель и Либкнехт, должен существовать еще наблюдательный или административный комитет на месте издания газеты, в Цюрихе, в составе реформистов Хёхберга и бывших дюрингианцев — Бернштейна и Шрамма. Такая структура редакции, да еще и финансовая зависимость будущей газеты от Хёхберга обеспечивали цюрихской группе решающее влияние на ее направление. Узнав о том, как обстояло дело, Маркс и Энгельс одобрили отказ Гирша от редакторского поста и взяли назад свое обещание сотрудничать в газете. В письме Бебелю от 4 августа 1879 г. Энгельс от своего и Маркса имени решительно заявил, что они не будут иметь никакого дела с партийным органом, поставленным под контроль «социал-*филантропа»* Хёхберга [1].

Руководители социал-демократии на первых порах не поняли смысла позиции Маркса и Энгельса. Бебель и Либкнехт считали, что они введены в заблуждение Гиршем, несправедливы к Хёхбергу и его друзьям, не вполне ориентированы в ситуации, сложившейся в Германии. Однако мнение Маркса и Энгельса о цюрихской группе вскоре получило наглядное подтверждение. В сентябре 1879 г. в Цюрихе вышел первый номер издаваемого Хёхбергом журнала «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». В нем была напечатана статья «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии», помеченная вместо подписи тремя звездочками. Как вскоре выяснилось, авторами были: К. Хёхберг, Эд. Бернштейн и К. А. Шрамм.

Статья являлась своего рода манифестом всех правых оппортунистов. «Никогда еще не появлялось в печати ничего более

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 302.

позорного для партии»,— отмечал Маркс в письме Зорге по поводу произведения этого «тройственного созвездия» [1]. В статье осуждалась вся прошлая революционная деятельность социал-демократии, в том числе ее поддержка Парижской Коммуны. Авторы предъявляли партии обвинение в том, что «несоблюдением умеренности» она навлекла на себя исключительный закон. Они призывали отказаться от революционных целей, приспособиться к бисмарковскому полицейскому режиму. Покушаясь на пролетарский характер партии, на ее идейные принципы, Хёхберг, Бернштейн и Шрамм осуждали и выступления против буржуазии, заявляли о необходимости предоставлять руководящие посты в партии буржуазной интеллигенции ввиду недостаточной образовательной подготовки рабочих.

Маркс и Энгельс были возмущены содержанием и филистерским тоном статьи. Приехавшему в Лондон Хёхбергу — не без намерения склонить их на свою сторону — Энгельс (Маркс отдыхал в это время в Рамсгете) высказал свое отношение к его позиции напрямик. Маркс и Энгельс решили, что назрела необходимость *«резко* и *не стесняясь»,* как писал Маркс, сообщить свое категорически отрицательное мнение о цюрихской тройке и поставить вопрос о пересмотре состава редакции центрального партийного органа [2]. Свою роль идейных вождей рабочего движения Маркс и Энгельс отнюдь не понимали в духе пассивного наблюдения за его ходом со стороны. Проявляя такт, высказывая свое мнение руководителям рабочих партий. как правило, в форме советов и рекомендаций, они не могли ограничиться этим в данном случае, когда речь шла об угрозе подорвать самую классовую основу партии, опошлить ее теорию и тактику.

По согласованию с Марксом Энгельс составил проект «Циркулярного письма» на имя Бебеля, Либкнехта, Бракке и других лидеров социал-демократии. После того как Маркс вернулся в Лондон, текст письма был обсужден с ним, и в окончательно оформленном виде оно было отправлено за их совместной подписью. Содержание этого документа, датированного 17—18 сентября, Маркс изложил и в письме Зорге от 19 сентября 1879 года.

В выступлении Маркса и Энгельса содержалось категорическое, своего рода ультимативное требование к руководству партии, которому недвусмысленно давалось понять, что они не примирятся с навязыванием партии линии цюрихских оппортунистов и вынуждены будут публично отмежеваться от нее, если

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 327.
[2] См. там же, стр. 87.

эта линия будет проводиться в новом печатном органе. «Маркс и Энгельс из Лондона обрушились бешено против позорных оппортунистических шатаний» [1],— писал по поводу их позиции В. И. Ленин. Но и при этих исключительных обстоятельствах они не позволили себе ни начальственного окрика, ни распекания и угроз. Тон их обращения к руководителям партии носил характер строгого, но товарищеского предупреждения. Если это и был своего рода ультиматум, продиктованный остротой ситуации, то отнюдь не в том смысле, в каком употребляется этот термин, когда речь идет о взаимоотношениях между противниками и один из них требует от другого капитуляции.

Раскрывая в «Циркулярном письме» классовую природу того направления, идеологами которого выступила цюрихская тройка, Маркс и Энгельс отмечали: «Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может «зайти слишком далеко»» [2]. Полное или даже частичное принятие защищаемого цюрихским трио курса грозит партии, указывали авторы «Циркулярного письма», превращением из передового отряда рабочего класса, организатора его классовой борьбы, в одну из мещанских фракций политиканов, подменяющих великие революционные цели движения требованием «мелкобуржуазных реформ-заплат» [3]. Допущение подобных, чуждых пролетарской партии элементов, которым вообще не место в ее рядах, к руководству равносильно, подчеркивали Маркс и Энгельс, отказу от ее революционного классового характера.

В письме были развиты важнейшие положения марксистского учения о пролетарской партии, освещены многие вопросы партийного строительства. Была подчеркнута необходимость для партии рабочего класса неизменно придерживаться революционной тактики, вытекающей из ее революционной цели — социалистического преобразования общества. Важные мысли были высказаны о необходимости отстаивать чистоту идейного знамени партии, добиваться идейного и политического единства ее рядов на базе революционного пролетарского мировоззрения, не допускать засорения ее состава классово чужеродными элементами. Не закрывая двери в партию для выходцев из других классов, указывали авторы «Циркулярного письма», необходимо следить, чтобы они не проносили с собой буржуазные взгляды, представления, предрассудки, чтобы они усваивали пролетарскую

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 367.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 172.
[3] См. там же, стр. 173.

идеологию. Только при таком условии эти элементы могут действительно принести партии не деморализацию и разложение, а пользу, содействовать просвещению ее членов.

В письме Маркс и Энгельс раскрыли ошибочность позиции руководителей партии при комплектовании редакции партийной газеты. Своей готовностью идти на уступки оппортунистическим элементам они поставили под вопрос выдержанное революционное направление будущего органа, который должен был играть роль рупора всей партийной политики и одного из главных средств борьбы против исключительного закона. При этом в своей критике Маркс и Энгельс делали строгое различие между руководством партии, которое они осудили за недооценку угрозы распространения оппортунизма, и носителями оппортунистических взглядов, подлежащих, по их мнению, самому решительному разоблачению.

Предупреждение Маркса и Энгельса возымело свое действие. Руководители социал-демократической партии — одни довольно быстро, другие постепенно — осознали неприемлемость позиции Хёхберга и его единомышленников. «Циркулярное письмо» помогло Бебелю и другим немецким лидерам более трезвыми глазами взглянуть на печатные выступления цюрихской группы. «В тот момент, когда я уже собирался отправить Вам этот ответ,— писал Бебель Энгельсу 23 октября 1879 г.,— я получил бандеролью часть рихтеровского «Ежегодника», в котором оказалась нашумевшая статья. Я прочел ее и понимаю Ваше возмущение. Не говоря уже о принципиальных ошибках, это — нравоучительное сочинение, хуже которого мне никогда не приходилось читать»[1]. Бракке, познакомившись с «Циркулярным письмом» и с «манифестом» цюрихской тройки, выразил в письме Марксу от 27 октября 1879 г. свою полную солидарность с первым документом, а второй оценил как попытку «подорвать основы партии, угрожать самому ее *существованию*»[2]. Фрицше и Либкнехт также написали Энгельсу, что они «никоим образом не могут одобрить» статью Хёхберга и его соавторов[3].

28 сентября 1879 г. в Цюрихе вышел в свет первый пробный номер еженедельной газеты «Der Sozialdemokrat», в редакционный комитет которого вошли Бебель, Либкнехт и Фрицше. Но главным редактором был назначен Георг Фольмар, в будущем оказавшийся одним из лидеров правооппортунистического крыла партии. Несмотря на то, что в письме к Энгельсу он обещал

[1] *А. Бебель.* Цит. соч., стр. 636.

[2] *Karl Marx, Friedrich Engels.* «Briefwechsel mit Wilhelm Bracke», S. 208.

[3] F. W. Fritzsche und W. Liebknecht an F. Engels. 21. X. 1879. *Wilhelm Liebknecht.* «Briefwechsel...», S. 274.

вести газету в духе «Циркулярного письма» [1], на деле «Sozialdemokrat» при его редакторстве (с сентября 1879 по декабрь 1880 г.) то и дело допускал оппортунистические ошибки. Уже в передовой статье пробного номера главный акцент делался на борьбе против левого сектантства, но ничего не говорилось об опасности реформистских, правооппортунистических настроений. Правда, автор статьи заявлял, что он рассматривает социал-демократию как *«революционную партию в подлинном и лучшем значении этого слова»* и что он не считает возможным осуществление ее цели — радикального изменения общества — только «министерским и парламентским путем» [2].

Однако революционные способы борьбы Фольмар считал только временными, действительными лишь в период репрессий. Немецкий исследователь Х. Бартель справедливо считает, что тогдашний редактор «Sozialdemokrat» уже в то время руководствовался принципом, которому он позднее, в 1891 г., придал известную формулу: «злой воле — кулак, доброй — протянутая ладонь» [3]. В одном из январских номеров 1880 года редакция «Sozialdemokrat», например, заявляла, что средства, применяемые социал-демократией, диктуются самими господствующими классами и что она «предоставляет своим врагам выбор пути, которым будет осуществляться необходимое преобразование государства и общества» [4]. Идее о том, что тактика пролетарской партии зависит от конкретных условий и во многом определяется образом действия самих эксплуататоров, Фольмар придал такое толкование, из которого вытекал по существу отказ от революционных, наступательных методов борьбы, в случае если правящая юнкерско-буржуазная верхушка пойдет на смягчение режима и откажется от чрезвычайных мер. Позиция Фольмара заранее ориентировала на реформистскую политику, как только партия выйдет из подполья. Нет ничего удивительного поэтому в том, что Маркс и Энгельс весьма критически отнеслись к Фольмару как редактору газеты. «Его газета «Sozialdemokrat» немногого стоит» [5],— отзывался Маркс о цюрихском органе в письме Зорге 14 ноября 1879 г.

Однако если содержание газеты оставляло первое время желать много лучшего, то методы ее распространения уже тогда сыграли крупную роль в налаживании подпольной революционной деятельности партии. Большая группа партийных активистов

[1] См. Фольмар — Энгельсу, 23 октября 1879 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 4092.
[2] См. «Der Sozialdemokrat», 28. IX. 1879.
[3] *H. Bartel*. Op. cit., S. 48—50.
[4] «Der Sozialdemokrat», 25. I. 1880.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 335.

обеспечивала, несмотря на все полицейские рогатки, регулярную нелегальную доставку газеты «Sozialdemokrat» из Цюриха в Германию. Особенно проявил себя на посту руководителя этой «красной полевой почты» Юлиус Моттелер. Систематический выпуск газеты постоянно напоминал пролетарским массам, что партия существует и действует наперекор всем репрессивным мерам «железного канцлера» [1].

О преодолении известной растерянности и колебаний в руководящих кругах партии, вызванных исключительным законом, свидетельствовал ее первый партийный съезд, созванный в новых условиях. Он состоялся 20—23 августа 1880 г. в Швейцарии, в замке Виден. Съезд прошел под знаком борьбы против отклонений от революционной линии. Лидеры анархиствующих элементов — Мост и Гассельман — были исключены из партии. В противовес правым в Готскую программу была внесена поправка: в пункте, где говорилось, что партия будет добиваться своих целей «всеми законными средствами», слово «законными» было вычеркнуто. Центральным органом партии съезд утвердил газету «Der Sozialdemokrat» [2].

Маркс и Энгельс с удовлетворением восприняли итоги съезда в Видене. В конце сентября 1880 г. в Лондон приехал Либкнехт, информировавший их о положении дел. Об этом Маркс сообщил 5 ноября Зорге, не упоминая в письме из конспиративных соображений о созыве съезда, но давая понять, что партией приняты важные решения [3]. Однако склонность Либкнехта изображать состояние партии в чересчур розовых красках, затушевывая, в частности, неблагополучие в «Sozialdemokrat», вызвало весьма критическое отношение Маркса и Энгельса.

Вскоре и Бебель пришел к выводу о необходимости замены Фольмара. Последний и сам стал тяготиться своими редакторскими обязанностями и подал в отставку. Для того чтобы обсудить с Марксом и Энгельсом вопрос о новом редакторе — предполагалось, что им будет Гирш,— Бебель решил совершить в первой половине декабря 1880 г. поездку в Лондон. До этого он не имел случая лично встречаться с основоположниками научного коммунизма. Он пригласил с собой и одного из трех цюрихцев — Бернштейна, который в это время под влиянием критики Маркса и Энгельса отказался от реформистских взглядов.

[1] См. об этом упомянутые работы Э. Энгельберга и Д. Фрикке, а также книгу: *K.-A. Hellfaier*. «Die deutsche Sozialdemokratie während des Sozialistengesetzes 1878—1890». Berlin, 1958.

[2] Постановления съезда в Видене см. «Protokoll des Kongresses der deutschen Sozialdemokratie. Abgehalten auf Schloß Wyden in der Schweiz vom 20. bis 23. August 1880». Zürich, 1880.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 377.

Будущее показало, однако, что это отречение явилось лишь временным, и на революционных позициях Бернштейн мог удерживаться только под постоянным воздействием Энгельса, став после его смерти одним из идеологов ревизионизма. Однако в момент своего путешествия в Лондон Бернштейн действительно признал ошибочность позиции цюрихской группы. В Лондоне находился в то время и Гирш, должен был прибыть и Зингер. Таким образом складывалась весьма благоприятная обстановка для обсуждения с Марксом и Энгельсом партийных дел.

Бебель пробыл в Лондоне с 9 декабря до середины этого месяца. Немецкие гости жили в доме Энгельса, они часто бывали у Маркса. Они были окружены гостеприимством и радушием. Маркс и Энгельс с первых же минут дали почувствовать Бебелю свою личную симпатию, перейдя в разговоре с ним на «ты». Атмосфера откровенности и сердечности, в которой протекали эти встречи в Лондоне, полностью опровергла те слухи, которые распускали о Марксе его недоброжелатели, изображавшие его нетерпимым человеком, требовавшим беспрекословного повиновения и покаяния от всех, кто в чем-либо отступил от его предписаний. Недаром в своих воспоминаниях Бебель в шутку назвал свою поездку «путешествием в Каноссу». По существу же воспоминания Бебеля о его встречах с Марксом, с больной женой Маркса и его дочерьми проникнуты теплотой и гордостью за вождя пролетариата, который производил на своих партийных товарищей сильнейшее впечатление именно своей доступностью и человечностью.

В беседах Маркса и Энгельса с Бебелем и его спутниками были обсуждены многие партийные вопросы. Позднее Бебель писал: «Мы покинули Лондон, вполне удовлетворенные результатами нашей поездки» [1].

Редактором «Sozialdemokrat» ввиду отказа Гирша был назначен Бернштейн. Уход с этого поста Фольмара положительно сказался на газете. В письме к ее новому редактору от 2 февраля 1881 г. Энгельс отмечал, что номера, вышедшие после нового года, «свидетельствуют о значительном прогрессе» [2]. Благодаря помощи Энгельса — с декабря 1881 г. началось его постоянное сотрудничество в газете — «Sozialdemokrat» был превращен в боевой пролетарский орган печати, глашатай борьбы за принципы научного коммунизма, против реакционного бисмарковского режима.

Несмотря на репрессии, немецкая партия сумела укрепить свои ряды, найти правильные, революционные методы и формы

[1] *А. Бебель.* Цит. соч., стр. 723.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 125.

борьбы, добиться усиления своего влияния в массах. На выборах 1881 года ей удалось провести в рейхстаг 12 депутатов — такое же число, какое было проведено в 1877 г., когда партия действовала в легальных условиях [1]. Своим исключительным законом Бисмарк не только не сумел поколебать позиции революционной социал-демократии, но и достиг противоположных результатов. Революционные тенденции в партии усилились, мелкобуржуазные элементы были оттеснены на задний план. «Дела в Германии идут в общем превосходно,— писал Энгельс 20 июня 1882 г. Ф. А. Зорге.— Правда, господа партийные литераторы пытались вызвать в партии реакционно-буржуазно покорный интеллигентский поворот, но с треском провалились...» [2].

Развитие революционной немецкой социал-демократии шло по пути, намеченному Марксом и Энгельсом. Сталкиваясь со многими внешними и внутренними трудностями, не всегда легко и быстро преодолевая их, немецкое рабочее движение тем не менее становилось все более мощным фактором в политической жизни Германии и оказывало все большее влияние на развитие пролетарской борьбы в других странах. В боевой партии немецкого пролетариата торжествовали принципы, выдвинутые Марксом,— человеком, который стоял еще у истоков освободительной борьбы немецких рабочих. Именно такое революционное направление развития освободительного движения немецкого пролетариата обусловило провал всех попыток реакции задушить его, заставило правящие классы, убедившиеся в несостоятельности бисмарковского исключительного закона, отменить его в 1890 году.

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik». T. I, S. 125.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 276.

З. В. Чернуха

МАРКСИЗМ И ФРАНЦУЗСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х гг. XIX в.

70-е годы XIX века были переходным периодом во французском рабочем движении, периодом разрыва со старым французским социализмом и преодоления прудонизма, пользовавшегося до этого преобладающим влиянием, а также иных мелкобуржуазных догм, периодом подготовки и, наконец, создания пролетарской социалистической партии.

Исходным рубежом нового этапа явилась Парижская Коммуна. «...Коммуна была могилой *старого,* специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма» [1].

Однако распространение и утверждение марксистского учения во Франции проходило в чрезвычайно сложной обстановке. После подавления Парижской Коммуны Франция переживала период жестокой реакции. Массовое истребление лучших сынов рабочего класса и вынужденная эмиграция уцелевших деятелей Коммуны сильно обескровили французский пролетариат. Рабочее движение попытались прибрать к рукам кооператоры и радикалы. Мелкобуржуазные течения во французском социалистическом движении возрождались в новых формах — прудонизм в форме кооператорства, а известной разновидностью бакунизма явился анархо-синдикализм. Питательной почвой им служили многочисленные мелкобуржуазные прослойки в городе и в деревне. Марксизм прокладывал себе дорогу во Франции в борьбе с реформизмом, анархизмом, реакционным кооператорст-

[1] Энгельс — Бебелю. 29 октября 1884 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 196.

вом, с пережитками домарксовского социализма. Эта борьба проходила сначала в период республики контрреволюционной версальской буржуазии, которая с мстительной жестокостью расправлялась с побежденными, а затем — «республики без республиканцев» Тьера и Мак-Магона.

Многие историки считают период 1871—1873 гг. «самым мрачным, самым унылым во всей истории социалистической борьбы во Франции» [1]. Может быть, поэтому в исследованиях по истории рабочего движения ему уделено чрезвычайно мало места. А между тем в эти годы неуклонно продолжался процесс проникновения марксизма в сознание передового пролетариата, формирования кадров пролетарских революционеров, соединения социализма с рабочим движением.

* * *

Беспощадное подавление Парижской Коммуны поставило французское рабочее движение в особо тяжелые условия.

Организации рабочих были разгромлены и жестоко преследовались. Во многих городах было введено осадное положение. Версальское правительство организовало массовую судебную расправу над коммунарами. Судебные процессы участников Коммуны, начавшиеся в августе 1871 г., продолжались и в последующие годы [2]. В общей сложности военные суды вынесли более 50 тысяч приговоров за участие в Коммуне, присуждая к расстрелам, тюрьмам и ссылкам в Новую Каледонию [3]. 14 марта 1872 г. французское правительство приняло закон против Интернационала (так называемый закон Дюфора).

Потери пролетариата были огромны. Лучшие сыны погибли на баррикадах или пали жертвами террора. Среди них Делеклюз и Домбровский, Варлен и Леллье, Ферре и Риго и много других борцов. Количество расстрелянных точно не установлено. Историки дают разные цифры: от 17 до 40 тысяч [4]. Причем было расстреляно около 10 тысяч «самых передовых элементов пролетариата той эпохи» — 2664 слесаря, 1879 столяров, 2393 каменщика, 2901 поденщик [5]. Особенно сильно поредели ряды парижского пролетариата, принявшего на себя весь удар контрреволюции. В статье «Памяти Коммуны» В. И. Ленин писал:

[1] *П. Луи.* «История социалистической партии во Франции». М., 1923, стр. 1.

[2] Отдельные процессы проходили в 1876 и даже в 1877 годах.

[3] «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, М., 1961, стр. 539.

[4] Энгельс в письме к матери 21 октября 1871 г. писал о «совершенном версальцами убийстве 40 000 мужчин, женщин и детей *после* того, как у них было отнято оружие» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 257).

[5] *L. Figuères.* «Le 70e anniversaire du Parti Ouvrier Français». «Cahiers du communisme». 1952, № 10, p. 993.

«Около 30 000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45 000 арестовано и многие из них впоследствии казнены; тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100 000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий» [1].

Уцелевшие коммунары и деятели рабочего движения вынуждены были эмигрировать в разные страны. Большинство направилось в Лондон, где находился штаб пролетарских сил в лице Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, руководимого Марксом; другие группы эмигрантов обосновались в Швейцарии, Бельгии, Испании.

В Лондоне нашли убежище видные деятели Парижской Коммуны. Лучшие представители героического пролетариата были введены в Генеральный Совет. Кроме прежних членов Совета от Франции — Эжена Дюпона и Огюста Серрайе (который тоже принимал участие в Парижской Коммуне), его состав значительно пополнился за счет прибывших коммунаров. Это были главным образом бланкисты — Арно, Курне, Маргерит, Мартен, Ранвье, Вайян и примыкавшие к ним Жоаннар, Ле Муссю, а также левые прудонисты Лонге, Делаэ и позднее Тейс. Таким образом, в этот период Генеральный Совет состоял на $^1/_4$ из французских революционеров, что являлось своего рода данью уважения Парижской Коммуне. Вошедшие в Совет бланкисты вплоть до Гаагского конгресса поддерживали Маркса и его сторонников.

История французских эмигрантских организаций в Лондоне весьма типична. Разношерстные по своему социальному составу, теряющие связь с родиной, эмигранты в массе своей были оторваны от рабочего движения во Франции, которое постепенно возрождалось после разгрома Коммуны. Вместе с тем среди них существовало левое крыло, которое объединилось вокруг Маркса. Личное общение с Марксом и Энгельсом, изучение их трудов, участие в теоретических дискуссиях, проводимых Генеральным Советом, оказали большое влияние на идейное развитие пролетарских революционеров, оказавшихся в эмиграции. Это помогло в дальнейшем ряду видных деятелей Парижской Коммуны, в частности Камелине, найти пути в Рабочую партию, заставило Тейса отказаться от своих прудонистских убеждений, а бланкиста Вайяна ближе подойти к пониманию марксистского учения и т. д. Сгруппировавшиеся вокруг Маркса коммунары-эмигранты прошли хорошую школу политической подготовки, способствовали установлению новых международных связей и внесли свой вклад в развитие французского рабочего движения.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 221.

Кровавые уроки Парижской Коммуны не прошли бесследно для французского рабочего класса. Получаемые Генеральным Советом письма из Франции свидетельствовали о глубоком воздействии Парижской Коммуны на французский пролетариат. В одном из них отмечалось, что «Коммуна сделала для развития рабочего класса больше, чем все предшествующее движение. Даже в сельских округах народ начинает смотреть на погибших во имя Коммуны как на мучеников. Коммуна доказала, что рабочий класс способен к самоуправлению» [1]. В движение стали вовлекаться новые слои рабочего класса, разбуженные героическими коммунарами Парижа, первыми в истории осуществившими опыт диктатуры пролетариата. «Провозглашение Парижской Коммуны дало невиданный доселе толчок росту Интернационала вширь» [2]. Коммуна явилась также пробным камнем для различных течений во французском социалистическом движении. В огне борьбы проверялась правильность тех или иных теорий.

Серьезно дискредитирована была социальная доктрина Прудона, ибо опыт Парижской Коммуны показал, что рабочий класс может установить свою власть только революционным путем. А предательство правого прудониста Толена, одного из руководителей парижских секций Интернационала, который открыто перешел в лагерь врагов Коммуны, нанесло и огромный моральный удар прудонизму. Престиж прудонистов, составлявших большинство и игравших ведущую роль во французских секциях Интернационала до Парижской Коммуны, оказался подорванным. Интенсивнее пошел процесс сближения левого крыла прудонистов, сторонников участия в политической борьбе и защитников коллективной собственности на землю, с марксистскими деятелями Интернационала. В лице Варлена, Тейса, Ш. Лонге и других левые прудонисты еще до Парижской Коммуны обнаружили тяготение к марксизму [3].

Существенную эволюцию претерпели и бланкисты. Лучшие из них пошли по пути сближения с марксизмом. Часть бланкистов во главе с Вайяном, Курне, Арно и Ранвье после Парижской Коммуны примкнула к марксистским элементам Генерального Совета. В какой-то мере бланкисты поняли порочность своей изолированности от рабочего класса, вытекавшей из их теории, что революцию делает лишь круг избранных, хорошо законспирированных лиц, состоящих в заговорщической организации. Парижская Коммуна доказала, что никакая революция

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872». М., 1965, стр. 40.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 40.

[3] См. «Первый Интернационал». Ч. I. М., 1964.

невозможна без самого активного, самоотверженного участия трудящихся масс. Объективная логика классовой борьбы, а также участие в Генеральном Совете и личное общение с Марксом и Энгельсом имели большое значение для теоретического развития многих из них. Бланкисты значительно расширили свои связи с французским рабочим классом, отказались от некоторых ошибочных убеждений и включили в свою программу ряд социалистических принципов [1]. Они сыграли в период до Гаагского конгресса положительную роль в реорганизации ряда секций Интернационала во Франции и в первую очередь в создании секции Ферре в Париже.

С другой стороны, Интернационал, который с самого начала встал на защиту Парижской Коммуны и отстаивал ее от нападок всех врагов, не только не растерял своего влияния, а наоборот, укрепил свой авторитет. Парижская Коммуна ускорила победу научного коммунизма над различными формами домарксовского мелкобуржуазного социализма. Только марксизм оказался в состоянии обобщить опыт Коммуны, извлечь уроки из поражения рабочего класса и вооружить его новыми важнейшими теоретическими положениями. Показателем глубокого проникновения идей Интернационала в среду борющегося пролетариата явился тот факт, что восстановление рабочих организаций началось с воссоздания разгромленных французских секций Товарищества.

Первые шаги в этом направлении были сделаны на юге Франции, где рабочий класс в меньшей степени пострадал от преследований, чем потопленный в крови парижский пролетариат, и где были достаточно сильны революционные традиции.

Уже в начале августа 1871 г. Генеральный Совет получил сведения. что «Интернационал реорганизуется и пытается создавать профессиональные союзы; шесть или семь секций действуют на глазах полиции» [2]. Речь шла о бордоских секциях. Сохранившаяся переписка секретаря-корреспондента Генерального Совета для Франции Дюпона, хотя и очень скудная, позволяет установить, что рабочие Франции вскоре после поражения начали попытки восстановления своих организаций. 7 июля 1871 г. Дюпон просил согласия Маркса на посылку полномочий корреспондента Генерального Совета одному члену Интернационала во Франции, с которым удалось установить связь. В начале августа Дюпон получил сообщение от Э. Прене о деятельности небольшой секции Ла Сьота (около Марселя), которой удалось сохранить свою организацию. Прене одобрял созыв

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 515.
[2] «Генеральный Совет. 1870—1871», стр. 190.

Лондонской конференции и сигнализировал об опасности, угрожавшей Интернационалу вследствие интриг и происков бакунистов (письмо написано из Женевы). Он считал, что Генеральному Совету нужно организовать во всех секциях курсы «практического социализма», где мог бы обучаться каждый рабочий, чтобы затем вести активную пропаганду и создавать повсюду новые секции. Для того, чтобы эти пропагандисты могли заниматься своей миссией, Прене предлагал обеспечивать их за счет партийной кассы, увеличив для этой цели ежегодный взнос на несколько сантимов [1], т. е. по существу ставил вопрос о создании кадров профессиональных революционеров.

Сведения об оживлении работы секций начали приходить и из Северной Франции. Генеральный Совет получил из Гавра и из других местностей ряд писем с просьбами разрешить создание секций [2]. На имя Дюпона приходили также просьбы о приеме в Интернационал [3].

Новый толчок процессу возрождения французских секций дала Лондонская конференция Интернационала. Поскольку во Франции в условиях реакции делегаты на конференцию не могли быть избраны, Генеральный Совет решил, что Франция будет представлена своим секретарем-корреспондентом Э. Дюпоном [4]. Фактически же французские секции Интернационала были представлены гораздо шире. Помимо Дюпона, на конференции присутствовали участники Парижской Коммуны, кооптированные в состав Генерального Совета: Серрайе [5], Вайян, Франкель, Лонге, Делаэ, Мартен, Тейс. Последние четверо, а также Фондвилль (от возобновивших свою деятельность бордосских секций) имели совещательный голос.

Парижская Коммуна ускорила размежевание сил в международном рабочем движении. Во Франции обострилась борьба между пролетарским, революционным и мелкобуржуазным, анархистским крылом. В центре идейных разногласий находились кардинальные вопросы пролетарской революции — завоевание рабочим классом политической власти, диктатура пролетариата, роль рабочей партии. Анархисты продолжали отрицать необходимость политической деятельности рабочего класса в буржуазном обществе, умаляя роль пролетарской организации.

[1] Э. Прене — Э. Дюпону, 5 августа 1871 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 39/1.

[2] «Лондонская конференция Первого Интернационала». М., 1936, стр. 97.

[3] Э. Филлипон — Э. Дюпону, 7 и ок. 16 августа 1871 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 87/4 и 87/5.

[4] «Генеральный Совет. 1870—1871», стр. 207.

[5] Серрайе был послан Генеральным Советом в Париж в качестве уполномоченного в 1870 году. После разгрома Парижской Коммуны он вернулся в Лондон и занял свое место в Генеральном Совете.

Лондонской конференции предстояло, преодолев сектантство, выработать теоретические, тактические и организационные принципы построения национальных политических рабочих партий.

Работой конференции руководили Маркс и Энгельс. Основная дискуссия развернулась по предложению Э. Вайяна, в котором речь шла о необходимости сплочения рабочих на политической почве, о неразрывной связи политического и социального вопросов. Против этого предложения выступили бакунисты. Из французских делегатов предложения Вайяна отстаивали Серрайе и Франкель.

В ходе обсуждения обнаружилось, что некоторые делегаты, в том числе в известной степени даже сам Вайян, недооценивали значение парламентской деятельности и вообще легальных средств политической борьбы пролетариата [1]. Маркс в своем выступлении показал несостоятельность такой позиции. «Не следует думать,— сказал он,— что иметь в парламентах рабочих — маловажное дело... Каждый рабочий, проведенный в парламент,— победа над ними [правительствами.— *З. Ч.*], но выбирать надо настоящих людей, а не Толенов» [2]. Маркс отметил необходимость сочетания легальных и нелегальных форм, призывая давать противнику отпор «всеми возможными средствами, которыми мы располагаем» [3].

Маркс резко выступал против сектантства, против заговорщических тенденций бланкистов и бакунистов. Он внес предложение о категорическом запрещении организовывать секции Интернационала в виде «тайных обществ в собственном смысле слова» [4], что не означало, как пытались представить дело бланкисты, отказа от нелегальной деятельности. Одно дело — тайная организация в странах, где Интернационал вынужден прибегать к ней, а другое — тайные общества, которые нарушили бы самый характер Международного Товарищества как массовой организации. Маркс, в частности, предостерег французских делегатов против тенденции к созданию тайных обществ, которая во Франции «будет весьма сильной».

В свою очередь Энгельс, выступая в поддержку предложения Вайяна, показал, что «воздержание от политики совершенно невозможно в особенности после Парижской Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие пролетариата» [5], что на повестке дня вопрос о пролетарской партии, которая «должна

[1] См. «Лондонская конференция», стр. 60—66.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 647.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 652.
[5] Там же, стр. 421.

конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика»[1]. В результате дискуссии конференция большинством голосов приняла решение о необходимости организации рабочего класса каждой страны в политическую партию.

Кроме других важных теоретических проблем, обсуждавшихся на конференции, Маркс в связи с предложением французского делегата Делаэ поставил вопрос о взаимоотношении партии и профессиональных организаций рабочего класса. Делаэ выступил с проектом образовать международную профессиональную организацию как высший руководящий орган рабочего движения. В этом проекте и в ряде других выступлений чувствовались уже некоторые анархо-синдикалистские идеи отрицания роли пролетарского государства и политической партии рабочего класса. Маркс показал, что профсоюзы не являются организацией более высокого типа, чем политическая партия, что их роль и функции отличны от роли и функций Интернационала, который один способен обеспечить интернациональное сплочение рабочего класса. Не признавая за профессиональными организациями того самодовлеющего значения, которое им придавали сторонники проекта Делаэ, Маркс в то же время подчеркивал важность борьбы Интернационала за объединение широких рабочих масс в профсоюзы.

Конференция рекомендовала Генеральному Совету содействовать укреплению международных связей профессиональных организаций.

Относительно Франции Лондонская конференция приняла специальную резолюцию (XI). В этой резолюции перед французскими членами Товарищества ставились задачи восстановления разрушенных связей, воссоздания прежних секций, учреждения новых, а также неустанной пропаганды идей Интернационала в печати. Выражая уверенность, что преследования лишь удвоят энергию сторонников Интернационала во Франции, резолюция рекомендовала продолжать организацию секций, «если и не путем создания крупных центров, то, по крайней мере, в мастерских», постепенно устанавливая между ними связь[2].

Таким образом, Лондонская конференция дала программу действий для членов Интернационала во Франции, указала реальный путь быстрого сплочения и реорганизации рядов рабочего класса. Для пропаганды марксистских идей важное значение имело распространение документов и изданий Международного Товарищества Рабочих. Большую потребность в этих

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 421—422.

[2] Там же, стр. 427.

документах испытывали члены Интернационала на местах [1]. Первоочередной задачей стало издание и распространение Устава на французском языке. По решению Лондонской конференции Генеральным Советом было подготовлено официальное издание Общего Устава и Организационного регламента. Оно вышло в свет на французском языке в Лондоне в декабре 1871 года. Однако посланные в Париж экземпляры были перехвачены полицией. Пришлось организовать публикацию Устава в газетах. Это было сделано в конце 1871 г., когда члены Интернационала во Франции получили возможность публикации своих материалов в прессе, установив связи с прогрессивными газетами [2]. В декабре 1871 г. Энгельс писал Лафаргу, находившемуся тогда в Испании: «Во Франции дела у нас идут превосходно. 26 газет предлагают нам публиковать наши документы» [3]. К числу этих газет относились «Le Rappel» (с 1871), «Le Radical» (1871—1872), «La Constitution» (1871—1872), «La République Française» (с 1871), «Le Peuple souverain» (1871—1873), «Le Corsaire» (1872—1873), «L'Egalité de Marseille» (1872—1873), «La Dépêche de Toulouse», «La Tribune» (Бордо), «Le Petit Lyonnais», «Le Province» и другие. Кроме того, прилагались громадные усилия для создания собственных органов местных секций Интернационала. Наиболее последовательной газетой была «L'Emancipation», орган тулузских секций, которая пропагандировала «исключительно доктрины и выступления Интернационала» [4]. В Тулузе же рабочим организациям удалось в конце 1871 г. создать еще одну газету — «Oeil du Peuple». Несмотря на то, что газеты подвергались преследованиям и запрещениям, интенсивность пропаганды не уменьшалась. По признанию прокурора Дюлькюрру, «пресса становится активным орудием пропаганды Интернационала» [5].

[1] На конференции Делаэ от имени машиностроительных рабочих, желавших организовать секции, просил срочно прислать Устав Товарищества («Лондонская конференция», стр. 97).

[2] До 1877 г., т. е. до выхода «Egalité», в Париже не выходило ни одной социалистической газеты. Поэтому рабочие пользовались радикальной и левореспубликанской прессой.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 302.

[4] «Procès de l'Internationale. Compte-rendu des Débats devant la Chambre de Police correctionelle de Toulouse». Paris—Toulouse, 1873, p. 13.

[5] Ibid., p. 11. Безусловно, заявление прокурора несколько преувеличено. По вполне понятным причинам радикальная пресса не могла взять на себя задачу систематической и целенаправленной социалистической пропаганды, которую впоследствии развернула «Egalité». Но для того времени свирепой реакции каждое слово в защиту рабочих, каждая публикация документов Интернационала и т. д. имели очень большое значение.

На заседании Генерального Совета Серрайе докладывал: «Марсельская «Voix du Peuple» запрещена за то, что являлась органом Интернационала, и тем не менее другие газеты продолжают печатать Устав и различную информацию о Товариществе, как будто ничего не случилось» [1]. Еще ранее таким же образом распространялись резолюции Лондонской конференции, которые были напечатаны во французских газетах уже в ноябре 1871 г. и разошлись в количестве 200 000 экземпляров в дополнение к уже опубликованным резолюциям в 15 местных газетах [2]. Серрайе сообщил на заседании Совета, что получил предложение от 15-ти газет печатать все, что он пришлет [3].

После принятия закона Дюфора в марте 1872 г. стало очень трудно публиковать материалы Интернационала. За то, что тулузская «Emancipation» напечатала информацию о стачке лондонских рабочих и отчет о заседаниях Генерального Совета, на нее был наложен арест и возбуждено судебное преследование [4]. Тем не менее репрессии не только «не запугали членов Интернационала во Франции, но сделали их еще более решительными»,— заявил Франкель на заседании Генерального Совета 9 апреля 1872 г.; он сообщил, что парижские секции прислали Генеральному Совету деньги, собранные для целей пропаганды [5]. Деньги были использованы для перевода на французский язык и издания воззвания «Гражданская война во Франции».

На французском языке эта работа Маркса впервые появилась в газете «L'Internationale» в Брюсселе в июле — сентябре 1871 года. Но для пропагандистских целей нужно было отдельное издание, которое было осуществлено также в Брюсселе в июне 1872 г. с помощью бельгийского члена Интернационала Глазера де Вильброра.

В мае 1872 г. на французском языке был напечатан закрытый циркуляр Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале», в котором разоблачалась подрывная деятельность возглавляемого Бакуниным Альянса социалистической демократии внутри Интернационала. Этот циркуляр был разослан всем секциям.

К этому же времени относится подготовка французского издания «Капитала» Маркса. Попытки опубликовать «Капитал» на французском языке делались еще в 1869 г., когда член Интернационала Ш. Келлер перевел около 400 страниц текста. Но дело уперлось в издателя. Большую помощь в поисках издателя

[1] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 22.
[2] Там же, стр. 14.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 100.
[5] Там же.

оказал Лафарг. В декабре 1871 г. Лафарг, эмигрировавший в Испанию, связал Маркса с проживавшим там эмигрантом Парижской Коммуны Морисом Лашатром, прогрессивным французским издателем и журналистом [1]. По договору, заключенному Марксом с Лашатром в феврале 1872 г., предусматривался выход «Капитала» отдельными, периодическими выпусками. Издание небольшими выпусками облегчало задачу усвоения этого сложного теоретического произведения. «В такой форме сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение» [2],— писал Маркс в предисловии к французскому изданию. Кроме того, Маркс проделал огромную работу при подготовке французского издания «Капитала», полностью переработав французский перевод текста и внеся значительное количество дополнений и изменений.

Французское издание I тома «Капитала» было осуществлено в 1872—1875 гг. и сыграло чрезвычайно важную роль в распространении марксизма во Франции. Французские революционеры получили в свои руки мощное оружие, позволявшее им вести серьезную научную пропаганду социализма.

До Лондонской конференции секретарем-корреспондентом для Франции оставался Э. Дюпон, несмотря на то, что он уже летом 1870 г. был вынужден переехать в Манчестер. В период войны и Коммуны, когда связи между Генеральным Советом и Францией были очень затруднены, замена Дюпона, имя которого было широко известно всем членам Интернационала во Франции, могла вызвать недоумение.

С октября 1871 г. секретарем-корреспондентом для Франции стал Огюст Серрайе, завоевавший значительный авторитет своим участием в борьбе парижских рабочих во время осады и Коммуны. Он развернул большую плодотворную деятельность, собирая и организуя силы разгромленных французских секций. Это была тогда основная задача членов Интернационала во Франции. Усилиями Серрайе удалось наладить связь со всеми восстанавливающимися секциями, действовавшими нелегально. На заседании Подкомитета Генерального Совета 28 августа 1872 г. Маркс предложил выразить «удовлетворение тем, как ведет дела гражданин Серрайе» [3]. По словам Серрайе, он получал из разных мест Франции уже в декабре 1871 г. в среднем по 20 писем в неделю [4], в том числе много просьб о выдаче полно-

[1] См. *А. В. Уроева*. «Из истории первого французского издания I тома «Капитала» Маркса». В сб.: «Из истории формирования и развития марксизма». М., 1959, стр. 369—390.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 25.

[3] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 243.

[4] Там же, стр. 29.

мочий на создание новых секций. В связи с этим Генеральный Совет 12 декабря 1871 г. решил создать комиссию из 3-х человек для приема новых секций. Это диктовалось также необходимостью обеспечить конспиративность и не допустить проникновения полицейских шпионов и случайных элементов в Интернационал.

Успехи, достигнутые в деле реорганизации французских секций Интернационала, позволили Энгельсу написать в это время Либкнехту, что во Франции «мы... организованы лучше, *чем когда-либо*» [1], и Лафаргу: «Во Франции Серрайе развивает поразительную деятельность. Достигнутые результаты, разумеется, не следует оглашать, но они очень хороши. Секции реорганизуются под новыми названиями, и это — повсеместно» [2]. Маркс также отмечал большое распространение Интернационала во Франции со времени Лондонской конференции [3].

Правительственные репрессии после разгрома Парижской Коммуны не смогли уничтожить французские секции, а только заставили их перейти на нелегальное положение. «Преследования,— писал Энгельс,— являются лучшим средством пропаганды для нашего Товарищества и... нет такой силы в мире, которая была бы достаточно могущественной, чтобы искоренить постоянно возрождающееся революционное движение современного пролетариата. Чтобы уничтожить Интернационал, надо уничтожить почву, которая естественно его порождает, то есть само современное общество» [4].

Особенно успешно развивалось движение на юге Франции, в районах, не подвергавшихся оккупации немецкими войсками. Оттуда все время поступали сведения о возникновении новых и

[1] Энгельс — В. Либкнехту, 15 декабря 1871 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 305.

[2] Энгельс — П. Лафаргу, 19 января 1872 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 324. Лионский адвокат О. Тестю, написавший ряд книг об Интернационале, в «Paris Journal» 2. X. 1872 также отмечал: «В настоящее время Интернационал более живуч во Франции, чем когда бы то ни было» (Цит. по книге Вейля «История социального движения во Франции (1852—1902)», Спб., 1906, стр. 160). И, наконец, еще одно свидетельство, но уже из другого лагеря. В своей книге «Internationale Documents et Souvenirs» (1864—1873), т. II, 1906, p. 313, Гильом приводит письмо Малона от 24. V. 1872 г., который имел связи с секциями Южной Франции: «Во Франции Интернационал никогда не был духовно так силен; можно насчитать сотню секций (Париж, Лион, Марсель, Тулуза, Безье, Нарбонна, Буржен, Тулон, Сент-Этьенн, Лилль, Рубе, Бордо, Тарар и др.), не считая 150 синдикальных палат, которые восстановлены и находятся под влиянием Интернационала».

[3] Маркс — П. Лафаргу, 21 марта 1872 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 366.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 59.

росте числа членов уже функционирующих секций. «Федерация секций пытается основать газету, которую намерены сделать официальным органом» [1].

К сожалению, не сохранились данные о названии и числе обществ на юге Франции, которые Серрайе сообщил на заседании Генерального Совета 23 января 1872 г., а также о количестве членов этих обществ. Относительно Франции соблюдалась самая строгая конспирация, чтобы не поставить под удар французских членов Интернационала. Некоторое представление о размерах, а также о настроениях французских секций дает следующий факт. «Одна секция на юге Франции, делегаты которой представляли свыше 400 членов, заявила о своем согласии с XVI резолюцией конференции [2]. Это показывает, что утверждение швейцарских раскольников, будто юг Франции стоит за них, неверно. На юге Франции повсюду высказывается самое искреннее одобрение программе Совета» [3]. Любопытны также «точные цифры» членов Международного Товарищества Рабочих, собранные по просьбе английского министра внутренних дел. «обеспокоенного успехами Интернационала». Ему были представлены следующие данные на декабрь 1871 года:

Во Франции	732 769
В Бельгии	245 924
В Италии	31 730
В Германии	289 123
В Ирландии	965 862 [4].

Одной из наиболее крепких организаций Международного Товарищества Рабочих во Франции стала Бордоская федерация. Секция Интернационала в Бордо возникла еще в 1866 г. и имела прочные революционные традиции. Глубокое воздействие

[1] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 46.

[2] Речь идет о резолюции Лондонской конференции 1871 г. об Альянсе социалистической демократии и запрещении организациям Интернационала создавать какие-либо сепаратные общества, цели которых противоречили бы принципам Товарищества.

[3] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 56.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 15/1. Эти цифры, безусловно, преувеличены. К членам Интернационала отнесены, вероятно, все революционные элементы в той или иной стране. Например, в Ирландии цифра около миллиона, по всей вероятности, получена за счет фениев. Но рассматривая эти цифры не с точки зрения их абсолютной точности, а относительно, можно считать их своего рода подтверждением того факта, что и после Парижской Коммуны Интернационал во Франции существовал и казался испуганным буржуазным правительствам чрезвычайно грозным.

на местных членов Интернационала оказала организаторская деятельность П. Лафарга, стоявшего во главе секции с осени 1870 по лето 1871 г. Члены секции возглавили в Бордо в апреле 1871 г. мощное движение в поддержку Парижской Коммуны. Эта кампания способствовала консолидации пролетарско-демократических элементов и привела к большому успеху секции на выборах в муниципальные советы в мае 1871 г. [1]. После падения Коммуны репрессии, обрушенные на французский рабочий класс, привели к разгрому бордоской секции, судьба большинства ее тогдашних руководителей неизвестна [2]. Лафарг, вынужденный скрываться от преследований, перешел испанскую границу и принял активное участие в деятельности Интернационала в Испании.

Но уже осенью 1871 г. в Бордо появились активные члены Интернационала. С ноября 1871 г. бордоские секции полностью встали на сторону Генерального Совета в его борьбе с бакунистами. Они одобрили решения Лондонской конференции. Письма, поступавшие оттуда, говорили о том, что секции «считают обязательными только лондонские документы, а швейцарские интриги не влияют на них» [3]. В феврале 1872 г. Федеральный совет в Бордо официально объявил о своей поддержке Генерального Совета. Деятельность бордоских секций была направлена на объединение и сплочение рабочего класса. Они установили контакт с профсоюзными обществами и вели активную пропаганду среди их членов. К маю 1872 г. руководители синдикальных палат в Бордо входили в Интернационал. Деятельность Интернационала в Бордо протекала теперь в легальных профессиональных организациях — синдикальных палатах. Во главе каждой палаты находились 2 или 3 члена секции, через которых была связана с Интернационалом вся организация [4]. Использование легальных методов борьбы способствовало успешной деятельности секций и вовлечению в движение широких масс рабочих [5].

[1] Лафарг в письме Марксу от 12 мая 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 276/3) сообщал о «гигантских успехах Интернационала в Бордо». На муниципальных выборах в феврале 1871 г. секции также имели успех — было избрано 4 члена Интернационала, в том числе Дельбуа Мартине, друг Лафарга.

[2] См. подробнее Г. П. Новикова. «Бордоская секция I Интернационала во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны». «Новая и новейшая история», 1961, № 2.

[3] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 144.

[4] Э. Ларок — О. Serрайе, 25 ноября 1871 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5642.

[5] Бордоская организация Интернационала пострадала во время репрессий 1873 г. менее других, и рабочие Бордо быстрее других начали вновь восстанавливать свои организации. Уже в июле 1873 г. Ларок со-

Немалая заслуга в активной и целенаправленной деятельности секций принадлежала Лароку, который стал во главе их в ноябре 1871 года. Друг Лафарга, преданный делу Интернационала, Ларок был одним из подлинных организаторов Товарищества в Южной Франции [1]. Несмотря на сложные условия, Ларок сумел наладить контакт не только с близлежащими, но и с отдаленными секциями, в том числе с Парижем, связать воедино разбросанные и разобщенные секции юга [2]. «Чрезвычайно умный», «железный человек»,— так характеризовал его Марксу член Интернационала, участник Коммуны Вильмар [3]. Французская полиция считала, что Ларок является «главным организатором пропаганды на юге» [4].

В Тулузе с декабря 1871 г. снова начала действовать группа членов Интернационала. Через некоторое время был организован первый комитет действия, куда вошли М. Питью, Сарран, Пеи, Жобер и Рюэ. Комитет связался с Лароком и Серрайе. В конце 1871 г. рабочие организовали общество для создания газеты «Oeil du Peuple». На его основе через некоторое время было создано пропагандистское общество. Организация Интернационала в Тулузе расширялась, увеличивалось количество новых секций. Во главе одной из тулузских секций с мая 1872 г. стоял Дантрег [5], работавший ранее чертежником железнодорожного бюро в Пезенасе; его рекомендовал Генеральному Совету секретарь тамошней секции Калас. В марте 1872 г. Дантрег перебрался в Тулузу.

Тулузские секции Интернационала строились по территориальному принципу соответственно четырем кантонам города; каждый кантональный комитет состоял из 8 членов. Во главе всей организации находился Федеральный, или Центральный, комитет, состоящий также из 8 членов — по 2 от каждого кантонального комитета. За очень короткий срок Дантрегу, которого Ларок снабдил 440 экземплярами Устава Товарищества, удалось распространить 250 экземпляров [6]. (Вновь вступавшие в Интернационал члены получали Устав и членскую марку). В июне

общал Энгельсу, что «синдикальное движение рабочих тем не менее там распространяется» (Э. Ларок — Энгельсу, 25 декабря 1873 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3283).

[1] Интересно отметить революционные традиции семьи Ларока: в Тулузе принимал участие в движении его брат, а в Париже — его племянник.

[2] «Procès de l'Internationale», p. 12.

[3] Р. Вильмар — Марксу, 5 ноября 1871 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 276/5.

[4] «Procès de l'Internationale», p. 11.

[5] Он фигурировал также под псевдонимами Ж. Данглад, А. Ригаль, Лалар, Сварм.

[6] «Procès de l'Internationale», p. 16.

федерация тулузских студентов «образовала комитет и объявила о своем присоединении к Интернационалу» [1], а в июле создалась еще одна секция — высших учебных заведений [2]. Успешно велась работа в профессиональных организациях рабочих, руководители которых уже в мае вступили в Интернационал [3]. Французская полиция задним числом констатировала, что Интернационал в Тулузе был окончательно восстановлен к июлю 1872 года [4]. Как было сказано в обвинительном акте, «Интернационал, организованный, действующий, сеял по стране свой заражающий яд и поднял вопреки закону свое знамя революции» [5].

В августе 1872 г. тулузские секции, как и другие, готовились к Гаагскому конгрессу Интернационала. На собрании 18 августа они избрали Дантрега делегатом от всех 4-х кантональных комитетов.

Тесно связаны с тулузскими секциями были секции Интернационала в департаменте Эро. В Пезенасе во главе организации стоял ветеран рабочего движения, обойщик Калас, который вел переписку со многими секциями и непосредственно с Генеральным Советом. Калас твердо проводил линию Генерального Совета в борьбе с бакунистами. Его деятельность не ограничивалась рамками Пезенаса, а фактически охватывала весь департамент Эро. В августе 1872 г. он распространил около 100 членских марок [6].

Необходимую решительность проявил Калас в Монпелье, куда был направлен для оказания помощи местной секции в борьбе с бакунистами. Председатель Радикального комитета в Монпелье П. Брусс проводил раскольническую политику. Он пытался вести альянсистскую пропаганду по всему департаменту Эро и выступал против мероприятий, исходивших от Генерального Совета. По прибытии в Монпелье Калас вместе с членами меридионального комитета секции Монпелье — Жерони, Лапейсонье и Кулоном — 18 августа 1872 г. добился решения потребовать от предстоящего конгресса Товарищества в Гааге исключения Брусса за то, что тот «действовал нелояльно, вызвав раскол в секции» [7].

[1] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 165.
[2] Там же, стр. 235.
[3] Там же, стр. 123.
[4] «Procès de l'Internationale», p. 19.
[5] Ibid., p. 20.
[6] Ibid., p. 17.
[7] А. Калас — Манро, 18 августа 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 44/10. См. также Comité Fédéral de la Section de Montpellier. Procès verbal de la séance du 19. Septembre 1872. ЦПА ИМЛ, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 286.

Была также создана организация Интернационала в Безье. Во главе ее стоял Социал-демократический комитет (Ж. Канютис, Анри Франси, Азам, Урбен Пажес, Прюнар, Жиль) [1]. Председателем некоторое время был Абель Буске, разоблаченный в ноябре 1871 г. как служащий полиции. Затем секцией руководил бочар Сальван. Видную роль в ней играл каменотес Дени Пужоль. Секция поддерживала постоянные контакты с другими организациями Интернационала, особенно с тулузской.

В Лизьё, где с 1865 г. были члены Интернационала, реорганизованной секцией руководили суконщик Пиньоль и токарь Сен-Дени. В нее входили также фабричные рабочие Юэ, Вожуа, сапожник Легофф и др.

Нарбоннская секция Интернационала возникла в марте 1872 г., сразу же после принятия закона Дюфора, и явилась как бы ответом на преследования со стороны французского правительства. Секретарем ее был Микель, а затем его друг Жюстэн Канютис. В состав секции входила довольно значительная часть мелких торговцев, среди которых затесался и шпион Гондр, связанный с бакунистами.

В Авиньоне организацией Интернационала руководил Эдуар Шаму. Секция поддерживала регулярную связь с Генеральным Советом, сообщая о своих делах. В феврале 1872 г. ей удалось провести в муниципалитет своего кандидата-рабочего [2]. После вступления в силу закона Дюфора в авиньонской секции были приняты самые строгие меры предосторожности, дабы уберечь организацию от провала. В июне 1872 г. секция насчитывала уже 132 члена [3]. Она активно действовала и в сельских округах, пытаясь вовлечь в Интернационал крестьян.

Члены Интернационала Южной Франции вели пропаганду везде, где для этого были возможности. В Лиможе была организована секция, которая решила «безоговорочно» «придерживаться резолюций» Лондонской конференции [4]. В Гейяке действовал Матьё. Он распространял среди рабочих Устав [5]. Пропаганда Интернационала дошла до Корсики, где в марте 1872 г. была создана секция, и даже до Алжира [6]. Большинство секций Южной Франции поддерживали Генеральный Совет Интернационала.

[1] О. Серрайе и П. Вишар — Потелю, конец 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3403.
[2] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 68.
[3] Там же, стр. 164.
[4] Там же, стр. 56.
[5] «Procès de l'Internationale», p. 17.
[6] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 68, 77.

Жестокая расправа с парижским пролетариатом, казалось бы, на долгие годы должна была сломить рабочее движение в столице. Однако уже в начале февраля 1872 г. Генеральный Совет стал получать сведения о том, что парижские секции реконструируются, что рабочие стремятся восстановить организации Интернационала. 13 февраля на заседании Генерального Совета Серрайе докладывал, что «в Париже движение развивается неуклонно» [1], что он получил оттуда письмо, написанное по поручению рабочих, желающих установить непосредственный контакт с Генеральным Советом. Для этого в Лондон был выслан специальный делегат [2]. В начале марта этот делегат просил у Генерального Совета полномочий на учреждение секции в Париже. Он уверял, что через 3 месяца Интернационал там будет полностью восстановлен [3].

В середине марта 1872 г. в Париже была образована секция, которая приняла имя видного деятеля Парижской Коммуны, бланкиста Теофиля Ферре, расстрелянного версальскими палачами. Секция возникла сразу же после вступления в силу закона Дюфора от 14 марта. Вместе с извещением о своем образовании она прислала Генеральному Совету манифест с просьбой огласить его 18 марта на митинге в честь первой годовщины Парижской Коммуны. Генеральный Совет, придавая большое значение восстановлению секций Интернационала в центре французского рабочего движения, принял решение перевести Манифест, чтобы опубликовать его в английских газетах. 2 апреля перевод был прочитан на заседании Генерального Совета. В Манифесте говорилось: «Граждане! Пролетарская армия, рассеянная после недавних событий, должна снова собраться и реорганизоваться. Не теряя времени, необходимо приняться за эту опасную работу. В то же время бездействие лишь ослабит наши ряды и усилит тех наших неприятелей, которые стремятся достичь этого путем запугиваний...

Несмотря на реакционные меры, Международное Товарищество Рабочих ожило в Париже и воздает дань уважения герою и мученику, который пал в Сатори, трусливо убитый, и первая возродившаяся секция принимает многозначительное название: *Секция Ферре*. Медленно, но верно набирает она силы и с каждым днем подходит все ближе к той цели, которую себе поставила.

Граждане! Наше дело не может умереть. Подобно солнцу, пусть оно временно омрачится, но, подобно солнцу, снова оно появляется в еще более ослепительном блеске» [4].

1 «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 68.
2 Имя делегата установить не удалось.
3 «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 76.
4 Там же, стр. 98—99.

15 апреля, через месяц после своего возникновения, секция Ферре окончательно оформилась, приняв устав [1], который был прислан на утверждение Генерального Совета в июне 1872 г., передан в специальную комиссию по рассмотрению уставов при Подкомитете Генерального Совета и 27 июля одобрен Подкомитетом. Маркс, входивший в состав этой комиссии, предложил принять устав секции Ферре за исключением статьи о Федеральном совете [2].

Сразу же после основания секция Ферре предприняла попытки создать свой печатный орган. В конце апреля она известила Генеральный Совет, что в ближайшие дни начнет издавать газету. Однако первый номер газеты вышел лишь 1 июня. Для печатания газеты и документов Интернационала был приобретен типографский станок. Передовую статью, определявшую линию газеты, по просьбе самой секции должны были прислать из Лондона. Генеральный Совет на заседании 21 мая поручил написать ее Серрайе, Вайяну и Курне [3].

После образования секции Ферре дело в Париже пошло значительно быстрее. В начале мая была создана новая секция из 20 членов [4]. Ее создание, а также образование еще одной группы в 20-х числах мая, а затем и других, было результатом деятельности секции Ферре. Фактически эта секция выполняла функцию Федерального совета, создать который из-за закона Дюфора было невозможно [5].

Секция Ферре служила связующим звеном между Генеральным Советом и восстанавливающимися рабочими организациями в Париже. Обходя запреты правительства, члены Интернационала в Париже, как и на юге Франции, организовали

[1] Согласно уставу, состав секции не должен был превышать 20 членов. Новый член Интернационала принимался по двум рекомендациям. По ст. 23 устава должность председателя в секции отменялась, а все дела вели секретарь-корреспондент (в его обязанности входило поддерживать сношения с другими секциями), секретарь по внутренним вопросам (подготовка порядка дня заседаний и т. д.), казначей и представитель в Федеральном совете. Эти должностные лица назначались лишь на 3 месяца. Интересна статья 32, которая носила атеистический характер. Она предусматривала только гражданское погребение (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 270/1).

[2] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 239. По-видимому, имеется в виду статья 21, гласившая: «Делегат секции представляет ее в Федеральном совете; о каждом заседании совета он составляет отчет и зачитывает его в начале каждого заседания секции». Маркс был против делегатского принципа комплектования руководящих органов (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 442—443).

[3] Там же, стр. 144—145, 231.

[4] Там же, стр. 123.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 52.

профсоюзные общества для легализации и маскировки своей деятельности [1].

В июне парижские рабочие уже могли сообщить Генеральному Совету, что реорганизация секций идет успешно [2]. В июле было учреждено еще несколько секций [3].

В связи с подготовкой к Гаагскому конгрессу на собрании секции Ферре 8 августа было внесено предложение об изменении Общего Устава. Суть его сводилась к созданию в каждой стране центральных комитетов. При этом Генеральный Совет мог бы связываться с местными секциями только через эти комитеты [4].

23 августа 1872 г., накануне Гаагского конгресса, секция приняла обращение к его делегатам. В этом обращении констатировалось «с законной гордостью, что менее чем за год после скорбных майских событий она (партия пролетариата.— *З. Ч.*) воссоздала свои ряды, печальные пробелы в которых заполняются с самоотверженностью, с поистине поразительным воодушевлением» [5]. Сознавая всю важность открывающегося конгресса, но не имея возможности из-за преследований послать своего делегата, секция просила вручить ее мандат Ранвье. Она дала наказ вести беспощадную борьбу с интриганами-бакунистами, пытающимися разрушить Товарищество основанием своей «нелепой федерации». «Это зародыш раздора.., который нужно уничтожить любой ценой» [6]. Секция продолжала настаивать на предложенных ею изменениях в Общем Уставе, мотивируя это тем, что создание центральных комитетов сделает более безопасными сношения между секциями, особенно во Франции, где приходится действовать в условиях террора.

Свои предложения по изменению Устава прислала Гаагскому конгрессу и другая парижская секция «Прав трудящихся». Суть обширного обращения этой секции, подписанного ее председателем Вуайе, секретарем Кароном и 2 членами — Вернером и Дюпюи [7], сводилась к замене статьи 9 Устава, говорящей о том, что членом Международного Товарищества Рабочих может стать каждый, кто признает и защищает его принципы. Ответственность за каждого члена Интернационала несет принявшая его секция. Секция предлагала принимать в члены

[1] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 123.
[2] Там же, стр. 164.
[3] Секция Ферре. Обращение к Гаагскому конгрессу Международного Товарищества Рабочих. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 53/2.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 270/2.
[5] Там же, ед. хр. 53/2.
[6] Там же.
[7] Там же, ф. 21, ед. хр. 53/3. В обращении ошибочно указана статья 8.

Интернационала только трудящихся. Это предложение так же, как и другое, предусматривавшее создание секций Интернационала обязательно на базе корпоративных объединений рабочих, представляло собой пережиток прудонистских идей.

В обращении Гаагскому конгрессу, полученном от Нормандской федерации департаментов Нижней Сены и Эр, делегатом которой был Файе, чрезвычайно интересно стремление осмыслить опыт Парижской Коммуны. Вывод делался такой — рабочий класс может смело брать власть в свои руки, ибо Коммуна доказала, что у него есть «все необходимые способности для управления государством» [1].

Пролетариат Франции проявил большое мужество, развернув в условиях реакции стачечную борьбу в защиту своих экономических требований. Организаторами этой борьбы во многих случаях были восстановленные секции Интернационала. Когда в Париже в середине ноября 1871 г. рабочие-ювелиры приняли решение добиваться сокращения рабочего дня до девяти часов, Мэнье, секретарь парижской секции Эст (у вокзала Восточной железной дороги), обратился к Марксу с просьбой оказать поддержку в их борьбе [2]. Маркс, придавая большое значение восстановлению непосредственных контактов Генерального Совета с членами Интернационала во Франции, писал Юнгу: «Из прилагаемого письма... Вы увидите, что нам предоставляется удобный случай установить связь с парижскими рабочими...» — и просил его связаться для оказания помощи с профессиональным союзом в Лондоне [3]. Одновременно Маркс сам написал ответ Мэнье, обещая поддержку [4]. Но помощь не понадобилась, так как стачка по ряду причин не состоялась [5].

16 ноября 1871 г. рабочие-механики другого крупного промышленного центра Франции — Рубе объявили забастовку. В ней приняло участие 700 человек из 25 мастерских. Они потребовали сокращения рабочего дня с 12 до 10 часов и повышения заработной платы на 10 сантимов в час. Секретари комитета механиков Рубе Жерар Стробанк и Альфред Кюни прислали в Генеральный Совет письмо с просьбой о поддержке. Вопрос обсуждался на заседаниях Генерального Совета. Стачка длилась долго, и Серрайе, поддерживая постоянную связь с механиками

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 53/4.

[2] Э. Мэнье — К. Марксу, 15 ноября 1871 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 272/2.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 273—274.

[4] Э. Мэнье — К. Марксу, 27. XI. 1871 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 272/3. Из письма Мэнье известно о недошедшем до нас письме Маркса.

[5] «Liberté» сообщала 26 ноября 1871 г., что ювелиры Парижа начали забастовку, но хозяева немедленно уступили, согласившись на изменение рабочего дня.

Рубе, пытался организовать помощь бастующим, обращаясь к английским тред-юнионам и к другим рабочим обществам в Рубе [1].

Вслед за механиками 11 декабря забастовали ткачи и красители Рубе, также требовавшие сокращения рабочего дня и повышения заработной платы на 10—25% [2]. В Лилле механики в результате упорной борьбы одержали победу над своими хозяевами [3]. Угрожали забастовкой механики Валансьена, если не будут удовлетворены их требования.

Серьезный размах приняло движение шахтеров в Брассаке (Верхняя Луара). Объявленная 25 ноября 1871 г. забастовка протекала очень бурно и закончилась через 3 недели победой бастующих: шахтеры добились уменьшения рабочего дня на 1 час и увеличения заработной платы [4]. В декабре 1871 и в начале 1872 г. бастовали также углекопы Сент-Флорина, Кастра, Роншана и Сент-Этьенна.

Начиная с ноября — декабря 1871 г. почти во всех промышленных центрах Франции развернулось движение за 9-часовой рабочий день. Забастовки и стачки проходили в Париже, Рубе, Лилле, Марселе, Бордо, Руане, Тулузе и других городах.

Весной 1872 г., несколько недель спустя после принятия закона Дюфора, забастовали целые корпорации парижских ювелиров и кучеров. А в июле 1872 г. шахтеры Нор и Па-де-Кале организовали большую забастовку, жестоко подавленную правительством Тьера [5].

Бастовавшие в августе 1872 г. литографы Бордо обратились к литографам Парижа, которые обещали им «энергичную поддержку в их борьбе» [6]. Такую же солидарность проявили парижские металлисты, когда к ним за помощью обратились бастующие металлисты Лиона [7].

В связи с ростом стачечного движения и вызванной им настоятельной необходимостью организации рабочих неизбежно встал вопрос о создании и восстановлении профессиональных обществ. В 1871 г. объединились в синдикальные палаты столяры департамента Сены и рабочие керамической промышленности в Лиможе. За короткий срок, в течение февраля 1872 г., в Париже было полностью реорганизовано 7 обществ: Общество

[1] «Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 25, 35.
[2] «Liberté», 17. XII. 1871.
[3] «Liberté», 7. I. 1871.
[4] «Liberté», 10, 17. XII. 1871.
[5] *L. Figuères* «J. Guesde et le guesdisme», «Cahiers du communisme», 1955, № 10.
[6] «L'Internationale», 15. IX. 1872.
[7] «Le Correspondant», 25. V. 1873.

сопротивления печатников-литографов, синдикальные палаты мраморщиков, ювелиров, перчаточников, кооперативные общества и кассы взаимопомощи рабочих кожевенного производства и переплетчиков и общество рабочих-щеточников [1]. В марте этого же года возродились синдикальные палаты рабочих-бронзовщиков, а затем в 1873 г. механиков департамента Сены [2]. Французские члены Интернационала использовали эти легальные возможности, ведя пропаганду принципов Товарищества среди членов профессиональных обществ. В мае 1872 г. в Париже насчитывалось уже около 20 синдикатов [3], а к концу года, по сведениям «Correspondant», не менее 40—50 [4]. Однако по более точным сведениям префекта полиции (доклад министру внутренних дел от 31 июля 1872 г.) число синдикальных палат, реорганизованных или находящихся в процессе образования, достигало 63, куда входило уже 19 270 членов [5]. В работе Монтрейя (псевдоним Ж. Лефрана) приведены данные об образовании в 1872 г. первых синдикальных палат: в Париже — поваров, жестянщиков, литографов, бронзовщиков, ювелиров, каретников; в Бордо — каменщиков и каменотесов; в Марселе — механиков; в Рубе — ткачей [6].

К Гаагскому конгрессу Интернационал добился значительных успехов во Франции. «Наши организации восстановлены более чем в тридцати департаментах Франции, и *Интернационал* там сейчас сильнее и активнее, чем когда бы то ни было [7].

19 июля 1872 г. Серрайе в докладе Подкомитету сообщил о росте Товарищества в ряде департаментов, в частности в Ло и Гаронне, Авероне, Оде, Эро. Секции действовали в Париже, Руане, Авиньоне, Бордо, Тулузе, Пезенасе, Монпелье, Безье, Сьоте, Гейяке, Нарбонне, Лиможе, Лизьё, Монбаре, Кане, в департаменте Тарн, на Корсике и в других местах [8].

На Гаагском конгрессе из 65 делегатов французов было 18. Французские секции Интернационала располагали 14 мандатами

[1] «Liberté», 3. III. 1872.

[2] См. *П. Луи.* «История профсоюзного движения во Франции». М., 1923, т. 1, стр. 82—83.

[3] *Критская* и *Лебедев.* «История синдикального движения во Франции 1789—1907», СПБ., стр. 98.

[4] «Le Correspondant», 25. V. 1873.

[5] Цит. по книге: *R. Brecy.* «Le mouvement syndical en France 1871—1921». Paris, 1963, p. 1.

[6] *J. Montreuil.* «Histoire du mouvement ouvrier en France des origines à 1939». Paris, 1946, p. 112—115.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 171.

[8] 28 августа 1872 г. на заседании Подкомитета Серрайе привел список секций, основанных во Франции, с указанием их местонахождения. До нас, к сожалению, он не дошел («Генеральный Совет. 1871—1872», стр. 243).

и были представлены 11 делегатами. Пятеро прибыли из Франции под вымышленными именами. Участник Парижской Коммуны, а впоследствии член французской Рабочей партии Эжен Луи Файе под именем Дюмона представлял на конгрессе секции Руана и Парижа. Раймон Вильмар (псевдоним Вильмо), также участник Парижской Коммуны, имел мандат от секции в Бордо, откуда он был родом. Под псевдонимом Люкена скрывался Потель, представлявший секцию французских эмигрантов в Брюсселе [1]. И, наконец, Дантрег под псевдонимом Сварм был направлен секциями Тулузы и Пезенаса [2], а Хеддегем (Вальтер) добился мандата парижских секций. Остальные французские делегаты были эмигрантами Парижской Коммуны. Члены Генерального Совета Франкель, Жоаннар, Лонге, Серрайе, Ранвье, а также Поль Вишар представляли различные французские секции [3]. Кроме того, на конгрессе присутствовали Дюпон, Лафарг, Ле Муссю, Вайян, Арно и Курне, которые имели мандаты от Генерального Совета и секций других стран [4].

Гаагский конгресс, состоявшийся 2—7 сентября 1872 г., проходил в острой идейно-теоретической борьбе и закончился победой марксизма как революционной идеологии пролетариата над бакунизмом, выражавшим идеи мелкобуржуазного социализма внутри рабочего движения [5]. Почетным председателем конгресса был избран Ранвье. Он обратился к присутствующим с речью, в которой горячо отстаивал дело Коммуны. Ряд французских делегатов (Вайян, Франкель, Ле Муссю, Арно, Курне) также выступили в защиту Коммуны. Французские делегаты приняли активное участие в работе конгресса. Ранвье и Франкель вошли в мандатную комиссию, а Потель, Вишар и Вальтер были избраны в следственную комиссию по делу об Альянсе, состоявшую из 5 членов; на основе изученного материала комиссия пришла к выводу о несовместимости Альянса с Интернационалом и предложила исключить из Интернационала основателей

[1] См. мандат Потеля (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 59/21). Однако в списке делегатов, присутствовавших на Гаагском конгрессе, Потель значится представителем секции во Франции, а торговый служащий В. Сирилль — от французской секции в Брюсселе.

[2] О. Серрайе и П. Вишар — Потелю, конец 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3403). 18 августа Калас переслал Дантрегу мандат секции Пезенаса и деньги на поездку в Гаагу.

[3] Французские делегаты из соображения конспирации при поименной перекличке не называли секцию, от которой они имели мандат, а говорили лишь — французская секция («Liberté», 8. IX. 1872).

[4] «Liste nominale de délégués composant le 5-me Congrès universel, tenu à la Haye (Hollande), du 2 au 7 septembre 1872». Amsterdam, 1872.

[5] См. подробнее *Коротеева А. Е.* «Гаагский конгресс I Интернационала». М., 1963.

Альянса Бакунина и Гильома, а также ряд его членов, уличенных в дезорганизаторских действиях.

На конгрессе главным нападкам со стороны бакунистов подверглись организационные принципы Международного Товарищества, и в частности полномочия Генерального Совета. Французские делегаты и особенно представители парижских секций выступили в защиту усиления полномочий Генерального Совета как руководящего органа Международного Товарищества Рабочих. Ссылаясь на опыт Парижской Коммуны, которая дала «печальный, но полезный урок», они заявили в своей декларации, что сторонники превращения Генерального Совета в корреспондентское бюро не понимают ни характера, ни задач Интернационала; Коммуна доказала гибельность защищаемой бакунистами автономии, которая приводит лишь к дезорганизации, она доказала необходимость централизации сил пролетариата [1].

В борьбе с бакунистами все французские делегаты, как правило, поддерживали Маркса и Генеральный Совет. Они голосовали за введение в Устав статьи о политическом действии рабочего класса [2], за усиление полномочий Генерального Совета, а также за исключение Бакунина и Гильома из Интернационала.

Однако в других вопросах единодушия у французской делегации не было. Она в основном распадалась на две группы: бланкистов (эмигрантов в Лондоне) и представителей французских секций; часть последних выступала против бланкистской тенденции превратить Интернационал в средство немедленной подготовки революции. 7 сентября делегат парижской секции Дюмон (Файе) зачитал декларацию, в которой говорилось: «Мы не хотим новых авантюр. Наши ряды сильно поредели, наши лучшие солдаты изгнаны или расстреляны. Вот почему мы совершенно определенно заявляем, что до тех пор, пока силы Интернационала в Париже не будут реорганизованы и силы пролетариата не будут объединены, мы отвергаем различные демонстрации... Мы не намерены предпринимать никаких грубых политических актов, прежде чем наши силы не будут реорганизованы. Это дело трудное, хлопотливое, но оно может быть выполнено гораздо быстрее, чем думают, благодаря порядку, настойчивости, терпению и подбору суровых и крепких бойцов» [3]. Декларация парижских секций была поддержана и другими французскими делегатами, в частности Люкеном (Потелем) [4].

[1] «Liberté», 15. IX. 1872.

[2] Марксистскую точку зрения на политическую деятельность развивали французские делегаты Вайян и Лонге.

[3] «Liberté», 15. IX. 1872.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 52/3.

После того как было принято решение о переводе Генерального Совета из Лондона в Нью-Йорк, бланкисты Ранвье, Арно, Курне, Вайян в знак протеста покинули заседание конгресса. Гаагский конгресс решительно высказался против бланкистов, стремившихся сделать Интернационал орудием своей заговорщической деятельности. Бланкисты не хотели понимать, что своей игрой в заговоры они подвели бы под арест сторонников Интернационала во Франции. «Во Франции после закона Дюфора Интернационал вообще не может существовать *иначе*, «как тайно», но тайное пропагандистское общество и заговор — две разные вещи» [1],— писал Энгельс. Интернационал во Франции подвергался жесточайшим преследованиям. Засылка шпионов и провокаторов стала постоянным методом борьбы французской полиции с его секциями. Поэтому необходимо было соблюдать сугубую осторожность и конспирацию. Именно в связи с этим Серраййе и семь других делегатов (Дюпон, Лонге, Жоаннар, Файе, Потель, Вишар и Дантрег) внесли предложение об аннулировании старых полномочий, выданных ранее Генеральным Советом или федеральными советами Интернационала в тех странах, где Интернационал запрещен, и о предоставлении исключительного права назначать уполномоченных в этих странах Генеральному Совету. Это предложение было принято единогласно при нескольких воздержавшихся и должно было послужить своего рода контрмерой против учреждаемых полицией секций [2] и способствовать укреплению рядов Интернационала во Франции.

После Гаагского конгресса обострилась борьба во французских секциях Интернационала. Бакунисты, интриговавшие изо всех сил, долгое время не имели ни одной секции во Франции [3]. Однако теперь усилиями эмигрантов в Женеве (Малона и других) и не без помощи испанских альянсистов им удалось укрепиться кое-где на юге Франции. В числе сторонников Альянса в этот период находился и Жюль Гед, проживавший тогда в Италии [4].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 315.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 48/12. Еще в 1870 г. с помощью агента-провокатора Герена, пробравшегося в бланкистскую организацию, было устроено над революционерами судилище в Блуа («Procès de l'Internationale», p. 49). До Гаагского конгресса уже были разоблачены агенты полиции в ряде французских секций — Буске в секции Безье, Гондр и Бакав в Нарбонне. Характерно, что все они в то же время были тесно связаны с альянсистами.

[3] Маркс — Лафаргу, 21 марта 1872 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 366.

[4] Путь Ж. Геда к научному коммунизму был сложен и труден, он шел через заблуждения и искания. Начал свою деятельность Гед как буржуазный республиканец, затем оказался под влиянием анархизма. Однако вскоре притягательная сила марксистских идей одержала верх

Твердо веря в принцип «автономии», Гед в письме одному из руководителей секции Монпелье Жерони предлагал план, который фактически вел бы к дезорганизации Товарищества на юге. Он советовал создать в Монпелье «независимую секцию, установить связь с секцией в Безье, которая целиком с нами, присоединить, если возможно, Сет и Лодив и т. д., образовать департаментский совет или комитет, который войдет в сношение с бельгийскими, юрскими, испанскими, итальянскими федеральными комитетами и будет действовать в согласии с ними» [1]. В этом же духе Гед писал другому корреспонденту накануне Гаагского конгресса [2].

Подобные же инструкции давал и Малон из Женевы. Он пытался вызвать раскол во французских секциях, действуя через своего друга адвоката Сен-Мартена [3].

Но письменные послания сторонников Альянса не оказали желаемого действия. Наоборот, эти письма были пересланы в Генеральный Совет и послужили веским доказательством дезорганизаторской деятельности бакунистов. Самым печальным результатом было то, что фракционную борьбу альянсистов использовала полиция. Когда Гед опубликовал в октябре 1872 г. в брюссельской «Liberté» корреспонденцию, в которой была напечатана полностью фамилия Каласа, французская полиция немедленно установила за последним слежку. Перехватив письмо Серрайе к Каласу, где много говорилось о Дантреге, полиция арестовала обоих. Захваченные у Дантрега документы дали в руки полиции материал для арестов почти всего руководства секций [4].

После Гаагского конгресса бланкисты, вышедшие из Интернационала, начали открытые враждебные действия против

над анархистскими убеждениями Геда. Подробнее об идейной эволюции Геда см. книгу И. Д. Белкина «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции». М., 1952.

[1] Ж. Гед — Жерони, 22. IX. 1872 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5638.

[2] «Хотя вы и примыкаете к нашей автономистической программе, сообщите все-таки через Серрайе лондонскому Генеральному Совету о вашей организации. Таким путем вы наверняка будете представлены на предстоящем конгрессе, на который ваш делегат будет допущен и где вы нам будете очень полезны. Вы знаете, что для создания секции достаточно признать Общий Устав Интернационала и резолюции его конгрессов. После этого вы можете составлять какие вам угодно местные уставы» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3311. Гед — неизвестному).

[3] Хеддегем — О. Серрайе, 6 августа 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5631. См. также письмо Дантрега к Серрайе от 23 апреля 1872 г., где цитируется письмо Малона неизвестному с указаниями не признавать Генеральный Совет. Там же, ед. хр. 5626.

[4] Энгельс — А. Зорге, 20 марта 1873 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 478.

Генерального Совета. Руководящая группа бланкистов, которая состояла из эмигрантов Парижской Коммуны и входила в состав Генерального Совета, в своей брошюре «Интернационал и революция», выпущенной в начале ноября 1872 г., сразу же после Гаагского конгресса, обвиняла Генеральный Совет в отсутствии «революционной энергии» и заявляла о намерении учредить независимую организацию. Брошюра была написана Вайяном и издана за подписями Вайяна, Арно, Курне, Маргерита, Мартена и Ранвье [1]. В этом документе особенно ярко проявился свойственный бланкистам волюнтаризм и игнорирование реальных условий борьбы. Однако годы Интернационала и участие в Парижской Коммуне не прошли и для них бесследно. В экономической части своей программы бланкисты отказывались от мелкобуржуазных идей прудонизма и объявляли себя сторонниками социалистических мероприятий [2]. Во Франции бланкисты действовали, в частности, через Хеддегема, получившего полномочия Генерального Совета по рекомендации Ранвье [3]. Более того, бланкисты Курне и Ранвье еще в Гааге — в нарушение постановления конгресса (об аннулировании всех прежних полномочий и предоставлении права давать новые только Генеральному Совету) — неосмотрительно выдали новые полномочия Хеддегему [4], который оказался давнишним полицейским агентом.

16 ноября 1872 г. Энгельс в Нью-Йорк писал генеральному секретарю Генерального Совета Зорге, что бланкисты «уже затеяли склоку в различных городах Франции» [5], и просил его не давать Дерёру, ставленнику бланкистов в Совете, никаких адресов.

Осенью 1872 г. часть руководящего ядра Тулузского комитета (Сарран, Пеи, Жобер, Рюэ), установив непосредственную переписку с Хеддегемом, поддержала бланкистов против Генерального Совета. В секции начались разногласия. Парижская секция Ферре, находившаяся под сильным влиянием бланкистов, отказалась признать резолюции Гаагского конгресса,

[1] Подпись Ранвье была поставлена без его согласия (см. Дюпон — Марксу, 6 ноября 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3089). Он возражал против личных нападок, которые в изобилии содержались в первоначальной редакции текста, и заявил, что никогда его не подпишет (Энгельс — А. Зорге, 16 ноября 1872 г. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 448).

[2] См. статью Энгельса «Программа бланкистских эмигрантов Коммуны». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 510—517.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 320.

[4] «Liberté», 8. VI. 1873; Энгельс — Зорге, 14 июня 1873 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр 491.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 449.

назвав их авторитарными; она не признала также и нью-йоркского Генерального Совета [1]. Прекратила переписку с Генеральным Советом и авиньонская секция, на руководителя которой Э. Шаму оказывал воздействие Хеддегем, установивший с ним связи [2]. В брюссельской газете «L'Internationale» опубликовала протест против гаагских решений и позиции своего делегата Руанская федерация [3].

Однако основная масса французских членов Интернационала признала решения Гаагского конгресса. Во Франции организации Интернационала «примыкают к Гааге и к Генеральному Совету» [4],— писал Энгельс. Об этом свидетельствовал и Серрайе в письме к Юнгу от 21 февраля 1873 г. [5] Единодушное одобрение получили гаагские резолюции в Бордосской федерации и связанных с ней секциях. «Несмотря на интриги юрцев и бланкистов, дела на юге хороши» [6],— сообщал Энгельс Зорге 7 декабря 1872 года.

Однако этот успех не был своевременно закреплен. Занятый другими организационными делами, новый Генеральный Совет в Нью-Йорке запоздал с выдачей полномочий Серрайе, Лароку и другим корреспондентам. Прошло больше 2-х месяцев после Гаагского конгресса, а во Франции не были выданы новые полномочия. Этим не замедлили воспользоваться бакунисты и бланкисты. Стали приходить тревожные сигналы из Авиньона, Бордо и других мест, где юрцы вызывали беспорядки и раздоры в секциях [7]. Отсутствие полномочий в руках Серрайе, а также уполномоченных на местах развязывало руки интриганам и ставило под угрозу плоды самоотверженной работы в течение целого года. Поэтому Энгельс, который неоднократно напоминал Генеральному Совету о необходимости срочно решить вопрос с полномочиями для Франции, воспользовался своим правом временно назначать уполномоченных по сбору членских взносов и выдал от своего имени 9 декабря такие полномочия Лароку.

22 декабря 1872 г. Генеральный Совет утвердил их и назначил Серрайе временным представителем Генерального Совета для Франции. 30 декабря такие же полномочия, как Ларок, получил Фердинан Арген для Тулузы. Введенный в заблуждение

[1] «Liberté», 27. V. 1873.

[2] О. Серрайе — Энгельсу, 9 декабря 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3397.

[3] *J. Guillaume.* «L'Internationale...», Paris, 1909, t. III, p. 37.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 317.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 186, ед. хр. 1236.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 454.

[7] О. Серрайе — Энгельсу, 6 декабря 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3396.

отзывами бланкистов о Хеддегеме, Совет выдал ему полномочия для Парижа [1].

После Гаагского конгресса Серрайе развернул энергичную деятельность, парализуя интриги бакунистов и бланкистов и добиваясь одобрения решений конгресса. Серрайе сумел подготовить закрытую конференцию секций Интернационала в Южной Франции. Все практическое руководство в организации конференции осуществил Ларок. Конференция открылась 25 декабря 1872 г. в Тулузе. На ней присутствовали делегаты от секций Тулузы, Монпелье, Бордо, Безье, Сета, Ажана, Нарбонны, Байоны, Авиньона, Кастельнодари, Лавардака, Перпиньяна и др. [2]. На конференции предстояло дать решительный бой бакунистам, признать резолюции Гаагского конгресса и тем самым окончательно разделаться с влиянием юрцев на юге. Делегаты конференции признали Генеральный Совет в Нью-Йорке и резолюции конгресса [3]. Подобные конференции предполагалось провести в центре и на севере Франции. Однако это намерение не пришлось осуществить. Тулузской конференции даже не было дано закончить свою работу. Делегаты ее были арестованы. Началась новая волна преследований Интернационала.

Деятельность провокатора Хеддегема причинила огромный вред не только парижской организации, но и многим другим секциям, с которыми ему удалось установить отношения, пользуясь своим мандатом. Он составил список главных секций Интернационала во Франции, получил адреса руководителей этих секций и важнейшие документы. Все это перешло в руки полиции [4] и явилось одной из главных причин быстрой расправы с Интернационалом во Франции.

Полиция напала на след Интернационала и в другом конце Франции, на юге. Здесь ей пришли на помощь альянсисты, которые в своей фракционной борьбе зашли так далеко, что пренебрегли элементарной конспирацией. Полицейская машина заработала во всю мощь. Многочисленные аресты следовали один за другим. Не осталось ни одного большого города во Франции, где не подверглись бы преследованиям настоящие или предполагаемые члены Интернационала. Об осведомленности полиции, использовавшей доносчиков и шпионов, говорит тот факт, что аресты были произведены одновременно в Париже, Тулузе, Лизьё, Кане, Лионе, Авиньоне, Нарбонне, Безье,

[1] «Annali dell'Istituto Giangiacomo Feltrinelli», Milano, 1961, p. 426—429. См также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 320.

[2] О. Серрайе — Энгельсу, 6 декабря 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3396.

[3] Серрайе — Юнгу, 21 февраля 1873 г. ЦПА ИМЛ, ф. 186, ед. хр. 1236.

[4] «Procès de l'Internationale», p. 20.

Перпиньяне, Сете, Лодиве, Кастельнодари, Монпелье и др.[1]. Характерно, что «немногие раскольники, имеющиеся во Франции», избегли этой участи[2]. Организация Интернационала, восстановленная благодаря исключительной самоотверженности и преданности ее членов, действовавших в чрезвычайно трудных условиях, снова была разгромлена. Лишь немногим членам Интернационала удалось скрыться, в том числе Лароку[3]. Большинство же предстало перед судилищем, устроенным французским правительством весной 1873 года. Судебную расправу открыл парижский процесс. Он начался в феврале и закончился в начале марта. Четверо обвиняемых были осуждены на тюремное заключение сроком от 3 лет до 1 года[4].

Самым крупным судебным процессом был тулузский, проходивший с 10 по 25 марта 1873 г. Полиция арестовала не только все руководство тулузской организации, но и некоторых приехавших на конференцию представителей других секций. Суду было представлено 38 обвиняемых. Калас, Шаму, Массон, Масможан, Дантрег, Сарран, Пеи, Жакоб и 13 других обвиняемых были приговорены к различным срокам — до 2-х лет — тюремного заключения. 16 обвиняемых были освобождены за недостаточностью улик. Уполномоченный Генерального Совета Ларок был заочно приговорен к 3-м годам тюрьмы.

На судебном процессе в Лизьё 4 февраля были осуждены на различные сроки тюремного заключения, а затем полицейского надзора 9 обвиняемых, в том числе руководители секций, рабочие Пиньоль и Сен-Дени[5].

На процессе в Безье 22 февраля из 4-х осужденных руководителей секции (Пужоль, Сальван, Лапейсонье) одному — Урбену Пажесу — удалось скрыться[6].

В Нарбонне была арестована большая группа членов Интернационала вместе с руководителями Жюстеном Канютисом и Микелем; последний вскоре после своего осуждения умер[7].

[1] Ларок — Энгельсу, 27 февраля 1873 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3190 и «Liberté», 23 февраля 1873.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 309.

[3] Ларок под именем Мортимера Латрака бежал в Испанию, в Сан-Себастьян, откуда пытался снова наладить связь с Бордо (Э. Ларок — Энгельсу, 23 июля 1873 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3283).

[4] «Liberté», 16 марта 1873; Зеваэс, ссылаясь на «Gazette des Tribunaux», 5. III. 1873, указывает лишь 2-х обвиняемых — Ван-Хеддегема (который получил 2 года тюрьмы) и Бернардона (1 год). См. «Histoire des partis socialistes en France», t. 2, p. 12. Лефран также дает эти сведения («Le mouvement socialiste sous la troisième République (1875—1940)», p. 19).

[5] «Liberté», 16. III. 1873.

[6] «Liberté», 23. II. 1873 и 16. III. 1873.

[7] «Liberté», 23. II. 1873.

Интернационалу во Франции был нанесен жестокий удар, после которого он уже не сумел оправиться [1].

Но преследования и репрессии правительства не были единственной причиной прекращения деятельности Интернационала во Франции. Они только ускорили этот процесс. Существовали более глубокие причины общего порядка, которые заключались прежде всего в том, что секции Международного Товарищества как форма организации рабочего класса уже больше не отвечали потребностям времени. Интернационал был запрещен, причем не только во Франции, но в той или иной степени почти во всех странах Европы. Переход к нелегальной деятельности был очень сложен для секций, не приспособленных к подпольным формам борьбы, которые диктовались обстановкой. Рабочему классу каждой страны нужна была более сплоченная, централизованная и единая национальная организация. Секции не отвечали новым требованиям не только в организационном отношении (они были разъединены, разобщены, не защищены от проникновения шпионов и провокаторов и т. д.), в них не было также и необходимого идейного единства. Особенно обострилась идейная борьба после Гаагского конгресса. Интриги бакунистов, а также бланкистов не всегда получали должный отпор. Некоторые французские секции не сумели разобраться в сложных теоретических спорах и оказались под влиянием мелкобуржуазных направлений в рабочем движении. Надо учесть и тот факт, что произошло известное снижение общего идейного уровня, вызванное тем, что цвет рабочего класса был истреблен во время разгрома Парижской Коммуны, а на смену ему пришли новые слои, ранее активно не участвовавшие в движении. Секции не смогли справиться самостоятельно с такой важной задачей как преодоление идейного разброда. Как правило, они действовали изолированно, не сумели установить прочную связь с синдикальным движением, хотя такие попытки и делались. Рабочий класс подошел вплотную к необходимости смены организационных форм движения. Этот вопрос стал не только перед французским пролетариатом, но и перед рабочими большинства европейских стран.

И тем не менее, значение борьбы за возрождение французских секций Интернационала не может быть недооценено. Быстрое восстановление организаций Интернационала во Франции

[1] В конфиденциальном годовом отчете 6 конгрессу Генеральный Совет писал: «Во Франции наша прекрасная организация была в один момент разрушена благодаря подлости предателя Хеддегема в Париже, который пользовался полным доверием так называемых бланкистов в Лондоне и поддерживал самые тесные отношения с ними» («Annali», 1961, p. 508).

свидетельствовало о революционной активности французского пролетариата, которую не смогла пресечь реакция, о тяге рабочих к объединению, о том, что идеи Международного Товарищества Рабочих завоевали себе прочное место в сознании рабочего класса. Возрожденные французские секции, наряду с эмигрантскими организациями, явились формой консолидации уцелевших кадров пролетарского движения и втягивания новых. Они послужили связующим звеном между прошлым этапом развития рабочего движения и новым его этапом. Многие члены секций стали активными участниками синдикатов, а позднее членами Рабочей партии. Следует отметить и тот факт, что секции не стояли в стороне от острой идейной борьбы в Интернационале, которая закончилась разгромом бакунизма. Эта идейная борьба в той или иной мере находила отражение во внутренней жизни секций, приобщая их к осмысливанию марксистских теоретических положений и приводя, с другой стороны, к размежеванию сил. Несмотря на идейную неоднородность секций, деятельность ее наиболее революционных элементов, тяготевших к марксизму, способствовала подготовке почвы для усвоения и распространения марксистского учения в дальнейшем.

Интернационал вызвал бурный рост политической сознательности и революционной активности пролетариата, поднял его классовую борьбу на более зрелую ступень. Одной из великих исторических заслуг Международного Товарищества Рабочих являлось воспитание плеяды замечательных революционеров, верных борцов за дело пролетариата. Создание первого в истории пролетарского государства в лице Парижской Коммуны выдвинуло перед рабочим классом новые задачи организации своих сил, прежде всего в национальном масштабе, для более успешной попытки завоевания политической власти. Это нашло свое выражение в документах Международного Товарищества Рабочих. Решение Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса и внесение соответствующей статьи в Общий Устав Гаагским конгрессом говорили о необходимости образования самостоятельных пролетарских партий. Организационные рамки Интернационала в этих условиях, когда «движение значительно переросло» [1] их, стали превращаться в «оковы». В письме от 23 сентября 1873 г. к Ф. Зорге, возглавлявшему тогда Генеральный Совет, Маркс писал: «Принимая во внимание положение дел в Европе, я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала... События и неизбежное развитие и усложнение обстановки сами позаботятся о восстановлении Интернацио-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 356.

нала в улучшенной форме» [1]. На новом историческом этапе было важно, «чтобы пролетариату в каждой отдельной стране была предоставлена возможность организоваться в самостоятельной форме» [2].

Во Франции в силу ряда политических и социально-экономических причин процесс образования массовой рабочей партии проходил нелегко. Прежде всего потому, что естественный ход развития был насильственно нарушен жестокими правительственными репрессиями. Политические организации пролетариата были запрещены.

В этих условиях единственно возможной формой широкой организации рабочих было профессиональное движение. Создание синдикальных палат и рабочих обществ позволяло пролетариату объединиться и собраться с силами для предстоящих битв. Чуждый какого-либо догматического преклонения перед сложившейся в определенный период формой и структурой организации пролетарского движения, Маркс считал, что в создавшемся положении надо использовать те организационные формы, которые имеются в реальности. В письме к Зорге от 4 августа 1874 г. он писал: «Во Франции в различных больших городах организуются и завязывают между собой связи рабочие синдикаты. Они ограничиваются *чисто профессиональными* задачами, да и не могут поступать иначе. В противном случае их закрыли бы без всяких церемоний. Но рабочие получают таким образом своего рода организацию, исходный пункт для того времени, когда снова станет возможным свободное движение» [3]. Жизнь подтвердила правоту Маркса. Как только прекратились преследования и появились более благоприятные возможности для развития рабочего движения, на основе, созданной профессиональными организациями пролетариата, была образована Рабочая партия.

Профессиональное движение в период существования Интернационала во Франции было в известной мере связано с французскими секциями, которые играли, как правило, роль центров политической деятельности пролетариата. Интернационал во Франции, как и везде, дал толчок росту профессиональных союзов. С разгромом же его секций влияние пролетарских революционных сил на профессиональные организации заметно ослабело. Временно преобладание в них получили реформисты. Этому способствовал ряд политико-экономических факторов.

Промышленное развитие Франции в 70-х годах шло в общем медленнее, чем Германии, США и Англии. Относительная численная слабость промышленного пролетариата (к тому же обес-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 508.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 425.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 532—533.

кровленного жестокими репрессиями) и сохранение многочисленных мелкобуржуазных прослоек города и деревни обуславливались медленными темпами индустриализации и наряду с этим устойчивостью специфических для Франции полуремесленных и кустарных отраслей производства. «Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.)» [1]. Это накладывало свой отпечаток на состав рабочего класса, в котором значительное место занимали мелкобуржуазные элементы. Серьезное значение имела недостаточная концентрация рабочих масс в крупных городах. Все это, вместе взятое, составляло питательную почву для существования мелкобуржуазных теорий, служило источником для возрождения различных разновидностей непролетарских течений в рабочем движении. Маркс и Энгельс писали, «что на каждом новом историческом этапе воскресают на короткое время старые ошибки» [2].

Воспользовавшись тяжелым моментом для французского пролетариата, радикальная буржуазия попыталась прибрать к рукам рабочее движение. Мелкобуржуазные публицисты Ж. Барбере (позднее чиновник министерства внутренних дел), Польа и др., подлаживаясь к цеховым пережиткам в сознании рабочих и используя их стремление к самостоятельной организации, захватили руководство синдикальным и кооперативным движением. Они хотели придать ему мирный характер и направить на путь соглашательства с буржуазией. Решительно отвергая революционную деятельность, отказываясь от любой формы политической борьбы и от всякого общения с политиками-«интеллигентами», рабочие организации, созданные Барбере, занимались лишь вопросами взаимопомощи, профессионального образования, организацией производственных кооперативов. Анализируя развитие рабочего движения этого периода, Лафарг писал: «Политическое движение, прерванное на определенное время, не возобновляется никогда в том пункте, в котором его оставили предшественники. Новые люди, его возобновляющие, вынуждены, подобно детям, заучивающим свой урок, вернуться к исходным пунктам движения и быстро снова пройти уже пройденные этапы. Вместо того, чтобы продолжать движение, вызванное Интернационалом, парижские рабочие отступили назад, вплоть до кооперации» [3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 31.

[3] *П. Лафарг.* «Социализм во Франции». Соч., т. I, М.—Л., 1925, стр. 64. Тем не менее здесь следует отметить, что этот процесс не был всеобъемлющим среди рабочих и проходил параллельно с другим процессом — возрождением секций Интернационала, о чем речь была выше.

Почти до конца 70-х годов XIX в. господствующим направлением в организованном рабочем движении был консервативный, аполитичный барберетизм. Однако и внутри самих барберетистских организаций уже в 1873 г. пробивается революционная струя. К сожалению, имеется очень мало материалов, чтобы подробнее осветить это движение, поскольку оно было подпольным. О его деятельности можно судить лишь по некоторым замечаниям Барбере, который жалуется на «неистовых», или, как он их еще называет,— «политиканов», мешающих его реформаторству и подрывающих его влияние. Барбере писал, что эти «недовольные критикуют образ мыслей тех, кто имел доверие рабочих, кто занимался их организацией и кто им всегда давал мудрые и практические советы. Они нанесли вред рабочему классу. Они старались овладеть нетерпеливыми. Они нападали на правительство, и, не отдавая себе отчета в том, что делают, не беспокоясь о ближайшем будущем, когда усилия прошлого смогут принести свои плоды, они повседневно пробивали брешь в синдикальной программе в целях изменить ее мирный дух, ее практичные стремления на политический и революционный образ действия» [1]. Как отмечает Барбере, «неистовые» завоевывают себе приверженцев в синдикатах. Синдикат механиков, который насчитывал 2000 членов, «стал объектом усиленной обработки политиканов-революционеров» и «в своем большинстве заразился теми доктринами, которые ему навязывали» [2].

«Подпольные агитаторы» работали и в других синдикатах, проникали в кооперативные организации и распространяли «ультрарадикальные идеи». Барбере признается, что «благодаря этой агитации чисто экономические вопросы, которые раньше фигурировали в повестках дня как единственные, интересовали уже меньше, чем политические вопросы» [3]. Знаменателен тот факт, что наибольших успехов революционное крыло добилось среди рабочих крупной промышленности (механики). Очевидно, существовали и другие революционные общества, которые также выступали против барберетистского направления. Об одном из таких — Обществе политических исследований по развитию кооперативного движения, созданном «фарисеями от социализма» в противовес барберетистскому Союзу,— упоминает Барбере в своей работе «Рабочее движение в Париже с 1870 по 1873 г.» [4]. Безусловно, что оппозиционное барберетизму течение в рабочем движении было связано и с революционными тради-

[1] *J. Barberet.* «Le travail en France». Paris, 1886, t. I, p. 28.
[2] Ibid.
[3] Ibid., p. 29.
[4] *J. Barberet.* «Mouvement ouvrier à Paris de 1870 à 1873». Paris, 1874, p. 100.

циями Интернационала, который сумел пустить корни во французском пролетариате. После запрещения и разгрома Интернационала все политически активные элементы рабочего класса, уцелевшие от репрессий, приняли участие в профессиональном движении, используя эти единственные легальные возможности. Габриель Девиль, руководитель тулузской секции, по прибытии в Париж в конце 1872 г. вместе с В. Маруком пытался войти в контакт с передовыми рабочими. Они тотчас же начали выступать против Барбере [1]. «Неизвестные на заводах, в мастерских начали на следующий же день после поражения Коммуны говорить между собой о социальных улучшениях» [2],— писал современник, французский журналист Мермей (псевдоним Террея).

После кризиса 1873 г. [3] усилились революционные настроения в самой толще рабочего класса. Помимо пропаганды «неистовых», которая, безусловно, делала свое дело, решающую роль сыграли объективные экономические факторы: снижение заработной платы, рост безработицы и соответственно сокращение притока мелкобуржуазного пополнения в рабочий класс. В период 1874—1876 гг. значительно возросло количество стачек. Даже по официальной, уменьшенной статистике, в 1874 г. бастовало 2730 рабочих (22 стачки), в 1875 г. уже 8544 (28 стачек), а в 1876 г. было зарегистрировано 49 стачек при 7173 бастующих [4]. При этом огромное большинство бастующих приходилось на рабочих крупной индустрии. В 1874 г. 92% бастующих (2510 чел.) составляли рабочие металлургической, горнодобывающей и текстильной промышленности. По подсчетам Левассёра, за весь этот период более 70% стачечников принадлежало к индустриальным рабочим [5]. Участие в забастовочном движении столяров, кожевников, гвоздарей, каменотесов говорит о том, что эти синдикаты начали отказываться от барберетистских принципов, вступая на самостоятельный путь борьбы. Барбере жаловался на плотников и каменотесов, которые не послушались его советов: «Несмотря на то, что я решительно протестовал против стачки, они ее объявили» [6].

[1] Из письма Р. Каза (R. Caze) Девилю от 21 февраля 1873 г. (архив Девиля, коллекция Домманже). Цит. по книге: *C. Willard.* «Le mouvement socialiste en France (1893—1905). Les guesdistes». Paris, 1965, p. 12.

[2] *Mermeix.* «La France socialiste». Paris, 1886, p. 42.

[3] Подробнее см. «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. 1, 1937, стр. 184.

[4] «Annuaire statistique de France», v. XIII, 1890, p. 511.

[5] *Levasseur.* «Questions ouvrières et industrielles en France sous la Troisième République». Paris, 1907, p. 850.

[6] *J. Barberet.* «Le travail en France», t. II, p. 279.

Установление буржуазной республики во Франции в 1875 г.[1] и отмена осадного положения в стране способствовали подъему и консолидации рабочего класса. Французский пролетариат проявил высокую сознательность, принимая горячее участие в борьбе за республику. Однако конституция 1875 г. представляла шаг назад по сравнению с прошлыми республиканскими конституциями 1793 и 1848 годов. Само слово «республика» в конституции 1875 г. стыдливо упоминалось всего один раз, да и эта статья была принята большинством лишь в один голос. Это обстоятельство давало основание называть третью республику во Франции «республикой без республиканцев».

Тем не менее установление режима парламентарной буржуазной республики создавало более благоприятные условия для организации пролетариата как класса и для борьбы трудящихся за свои права и за улучшение своего положения. Это отмечал Энгельс в статье «Европейские рабочие в 1877 году»: «Как бы ни было презренно нынешнее республиканское правительство Франции, все же окончательное установление республики дало, наконец, французским рабочим почву, на которой они могут организоваться как самостоятельная политическая партия и вести будущие сражения не на пользу других, а на свою собственную пользу»[2].

Ослабление преследований сразу же положительно сказалось на развертывании рабочего движения. В октябре 1876 г. в Париже собрался первый рабочий конгресс, который явился важным этапом в развитии рабочего движения.

Социальный состав конгресса (ни одна группа индустриальных рабочих, за исключением механиков, обладающих 10 мандатами, не участвовала в нем[3]), а также тот факт, что руководство конгрессом находилось в руках буржуазных кооператоров, наложил отпечаток на обсуждение и решение вопросов, стоявших в повестке дня. За исключением одного вопроса — о рабочем представительстве в парламенте,— все остальные носили чисто экономический характер. Докладчиком по этому вопросу был делегат Лиона Альбер. После речи дижонского делегата Проста, бывшего члена Интернационала, конгресс единогласно высказался за рабочие кандидатуры. Надо сказать, что Прост

[1] См. этот вопрос подробнее в книге В. И. Антюхиной-Московченко «История Франции 1870—1918». М., 1963, стр. 200 и далее.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 142.

[3] Об этом позаботилась инициативная комиссия во главе с Барбере, Шабером и Отеном, разработавшая такие принципы представительства, которые давали преимущество малочисленным, но организованным корпорациям рабочих.

пользовался большой популярностью на конгрессе [1]. Он дважды избирался его председателем. Выступления Проста имели наибольший успех.

Принятием резолюции о прямом рабочем представительстве в парламенте конгресс поставил вопрос об отделении рабочих от всех существующих партий.

Однако по другим вопросам конгресс принял ряд реакционных по существу резолюций, в частности выступил против стачек. Единственный путь освобождения рабочего класса конгресс видел в кооперации, которая должна обеспечить рабочим капитал для приобретения орудий производства и привести к медленной эволюции общественного строя на основе «солидарности» и «справедливости» [2].

Несмотря на более чем умеренный, даже в известной мере «реакционный характер, Парижский конгресс должен считаться исходным пунктом современного социалистического движения»,— писал Лафарг [3]. Уже самим фактом своего созыва он говорил о растущей силе рабочего класса. Этого не поняли бланкисты-эмигранты, выпустившие против Парижского конгресса резкое воззвание [4], в котором игнорировали действительное положение вещей и жонглировали революционными фразами. Развитие синдикального движения, руководство которым было временно захвачено барберетистами, проходило в обстановке только что отмененного осадного положения в стране. По мере укрепления политического положения рабочих, по мере развития производительных сил и концентрации производства росли и революционные тенденции в синдикатах. Свою роль в процессе отхода от принципов аполитичного барберетизма сыграли и «подпольные агитаторы» — революционное направление в синдикальном движении.

Казалось бы, что после повсеместного разгрома в начале 1873 г. французских секций Интернационала социалистическое движение должно было замереть на долгие годы. И однако уже в этом же году стали возникать новые социалистические группы.

[1] Это отмечал и русский журнал «Отечественные записки», 1877 г., № 11, стр. 73: «Часовщик В. Прост... умно и ловко вел прения» и далее, на стр. 86: «Появление на трибуне Проста встречали громкими рукоплесканиями».

[2] Малон утверждает, что на конгрессе было меньшинство — Леклер, Дюпир, Баливе, Корсены и др., которое «выступало за то, чтобы отдать предпочтение социальной борьбе» («Revue socialiste», 1886, N 22, p. 877).

[3] *П. Лафарг.* «Социализм во Франции». Соч., т. 1, стр. 65.

[4] Обращение лондонской группы бланкистов «Les syndicaux et leur congrès» полностью перепечатано в приложении к книге: *Mermeix.* «La France socialiste».

Организаторами этих тайных пропагандистских кружков явились бывшие члены Интернационала.

В Париже наибольшей известностью и влиянием пользовался кружок кафе Суффле, расположенный на углу бульваров Сен-Жермен и Сен-Мишель. Несколько позднее образовался другой социалистический кружок на улице Муфтар, в центре рабочего квартала [1].

В кружок кафе Суффле входила небольшая, но хорошо организованная группа молодежи. Среди нее были Г. Девиль, Лабюскьер, Дарьё, Меридионо (бывшие члены Интернационала), студенты В. Марук, Массар, Готье, рабочие Буэнваль, Бельфон, Феспель, Леме и др. Буржуазный журналист Мермей, лично хорошо знавший членов кружка, писал, что «они объединились вокруг легенды об Интернационале» [2]. Большая роль в организации и деятельности кружка принадлежала Габриелю Девилю, впоследствии видному руководителю социалистического движения во Франции. Г. Девиль, происходивший из богатой семьи, получил блестящее образование. Он стал революционером, по выражению Мермея, не по сентиментальному увлечению, а по зрелому размышлению [3]. Г. Девиль образовал в Тулузе секцию Интернационала и, по некоторым данным, был на Гаагском конгрессе [4], где познакомился с Энгельсом. Об этом имеется интересное свидетельство немецкого социалиста К. Гирша. В письме к Марксу от 6 февраля 1878 г. Гирш спрашивает, помнит ли еще Энгельс «о Девиле, секретаре тулузской секции. Он находится в Париже, впрочем, как и *многие из бывших членов этой секции»* [5] (курсив наш.— *З. Ч.*).

На своих ежедневных собраниях в кафе Суффле члены кружка горячо обсуждали политические и социальные вопросы, изучали постановления и решения конгрессов Интернационала. К середине 70-х годов эта группа еще не была марксистской, но она искала пути в этом направлении [6]. Кружок объединял революционно настроенную молодежь, совместно выступавшую против врагов социализма. (Однако впоследствии пути многих членов кружка резко разошлись. Девиль и Массар пошли за Гедом,

[1] *Критская* и *Лебедев*. «История синдикального движения...», стр. 109.

[2] *Mermeix*. «La France socialiste», p. 55.

[3] Ibid., p. 115.

[4] См. *И. Д. Белкин*. «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции», стр. 122. Однако в списке делегатов конгресса имя Девиля не упоминается. От тулузских секций делегатом конгресса был Дантрег.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3879.

[6] *A. Ferrat*. «K. Marx et le mouvement ouvrier français après la Commune». «Cahiers du bolchevisme», 15. III. 1933, p. 426.

Лабюскьер, Марук, Кальвинак увеличили ряды поссибилистов, а Готье и Крие стали анархистами.)

Большую помощь в изучении теории научного социализма членам кружка оказал немецкий социал-демократ, член Интернационала К. Гирш, который с 1874 г. жил в Париже. Его письма некоторое время являлись для Маркса и Энгельса одним из основных источников информации о французских делах. При поездках в Лондон в сентябре 1875 г. и летом 1877 г. Гирш подробно сообщал Марксу о положении во Франции. Хорошо знавший марксистскую литературу, Гирш познакомил группу молодежи с «Коммунистическим манифестом», «Нищетой философии», «Капиталом» и др. Очевидно, изучение произведений Маркса было основательным, поскольку Девиль хотел написать краткое изложение «Капитала» [1].

Издание и распространение трудов Маркса во Франции в условиях реакционного режима встречало большие трудности. В середине 1875 г. французское правительство передало юридические права на издательство Лашатра в Париже реакционеру Кэ, который всячески задерживал печатание I тома «Капитала» и мешал его распространению. Буржуазная пресса в основном хранила глубокое молчание, а две появившиеся рецензии — Блока и Лавеле — давали совершенно превратное представление о «Капитале» [2]. Французские социалисты, обеспокоенные таким положением, пытались разбить заговор молчания. В частности, служащий книгоиздательства Лашатра А. Ориоль (впоследствии издатель социалистической литературы) обратился к Марксу с просьбой дать статью о «Капитале», чтобы поместить ее в радикальной газете «Le Rappel» [3]. Маркс посоветовал Ориолю связаться на этот счет с Гиршем. Последний обещал сделать краткое изложение «Капитала» [4], но, вероятно, затем перепоручил написать его Девилю [5].

[1] Это намерение ему удалось осуществить только в 1883 г., уже после смерти Маркса. Книга Девиля ««Капитал» Карла Маркса», вышедшая в 1923 г. в серии «Социалистическая библиотека», выдержала несколько изданий.

[2] Статья Блока «Теоретики социализма в Германии» напечатана в «Journal des Economistes» в июле и августе 1872 г., а статья Лавеле «Современный социализм в Германии. 1. Теоретики» в журнале «Revue des deux Mondes» 1 сентября 1878 г.

[3] Ориоль — Марксу, 13 апреля 1876 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3647.

[4] Ориоль — Марксу, 3 июня 1876 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3657.

[5] В декабре 1876 г. Девиль написал Марксу письмо, в котором предлагал свои услуги по «изложению» «Капитала». В связи с обязательствами, обусловленными договором, Маркс вынужден был отказаться в это время от проекта Девиля. См. ответное письмо Маркса Девилю от 23 января 1877 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 193).

Маркс, а также Энгельс, уделяли большое внимание распространению научного социализма во Франции. Прямые их связи с французскими социалистами были нарушены разгромом Интернационала во Франции. Главным связующим звеном между французскими социалистами и Марксом и Энгельсом в этот период был К. Гирш [1]. Кроме того, Маркс и Энгельс поддерживали непосредственный контакт с одним из руководителей Интернационала в Испании Х. Меса, также жившим в эти годы в Париже, и с немецким эмигрантом, членом Интернационала Каубом. Летом 1875 г. Меса приезжал в Лондон, где встречался с Марксом и Энгельсом. В начале 1876 г. Меса познакомился в Париже с Гиршем. Вскоре они стали близкими друзьями. Меса не прерывал своих связей и с Лафаргом, находившимся тогда в Лондоне.

Интенсивная переписка Гирша с Марксом и Энгельсом [2] позволяет судить об усилиях Гирша в распространении марксистской литературы, о его попытках организовать переиздание ряда работ Маркса, в частности «Нищеты философии» и т. д. Гирш не только вел пропаганду марксизма в кружке кафе Суффле, но и распространял произведения Маркса и Энгельса среди передовых рабочих, прогрессивной интеллигенции. В январе 1876 г. он писал Марксу, что дал прочитать «Нищету философии» Консидерану. «Он еще не был знаком с этой работой и был ею восхищен. Он дал ее многим своим знакомым. Ее мгновенно прочитал Жане, профессор школы политических знаний... Надо широко распространить также «Коммунистический манифест». Я знаком со многими молодыми людьми, которые могли бы заняться этой пропагандой» [3].

Гирш имел в виду революционную молодежь кафе Суффле. На выборах в парламент в феврале 1876 г. члены кружка выдвинули кандидатуру профессора Аколла, в прошлом сотрудника газеты Геда «Revue Internationale». Аколла выступал с разработанной избирательным комитетом «Республиканской и радикал-социалистической программой». Значение программы состоит в том, что это было первое открытое коллективистское выступление, хотя ряд ее положений носил еще полупрудонистский характер. Требование полной и немедленной амнистии коммунарам и признание необходимости изменения социального строя (впрочем, без указания каким способом) прозвучали для

[1] См. *И. Д. Белкин.* «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции», стр. 119, 124 и др.

[2] Записи содержания писем Маркса, сделанные полицией и хранившиеся в архиве парижской префектуры, см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 401—403.

[3] Гирш — Марксу, 30 января 1876 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 3628.

того времени весьма решительно. Члены кружка кафе Суффле, сотрудничая в демократической газете «Droits de l'Homme», а после ее закрытия в «Radical», начали борьбу за амнистию коммунарам. Это была именно та платформа, которая позволяла на легальной основе перегруппировать передовые революционные силы.

В мае 1876 г. члены кружка, воспользовавшись приездом в Париж делегаций иностранных студентов (на похороны известного французского историка-демократа Мишле), решили созвать международный конгресс студентов-социалистов. Собрание состоялось 18 мая. С большой речью о социализме, о роли передовой молодежи выступил Массар.

Кружок делал попытки сближения с рабочим классом. Он выпустил воззвание к рабочим, призывая их к объединению. «Необходимо, чтобы учащаяся республиканская молодежь и пролетариат объединились во имя общего дела» [1]. Однако в основном участники кружка были оторваны от рабочего движения. Решение задачи соединения социализма с рабочим движением связано с деятельностью Геда.

Гед вернулся во Францию осенью 1876 г. За время эмиграции в Италии его идейные убеждения претерпели серьезную эволюцию. Под влиянием практического рабочего движения — Гед сблизился с рабочими организациями, в частности с группой «Plebe», в 1872—1873 гг. органом итальянских секций Интернационала, в котором сотрудничал Энгельс,— а также благодаря знакомству с произведениями русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского, он начал отходить от анархизма к научному социализму [2]. Однако в Париж Гед возвратился не готовым марксистом. Даже в последующий, лучший период его деятельности он не мог избавиться от некоторых теоретических ошибок и пережитков анархистских взглядов.

Большую роль в становлении Геда как марксиста сыграло общение с членами кружка кафе Суффле и, главным образом, с Гиршем [3]. По свидетельству Лафарга, Гирш познакомил Геда с марксистской теорией [4]. Именно в это время Гед изучил «Капитал», «Святое семейство» и др. Интересно отметить, что «Святое

[1] *Ж. Вейль.* «История социального движения во Франции (1852—1902)». Спб., 1906, стр. 204.

[2] Подробнее об этом см. *И. Д. Белкин.* «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции».

[3] Виллар считает, что «молодежь кафе Суффле и особенно Гирш открыли ему марксизм» (Op. cit., p. 13).

[4] Лафарг, не называя имени Гирша, говорит о «немецком социалисте, изгнанном преследованиями Бисмарка в Париж». См. *P. Lafargue.* «Die sozialistische Bewegung in Frankreich von 1876—1890». («Die Neue Zeit», 1890, S. 339).

семейство» не было тогда еще переведено на французский язык, а поскольку немецкого Гед не знал, то знакомство с этой работой могло произойти лишь с помощью Гирша. Если для Геда встреча с кружком кафе Суффле ознаменовалась углубленным изучением марксизма, то, с другой стороны, деятельность кружка получила благодаря исключительной энергии и организаторскому таланту Геда необходимую активность и целеустремленность, действенный революционный характер. Гед сделался признанным руководителем кружка и, как писал Лафарг, «центральной фигурой возрождающегося социалистического движения» [1].

Огромной заслугой Геда является то, что он повернул кружок лицом к рабочему движению. Основанием газеты «Egalité», начавшей выходить в 1877 г., Гед неизмеримо расширил рамки пропаганды марксистского учения.

Редакция газеты стремилась привлечь Маркса и Энгельса в число своих сотрудников. Однако более прочные и непосредственные отношения с Гедом у Маркса и Энгельса установились позднее, в конце 1878 г. и особенно с середины 1879 г., когда начал сотрудничать в «Egalité» П. Лафарг, находившийся с ними в повседневном контакте. Участие Лафарга [2] в пропаганде социалистического учения на страницах «Egalité» и других прогрессивных органов подняло ее на более высокий теоретический уровень. Лафарг правильно видел направление развития и задачи, стоящие перед рабочим классом на данном этапе. В письме к Геду он писал: «Интернационал сыграл большую роль, он привел в движение рабочий класс; нам предстоит заново построить Интернационал. Но вместо того чтобы действовать, как при империи, в международном масштабе, мы должны начать с национальных организаций, которые, когда они станут достаточно сильными...» (фраза обрывается) [3].

Все свои усилия и возможности французские социалисты сосредоточили на борьбе за создание независимой рабочей партии. Это был основной вопрос всего рабочего движения.

Упорная и активная пропаганда научного коммунизма, неустанная организационная работа среди рабочих масс по сплочению всех революционных и прогрессивных сил вокруг гедистов завершилась в 1879 г. на Марсельском конгрессе созданием

[1] *П. Лафарг.* «Социализм во Франции». Соч., т. 1, стр. 66.

[2] Подробнее о деятельности Лафарга в этот период см. статью автора «Маркс, Энгельс и программа Рабочей партии Франции» («Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1963, стр. 444—491).

[3] Лафарг — Геду, 12 июля 1881 г. («Французский Ежегодник 1962», стр. 476.

рабочей партии на коллективистской платформе. И ее основателями были выросшие в рядах Интернационала деятели французского социалистического движения Гед [1], Лафарг, Девиль и другие.

Принятие марксистской программы в Гавре, в написании которой участвовали Маркс и Энгельс, а также Гед и Лафарг, сыграло чрезвычайно важную роль. Марксизм был официально признан теоретической базой новой партии. Был сделан серьезный шаг к ликвидации одного из главных недостатков, как указывал Маркс,— теоретической слабости и непоследовательности французского социализма.

Ставя на первый план «каждый шаг действительного движения» [2], Маркс и Энгельс тем не менее придавали большое значение и программным документам. В письме к Бебелю Энгельс писал: «Вообще официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности. Но все же *новая* программа всегда представляет собой открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени» [3].

Тем знаменательней был тот факт, что было водружено марксистское знамя. Французская программа представляла собой первое последовательное изложение коммунистических принципов в международном социалистическом движении после Парижской Коммуны. По сравнению с программами социалистических партий других стран она была первой и лучшей марксистской программой в национальном масштабе.

* * *

Коротко подводя итоги развития французского рабочего движения после Коммуны, надо отметить, что восстановление нелегальных секций Интернационала во Франции в тяжелых условиях реакции явилось весьма убедительным доказательством силы влияния Международного Товарищества Рабочих на французский рабочий класс и свидетельством того, какую большую роль оно сыграло в подготовке условий для распространения марксизма во Франции в 70-е годы. Французские секции начали функционировать через несколько месяцев после поражения Коммуны, а через год полностью восстановили свою

[1] Безусловно, на эволюцию Геда оказало большое влияние участие его в работе итальянской секции Интернационала, находившейся в постоянной переписке с Энгельсом. Недаром П. Лафарг писал, что «Гед вошел в соприкосновение с деятелями Интернационала, давшими ему первые понятия о социализме» (*П. Лафарг.* Соч., т. 1, стр. 66).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 12.

[3] Там же, стр. 6.

организацию. Более того, можно считать, что французское социалистическое движение совсем не замерло и после разгрома Интернационала во Франции в 1873 году. Уцелевшие члены Интернационала продолжали свою пропагандистскую деятельность с этого же года в социалистических кружках и в качестве «подпольных агитаторов» в синдикальном движении. Здесь уже в то время шел процесс образования революционного крыла рабочего движения. В связи с этим нельзя считать правильным существовавшее в исторической литературе представление, что после Парижской Коммуны Интернационал во Франции почти бесследно исчез и впоследствии рабочее движение развивалось на совершенно новой основе в форме синдикатов и кооперативных обществ. Неправильно также говорить об абсолютном идейном господстве реформистов и кооператоров в синдикальном движении. Факты свидетельствуют о серьезном влиянии революционных идей Интернационала на последующий этап и все дальнейшее развитие рабочего движения во Франции.

А. Е. Коротеева

СЕЗАР ДЕ ПАП И КАРЛ МАРКС (1865—1875)

Имя бельгийского социалиста и ученого Сезара Де Папа, одного из основателей секций I Интернационала, Рабочей партии Бельгии и II Интернационала, занимает почетное место в истории бельгийского и международного рабочего и социалистического движения. Своими трудами по социально-экономическим и философским вопросам, по вопросам социальной медицины, физиологии, психологии, своей многолетней политической и организаторской деятельностью, своим бескорыстным, поистине подвижническим служением делу освобождения пролетариата Де Пап заслужил глубокое уважение и признательность рабочего класса.

На протяжении недолгой (1842—1890), но яркой и кипучей жизни, несмотря на лишения, длительную болезнь, преследования властей за политические и социалистические взгляды, Де Пап успел сделать чрезвычайно много. Революционер, социалист, теоретик и практик-врач — такова его разносторонняя деятельность.

Де Пап всю жизнь был тесно связан со многими видными деятелями международного рабочего движения, сотрудничал в ряде социалистических периодических изданий, выходивших в Бельгии, Голландии, Франции, Англии, Германии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии и других странах.

Де Пап поддерживал тесную связь и был в дружеских отношениях с основоположником научного коммунизма Карлом Марксом. Их встречи, постоянная переписка, труды Маркса оказали решающее влияние на формирование и эволюцию его

взглядов. Однако биографы Де Папа (Л. Бертран, Б. Малон и др.) [1] умалчивают о дружбе и влиянии Маркса на его жизнь и деятельность.

Дружба связывала Де Папа и со многими соратниками Маркса, членами Генерального Совета Интернационала (Э. Дюпоном, П. Лафаргом, И. Эккариусом, О. Серрайе, Ф. Лесснером, Л. Франкелем, Г. Юнгом и другими), а также с видными деятелями международного рабочего движения в период после I Интернационала. Свидетельством этой дружбы является большое, в значительной части неопубликованное эпистолярное наследие [2]. Сам Де Пап сообщал своему другу Вогану, что он переписывался со многими деятелями Интернационала [3], участниками движения свободомыслящих и с учеными многих стран, что в его распоряжении имеются письма Маркса, Прудона (одно или два), Ф. Лассаля, М. Бакунина, одно письмо Герцена, письма Мишле, Эдгара Кине, Джона Стюарта Милля, К. Бюхнера, П. Л. Лаврова, Эмиля Лавеле и др. [4]. Сохранилась неопубликованная переписка Де Папа с Л. Бертраном, одним из лидеров Бельгийской рабочей партии.

Для нас особый интерес представляет переписка Де Папа с Марксом, которая сохранилась за период с 1866 по 1875 год. Она является предметом исследования в настоящей статье.

В упомянутом уже письме Вогану Де Пап указывал, что у него имеется более 20 писем Маркса к нему, которые он намерен опубликовать в социалистических органах «La Revue socialiste» или в «La Société nouvelle». Однако только четыре из них были опубликованы, да и то лишь в 1958 г. в № 25 журнала «L'Actualité de l'Histoire», а затем переведены на русский язык в томах 31, 32, 33 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Следует также иметь в виду, что часто Маркс за неимением времени поручал своим соратникам, активным членам Генерального Совета Серрайе, Дюпону, Юнгу, Эккариусу и др.,

[1] См. *L. Bertrand*. «César de Paepe, sa Vie, son Oeuvre». Bruxelles, 1909; *B. Malon*. «César de Paepe» (Биографический очерк к парижскому изданию доклада Де Папа «Общественная служба», 1889 г.).

[2] В 1908—1913 гг. была опубликована очень интересная и содержательная переписка Де Папа с французским социалистом Малоном за период с 1876 по 1890 г. См. «La Revue socialiste», 1908, №№ 286—288; 1909, № 289; 1913, №№ 340—341, 343—345.

[3] Отдельные письма Де Папа деятелям Интернационала, а также их письма в его адрес хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; часть их публикуется в настоящей книге (см. стр. 418—447).

[4] Де Пап — Вогану, 25 июня 1886 г. ЦПА ИМЛ, ф. 458, ед. хр. III 4835.

писать и пересылать Де Папу документы Интернационала. Таким образом, письма соратников Маркса Де Папу в известной мере выражают и мнение Маркса.

* * *

Сезар Де Пап родился 12 июля 1842 г. в городе Остенде (фламандская часть Бельгии). Отец его был скромным государственным служащим, мать происходила из знатной, но обедневшей дворянской семьи Изегран де Моор. Сезар в возрасте 10 лет был отдан в иезуитский колледж в Брюсселе, в котором проявил не только огромную тягу к знаниям, но и независимость характера[1]. В 17 лет Де Пап поступил в университет в Брюсселе, глубоко изучал философию, историю. Но вскоре он решил посвятить себя юриспруденции. Однако в связи со скоропостижной смертью отца Де Пап был вынужден оставить учебу и пойти в 1860 г. работать учеником в небольшую типографию в Брюсселе. Владелец типографии Дезире Брисме был социалистом, демократом сорок восьмого года, в 50-х годах активным участником движения свободомыслящих. Именно здесь, у Брисме, юный Де Пап познакомился с прогрессивной бельгийской общественной мыслью, демократическим и социалистическим движением. Получив квалификацию, Де Пап стал работать наборщиком и корректором в ряде типографий, издававших социалистическую литературу бельгийских и других авторов. Кроме того, он был вынужден заниматься репетиторством (химия и физика). В свободное от работы время Де Пап продолжал заниматься общественными и естественными науками, учился на медицинском факультете университета. К этому времени относится его дружба с рядом свободомыслящих — студентами Эктором Дени, Гийомом де Грифом, Полем и Жоржем Жансонами, Эженом Робером и другими, сыгравшими затем видную роль в демократическом и социалистическом движении Бельгии. Де Пап с первых же шагов своей политической деятельности считал, что движение свободомыслящих тесно связано с социализмом.

В 1871 г. по окончании медицинского факультета Де Пап получил диплом с отличием и много лет работал врачом в рабочих и народных обществах взаимопомощи. Эта работа не обеспечивала ему достаточных средств для существования, а другой работы он не мог найти из-за своих социалистических убеждений и активной революционной деятельности. Официальные лица ему не раз цинично заявляли, что будь у него другие поли-

[1] См. *Domela Nieuwenhuis*. «César de Paepe» в журнале «Die Neue Zeit», 1890—91, Jg. 9, Bd. 1, S. 759.

тические взгляды, его положение было бы совсем другим. Несколько раз у Де Папа возникало намерение покинуть Бельгию и устроиться врачом в какой-либо другой стране, в частности в Англии, Америке, Алжире. Так, в ноябре 1871 г. он советовался с Марксом, как с близким другом, относительно переезда в Лондон. Однако несмотря на отчаянное материальное положение, он все же не решился на такой шаг, настолько вся его жизнь была тесно связана с родиной и народом, которому он отдавал весь свой опыт и знания.

Активную общественную и политическую деятельность Де Пап начал уже в возрасте 17 лет. Будучи по своему происхождению фламандцем, он в 1858 г. стал активным членом демократического общества «Фламандцы, вперед!», близко познакомился и подружился с деятелями фламандского движения — Ван Беммелем, Ф. Геком, Ланглуа, Раймоном Дедейном и другими. Общество «Фламандцы, вперед!» добивалось национального равноправия фламандцев с валлонами. При этом члены общества вели пропаганду не только во фламандской, но и в валлонской части страны, стремились апеллировать к народным массам. С 1859 г. Де Пап стал активным членом центрального общества свободомыслящих «Солидарные», которое вело антирелигиозную (рационалистическую) пропаганду. Здесь он сблизился с теми членами общества, которые в своих устремлениях шли дальше, чем большинство свободомыслящих; они ставили социальные вопросы, в частности добивались принятия закона о рабочих коалициях. Эта группа явилась инициатором создания в 1861 г. нового общества под названием «Народ» и его печатного органа «La Tribune du Peuple». На страницах этой выходившей вначале два раза в месяц, а затем еженедельно газеты Де Пап впервые выступил с пропагандистскими и научными статьями. За период с 1861 по 1868 г. Де Пап написал для газеты свыше 50 статей, в том числе серию статей об экономическом положении рабочих в Бельгии, Франции, Англии, обзорные статьи о литературе по социальным проблемам, статьи о социалистических взглядах Оуэна, Фурье, Прудона, Луи Блана, Жана Колена и других социалистов.

В это время Де Пап становится социалистом. Экономическая и политическая обстановка в Бельгии с ее острыми противоречиями, национальными распрями и классовыми боями, с одной стороны, довольно широкое распространение различных социалистических учений, с другой, определили формирование его взглядов. На Де Папа оказали влияние различные социалистические школы и, в первую очередь, так называемый «рациональный социализм», или коллективизм Колена. В 1865 г. Де Пап писал, что является поклонником Колена, разделяющим

большинство его экономических и социальных идей, например, идею о необходимости перехода земли в коллективную собственность как средства ликвидации пауперизма. Однако одновременно Де Пап указывал, что он «испытывает глубокое отвращение к религии и метафизике, которые он считает столь же пустыми и абсурдными, как изыскания алхимиков или концепции астрологов»[1]. Позднее же в письме Фредерику Борду от 19 апреля 1877 г., напечатанном в издававшемся последователями Колена журнале «La Philosophie de L'Avenir», Де Пап писал: «Цитируя Колена и излагая предлагаемые этим автором меры, я стремился к тому, чтобы восстановить справедливость в отношении мыслителя, работы которого, как мне кажется, слишком игнорируются и мало признаются. Меня заставляет это делать не простое восхищение ученика и не энтузиазм члена его секты, а то, что, если я принимал и принимаю еще значительную часть идей Колена об экономической организации общества, я никогда не принимал его метафизических и религиозных идей»[2].

Де Пап пропагандировал и развивал идеи Колена и всегда с благодарностью и уважением относился к своему идейному наставнику. Он не раз писал специально о Колене[3].

Значительное влияние на Де Папа оказала также книга фламандского земледельца Н. де Кайзера «Об естественном праве», в которой тот попытался критически осмыслить разные теории частной собственности, в том числе так называемую теорию божественного права. Кайзер показал, что феодальные собственники стали владельцами земли и людей в результате насилия. Как и Колен, Кайзер пришел к выводу о необходимости коллективной собственности на землю и недвижимое имущество (но не государства, а коммуны) и передачи земли в аренду частным лицам.

Влияние коллективизма Колена и де Кайзера не помешало, однако, Де Папу быть некоторое время приверженцем Прудона. Характерно, что Де Пап впоследствии редко вспоминал Прудона и его школу, его имя встречается у него в основном лишь в связи с отдельными критическими замечаниями о его доктринах.

Де Пап глубоко изучил труды основных теоретиков утопического социализма первой половины XIX века — Сен-Симона,

[1] С. Де Пап — Тубо, 1 сентября 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 487, ед. хр. 2.

[2] Цит. по *Ivo Rens*. «Colins, Précurseur du Collectivisme étatique et du Socialisme libéral». «Res Publica», 1965. v. VII.

[3] *C. De Paepe*. «Die soziale Wissenschaft nach Colins und de Potter». «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1880, Erster Jg., Zweite Hälfte, S. 26—58.

Фурье, Кабе, Прудона и других более мелких французских, немецких, английских, американских, бельгийско-фламандских социалистических школ и даже религиозно-социалистических сект. Он широко пропагандировал социалистические теории, стремился приблизить туманные коммунистические идеалы социалистов-утопистов к реальной действительности Бельгии, найти какое-то более приемлемое для этой страны социалистическое учение. Незадолго до своей смерти Де Пап писал: «В социализме я всегда видел нечто другое, чем просто новую организацию труда и собственности или более равномерное распределение богатства среди людей. Я всегда считал, что социализм касается всех сторон человека и человеческого рода и что по примеру античного философа он может взять в качестве своего девиза слова: ничто человеческое мне не чуждо. В частности, мораль и право, антропология и криминология, общественная гигиена и философия истории, педагогика и демография; философские и религиозные вопросы дают себя знать почти так же, как, возможно, и сама политическая экономия. Весь этот огромный комплекс идей встает перед социализмом XIX века. Литература, искусство, эстетические взгляды отнюдь не безразличны социализму и в равной мере носят следы его влияния» [1]. Эти мысли о социализме Де Пап в большей или меньшей степени развивал в ряде своих как ранних, так и более поздних работ. Он неустанно вел социалистическую пропаганду, пропаганду научных знаний, стремился повысить интеллектуальный уровень народа, проводил непримиримую борьбу с религиозными предрассудками. В этом он видел цель и смысл своей жизни.

Известное влияние оказала на молодого Де Папа и позитивистская философия Огюста Конта, а позднее Литтре. Он признавался не раз, что является сторонником позитивизма, который, по его мнению, не противоречит материализму, коллективизму и коммунизму. Вслед за Огюстом Контом он считал позитивизм современной формой материализма [2].

[1] С. Де Пап — Б. Малону, 12 сентября 1890 г. «La Revue socialiste». 1891. № 73.

[2] С. Де Пап — Б. Малону, 9 января 1878 г. «La Revue socialiste», 1913, № 345. Правда, в ответ Малон замечал: «Между горячими почитателями Литтре и нами есть не только второстепенные разногласия, существует различие принципов. Ты объявляешь себя позитивистом. Конечно, ты принимаешь какую-то часть позитивистского метода, мы все более или менее ценим кое-что в нем; но выдавать себя за ортодоксального позитивиста, тебе, материалисту, коллективисту, коммунисту! Я апеллирую к тебе, против тебя» (Б. Малон — С. Де Папу, 4 января 1878 г. «La Revue socialiste», 1908, № 288).

Разумеется, эти влияния не прошли бесследно. Для общего мировоззрения Де Папа были характерны эклектизм и некоторая противоречивость [1].

Однако определяющее влияние оказали на Де Папа I Интернационал, непосредственное его общение с Карлом Марксом и плодотворное сотрудничество с ним.

С социалистическими взглядами Де Папа Маркс имел возможность познакомиться по его выступлениям и статьям, печатавшимся в начале 60-х годов прошлого века в газетах «La Tribune du Peuple», «Rive gauche» и др.

Газета «La Tribune du Peuple» в 1861—1862 гг. была органом свободомыслящих. Но с началом сотрудничества Де Папа, Поля Лафарга и др. она большее место стала уделять социально-экономическим и политическим темам, в ней появлялись обзоры о положении рабочих в Бельгии и в других странах, статьи о пауперизме, стачечном движении, централизации капитала. В газете печатались рецензии и аннотации на литературу по социальным вопросам, а также отрывки из произведений бельгийских и французских социалистов — Прудона, Колена, Агафона де Поттера и др. Ее редакция, помимо этого, регулярно помещала отчеты о митингах по социальным вопросам, неизменным участником и оратором на которых был Де Пап. На ее страницах печатались материалы, связанные с политической кампанией за пересмотр конституции Бельгии и за введение всеобщего избирательного права. Де Пап часто выступал с речами о всеобщем избирательном праве, в которых он стремился показать, что эта важная и необходимая мера все же не может служить панацеей от всех социальных бед. Год от года «Tribune du Peuple» становилась интереснее и содержательнее, все меньше она пропагандировала Прудона и прудонизм, преобладающее влияние в ней приобрели коллективистские взгляды, а в ряде вопросов она постепенно становилась на позиции марксизма. В газете нередко помещались письма рабочих об условиях их жизни и труда. Этот процесс изменения характера газеты ускорился в период деятельности I Интернационала, когда она стала официальным печатным органом секций Товарищества в Бельгии, освещала его деятельность и печатала документы Генерального Совета, отчеты о конгрессах и т. д.

[1] Так, в письме Л. Бертрану от 14 июля 1887 г., называя себя сторонником прогрессивной эволюции не только в природе, но и в обществе, в области экономических и социальных вопросов, Де Пап замечает: «Вместе с моими знаменитыми друзьями К. Марксом, Шефле, Эмилем Лавеле и Эктором Дени я твердо верю в то, что в будущем будет учрежден более совершенный социальный порядок, чем нынешний» (ЦПА ИМЛ, ф. 487, ед. хр. 1).

Ряд статей, опубликованных в «La Tribune du Peuple» за 1865 г. и органе республиканских французских эмигрантов в Бельгии, в газете «La Rive gauche» за 1865—1866 гг. [1], Де Пап посвятил проблеме уничтожения пауперизма [2].

В «La Rive gauche» Де Пап опубликовал ряд исследований под общим названием «Социальные вопросы», в которых анализировал проблемы, связанные с социально-экономическим развитием общества, с разделением труда, конкуренцией, применением машин, собственностью, обменом и т. д. Целая серия статей Де Папа была посвящена экономическому положению бельгийского пролетариата, включая сельскохозяйственных рабочих. Статьи эти были хорошо обоснованы статистическими данными, свидетельствовали о необыкновенной эрудиции молодого публициста. Цифровыми данными о состоянии экономики всех 9 провинций Бельгии (Антверпен, Брабант, Восточная и Западная Фландрия, Эно, Льеж, Лимбург, Люксембург, Намюр) Де Пап опроверг лживые утверждения бельгийских министров о процветании страны. Он показал, что Бельгия, наоборот, идет по пути нищеты, по пути пауперизации, ибо на 4,5 млн. ее населения приходилось 1 млн. пауперов. Де Пап нарисовал ужасающую картину эксплуатации женского и детского труда, привел данные о мизерной заработной плате женщин и детей, гораздо более низкой, чем зарплата рабочих-мужчин [3].

К этой же серии статей примыкает работа Де Папа «Миссия XIX века», напечатанная под псевдонимом Изегран (фамилия матери) в сборнике «Исследование некоторых социальных вопросов» [4].

Сотрудничество в «Tribune du Peuple» дополнялось активной деятельностью Де Папа в самом обществе «Народ», организованном группой студентов и рабочих. Это было воинствующее демократическое и антиклерикальное общество, ставившее своей целью осуществление народного суверенитета, установление справедливого строя и социального благоденствия, политического союза всех рабочих обществ на основе федерации, проведение социальных реформ. Де Пап входил в состав комитета

[1] Газета «La Rive gauche» позднее была близка к I Интернационалу, печатала его документы и давала информацию о деятельности Международного Товарищества Рабочих. Здесь сотрудничали такие видные деятели Интернационала, как Поль Лафарг, Шарль Лонге, Густав Флуранс, Эли Реклю и др.

[2] См. «La Tribune du Peuple», 18. III, 30. IV, 16. V. 1865. «La Rive gauche», 23. VII, 6. VIII. 1865.

[3] «La Rive gauche», 10, 17, 24. IX. 1865.

[4] *Isegrin*. «La mission du XIXme siècle». «Examen de quelques questions sociales». Bruxelles, 1866, p. 7—23.

этого общества [1]. В начале 60-х годов общество стало центром всей демократической и социалистической пропаганды в Бельгии. На митингах и в печати широко обсуждались социалистические доктрины, вопросы демократизации внутреннего политического строя — необходимость избирательной реформы и введения обязательного обучения и др., миролюбивая внешняя политика. Общество регулярно праздновало годовщину февральской революции 1848 г. во Франции, устраивало митинги и манифестации в защиту польского восстания 1863 г., вело антимилитаристскую пропаганду, обсуждало вопрос об организации самостоятельных, независимых от буржуазии рабочих комитетов, о помощи семьям рабочих, осужденных за участие в стачках и т. д. Сам Де Пап позже писал, что в демократических обществах преобладал социалистический рабочий элемент, их деятельность распространялась по всей стране, а их отделения существовали в Генте, Антверпене, Жемаппе, Дампри, Вервье и в других бельгийских городах.

Общество «Народ» устраивало научные диспуты в Брюсселе и в провинции — Льеже, Шарлеруа, Лувене, Намюре, Люксембурге и других местностях. Один из таких митингов имел место 26 декабря 1863 г. в деревне Патиньи, провинции Намюр в Арденнах. Его организатором был «Братский кружок арденнских крестьян», членами которого были социалистически настроенные земледельцы и сельскохозяйственные рабочие, возглавлял его в дальнейшем видный социальный реформатор Джозеф Генри. В Патиньи находилась центральная секция кружка, влияние которого распространялось на Люксембург и всю провинцию Намюр. Члены «Братского кружка» объявляли себя революционерами, коллективистами и атеистами, горячо обсуждали социальные проблемы, поддерживали тесную связь с общедемократическим движением в стране. По сути дела это было первое социалистическое движение бельгийских крестьян [2].

На митинге в Патиньи выступили Джозеф Генри, Де Пап и еще два оратора. Особенно ярким было выступление Де Папа. Отчет об этом митинге с полным текстом 3-часовой речи Де Папа был напечатан в газете «La Tribune du Peuple» и вскоре вышел отдельной брошюрой [3].

В своей речи Де Пап говорил о неизбежности социальной революции, которая должна завершить дело, начатое французской

[1] «Le Peuple, Association, de la Démocratie militante». Bruxelles, 1864.

[2] Некролог Де Папа о Джозефе Генри в «La Société nouvelle», 1887, t. II, p. 451.

[3] Брошюра была издана под названием: «Le Peuple, Association de la Démocratie militante».

революцией конца XVIII века: ликвидировать паразитизм во всех его проявлениях и установить подлинное равенство людей, демократию трудящихся. Де Пап развенчивал буржуазную республику, которая, говорил он, предоставляет власть привилегированному меньшинству и часто приводит к диктатуре, к восстановлению империи. «Силе можно противопоставить только силу»,— воскликнул Де Пап, говоря о путях уничтожения существующего паразитизма, опирающегося на силу оружия. Правда, при определении позитивных мер Де Пап не выходил еще за рамки утопического социализма и прудонистского анархизма, призывая к абстенционизму и уничтожению государственной власти. Большое место уделил Де Пап вопросам положения трудящихся города и деревни, растущему пауперизму, вопросу о формах собственности. Он высказал ряд критических замечаний в адрес тех социалистов и экономистов, которые уповали на материальную поддержку государства индустриальным общинам, построенным по социалистическому принципу. Мы видим, что в речи молодого Де Папа преобладала еще смесь утопического социализма и анархизма. Однако анархизм Де Папа больше проявлялся в его теоретических построениях, чем в практической деятельности, ибо он в эти годы и позже активно участвовал во всех политических движениях современности — в движении за избирательную реформу, за фабричное законодательство и т. д. Как видно из подробного изложения его речи в Патиньи, в отдельных случаях он допускал насильственные меры борьбы вплоть до восстания народа, до революции.

Речь Де Папа не могла остаться не замеченной Марксом, который получал и регулярно читал «La Tribune du Peuple».

Летом 1865 г. в Брюсселе была создана первая бельгийская секция Интернационала. Де Пап вошел в состав временного комитета этой секции и стал с тех пор одним из активных членов I Интернационала. Вскоре секция установила непосредственную связь с Марксом, выполнявшим обязанности секретаря-корреспондента Генерального Совета для Бельгии. Де Пап стал секретарем-корреспондентом секции, а затем секретарем для внешних сношений и, главным образом, для связи с Генеральным Советом всей Бельгийской федерации [1].

Личное знакомство Де Папа с Марксом произошло в сентябре 1865 г. на первой Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих. В ходе подготовки к конференции брюссельский комитет обменялся письмами по организацион-

[1] Подробно о деятельности I Интернационала в Бельгии см. «Первый Интернационал», ч. 1, М., 1964, стр. 449—498; ч. 2, М., 1965, стр. 337—355.

ным вопросам с Марксом. Де Пап был избран Брюссельской секцией делегатом на конференцию и, по словам соратника Маркса Г. Юнга, «достойным образом» представлял Бельгию [1]. Личное знакомство Де Папа с Марксом переросло в дальнейшем в длительную дружбу. В Лондоне Де Пап встречался с Марксом не только на официальных заседаниях конференции, но и бывал у него дома. Он был представлен членам семьи Маркса и его ближайшим соратникам — Г. Юнгу, Э. Дюпону, И. Ф. Беккеру, Г. Эккариусу, Ф. Лесснеру и др. [2] Ф. Лесснер писал впоследствии о сильном впечатлении, произведенном на него и на других Де Папом в его первый приезд в Лондон: «Де Пап внешне был, пожалуй, ничем не примечателен: среднего роста, стройный. Но он отличался активным умом и огромными познаниями. Когда я познакомился с Де Папом, он все еще был прудонистом» [3].

На Лондонской конференции Де Пап представил доклад об организации Интернационала в Бельгии, активно участвовал в обсуждении всех вопросов повестки дня, показав серьезные познания в области истории социальных движений в разных странах, в том числе революционно-демократического движения в России. На конференции Де Пап выступил со смелыми предложениями о коренных социальных преобразованиях и прежде всего об отмене частной собственности на землю. Он подчеркивал важное значение идейного воспитания членов Интернационала, борьбы с живучими в условиях Бельгии и других стран религиозными предрассудками. Де Пап разоблачил интриги итальянского буржуазного демократа Мадзини, его попытки предостеречь бельгийцев «против социалистических взглядов Маркса» [4]. Однако обсуждение вопросов об отношении к Польше, о кредите, о женском труде показало, что Де Пап еще находился под влиянием некоторых прудонистских положений.

Наряду с другими делегатами конференции — Оджером, Кримером, Толеном, И. Ф. Беккером, Дюпле, Бобчинским и др., Де Пап выступил с яркой речью на торжественном собрании в Сент-Мартинс-холле, посвященном годовщине со дня основания Интернационала. В отчете об этом собрании, опубликованном 7 октября 1865 г. в английской рабочей газете «Workman's

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 541, «Письмо в газету «Echo de Verviers»». Документ составлен Г. Юнгом и отредактирован Марксом.

[2] В письме Г. Юнгу от 30 сентября 1865 г., приглашая его к обеду, Маркс писал: «Я пригласил также Де Папа и Беккера» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 408).

[3] *F. Lessner.* «Sixty Years in the Social-Democratic Movement». London, 1907, p. 35.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 544.

Advocate», о речи Де Папа было сказано следующее: «Гражданин Де-Пап, бельгийский делегат, выступает вслед за Беккером. Он говорит, что Товарищество оставит свой след в истории XIX столетия. Уже то влияние, которое оно оказало до сегодняшнего дня, так велико, что след его не может быть стерт. Уделом рабочего всегда было трудиться в поте лица, расплачиваться за других и умирать преждевременно. А между тем перед лицом вечной справедливости плоды труда должны принадлежать только производителю. Он один должен был бы владеть богатством, ибо он один производит его. А дело обстоит как раз наоборот. Массы рабочих обречены на голод для того, чтобы несколько бездельников могли предаваться обжорству. В Бельгии католическое духовенство омерзительно. Оратор не знает, что из себя представляет протестантское духовенство; ему говорили, что оно еще более нетерпимо; ему это неизвестно, но он знает, что всякое духовенство, как корпорация, стоит на страже существующего порядка. Оратор заканчивает это красноречивое выступление следующим положением: пусть Товарищество станет тем звеном, которое сплотит всех честных людей, объединит их для уничтожения пауперизма, нищеты, невежества, порока и преступления, равно как и всех классовых различий: и пусть все люди станут честными тружениками. (Бурное одобрение)» [1].

Молодой, талантливый и убежденный социалист Де Пап произвел большое впечатление на К. Маркса. После конференции Маркс и Де Пап обменивались письмами; к сожалению, из этих писем сохранились лишь немногие. В письмах, наряду с делами Интернационала и международного рабочего движения, обсуждались многие теоретические вопросы из области истории, политической экономии, философии и т. д. Как правило, Маркс зачитывал письма Де Папа на заседаниях Генерального Совета. Имя Де Папа часто встречается в его протоколах и в письмах деятелей Интернационала [2].

В ноябре 1865 г. Маркс послал Де Папу письмо, в котором сообщалась повестка дня предстоящего первого общего конгресса Товарищества, а также затрагивались другие вопросы. Маркс, по-видимому, имел в виду это письмо, когда говорил на заседании Генерального Совета 21 ноября 1865 г., что он послал

[1] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 г. Протоколы». М., 1961, стр. 322.

[2] Так, на своем заседании 3 октября 1865 г. Генеральный Совет принял решение послать Де Папу экземпляр отчета о работе Лондонской конференции для напечатания его в Бельгии в виде отдельной брошюры; правда, на заседании 21 ноября по предложению Маркса это решение было отменено, так как Маркс считал, что до созыва первого открытого конгресса, назначенного на май 1866 г., опубликование отчета о конференции было бы несвоевременным.

в Бельгию экземпляр резолюций Лондонской конференции и программу конгресса [1]. Де Пап зачитал письмо Маркса на заседании брюссельского комитета Интернационала 25 ноября 1865 года. К сожалению, письмо не сохранилось, а в протоколе этого заседания комитета была записана лишь та его часть, где перечислялись пункты программы конгресса [2].

Первым из сохранившихся писем Де Папа Марксу является письмо от 14 января 1866 г., которое было зачитано Марксом на заседании Генерального Совета 23 января 1866 года [3].

Де Пап писал непосредственно Марксу, Дюпону, Бессону, Лафаргу о делах Бельгийской секции. В конце 1866 г. он составил подробный отчет о работе секции со времени ее основания, т. е. с июля 1865 г. по октябрь 1866 года [4]. В отчете он сообщал о присоединении к Брюссельской секции провинциальных секций, которые посылали в Брюссель по одному делегату для представительства. На заседаниях Бельгийской секции, а затем Бельгийского федерального совета Де Пап в течение ряда лет регулярно делал сообщения о рабочем движении в других странах. Для этих сообщений, а также для своих многочисленных выступлений на митингах и конференциях, равно как и для публицистической работы, Де Пап в течение многих лет комплектовал рабочей и демократической печатью ряда стран (Англии, Германии, США, Швейцарии и др.) свою личную библиотеку и библиотеку-читальню Брюссельской федерации. Вопросами международного рабочего движения Де Пап занимался на протяжении всей своей жизни, о чем свидетельствуют составлявшиеся им регулярные обзоры для газет и журналов ряда стран («Zukunft», «Plebe», «Société nouvelle», «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» и др.). Эти обзоры являются очень ценным источником для изучения рабочего и социалистического движения Бельгии, Голландии, Англии, США, Швейцарии, Германии, Франции, Дании, Испании, Италии и других стран.

Де Пап представлял бельгийские секции на Лозаннском конгрессе Интернационала в 1867 г. (на первом, Женевском конгрессе 1866 г. Бельгия не была представлена). Он активно участвовал в работе комиссий конгресса и выступал с рядом докладов, развивая свои коллективистские взгляды. Яркое выступление

[1] См. «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 г. Протоколы», стр. 93.

[2] В таком виде письмо было напечатано во 2-м издании Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса (см. т. 31, стр. 412—413).

[3] «Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 г. Протоколы», стр. 109. Текст письма Де Папа см. настоящую книгу, стр. 418—421.

[4] См. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 154.

Де Папа при обсуждении вопроса о войне и мире, в котором он связал дело мира с социальной реорганизацией общества, вызвало восхищение многих делегатов. Так, Ф. Лесснер, подробно информировавший Маркса о работе конгресса, писал ему 4—5 сентября 1867 г., что благодаря правильной позиции Де Папа удалось избежать принятия бессмысленных решений по вопросу войны и мира [1]. Другой делегат конгресса В. Шили в письме к Марксу от 25 сентября 1867 г. высоко оценивал роль Де Папа при обсуждении вопроса о земельной собственности [2]. Правда, уже после конгресса соратник Маркса Э. Дюпон в письме Де Папу от 13 мая 1868 г., выражая общее согласие с его взглядами по этому вопросу, сделал ряд критических замечаний к его рассуждениям о формах общественной собственности. В подтверждение своей точки зрения Дюпон ссылался при этом на взгляды К. Маркса.

«Прежде всего я хочу сказать тебе, что я вполне с тобой согласен относительно земельной собственности: она должна быть общественной, но я расхожусь с тобой в вопросе об управлении, ибо, мне кажется, нельзя предоставлять общине неограниченное право действовать по своему усмотрению. Ассоциация — пустое слово, если ее не дополняет взаимопомощь (Solidarité). Община, обрабатывающая неплодородную почву, оказалась бы в зависимом положении по отношению к общине, расположенной на плодородной почве. Далее, мне кажется, что община должна раствориться в общей ассоциации. Карл Маркс говорит, что следует установить экономическую централизацию. Я склонен с ним согласиться. Как же иначе обеспечить гармонию, которая должна существовать между различными отраслями производства?» [3]. По сути дела Дюпон передал Де Папу критические замечания Маркса, которые были учтены им, о чем мы можем судить по выступлениям Де Папа на следующем, Брюссельском конгрессе в сентябре 1868 года.

На Лозаннском конгрессе усилились расхождения Де Папа с ортодоксальным прудонизмом, хотя в его выступлениях еще содержатся мютюэлистские представления об идеальном обществе. По некоторым вопросам Де Пап оставался целиком на прудонистской позиции, в частности в вопросе о женском труде, на эту тему он представил доклад в соавторстве с Ванденхутеном и Фонтеном [4].

[1] См. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 19/1.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 260/2.

[3] Цит. по статье *И. А. Бах.* «Маркс и аграрный вопрос в I Интернационале». «Вопросы истории», 1958, № 5.

[4] Позже в письме Малону 6 ноября 1877 г. Де Пап вспоминал: «В это время я был еще сильно пропитан прудонизмом, и хотя бравь Прудона

Свидетельств о контактах Де Папа с Марксом с середины января 1866 г. по сентябрь 1868 г. осталось немного. В апреле 1868 г. Маркс писал Полю и Лауре Лафаргам, что как только получит от Мейснера экземпляры I тома «Капитала», то сразу же отошлет 2 экземпляра Сезару Де Папу в Брюссель, один для него лично, а другой для Альтмейера, профессора Брюссельского университета. Альтмейер внимательно следил за немецкой социалистической литературой и в своих лекциях по политической экономии широко использовал ее. По-видимому, Альтмейер через Де Папа запрашивал книгу Маркса. Дюпон в вышеупомянутом письме Де Папу от 13 мая 1868 г. подтвердил, что Маркс пришлет ему свою книгу, и спросил от имени Лафарга, не может ли друг Де Папа Эктор Дени перевести ее на французский язык. Ответа на это предложение мы, к сожалению, не знаем.

Накануне очередного конгресса в 1868 г. Генеральный Совет во главе с Марксом неоднократно обсуждал вопрос о месте его созыва в связи с попытками реакционных сил Бельгии воспрепятствовать проведению конгресса в Брюсселе.

Де Пап и Ванденхутен подробно информировали Генеральный Совет о действиях властей и настаивали на том, чтобы, вопреки вызову реакционных сил, конгресс состоялся в Брюсселе. Секретарь-корреспондент Генерального Совета для Бельгии А. Бессон передал в письме Де Папу просьбу Маркса составить подробный отчет о положении Интернационала в Бельгии. Он сообщал также, что скоро появится обращение Генерального Совета к английским рабочим, в котором будет объявлено, что конгресс соберется именно в Брюсселе [1].

В это время Де Пап выступил с разоблачением клеветы на Генеральный Совет со стороны проживавшего в Бельгии французского мелкобуржуазного публициста П. Везинье. Последний в своей статье в бельгийской газете «Cigale» извращал ход дискуссии в Генеральном Совете по вопросу о созыве конгресса. По настоянию Де Папа Везинье был исключен Брюссельской секцией из Интернационала, о чем Де Пап известил Генеральный Совет в Лондоне 26 октября 1868 года [2].

На Брюссельском конгрессе (сентябрь 1868 г.) Де Пап активно защищал позиции Генерального Совета. Ему было поручено

в адрес женщин меня сильно возмущала, я считал (каким же глупцом я был тогда!), что женщина интеллектуально ниже мужчины и что при всех случаях ее идеальная роль не может быть (лишь за редким исключением) большей, чем роль жены, хозяйки и воспитательницы детей; последний пункт я скорее заимствовал у Огюста Конта, чем у Прудона» («La Revue socialiste», 1913. № 343).

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 155.

[2] Там же.

открыть конгресс. В своем выступлении по вопросу об отношении пролетариата к войне он развивал мысль о том, что войны будут уничтожены только после победы пролетариата. Пространный доклад Де Папа о земельной собственности, о необходимости замены мелкой частной собственности общественной собственностью на землю свидетельствовал о влиянии на него Маркса и его соратников, о его отходе от утопических взглядов в вопросе о национализации земли, о приближении к научному коммунизму. Де Пап, как и в Лозанне, развивал мысль о том, что мелкий крестьянин является лишь номинальным собственником земли, он разоряется и деградирует. Известно, что накануне конгресса Маркс прислал Де Папу подробное письмо (оно, к сожалению, не сохранилось) с критикой доктрин Прудона, и при составлении своего доклада Де Пап использовал мысли Маркса. Де Пап также под влиянием Маркса отказался от защищаемой им ранее идеи передачи земли местным органам самоуправления. В заключительном выступлении на конгрессе он почти дословно повторил марксову аргументацию, которую в мае 1868 г. развивал в письме к нему Дюпон. И по ряду других вопросов (о стачках, о применении машин) Де Пап поддерживал сторонников Маркса, но в вопросах о кооперации и даровом кредите он еще стоял на прудонистских позициях. Лафарг писал Де Папу 25 сентября 1868 г., выражая не только свое личное мнение, но и мнение Маркса и других его соратников: «Слабым местом у вас является вопрос о взаимном кредите, но, надеюсь, к следующему конгрессу вы поймете, что его нельзя рассматривать как панацею, он может служить лишь мерой против обогащения капиталистов и помощью мелким крестьянам при осуществлении революции. Маркс разоблачил Прудона еще до 1848 г., и тот не посмел ответить ему, так как не был на это способен»[1]. Лафарг рекомендовал Де Папу внимательно изучить работу Маркса «Нищета философии» и познакомить с ней бельгийских почитателей Прудона (Э. Дени, Г. де Грифа и др.). Де Пап перечитал эту работу Маркса, с которой впервые познакомился в 1865 г., но тогда еще не мог в полной мере усвоить ее.

Как и во время Лозаннского конгресса 1867 г., сторонники Маркса в своих письмах из Брюсселя сообщали ему о том, что они находили постоянную поддержку у Де Папа в проведении линии Генерального Совета[2].

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 10, ед. хр. 76/4.

[2] См., например, Ф. Лесснер — К. Марксу, 13 сентября 1868 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 24/5.

Де Пап был делегатом и следующего, Базельского конгресса 1869 года. На нем он выступил с критикой выдвинутой Бакуниным догмы об отмене права наследования как исходном пункте социалистического преобразования. Де Пап показал, что это требование как самоцель «не устранит различия между капиталистами и рабочими и сохранит как паразитизм, так и пауперизм». Взятое же в качестве дополнения к обобществлению средств труда и упразднению капитализма — оно просто бесполезно и бессмысленно. Аргументация Де Папа целиком совпадала с аргументацией Маркса, которую последний развивал в специально составленном для конгресса докладе о праве наследования [1]. Правда, при голосовании предложенной Генеральным Советом резолюции по этому вопросу Де Пап воздержался, объясняя Марксу это своим уважением к Бакунину.

Базельский конгресс ознаменовал дальнейший отход Де Папа от прудонизма по основным теоретическим вопросам, о чем он и сам писал Марксу 13 ноября 1869 года. Об этом же свидетельствует и его письмо Эккариусу, написанное 22 ноября 1869 г., т. е. вскоре после Базельского конгресса [2].

В период между Базельским конгрессом 1869 г. и Лондонской конференцией 1871 г. Де Пап продолжал играть важную роль в деятельности Бельгийской федерации.

В это время он постоянно поддерживал дружеские отношения с Марксом. В начале 1869 г. в связи с подготовкой 2-го немецкого издания работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» встал вопрос о целесообразности ее перевода с немецкого на французский язык. Энгельс писал по этому поводу Марксу 7 марта 1869 г.: «Снова перечитал и тотчас же признал необходимым издать эту книгу *без промедления по-французски*. Это произведет совершенно иное впечатление, чем одно только немецкое издание, и сразу же создаст тебе среди французов имя; тогда перевод твоей книги (I тома «Капитала».— *А. К.*) будет вполне обеспечен. Подумай о том, кого ты можешь приспособить к этому, и во всяком случае предприми шаги в этом направлении. Если книга будет напечатана в Брюсселе, она получит широкое распространение во Франции» [3]. Еще до этого совета Энгельса Маркс, по-видимому, предпринимал уже какие-то шаги, во всяком случае он спрашивал Де Папа о возможности издания книги в Брюсселе. На заседании Бельгийского федерального совета 30 января 1869 г. Де Пап зачитал письмо Маркса, о содержании которого в протоколе, к сожалению,

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 383—385.
[2] См. настоящую книгу, стр. 433—435.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 220.

ничего не сказано [1]. Возможно, в этом письме и шла речь о переводе книги Маркса. Как свидетельствует ответ Де Папа от 16 февраля 1869 г. [2], его усилия найти издателя не увенчались успехом. Маркс с огорчением писал Энгельсу 20 марта 1869 года: «Де Пап напрасно искал в Брюсселе французского издателя для *«Луи Бонапарта»*. Для таких операций господа эти требуют *денег* от автора» [3].

В связи с появлением осенью 1869 г. в позитивистском журнале «La philosophie positive» статьи Роберти Де Пап послал 22 ноября 1869 г. письмо Эккариусу, в котором писал: «Видел ли гражданин Маркс, как расценивает его «Капитал» журнал под названием «La Philosophie positive», издаваемый раз в два месяца в Париже. Смотри «La Philosophie positive», сентябрь — октябрь, статья г-на Роберти об экономических законах. Согласно этому журналу, Карла Маркса можно считать одним из учеников Прудона!!!» [4]. Об этой же статье Де Пап позднее, 1 февраля 1870 г., писал непосредственно Марксу, изъявляя готовность вступить в полемику с Роберти [5].

Из письма Де Папа Эккариусу от 22 ноября 1869 г. следует также, что Де Пап послал Марксу еще одно письмо, где речь, в частности, шла о сборе средств среди бельгийских рабочих в пользу бастующих парижских и руанских пролетариев, но, к сожалению, и это письмо не сохранилось.

24 января 1870 г. Маркс обратился к Де Папу с просьбой сообщить ему названия основных трудов о бельгийском сельском хозяйстве и структуре земельной собственности, необходимых ему для работы над «Капиталом». Этот материал был необходим для отповеди защитникам мелкой частной собственности из буржуазной «Ассоциации земельной реформы». «Их конек,— писал Маркс Де Папу в этом письме,— *Бельгия* (особенно *фламандцы)*. Можно подумать, что крестьяне этой страны живут в райских условиях» [6].

Ответом было письмо Де Папа от 1 февраля 1870 г., в котором он охотно и со знанием дела перечислил ряд ценных источников и работ о состоянии сельского хозяйства Бельгии [7]. Это письмо свидетельствует также о неослабном интересе Де Папа к «Капиталу» Маркса. Он постоянно следил за откликами в печати на это произведение и готов был защищать его от ложных толкований и явных нападок буржуазных критиков.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 153.
[2] См. настоящую книгу, стр. 427.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 226.
[4] См. настоящую книгу, стр. 435.
[5] Там же, стр. 437.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 534.
[7] Текст письма Де Папа см. настоящую книгу, стр. 435—437.

Де Пап регулярно посылал Марксу интересовавшие его книги. В свою очередь Маркс также пересылал нужную ему литературу.

Маркс не раз советовался с Де Папом по важным вопросам. Так, в связи со своим твердым решением о выходе после Гаагского конгресса из состава Генерального Совета он писал Де Папу: «Я уже говорил Вам в Лондоне, что часто задаюсь вопросом, не пришло ли время мне выйти из Генерального Совета. Чем сильнее развивается Товарищество, тем больше уходит у меня времени, а, в конце концов, ведь нужно когда-нибудь покончить с «Капиталом»» [1].

Маркс высоко ценил Де Папа как постоянного и активного сторонника пролетарского интернационализма в Бельгии. На страницах печатного органа Интернационала в Бельгии газеты «L'Internationale» Де Пап печатал решения Генерального Совета в поддержку национально-освободительной борьбы народов и, в частности, в поддержку борьбы ирландского народа.

21 февраля 1870 г. Маркс послал Де Папу для газеты «L'Internationale» материалы, разоблачающие жестокое обращение английского правительства с заключенными фениями, участниками ирландского национально-освободительного движения. Он писал в этот день Энгельсу: «Сегодня я написал Де Папу о безобразиях английского правительства по отношению к заключенным фениям. Эти вещи обязательно должны быть помещены в континентальной прессе» [2]. Эти материалы были сразу же напечатаны Де Папом в двух номерах газеты «L'Internationale» под заглавием «Английское правительство и заключенные фении» [3].

16 января 1870 г. в «L'Internationale» был опубликован написанный Марксом по поручению Генерального Совета некролог, посвященный памяти английского рабочего-маляра, активного члена Генерального Совета Роберта Шо. Этот некролог был также послан Марксом лично Де Папу. Летом 1870 г. О. Серрайе в качестве секретаря-корреспондента Генерального Совета для Бельгии послал на имя Де Папа программу предстоявшего в Майнце очередного общего конгресса Товарищества и просил обеспечить широкую ее публикацию в бельгийских газетах [4].

В период франко-прусской войны 1870—1871 гг. Бельгийский федеральный совет решительно отстаивал интернационалистскую позицию Генерального Совета и сделал немало для борьбы с буржуазными национализмом и шовинизмом.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 287.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 370.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 421—426.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 38/6.

14 сентября 1870 г. Маркс направил Де Папу «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества о франко-прусской войне» и подробную информацию о позиции немецких и французских рабочих. Во время войны Де Пап как врач был мобилизован и находился в обсервационной армии на границе с Францией. Прибыв в конце 1870 г. на короткий срок в Брюссель, он спешит связаться с Лондоном; в кратком письме на имя О. Serraйе передает привет своим друзьям — Марксу, Юнгу, Эккариусу, Дюпону и др.[1]. С начала 1871 г. Де Пап снова активно работает в Бельгийской федерации I Интернационала. Он организует и возглавляет движение солидарности бельгийских рабочих с Парижской Коммуной. Бельгийский федеральный совет выразил полную солидарность с Парижской Коммуной, выпускал официальные воззвания, организовал сбор денежных средств в поддержку коммунарам, совместно с которыми защищали Коммуну многие бельгийские революционеры.

После поражения Парижской Коммуны Де Пап был одним из активных организаторов помощи парижским эмигрантам. По его инициативе проводился сбор денежных средств, добивались предоставления убежища коммунарам и т. д.[2].

Де Пап занял твердую позицию в отношении раскольнических и дезорганизаторских действий Бакунина и его сторонников (альянсистов) внутри Интернационала. Еще в ноябре — декабре 1868 г. Бакунин пытался вовлечь Де Папа и других бельгийских деятелей в Альянс социалистической демократии, несколько раз он писал об этом в Брюссель. Поэтому Маркс старался своевременно информировать бельгийцев о положении дел, о сути разногласий с Бакуниным, о скрытых дезорганизаторских планах альянсистов. 28 декабря 1868 г. Маркс просил Г. Юнга срочно послать в Брюссель текст резолюции Генерального Совета об Альянсе от 22 декабря 1868 года. Юнг ответил, что в письме к Де Папу он уже указал «на необходимость действовать осторожно в нашу пользу», а также писал ему: «я убежден, что фразы из программы Альянса социалистической демократии не окажут никакого влияния на него, Брисме, Гинса и всех других, но поскольку еще есть люди, способные поддаваться влиянию фраз, он должен быть бдительным и постараться, чтобы создатели Альянса не получили никакой поддержки в Бельгии. Он должен был получить мое письмо вчера вечером, и я считаю, что с этой стороны мы можем быть спокойны»[3].

[1] Ф. Тергорст и С. Де Пап — О. Serraйе, 1870. ЦПА ИМЛ, ф. 458, оп. 1, ед. хр. 2224.
[2] См. Де Пап—Марксу, 25 апреля 1871 г. Настоящая книга, стр. 437—439.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 78/16.

Де Пап писал в ответ Юнгу, что еще до принятия Генеральным Советом решения об Альянсе бельгийцы считали, что Альянс не только бесполезен, но и вреден, так как может вызвать раскол в Интернационале [1].

Бельгийский федеральный совет 9 января 1869 г. обратился с циркуляром к Центральному бюро Альянса, осуждая действия последнего. Вслед за тем Де Пап в письме инициативной группе Альянса дал резкую критику дезорганизаторских устремлений бакунистов и поддержал решение Генерального Совета об Альянсе.

С лета 1869 г. Маркс снова, как и в 1865 г., фактически выполнял обязанности секретаря-корреспондента для Бельгии, в связи с чем он поддерживал еще более тесную связь с Де Папом и другими руководителями Бельгийского федерального совета. И когда в конце 1869 г. бакунисты предприняли новые попытки заручиться поддержкой бельгийцев [2], Маркс в своих письмах в Брюссель на имя Де Папа особое внимание обращал на растущую опасность бакунизма и его дезорганизаторских действий в Интернационале. Так, 17 декабря 1869 г. Маркс сообщал Энгельсу, что «подробно написал об этом деле Де Папу (для сообщения брюссельскому Центральному совету)» [3].

Маркс переслал Де Папу текст циркулярного письма Генерального Совета от 1 января 1870 г. [4], направленного против действий бакунистского Альянса в Швейцарии. В подробном письме на имя Де Папа от 24 января 1870 г. Маркс раскрыл интриги бакунистов в Швейцарии и их неудавшуюся попытку раскола Интернационала.

В письме Марксу от 1 февраля 1870 г. Де Пап еще раз подтвердил согласие Бельгийского федерального совета с решением Генерального Совета от 1 января 1870 г. в отношении раскольнических действий альянсистов в Швейцарии. Обеспокоенный возможным расколом внутри Интернационала, Де Пап пытается найти пути к разрешению конфликта [5].

Когда Генеральный Совет решил созвать в сентябре 1871 г. негласную конференцию в Лондоне, Маркс сразу же запросил мнение бельгийцев на этот счет и, видимо, выражал пожелание

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 162/1.

[2] См., например, письмо М. Бакунина Гинсу от 4 октября 1869 г., в котором он передает привет Де Папу и выражает надежду на укрепление дружеских отношений (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 399/11).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 345.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 402—409.

[5] Так, А. Перре писал Г. Юнгу 28 апреля 1870 г.: «Я получил хорошее письмо от Де Папа, он умоляет меня попытаться добиться соглашения, ему не нравится Альянс, но он весьма сожалеет об этом расколе» (ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 324/5).

видеть в качестве бельгийского делегата Де Папа. Из Брюсселя Глазер де Вильброр сообщал Марксу 8 августа 1871 г., что идея конференции была одобрительно встречена руководством Бельгийской федерации, но что он не уверен, сможет ли Де Пап представлять Бельгию на ней, поскольку он сдает экзамены в университете. Кроме того, он вряд ли получит большинство голосов, так как у него явно наметились разногласия с членами Бельгийского федерального совета и, в первую очередь, с Брисме. Последний упрекал Де Папа в недостаточном внимании к делам Интернационала и предпочитал бы послать делегатами в Лондон Стеенса и Гинса [1].

Все же Де Пап был избран в состав бельгийской делегации и играл видную роль на Лондонской конференции 1871 г., в целом отстаивая позиции Генерального Совета.

Здесь он снова встретился с Марксом и его соратниками.

На конференции Де Пап огласил порядок ее работы, участвовал в обсуждении всех важнейших вопросов, в частности, он решительно поддержал Маркса в вопросе об отмежевании от авантюризма русского революционера-заговорщика Нечаева, выдававшего себя за уполномоченного Интернационала. Он же предложил поручить делегату конференции Николаю Утину опубликовать подробный отчет о судебном процессе в Петербурге над большой группой молодежи, поставленной под удар авантюристическими действиями Нечаева. На заключительном заседании конференции 22 сентября 1871 г., когда делегаты с мест отчитывались о положении Товарищества, Де Пап сделал развернутое сообщение о делах Интернационала в Бельгии.

Правда, на Лондонской конференции Де Пап, хотя и в меньшей степени, чем другие бельгийские делегаты (Стеенс, Веррикен), проявлял известную непоследовательность и колебания, пытаясь оправдать отдельные действия бакунистов. Эта позиция Де Папа отрицательно сказалась вскоре после конференции и привела к временному преобладанию внутри руководства Бельгийской федерации сторонников бакунистов.

В период между Лондонской конференцией и Гаагским конгрессом 1872 г. Маркс много делал для того, чтобы оторвать бельгийскую организацию от бакунистов. Вопрос о позиции Бельгийской федерации по отношению к борьбе в Интернационале не раз обсуждался на заседаниях Генерального Совета. Маркс писал непосредственно Де Папу. Так, например, в письме от 24 ноября 1871 г., развивая основные положения циркуляра Генерального Совета «Мнимые расколы», Маркс настоятельно рекомендовал Де Папу решительно отмежеваться от бакуни-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2451.

стов, которые ведут дело к расколу Интернационала, а раскол «был бы крайне несвоевременным в момент, когда мы должны выступать сомкнутыми рядами против общего врага» [1].

Следует заметить, что Де Пап, по-видимому, несколько недооценивал сильных позиций бакунистов вообще, и в Бельгии в частности. В своих ответных письмах в Лондон он старался смягчить остроту внутренних разногласий в Бельгии. В действительности внутри Бельгийского федерального совета имелось довольно сильное ядро сторонников Бакунина (Гинс, Стеенс и др.), которые вели дело к расколу Интернационала. Де Пап же, по словам Энгельса, «позорным образом дал себя надуть, он писал, что все обстоит благополучно» [2].

Конечно, Де Пап понимал сложность обстановки в Бельгии, где раскольников поддерживали проживавшие там французские эмигранты из бывшей французской секции в Лондоне и другие, по словам Де Папа, «честные элементы раскола», недовольные некоторыми решениями конгрессов и Лондонской конференции Интернационала.

Съезд Бельгийской федерации в декабре 1871 г. принял решение потребовать на предстоящем общем конгрессе Товарищества ревизии Общего Устава в направлении ослабления полномочий Генерального Совета, чего как раз добивались бакунисты.

В период между Лондонской конференцией и Гаагским конгрессом Де Пап пережил серьезный личный кризис, что объясняет его пассивность в делах Бельгийской федерации. В феврале 1872 г. в письме к Марксу брюссельский друг Де Папа, администратор газеты «Liberté» Л. Леклер рассказал о тяжелом моральном состоянии Де Папа после возвращения из Лондона. Леклер писал, что Де Пап не ответил на несколько писем Маркса не из-за небрежности или легкомыслия. «Сезар,— писал он с тревогой и болью,— мужественный юноша, который, несмотря на препятствия, ставящиеся нынешней социальной анархией интеллектуальному развитию того, кто рожден парием, получил солидное образование... Нас смущают причины, вызывающие такие глубокие переживания и серьезную боль у человека со столь закаленным характером... Он, такой обязательный, горячий в работе, полный веры в будущее, стал с некоторых пор скептически настроенным и безразличным ко всему, что его окружает. Он мало занимается делами Интернационала, он учится, но как все, не больше и не меньше, меня это удивляет потому, что мы не привыкли к этому» [3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 288.
[2] Там же, стр. 312.
[3] Л. Леклер — К. Марксу, 21 февраля 1872 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп 5, ед. хр. 2775.

Маркс с полным основанием писал в июне 1872 г., имея в виду Де Папа: «Интернационал в Бельгии приходит с каждым днем все в больший упадок благодаря пассивности образованной и пользующейся доверием части руководителей»[1].

На съезде Бельгийской федерации в мае 1872 г. Де Пап выступал в защиту действующего Общего Устава Товарищества вопреки требуемой сторонниками Бакунина его коренной ревизии. Но в период непосредственной подготовки к Гаагскому конгрессу (в июне — августе 1872 г.) он не оказал отпора сторонникам бакунистов в Бельгии, был склонен занять примиренческую позицию, хотя не порывал с Генеральным Советом. Еще 22 августа 1872 г. Де Пап писал Г. Юнгу, что лично он не солидарен с альянсистами-юрцами, напротив, он стоит на стороне Генерального Совета. Однако на конгресс в Гаагу Де Пап не поехал, уступив поле боя сектантским элементам бельгийцев. После же конгресса он выражал неудовольствие его итогами[2].

Тем не менее это не означало идейного перехода Де Папа на позиции анархистов-бакунистов. На конгрессе так называемого анархистского Интернационала в Брюсселе в сентябре 1874 г. Де Пап выступил с очень интересным докладом — «Общественная служба в будущем обществе», где с присущей ему научной добросовестностью и страстностью нарисовал картину будущего рабочего государства, прямо противоположную анархистским антигосударственным взглядам. Де Пап развивал в своем докладе, как и в докладах на Брюссельском 1868 г. и Базельском 1869 г. конгрессах, идеи подлинно пролетарского социализма, защищал в целом линию Маркса, хотя доклад этот не лишен присущих ему эклектических рассуждений.

В декабре 1875 г. Де Пап получил последние выпуски французского авторизованного перевода I тома «Капитала» Маркса. Он широко использовал этот труд в своем курсе лекций по социальной экономии в Брюссельской федерации рабочих обществ (Палате труда). Это как нельзя лучше отвечало стремлению Маркса сделать свой труд доступным рабочим романских стран, чтобы преодолеть их теоретическую отсталость и увлечения Прудоном, Бакуниным и другими мелкобуржуазными теоретиками.

Де Пап не только никогда не отрывался от рабочего движения своей страны, но был постоянно в курсе международного рабочего движения. Он стремился к расширению идейных и организационных связей между социалистами разных стран. На

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 408.

[2] См. письмо Де Папа Марксу от 26 октября 1872 г. Настоящая книга, стр. 446—447.

конгрессе социалистов в Берне в октябре 1876 г. Де Пап, представлявший Бельгийскую федерацию, заявил, что бельгийцы стремятся все больше сблизиться в вопросах тактики с немецкими социалистами. В мае 1877 г. от имени брюссельских социалистов он публично выразил солидарность с программой и тактикой немецких социал-демократов. Во второй половине 70-х годов в своей практической революционной деятельности Де Пап еще более сближается с марксистами. Он возглавил идущее из глубины масс политическое движение фламандских рабочих за всеобщее избирательное право и фабричное законодательство, прежде всего за ограничение труда детей.

«Мы понимаем,— писал Де Пап Малону,— что фабричные законы вообще и в частности о труде детей являются паллиативом, но поскольку на этот раз движение исходило целиком из глубины рабочего класса, нельзя было не поддержать его... В социальной экономии, как и в медицине, если нельзя сразу нанести удар и установить причину зла, приходится соглашаться на атаку и пресечение тех или иных более злостных симптомов, которые подвластны нам»[1]. Более того, Де Пап считал, что развернутая фламандскими рабочими петиционная кампания является важным шагом на пути развития политической деятельности рабочих, и за ней последуют другие, более радикальные меры борьбы за политические права, записанные в бельгийской конституции, но никогда не проводимые в жизнь. Он отмечал в этом письме Малону, что на рабочих митингах одновременно ведется широкая социалистическая пропаганда, что также способствует успеху их правого и гуманного дела.

Маркс и Энгельс высоко оценивали это направление в деятельности Де Папа. В письме Марксу 23 февраля 1877 г. Энгельс обращает внимание на корреспонденцию Де Папа в № 6 итальянской социалистической газеты «La Plebe» от 16 февраля 1877 г. о движении в Бельгии за фабричное законодательство и даже цитирует окончание ее: «Таким образом, мы полагаем, что этим методом можно скорее и вернее добиться освобождения пролетариата, чем стоя на месте годами и целыми двадцатипятилетиями, лая на луну в ожидании, что мамаша революция соизволит явиться и разбить цепи рабочих»[2]. Эта небольшая корреспонденция Де Папа является извлечением из его письма редактору газеты «La Plebe» Энрико Биньями и не предназначалась для печати, хотя Де Пап и не возражал против того, что Биньями опубликовал ее. Напротив, он приветствовал этот

[1] С. Де Пап — Б. Малону, 18 января 1877 г. «La Revue socialiste», 1913, № 340.

[2] Цит. по книге *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 27.

шаг, считая, что пропаганда положительного опыта бельгийских рабочих имела большое значение в борьбе с распространенным в Италии абстенционизмом анархистов.

Вопросы политической и экономической борьбы рабочих, об ограничении рабочего дня детей, о рабочих книжках, обязательном образовании, об избирательном праве и т. д. по инициативе социалистов обсуждались в бельгийском парламенте. Де Пап и другие социалисты действовали совместно с депутатом палаты от Брабантской социалистической партии Жансоном [1].

На конгрессе социалистов в Генте в 1877 г. Де Пап вместе с верными соратниками Маркса В. Либкнехтом и Л. Франкелем отстаивал марксистскую идею создания в каждой стране самостоятельной политической партии рабочих, и благодаря их усилиям конгрессом было принято следующее, подтверждавшее по существу решение Гаагского конгресса, постановление: «Принимая во внимание, что социальное освобождение неотделимо от политического, конгресс заявляет, что рабочий класс, организованный в отдельную партию, противостоящую всем остальным партиям, созданным имущими классами, должен использовать все политические средства, направленные к его социальному освобождению» [2].

В конце 70 и начале 80-х годов Де Пап был среди активных борцов за создание новой международной пролетарской организации, основанной на принципах научного коммунизма.

В конце января 1880 г. в письме на имя секретаря все еще существовавшей Брюссельской секции Международного Товарищества Дебрейгера Де Пап писал о том, что он продолжает считать себя членом великого Международного Товарищества Рабочих, поскольку остатки последнего еще живы. И когда в один прекрасный день Интернационал будет восстановлен, не на новой основе, но с новыми элементами, обусловленными новой обстановкой, он будет среди активных его борцов [3].

В своих печатных работах и в лекциях Де Пап постоянно использовал работы Маркса, ссылался на них. В январе 1877 г. в письме Малону Де Пап замечал, что хотел бы всерьез заняться написанием работы о Марксе, но мешает болезнь [4].

Де Папа сближало с Марксом понимание необходимости постоянного серьезного теоретического труда, постоянной учебы. Этот неутомимый исследователь и пропагандист сам очень много

[1] См. С. Де Пап — Б. Малону, 8 декабря 1877 г. «La Revue socialiste», 1913, № 344.
[2] Цит. по книге «Первый Интернационал». Ч. 2, стр. 600.
[3] См. ЦПА ИМЛ, ф. 487, ед. хр. 1.
[4] «La Revue socialiste», 1913, № 340.

учился на протяжении всей своей жизни и стремился повысить теоретический уровень своих соотечественников, выступая с чтением курсов, устраивая конференции и диспуты. В одном из писем Малону Де Пап писал: «Я глубоко убежден, что социалисты обязаны, крайне обязаны учиться. Если не изучать хотя бы немного различные отрасли социальной науки, будущие попытки социальной революции потерпят такой же крах, как и прошлые попытки» [1]. Подлинное и глубокое понимание значения Маркса как вождя международного рабочего движения и руководителя освободительной борьбы пролетариата Бельгии Де Пап выразил в письме Энгельсу от 20 марта 1883 г. в связи со смертью Карла Маркса [2].

* * *

Несмотря на значительное влияние на Де Папа Маркса и его соратников, особенно в период деятельности I Интернационала, он не смог до конца изжить некоторые анархистские стороны своего мировоззрения, отсюда его непоследовательность в отношении к Бакунину и Альянсу на Базельском конгрессе и особенно после Лондонской конференции 1871 г., его приверженность федеративному принципу, известный индивидуализм.

Однако уже в 1876—1877 гг. Де Пап сумел справиться с колебаниями и выступил за создание политической организации рабочего класса Бельгии. Его неустанные усилия способствовали тому, что бельгийское рабочее движение, постепенно преодолевая в своем развитии серьезные трудности, пришло к созданию социалистической рабочей партии. Несомненно, в процессе развития мировоззрения Де Папа значительную роль сыграла его дружба и сотрудничество с Марксом.

[1] С. Де Пап — Б. Малону, 24 февраля 1877 г. «La Revue socialiste», 1913, № 340.

[2] См. настоящую книгу, стр. 447.

И. П. Особова

И. Ф. БЕККЕР и К. МАРКС (1860—1861)

Марксизм не сразу стал учением, сторонники которого исчисляются миллионами. Было время, когда число их не достигало и тысячи. Тем большее значение имеет для истории марксизма деятельность тех немногочисленных приверженцев, которые восприняли учение Маркса и содействовали его распространению в международном рабочем движении.

Первые единомышленники, друзья и соратники Маркса пришли к марксизму неодинаково, каждый своим путем, нередко с трудом освобождаясь от груза прежних идей и представлений. Проследить их идейное развитие, восстановить картину постепенного вытеснения новым учением их старых идеалов, показать, как с изменением теоретических взглядов менялась их практическая деятельность и как опыт борьбы в свою очередь ускорял процесс усвоения ими идей научного коммунизма — значит раскрыть одну из интереснейших и поучительных страниц истории соединения марксизма с рабочим движением. Биографии таких людей, как А. Бебель, В. Либкнехт, П. Лафарг, В. Вольф, И. Ф. Беккер,— неотъемлемая часть этой истории.

В этой теме есть и другая сторона. В судьбе первых пролетарских революционеров решающим фактором, приведшим их к марксизму, было общение с Марксом — переписка, встречи. Либкнехт, вспоминая о впечатлении, произведенном на него беседами с Марксом, пишет: «Все его мировоззрение, особенно так называемое ныне материалистическое понимание истории, выступило с такой ясностью, что немногие сомнения, еще

оставшиеся у меня, исчезли, как снег под лучами весеннего солнца» [1].

Говорить о людях, стоявших рядом с Марксом, его ближайших соратниках и друзьях — значит рассказывать о самом Марксе; при этом раскрывается его умение убеждать людей фундаментальностью знаний и логикой доказательств, завоевывать не только их умы, но и сердца убежденностью, революционной страстностью, отсутствием всякой фальши, сентиментальности или надменной чопорности. Без исследования ближайшего окружения Маркса неполной будет картина его собственной жизни и деятельности как вождя рабочего движения.

К плеяде пролетарских революционеров, замечательных соратников и друзей Маркса, принадлежал и Иоганн Филипп Беккер (1809—1886). Ветеран немецкого революционного движения, он принимал участие еще в демократическом республиканском движении 30-х годов в Германии. Беккеру пришлось бежать от преследований реакции в Швейцарию. В 1843—1847 гг. он — офицер в рядах швейцарской армии и активный участник войны против Зондербунда — борьбы за прогрессивные буржуазные преобразования в Швейцарии. Беккер прошел сложный путь от радикального демократа до соратника Маркса в I Интернационале, видного руководителя немецкого и международного рабочего движения.

В данной статье рассматривается поворотный момент в жизни И. Ф. Беккера, связанный с его знакомством с Марксом и началом перехода на позиции научного коммунизма [2]. До марта 1860 г. Беккер не был связан совместной политической деятельностью с Марксом и Энгельсом, хотя имя его и было известно им раньше. К концу 50-х гг. XIX в. И. Ф. Беккер был уже значительной фигурой в европейском революционном движении. Энгельс высоко оценил деятельность Беккера в кампании за имперскую конституцию в 1849 г. в Германии и правильно угадал истинное его призвание — военное дело [3]. Книгу

[1] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», М., 1956, стр. 91.

[2] Деятельность Беккера в начале 60-х гг. XIX в. освещена в работе Г. Трюбнера «Johann Philipp Becker. Ein Leben für Freiheit» (1957) и в диссертации Р. Длубека. «Johann Philipp Becker. Vom radikalen Demokraten zum Mitstreiter von Marx und Engels in der I. Internationale (1848—1864/65)», защищенной в Берлине в 1963 г. Длубек широко использовал фонд Беккера в амстердамском Институте социальной истории, а также немецкую буржуазную прессу; его работа отличается богатством собранного материала и глубоким марксистским анализом. Рассматриваемая тема затронута также в книге Э. Энгельберга, посвященной деятельности Беккера в I Интернационале (*E. Engelberg*. «Johann Philipp Becker in der I. Internationale. Fragen der Demokratie und des Sozialismus». Berlin, 1964).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 333; т. 36, стр. 458—459.

Беккера и Эсселена «История южногерманской майской революции 1849 года»[1] Энгельс относил к числу тех, «которые *имеют значение* для истории кампании», так как содержат «не декламации, а *факты»*[2]. В 1854 г. Маркс, характеризуя испанского генерала Мину, вождя герильерос во время войны за независимость, ставил его значительно ниже Иоганна Беккера[3].

Личное общение с Беккером окончательно убедило Маркса и Энгельса в его искренности, честности и самоотверженности как борца за дело трудящихся.

* * *

Беккеру было за пятьдесят, когда он впервые заочно познакомился с Марксом, вступив с ним в непосредственную переписку, которая положила начало их многолетней дружбе. Переписка эта возникла в связи с так называемым «делом Фогта».

В декабре 1859 г. немецкий мелкобуржуазный демократ Карл Фогт выпустил брошюру «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»», в которой в ложном свете представил деятельность Союза коммунистов, изобразив его членов заговорщиками, якобы связанными с полицией, и чуть ли не фальшивомонетчиками.

Маркс, лишь в самых редких случаях отвечавший в печати на брань, которой осыпала его буржуазная пресса, на этот раз счел необходимым дать отпор клеветнику, пытавшемуся дискредитировать дело пролетарской партии.

В 1859 г. в Европе наступил перелом в социально-политической обстановке, оживились демократические движения, усилилась борьба за национальное объединение в Италии и в Германии, впервые после поражения революции 1848—1849 гг. стал поднимать голову европейский рабочий класс. Перед угрозой новой революционной волны мобилизовались силы контрреволюции, в центре которых стояла империя Наполеона III, «оплот порядка» в Западной Европе. Политика бонапартизма была намного опаснее откровенно реакционной политики других европейских держав. Сущность этой специфической формы диктатуры крупной буржуазии маскировалась демократической фразой, социальными маневрами, лавированием между различными классами и слоями. Демагогическая пропаганда пресловутого «принципа национальностей» обеспечивала Наполеону III поддержку многих представителей европейской демократии, среди которых большой активностью выделялся ученый зоолог,

[1] *Joh. Phil. Becker* und *Chr. Esselen*. «Geschichte der süddeutschen Mai-Revolution des Jahres 1849». Genf, 1849.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 457.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 336.

бывший член Франкфуртского парламента 1848 г. и «регент Германской империи» в 1849 г. Карл Фогт.

При этих обстоятельствах прямое нападение Фогта на Карла Маркса и его единомышленников нельзя было расценивать иначе, как акцию международной реакции против лагеря пролетарских революционеров и его боевого штаба. Борьба против Фогта приобрела, как с полным основанием писал Маркс, «решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии» [1].

Борьба против бонапартистского обмана, которую можно было вести только раскрывая истинные цели авантюристической внутренней и внешней политики Второй империи,— задача, которую Маркс и Энгельс начиная с 1848 г. считали одной из важнейших задач пролетарских революционеров,— должна была найти свое завершение в разоблачении Фогта, как агента бонапартистской контрреволюции. Эту задачу Маркс с блеском выполнил в своем знаменитом памфлете «Господин Фогт».

Выступление Маркса против Фогта стало своеобразным смотром революционных сил и моментом их консолидации. Оно способствовало выявлению подлинных пролетарских революционеров и их сплочению вокруг Маркса. Эта кампания выявила и тех, кто, как Фрейлиграт, не понял существа борьбы и, не выдержав суровой проверки, отошел в сторону от складывавшейся пролетарской партии.

В конце января 1860 г. Маркс приступил к сбору материалов для ответа Фогту. Его интересовали не только все документы, относящиеся к истории Союза коммунистов, но и сведения о деятельности самого Фогта. Для этого Марксу пришлось познакомиться с обширной литературой, установить контакты со многими эмигрантами, бывшими участниками революции 1848—1849 гг. в Германии. Он разослал в различные страны Европы — Германию, Англию, Францию, Швейцарию и др. около 50 писем с просьбой прислать необходимые материалы. Памфлет «Господин Фогт» разросся в объемистую книгу размером около 20 п. л., которая вышла из печати в декабре 1860 года.

Беккер в это время жил в Париже, куда переехал из Швейцарии в 1856 году [2]. Период европейской реакции обрекал его на политическое бездействие. В Швейцарии замерла деятельность немецкой эмиграции. Переезд во Францию также не сулил Беккеру особых перемен. В Париже господствовала поли-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 373.

[2] «Zur Biographie von Johann Philipp Becker. Sein Curriculum vitae bis 1856». Mitgeteilt und erläutert von N. Rjasanoff. «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Leipzig, 1913, Heft 2, S. 317.

тическая реакция, рабочее движение находилось под строгим полицейским контролем. В среде мелкобуржуазной эмиграции не прекращались склоки, на многих деятелях сказывалось влияние бонапартистской пропаганды (Кошут, Мерославский, Гесс, Эвербек [1]), а некоторые из них (Л. Бамбергер, Л. Симон) стали прямыми сообщниками Карла Фогта [2]. Беккер примкнул к небольшому числу честных демократов, которые занимали резко антибонапартистскую позицию. В их числе были — его старый друг, адвокат из Трира, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г. Виктор Шили и русский журналист Н. И. Сазонов [3].

Материальная нужда преследовала Беккера всю жизнь [4]. Большая семья требовала средств. К 1860 г. из 22 детей в живых оставалось семеро: три сына и четыре дочери [5].

Беккер вел жизнь профессионального революционера. Ему не раз приходилось менять род занятий. Положение эмигранта не оставляло выбора. Будучи человеком незаурядным, с живым умом и характером, он брался за множество самых неожиданных дел [6], которые не всегда кончались удачно. Он сам созна-

[1] См. *M. Hess* «Briefwechsel». 'S-Gravenhage, 1959, S. 357—363, 387.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 575, 614—615, 691.

[3] Шили был одним из руководителей штурма цейхгауза в Прюме (1849 г.); оттуда его отряд с добытым оружием пробрался в Пфальц, где влился в армию, сражавшуюся за имперскую конституцию. После поражения он эмигрировал в Швейцарию, а затем, высланный оттуда, переехал в Лондон. В 1852 г. Шили порвал с союзом Виллиха — Шаппера и стал на сторону Маркса и Энгельса. В 1854 г. он переезжает в Париж, впоследствии вступает в ряды I Интернационала.

Сазонов, эмигрировав в 40-е годы за границу, сотрудничал в различных газетах и журналах; был знаком с Марксом; с Беккером встречался еще в Женеве.

[4] Тем не менее, когда у него появлялись средства, он, не задумываясь, тратил их на пропаганду. Так, он поддерживал бедствовавших эмигрантов в Женеве; в 1849 г. финансировал готовившийся им сицилийский поход немецкого легиона (Эсселен — Энгельсу, 6 мая 1849 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 223).

[5] «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», S. 317.

[6] В автобиографии, написанной в 1860 г. и опубликованной в Архиве Грюнберга в 1913 г., калейдоскоп деловой активности Беккера выглядит следующим образом: начав в молодости с ремесла щеточника, он затем в 1836 г. открывает трактир, в 1839 г. занимается в Биле (Швейцария) торговлей рейнскими винами и часами; в 1840 г.— владелец трактира в Берне, где собираются преподаватели, студенты, литераторы и эмигранты: в 1841 г. торгует лесом; в 1842 г. основывает сигарную фабрику в Биле; в 1845 г.— лесопилку и механическую мастерскую; в 1850 г. занимается огородничеством; в 1851 г. он — торговый агент, а в 1852 г.— фотограф; в 1853 г. он основывает в Женеве справочную контору, коммерческое бюро и типографию. С 22-х лет Беккер зарабатывает на жизнь также литературным трудом, являясь корреспондентом или редактором

вал, что ему «для личных дел не хватает ни ловкости, ни настойчивости» [1].

В Париже Беккер продолжает давно увлекавшие его химические опыты. Ему удается улучшить производство зеркал, разрисовку фарфора и отделку металлических изделий, используя электрохимический метод. Он основал маленький завод и пытался получить патент. Однако в 1857 г. на заводе произошел взрыв, в результате которого Беккер был в тяжелом состоянии доставлен в больницу. Компаньоны покинули его, а средства растаяли. В связи с кризисом 1857 г. продать дело Беккеру не удалось и на уплату долгов пошло все, вплоть до единственного пальто, заложенного в ломбарде в начале зимы [2].

Брошюра Фогта вызвала среди ближайших друзей Беккера возмущение и негодование. Однако не все поняли необходимость публичного ответа Фогту. Так, бывший член Союза коммунистов Имандт писал, что не следует «копаться в подобной гадости» [3]. В этом же духе писал Марксу и Сазонов: «Дорогой Маркс, не обращайте внимания на все эти низости; все серьезные, все добросовестные люди на Вашей стороне, и они ждут от Вас не бесплодной полемики, а совсем другого,— они хотели бы иметь возможность поскорее приступить к изучению продолжения Вашего прекрасного произведения» [4].

Среди тех, кто активно включился в борьбу, поддержав Маркса словом и делом, Шили и Беккер были одними из первых. Письмо Шили от 8 февраля 1860 г. было ответом на просьбу Маркса сообщить подробности о жизни немецкой эмиграции в Швейцарии. «Дорогой Маркс! — писал Шили.— Мне было очень приятно получить непосредственную весть от тебя в письме от 31 прошлого месяца [5], и я тем охотнее готов дать необходимые сведения об интересующих тебя женевских делах, что proprio

различных газет и журналов. Его перу принадлежит несколько книг. Журналистская деятельность Беккера была тесно связана с революционной пропагандистской работой и начиная с 60-х годов становится его основной профессией.

В свете этих данных необходимо, очевидно, внести поправку в биографические сведения о И. Ф. Беккере, встречающиеся в исторической литературе, где он, как правило, фигурирует только как щеточник.

[1] Беккер — Шили, после 22 марта 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185. ед. хр. 21/3.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 436; т. 36, стр. 458; Шили — Ж. Маркс, 28 декабря 1856 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 862; *J. Ph. Becker*. «Erlebnisse einer Nacht in Paris». «Der arme Conrad», Leipzig, 1877, S. 43; *J. Ph. Becker*. «Neue Stunden der Andacht». Genf, 1875, S. 4—5, 34.

[3] Имандт — Марксу, 5 февраля 1860 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 415.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 416.

[5] Письмо Маркса от 31 января 1860 г. не сохранилось.

motu [по собственному почину] собирался написать тебе о них. Первой мыслью не только у меня, но и у всех здешних женевских знакомых, когда мы случайно заговорили об этом, было, что Фогт, как ты пишешь, сваливает тебя в одну кучу с совершенно неизвестными тебе лицами, и я в интересах истины взялся сообщить тебе надлежащие сведения о бюрстенгеймерах, серной банде и т. д. Поэтому ты поймешь, что оба твои вопроса... пришли весьма кстати» [1].

Получив обширный ответ от Шили, Маркс подвергает его «перекрестному допросу» [2], и между ними завязывается оживленная переписка.

Среди женевских знакомых, которым Шили показал письмо Маркса, был Беккер. Он, как никто другой, знал жизнь женевской эмиграции. «...Я, в качестве старшего по возрасту,— писал он,— считал своей обязанностью внимательно следить за всем, что предпринималось в этой среде, чтобы при случае по возможности предостеречь и удержать эмигрантов от вздорных затей, столь простительных в их тяжелом положении, вызывавшем у них озлобление, а часто и отчаяние. На основании тридцатилетнего опыта я отлично знал, как богата всякая эмиграция иллюзиями» [3].

Беккер тотчас же через Шили сообщил Марксу ряд сведений, а затем помог ему связаться в Лондоне с эмигрантом из Бадена Штехером. Штехер, в свою очередь, предоставил важные материалы, опровергавшие клевету Фогта о «связях» Маркса с прусской полицией [4].

20 марта 1860 г. Беккер написал в Лондон большое письмо, которое адресовал своему старому другу, члену парижского Союза отверженных Георгу Рейнлендеру. Мы не знаем, обращался ли Маркс к Беккеру за помощью [5]. Скорее всего, письмо Беккера было написано им по собственной инициативе, он ссылался на «настоятельную потребность» рассказать правду и опровергнуть вымысел Фогта. Он рассказал о так называемой «серной банде», ответственность за деятельность которой Фогт возлагал на Маркса. Эта группа молодых немецких эмигрантов в Женеве, с которыми встречался сын Беккера Готфрид, не

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 416.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 32.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 433.

[4] Шили — Марксу, 6 марта 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1102; Рейнлендер — Марксу, 14 марта и 23 марта 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1108; ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1353; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 439.

[5] Рязанов в своей публикации беккеровской автобиографии 1860 г. упоминает не дошедшее до нас письмо Маркса Беккеру от 23 января 1860 года.

только не была связана со сторонниками Маркса, но и сильно расходилась с ними в своих социально-политических воззрениях.

Беккер сообщил также важные сведения о прусском полицейском агенте — провокаторе Шервале, проникшем в свое время в ряды Союза коммунистов, а затем действовавшем среди женевских эмигрантов под именем англичанина Ньюджента. Маркс в книге «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» уличил Шерваля в шпионской деятельности и тем самым положил конец его проискам в Женеве.

Письмо Беккера ввиду его чрезвычайной важности Маркс почти полностью перепечатал в своем памфлете «Господин Фогт» [1].

В марте 1860 г. Маркс отправил в Париж и Женеву для сбора материалов против Фогта «собственного посланца» [2] Карла Зибеля, дальнего родственника Энгельса, молодого человека, который относился к Марксу и его другу с безграничной преданностью. Беккер познакомил Зибеля с немецким демократом, участником баденского восстания 1848 г., а затем эмигрантом в Швейцарии Георгом Ломмелем, который был прекрасно осведомлен о бонапартистских интригах в Женеве [3]. Благодаря его материалам (он в общей сложности отправил Марксу около сорока писем, не считая пересланных документов) Маркс смог написать важнейшую для разоблачения личности Фогта главу «Агентура» и доказать, что Фогт был фактически подкуплен [4]. Переписка Маркса с Ломмелем частично шла через Беккера.

Беккер и Шили также снабжали Маркса ценной информацией о деятельности бонапартистской агентуры в среде немецкой и международной эмиграции во Франции и Швейцарии. 13 июля 1860 г. Шили пишет Марксу, что они с Беккером вплотную приступают к подготовке материалов [5]; 14 августа Женни Маркс сообщает Энгельсу, что «от Шили и Беккера ежедневно поступают новые пачки документов, которые тут же используются для брошюры» [6].

Маркс специально просил Беккера прислать ему характеристику швейцарского государственного деятеля, радикала Джемса Фази, который был представителем пробонапартистских кругов в Швейцарии, патроном и личным другом Фогта: «Было бы очень хорошо — и очень важно для моей брошюры,— писал

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 433—436.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 440.

[3] Зибель — Энгельсу, 22 марта 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1424.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 40, 84, 442.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1148.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 559.

Маркс 9 апреля 1860 г.,— если бы Вы, как хорошо знающий Фази, прислали мне *краткий очерк* его поведения *со времени государственного переворота* вместе с миниатюрным наброском, рисующим личность этого человека. Фогта я считаю всего лишь прислужником Фази...» [1].

Беккер выполнил эту просьбу в двух больших письмах — 2 и 20 июля 1860 г., которые Маркс опубликовал целиком, опустив только несколько фраз и слегка подправив стиль [2]. Письма, писал он, «содержат слишком удачную характеристику Фази, чтобы портить ее добавлениями!» [3].

В начале апреля Маркс получил от Беккера пакет с его перепиской 1848—1849 гг.— ценнейший материал, который давал возможность познакомиться с деятельностью многих «героев» эмиграции в период революции [4]. Особенно заинтересовал Маркса документ, касающийся Виллиха, руководителя сектантско-авантюристической фракции, отколовшейся от Союза коммунистов в 1850 году. Это письмо тоже вошло в памфлет «Господин Фогт» [5].

Подчеркивая тот факт, что борьба против Фогта способствовала сплочению лагеря пролетарских революционеров, Маркс писал Беккеру: «Нападение г-на Фогта уже потому следовало бы рассматривать как счастливое для меня событие,— отвлекаясь от всего остального,— что оно сблизило меня с ветераном нашей революции и эмиграции. Я не разделяю, впрочем, изумления филистеров перед последовательностью Вашей жизни. Я всегда убеждался до сих пор в том, что все действительно сильные натуры — назову хотя бы старого Левассера, Коббета, Роберта Оуэна, Лелевеля, генерала Меллине,— раз вступив на революционный путь, даже из поражений всегда черпали новые силы и становились тем решительнее, чем дальше они плыли в потоке истории» [6].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 435.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 594—601. Оригиналом первого письма мы не располагаем; фотокопия второго имеется в архиве ИМЛ. В книге Маркса оба письма адресованы Рейнлендеру, однако в рукописи письмо от 20 июля 1860 г. обращено к Боркхейму и рукой Маркса фамилия последнего заменена на Рейнлендера. Очевидно, Маркс внес правку при подготовке текста писем к публикации.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 593.

[4] Беккер — Зибелю. 3 мая 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1437; Маркс — Беккеру, 9 апреля 1860 г.; Маркс — Энгельсу, 17 апреля 1860 г.; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 40, 434—435.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 453—454. В 80-е годы, после смерти Маркса, Энгельс по просьбе Беккера пытался разыскать этот пакет и другие, посылавшиеся Беккером материалы. Судя по письмам Энгельса (см. т. 36, стр. 65, 92, 142, 189, 281, 421), он так и не смог найти их.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 434.

27 марта 1860 г. Маркс переслал полученные от Беккера материалы своему адвокату в Берлин. Он писал ему: «Беккеру пришлось эмигрировать в связи с событиями 1830—1831 годов; в 1848—1849 гг. он был сначала руководителем баденских повстанцев, затем полковником баденско-пфальцской революционной армии; теперь он коммерсант в Париже; он является, так сказать, ветераном немецкой эмиграции» [1].

Не довольствуясь этими самыми общими сведениями, Маркс в конце марта 1860 г. просил Шили сообщить ему подробности биографии Беккера. Шили указал два источника — книгу Беккера и Эсселена о революции в Германии и энциклопедический словарь Брокгауза [2]. К этому же времени относится и автобиография Беккера, где он кратко излагает канву своей жизни, год за годом, с 1830 до переезда в 1856 г. в Париж [3].

Начало переписки с Марксом было поворотным моментом в жизни Беккера. Оно сыграло огромную роль в дальнейшем развитии его взглядов, в окончательном переходе на позиции революционного пролетариата.

То, что Беккер до этого не был лично знаком с Марксом и «никакого касательства к нему не имел» [4], вовсе не означало, что он впервые услышал о Марксе только в 1860 году.

В 1853 г. Беккер прочитал Марксовы «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» и познакомил с их содержанием женевских эмигрантов [5]. В 1859 г. на него сильнейшее впечатление произвела работа «К критике политической экономии». Он упоминает об этом в письме Рейнлендеру от 20 марта 1860 г.:

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 429.

[2] Шили — Марксу, 2 апреля 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1425.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 2/1. По мнению Рязанова, Маркс держал этот документ в руках во второй половине 1860 г. (см. «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Leipzig, 1913, Heft 2, S. 313), к моменту издания книги «Господин Фогт». То, что автобиография уже в 1860 г. была известна Марксу, ясно из немногих замечаний о Беккере, которые мы находим в книге «Господин Фогт»: «Революционная деятельность ветерана немецкой эмиграции Иоганна Филиппа Беккера,— пишет Маркс,— от гамбахского празднества до кампании за имперскую конституцию, где он сражался в качестве командира 5-й армейской дивизии (такой, несомненно, беспристрастный голос, как «Berliner Militair-Wochenschrift», свидетельствует о его военных заслугах),— его деятельность слишком хорошо известна, чтобы мне нужно было сказать что-нибудь об авторе письма» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 432—433). Уточнение о командовании 5-й армией, ссылка на берлинский военный еженедельник — все эти факты содержатся в автобиографии.

Сравнение автобиографии с письмом Шили Марксу от 2 апреля 1860 г. позволяет датировать ее началом апреля 1860 года.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 433.

[5] Там же, стр. 435.

«Если у вас когда-нибудь появится возможность лично встретиться с Марксом, сообщите мне, пожалуйста, ваше мнение о нем, так как с момента появления его чисто научной книги о политической экономии он меня чрезвычайно интересует»[1]. В том же письме мы наталкиваемся еще на одно свидетельство того, что Беккер к этому времени уже прекрасно представлял себе масштаб личности Маркса. В конце письма он замечает: «Как мог Фогт осмелиться связать похождения этого бродяги [Шерваля.— *И. О.*] в Женеве с деятельностью такого человека, как *Маркс* ...я никак в толк не возьму...»[2].

Беккер с нетерпением ждал выхода памфлета Маркса не только потому, что считал важным дать бой Фогту. Он надеялся, что брошюра Маркса будет содержать программу действий для партии, к которой он уже давно причислял себя. Отвечая Марксу на его письмо от 9 апреля 1860 г., Беккер писал: «Я ведь также должен быть благодарен г-ну Фогту, что мы, наконец, вступили в более тесное общение. Я говорю, «наконец», так как в силу наших политических и социальных позиций в теории и на практике мы давно уже должны были стать друзьями и по тем же причинам всегда оставаться ими»[3].

Энгельс в 1886 г., незадолго до смерти Беккера, настаивал на том, чтобы он непременно написал свои воспоминания, «в высшей степени важные для истории революционного движения в Германии, следовательно, для предыстории, а с 1860 г. частично и для самой истории нашей партии»[4]. Энгельс считал, что именно с 1860 г. жизнь Беккера стала неразрывно связанной с деятельностью пролетарских революционеров-марксистов.

Маркс сразу же ввел Беккера в круг своих друзей и соратников. Одним из первых, с кем он связал его, был Иосиф Вейдемейер, член Союза коммунистов, один из первых пропагандистов марксизма в США. По просьбе Вейдемейера Маркс в апреле 1860 г. подыскивал европейских корреспондентов для рабочей газеты «Stimme des Volkes», которую Вейдемейер собирался издавать в Чикаго. В числе прочих Маркс написал также Беккеру 9 апреля 1860 г.[5] Беккер обещал регулярное сотрудничество. Причина — не только возможность заработать, хотя он в это время сильно нуждался и небольшой гонорар в 10 франков за еженедельную корреспонденцию был для него

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1353. Публикуя письмо в книге «Господин Фогт», Маркс опустил это место.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 436.

[3] Беккер — Марксу, 20 апреля 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1432.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 458.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 434—435.

вовсе не лишним. Главным мотивом, по его собственным словам, было то, что он «уже давно искал пути и средства вовлечь в предстоящее европейское движение активную часть наших соотечественников в Америке»[1]. В начале мая за океан ушла его первая корреспонденция, вскоре последовали остальные. Беккер писал на международные темы — о французских и особенно итальянских событиях, которые все больше привлекали его внимание, а также о Швейцарии. Не было почти ни одной корреспонденции, в которой он не полемизировал бы с Фогтом[2].

Сотрудничество И. Ф. Беккера в чикагской рабочей газете положило начало его связи с немецкой эмиграцией в Соединенных Штатах, которая получила дальнейшее развитие в период I Интернационала.

* * *

Обозначившийся с конца 1858 г. подъем национально-освободительного движения в Италии мог вылиться в народную революцию, следствием которой было бы не только освобождение страны от австрийского гнета, но и образование единой итальянской республики. Но это не входило в планы Сардинского королевства, которое претендовало на роль объединителя страны. Премьер-министр Пьемонта Кавур, стремясь взять революционное движение под контроль, встал весной 1859 г. на путь решения национальной проблемы посредством войны против Австрии.

Союзником Пьемонта выступил Наполеон III, искавший во внешней войне выход из внутреннего кризиса и прикрывавший экспансионистские планы личиной освободителя порабощенной Италии.

Фактически участие Наполеона III в войне означало интервенцию против назревавшей итальянской революции.

В статьях Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune», лондонской «Volk», брошюрах Энгельса «По и Рейн» и «Савойя, Ницца и Рейн» вскрывались истинные намерения Луи Бонапарта — территориальные приобретения за счет Италии и — дальний прицел — за счет Германии, установление французского протектората в Италии, подавление революционного движения на границах империи и укрепление своего положения внутри страны.

[1] Беккер — Марксу, 20 апреля 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1432.

[2] В нашем распоряжении нет газеты «Stimme des Volkes», где, по имеющимся сведениям, статьи И. Ф. Беккера печатались под корреспондентским знаком: ***. Об этих статьях сохранились отзывы редактора газеты И. Вейдемейера (см. Вейдемейер — Марксу, 5 июля 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1147).

Разоблачая подлинные причины, толкавшие Наполеона III на вмешательство в итальянские дела, Маркс и Энгельс подчеркивали, что итальянская нация должна решать самостоятельно свою собственную судьбу. Так же, как и в отношении Германии, они стояли за наиболее радикальный и демократический путь объединения страны снизу — путь народной революции. Статья Маркса «Вопрос об объединении Италии», написанная за три месяца до начала войны, проникнута ожиданием «великого национального восстания» [1].

Маркс и Энгельс считали желательным вступление Пруссии в войну на стороне Австрии, рассчитывая, что расширение конфликта до европейских масштабов может в условиях нарастающего брожения послужить толчком к европейской революции. Но именно этого и опасались правящие классы. Все усилия дипломатических кругов были направлены на то, чтобы локализовать войну, и уже в июле 1859 г. в Виллафранке был поспешно заключен мир.

На первый поверхностный взгляд позицию Маркса и Энгельса, ставивших перед немецкими пролетарскими революционерами задачу добиться вовлечения Пруссии в войну, можно было сблизить с позицией проавстрийской партии в Германии, рупором которой выступала аугсбургская «Allgemeine Zeitung», призывавшая всех немцев защищать австрийские владения в Италии. Однако Энгельс в брошюре «По и Рейн» со всей убедительностью показал различие этих двух позиций: для немцев речь шла о борьбе против Наполеона III, военный разгром которого устранил бы главное препятствие к осуществлению единства не только Италии, но и самой Германии. «...Германия стоит перед очень трудной дилеммой,— писал Маркс в марте 1859 года.— Решительно становясь на сторону Италии против Австрии, немецкий народ в то же время не может не стать на сторону Австрии против Бонапарта» [2].

Что антибонапартистское острие позиции Маркса и Энгельса соответствовало настроениям истинных итальянских патриотов, доказывает манифест Мадзини «Война», опубликованный в органе итальянских буржуазных демократов «Pensiero ed Azione» 16 мая 1859 г. [3] Еще в ходе войны Маркс и Энгельс сочувственно следили за операциями добровольческого корпуса, возглавленного Джузеппе Гарибальди. Последний, также занимая резко антибонапартистскую позицию, всячески стремился придать войне всенародный, революционный характер

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 173.
[2] Там же, стр. 295.
[3] Там же, стр. 382—386.

и вырвать дело объединения Италии из рук Кавура и Савойской династии. В этом он, по словам Маркса, буквально следовал совету, который Мадзини дал народным добровольцам,— «провести четкую линию различия между их собственным делом и делом коронованных самозванцев» [1].

Виллафранкский мир, оставивший дело объединения Италии незавершенным, способствовал освобождению народных масс от иллюзий, связанных с фигурами Наполеона III и Кавура. Революционные тенденции в освободительном движении усилились, и к 1860 г. обстановка в Италии изменилась. Начался военный поход Гарибальди в Сицилии с целью освобождения Южной Италии из-под ига Неаполитанской монархии.

Теперь Маркс и Энгельс полностью солидаризировались с революционной войной, которая велась в Италии силами народа и заслуживала поддержки со стороны всех последовательных демократов и пролетарских революционеров. Маркс с одобрением отмечал в мае 1860 г., что Гарибальди, видя свою главную задачу в устранении всякого повода для нового вмешательства Франции, считает это осуществимым «лишь в том случае, если движение сохранит свой чисто народный характер и не будет стоять ни в какой связи с планами чисто династического расширения» [2].

В этой новой обстановке изменились, полагали Маркс и Энгельс, и задачи немецких пролетарских революционеров в отношении итальянского движения: теперь они должны были всячески противиться какому-либо вмешательству германских государств в итальянские дела. Рассматривая возможность новых военных действий Наполеона III против Австрии в статье для «New-York Daily Tribune» в августе 1860 г., Энгельс писал: «Не может быть и речи о том, чтобы Германия пришла к ней на помощь. Немцы самым решительным образом откажутся сражаться как за неаполитанского короля, так и за папу. Они пожелают лишь признания территориальной неприкосновенности Германского союза (с этим желанием охотно согласятся как французы, так и итальянцы)» [3].

Эхо гарибальдийских сражений прокатилось по Европе и Америке и нашло отклик в демократической и революционной среде. Во многих странах создавались гарибальдийские комитеты, сотни добровольцев из разных стран — немцы, венгры, поляки, русские, французы, англичане — стекались под знамена «героя Монтевидео и Рима» [4].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 381.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 15, стр. 94.
[3] Там же, стр. 134—135.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 170.

Гарибальдийский комитет, созданный среди немецких эмигрантов в Нью-Йорке, послал в Италию свыше 100 000 франков, а представитель комитета, мелкобуржуазный демократ Отто Ревентлов направился туда, чтобы предложить Гарибальди корпус в 2—3 тыс. человек [1].

По просьбе парижского комитета, созданного в поддержку итальянского освободительного движения, Гарибальди 5 октября 1860 г. прислал полномочия на создание интернационального легиона, в состав которого должны были войти немецко-швейцарская, французская, английская, венгерская, южнославянская и польская дивизии под общим командованием польского революционного генерала Людвига Мерославского. Легион должен был служить не только делу полного освобождения Италии, но преследовал и более далекие цели европейской революции [2].

Беккер полностью одобрил программу легиона, хотя и не очень доверял инициаторам этой идеи: в состав парижского комитета, наряду с решительными республиканцами, входили люди умеренного толка и даже «имперские демократы», по его выражению, т. е. бонапартисты, связанные с принцем Наполеоном [3]. Несмотря на это, Беккер решил отправиться в Италию, чтобы взять на себя организацию немецкого легиона, в отношении которого у него были свои планы.

По его мнению, борьба, развернувшаяся за Альпами, могла бы послужить образцом решения национальной проблемы и для Германии, но желательно без какого-либо вмешательства извне [4]. Он считал необходимым содействовать «всеобщему пробуждению национального самосознания» немецкого народа, видел в борьбе с бонапартизмом историческую миссию Германии [5]. Создание немецкого легиона в Италии он рассматривал как средство консолидации немецких революционных сил.

Идея создания добровольческих интернациональных отрядов в помощь начавшейся революции в какой-либо стране не является в принципе порочной или, наоборот, при всех обстоятельствах заслуживающей одобрения. Все зависит от конкретных условий. В марте 1848 г., например, вторжение вооруженного

[1] *J. Ph. Becker.* «An die Deutschen». ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 7; Беккер — Шили, 19 ноября 1860 г. «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр. 137.

[2] *J. Ph Becker.* «Polen, die Diplomatie und die Revolution». Genf, 1863, S 5.

[3] Там же.

[4] Беккер — Рейнлендеру, 20 марта 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1353.

[5] Беккер — Марксу, 20 апреля 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1432.

отряда эмигрантов на территорию Германии, охваченной брожением, означало искусственное ускорение событий, насильственное навязывание ей революции извне. Маркс решительно возражал тогда против этих авантюристических действий, означавших экспорт революции. Но вот в сентябре 1863 г. во время польского восстания он активно поддержал план — послать на помощь полякам немецкий республиканский легион в 200 человек, «отчасти для того,— писал он Энгельсу,— чтобы «позлить» французов, отчасти же для того, чтобы узнать, возможно ли еще тем или иным способом образумить немцев в Германии... Дело само по себе превосходно» [1]. В момент, когда восстание шло на убыль, посылка легиона означала не просто военную поддержку революционного правительства, а демонстрацию интернациональной солидарности. Именно в этом Маркс и видел значение готовившейся экспедиции.

Несмотря на сочувствие, с которым Маркс относился к гарибальдийскому движению, намерение Беккера отправиться в Италию встретило с его стороны сдержанный прием. Он сообщает Энгельсу 2 октября 1860 г.: «И. Ф. Беккер собирается в Неаполь (Шили будет его сопровождать). Он намерен образовать там немецкий добровольческий отряд (!!!)» [2]. Три восклицательных знака довольно выразительно характеризуют отношение Маркса ко всему предприятию. Чем была вызвана такая позиция? Прежде всего обстановкой, сложившейся к этому моменту в Италии.

К началу октября 1860 г. стало ясно, что поход Гарибальди близок к завершению. Армия неаполитанских Бурбонов была разгромлена, и Южная Италия освобождена от их власти. На пути дальнейшего развития революции и продвижения гарибальдийцев к Риму встали пьемонтские войска, вступившие на территорию Папской области, а затем и королевства Обеих Сицилий. Основой политики пьемонтского правительства было не дать развернуться аграрной революции и оттеснить Гарибальди от руководства движением. «Судя по письмам, которые я получаю непосредственно из лагеря Гарибальди,— пишет Маркс Лассалю в тот же день, 2 октября 1860 г.,— положение тревожное. Кавур является прямым орудием Бонапарта и держит в руках Виктора-Эммануила. Гарибальди трудно будет устоять против Бонапарта и пьемонтской армии, тем более, что вся буржуазная и аристократическая сволочь Италии идет вместе с Кавуром» [3].

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 306.
[2] Там же, стр 79.
[3] Там же, стр. 467.

Было ясно, что момент для поездки упущен. Шили, который вначале тоже собирался ехать, сумел трезво оценить ситуацию и отказался от поездки. Однако загоревшийся этой идеей Беккер не отступил от своих планов.

В начале октября 1860 г., получив рекомендательные письма от парижского комитета и Мерославского, а также приветственный адрес для Гарибальди от немецких эмигрантов, Беккер отправился в путь. Он заехал в Женеву, где провел агитацию в пользу легиона среди рабочих и радикальной интеллигенции — немцев и швейцарцев, и собрал подписи под адресом Гарибальди. В Париж он сообщил, что проект легиона встречен в Женеве «с подлинным энтузиазмом» и что «в Швейцарии открывается великолепное поле действий» [1]. Из Женевы Беккер направился в Геную, а оттуда на пароходе «Гарибальди» прибыл 29 октября в Неаполь.

События конца октября — первой половины ноября 1860 г. полностью подтвердили опасения Маркса и парижских друзей Беккера. Слабость демократического лагеря, выразившаяся в отрыве борьбы за национальное единство от революционных преобразований, слабость позиции Гарибальди, который во имя единства Италии передал власть королю, позволила пьемонтской монархии при поддержке либеральной буржуазии использовать успехи народных масс в своих целях. 21 октября было объявлено о присоединении королевства Обеих Сицилий к Пьемонту. 6 ноября в Неаполь прибыл Виктор-Эммануил. 7 ноября Гарибальди сложил с себя звание диктатора и удалился на Капреру. 16 ноября был принят декрет о роспуске «тысячи». Кампания 1860 г. завершилась, не разрешив до конца задачи объединения Италии. Римская область оставалась под властью папы, Венеция — в руках Австрии.

Несмотря на явно неблагоприятную ситуацию, Беккер приступил к выполнению задуманного плана. Еще до отъезда Гарибальди на Капреру Беккеру удалось несколько раз встретиться с ним и изложить ему свой план. Особое внимание он обратил на то обстоятельство, что само существование немецкого легиона явится сильнейшим средством агитации против Австрии: «благодаря этой политической миссии значение легиона столь велико, что еще до его выступления равняется выигранной битве» [2].

Гарибальди, по словам Беккера, полностью признал значение плана создания легиона, но принять решение без согласия короля Виктора-Эммануила уже не мог.

[1] Беккер — Шили, 3 ноября 1860 г. «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр. 135

[2] Там же, стр. 133.

В письмах к Шили, своеобразных отчетах о своей деятельности в Италии, Беккер оставил замечательный портрет Гарибальди. «Насчет «древнеримского облика Гарибальди» нас, однако, ввели в заблуждение,— пишет Беккер.— Предки Гарибальди были, очевидно, не иначе, как германцы. Его белокурые волосы, рыжеватая борода, синие глаза, светлая кожа и свежий цвет лица, его могучая натура, так ярко проявляющаяся во всей его внешности, неоспоримо указывают на германское происхождение... В нем сочетаются юноша и зрелый муж; похоже, что в его душе постоянно чередуются олицетворенная в нем вечная юность и серьезность умудренного опытом мужчины, гармонично воздействуя друг на друга. С ним я тотчас же почувствовал себя, как в гостях у старинного друга. Он с первого взгляда производит впечатление человека, который должен нравиться народу, он скорее представитель его интересов и патриарх, чем воин и полководец [1]. Античная классическая простота придает всему его облику поразительное величие и красоту, пленяет, как все прекрасное... В нем чувствуется внутреннее удовлетворение, душевное спокойствие и вера в свои силы; этим он возбуждает всеобщее доверие и так пленяет всех, что каждый итальянец при упоминании его имени восклицает: «Viva Garibaldi!»» [2].

Беккер тонко подметил и сильные и слабые стороны национального героя Италии, а некоторые его оценки поразительно созвучны выводам Маркса и Энгельса. В июле 1860 г. Энгельс выражал надежду, что Гарибальди-политик не посрамит славы Гарибальди-полководца [3]. Беккер, в свою очередь, обратил внимание на то, «что в политических вопросах у него [Гарибальди.— *И. О.*] нет той твердой и непоколебимой решимости, какой можно было от него ожидать, судя по его успехам в военных действиях» [4].

Беккер был свидетелем последнего военного успеха прославленного полководца в кампании 1860 г.— взятия Капуи. После

[1] На первый взгляд, подобная характеристика противоречит военной славе Гарибальди. Но вот что пишет о себе Гарибальди в «Мемуарах»: «...У меня врожденная неприязнь к службе солдата! Правда, мне пришлось несколько раз быть солдатом, ибо я рожден в рабской стране, но это всегда вызывало у меня отвращение...» (*Джузеппе Гарибальди.* «Мемуары», М., 1966, стр. 245). Герцен передает слова Гарибальди: «Я видел мой отчий дом, наполненный разбойниками, и схватился за оружие, чтобы их выгнать» (*Герцен.* Собр. соч., т. XI, стр. 262).

[2] Беккер — Шили. 3 ноября 1860 г. «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр 134.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 15, стр 67.

[4] Беккер — Шили, 3 ноября 1860 г. «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр. 134.

своего отъезда на Капреру самое большее, что Гарибальди мог сделать для организации иностранного добровольческого корпуса,— поговорить по этому поводу с королем.

Не менее безрезультатно закончились попытки Беккера согласовать свои действия с командирами гарибальдийской армии — венгерскими офицерами Тюрром и Клапкой. Уклончивость их позиции, стремление не допустить создания немецкого легиона как отдельной боевой единицы (Клапка предложил зачислять добровольцев в индивидуальном порядке в уже имевшийся в гарибальдийской армии венгерский легион) сразу же насторожили Беккера. Он почувствовал, что он и люди, его окружавшие, кажутся Тюрру и Клапке слишком революционно настроенными. Он недаром заподозрил Тюрра в стремлении поступить на службу к Виктору-Эммануилу. В 1861 г. Тюрр действительно стал генералом итальянской армии.

Не менее подозрительными показались ему и планы Клапки относительно венгерского восстания весной 1861 года. Он был полностью согласен с итальянскими патриотами в том, что движение в Венгрии инспирировано бонапартистами и, «судя по установкам его руководителей, является чисто монархическим; не воспользуется ли плодами ее отделения от Австрии какой-нибудь французский или русский принц?» — пишет он Шили 19 ноября 1860 г.[1] Всякие сомнения отпали у него, когда Клапка открыто признал планы бонапартистского вмешательства в венгерское движение в одной из своих публичных речей[2]. Беккеру стало ясно, что созданию легиона лидеры венгерской эмиграции содействовали бы только в том случае, если его можно было использовать для осуществления авантюристических планов венгерского восстания под бонапартистской эгидой.

Вряд ли Беккер знал о разоблачениях, сделанных Марксом в нью-йоркской «Daily Tribune» в сентябре 1859 г. о связях некоторых венгерских эмигрантов с Тюильри и о притязаниях принца Наполеона на венгерскую корону[3]. Скорее всего, остались неизвестными ему и факты, сообщенные Марксом в той же газете в сентябре 1860 г. относительно попыток Кошута и Тюрра по прямому внушению из Парижа отговорить Гарибальди от планов похода на Рим и заставить его высадиться в Фьюме, чтобы поднять восстание в Венгрии[4].

Однако принципиальная позиция Беккера, его политическое чутье и проницательность позволили ему разгадать бонaparти-

[1] Беккер — Шили, 3 ноября 1860 г. «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр. 136—137.
[2] *J. Ph. Becker.* «Polen...». S. 6.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 524—530.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 15, стр. 189—190.

стские интриги в гарибальдийском лагере, оценить действия «умеренных» как пособников Савойской династии и императорской Франции.

Среди итальянского окружения Гарибальди в эту сложную игру был втянут ветеран-гарибальдиец Джероламо Биксио, который под влиянием своего брата, крупного промышленника и финансиста в Париже, перешел в лагерь «умеренных» [1] (с 1862 г. он — генерал итальянской армии).

«Высокое положение многих героев похода 1860 г. вскружило им голову, они не знают, повернуть ли им налево или направо, или следует совершить полный поворот. При полностью отсутствующих или непереваренных принципах, плохо разбирающиеся в политике, удовлетворенные весьма доходными почестями и званиями, они оказались в мешке графа Кавура, так же, как тот — в сетях галлофранкского императора» [2],— писал Беккер Шили 23 апреля 1861 г.

Гораздо дольше Беккер сохранял иллюзии относительно позиции Мерославского и возлагал большие надежды на сотрудничество с ним. Однако ближайшее знакомство со знаменитым деятелем польского национального движения рассеяло надежды Беккера. Мерославский, так же как и лидеры венгерской эмиграции, искал поддержки в бонапартистских кругах, в свою очередь предлагая польскую корону принцу Наполеону. Приехав в Италию с рекомендациями от последнего, Мерославский пытался заручиться также содействием Кавура и Виктора-Эммануила. При этом, скрывая от широкой публики свои бонапартистские симпатии, Мерославский уверял Беккера, что в его намерения не входит служить принцу Наполеону, а лишь использовать его в интересах дела [3].

Беккер, сообщая в Париж о своей встрече с Мерославским, характеризовал его как человека политически близорукого и тщеславного. «Пусть Мерославский хороший генерал,— писал он,— но как политический руководитель, а особенно как организатор, он совершенно бездарен» [4]. Маркс, которому Шили пересылал все письма Беккера, отметил эту оценку: «О плон-плонизме Мерославского мне известно с давних пор во всех деталях от И. Ф. Беккера и Шили... Относительно смешного тщеславия и безграничного легковерия Мерославского, если задето его тщеславие,— об этом мне Беккер написал в 1860 г. из Италии

[1] *J. Ph. Becker.* «Polen...», S. 8—10.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/4.
[3] *J. Ph. Becker.* «Polen...», S. 5—8.
[4] Беккер — Шили, 25 февраля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 22.

весьма занятный отчет»[1]. Что касается большинства польских эмигрантов, находившихся тогда в Неаполе, то они, по свидетельству Беккера, ничего не знали обо всей этой закулисной дипломатической возне[2].

С первых же дней пребывания в Италии Беккер увидел главную силу демократического лагеря итальянского национального движения в мадзинистах. Это единственная в Италии «радикальная партия», писал он, которая «обладает революционной энергией и принципами»[3]. У него сложилось несколько преувеличенное представление, что именно их самоотверженной деятельности в значительной степени обязана своим успехом революция 1860 года. «Нам ведь уже в Париже было ясно,— писал он Шили 19 ноября 1860 г.,— что эти результаты были достигнуты главным образом благодаря неустанной и отважной деятельности мадзинистов; представляющаяся здесь нашим глазам картина и рассказы сведущих офицеров окончательно убеждают нас, что вся страна, от Палермо до Неаполя, была в таком брожении, что по существу для совершения переворота достаточно было одного появления Гарибальди»[4].

Особенно высоко оценивал Беккер деятельность Мадзини. «Здесь я все больше убеждаюсь,— писал он Марксу,— что именно он является собственно головой всего движения, за что я охотно прощаю ему его пантеизм»[5].

Беккер установил связь с видными мадзинистами — Саффи, Бони, которые издавали в Неаполе газету «Popolo d'Italia»[6].

Самого Мадзини Беккер в Неаполе не застал. Тот вскоре уехал в Лондон. Беккер просил Маркса познакомить Мадзини с планами создания легиона и заручиться его поддержкой[7].

Нам неизвестно отношение Маркса к этому поручению. Что касается Мадзини, то план создания легиона был им тогда же полностью поддержан. Несколько позже он писал Беккеру:

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 278.

[2] *J. Ph Becker*. «Polen...», S. 7.

[3] Беккер — Шили, 23 апреля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/4.

[4] «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр. 138. Эти сведения Беккера об итальянском движении Маркс в январе 1861 г. сообщил Лассалю: «Один из моих друзей, И. Ф. Беккер,— писал Маркс,— находится теперь на Капрере у Гарибальди. Он пишет мне, что южноитальянское движение в значительной своей части было организовано почти исключительно сторонниками Мадзини...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 474)

[5] Беккер — Марксу, 15 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203.

[6] *J. Ph. Becker*. «Polen...», S. 7; Реми — Беккеру, 4 апреля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 52/7.

[7] Беккер — Марксу, 15 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203.

«...Партия, которую я представляю,.. также является антиимпериалистической, антибонапартистской, как и большинство горячих поборников свободы в Германии... Отделите дело Германии от дела Австрии, и вы освободите нас от бонапартизма. Единая Италия никогда не будет бонапартистской... Германия должна сказать нам: освободите Венецию своими собственными силами, без бонапартистской помощи... Скажите вашим соотечественникам, что нельзя смешивать Италию с пьемонтской кликой... Она — случайное явление в нашей национальной революции... Ваша идея немецкого легиона является благородной и превосходной идеей. В настоящее время мы изыскиваем необходимые средства для ее осуществления. В ожидании их приступайте к формированию кадров...» [1].

Беккер посетил также бывших членов комитета общества «Единство Италии», тайного общества итальянских патриотов, основанного в 1848 г. и разгромленного неаполитанскими властями в 1849 году. Некоторые из его членов были освобождены из тюрьмы только в 1860 г., при вступлении в Неаполь гарибальдийцев. «Они с восторгом встретили наш план,— сообщал Беккер,— и хотя не могут оказать ему никакой прямой поддержки, но все же будут держать постоянную связь и идти с нами рука об руку. Это единственные люди, имеющие организаторский опыт и заглядывающие в будущее» [2].

Наконец, еще одна сила, на которую Беккер стремился опереться в организации легиона,— это немцы — добровольцы гарибальдийской армии и эмигранты в Неаполе и Генуе.

Среди иностранных гарибальдийских отрядов немцы и швейцарцы составляли значительный процент. Они были разбросаны по различным частям — артиллерии, пехоте, входили в отряды венгерских гусар и альпийских стрелков. Полковник Рюстов, немецкий эмигрант, демократ, был начальником штаба Гарибальди.

Беккер встретил в гарибальдийском лагере множество старых боевых товарищей из Германии и Швейцарии, в том числе полковника Келера, участника баденской кампании 1849 года, который служил в личной охране Гарибальди с первых дней сицилийского похода. Все они, по свидетельству Беккера, выразили готовность вступить в интернациональный легион [3].

Беккер заручился также поддержкой корреспондентов немецких газет «Kölnische Zeitung», «Nationalzeitung», австрийской

[1] Мадзини — Беккеру, 16 июня 1861 г. «Neue Zeit», 1888, S. 458—459.
[2] Беккер — Шили, 19 ноября 1860 г. «Новая и новейшая история», 1965. № 5, стр. 136.
[3] Там же.

«Wanderer» и установил связь с представителем немецких эмигрантов в США Ревентловым [1].

Наиболее интересной личностью среди немецких эмигрантов, с которыми Беккер познакомился в Неаполе, был Теодор Реми. Молодой человек (Реми был на двадцать лет моложе Беккера) получил прекрасное образование. Он в совершенстве владел французским, английским и итальянским языками, а также латынью и греческим; знал математику и бухгалтерское дело. Он отказался от юридической карьеры в Пруссии и от работы домашнего учителя и торгового агента в Бельгии, чтобы отправиться добровольцем в Сицилию. После окончания похода Реми сотрудничал в газете «Popolo d'Italia», зарабатывал уроками. Он стал одним из самых преданных сторонников и помощников Беккера. Реми всецело разделял политические взгляды Беккера, был решительным противником бонапартистского вмешательства в национальное движение европейских стран [2].

После отъезда Беккера в Геную на Реми легли все организационные дела в Неаполе, особенно работа среди немецких эмигрантов. Однако здесь он натолкнулся на всеобщую апатию. Проект легиона не нашел отклика среди практичных бюргеров немецкой колонии: они сочли его нереальным [3].

К середине ноября Беккер достаточно разобрался в обстановке, чтобы трезво взвесить все «за» и «против». Основное препятствие представляла позиция либерально-монархического лагеря. Пьемонтское правительство, распустившее добровольцев Гарибальди, было вряд ли заинтересовано в формировании на своей территории революционных иностранных частей. Оно могло допустить их создание лишь в том случае, если они всецело будут находиться в его руках. Только непосредственное подчинение корпуса самому Гарибальди могло спасти его независимое положение и революционный характер. «В противном случае,— писал Беккер,— нет никаких гарантий, что легион будет использован по назначению, а я ни за что на свете не

[1] Беккер — Шили, 19 ноября 1860 г. «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр. 137.

[2] Реми — Беккеру, 13 октября 1861 г., 31 марта, 12 сентября, 3 ноября, 17 декабря 1864 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 52/17, 20, 21, 23, 24.

[3] Реми — Беккеру, 15 февраля, 7 марта, 2 апреля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 52/1, 2, 5.

В январе 1865 г. Реми переехал к Беккеру в Женеву, вступил в Интернационал и стал секретарем Центрального Комитета секций немецкого языка, председателем которого был Беккер. Маркс, введенный в заблуждение чьим-то неверным сообщением из Швейцарии, полагал, что Реми «навязан» Беккеру Бакуниным и «является орудием последнего» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 281). Возможно, Реми вслед за Беккером, также одно время входил в женевский Альянс социалистической демократии. Однако считать его бакунистом нет никаких оснований.

хотел бы содействовать созданию легиона, который в конце концов ограничился бы несением дворцового караула и таскал каштаны из огня для королевской династии»[1].

Итальянские патриоты из демократического лагеря поддерживали Беккера, но ничем практически не могли ему помочь.

Положение создалось в высшей степени затруднительное. Бросить дело на полпути было не в характере Беккера. Кроме того, он был твердо убежден, что затишье временное, и весной Гарибальди снова выступит. «...Нельзя же считать освобождение Италии законченным, пока австрийцы находятся в Венеции»,— писал он Шили 3 ноября. «По всем признакам,— сообщал он в другом письме,— весной дело должно начаться всерьез, и нам придется так или иначе, в зависимости от обстоятельств, принять в нем участие»[2].

Далее, в середине ноября в Италию приехал Мерославский и убедил Беккера подождать результатов своих переговоров с Гарибальди[3]. Пока Беккер не терял надежды добиться участия Гарибальди, он не складывал оружия.

И, наконец, главная причина, по которой Беккер упорно продолжал свою организационную деятельность, заключалась в особенностях его теоретических и тактических взглядов, его представлений о путях революционного движения.

* * *

Документы Беккера, относящиеся к 1860—1861 гг., позволяют более детально рассмотреть его взгляды на проблемы демократического и национально-объединительного движения, стоявшие тогда в центре внимания европейских революционных партий.

Основа для воззрений Беккера была заложена в ходе его тридцатилетней революционной деятельности в качестве демократа и республиканца с социалистической окраской. Кульминационным пунктом этого периода его деятельности была революция 1848—1849 годов.

Пребывание в Италии и контакты с мадзинистами усилили его тяготение к тактике и организации тайных обществ типа «Молодой Италии». Вместе с тем установление дружеских связей с Марксом, знакомство с рядом его работ, а также работ

[1] Беккер — Шили, 3 ноября 1861 г. «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр. 135.

[2] Там же, стр. 132, 137.

[3] Беккер — Шили, после 22 марта 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/3; Мерославский — Беккеру, 17 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 51/1. Дата письма установлена по книге: *J. Ph. Becker*. «Polen...», S. 10.

Энгельса, привело к усвоению Беккером более широкого круга идей из арсенала научного коммунизма. Это выразилось не только в том, что по многим вопросам текущей политики он в той или иной степени стал разделять точку зрения Маркса и Энгельса, но и в кардинальном изменении его взглядов на роль рабочего класса.

Однако только опыт I Интернационала окончательно превратил его в пролетарского революционера. Хотя известные элементы непролетарской идеологии в той или иной степени сохранялись в мировоззрении Беккера всю жизнь, рассматриваемый период — начало 60-х годов — представляет собой своеобразный переходный этап в его идейной эволюции.

В центральном вопросе европейского революционного движения начала 60-х годов — оценке роли бонапартизма — Беккер занял позицию, отличную от позиции многих представителей немецкой, венгерской, польской и итальянской демократии и весьма близкую взглядам Маркса и Энгельса.

Беккер был последовательным противником вмешательства бонапартистской Франции в дело национального освобождения европейских народов. «Мы никогда не должны упускать из виду,— писал Беккер в лондонское Просветительное общество немецких рабочих 20 марта 1861 г.,— что наш самый опасный враг сидит на французском троне» [1].

В Италии он самым решительным образом отмежевался от проводников политики Наполеона III. «С итальянским правительством,— писал Беккер,— мы не хотим иметь ничего общего. Я признаю только вождей народной партии — Гарибальди и Мадзини и их друзей» [2].

Позицию Германии в итальянском вопросе Беккер рассматривал в полном согласии с точкой зрения Маркса и Энгельса. Он отделял интересы германского народа от династических интересов австрийского императорского дома. Беккер считал, что господство Австрии в Италии отнюдь не давало Германии никаких стратегических преимуществ в защите ее южных границ. Толкая Италию в объятия бонапартистской Франции, это господство, наоборот, усиливало угрозу вторжения на юге. Сохранение австрийских владений в Италии оправдывало притязания Луи Бонапарта на левый берег Рейна и датское господство в немецком Шлезвиг-Гольштейне. Австрийская политика подавления национальностей обеспечивала немцам вражду всех порабощенных Австрией народов. Изгнание Австрии из Италии и свержение Габсбургов было необходимым условием как италь-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 23/1.
[2] Там же.

янского, так и немецкого единства [1]. Но при этом нельзя было забывать об опасности бонапартистского вмешательства, которая изменяла расстановку сил и вынуждала Германию повернуть фронт против Франции. В июне 1861 г. Беккер писал Мадзини: «Что касается объединения Венеции с Италией, мы, я и мои друзья, совершенно согласны с вами, что итальянская нация имеет неоспоримое право снова овладеть этой провинцией. Если вы сделаете это своими силами, вы сможете рассчитывать не только на симпатии Германии, но и на ее эффективную поддержку. В этом случае мы сделаем все, чтобы или помешать немецким правителям прийти на помощь Австрии, или сформировать немецко-швейцарский корпус, который сражался бы бок о бок с итальянскими солдатами. Но если, к несчастью, война против Австрии будет объявлена под покровительством франко-итальянского союза, весь немецкий народ будет рассматривать ее не иначе, как войну против его собственного национального существования... Италия, в особенности, должна понимать, что ее главный враг находится не в Вене, а в Париже» [2]. Достаточно сравнить эти положения с соответствующими разделами брошюры Энгельса «По и Рейн», чтобы близость точек зрения выступила особенно рельефно [3].

О том, что Беккер хорошо знал эту работу, говорит целый ряд фактов. В письме Марксу 15 января 1861 г. он писал: «Что поделывает Энгельс? Не собирается ли он осуществить свои стратегические теории на практике, для чего ему вскоре повсюду представится случай?» [4].

Еще в декабре 1860 г. Беккер просил Боркхейма прислать ему брошюры Энгельса «По и Рейн», «Савойя, Ницца и Рейн» и только что вышедшую книгу Маркса «Господин Фогт» в Италию для Гарибальди [5].

Неизвестно, смог ли Гарибальди познакомиться с этими работами Маркса и Энгельса. Посылка пришла в Неаполь, когда Беккера там уже не было, и брошюры, прежде чем попасть к нему в Геную, были основательно изучены Т. Реми. На базе работ Энгельса Реми сделал 10 апреля 1861 г. в немецком Национальном союзе Неаполя доклад. Основные выводы Реми целиком в духе энгельсовских: ни Австрия, ни Пруссия не могут быть опорой немецкого единства. Народ должен взять дело

[1] См. *J. Ph. Becker.* «An die Deutschen», 28 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 7.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 55/1.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 261—263, 266, 276.

[4] Беккер — Марксу, 15 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 106—107.

в свои руки. Основная задача — борьба с бонапартистскими притязаниями как в Италии, так и в Германии. Особенно сильное впечатление произвела на Реми книга Маркса. «Работа «Господин Фогт» великолепна,— писал он Беккеру,— а глава «Да-Да Фогт и его исследования» по своему значению выходит далеко за рамки чистой полемики...». Реми просил Беккера, поскольку тот дружен с Марксом, убедить Маркса написать очерк о политическом положении Европы в стиле этой главы [1]. Беккер получил книги, очевидно, в конце апреля 1861 года. После переезда в Женеву, где работа Маркса также была встречена восторженно, Беккер собирался издать по-французски те ее части, которые касаются Швейцарии и Франции, но не нашел подходящего переводчика [2].

Свою деятельность в Италии Беккер тесно связывал с борьбой за единство собственного отечества. Идеи о путях объединения Германии он подробно развил в обращении к лондонскому Просветительному обществу немецких рабочих от 20 марта 1861 года [3]. В этом пункте Беккер также стоял на позиции, близкой взглядам основоположников научного коммунизма. Беккер был решительным сторонником объединения революционным путем, он осуждал стремления части немецкой либеральной буржуазии объединить Германию сверху под главенством прусской или австрийской монархии, критически относился к деятельности Национального союза. «Нам нечего ждать от правительств,— писал он,— хотя силой обстоятельств та или иная верховная власть бывает вынуждена послужить делу народа».

Беккеру совершенно чужды были конституционные иллюзии, свойственные многим немецким мелкобуржуазным демократам: «Источником всякого публичного и формального права является власть, и если мы хотим создать новое право, мы должны прежде всего создать новое общество, причем всеми средствами, которые окажутся в нашем распоряжении. Смешно ждать от монархов, чтобы они, как носители власти, добровольно сложили с себя короны, а не попытались спасти их с помощью сабель и пушек... Всякий, кто жертвует своей головой, имуществом и кровью, получает мандат на совершение революции». Движущая сила революции — народ, политическая цель — уничтожение раздробленности и абсолютизма, установление суверенитета

[1] Реми — Беккеру, 13—14 апреля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 52/8.

[2] Беккер — Марксу, 13 февраля и 20 апреля 1862 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр 1286 и 1304; Маркс — Беккеру, 26 февраля 1862 г. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч.. т. 30, стр. 510.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 23/1.

народа, создание народного республиканского правительства: «Наш лозунг: все для народа, все с помощью народа. Недостойно великой образованной нации вымаливать как милости на ступенях трона отнятые у нее неотчуждаемые права. Я признаю лишь верховенство нации, суверенитет народа» [1].

Для Беккера нет никакого сомнения в том, что единственным путем, которым Германия может превратиться в государство, имеющее политическое значение, является путь *народной революции.* Беккер был носителем лучших традиций *революционного демократизма*, которые в его деятельности вели начало еще с гамбахского празднества 1832 года [2]. Эта решительная революционная позиция соответствовала взглядам Маркса и Энгельса на необходимость «плебейской» расправы с феодально-абсолютистскими порядками.

Таким образом в главных и основных политических вопросах Беккер занимал последовательную, революционно-демократическую позицию, которая делала возможным его переход на позиции пролетарского революционера.

Решительный шаг в этом направлении был им сделан еще в революции 1848—1849 годов. Энгельс писал об этом обстоятельстве: «Сильные симпатии к пролетариату, которые Беккер питал с юности, приняли теперь более конкретную форму; ему стало ясно, что если буржуазия повсюду составляла ядро реакционных партий, то ядро подлинно революционной силы может составить только пролетариат. Коммунист по чувству стал сознательным коммунистом» [3].

Некоторые высказывания Беккера, относящиеся к изучаемому периоду, позволяют говорить о значительной эволюции, совершившейся в его социально-политических воззрениях к началу 60-х годов. Так, в письме Марксу от 15 января 1861 г. он признает руководящую роль рабочего класса в предстоявшей в Германии буржуазно-демократической революции: «Мы же, разумеется, с другой стороны, должны дать рабочему классу достаточно крепкую организацию, чтобы он по первому знаку мог выступить повсюду и руководить революцией» [4].

Беккер пытался теоретически осмыслить значение национального вопроса с точки зрения интересов пролетарского движения. «По моему мнению,— писал он Марксу 20 апреля

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 23/1.

[2] В своей речи на гамбахском празднестве Беккер говорил: «Пока за декретами правительств стоят штыки, а за нашими протестами лишь кроткие сердца, исполненные скорби, до тех пор мы останемся презренными канальями» (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 23/1).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 331.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203.

1860 г.,— национальное [Nationalität] должно было бы служить основой всех стремлений нашей партии, как один из сильнейших стимулов, если и не из чистого принципа, то по соображениям целесообразности... Поэтому я считаю, что наша партия будет придерживаться наиболее разумной тактики, если объявит себя в этом вопросе самой решительной представительницей, самым громким рупором, так как таким путем она подготовит твердую почву и приобретет плодотворное влияние для осуществления всех своих дальнейших планов» [1].

В этом рассуждении Беккер нащупывал позицию, которую должен занять пролетарский революционер в отношении национально-освободительного движения [2].

Процесс превращения Беккера в сознательного коммуниста еще не завершился к началу 60-х годов, хотя сам Беккер безоговорочно причислял себя уже в это время к «партии Маркса», искренне считая, что он целиком разделяет взгляды этой партии.

Но в вопросе о тактике борьбы и принципах организации революционной партии в Германии верх взяли его радикальные воззрения демократа.

Исходя из перспективы войны против бонапартистской Франции и революции внутри страны, Беккер считал необходимым объединить наиболее энергичные, революционные элементы в сильную и сплоченную партию действия. В письме Марксу от 15 января 1861 г. [3] он подробно излагает схему организации такой партии в виде небольших, тайных, строго законспирированных союзов, с полувоенной дисциплиной. Каждый член союза знает только семь человек, в числе которых находится и руководитель. Через него осуществляется связь. Члены союза делятся на классы по степени их приближения к центру. Вся организация из конспиративных соображений получает название «розового куста», каждый «куст» объединяет 301 человека.

Члены союза должны были входить во все разрешенные общества — певческие, гимнастические, благотворительные, просветительные, даже в Национальный союз, занимать посты редакторов и корреспондентов газет. Беккер полагал, что тайна сделает союз более могущественным даже в глазах его собственных членов: «Ничто не оказывает большего и такого электризующего влияния на человеческую натуру,— писал он,— как

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1432.

[2] Ср. с высказыванием Маркса, относящимся к сентябрю того же года: «То обстоятельство, что *именно мы* (здесь в Англии) выступаем с национальных позиций, кажется мне — оставляя в стороне внутреннюю правомерность такой политики — даже и тактически правильным» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 465).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203.

нечто неожиданное, что появляется одновременно всюду в один и тот же момент»[1].

Центральное руководство всеми союзами должно осуществляться из-за границы — Парижа или Лондона. При этом сыграет свою роль интернациональный легион, сформированный в Италии. Каждый национальный корпус легиона должен иметь, по идее Беккера, наряду с военным, также и политическое руководство — своеобразный институт политических комиссаров. Политические комитеты отдельных национальных корпусов — это та власть, которая будет руководить движением в стране. Главный комитет легиона определяет программу и тактику революционного движения и должен состоять из людей всех партийных оттенков. Тенденция к единству всех течений должна быть проведена также и в программе. «Мы, наиболее решительные, уж позаботимся о том, чтобы удержать рычаг в своих руках»[2],— писал Беккер Шили 25 февраля 1861 года.

В этом плане Беккера видны принципы организации тайных заговорщических республиканских обществ 20—50-х гг. XIX века — карбонариев, бланкистов: свержение существующего правительства силой оружия, диктатура небольшой группы революционеров, строгая дисциплина и конспирация. Несомненно также и влияние мадзинистов, тайная подготовительная работа которых в Южной Италии произвела большое впечатление на Беккера[3]. В несколько видоизмененном виде Беккер и впоследствии не раз возвращался к подобным организационным планам.

Однако в схеме Беккера есть ряд пунктов, которые существенным образом отличают ее от взглядов великих заговорщиков. Беккер стремился создать как можно более широкую сеть союзов, а работой в легальных учреждениях тесно связать революционную организацию с массами. Для него революция — не захват власти кучкой революционеров, а действие широких народных масс — рабочих, крестьян, армии, мелкой буржуазии, которых нужно заранее готовить к вооруженной борьбе. Беккер изучал тактику партизанской войны, готовил к изданию простой и практичный военный устав и руководство по строительству полевых укреплений, чтобы «каждый крестьянский руководитель мог им пользоваться»[4]. Организация легиона рассматривалась

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 22; также см. ф. 185, ед. хр. 23/1, 21/3.

[3] Реми писал Беккеру 21 сентября 1861 г.: «...Наш союз носит абсолютно диктаторский характер. Этот его абсолютный характер в отношении тебя и в полном согласии с тобой я признаю как необходимость» (ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 52/15).

[4] Беккер — Шили, после 22 марта 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/3; см. также Келер — Беккеру, март 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 51/2; Реми — Беккеру, 16 мая 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 52/11.

им также как школа военной подготовки будущих участников борьбы. Одной из целей легиона было «предоставить в распоряжение немецкой революции хорошо организованный, привычный к войне, революционно настроенный армейский корпус» [1].

Он думал также о работе в армии. Энгельс после смерти Беккера писал: «мы потеряли единственного немецкого революционного генерала, которого имели» [2].

Основные кадры для создания партии действия Беккер искал в рабочем классе и в своей практической деятельности стремился опереться на рабочие общества.

Итак, в беккеровской схеме революции легиону отводилась немаловажная роль. Его создание, по мнению Беккера, «прокладывало путь от абстрактных теоретических дискуссий к практике, к воплощению идеи в жизнь, к делам, которые действуют всегда убедительнее и сулят успех» [3].

* * *

24 января Беккер получил письмо от Мерославского, где сообщалось, что программа интернационального легиона полностью принята Гарибальди, но, разумеется, на случай войны с Австрией. Венгры договорились с Турином отдельно, получив от итальянского правительства средства на обмундирование и вооружение 5000 человек, так что легион будет объединять представителей четырех национальностей — поляков, немцев, французов и славян. В Италии нет партии, которая могла бы поддержать легион материально, поэтому необходимо воззвать к «практичному патриотизму» немцев и швейцарцев [4].

28 января 1861 г. Беккер выпустил манифест «К немцам» [5], в котором призывал немцев и швейцарцев вступать в легион и собирать для него средства. «Чтобы быть ближе к миру и вести регулярную переписку» [6], он перебрался в первых числах февраля в Геную. Уже больной, он совершил путешествие третьим классом, на верхней палубе парохода; в Генуе лихорадка перешла в сильнейшую желтуху, мучившую его целый месяц. Но он не прекращал агитационной деятельности: создал «Организационный комитет легиона за свободу и единство Германии», рассылал манифест в различные города Италии, Англии, Франции, Швейцарии, Австрии, Германии. В Германию и Австрию

[1] Беккер — Марксу, 15 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 333.

[3] Беккер — Марксу, 15 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203.

[4] Мерославский — Беккеру, 17 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 51/1.

[5] *J. Ph. Becker*. «An die Deutschen». ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 7.

[6] Беккер — Шили, 25 февраля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 22.

отправлялись эмиссары из числа немцев — участников гарибальдийского похода, возвращавшихся на родину; они снабжались инструкциями, в том числе беккеровской схемой партии действия [1]. Вместе с Ревентловым, представителем немецкой эмиграции США, Беккер собирался начать агитацию в Америке и просил Шили побудить Маркса и Энгельса также воздействовать на американских немцев [2]. Рабочих из лондонского Просветительного общества он просил прислать адреса соотечественников в разных странах [3]. Он пишет столько писем, что «пальцы немеют» [4].

Из Швейцарии пришло несколько откликов. Члены немецкого рабочего общества в Берне восторженно приветствовали беккеровский манифест. Его содержание, сообщали они, отвечает их глубоким убеждениям. Они готовы в любой момент пожертвовать жизнью и имуществом ради дела освобождения своего собственного отечества и отечества братьев-итальянцев [5].

В Цюрихе на призыв Беккера откликнулись Келер, который еще в Италии обещал ему помощь, и Швайгерт, также бывший доброволец Гарибальди. Они отпечатали 2500 экземпляров манифеста и распространили его среди немцев во многих странах [6].

Но была реакция и другого рода. Буржуазные газеты — «Allgemeine Zeitung» и др. напали на Беккера за его призыв с оружием в руках отстаивать единство Германии. Швейцарская «Intelligenzblatt» напечатала провокационную заметку, в которой заявлялось, что генерал Гарибальди не давал полномочий кому бы то ни было в Швейцарии заниматься вербовкой от его имени. Возможно, что автором сообщения был Рюстов, неодобрительно относившийся к инициативе Беккера [7].

Мелкобуржуазная немецкая эмиграция в Англии и Америке (Кинкель, Блинд, Гейнцен) также выступила против организации легиона [8].

Решающим для Беккера был отзыв о его деятельности со стороны Маркса и Энгельса. Посылая свои пространные отчеты

[1] Беккер — Марксу, 15 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1203; Келер — Беккеру, март 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 51/2; Реми — Беккеру, 22 марта 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 52/3; Шабелиц — Беккеру, 12 июля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 51/4.

[2] «Новая и новейшая история», 1965, № 5, стр. 137.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 23/1.

[4] Беккер — Шили, 25 февраля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 22.

[5] Линднер — Беккеру, 6 марта 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 53.

[6] Швайгерт — Беккеру, март 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 51/6; Келер — Беккеру, март 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 51/2.

[7] Реми — Беккеру, 4 и 24 апреля 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 52/7, 52/9.

[8] См. *R. Dlubeck*. Op. cit., S. 260.

друзьям — Шили и Боркхейму, он просил сообщать главное из них Марксу. Он сам собирался совершить путешествие в Лондон, чтобы поговорить с Марксом лично. «Как часто хотелось мне,— писал он Марксу,— чтобы в эти последние месяцы Вы были здесь» [1].

Когда от поездки пришлось отказаться, он написал Марксу 15 января 1861 г. подробное письмо, в котором излагал план партии действия. В июле 1861 г. Шили послал в Лондон все письма и циркуляры, полученные от Беккера из Италии [2]. Он надеялся, что Маркс заинтересуется деятельностью Беккера и снабдит его инструкциями. К сожалению, письмо, которое Маркс послал в августе Шили для Беккера, не дошло до нас, Беккер вернул его в Париж [3]. Об отношении Маркса к деятельности Беккера приходится судить по письмам Боркхейма и Шили, в которых точка зрения Маркса нашла известное отражение.

Особенно интересны письма Боркхейма, так как он, прежде чем отвечать Беккеру, приходил посоветоваться с Марксом [4].

Судя по этим письмам, а также по письму Маркса Лассалю 2 октября 1860 г., Маркс считал, что задачи немецких демократов в Италии снова изменились. Революция в Италии закончилась. Итальянское правительство открыто придерживалось французской ориентации. Франко-итальянский союз угрожал не только Австрии, но и Германии в целом. В этих условиях, писал Боркхейм, «немцы поступят правильнее, если останутся в стороне, готовые к борьбе за собственное существование». Что касается положения в Германии, то перспектив на близкий взрыв нет: «Тот, кто попытается в настоящий момент вызвать в Германии путч, поставит под угрозу само наше существование как нации» [5]. Достаточно сравнить эту выдержку с замечанием Маркса в июле 1861 г., что в данное время нет никаких надежд на заговор в Пруссии [6], чтобы убедиться в правильности изложения в письме Боркхейма взгляда Маркса. В отношении организации легиона Боркхейм писал, что, по сути дела, Беккер со своей инициативой остался в одиночестве и опереться ему не на кого. Он предостерегал Беккера от чрезмерного увлечения личностью Мадзини и его методами борьбы и считал, что ему пора освободиться от этого союза так же решительно, как он

[1] Беккер — Марксу, 15 января 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1203.
[2] Шили — Марксу, 3 июля 1861 г. ЦПА ИМЛ. ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1556; см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 155—156.
[3] Шили – Беккеру, 23 августа 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185. ед. хр. 54/2.
[4] Боркхейм — Беккеру, 31 марта 1861 г. «Neue Zeit», 1888, S. 460.
[5] Ibid.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 155—156.

отмежевался от других представителей мелкобуржуазной эмиграции.

Боркхейм выражал сомнение в том, что немецкие ландскнехты, которые бродят вокруг Неаполя, могут считаться представителями партии. «Оставь Италию — мой тебе дружеский совет!» [1] — заканчивал Боркхейм одно из своих посланий Беккеру (от 31 марта 1861 года).

Не менее критически отнесся к итальянской эпопее Беккера Шили. Он, правда, не зачеркивал целиком результаты пребывания Беккера в Италии. Переправляя пакет писем Беккера в Лондон Марксу, он в своей сопроводительной записке обращал его внимание на то, что агитация Беккера находит отклик в Италии, Швейцарии, Германии. Беккер мог бы явиться, по его мнению, опытным и верным посредником между немецкими и итальянскими демократами, а за организацией легиона скрываются более далекие планы, несомненно заслуживающие внимания.

Вместе с тем Шили подверг уничтожающей критике проект партии действия — этот яркий показатель «чудовищной пропасти, которая лежит между *реальной действительностью* и твоими *розовыми представлениями»* [2],— писал он Беккеру. «Как ты можешь, черт возьми,— писал он в том же письме,— вдохновляться этой старой, всем известной, описанной в толстых и тонких книгах схемой организации карбонариев, а позже Марианны и даже выдавать ее за что-то новое?». Шили, вслед за Боркхеймом, советовал Беккеру освободиться от «вечной баррикадомании» и уехать в Швейцарию.

Шили указывал Беккеру на опасность тактики, которую тот пытался применить в Италии. Энтузиаст любого дела, за которое он брался, Беккер был склонен недооценивать объективные условия; пытался компенсировать их отсутствие тактическими маневрами. Порицая соглашательство, он в то же время считал, что может, не поступаясь принципами, использовать бонапартистов типа Тюрра или само правительство Кавура для достижения своих целей. Он мог, например, предложить устроить сбор денежных средств для легиона путем выдвижения на первый план в качестве агитаторов либеральных «статистов с громким именем» или при создании революционной партии использовать влияние на человеческую психологию мистики и тайны. Все это он называл «сознательным и преднамеренным способом управления филистерами» [3].

[1] «Neue Zeit», 1888, S 460.
[2] Шили — Беккеру, 8—22 марта 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 54/1.
[3] Там же.

Склонность к подобной хитроумной тактике сочеталась у Беккера в известном смысле с прекраснодушным отношением к людям, результатом чего являлось его искреннее увлечение весьма сомнительными фигурами. В конце концов политический инстинкт, опыт, накопленный за десятилетия борьбы, критика друзей помогали ему преодолевать заблуждения.

Маркс и Энгельс великолепно поняли характер «старого Беккера», «всегда жаждущего решительных действий, но имеющего весьма некритический склад ума» [1].

Маркс и Энгельс относились к старому революционному борцу с искренним уважением. Они ценили его за то, что он действительно сделал для движения [2]. Им была чужда догматическая нетерпимость к ошибкам и заблуждениям товарищей по партии. Теоретическую путаницу или незрелость воззрений они не судили как еретическое отступление от учения. Они всегда отличали тактический или теоретический промах от предательства интересов партии.

Несмотря на заблуждения и шатания Беккера, Маркс и Энгельс никогда не сомневались в его искренности и честности. Они решительно выступили в его защиту, когда Лассаль, побывавший в Италии в одно время с Беккером, обвинил его в сговоре с бонапартистами. Поводом к подобным слухам послужило близкое знакомство Беккера с Тюрром, которого он в период баденской кампании произвел в лейтенанты, а также официальное предложение итальянского правительства вступить в итальянскую армию и взять на себя командование сформированным легионом.

Маркс с возмущением отверг клеветнические слухи, порочившие Беккера. Вот что он написал Лассалю 28 апреля 1862 г. в ответ на его «разоблачения»: «То, что ты сообщаешь в последнем письме относительно И. Ф. Беккера, совершенная неправда. Иными словами, ты знаешь этого человека только по слухам. Он с 1830 г.— один из благороднейших немецких революционеров, человек, которого можно упрекнуть разве только в энтузиазме, не считающемся с обстоятельствами... Если бы Беккер пожелал использовать эту связь и принял предложения, сделанные ему Тюрром в Париже в *присутствии* одного из моих тамошних друзей [Шили.— *И. О.*], то ему не пришлось бы в 60-летнем возрасте вести ту мученическую жизнь, которую он в действительности ведет. Мне совершенно точно известен источник, из которого Беккер получает весьма скудные денежные пособия. Помогающие ему люди принадлежат к нашему

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 494.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 389, 416.

ближайшему кругу. С некоторой частью итальянцев он действительно разошелся, так как его сильное тевтонское чувство не позволило ему согласиться с некоторыми *благожелательными* в отношении него планами. Поистине возмутительно, что на таких людей, как Беккер, так подло клевещут» [1].

Письма друзей из Парижа и Лондона показали Беккеру. что его планы создания революционной партии не нашли широкой поддержки.

Тайная конспиративная организация, которой Беккер фактически подменял политическую организацию рабочего класса, не получила одобрения. Его утопические проекты объединения всех течений и направлений мелкобуржуазной демократической эмиграции Европы в единый политический комитет не встретили сочувствия. Он тяжело переживал разногласия с товарищами, особенно с Шили, который 12 лет был его единомышленником и другом. Еще в 1865 г. он упрекал Шили в том, что друзья, в том числе Маркс, не поддержали его усилий по объединению социал-демократических элементов в 1860—1862 годах [2].

Не меньшую досаду вызвало в нем полное бессилие перед сложившимися обстоятельствами в деле организации легиона. Однако здесь он понимал, что поскольку надежды на возвращение Гарибальди нет, легион станет игрушкой в руках итальянского правительства. А со службой монархам пролетарий Беккер, как сказал Энгельс, не хотел иметь ничего общего [3].

16 апреля 1861 г. Беккер выпустил от имени организационного комитета немецкого легиона обращение к вождям итальянской народной партии [4]. В нем он объявил, что прекращает организацию легиона ввиду явного союза между императорской Францией и правительством Италии, союза, острие которого направлено против Германии.

Именно в ответ на это обращение Беккер получил процитированное выше письмо от Мадзини. Мадзини пытался убедить Беккера не отказываться от формирования легиона [5].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 511.
[2] Беккер — Шили, 15 мая 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/8.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 332.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 23/2.
[5] См. стр. 323 настоящей книги. Несмотря на общую антибонапартистскую позицию, вскоре наметились расхождения между Беккером и Мадзини. Беккер обещал помощь немцев Италии против Австрии только в случае разрыва итальянского правительства с бонапартистской Францией. Мадзини же рассматривал немецкую помощь как необходимое предварительное условие такого разрыва. Этот обмен письмами положил начало охлаждению отношений между Беккером и Мадзини. Окончательно их пути разошлись в период I Интернационала, когда Беккер безоговорочно поддержал Маркса в его споре с мадзинистами.

В 1861 г. Беккер пишет в Генуе книгу «Как и когда?» [1], в которой обобщает свой итальянский опыт. Основная часть книги посвящена национальному вопросу. Беккер разоблачает захватническую политику Наполеона III, показывает опасность панславизма. В специальной главе он рассматривает задачи национального объединения Германии. Его точка зрения по этим вопросам достаточно освещена выше.

В книге «Как и когда?» Беккер касается роли рабочего класса в демократической борьбе. Он считает, что свои классовые интересы пролетариат должен на данном этапе подчинить задачам общедемократической борьбы против «старой тирании»: «Буржуазия и пролетариат,— пишет он,— должны совместно, со всей решительностью бороться против монархии, чтобы расчистить почву, прежде чем они смогут подумать о том, чтобы уладить собственные противоречия ко благу всех» [2].

Беккер выступает в книге, так же как и в событиях 1860—1861 гг., не в качестве представителя самостоятельного пролетарского движения, а с позиций революционного демократа. Один из современников говорил о нем в это время: «Беккер представляется мне истинным наследником старонемецкого радикализма, настоящим «Башмаком»» [3].

В то же время этот период явился важнейшим этапом перехода Беккера на позиции пролетарской революционности. Благодаря близкому знакомству с Марксом и Энгельсом он становится одним из активнейших деятелей «партии Маркса». После переезда в Женеву в октябре 1861 г. Беккер приступает к социалистической агитации.

[1] *J. Ph. Becker.* «Wie und Wann? Ein ernstes Wort über die Fragen und Aufgaben der Zeit» Genf, London. Manchester. 1862.

[2] Ibid., S. 72.

[3] См. Шили — Беккеру, 23 августа 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 54/2.

ДОКУМЕНТЫ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ КЛУБ В НЬЮ-ЙОРКЕ (1857—1867)

Начало самостоятельной борьбы рабочего класса США является одной из наименее изученных страниц истории международного рабочего движения XIX века. Проблемы, связанные с этим периодом, и, в частности, вопрос о роли революционной эмиграции и ее взаимоотношениях с местными рабочими организациями ставились и ставятся во многих работах как советских, так и зарубежных историков, однако цельной и детальной картины пока еще не создано. В определенной мере это вызвано тем, что историки располагают весьма ограниченным кругом источников. Впервые публикуемые ниже документы нью-йоркского Коммунистического клуба[1] представляют немалый интерес для изучения как истории и путей распространения марксизма в США, так и рабочего движения в этой стране.

* * *

Коммунистический клуб был создан немецкими эмигрантами в Нью-Йорке осенью 1857 года. Первый протокол, датированный 25 октября 1857 г., свидетельствует о том, что до этого имели место предварительные встречи и переговоры организаторов Клуба. Инициатива его создания принадлежала А. Компу, Ф. Камму, Ф. Якоби и Ф. Зорге, из которых трое последних были активными участниками революции 1848—1849 гг. в Германии. Определенную роль в создании Клуба

[1] О Клубе упоминается в ряде исторических работ, в том числе и в книгах У. Фостера, но ни состав, ни деятельность этой организации не исследованы, а некоторые общие характеристики Клуба неточны.

сыграло то обстоятельство, что его организаторы знали о деятельности Союза коммунистов, о роли в нем Карла Маркса, были знакомы с документами Союза. Не имея сведений о роспуске Союза коммунистов, они хотели создать в Нью-Йорке его общину.

Деятельность Коммунистического клуба (1857—1867) распадается на два периода, рубежом между которыми явилась Гражданская война 1861—1865 гг. в США.

С момента возникновения Клуба его члены стремились установить связи со своими единомышленниками. Показательно, что они обратились к Марксу, называя его «учителем и партийным вождем коммунистов «Старого света»». 19 декабря 1857 г. председатель Клуба Ф. Камм от имени своих товарищей написал Марксу об образовании в Нью-Йорке Коммунистического клуба и приложил к письму его устав. Камм писал, что члены Клуба в течение 5 лет не имели никаких связей с родиной и не знают, что произошло там «в области распространения коммунизма и битв на литературном фронте». Вместе с тем он выражал надежду, что «старая организация (Союз коммунистов.— *Н. Р.*) все еще продолжает существовать» [1]. Камм обратился к Марксу с просьбой поддержать Клуб, он интересовался новой коммунистической литературой и просил прислать несколько экземпляров «Манифеста Коммунистической партии». Он просил Маркса также помочь Клубу установить связь с единомышленниками в Европе и в Америке. Не зная точного адреса Маркса, Камм по рекомендации Компа отправил это письмо на адрес немецкого поэта Ф. Фрейлиграта с просьбой передать его Марксу.

Почти одновременно было отправлено письмо соратнику Маркса, члену Союза коммунистов П. Имандту, которого многие члены Клуба знали по эмиграции в Женеве и Лондоне. Не получив ответа на эти письма, члены Клуба в начале 1858 г. вновь обратились к Марксу, но на этот раз уже через жившего в США соратника Маркса и Энгельса Иосифа Вейдемейера. Пересылая Марксу письмо Компа, Вейдемейер 28 февраля 1858 г. сообщил ему об образовании Коммунистического клуба в Нью-Йорке и просил оказать поддержку этой организации, хотя и сомневался в ее успехе, ибо «условия в Америке для пролетарской пропаганды крайне неблагоприятны» [2]. Он рекомендовал Компа как одного из надежнейших товарищей и корреспондентов в США. 15 июня 1858 г. Комп еще раз обратился

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 945 (выдержки из письма опубликованы в сборнике документов «Союз коммунистов — предшественник I Интернационала». М., 1964, стр. 410).

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 960.

к Марксу с просьбой помочь «установить сношения Клуба со старым Союзом», считая, что это «оказало бы организации... исключительно большое содействие»[1]. Ответ Маркса от 1 февраля 1859 г. был зачитан на заседании Клуба 6 марта (см. стр. 379). Текст его до нас не дошел, но о содержании ответа можно судить по письму, которое Маркс одновременно послал Вейдемейеру. По-видимому, Маркс сообщал Компу о происшедшем в 1850 г. расколе в Союзе коммунистов, о преследованиях его членов в Германии и других странах, о кёльнском процессе и роспуске Союза в 1852 году. Из письма Маркса члены Клуба узнали также о его работе над критикой буржуазной политической экономии. С этого момента они с большим вниманием следили за теоретической работой Маркса и, когда в 1859 г. вышла из печати его книга «К критике политической экономии», сделали все возможное для ее распространения в США[2].

По своему количественному составу Коммунистический клуб был невелик. На его учредительном заседании присутствовало всего 11 человек, к середине декабря 1857 г. в Клубе насчитывалось 33 члена, а весной следующего года их число достигло 50 человек и в дальнейшем не превышало этой цифры.

Основную массу членов Клуба составляли представители мелкобуржуазной интеллигенции, ремесленники и мелкие буржуа: владельцы маленьких ресторанчиков и пивных баров, портняжных, сапожных и мебельных мастерских, лавок и т. д. Рабочих в Клубе в первые годы его существования было немного, они одновременно являлись членами различных рабочих обществ и союзов.

Большинство членов Клуба стояло на позициях мелкобуржуазного демократизма. Одним из них были близки идеи различных течений утопического коммунизма, другие постепенно подходили к пониманию научного коммунизма.

Как показывает Устав (см. стр. 348—349), Коммунистический клуб не ставил перед собой каких-либо политических задач. Он являлся просветительным и пропагандистским обществом. Весьма значительное место в жизни его членов занимала библиотека. Среди документов Клуба сохранилось несколько списков книг библиотеки, которая увеличивалась с каждым годом и была предметом постоянной заботы членов Клуба (см. протоколы заседаний 18 декабря 1857 г., 17 января, 21 марта, 4 апреля, 3 и 17 сентября, 3 и 24 октября, 14 и 27 ноября, 12 декабря 1858 г., 30 января, 13 февраля, 17 апреля, 6 ноября

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 557.

[2] А. Комп — К. Марксу, 24 апреля 1859 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1014.

и 18 декабря 1859 г. и др.). В каталоге, составленном 1 ноября 1859 г., насчитывается около 150 названий книг и журналов.

Состав книг библиотеки свидетельствует о большом интересе членов Клуба к философской, социально-политической и социалистической литературе. В ней большое место занимали произведения социалистов-утопистов, в том числе произведения Кабе, Вейтлинга, Томаса Мора, Морелли, Кампанеллы, Фурье, Дезами, Оуэна, Прудона. Были в библиотеке и работы Маркса и Энгельса: статьи из «Deutsch-Französische Jahrbücher», «Манифест Коммунистической партии», произведения Маркса — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Речь о свободе торговли», «Нищета философии», «К критике политической экономии», «Г-н Фогт», работа Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», его статьи из журнала «Rheinische Jahrbücher», в котором он сотрудничал в 1845—1846 годах.

Уже в первый период деятельности Клуба, с момента его основания до Гражданской войны 1861—1865 гг., делались попытки установить связи с американскими демократическими и рабочими организациями. Так, его члены наладили контакты с американским филиалом Международной ассоциации — организации, основанной в 1856 г. в Лондоне французскими, немецкими и польскими мелкобуржуазными эмигрантами и английскими чартистами (в американском филиале преобладали французы — последователи Кабе и Прудона). Члены Ассоциации были постоянными участниками заседаний Клуба, на которых обсуждались отдельные вопросы теории научного коммунизма (см. протоколы заседаний 25 октября, 1 и 15 ноября 1857 г., 14 и 28 февраля, 7 и 21 марта, 4 апреля, 2 и 16 мая 1858 г.). Руководство Клуба специально приглашало их на свои заседания, надеясь добиться таким путем признания принципов и устава Клуба, а затем осуществить объединение обеих организаций. Члены Клуба, в свою очередь, тоже посещали заседания Международной ассоциации, выписывали газету «Bulletin de l'Association internationale», выпускаемую ее центральным органом в Лондоне.

Тесную связь поддерживали члены Коммунистического клуба и с возникшим в Нью-Йорке почти одновременно с ним Всеобщим рабочим союзом, членами которого в основном были немецкие рабочие. Многие члены Клуба были также и членами Союза. Руководители Клуба понимали недостатки программы Союза, который возглавляли мелкобуржуазные реформаторы типа Г. Струве, пытались оказать влияние на его рядовых членов. На заседаниях Клуба программа этого Союза не раз подвергалась критике (см. протоколы заседаний 11 декабря 1857 г., 4 апреля, 2 и 16 мая, 3 октября 1858 г., 30 января 1859 г.).

Коммунистический клуб пытался связаться и с некоторыми коммунистическими колониями в США, например, с икарийской колонией в Нову, в Сент-Луисе и др. (см. стр. 361, 362). У Клуба существовали связи с бывшими членами Союза коммунистов, эмигрировавшими в США в начале 50-х годов. Это были, в первую очередь, ближайший друг и соратник Маркса Иосиф Вейдемейер, врач Абраам Якоби, один из обвиняемых на кёльнском процессе коммунистов в 1852 году. Связь поддерживалась и с участниками революции 1848—1849 гг. в Германии — Германом Мейером, с жившим в Женеве Иоганном Филиппом Беккером и другими.

Коммунистический клуб явился инициатором и организатором ряда публичных выступлений, посвященных героической борьбе рабочего класса за свое освобождение. Так, совместно с Международной ассоциацией и Всеобщим рабочим союзом 23 июня 1858 г. Клуб провел митинг, посвященный 10-летию июньских дней 1848 г. в Париже (о подготовке митинга см. протоколы заседаний 2, 16, 30 мая, 6 июня 1858 г.). На митинге было отмечено всемирно-историческое значение этого события [1]. Все это свидетельствовало о соблюдении членами Клуба революционных традиций и о проводившейся им серьезной воспитательной работе.

В первый период деятельности Клуба его попытки установить связи с рабочим классом и его организациями не имели заметного успеха; это во многом определялось самим уровнем развития американского рабочего класса.

В это время упор в работе Клуба делался на теоретическую учебу его членов. В Клубе обсуждались либо вопросы, возникавшие после прочтения той или иной работы о коммунизме, либо события в США и на европейском континенте. Так, после чтения и обсуждения в январе 1858 г. «Манифеста Коммунистической партии» возникли дискуссии по ряду важных вопросов: о расколе современного общества на два противоположных класса, о причинах, вызвавших французскую революцию конца XVIII века и революции 1848—1849 гг., о путях установления коммунистического общества, об отношении коммунистов к социалистам во время и после революции и т. п. (см. стр. 359—361, 364, 365, 368, 369). В выступлениях многих членов Клуба заметно сказывался переход их на позиции научного коммунизма, они противопоставляли себя социалистам, которые в тс время фактически стояли вне рабочего движения.

Особенно опасного врага члены Клуба видели в лице «социальных знахарей», критически относились они. к уравнительному

[1] «Die Sociale Republik», 26. VI. 1858.

коммунизму Вейтлинга, имевшему многих приверженцев среди немецких рабочих в США. Так же недвусмысленно высказал Коммунистический клуб свое отрицательное отношение к буржуазным партиям США (см. стр. 374, 404—405). Ход обсуждения теоретических вопросов и вопросов на темы дня показывал, что не все члены Клуба придерживались одинаковых взглядов. В то время как многие из них все ближе подходили к пониманию теории научного коммунизма, другие, наоборот, не будучи в состоянии воспринять его, покидали ряды Клуба.

В 1857—1858 гг. в Клубе неоднократно поднимался вопрос об отношении к массовым собраниям и митингам безработных, вызванным экономическим кризисом, о методах пропаганды среди рабочих. Однако принятые решения в протоколах Клуба не отражены. Другие источники также не дают ответа на этот в высшей степени важный вопрос. По-видимому, в эти годы члены Клуба так и не смогли преодолеть известной замкнутости и установить связи с массой американских рабочих.

В обстановке нараставшего в стране «неотвратимого конфликта» между северными и южными штатами Коммунистический клуб решительно выступил за упразднение рабства негров. С началом военных действий многие члены Клуба ушли в армию северян. Регулярные собрания Клуба прекратились.

После Гражданской войны американское рабочее движение вступило в новый этап развития. Подъем рабочего движения привел к созданию новых рабочих организаций. В середине 60-х годов в США возникли две крупные организации: Национальный рабочий союз — организация коренных американских рабочих и Всеобщий немецкий рабочий союз — организация немецких рабочих, приток которых в страну особенно увеличился во второй половине 60-х годов XIX века. Организаторы Всеобщего немецкого рабочего союза были лассальянцами, но среди его рядовых членов были и сторонники Маркса.

Хотя Коммунистический клуб возобновил свою деятельность в 1865 г.[1], протоколы заседаний сохранились лишь начиная с 8 марта 1867 года. Характер заседаний Клуба во второй период его существования значительно изменился. Сразу же был поставлен вопрос о необходимости установления тесных связей с существующими в стране рабочими организациями и ведения среди них пропаганды. Изменился несколько и членский состав Клуба. Кроме старых членов в него вступили рабочие из

[1] См. «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». Спб., 1907, стр. 5; *K. Obermann.* «Joseph Weydemeyer, Pioneer of American Socialism». New-York, 1947, p. 130—135.

Всеобщего немецкого рабочего союза; общее число рабочих в Клубе увеличилось, среди них были недавно эмигрировавшие в США Зигфрид Мейер и Август Фогт, организаторы одной из первых секций Интернационала в Германии. Оба оказали большое влияние на Ф. А. Зорге, избранного председателем Коммунистического клуба.

Вступление в Клуб главы Всеобщего немецкого рабочего союза Л. Вебера и его сторонников, стоявших на лассальянских позициях, привело к острой идейной борьбе между лассальянцами и сторонниками Маркса. Разногласия возникали по каждому вопросу, который обсуждался в Клубе. С наибольшей ясностью это проявилось при обсуждении отношения к событиям в Германии, вызванным австро-прусской войной 1866 года. Лассальянцы высказались в поддержку бисмарковской политики объединения Германии, проводившейся с помощью династических войн, методом «железа и крови». Сторонники Маркса во главе с Зорге осудили политику Бисмарка и соглашение Лассаля с ним (см. стр. 396). Решительное столкновение произошло и по вопросу о необходимости вести пропаганду среди американских рабочих (см. протоколы заседаний 8 марта, 12 апреля, 2 июля и 23 августа 1867 г.).

Особенно обострились противоречия между лассальянцами и сторонниками Маркса в связи с вопросом об отношении к Международному Товариществу Рабочих. На заседании 2 июля 1867 г. большинство членов Клуба высказалось за присоединение к Интернационалу, о чем Зорге 10 июля 1867 г. сообщил Марксу [1]. Таким образом, Клуб возобновил свои связи с Марксом. Маркс с большим интересом следил за деятельностью Клуба, советовал образовать «побольше отделений Интернационала в Америке» [2]. После выхода в свет I тома «Капитала» он обратился к Мейеру с просьбой опубликовать в немецко-американских газетах выдержки из предисловия к нему [3].

Учитывая рекомендации Маркса, руководство Коммунистического клуба поддерживало самый тесный контакт с Всеобщим немецким рабочим союзом. Деятельность Клуба находила поддержку среди рядовых членов Союза вопреки позиции его руководства. Именно это позволило осенью 1867 г. поставить вопрос об объединении обеих организаций и создании рабочей партии. 22 ноября программа новой партии была утверждена на заседании Коммунистического клуба. Зорге и Мейер, принимавшие участие в выработке этой программы как представители

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 228/1.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 454.
[3] Там же, стр. 466.

Клуба, пытались включить в нее положения, заимствованные из документов Интернационала. Однако полностью им это сделать не удалось. Представители Всеобщего немецкого рабочего союза добились включения в программу ряда лассальянских положений.

Практически на этом деятельность Коммунистического клуба и закончилась. Члены его вошли во вновь созданную партию — Социальную партию г. Нью-Йорка и окрестностей — и продолжали свою деятельность в ее рядах.

Несмотря на свою малочисленность и оторванность от массы американских рабочих, Коммунистический клуб сыграл определенную роль в развитии американского рабочего движения в целом. Члены Клуба сумели добиться успехов в пропаганде идей научного коммунизма в рабочих организациях. Немало они сделали и для распространения и популяризации произведений Маркса и Энгельса. Это была первая на американской земле организация, которая заявила о признании принципов Интернационала и присоединении к этой международной рабочей организации. Своей деятельностью Коммунистический клуб подготовил почву для создания в США первых секций Интернационала. Из рядов Клуба вышли руководители первых американских секций Интернационала и организаторы Социалистической рабочей партии Северной Америки. Именно в Клубе завершился их переход на позиции научного коммунизма.

* * *

Среди публикуемых ниже в переводе с немецкого языка документов Коммунистического клуба центральное место занимает его протокольная книга. Протоколы заседаний записывались в нее, как правило, специально избираемым секретарем после заседаний, задним числом. До нас дошли записи 70 заседаний Клуба за 1857—1861 гг. и 8 заседаний за 1867 год. В записях протоколов имеются два перерыва; они оговорены в подстрочных примечаниях к соответствующим местам публикуемого текста протоколов. Протоколы заседаний за май 1860 — июль 1861 г., записанные Ф. Рушхауптом, видимо, переписаны в книгу позже. На многих протоколах имеются пометки и исправления, сделанные различными почерками. Большая часть протоколов за 1857—1861 гг. имеет порядковый номер, также проставленный позже неизвестной рукой.

Протокольная книга, видимо, состояла из 143 листов линованной бумаги и имела сплошную нумерацию (в имеющейся в нашем распоряжении фотокопии содержится 69 страниц. По-видимому, чистые страницы не фотографировались). Кроме протоколов (см. стр. 350—409), книга содержит устав Клуба,

написанный рукой Ф. Якоби на двух (1—2) страницах (см. стр. 348—349), список членов Клуба на двух (3—4) страницах (см. стр. 410—414), списки уплаты членских взносов, запись входящих и исходящих документов, доведенную до апреля 1858 г., записи о денежных поступлениях и расходах, а также список книг библиотеки (см. стр. 415—417).

На обложке книги имеются записи: на первой странице — «Протоколы заседаний Коммунистического клуба в Нью-Йорке. Октябрь 1857» (написано рукой Ф. Якоби) и «Дар г-жи К. Зорге» (по-английски); на последней странице —

«Содержание:

стр. 1 — *Устав*

стр. 3 и сл.— *Список членов*

стр. 6 и сл.— *Протоколы*

стр. 142 и сл.— *Список книг*

стр. 100 и сл.— *Сведения о выданных книгах*

стр. 95 и сл.— *Список заказанных книг*

стр. 80 и сл.— *Кассовый отчет*

стр. 76 и 77 — *Список посланных и полученных писем»* (написано рукой Ф. Якоби), а также круглая печать с надписью: «The Rand School of Social Science. 112, E. 19th st., N. Y.»

Н. С. Румянцева

ПРОТОКОЛЫ НЕМЕЦКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО КЛУБА В НЬЮ-ЙОРКЕ (1857—1867)

УСТАВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО КЛУБА В НЬЮ-ЙОРКЕ

§ 1. Члены Коммунистического клуба отрицают религию, в какой бы форме она ни выступала, а также всякое представление, не основанное на непосредственном чувственном восприятии. Они признают полное равноправие всех людей, независимо от цвета кожи и пола, и стремятся поэтому прежде всего к тому, чтобы уничтожить так называемую буржуазную собственность, как наследственную, так и благоприобретенную, и заменить ее разумной, общедоступной системой распределения, которая обеспечит каждому по возможности соответствующее его потребностям участие в пользовании материальными и духовными благами земли. Они обязуются, подписывая этот документ, и в условиях современного общества по возможности проводить в жизнь свои взгляды и оказывать друг другу моральную и материальную поддержку.

§ 2. Общество стремится всеми представляющимися ему подходящими средствами — путем личных бесед, публичных собраний, переписки с американскими и европейскими коммунистами, распространения периодических изданий и книг и т. д.— пропагандировать свои цели. Для покрытия расходов с каждого члена взимается ежемесячный взнос в размере 25 центов. Болезнь или безработица освобождают от уплаты взносов.

§ 3.[1] Нечлены могут быть приведены членами Клуба. Каждый член имеет право предлагать кандидатов в члены Клуба.

[1] Далее зачеркнуто: «Нечлены не имеют доступа на заседания общества». *Н. Р.*

Если предварительное ознакомление нескольких членов Клуба с социальными взглядами рекомендуемого покажется нецелесообразным, то его прием должен быть одобрен, по крайней мере, $^2/_3$ присутствующих.— Предложение об *исключении* члена Союза должно быть внесено, по крайней мере, 5 членами. Это предложение лишь тогда утверждается, *если* $^2/_3$ присутствующих на двух последующих заседаниях выскажутся за него путем тайного голосования.

§ 4. Каждые три месяца — начиная с октября 1857 г.— путем тайного голосования простым большинством голосов избираются председатель, вице-председатель, он же кассир, секретарь[1] для ведения корреспонденции и протоколов, библиотекарь. Правление ответственно перед Союзом за все свои действия и может быть заменено в любое время.

§ 5. Как только число членов в основном обществе достигнет 30, общество уполномочено предпринять шаги к основанию филиала, в который могут быть, если это целесообразно, включены и члены старого общества.— Каждое общество, состоящее, по крайней мере, из 10 членов и не отделившееся от основного общества, может после окончательного утверждения данного устава предложить основному обществу признать его в качестве равноправного филиала.— Каждый член одного общества одновременно является членом всех филиалов.

§ 6. Как только в Нью-Йорке или вообще в Америке *на основе этого устава* образуется не менее 3 обществ, все нью-йоркские члены изберут состоящее из 3 человек центральное правление в Нью-Йорке для общего руководства всеми обществами, права и обязанности которого будут определены в свое время.

§ 7. § 1 этого устава ни при каких обстоятельствах не может быть изменен, остальные же параграфы могут быть изменены после сделанного на предыдущем заседании предварительного заявления только с согласия $^2/_3$ присутствующих.

§ 8. Пока хотя бы один член Коммунистического клуба высказывается за продолжение его существования, Клуб *не может* быть распущен.

Фриц Якоби

[1] Далее зачеркнуто: «Путем тайного голосования». *Н. Р.*

1857 г.

ПЕРВЫЙ ПРОТОКОЛ

ЗАСЕДАНИЕ В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 ОКТЯБРЯ 1857 г., У ФИНЦЕЛЯ, ФУЛТОН-СТРИТ, № 148, НЬЮ-ЙОРК

Присутствуют: члены — Финцель, Штоппельбейн, Ланге, Мейер, Зорге, Ливингстон, Камм, Хальберштадт, Комп, Редер и Якоби.

После того как во время ряда неофициальных встреч у гражданина Компа в Хобокене был обсужден вопрос об основании Коммунистического клуба, на сегодняшнем заседании единогласно принят прилагаемый устав и путем тайного голосования большинством голосов избраны в правление сроком до 1 января 1858 года:

Камм — председатель,

Комп — заместитель председателя и кассир,

Якоби — секретарь и библиотекарь,

а также проведен сбор взносов за октябрь.

Большинством голосов принято решение: передать правлению все руководство делами общества с учетом ограничения, предусмотренного § 4 устава (предложение Редера).

По предложению Ланге решено приобрести произведения Кабе об Икарии.

После сообщения Компа о посещении им заседания французского общества Международная ассоциация ему поручается, как члену нашего Клуба, присутствовать и на следующих заседаниях этого общества, чтобы получить самую точную информацию о его принципах.

Ряд членов предлагает свои услуги для издания устава Клуба в достаточном количестве.

По предложению Финцеля в качестве новых членов приняты граждане *Трауд, Биллибекк* и *Аннекер,* в связи с кандидатурой гражданина Розы гражданам Зорге и Штоппельбейну поручено более детально переговорить с ним.

Якоби предлагает на следующем заседании обсудить поправку к § 7 устава, а именно: в неотложных случаях изменение устава (за исключением § 1) может быть поставлено в повестку дня немедленно при *единогласном* решении присутствующих.

Следующее заседание состоится в воскресенье, 1 ноября, в 6 часов вечера у Финцеля.

Фр. Якоби, секретарь

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 1 НОЯБРЯ 1857 г., У ФИНЦЕЛЯ

Председатель: гражданин Камм

Протокол предыдущего заседания оглашен и утвержден. Гражданин Роза принят в Клуб в соответствии с уставом.

По предложению правления будет напечатано 500 экземпляров устава.

После сообщения Компа о том, что Международная ассоциация, со своей стороны, могла бы объединиться с нами только при условии, если мы признаем также *ее* устав, решено: в соответствии с нашим уставом, который по многим принципиальным вопросам расходится с уставом французов, отказаться от такого предложения.

В качестве новых членов Клуба Финцель предлагает принять граждан *Шлунда, Хабихта, Шмидта* и *Фрица;* Харцхейм — гражданина *Флаха,* Штоппельбейн — граждан *Виганда, Эмиля Зигеля,* аптекаря *Трауда, Валля, Вильгельма Штоппельбейна* и американца *Кейза,* Мейер — граждан *Печа* и *Рушхаупта,* Комп — гражданина *Шиффлина* из Хобокена. В соответствии с уставом все предложенные лица были приняты в члены; только относительно вышеназванного Хабихта, из-за его частых высказываний о коммуне, решено поручить гражданам Зорге, Ланге и Штоппельбейну еще раз переговорить с ним, такое же поручение дается гражданину Компу — в отношении гражданина Рушхаупта.

Внесенное на прошлом заседании предложение Якоби об изменении § 7 устава отклонено.

Принимается предложение Ланге и Зорге обсудить на следующем заседании вопрос: «Как будет осуществляться в будущем коммунистическом обществе потребность отдельной личности в передвижении?», а также вопрос, предложенный

Каммом: «Какой позиции нам придерживаться на рабочих собраниях, вызванных теперешним кризисом, чтобы пропагандировать наши взгляды?»

Уплачены взносы за ноябрь.

Предложение Харцхейма собираться *два раза* в неделю отклоняется.

Следующее заседание состоится в воскресенье, в 7 часов вечера.

Фр. Якоби

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 8 НОЯБРЯ 1857 г., У ФИНЦЕЛЯ

Председатель: гражданин Камм

После утверждения протокола, по рекомендации Компа и Ланге граждане *Хабихт* и *Рушхаупт* приняты в члены Клуба.

Граждане *Прицель* (маляр) и *Гертнер,* рекомендуемые Компом, а также граждане *Рейх* (переплетчик) и *Хенс,* предложенные Штоппельбейном, принимаются в члены Клуба. Что касается одновременно предложенного Штоппельбейном гражданина *Линдемана,* то по предложению Якоби решено в соответствии с уставом провести с ним беседу относительно его социальных взглядов. Это поручается Якоби.

По предложению Фрица в члены Клуба принят также гражданин *Армбрустер.*

Поставленный на обсуждение Каммом вопрос: «Как мы, коммунисты, должны относиться к теперешнему кризису?», вызывает очень оживленную и всестороннюю дискуссию.

Обсуждение остальных вопросов решено перенести на следующее заседание, в воскресенье, в 3 часа, у Финцеля:

1) по предложению Харцхейма — «Возникновение и развитие настоящего из прошлого, его последствия и уроки и их отношение к коммунизму», или: «Что мы можем сделать для коммунизма»;

2) по предложению Штоппельбейна — «Положение женщин в коммунистическом государстве».

Фр. Якоби

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 15 НОЯБРЯ 1857 г.

Председательствует гражданин А. Комп

После оглашения протокола в члены Клуба принят по рекомендации Якоби гражданин *Линдеман,* а также по рекомендациям граждан Альберта Армбрустера и Штоп-

пельбейна — присутствующие граждане: скорняк *Бродачинский, Дуэльберт* и *Антон Армбрустер*.

Против предложения Харцхейма, внесенного на прошлом заседании, высказываются граждане Зорге, Тильбах и Штоппельбейн.

Вопрос, предложенный Штоппельбейном, относительно будущего положения женщин в коммунистическом государстве подвергается весьма оживленному обсуждению *с разных сторон,* участвуют, главным образом, граждане Зорге, Ланге, Роза, Штоппельбейн, Харцхейм, Тильбах. В ходе обсуждения гражданин Харцхейм заявляет *о своем выходе* из Коммунистического клуба.

Следующее заседание состоится в воскресенье, в 3 часа, у Финцеля.

Фр. Якоби

ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 НОЯБРЯ 1857 г.

Председатель: гражданин Камм

Гражданин Мейер сообщает, что гражданин Зеель просил его рекомендовать. Комп выражает пожелание, чтобы дождались его прихода на заседание, так как ему это кажется очень неопределенным. После этого *Зеель* принят большинством голосов.

Гражданин Тильбах предоставил в распоряжение Союза несколько книг и журналов, выразил готовность передать их секретарю Якоби.

Гражданин Роза спрашивает, не стоит ли рекомендовать в члены Клуба *Рёделя.*

Зорге выступает против этого, так как Рёдель показал себя на посту председателя Ассоциации социальной реформы совершенно не подходящим *для нас* человеком.

Делегат Международной ассоциации излагает устремления своего общества и, сказав, что целью этого общества является прочное объединение всех народов, зачитывает первый параграф его устава.

Зорге просит этого делегата объяснить, каким образом Международная ассоциация намерена действовать совместно с нами.

Гражданин Штоппельбейн вносит предложение прекратить это обсуждение.

Вслед за тем происходит обсуждение вопроса о положении женщин в коммунистическом государстве. Обсуждение объявляется законченным.

Комп ставит вопрос о правах отдельных членов коммунистического государства, а именно: будут ли права людей определяться их обязанностями.

По этому вопросу выступают Роза, Зорге и Штоппельбейн, и дискуссия проходит с *отрадным единодушием*.

Но затем вновь соглашаются с Конхеймом в том, что тема еще не исчерпана. И дискуссия становится более оживленной. Речь идет о возможности введения коммунистических отношений. Тильбах требует, чтобы все высказались по этому вопросу со всей откровенностью. Это пожелание выполняется, и обсуждение прежнего вопроса продолжается. Последним выступает Зорге.

Принимается единогласно решение, чтобы оба члена, которые просили слова, высказались. Это имеет место! Предлагается продолжить обсуждение вопроса о плане коммунизма на следующем заседании.

Вслед за этим Комп предлагает рассмотреть на следующем заседании вопрос о том, каково наилучшее средство достижения наших стремлений. Заседание закрывается. Следующее заседание назначается на пятницу, в 7 часов вечера, у Финцеля.

А. Комп, за *Якоби*

ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПЯТНИЦА, 27 НОЯБРЯ 1857 г., У ФИНЦЕЛЯ

Председатель: Фр. Камм

Протокол последнего заседания утверждается. Среди новых членов Клуба присутствует гражданин Зеель.

Гражданин Тильбах привел с собой несколько гостей.

В дискуссии по вопросу, поставленному гражданином Компом: «Какие средства мы считаем наиболее целесообразными для достижения наших стремлений?», участвовали, главным образом, граждане Тильбах, Роза, Зорге, Комп, Якоби и Камм. С различных точек зрения был освещен вопрос: «Ведет ли к цели так называемая мирная или прежде всего насильственная, т. е. революционная, пропаганда?», а также вопрос: «Должны ли коммунисты в будущей революции поддерживать социалистов и после победы последних признавать их общественные учреждения как необходимый переходный период, или же коммунисты перед революцией, во время и после нее должны считать социальную партию своим наиболее опасным противником и бороться с ней?».

Продолжение этих дебатов, а также обсуждение особого вопроса: *«К каким средствам мы прибегнем во время будущей революции?»,* было перенесено на следующее заседание, в пятницу, 4 декабря, в 7 часов вечера, у Финцеля.

Фр. Якоби

СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПЯТНИЦА, 4 ДЕКАБРЯ 1857 г., У ФИНЦЕЛЯ

Председатель: Фр. Камм

Утверждается протокол прошлого заседания и уплачиваются взносы за декабрь. Гражданин Ланге привел в качестве гостя гражданина *Апфельбаума;* гражданин *Куппер* по предложению Компа принят в члены Клуба.

Вопрос: «К каким средствам мы прибегнем во время будущей революции?», освещается с разных сторон гражданами Компом, Каммом, Якоби, Розой и Штоппельбейном.

Окончание дискуссии отложено на следующее заседание, в пятницу вечером. После спора, возникшего между нижеподписавшимся и г-ном Штоппельбейном по поводу г-на А. Виллиха, по предложению Розы, поддержанного голосом председателя, перешли к повестке дня.

Фр. Якоби

ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПЯТНИЦА, 11 ДЕКАБРЯ 1857 г., У ФИНЦЕЛЯ

Председатель: Фр. Камм

Протокол прошлого заседания утвержден, и по предложению граждан Ланге и Камма в качестве новых членов Клуба приняты гражданки *Камм* и *Финцель,* а также гражданин *Апфельбаум.*

Граждане Камм, Финцель, А. Армбрустер, Апфельбаум, Ланге, Комп и Якоби продолжили дискуссию по вопросу: «К каким средствам мы прибегнем во время будущей революции?». Большинство ораторов признает необходимость анархии как переходного периода в будущей революции. Все ораторы считают своей обязанностью беспощадно вскрывать ошибки и промахи прежних или теперешних коммунистических вождей. Граждане Камм и Якоби также анализируют и подвергают критике платформу теперешнего Рабочего союза, руководимого Себастьяном Зейлером.

По предложению Якоби принято решение, что заседание на будущей неделе будет последним в этом году. Теперешнее правление должно представить на нем краткий отчет, пустить в оборот переплетенные тем временем книги; наконец, в соответствии с уставом, на нем должно быть избрано новое правление на первую четверть 1858 года.

Большинством голосов следующее заседание было назначено на пятницу, 18 декабря, в 7 часов вечера, у Финцеля.

Фриц Якоби

ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПЯТНИЦА, 18 ДЕКАБРЯ 1857 г., 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА, У ФИНЦЕЛЯ

Председатель: Фриц Камм

После утверждения последнего протокола нижеподписавшийся секретарь делает от имени правления краткий отчет о его деятельности. Согласно отчету были направлены письма гражданам *Карлу Марксу* в Лондон, *Иосифу*[1] *Вейдемейеру* в Милуоки, *Филиппу Беккеру* и *Раникелю* в Женеву, *Отто Ревентлову* в Цинциннати, но до сих пор ответ получен только от Вейдемейера; содержание письма последнего в главных чертах сообщено собравшимся. Далее обращались к бывшей ранее кабетистской *коммунистической колонии* в Нову (Иллинойс) с просьбой представить более подробные данные о себе и прислать произведения Кабе.

Количество членов Клуба достигает теперь *33* человек, официально выбыл гражданин Харцхейм, а гражданин Рушхаупт отправился в шведскую коммунистическую колонию Бишоп-Хилл, Генри Кот, Иллинойс.— Представлен и зачитан записанный на 142 стр. протокольной книги список книг и журналов, частично принадлежащих Клубу, а частично предоставленных в его распоряжение гражданами Тильбахом, Компом, Ланге, Апфельбаумом и Якоби,— всего 35 отдельных произведений. Затем правление передало книги: Карлейль. «История французской революции», журнал Гесса «Gesellschaftsspiegel», К. Маркс. «Нищета философии Прудона», статьи Энгельса в «Rheinische Jahrbücher» и т. д.

Гражданин Комп, как казначей, с документами в руках показывает, что поступления составляют 13 долларов, а расходы 11 долларов 24 цента; следовательно, кассовая наличность составляет 1 доллар 76 центов.

[1] В оригинале ошибочно: Карлу. *Н. Р.*

Отчет в целом принят и признан правильным. Во время выборов нового правления на первую четверть 1858 г., проведенных затем в соответствии с уставом, получают:

1) на пост председателя из *22* голосов: Комп — 2, Якоби — 2, Ланге — 2 и ***Фр. Камм*** — 14 голосов.

2 избирательных бюллетеня признаны недействительными.

2) при выборах вице-председателя и казначея из *21* голоса: Роза, Шиффлин и Якоби — по одному голосу, *А. Комп* — 17 голосов.

3) при выборах секретаря и библиотекаря из *25* голосов: Апфельбаум и г-жа Финцель — по 1 голосу, ***Фр. Якоби*** — 18 голосов; в результате было вновь избрано прежнее правление.

Относительно дня и времени заседаний возникают продолжительные дебаты, в ходе которых граждане Роза и Зорге предлагают проводить заседания каждое воскресенье, после обеда,

гражданин Мейер — каждые пятницу и воскресенье,

наконец, Якоби — попеременно один раз на неделе, а один раз в воскресенье,

в заключение гражданин Зорге — каждую пятницу.

Принимается предложение Якоби 11 голосами против 6, и большинством в 1 голос в качестве дня для заседаний на неделе утверждается суббота. За пятницу подано 9 голосов, за среду — 6.

По предложению Якоби решено: попеременно и по мере надобности зачитывать популярные произведения.

На следующем заседании, которое по предложению Шиффлина назначено на *воскресенье, 3 января,* в 3 часа пополудни, у Финцеля, Якоби предлагает прочитать произведение Молешотта «Георг Форстер, естествоиспытатель народа».

Предложение принято.

Гражданин Зигель просил очень извинить его за отсутствие на сегодняшнем заседании.

Фр. Якоби

1858 г.

ДЕСЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 3 ЯНВАРЯ 1858 г., 3 ЧАСА ДНЯ, У ФИНЦЕЛЯ

Председатель: Фр. Камм

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Затем секретарь гражданин Якоби начинает читать биографию Георга Форстера, написанную Якобом Молешоттом.

Далее Комп предлагает посвятить еще некоторое время чтению и обсуждению «Коммунистического манифеста».

Большинством голосов предложение принимается и Компу поручается читать.

Якоби после чтения выразил надежду, что, прослушав некоторые места из «Манифеста Коммунистической партии», никто уже не сомневается в том, что в современном обществе существуют два совершенно различных класса, из которых один сидит за столом, а другой находится под ним, что первый можно назвать также классом господ и собственников, а второй — классом неимущих, угнетенных и эксплуатируемых.

Мейер передает председателю Камму записку и говорит, что записал в ней предложение Монцхеймера. Мейер сообщает, что Монцхеймер не может присутствовать на заседаниях, так как из-за жары в помещении он себя плохо чувствует.

Председатель говорит, что не может считать написанное в записке предложением. В записке, между прочим, было написано, что Монцхеймер предлагает перенести место заседаний в Колония-холл на Брум-стрит.

После всестороннего обсуждения решено избрать комитет, который позаботится о подходящем помещении. В этот комитет избраны *Апфельбаум* [1], *Зорге* и *Армбрустер*.

Комитет обещает на следующем заседании доложить о результатах своих поисков.

В конце заседания Комп собирает членские взносы за январь.

Госпожа *Вильгельмина Фриц* и госпожа *Шарлотта Шлунд* с радостью приняты в члены Клуба.

За секретаря *А. Комп*

ОДИННАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 10 ЯНВАРЯ 1858 г.

Председатель: Ф. Камм

Протокол оглашается и утверждается.

В члены Клуба по предложению Армбрустера-младшего принимается гражданин *Бур크хардт*, по предложению Куппера — *Фриц* и *Луи Куппер*, по предложению Компа — *Лина Волленбергер*.

Переходят к повестке дня: от имени комитета в составе Зорге, Армбрустера и Апфельбаума первым берет слово Зорге и рассказывает о различных помещениях, среди которых как лучшее был назван Колония-холл на Брум-стрит. По предложению Зорге выбор этого помещения одобрен 13 голосами.

Затем решено, что Комп прочтет отдельные места из «Коммунистического манифеста».

[1] Эта фамилия вписана вместо зачеркнутой фамилии: Тильбах. *Н. Р.*

Во время чтения Ланге высказывает сомнение в том, что пролетариат является единственно революционным классом, так как нет никаких доказательств его революционности!

Зорге предлагает в повестку дня следующего заседания включить дискуссию о классовой борьбе.

Решено, что следующее заседание состоится в ближайшее воскресенье, в 7 часов вечера, в Колония-холле, Брум-стрит, № 426.

А. Комп

ДВЕНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 ЯНВАРЯ 1858 г., В КОЛОНИЯ-ХОЛЛЕ, БРУМ-СТРИТ, № 426, 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Председатель: Ф. Камм

После утверждения последнего протокола по предложению гражданина Куппера в качестве нового члена Клуба принимается гражданин *Август Маркс.*

Секретарь[1] сообщает, что граждане Монцхеймер и Якоби представили в распоряжение читателей Клуба книги «Космос» Гумбольдта и «Историю Соединенных Штатов» Спенсера.

Решено, что книги Клуба для большего удобства пользования должны храниться в помещении заседаний. Для этой цели гражданин Монцхеймер вызвался преподнести Клубу подходящий ларь.

Вслед за тем происходит оживленная дискуссия о необходимости *классовой борьбы,* провозглашенной в «Коммунистическом манифесте»; в ней принимают участие граждане Зорге, Комп, Роза, Якоби, Тильбах, Мейер, Камм, Маркс, Ланге и Апфельбаум.

По предложению гражданина Компа в повестку следующего заседания, назначенного на воскресенье, 27 января, поставлен вопрос: «Каковы непосредственные причины первой французской революции, а также революций 1848 года?».

Окончание заседания в 10 часов.

Фр. Якоби, секретарь

ТРИНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 24 ЯНВАРЯ 1858 г., В КОЛОНИЯ-ХОЛЛЕ, БРУМ-СТРИТ, № 426, 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Председатель: Фр. Камм

Утверждается протокол последнего заседания.

В дискуссии о причинах первой французской революции и революций 1848 г. принимают участие граждане Комп, Якоби, Зорге, Камм, Маркс и Тильбах.

[1] — Фр. Якоби. *Н. Р*

По предложению Якоби в повестку дня следующего заседания внесен вопрос: «Имеет ли пролетариат возможность при теперешнем состоянии общества развиваться революционно, то есть коммунистически?».

Мейер предлагает на этом же заседании прочесть конец «Коммунистического манифеста».

По предложению Ливингстона следующее заседание назначается на *пятницу, 29 января.*

Присутствуют: гражданки Камм, Шлунд, Фриц и Волленбергер, граждане Камм, Якоби, Комп, Зорге, Монцхеймер, Мейер, Тильбах, Ливингстон, Шлунд, Фриц, Альб. Пет. Армбрустер, Печ, Луи Куппер, П. Штоппельбейн, В. Штоппельбейн, А. Маркс и Шиффлин.

Окончание заседания в 10 часов.

Фриц Якоби, секретарь

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПЯТНИЦА, 29 ЯНВАРЯ 1858 г., В КОЛОНИЯ-ХОЛЛЕ

Председатель: Фр. Камм

Присутствуют: гражданка Камм, граждане Куппер, Тильбах, Ланге, Якоби, Камм, Ант. Армбрустер, Зорге, Апфельбаум, Мейер, Печ, Комп, Ливингстон.

Утверждается последний протокол.

В связи с предложением Зорге принять в члены гражданина *Освальда* гражданам Компу и Зорге поручено сначала вступить с ним в дружеские переговоры для выяснения его позиции во Всеобщем рабочем просветительном союзе.

Зорге предлагает перенести на следующее заседание обсуждение вопроса о роли пролетариата, поставленного по предложению Якоби на сегодняшнее заседание.

Заседание по предложению гражданина Ланге назначено на *воскресенье, 7 февраля,* на 7 часов вечера.

Комп зачитал конец «Коммунистического манифеста».

Заседание закончилось в 9 часов вечера.

Фр. Якоби, секретарь

ПЯТНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 ФЕВРАЛЯ 1858 г.

Председатель: Фр. Камм

Присутствуют: гражданка Фриц, граждане Л. Куппер, Фр. Куппер, Освальд, Маркс, Тильбах, Якоби, Камм, Фриц, Ланге, Апфельбаум, Мейер, Ливингстон, Печ, Липпольд.

Комп предложил принять в члены Клуба гражданина *Освальда,* а Куппер — гражданина *Липпольда.*

Якоби сообщает, что книги для Клуба теперь выставлены в помещении его заседаний.

Собираются членские взносы за февраль.

В обсуждении вопроса о революционном характере пролетариата, открытом Якоби, кроме него принимают участие граждане Ланге, Комп, Тильбах, Маркс, Освальд и Камм.

Гражданин Камм предлагает обсудить вопрос: «Каково мнение Клуба о понятиях *«закон* и *мораль»* в теперешнем и в будущем обществе?».

В обсуждении, кроме внесшего предложение, участвуют граждане Тильбах, Ланге, Освальд, Якоби.

Продолжение этого обсуждения назначено на следующее заседание.

Якоби вносит предложение, чтобы заседания Клуба впредь проводились по воскресеньям, в 7 часов вечера, в помещении № 426, на Брум-стрит.

Фр. Якоби, секретарь

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 14 ФЕВРАЛЯ 1858 г.

Председательствует Комп

Протокол последнего заседания утверждается.

Председатель Клуба Камм просит извинить его отсутствие.

Гражданин Шифплин привел на заседание в качестве гостя своего брата. Якоби зачитывает направленное 28 января Клубу письмо коммунистического общества в Нову за подписью Шрёдера. По предложению Ланге решено также написать так называемым кабетистам-ригористам в *Сент-Луисе.*

После этого Якоби подробно излагает исторические причины раскола между большинством и меньшинством [1].

[1] Речь идет о происшедшем в 1854 г. расколе в коммунистической общине в Нову между ее руководством во главе с Кабе и рядовыми членами. *Н. Р.*

Гражданин Комп приветствует членов французской Международной ассоциации, которые пришли в большом количестве на заседание как гости, и в ответ на его приветствие гражданин Лавандр провозглашает солидарность всех революционных народов.

Присутствуют: граждане Апфельбаум, Шифflин, Комп, Якоби, Тильбах, Фриц, Трауд, Шлунд и Мейер.

В продолжении обсуждения различного понимания терминов *закон* и *мораль* принимает участие гражданин Комп, который в доказательство наличия различных взглядов народов на понятия закона, добродетели и аморальности зачитывает отдельные места из исторических очерков Боденштедта и Бенжамина Тейлора; выступают также Ланге, Якоби, Тильбах, Мейер и Апфельбаум.

Вслед за этим происходит обсуждение покушения итальянских революционеров на Наполеона, которого обстоятельно касается Якоби; ему в том же духе отвечает гражданин Данье. Кроме того, по этому вопросу высказываются граждане Комп, а также Мейер, Тильбах и Апфельбаум.

Следующее заседание назначается на воскресенье, 21 февраля.

Фр. Якоби

СЕМНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 21 ФЕВРАЛЯ 1858 г.

Председатель: Фр. Камм

Присутствуют: гражданки Фриц и Камм, граждане Камм, Якоби, Комп, Маркс, Освальд, Липпольд, Л. Куппер, Фр. Куппер, Роза, Армбрустер, Ливингстон, Монцхеймер, Мейер, Шлунд, Фриц, Тильбах, Освальд.

После оглашения и утверждения последнего протокола гражданин Тильбах заявляет о своей готовности дать Клубу подробный адрес коммунистов в Сент-Луисе. Однако, так же как и Якоби, он заметил, что на следующем заседании в присутствии гражданина Ланге стоит еще раз поговорить о том, следует ли нам также обратиться в письменной форме к французским кабетистам в Сент-Луисе.

Якоби передает извинения гражданина Зорге за то, что он не посещал заседания и не сможет присутствовать на них в течение ближайших 3 или 4 недель. Якоби сообщает по поручению правления, что оно, согласно уставу, поставит на

голосование на ближайшем заседании вопрос о приостановке действия положения из *§ 3 устава: «Нечлены не имеют доступа на заседания Союза».*

Вслед за тем гражданин Комп читает отрывки из устава кабетистской колонии в Нову и разъясняет их.

В дальнейших дебатах принимают участие граждане Тильбах, Якоби, Роза и Мейер.

По предложению гражданина Камма заседание закрывается в 10 часов.

Фр. Якоби

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 28 ФЕВРАЛЯ 1858 г.

Председатель: Камм

Присутствуют: гражданки Фриц и Камм, граждане Липпольд, Куппер, Тильбах, Маркс, Комп, Освальд, Ланге, Апфельбаум, Фриц, Шлунд, Камм, Якоби, Ливингстон, Мейер.

Протокол последнего заседания утверждается. По предложению гражданина Мейера в члены Клуба приняты гражданки г-жа *Печ* и ее дочь и г-жа *Рейнхардт.*

Решено, что коммунистам в Сент-Луисе не следует писать никаких писем.

По предложению Якоби принимается решение, что действие первой части § 3 устава: «Нечлены не имеют доступа на заседания Союза», *временно* приостановлено; *правлению* поручается опубликовать объявление о заседаниях Клуба в «Pionier» и «Abendblatt» [1].

Предложение Якоби о проведении заседаний только *раз в 2 недели,* как и предложение Тильбаха: начиная с 1 апреля проводить заседания только раз в 2 недели, *отклонены.*

Решено: поставить в повестку дня следующего заседания и обсудить вопрос о различии между социализмом и коммунизмом.

По предложению Ланге гражданин [2] читает и переводит присутствующим членам Международной ассоциации § 1 нашего устава, и этот параграф полностью признается французами.

По предложению Якоби решено подписаться на *«Bulletin»* [3] и *«Echo français».*

[1] Ошибочно, вместо: «Abendzeitung». *Н. Р.*

[2] Фамилия написана неразборчиво. *Н. Р.*

[3] «Bulletin de l'Association internationale». *Н. Р.*

Предложение гражданина Д е б ю ш и, чтобы наш Клуб был представлен в Международной ассоциации пятью членами, решено обсудить на следующем заседании.

В качестве гостя *присутствует* доктор Якоби[1].

Фр. Якоби

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 7 МАРТА 1858 г.

Председатель: Ф р. К а м м

П р е д с е д а т е л ь приветствует присутствующих нечленов Клуба и кратко объясняет причину, почему Клуб впредь намерен проводить свои заседания публично.

После утверждения последнего протокола гражданин К о м п сообщает, что сможет получить желательные разъяснения от Международной ассоциации только в следующий вторник.

Поэтому решено перенести на следующее заседание обсуждение предложения гражданина Д е б ю ш и, чтобы наш Клуб был представлен в Международной ассоциации пятью членами.

Гражданин Л а н г е делает длинный и подробный доклад о различии между социализмом и коммунизмом.

В начавшемся после этого обсуждении принимают участие граждане Р о з а, Т и л ь б а х, К о м п и Я к о б и. По предложению Р о з ы большинством голосов принимается решение обсудить на следующем заседании вопрос: «Какие средства и пути изберут члены Клуба в случае победоносной революции, чтобы осуществить коммунизм?».

На следующее заседание, которое состоится через 2 недели, также выносится на обсуждение предложение гражданина К о м п а: «Современное положение в политическом и социальном отношениях». Окончание заседания в 10 часов.

Фр. Якоби

ДВАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 21 МАРТА 1858 г.

Председатель: Ф р. К а м м

После утверждения последнего протокола с е к р е т а р ь[2] сообщает, что для библиотеки за это время приобретены следующие книги: 1) Луи Блан. «История десяти лет. 1830—1840» — 5 тал., 2) Э. Реньо. «История 8 лет. 1840—1848».— 3 тал., 3) Сочинения и речи Максимилиана Робеспьера, перевод с французского Лапонере — 2 тал.; и что гражданин Комп

[1] — Авраам Якоби. *Н. Р.*
[2] — Фр. Якоби. *Н. Р.*

предоставил в распоряжение клуба книгу Прудона «Воскресный отдых».

Гражданин Комп делает сообщение о Международной ассоциации и на основе сведений, полученных им от всех членов французского общества, предлагает послать на их заседание 5 делегатов.

По предложению Якоби, сообщившего свои мотивы, решено: установить связь с Международной ассоциацией, послав 5 делегатов, лишь *временно,* пока Центральный комитет в Лондоне[1] не сделает требуемого сообщения о своем отношении к коммунизму и пока Ассоциация не пришлет нам письменного заявления о признании нашего устава.

В качестве *временных делегатов* избраны граждане *Якоби, Мейер, Камм, Комп* и *Шлунд.*

В качестве новых членов Комп рекомендует гражданина *Леона Лёбелля,* а Ливингстон — гражданина *Фабера,* и вопрос о их приеме решается положительно.

Следующее заседание, на котором, согласно уставу, должно состояться также переизбрание *правления,* состоится ровно через 2 недели.

Предложение, внесенное Розой[2] в повестку дня сегодняшнего заседания, обсуждается гражданами Якоби, Компом, Тильбахом и Ланге. Окончание обсуждения откладывается до появления Розы на заседании Клуба.

По предложению гражданина Печа на обсуждение следующего заседания внесен вопрос: «Каковы наиболее опасные враги коммунизма?».

Окончание заседания в 10 часов.

Фриц Якоби

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4 АПРЕЛЯ 1858 г.

Председатель: Фр. Камм

Утверждается последний протокол.

Затем секретарь[3] сообщает об отъезде гражданина *Апфельбаума* в Браттлборо, Сент-Вермонт, а также о возвращении гражданина *Рушхаупта* из так называемой коммунистической колонии в Бишоп-Хилле в штате Иллинойс. Он сообщает также о том, что гражданин *Монцхеймер* предоставил в распоряжение Клуба 4-й том «Космоса» Гумбольдта, а Клуб кроме того приобрел *«Парижские письма»* Бёрне.

[1] Руководящий орган Международной ассоциации. *Н. Р.*
[2] См. предыдущий протокол. *Н. Р.*
[3] — Фр. Якоби. *Н. Р.*

Из отчета Якоби за последнюю четверть года следует, что число членов Клуба достигло 49, из них 8 почти не появлялись; было отправлено 10 писем, а в библиотеке насчитывается 43 отдельных произведения.

Гражданин Комп сообщает, что сумма поступлений составила 15 долларов 51 цент, а расход — 11 долларов 41 цент; таким образом в кассе осталось в наличии 3 доллара 57 центов.

От имени комитета гражданин Комп предложил и обосновал, чтобы Клуб при выборах нового комитета произвел замену лиц, и заявил, выразив искреннюю благодарность за повторное избрание в состав прежнего комитета, что не может дать согласия на новое выдвижение своей кандидатуры.

От имени комитета Якоби предлагает, чтобы, кроме протоколирующего секретаря, на будущее был также избран и секретарь-корреспондент, который мог бы одновременно заведовать библиотекой.

По предложению Зорге, напротив того, принимается решение: на три указанные должности избрать три различных лица.

Выборы нового комитета — до 1 июля 1858 г.— дали следующие результаты:

на должность *председателя* получили: *Зорге* — *8 голосов*
Якоби — 1 »
Тильбах — 1 »
Комп — 5 »

на должность *вице-председателя*: *Ланге* — *9 голосов*
Мейер — 1 »
Камм — 1 »
Роза — 3 »
Комп — 3 »

на должность *протоколирующего секретаря*:
Мейер — 3 голоса
Шифлин — *7* »
Якоби — 4 »
Маркс — 1 »

на должность *секретаря-корреспондента*: *Якоби* — *7 голосов*
Комп — 6 »
Мейер — 1 »

на должность *библиотекаря*: Мейер — 1 голос
Комп — *12* »
Ливингстон — 2 »
Тильбах — 1 »

в результате граждане *Зорге, Ланге, Шифлин, Якоби* и *Комп* образуют новый комитет.

Якоби, по предложению Ланге, сообщает о причине возвращения гражданина Рушхаупта из так называемой коммунистической колонии в Бишоп-Хилле (Иллинойс) и раскрывает, ссылаясь на фактические данные, казарменный дух этой секты, основанный на библии и вере в бога.

Якоби сообщает о направленном нам и опубликованном в № 10 «Bulletin de l'Association internationale» обращении лондонского Центрального комитета [1], в котором излагается его отношение к коммунизму. Оратор объявляет собравшимся членам Клуба, что ранее высказывавшиеся сомнения в связи с этим отпадают. По предложению гражданина Камма решено, что временно избранные на последнем заседании 5 делегатов для представительства в здешней Ассоциации будут считаться избранными окончательно до 1 июля 1858 г. и их снабдят полномочиями.

Затем Якоби кратко остановился на глупом и высокомерном поведении редакции органа Рабочего союза «Arbeiter». Собравшиеся единогласно постановили, что секретарь-корреспондент [2] должен публично заявить: Коммунистический клуб не имеет ничего общего с этой газетой и не пошлет ей также вышеупомянутого лондонского адреса.

В качестве нового члена гражданин Мейер предлагает принять гражданина *Ротмана.*

Следующее заседание состоится в воскресенье, 18 апреля.

В заключение гражданин Зорге от имени Клуба выражает большую благодарность прежнему правлению за руководство внутренней и внешней деятельностью Клуба.

Фриц Якоби, секретарь

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 АПРЕЛЯ 1858 г.

Председатель: Зорге

Заседание открывается в 8 час. 15 мин.

После того как новый председатель Зорге выразил Клубу благодарность за свое избрание, оглашается и утверждается протокол предыдущего заседания.

Затем гражданин Якоби докладывает о сделанном на основании недавнего решения Клуба и опубликованном предупреждении органу Рабочего союза «Arbeiter» и зачитывает его.

[1] — Международной ассоциации. *Н. Р.*
[2] — Фр. Якоби. *Н. Р.*

Гражданин Зорге обращает внимание на то, что вопрос о демонстрации в память Орсини, поставленный по окончании последнего заседания, будет официально обсуждаться *на* данном заседании.

Предложение принимается.

Гражданин Якоби подробно излагает вопрос и предлагает Клубу как таковому в демонстрации не участвовать. После краткого обсуждения это предложение принимается 11 голосами, против 3.

Затем переходят к обсуждению вопроса: «Каковы наиболее опасные враги коммунизма?», внесенного в повестку дня гражданином Печем; внесший это предложение открывает обсуждение, заявив, что считает самыми злейшими врагами, хуже чем буржуа, попов и верующий народ. Следует оживленное обсуждение вопроса гражданами Армбрустером, Печем, Ланге, Якоби, Монцхеймером, Шиффлином, Каммом, Мейером, но оно остается незаконченным, так как принято предложение Липпольда закрыть заседание.

Следующее заседание — в воскресенье, 2 мая 1858 года.

Людв. Шиффлин, секретарь

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 2 МАЯ 1858 г.

Председатель: Зорге

Заседание открывается в 8 час. 30 мин.

Протокол оглашается и утверждается. Затем гражданин Комп от имени делегации, которая посещала заседания Международной ассоциации, делает отчет (он также сообщает Клубу, что переехал на Кристи-стрит, 217).

Клуб решает возобновить прерванное на прошлом заседании обсуждение вопроса, поставленного Печем; и Комп, Тильбах, Якоби, Ланге и Камм подвергли разбору утверждение Компа, что современные отношения являются самым главным врагом коммунизма.

По предложению Компа на следующем заседании 16 мая решено обсудить вопрос о проведении вечера, посвященного годовщине июньской революции. Одновременно Якоби предлагает на том же заседании подвергнуть критическому разбору платформу Всеобщего рабочего союза.

Окончание заседания в 10 час. 30 мин.

Людв. Шиффлин, секретарь

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 МАЯ 1858 г.

Председатель: Зорге

Протокол последнего заседания утверждается. Граждане Тильбах и Ромейер привели двух гостей.

Гражданин Якоби сообщает содержание ответного письма гражданина Альбрехта из Филадельфии от 10 мая.

Затем гражданин Комп делает сообщение о заседаниях Международной ассоциации.

В обсуждении вопроса о проведении вечера, посвященного годовщине июньской битвы, приняли участие граждане Комп, Печ, Тильбах, Камм, Якоби, Штоппельбейн, Фабер, и в заключение по предложению Якоби избран комитет из 7 человек, в составе граждан *Якоби, Компа, Ланге, Фабера, Ливингстона, Тильбаха* и *Мейера*, чтобы выработать порядок проведения вечера в честь июньской битвы.

Прочитано прощальное письмо гражданина Монцхеймера, адресованное Зорге.

По предложению Зорге решено приобрести произведения Фрейлиграта в издании Ф. Герхардта.

Обсуждение предложения о критике платформы Всеобщего рабочего союза, внесенного Якоби на последнем заседании, перенесено на следующее заседание.

Следующее заседание назначается ровно через 2 недели.

Гражданин Ланге предлагает обсудить вопрос о необходимости *Коммунистическому клубу* как таковому выступить *публично* против нападок г-на Гейнцена на коммунизм; однако это предложение отклонено.

За *Шиффлина*
Фр. Якоби

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 МАЯ 1858 г. И ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ИЮНЯ 1858 г.

Председатель: Зорге

На двух заседаниях обсуждался исключительно вопрос о деталях проведения вечера, посвященного годовщине июньской битвы; в обсуждении участвуют почти все члены. В заключение был назначен подкомитет, состоящий из граждан *Печа*, *Маркса* и *Липпольда* с правом привлечь в его состав других членов Клуба, чтобы договориться о деталях проведения вечера и пригласить участвовать в нем различные известные союзы. Вечер назначается на среду, 23 июня, точно на 7 час. 30 мин., в Гармония-гартен Бехтеля (Эссекс-стрит). Цена билета установлена

в 15 центов, за эти деньги Бехтель обязался предоставить скромный ужин, а музыку — бесплатно. Ораторами от Коммунистического клуба назначены граждане *Камм, Якоби* и *Комп.*

На обоих заседаниях присутствовало много гостей.

Ревентлов из Цинциннати переслал номера редактируемой им газеты «Hochwächter», в которой перепечатан устав нашего Клуба.

Гражданин Камм отказался быть делегатом Клуба в Международной ассоциации.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 ИЮНЯ

Председатель: Зорге

После утверждения последнего протокола в члены Клуба был рекомендован и принят гражданин *Хейман.* После отчета комитета по подготовке вечера, посвященного годовщине июньской битвы, встал вопрос о помещении.

Затем на 11 июля назначается следующее заседание Клуба, на котором должны состояться выборы нового правления.

А. Л[*анге*]

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11 ИЮЛЯ 1858 г.

Председатель: Зорге

После утверждения последнего протокола заслушаны отчеты кассира и библиотекаря за истекшую четверть года. Поступления составили 8 долларов 50 центов, расходы — 5 долларов 52 цента, так что вместе с прежней кассовой наличностью в 3 доллара 57 центов остается сальдо в 6 долларов 55 центов.

Затем происходят выборы нового правления.

Избраны: *Зорге* в качестве председателя,
Ланге — вице-председателя и кассира,
Мейер — протоколирующего секретаря,
Комп — секретаря-корреспондента,
Хейман — библиотекаря.

Далее решено в летние месяцы проводить заседания регулярно 1 раз в месяц, а следующее внеочередное заседание провести в воскресенье, 25 июля, у Льевра в Унион-Хилле.

Комп предлагает обсудить на следующем заседании вопрос о современной политической экономии.

А. Ланге, временный секретарь

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 8 АВГУСТА, В КОЛОНИЯ-ХОЛЛЕ, БРУМ-СТРИТ, № 426

Гражданин Ланге занимает председательское место.

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Все присутствующие члены — около 8, следовательно, значительная часть членов отсутствует,— выражают известное недовольство отсутствием протоколирующего секретаря Мейера и библиотекаря Хеймана.

Вследствие неявки вышеупомянутых граждан, недавно избранных должностными лицами Союза, гражданин Камм предлагает, чтобы этим лицам — за неуважение к Клубу, выразившееся в невыполнении ими взятых на себя обязательств — на следующем заседании за такого рода действия было выражено соответствующее порицание Клуба.

За исключением гражданина Якоби, все члены поддерживают это предложение.

Гражданин Тильбах вносит предложение, чтобы тем членам Клуба, которые подписали устав, но в течение длительного времени не посещали заседания, были посланы письма с требованием сообщить Коммунистическому клубу, хотят ли они, чтобы их и в дальнейшем считали членами или нет. И по этому вопросу все присутствующие единодушны, опять-таки за исключением гражданина Якоби, который заявляет, что летом к таким мерам нельзя прибегать.

Но так как обсуждение вопроса о коммунизме не зависит от погоды, то собравшиеся настаивают на выполнении решения, и в соответствии с этим граждане Фабер, Камм, Комп, Ливингстон и Печ предлагают еще, чтобы те граждане, которые на следующем заседании не дадут ни письменного, ни устного объяснения, были исключены из числа членов Клуба. Один, а именно граждан Якоби, опять против этого, остальные же все решительно за!

Внесенное Компом на последнем заседании предложение об отмене должности председателя принято. Впредь, следовательно, члены комитета должны занимать председательское место поочередно.

Гражданин Ланге читает письменную благодарность председателя Зорге. Затем гражданин Якоби предлагает, чтобы вакансия, возникшая в комитете в результате отказа гражданина Зорге от поста председателя, была заполнена, и гражданин *Якоби* избран членом комитета.

В заключение следующее заседание назначается на 3 сентября и на нем предлагается обсудить вопрос об отношении политической экономии к коммунизму.

А. Комп, временный секретарь.

ТРИДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 3 СЕНТЯБРЯ, В КОЛОНИЯ-ХОЛЛЕ

Председательствует Якоби

Трауд и Армбрустер явились на заседание после получения направленных им обществом писем, а гражданин Шлунд письменно извинился за свою неявку.

Предложение граждан Компа, Камма, Фабера, Печа и Ливингстона перенести на следующее заседание голосование относительно исключения неявившихся членов принято единогласно.

Предложение направить письменное уведомление неявившимся сегодня членам о том, когда и где состоится следующее заседание, отвергнуто. Зато принимается решение опубликовать объявление о заседаниях в «Abend-Zeitung» и впредь публиковать их только в этой газете, а не в «Sociale Republik».

Гражданин Якоби предлагает приобрести для Клуба «Atlantis», но предложение не принимается.

В заключение гражданин Трауд выражает пожелание, чтобы была вновь приобретена книга о Георге Форстере, которая утеряна.

Гражданин Комп спрашивает, согласны ли они 10—15% общих взносов отдавать на приобретение книг, тенденция которых совпадает с тенденцией нашего Союза.

Окончательное решение этого вопроса отложено до следующего заседания, и библиотекарю поручается тем временем навести справки о такого рода книгах.

Следующее заседание назначается на 17 сентября. В повестку дня поставлен вопрос об отношении политической экономии к коммунизму.

Собрание закрывается в 10 часов.

Я. Мейер, секретарь

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 17 СЕНТЯБРЯ, КОЛОНИЯ-ХОЛЛ, БРУМ-СТРИТ

Председательствует гражданин Хейман

Протокол последнего заседания утверждается.

Гражданин Ланге делает отчет о вечере, состоявшемся 23 июня на Эссекс-стрит. Из отчета следует, что сумма поступлений составила 63 доллара 86 центов, а общий расход — 62 доллара 47 центов, следовательно, в наличии в кассе Союза имеется 1 доллар 39 центов.

На повестке дня стоит голосование предложения граждан Камма, Компа, Фабера, Печа и Ливингстона об исключении неявившихся и не давших объяснения в свое оправдание членов Клуба.

Это предложение отклоняется значительным большинством голосов. Вместо этого принимается решение подготовить новый список и вписывать в него тех, кто в настоящее время посещает заседания, и тех, кто будет вступать в Союз в дальнейшем.

Против этого решения голосовали только граждане Камм и Мейер.

Гражданин Комп оглашает список книг, которые уже заказаны у Шмидта, и список тех книг, которые он рекомендует купить.

Наконец, переходят к обсуждению отношения политической экономии к коммунизму, которое в течение ряда заседаний стояло на повестке дня. В нем принимают участие граждане Комп, Якоби, Камм и Мейер.

Следующее заседание назначается на воскресенье, 3 октября.

На повестку дня ставится вопрос о выборах новых должностных лиц.

Заседание закрывается в 10 час. 30 мин.

Я. Мейер, секретарь

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 3 ОКТЯБРЯ 1858 г., КОЛОНИЯ-ХОЛЛ, БРУМ-СТРИТ

Председательствует Якоби

После оглашения и утверждения протокола последнего заседания кассир[1] представляет собранию свой отчет за четверть года, общая сумма поступлений до 1 октября составляет 15 долларов 94 цента, общий расход до 1 октября — 12 долларов 58 центов, следовательно, в наличии в кассе имеется 3 доллара 36 центов.

Библиотекарь[2] сообщает собравшимся о приобретении 17 новых книг и призывает аккуратно ими пользоваться.

Членами нового комитета на следующие 3 месяца избраны граждане *Хейман*, *Комп*, *Ланге*, *Ливингстон* и *Мейер*.

В связи с запросом гражданина Мейера о причинах несостоявшегося критического обсуждения устава Рабочего союза, предложенного гражданином Якоби на одном из прошлых

[1] — А. Ланге. *Н. Р.*
[2] — Хейман. *Н. Р.*

заседаний [1], выступает гражданин Комп. Зачитав несколько частей этого устава, он заявляет, что поскольку в этой платформе содержится много глупостей, будет лучше просто игнорировать ее.

Затем гражданин Якоби делает для собравшихся краткий обзор положения партий в Америке и ставит вопрос, целесообразно ли основать в Америке партию свободы среди немцев или более разумно присоединиться к самой прогрессивной американской партии.

Граждане Камм и Комп высказываются по этому вопросу и соглашаются с Якоби в том, что ни о какой «прогрессивной» американской партии не может быть и речи, ибо единственная цель всех здешних партий — наполнить свой кошелек деньгами народа, а прогресс и идеи, о которых они трубят, являются лишь вывеской для вновь организуемой фирмы с целью привлечь на свою сторону «голосующее стадо», то есть фактически отодвинуты на задний план.

В заключение гражданин Комп предлагает обсудить на следующем заседании вопрос: «Каковы взгляды Коммунистического клуба на проведение в жизнь в настоящее время его принципов?».

Следующее заседание назначается на 24 октября. Сегодняшнее заседание заканчивается в 10 часов.

Я. Мейер, секретарь

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ, 24 ОКТЯБРЯ 1858 г., КОЛОНИЯ-ХОЛЛ, БРУМ-СТРИТ

Председательствует гражданин Ланге

После оглашения протокола последнего заседания и после того как гражданин Комп заново сформулировал свой вопрос, а именно: «Каковы взгляды Коммунистического клуба относительно средств осуществления коммунизма?», по этому вопросу слово берут граждане Камм, Комп, Якоби и Зорге.

Затем гражданин Комп предлагает составить список наших книг и напечатать его вместе с изложением принципов устава, которое должно служить введением. Предложение принимается, и каждому члену поручается принести на следующее заседание свои соображения в письменном виде, чтобы выработать общее введение на основе этих предварительных набросков.

Следующее заседание — 14 ноября. Сегодняшнее заседание закрывается в 10 часов.

Я. Мейер, секретарь

[1] См. заседания 2 и 16 мая 1858 г. *Н. Р.*

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 14 НОЯБРЯ 1858 г., У РЕЙХА, БАЙАРД-СТРИТ

Председательствует гражданин Комп

Прежнее место заседаний Клуба оказалось занятым другим обществом, поэтому собравшиеся в полном составе перешли к гражданину Рейху, решив и впредь проводить здесь свои заседания. Гражданин Рейх дал согласие на это.

Так как никто не подготовил изложения принципов устава, то переходят к обсуждению вопроса о библиотеке. Комп спрашивает собравшихся, согласны ли они приобрести приблизительно на 30—40 долларов книги и, поскольку денег в наличии нет, заключить заем на эту сумму.

Несколько человек высказываются по этому вопросу, однако собравшиеся не приходят ни к какому решению.

Затем Комп предлагает, чтобы и нечлены Коммунистического клуба могли записываться в число абонентов библиотеки, внеся вступительный взнос в размере одного доллара и ежемесячный взнос в размере двух шиллингов.

Предложение принимается.

Гражданин Ливингстон представляет собравшимся гражданина *Матерне*, который, по его желанию, принимается в члены.

Следующее заседание назначается на воскресенье, 27 ноября.

Я. Мейер, секретарь

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 27 НОЯБРЯ 1858 г., ЛЁВЕНГРУБЕ, БАЙАРД-СТРИТ

Председательствует гражданин Ланге

После утверждения протокола последнего заседания собравшиеся принимают решение дать библиотекарю полную свободу действий в приобретении новых книг и доверить ему выбор тех книг, которые представляют интерес для Союза.

Гражданин Комп заявляет, что он еще не закончил работу над введением к каталогу книг[1].

Заседание закрывается в 11 час. 30 мин. Следующее заседание назначается на 12 декабря.

Я. Мейер, секретарь

[1] См. заседание 24 октября 1858 г. *Н. Р.*

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 12 ДЕКАБРЯ 1858 г., ЛЁВЕНГРУБЕ

Председательствует Комп

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается. Гражданин Комп сообщает, что один швейцарец через В. Шмидта предлагает нам за 30 долларов свою библиотеку, состоящую целиком из коммунистической литературы. Он предложил ему 25 долларов и надеется, что мы сможем получить ее за эту сумму.

Гражданин Камм предлагает на следующем заседании дать определение понятию «Streben» [1].

Гражданин Якоби предлагает обсудить термин «материализм», а гражданин Хабихт — понятие «Heuchelei» [2].

Заседание закрывается в 11 часов.

Следующее заседание назначается на 26 декабря.

Мейер

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 26 ДЕКАБРЯ 1858 г., У РЕЙХА, БАЙАРД-СТРИТ

Председательствует Ланге

Протокол последнего заседания утверждается.

По предложению Ланге выборы правления перенесены на следующее заседание.

Предложение об определении понятия «Streben» [1] откладывается до прихода гражданина Мейера.

После этого переходят к предложенному Якоби обсуждению термина «материализм».

По этому вопросу высказываются граждане Якоби, Комп, а затем и все присутствовавшие.

После прихода гражданина Мейера принято решение провести сейчас обсуждение значения понятия «Streben».

Следующее заседание — 16 января 1859 г., у Рейха.

Окончание заседания в 11 часов.

Комп, исполняющий обязанности секретаря

[1] — стремление, чаяние, требование (нем.). *Н. Р.*
[2] — лицемерие, ханжество (нем.). *Н. Р.*

1859 г.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 16 ЯНВАРЯ 1859 г., У РЕЙХА, БАЙАРД-СТРИТ

Председательствует Ланге

Протокол последнего заседания утверждается.

Кассир[1] представляет свой отчет, сообщив, что баланс равняется 69 долларам. Членами нового комитета избраны граждане *Камм*, *Комп*, *Якоби*, *Печ* и *Маркс*. Председатель — Камм.

Якоби сообщил Клубу, что гражданин Рейх решил предоставить в распоряжение Клуба «Теогонию» Л. Фейербаха и что временно выбыл гражданин Ливингстон.

Возобновляется обсуждение термина «материализм», начатое на предыдущем заседании. В обсуждении принимают участие следующие граждане: Якоби, гражданин Кох (приведенный гражданином Хабихтом), Хабихт, Ланге.

Гражданин Кох рекомендует Клубу издавать еженедельник и предлагает для этой цели в распоряжение Клуба свою типографию.

Гражданин Комп вносит на обсуждение вопрос: «Существует ли прогресс?».

Гражданин Рушхаупт предлагает сделать доклад о значении кислорода в кругообороте природы.

Гражданин Хабихт выражает желание сделать доклад о *кишечных глистах*.

Гражданин Ланге предлагает принять в Клуб гражданина *Коха*, а гражданин Хабихт — гражданина *Бинникера*. Оба принимаются.

Заседание закрывается в 11 час. 30 мин.

Г. Печ, секретарь

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 30 ЯНВАРЯ 1859 г., У РЕЙХА, БАЙАРД-СТРИТ

Председательствует гражданин Якоби

Граждане Якоби, Камм, Комп и Тильбах высказывают пожелание, чтобы впредь заседания Коммунистического клуба носили более серьезный характер, к чему, естественно, обязывают его воззрения.

Принимается предложение Компа: чтобы впредь можно было менять книги и в те воскресенья, когда нет заседаний

[1] — А. Ланге. *Н. Р.*

Клуба, по крайней мере один из членов правления должен присутствовать в эти дни в помещении Союза.

Обсуждение предложения, сделанного гражданином Компом на прошлом заседании, по его собственному желанию отложено до другого раза, когда будет присутствовать гражданин Кох. Обсуждение предложения гражданина Рушхаупта[1] перенесено на следующее заседание.

Гражданин Якоби останавливается на нападках против коммунизма, сделанных на рабочем съезде[2], вообще на вопросе о возникновении Рабочего союза и в особенности на выступлениях различных так называемых коммунистов, из которых кое-кто прежде был даже членом Клуба.

Гражданин Бинникер дает подробные разъяснения и высказывает мнение, что в Рабочем союзе Нью-Йорка преобладает коммунистический принцип.

Гражданин Камм также участвует в обсуждении этого вопроса. Затем следует обмен мнениями о возможности успешного завершения итальянской революции, о революционной деятельности в Германии и в заключение об отношении солдата к народу в период революций.

Следующее заседание Клуба назначается на воскресенье, 13 февраля 1859 г.

Заседание закрывается в 10 час. 30 мин.

Г. Печ, секретарь

СОРОКОВОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 13 ФЕВРАЛЯ 1859 г.

Председательствует гражданин Комп

Протокол предыдущего заседания утверждается.

Гражданин Якоби предлагает, поскольку Клуб в целом высказался за то, чтобы прекратить помещение объявлений в газетах, напечатать в «Abend-Zeitung» последнее извещение о дальнейших заседаниях и одновременно довести его в письменном виде до сведения всех членов Клуба.

Предложение принимается. Тем самым предложение Компа в пользу «Sociale Reform»[3] отвергнуто.

Принято решение объявить, что впредь заседания Клуба будут проходить регулярно в первое и третье воскресенье каждого месяца, и одновременно оповестить публику, что в распоряжении членов Клуба находится библиотека, которая

[1] См. предыдущий протокол. *Н. Р.*

[2] Имеется в виду съезд Всеобщего рабочего союза в январе 1859 г. *Н. Р.*

[3] По-видимому, «Sociale Republik». *Н. Р.*

насчитывает столько-то томов. Каждому члену Клуба разрешается поместить такое объявление на свои собственные средства в «S. R.».

Вследствие тяжелого финансового положения Клуба гражданин Якоби предлагает, чтобы те члены Клуба, положение которых это позволяет, платили впредь сверх 25 центов ежемесячного взноса еще 38 центов; но это отнюдь не должно означать, что вносится изменение в основные положения, зафиксированные в уставе по этому вопросу.

Предложение принимается.

Следующее заседание 6 марта 1859 года.

Окончание в 10 час. 30 мин.

Печ, секретарь

СОРОК ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 6 МАРТА, У РЕЙХА, БАЙАРД-СТРИТ

Председательствует гражданин Маркс

Протокол последнего заседания утверждается.

Гражданин Маркс предлагает принять в члены Клуба гражданина *Нецера*, который принимается.

Гражданин Комп зачитывает отдельные места из письма Карла Маркса в Лондоне, из которых следует, что Маркс собирается издать отдельными выпусками научную критику политической экономии; ей будет, разумеется, оказана всемерная поддержка со стороны Клуба.

Следующее заседание в воскресенье, 20 марта.

Заседание закрывается в 10 час. 30 мин.

Г. Печ, секретарь

СОРОК ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 20 МАРТА, У РЕЙХА, БАЙАРД-СТРИТ

Председательствует гражданин Камм

Протокол последнего заседания утверждается.

Гражданин Камм делает сообщение о заседаниях одного литературного клуба, где, между прочим, высказано мнение, что массы не способны к образованию, что даже для воспитания детей необходимо сохранить в школах религиозное обучение.

Гражданин Камм ставит на обсуждение Клуба тот же вопрос.

В обсуждении вопроса принимают участие граждане Тильбах, Ланге, Комп, Якоби, Зорге, Маркс, Матерне.

Следующее заседание в воскресенье, 3 апреля.

Окончание в 11 часов.

Печ, секретарь

СОРОК ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ, 17 АПРЕЛЯ 1859 г., У РЕЙХА

Председательствует Якоби

Протокол последнего заседания утверждается.

Гражданин Якоби предлагает в качестве члена Клуба г-жу *Маркс*, которая единогласно принимается.

Прежде всего проводятся выборы должностных лиц; большинством голосов избраны следующие члены: *Якоби, Камм, Комп, Маркс* и *Печ.*

Г-н Маркс представляет отчет о состоянии кассы.

Председательствующий просит членов Клуба внести свои предложения о том, каким способом погасить задолженность библиотеки Коммунистического клуба в размере 40 долларов 95 центов.

Гражданин Камм предлагает провести добровольную подписку, взносы которой должны быть выплачены в течение определенного времени.

Предложение принимается и подписка проводится.

Гражданин Комп читает список книг доставленной из Европы библиотеки швейцарца.

Председательствующий предлагает совместно обсудить текущие события, определяющие так называемую современную обстановку, как было зафиксировано в повестке дня по предложению гражданина Камма.

В обсуждении участвуют следующие граждане: Хабихт, Камм, Апфельбаум, Комп.

Гражданин Комп напоминает о прежнем намерении Клуба предоставить в распоряжение публики каталог библиотеки.

Гражданин Камм вносит предложение, чтобы тот, кто лучше всего знает библиотеку Клуба, составил ее точный каталог; вопрос же о расходах на печатание можно обсудить позже.

Развернулось обсуждение этого вопроса с разных сторон, и заседание было закрыто.

Комп настоятельно предлагает издать такой каталог. Гражданин Камм предлагает сначала составить точный

каталог. Предложение Камма принято. Предложение Компа временно отклонено.

Следующее заседание в воскресенье, 1 мая.

Печ, секретарь

СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 1 МАЯ 1859 г., У РЕЙХА, БАЙАРД-СТРИТ

Председательствует гражданин Комп

Протокол последнего заседания утверждается.

Гражданин Якоби делает отчет о состоянии и составе библиотеки, и по предложению гражданина Камма прежнее предложение гражданина Компа опубликовать каталог с предисловием откладывается на то время, когда Клуб будет в состоянии покрыть связанные с этим расходы.

Однако Камм просит членов, которые согласны заняться составлением такого предисловия, не отказываться от этого намерения и время от времени сообщать Клубу о результатах проделанной ими работы.

На повестку дня следующего заседания повторно ставится предложение гражданина Рушхаупта, который выразил желание сделать нам доклад по химии.

Заседание окончилось в 10 часов.

Следующее заседание 15 мая.

Печ, секретарь

СОРОК ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 15 МАЯ, У МЕТТЕРНИХА

Председательствует Камм

Смерть господина Рейха несколько нарушила порядок проведения наших заседаний.

Граждане Якоби и Комп перенесли книги Клуба к одному знакомому им человеку, г-ну Вильману, чтобы предохранить их от возможного наложения ареста судебными исполнителями. Г-на Меттерниха, нового, или временного владельца помещения, запросили, сможет ли Клуб продолжать свои заседания, как обычно. На этот вопрос из-за сложившихся обстоятельств не последовало ни положительного, ни отрицательного ответа. Клуб решил поэтому собраться в воскресенье, 5 июня, в том же помещении и затем решить окончательно этот вопрос.

Печ, секретарь

СОРОК ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 5 ИЮНЯ 1859 г., У МЕТТЕРНИХА

Председательствует Комп

Протокол последнего заседания утверждается.

Гражданин Комп сообщает об официальном выходе из Клуба гражданина Хеймана, который подтвердил это внесением неуплаченного взноса в размере 10 пенсов.

Так как помещение действительно перешло в руки г-на Меттерниха, то дальнейшие заседания Клуба будут, как и раньше, проходить здесь, и гражданин Якоби водворил имущество Клуба на обычное место.

Якоби зачитывает приглашение Шиллеровского общества на празднование 100-летнего юбилея со дня рождения Шиллера, которое состоится в ноябре. Затем происходит спор о том, следует ли известить о своем участии, направив делегатов на подготовительные заседания. Выступают следующие граждане: Камм, Комп, Штоппельбейн, Фабер, Мейер, Якоби.

В результате решено просто принять приглашение к сведению.

Печ предлагает в летние месяцы проводить заседания 1 раз в месяц.

Якоби предлагает прервать их на три месяца.

Оба предложения отвергнуты.

Окончание заседания в 11 часов.

На повестку дня следующего заседания по предложению Камма вынесено обсуждение современного положения в Европе.

Печ, секретарь

СОРОК СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА, 6 НОЯБРЯ 1859 г., У МЕТТЕРНИХА

Председательствует гражданин Камм

Прежний кассир гражданин Маркс сообщает о состоянии кассы. Гражданин Якоби отмечает, что количество книг в библиотеке растет.

Затем следуют выборы нового правления путем тайного голосования. Избраны следующие члены: *Камм, Якоби, Ланге, Тильбах* и *Штоппельбейн.*

Гражданин Якоби предлагает открыть библиотеку Клуба для посторонней публики при условии уплаты за одну книгу 25 центов за месяц или 1 доллара за 6 месяцев. Каждый

берущий книгу должен быть известен одному из членов правления или представить рекомендацию от кого-либо из известных в Клубе лиц. Гражданин Штоппельбейн дополняет предложение: учредить дискуссионный клуб.

Гражданин Камм возражает, ибо он считает, что Коммунистический клуб недостаточно богат ораторскими талантами, чтобы выступать перед публикой. В прениях по обоим предложениям участвуют граждане Камм, Якоби, Роза, Штоппельбейн, Ревентлов, Мейер.

Предложение Якоби принято.

По предложению Штоппельбейна внесены различные проекты и состоялась оживленная дискуссия.

Вообще весьма отрадно, что на данном заседании Клуба присутствует много народа и дебаты носят оживленный характер, чего давно не наблюдалось. Этим мы обязаны прежде всего присутствию нескольких членов, которых в течение длительного времени мы не имели возможности приветствовать на наших заседаниях и которых от всего сердца желаем видеть и надеемся, что они в дальнейшем оживят наши заседания своими талантами.

Следующее заседание Клуба в воскресенье, 20 ноября.

Заседание закрывается в 11 часов.

Г. Печ, секретарь

СОРОК ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА, 20 НОЯБРЯ 1859 г.

После прочтения протокола гражданин Камм вносит предложение вычеркнуть последний абзац протокола от 6 ноября, обосновав это тем, что подобные замечания общего характера излишни и нужно заносить в протокол только предложения и результаты голосования, а не вообще какие-либо личные впечатления.

Предложение принято.

Гражданин *Фрид. Кралингер* предложен гражданином Каммом в члены Клуба и принят.

Затем сообщается, что четыре человека просят зачислить их в библиотеку Клуба.

Так как граждане Роза и Штоппельбейн не сделали никаких предложений относительно дискуссионного клуба, а Штоппельбейн взял обратно свое предложение, вопрос снят с повестки дня.

СОРОК ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 4 ДЕКАБРЯ 1859 г.

Председательствует Фриц Якоби

Присутствуют: Камм, Тильбах, Кралингер, г-жа Камм.

Протокол от 29 ноября принимается после оглашения.

По предложению Кралингера в члены принимаются гражданин *Херре* (присутствует), а также гражданин *Рейнингер*. Гражданину Кралингеру поручается передать гражданину Рейнингеру, который отсутствует, что он принят.

Поскольку присутствует всего несколько членов, заседание по окончании обсуждения деловых вопросов закрывается.

Фр. Камм, секретарь

ПЯТИДЕСЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 18 ДЕКАБРЯ 1859 г.

Председательствует Фр. Камм

Присутствуют: г-жа Камм, граждане Хабихт, Херре Тильбах, Рейнингер, Якоби, Кралингер, Ланге и Камм.

Гражданин Кралингер предлагает в члены Клуба г-жу *Паулину Лоце*; это предложение единогласно принимается.

После рассмотрения различных деловых вопросов граждане Якоби и Тильбах вносят предложение сделать к § 8 устава следующее добавление: «Принадлежащее Клубу имущество, и в частности библиотека, не может быть продано, пока хотя бы один член Клуба голосует против этого».

Это предложение, согласно § 7 устава, должно быть поставлено на голосование на следующем очередном заседании.

Фр. Якоби

1860 г.

ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 8 ЯНВАРЯ 1860 г.

На сегодняшнем заседании, в котором приняли участие г-жа Камм и г-жа Лоце, а также граждане Ланге, Кралингер, Рейнингер, Хабихт, Тильбах, Камм и Якоби, произошло лишь дружеское обсуждение вопроса, каким образом Клуб может усилить пропаганду вовне.

Фр. Якоби

ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 22 ЯНВАРЯ 1860 г.

Председательствует Фриц Якоби

Присутствуют: Камм, Тильбах, Кралингер, Печ, Мейер, Рейнингер, г-жа Камм.

Протокол последнего заседания утверждается.

Гражданин Бергман допускается как гость.

Гражданин Рейнингер докладывает о пропагандистской комиссии, созданной на предыдущем заседании. Продолжительные дебаты о пропаганде.

Предложение относительно имущества Клуба, внесенное на заседании 18 декабря, ставится на голосование; принято единогласно в соответствии со смыслом самого предложения [1].

ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ, 4 МАЯ 1860 г.

Председательствует Камм

Присутствуют: г-жа и г-н Камм, граждане Кралингер, Ланге, Якоби и Тильбах.

Протокол утверждается.

В кассе имеется в наличии 3 доллара 89 центов. Эти деньги предлагается употребить на расширение библиотеки. Библиотекарю [2] передано пока 3 доллара.

Якоби

ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, НЬЮ-ЙОРК, 7 ОКТЯБРЯ 1860 г., ДЕЛАНСИ-СТРИТ, № 7

Совещательное заседание Коммунистического клуба.

Присутствуют: Зорге, Рушхаупт, Кралингер, Тильбах, Штоппельбейн, Куппер, Ланге, Хабихт, Камм. В качестве гостей — г-жа и г-н Хейденфельд, г-жа Куппер и Бётчер.

Решено: заседания Коммунистического клуба должны проводиться по-прежнему. Гражданину Тильбаху поручено переговорить с владельцем помещения в доме № 7 на Деланси-стрит относительно возможности проведения в нем заседаний Клуба.

Ф. Камм

[1] Далее в оригинале отсутствует несколько страниц (37—44). *Н. Р.*

[2] — Штоппельбейну. *Н. Р.*

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 4 НОЯБРЯ 1860 г., ДЕЛАНСИ-СТРИТ, № 7

Председательствует Камм

Присутствуют: граждане Якоби, Ланге, Зорге, Хабихт, Рушхаупт, Камм, Кралингер, г-жа Камм, Тильбах. В качестве гостей — г-жа и г-н Хейденфельд и г-жа Куппер.

После обсуждения нескольких незначительных вопросов проводятся выборы новых должностных лиц.

Избраны граждане: *Хабихт* — председатель,
Ланге — вице-председатель,
Рушхаупт — секретарь,
Якоби — библиотекарь,
Тильбах — казначей.

После переговоров с владельцем помещения по адресу: Деланси-стрит, № 7, гражданин Тильбах докладывает, что Клуб может проводить здесь регулярно свои заседания.

Кралингер предлагает обсудить на следующем заседании Клуба повторно внесенный им вопрос: «Какие средства и пути предлагает Коммунистический клуб для ведения коммунистической пропаганды?».

После длительного обсуждения предложение ставится на голосование и принимается.

Фр. Рушхаупт

ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 18 НОЯБРЯ 1860 г., ДЕЛАНСИ-СТРИТ, № 7

Председатель Рихард Хабихт

Присутствуют: Хабихт, Ланге, Рушхаупт, Якоби, Тильбах, Зорге, Кралингер, г-жа и г-н Камм, Мейер, Кох, Печ. В качестве гостей присутствуют жена д-ра Коха, г-жа Куппер, г-жа и г-н Хейденфельд.

Протокол последнего заседания прочитан и утвержден [1].

Фр. Рушхаупт

[1] В протокольной книге оставлено место для записи вопросов, обсужденных на этом заседании. *Н. Р.*

ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 2 ДЕКАБРЯ 1860 г., ДЕЛАНСИ-СТРИТ, № 7

Председатель Рихард Хабихт

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Присутствуют: Хабихт, Ланге, Рушхаупт, Якоби, Тильбах, Зорге, Кралингер, г-жа и г-н Камм, Кох. В качестве гостей присутствуют г-жа и г-н Хейденфельд, г-жа Куппер, жена д-ра Коха и М. Хирцель.

Еще на последнем заседании в качестве членов Клуба были предложены г-жа Кох, граждане Хейденфельд и Хирцель. Предложение принимается.

По вопросу: «Как и где провести праздник Клуба?», докладывает гражданин Зорге от имени организационного комитета, избранного на последнем заседании. Он предлагает провести этот праздник 23 декабря 1860 г. в 4 часа дня на дому у Зорге. Расходы по празднику составят около 25 долларов.

Предложение комитета после незначительных поправок ставится на голосование и принимается.

Составляется список участников. Затем гражданин Камм делает обзор тех политических событий последнего времени, которые представляют особый интерес с точки зрения коммунизма. Эти события в целом представляются нам неблагоприятными. Однако в области промышленности можно ожидать решительного прогресса благодаря изобретению газового двигателя быстрого сгорания Ленуара.

Предложение: просить гражданина Рушхаупта на следующем заседании объяснить устройство и принцип действия этой машины, а также разъяснить, в чем состоит ее польза.

Предложение принимается.

Фр. Рушхаупт

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 16 ДЕКАБРЯ 1860 г.

Председатель Рихард Хабихт

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

На этом заседании присутствует незначительное число членов Клуба.

Обсуждается вопрос о предстоящем празднике Клуба, и, так как желающих принять в нем участие было совсем немного, то вносятся различные предложения об отсрочке праздника на неопределенное время.

Гражданин Ланге предлагает совсем отказаться от него.

Это предложение, как наиболее существенное, ставится председателем на голосование и *принимается* почти единогласно.

Гражданин Рушхаупт объясняет устройство газового двигателя быстрого сгорания Ленуара, отмечает его преимущества по сравнению с паровой машиной и доказывает, что благодаря этому и другим замечательным изобретениям новейшего времени можно ожидать в будущем все большего избавления людей от тяжелого физического труда.

Фр. Рушхаупт

1861 г.

ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 6 ЯНВАРЯ 1861 г.

Председатель Рихард Хабихт

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Присутствуют: Хабихт, Ланге, Рушхаупт, Якоби, Тильбах, Зорге, г-жа и г-н Камм, Хейденфельд, Кралингер, Штоппельбейн. В качестве гостей г-жи Хейденфельд и Куппер.

Гражданин Кралингер предлагает просить гражданина Камма сделать доклад о последних политических событиях и т. д.

Гражданин Камм отвечает, что он не обещал делать такие доклады регулярно каждый месяц, а только если представится случай и окажется достаточно материала для этого. Он предлагает обсудить вопрос: «Какое влияние имеют современные движения в социальном и политическом отношениях?».

Предложение единогласно принимается и вызывает оживленное. почти бурное обсуждение.

Гражданин Кралингер вносит предложение провести на следующем заседании дискуссию по вопросу о воспитании молодежи.

Гражданин Зорге предлагает, чтобы Якоби сделал доклад о текущих событиях, в том числе и общего характера, представляющих для нас интерес.— Далее он вносит предложение, чтобы гражданин Хейденфельд сделал доклад о детских садах.

Предложения по очереди ставятся на голосование и принимаются.

Доклады Якоби и Хейденфельда включены в повестку дня следующего заседания Клуба.

Фр. Рушхаупт

ШЕСТИДЕСЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 3 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Присутствуют: Хабихт, Ланге, Рушхаупт, Якоби, Тильбах, Камм, Зорге, Штоппельбейн, Кралингер, в качестве гостя — г-жа Куппер.

После сбора ежемесячных взносов проведены выборы новых должностных лиц. Снова избраны гражданин *Камм* в качестве председателя, гражданин *Ланге* — вице-председатель, *Рушхаупт* — секретарь, *Якоби* — библиотекарь и *Тильбах* — казначей.

По предложению гражданина Зорге оглашены отчеты библиотекаря и казначея.

Отчет библиотекаря[1] не содержал ничего существенного, а именно: некоторые книги находятся в течение весьма длительного времени на руках у отдельных читателей, было бы желательно их более скорое возвращение.

Председатель Р. Хабихт делает соответствующее внушение вышеназванным членам Клуба.

Отчет казначея[2]: поступления в кассу Клуба за период с ноября 1860 по февраль 1861 г. составили 4 доллара 46 центов, а расходы — 1 доллар 91 цент, остаток в кассе равен 2 долларам 25 центам.

Затем библиотекарю поручается приобрести сочинение Карла Маркса против К. Фогта[3].

Гражданин Зорге предлагает, чтобы Якоби сделал свой намеченный доклад.

Однако из-за обсуждения других вопросов доклад отложен и в конце концов перенесен на следующее заседание.

Фр. Рушхаупт

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 17 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Председатель Камм

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Присутствуют: г-жа и г-н Камм, Ланге, Рушхаупт, Якоби, Тильбах, Штоппельбейн, Хабихт, Кралингер; в качестве гостей г-жа Куппер и г-н д-р Хаузен.

[1] — Фр. Якоби. *Н. Р.*
[2] — А. Тильбаха. *Н. Р.*
[3] Имеется в виду книга К. Маркса «Г-н Фогт». *Н. Р.*

Гражданин Якоби делает доклад о политических событиях последнего времени. В основном события представляют мало отрадного для развития коммунизма.

Доклад вызвал оживленное обсуждение, в котором особенно активное участие принял гражданин Кралингер.

Намеченный доклад гражданина Хейденфельда «О детских садах и т. д.» перенесен на следующее заседание, так как докладчик пришел лишь в самом конце заседания.

Фр. Рушхаупт[1]

ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 3 МАРТА 1861 г.

Председатель Камм

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Присутствуют: г-жа и г-н Камм, Ланге, Рушхаупт, Якоби, Тильбах, Штоппельбейн, Зорге, Хейденфельд, Хабихт, Кралингер; в качестве гостей — г-жа Хейденфельд и г-жа Куппер.

Гражданин Хейденфельд делает назначенный на сегодняшнее заседание доклад о детских садах, созданных Фрёбелем. Оратор указывает на их значение для развития коммунизма и одновременно дает краткую критику устройства этих столь важных для дела воспитания учреждений и руководства ими. Оратор выражает порицание существующей системе приема на работу учительниц и воспитательниц.

Гражданин Якоби берется сделать на следующем заседании доклад об общих политических событиях последнего времени.

В заключение несколько граждан предлагают на следующем заседании Клуба обсудить вопрос о семейном празднике, который уже ранее обсуждался.

Предложение ставится на голосование и принимается.

Фр. Рушхаупт

ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ, 17 МАРТА 1861 г.

Председатель Камм

Из-за малого числа присутствующих решено это заседание не проводить.

Фр. Рушхаупт

[1] Далее в оригинале отсутствует несколько страниц (49—58). *Н. Р.*

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 7 АПРЕЛЯ 1861 г.

Председатель Камм

Протокол последнего заседания утверждается.

В члены Клуба гражданин Якоби предлагает г-жу *Хейденфельд.*

Гражданин Зорге предлагает немедленно проголосовать за прием названной дамы. Голосование происходит: принята.

Председатель гражданин Камм выражает пожелание, чтобы Клуб приступил к выборам новых должностных лиц, ибо уже прошло три месяца этого года.

Гражданин Зорге, напротив, предлагает считать действительным как раз теперь истекший срок; в соответствии с этим предложением новые выборы провести лишь на *первом майском* заседании. Решение по этому вопросу откладывается до следующего заседания.

Затем гражданин Камм вносит предложение: прервать заседания Клуба на неопределенное время или же совсем его распустить.

Гражданин Якоби присоединяется к этому предложению и высказывается решительно за роспуск Клуба. Поэтому он предлагает назначить комитет, который обсудил бы, как обойти *§ 8* устава, согласно которому Клуб не может быть распущен, пока хотя бы один член высказывается за его дальнейшее существование.

Остальные присутствующие граждане высказываются против роспуска Клуба.

После долгих прений по этому вопросу решено объявить следующее заседание общим собранием, обсудить на нем предложение граждан Камма и Якоби и принять решение по нему.

Фр. Рушхаупт

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 21 АПРЕЛЯ 1861 г., ДЕЛАНСИ-СТРИТ, № 7

Председатель Камм

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Внесенное гражданином Каммом на последнем заседании Клуба предложение о выборах новых должностных лиц поставлено на голосование и принято.

Избраны: *Зорге* — председатель,
Рушхаупт — секретарь,
Штоппельбейн — вице-председатель,
Ланге — библиотекарь,
Тильбах — казначей.

Гражданин Зорге по желанию председателя Камма сразу же занимает председательское место.

Гражданин Камм высказывается по поводу внесенного им на последнем заседании и дополненного гражданином Якоби предложения о роспуске Клуба. Союзу недостает деятельных и способных людей, говорит оратор, поэтому о ведении пропаганды нечего и думать.

Несколько граждан решительно высказываются против и выражают желание, чтобы Клуб продолжал функционировать.

Гражданин Хейденфельд предлагает поставить на голосование внесенное предложение о роспуске или дальнейшем существовании Клуба.

Предложение принимается.

Результат голосования: *Клуб продолжает функционировать*.

Гражданин Тильбах предлагает назначить комитет, который должен подыскать Клубу другое помещение для заседаний.

Предложение принимается.

Якоби, Тильбах и Хабихт выдвигаются в состав этого комитета. Предложение голосуется и принимается.

Повестка дня следующего заседания: продолжение доклада гражданина Якоби о последних политических событиях и т. д.

В заключение гражданин Тильбах предлагает поблагодарить хозяина помещения, где проводились заседания Клуба, за дружеское отношение.

Предложение принимается.

Фр. Рушхаупт

ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 5 МАЯ 1861 г., У ФРИДЕБОРНА, УГОЛ КРИСТИ- И СТЕНТОН-СТРИТ

Председатель Зорге

Протокол последнего заседания оглашается и утверждается.

Присутствуют: граждане Зорге, Ланге, Хабихт, Камм, г-жа и г-н Хейденфельд, Рушхаупт, Якоби, Кралингер; в качестве гостя — г-н Куппер.

Комитет, избранный на последнем заседании, делает сообщение и предлагает в дальнейшем проводить заседания в трактире Фридеборна, на углу Кристи- и Стентон-стрит. Кроме того, предлагается помещение Шницлейна и Хафнера. Клуб высказывается за помещение Фридеборна.

Гражданин Якоби выражает желание перенести на следующее заседание свой доклад, назначенный на сегодня.

Предложение принимается.

Гражданин Камм высказывается, как и раньше, за временное прекращение заседаний Клуба и обосновывает свое предложение.

Вопрос обсуждается.

Гражданин Камм предлагает закрыть прения.

Предложение принимается.

Гражданин Камм предлагает в летнее время не проводить заседаний Клуба.

Предложение ставится на голосование и отклоняется.

Гражданин Хабихт предлагает проводить заседания еженедельно.

Граждане Ланге и Хейденфельд предлагают проводить заседания Клуба в первое воскресенье каждого месяца.

Предложения ставятся на голосование.

Принимается предложение Хабихта.

В конце заседания появляются граждане Комп и Мейер.

Гражданин Якоби обращается к гражданину Компу с просьбой: пусть он, как коммунист, даст отчет о своих действиях в рабовладельческом штате Алабама, ибо из письма вышеназванного гражданина гражданину Мейеру следует, что он намеревался подвозом оружия (револьверов) помогать сецессионистам и рабовладельцам в их мятежных планах.

Гражданин Комп всячески оправдывается.

После длительных и острых прений гражданин Якоби предлагает ввиду неудовлетворительного ответа гражданина Компа исключить его из членов Союза согласно *§ 3* устава.

Предложение голосуется и принимается.

Фр. Рушхаупт

ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 17 МАЯ 1861 г., У ФРИДЕБОРНА, УГОЛ КРИСТИ- И СТЕНТОН-СТРИТ

Председатель Зорге

Из-за незначительного количества присутствующих на этом заседании все важнейшие дела и вопросы, касающиеся Союза, переносятся на следующее заседание. В заключение было решено следующее заседание провести в первое воскресенье июня.

ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ, 2 ИЮНЯ 1861 г.

Председатель Зорге

Из-за отсутствия секретаря[1] на прошлом заседании протокол этого заседания не оглашается.

Секретарь обещает к следующему заседанию привести его в порядок.

Казначей, гражданин Тильбах, делает краткий отчет о состоянии кассы. Он заявляет, что подготовился к этому. Остаток в кассе, согласно последнему отчету от 3 февраля, составлял 2 доллара 25 центов.

Поступления на сегодняшний день составляют 1 доллар 50 центов,

расходы — 1 доллар 25 центов.

Итого у Клуба остается сумма в размере 2 доллара 50 центов.

Из 10 присутствующих членов 8 поддерживают предложение Якоби об исключении гражданина Компа, внесенное и принятое на предпоследнем заседании.

Гражданин Ланге вносит предложение провести следующее заседание в первое воскресенье июля, гражданин Хейденфельд — в последнее воскресенье июня.

Предложение Ланге принято.

Повестка дня на следующее заседание: политический обзор гражданина Камма.

Гражданин Рушхаупт берется сделать на этом же заседании сообщение об открытиях, сделанных в последнее время, в какой мере они вызвали уменьшение использования физической силы человека.

Последнее голосование об исключении гражданина Компа.

Фр. Рушхаупт

ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ,[2] ИЮЛЯ 1861 г.

Председатель Зорге

Из-за незначительного числа присутствующих заседание не было открыто. Однако решено следующее заседание провести в первое воскресенье сентября.

[1] — Фр. Рушхаупта. *Н. Р.*
[2] Пропуск в оригинале. *Н. Р.*

СЕМИДЕСЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, [1] СЕНТЯБРЯ 1861

Председатель З о р г е

После оглашения протокола предпоследнего заседания обсуждаются текущие дела.

Гражданин Л а н г е протестует против дальнейшего голосования об исключении гражданина Компа и заявляет, что готов мотивировать свой протест.

Гражданин К а м м предлагает в связи с небольшим числом присутствующих обсуждение всех важнейших вопросов Клуба, его текущие дела и т. д. перенести на следующее заседание.

Предложение голосуется и принимается.

Назначенные доклады переносятся.

Решено издать каталог библиотеки Союза и гражданину Рушхаупту поручается его составление.

Гражданину Л а н г е поручается разместить библиотеку в своей лавке на Уильям-стрит, № 206.

Предложение принимается.

Гражданин З о р г е предлагает, чтобы гражданин Тильбах передал кассу гражданину Ланге.

Гражданин Камм предлагает на следующем заседании провести намеченные выборы правления.

Предложение принимается.

В заключение гражданин Л а н г е предлагает следующее заседание отложить до первого воскресенья октября.

Предложение ставится на голосование и принимается.

Фр. Рушхаупт [2]

1 8 6 7 г. [3]

ЗАСЕДАНИЕ 8 МАРТА 1867 г.

У РЕФЛЕ

Председатель З о р г е

Присутствуют: З о р г е, К о м п, Л а н г е, Т р а у д, М а т е р н е, К р а л и н г е р, З и г ф р и д М е й е р, К а р л, В е б е р, Р ё д е л ь. За неимением протокола З о р г е делает устное сообщение о последнем заседании Клуба. На сегодняшний вечер председателем избирается Зорге, секретарем — З. Мейер.

[1] Пропуск в оригинале. *Н. Р.*

[2] На этом записи, относящиеся к 1861 г., кончаются (на стр. 63 протокольной книги). Конец страницы пустой. Записи возобновляются на середине следующей страницы. *Н. Р.*

[3] Протоколы за 1867 г. не пронумерованы и не подписаны. Записи сделаны З. Мейером. *Н. Р.*

Зигфрид Мейер докладывает о переговорах, состоявшихся 3 марта во Всеобщем немецком рабочем союзе в Нью-Йорке. Переговоры обнаружили почти полное совпадение конечных целей этого Союза и Коммунистического клуба, а в качестве наиболее подходящего пути установления тесных связей между обеими организациями было рекомендовано вступление отдельных членов Союза в Коммунистический клуб; собравшиеся полностью соглашаются с этим.

Кралингер предлагает в качестве новых членов *Вильгельма Вебера* и *Конрада Карла.*

Ланге предлагает принять в члены *Петера Рёделя.*

Они единогласно принимаются.

Избирается новое правление на первые полгода в составе: председатель — *Зорге,* кассир и вице-председатель — *Комп,* секретарь и библиотекарь — *Ланге.*

Затем переходят к обсуждению отношения коммунистов к германскому вопросу и современным немецким партиям.

Комп отказывается рассказать об этом, так как он лишь немногое смог узнать о коммунистах за время своего краткого пребывания в Германии; впрочем, он, конечно, против Бисмарка.

Рёдель открывает дискуссию, указывая на огромные достижения 1866 г., которые постепенно ликвидируют раздробленность Германии и будут содействовать коммунистическим целям, ускоряя централизацию.

Мейер выступает против этого мнения. В борьбе прогрессивной демократической буржуазии против феодальной партии рабочая партия должна выступать вместе с первой.

Кралингер, Карл, Рёдель высказываются за поддержку германской политики, проводимой прусским правительством.

Зорге и Мейер отстаивают положение, что достижение единства *до* завоевания свободы невозможно и что в Германии, как и в других странах, вместе со свободой, само собой разумеется, придет и единство.

Рёдель обращается к требованиям рабочей партии в 1848 г., указывает на различное и большей частью неясное толкование слова «свобода» и выражает надежду на возрождение новой, активной политической жизни во вновь создаваемом германском государстве.

Вебер защищает Лассаля от обвинений в том, что он был орудием Бисмарка (Мейер вносит поправку в свои слова, решительно добавив слово «бессознательно»), и подчеркивает, что поражение Австрии — это счастье для Германии.

Прения прекращаются в 11 час. 30 мин.

Ежемесячный взнос пока устанавливается в размере 50 центов. Следующее заседание назначается на 12 апреля, и объявления о нем будут помещены в двух газетах.

Заседания решено проводить во вторую пятницу каждого месяца.

Карл предлагает, наряду со Всеобщим немецким рабочим союзом, пригласить различные общества и объединения, чтобы обсудить совместный план ведения политической агитации среди рабочих.

Мейер предлагает передать это предложение на рассмотрение комитета из 3 человек.

Предложение Карла решено поставить в повестку дня следующего заседания.

ЗАСЕДАНИЕ 12 АПРЕЛЯ 1867 г., У РЕФЛЕ

Присутствуют: Зорге, Роза, Кралингер, Ланге, Апфельбаум, Рёдель, Карл, Вебер, Матерне, Комп, З. Мейер.

Председательствует Зорге, протокол ведет Зигфрид Мейер.

Зорге сообщает, что библиотека пополнилась за счет наследства Штоппельбейна, и потому в ней появились дубликаты некоторых книг. Эти дубликаты тотчас же проданы с аукциона Компом, что принесло выручку в размере 2 долларов 86 центов.

Рёдель предлагает в целях оповещения о заседаниях Клуба напечатать пригласительные письма для его членов.

Предложение принимается.

Зорге считает, что нельзя совсем отказываться от объявления в газетах.

Предлагаются различные газеты, большинство высказывается за «Pionier».

Рёдель предлагает оплачивать постоянные объявления в этой газете.

Собравшиеся принимают это предложение.

Зорге предлагает выписать для Союза издаваемый И. Ф. Беккером в Женеве журнал «Vorbote», орган Международного Товарищества Рабочих.

Предложение принимается.

Комп предлагает, чтобы кассир в конце каждого заседания регулярно представлял отчет о состоянии кассы с тем, чтобы его заносили в протокол.

Предложение принимается.

На повестке дня предложение Карла о приглашении рабочих обществ и объединений для обсуждения совместного плана ведения политической агитации среди рабочих.

Рёдель не считает это реальным; в лучшем случае нас корректно попросят удалиться. Различные попытки в прошлом, например с «Sociale Republik», показали, что рабочие в Соединенных Штатах думают только о повышении заработной платы и не хотят приносить никаких жертв ради агитации; на политической арене они продаются либо республиканской, либо демократической партии. *Мы* же хотим завоевать в первую очередь политическую власть, прежде чем будем думать об улучшении положения рабочих. Я не буду голосовать против этого предложения, но я не жду от него никаких результатов.

Вебер полагает, что Коммунистический клуб не сможет сделать ничего другого кроме участия в заседаниях Центрального комитета Всеобщего немецкого рабочего союза, послав туда своих делегатов, если он получит от него приглашение.

Мейер считает дискуссию беспредметной, так как Всеобщий немецкий рабочий союз действует самостоятельно; он говорит, что у него нет какого-либо плана, который можно было бы предложить делегатам, и он предостерегает от большой спешки в этом вопросе.

Карл считает теперешний момент *вполне* благоприятным. Ведь рабочих раньше всегда лишь использовали; из движения голодных в 1857 г. возникла «Sociale Republik». Нужно стремиться к тому, чтобы на основе всеобщего избирательного права организовать крупную рабочую ассоциацию.

Рёдель: Только у небольшой части рабочих есть энергия и способность на жертвы.

Зорге протестует против утверждения, будто мы не имеем ничего общего с движением за повышение заработной платы.

Роза: Конечно, теперешнее нищенское положение рабочих благоприятствует агитации. Денежная аристократия настолько хорошо использовала последние 5 лет, что, если такое положение продлится еще 10 лет, то условия жизни пролетариата здесь станут хуже, чем в Англии.— Однако рабочие слишком связаны с существующими политическими организациями, да и нищета рабочих не так велика. Призыва «На фонари!» здесь еще не услышишь. *Кроме того,* было бы, пожалуй, лучше, чтобы рабочие стремились разорить финансовых магнатов путем реквизиции.

Комп: Мы все же не должны отказываться от агитации. Возможно, нам удастся объединиться с людьми, на которых мы сможем воздействовать. К сожалению, кроме буржуазии никто еще не агитирует среди рабочих, думают только о своих непосредственных интересах, о своих правах у них нет и речи. Наши предполагаемые делегаты не должны заботиться о повышении заработной платы.

Кралингер: Наша цель — вызвать к жизни самостоятельное политическое и социальное движение, внести движение в массы. Коммунисты не должны быть слишком заносчивыми.

Карл: Я считаю, что в Коммунистическом клубе есть силы, которые можно использовать для ведения агитации. Мы как раз хотим доказать рабочим, что одно лишь движение за повышение заработной платы им не поможет, и это лучше всего смогут им объяснить коммунисты. Впрочем, даже в конгрессе в Вашингтоне уже шла речь о социальном вопросе[1].

Роза: Я согласен с Карлом в том, что в ближайшее время социальный вопрос выдвинется на передний план. Намерение обратиться к существующим обществам ни к чему не приведет. Все они никуда не годны. Во всех тайных братствах, этих обществах взаимопомощи, которые, по существу, и руководят союзами, в братствах, где члены предаются содомскому греху, речь идет только о грабеже тех, кто к ним не принадлежит. Нам не подобает вычищать навоз из этих союзов. Мы не можем латать, мы должны создавать заново и именно тогда, когда начнутся события, волнения голодных и т. д., которые не заставят себя ждать. Всюду, где хочешь что-нибудь сделать, нужно все средства, пусть самые незначительные, собрать воедино. Кто желает объединения разнородных элементов, должен доказать, что оно необходимо. *Мы* организуемся и распространяем свое учение и претворим его в жизнь, когда наступит момент действия, которого я пока еще не вижу. Формальности, существующие у многих союзов, бесконечные делегации,— эта игра в союзы никуда не годится и надоела так, что нужно избегать ее.

Ланге: Если это не помогает, то и не вредит. Цель этого плана — дать толчок, и это хорошо.

Комп предлагает распространить манифест с нашими партийными требованиями, чтобы с его помощью привлечь к нам людей.

Карл: Согласно «Коммунистическому манифесту» 1848 г. коммунисты обязаны всюду и во всем участвовать и вести пропаганду. Устное слово действует лучше, чем написанное. Мы

[1] Речь идет о внесении в марте 1867 г. в конгресс США ряда проектов об установлении 8-часового рабочего дня. *Н. Р.*

должны использовать избирательное право, чтобы провести социальные реформы. Рабочий класс должен добиться кредита, государство же должно дать только гарантию большой ассоциации, а не деньги. Мы также не в один день стали коммунистами. Нужно начинать с маленьких попыток.

Роза: Всеобщее избирательное право существует здесь уже давно и не приносит никакой пользы. Здесь царит такая всеобщая безнравственность, что только потрясение может уничтожить это болезнетворное начало, только революция может нам помочь. У нас нет больше народа; он находится во власти политиков. А партии заведомо подбирают в свои ряды только таких людей, которым место в тюрьме. Избирательное право извращено, честный человек не может с его помощью пробить себе дорогу. Только преступления, а не убеждения объединяют партии. Во время забастовок подкупают и одиночек.

Рёдель: Подготовка включает и прилежную учебу, а во имя этого рабочие не принесут никаких жертв. Все социальные газеты здесь гибли. В Америке никогда не произойдет настоящая революция, на рабочих нет никакой надежды. Она возможна только сверху, как это произошло в Пруссии.

Карл: Так как революцию придется еще долго ждать, то нужно что-то делать в это время. Должны ли мы сидеть сложа руки и радоваться, что мы коммунисты? Если мы начнем действовать, то постоянно будем чему-нибудь учиться. Если мы и не найдем великих умов, то, по крайней мере, сумеем увидеть у обычных людей то ценное, что можно использовать.

Предложение Компа об издании манифеста отвергается.

Немецкий республиканский центральный комитет прислал 5 билетов на вечер памяти Линкольна, который состоится 15 апреля; билеты принимаются.

Зорге обращает внимание присутствующих на американское общество атеистов — Независимый орден секуляристов, который базируется на чисто коммунистических принципах, и призывает принять в нем участие.

Карл знает его устав, но не находит в нем ничего социального.

Зорге зачитывает один отрывок из устава, который опровергается Карлом.

Роза придает мало значения антирелигиозной пропаганде. Мы должны были бы больше бороться против святости клятвы, чем против религиозности. Эта фанатическая вера в магическое действие так или иначе произнесенных слов нам очень повредила. Ведь никакое обещание, даже скрепленное клятвой, не признается как связывающее самими юристами, а вот нарушение брака есть клятвопреступление. Этот обряд клятвы является

лишь старым бабьим предрассудком, пережитком времен, когда верили в ведьм и колдунов.

Зорге: Это общество хочет изменить социальные отношения и стоит, таким образом, на той же почве, что и мы. Кто не свободен от всяких сверхъестественных представлений, тот не подходит для наших целей.

Вебер предлагает проводить заседания раз в две недели. Предложение отклоняется.

Остаток в кассе составляет 8 долларов 81 цент.

Повестка дня на 10 мая[1]*:* 1) предложение вступить в Международное Товарищество Рабочих, 2) отношение национальности к коммунизму.

ЗАСЕДАНИЕ 2 ИЮЛЯ 1867 г., У РЕФЛЕ

Присутствуют: Зорге, Рёдель, Кох, Кралингер, Вебер, З. Мейер, Фогт.

Зорге в нескольких словах отдает долг памяти нашему Камму, умершему в мае, и упоминает, что некоторое время тому назад также умер маленький сын нашего Хабихта.

Он предлагает в качестве нового члена клуба *Августа Фогта,* его единогласно принимают.

Кох напоминает о 5 членах, которых Коммунистический клуб потерял: Дорис Кох, Фриц Якоби, Рихард Хабихт, П. Штоппельбейн, Фриц Камм и предлагает устроить вечер памяти Камма, считая, что Клуб должен публично проявить себя.

Зорге напоминает о первом пункте повестки дня — присоединении к Международному Товариществу Рабочих.

Фогт зачитывает обращение ко всем рабочим и рабочим союзам о присоединении к Международному Товариществу Рабочих, датированное 5 февраля 1865 г., и Временный Устав.

Кох высказывается за присоединение и деятельность в этом направлении, хотя Клуб не сможет в нем раствориться, так как у него более высокие цели.

Фогт заявляет, что коммунисты представляют собой самостоятельную партию. Мы знаем, чего мы хотим, и должны руководить массами, как теперь это делают князья. Рабочее движение за последние два года стало таким могучим, что мы *должны* присоединиться к нему, если не хотим снова превратиться в ничто.

[1] Следующее заседание состоялось лишь 2 июля 1867 г. *Н. Р.*

Кралингер против присоединения, так как, по дошедшим до него сведениям, на Женевский конгресс не были допущены французские рабочие из-за их коммунистических убеждений [1].

Кох: Никакие собрания не приносят пользы, так же как и движение пассивного сопротивления. Пока люди остаются спокойными, надеяться не на что. Только шаги, которые прокладывают путь революции, представляют ценность.

Зорге отмечает большое значение рабочего класса по сравнению с буржуазией.

Фогт: Коммунисты должны учить рабочих революции, но рабочие также должны пройти через движение за 8-часовой рабочий день, чтобы убедиться, что оно не приносит им никакой пользы и что они должны пойти дальше.

Рёдель высказывается за присоединение. Однако он заявляет, что передовым коммунистам нечего особенно делать с рабочими. Здесь рабочие противятся всяким прогрессивным движениям.

Зорге зачитывает письмо И. Ф. Беккера для опровержения некоторых высказанных здесь точек зрения.

Предложение о присоединении к Международному Товариществу Рабочих принимается; против голосуют Кралингер и Вебер.

Вебер просит отметить в протоколе его голосование. По настоятельному требованию присутствующих Вебер излагает свои основания и ссылается на почерпнутые из «New-Yorker Democrat» и берлинского «Social-Demokrat» сведения о том, что на конгрессе в Женеве в прошлом году радикальные французы и итальянцы не получили слова.

Зорге считает странным, что Вебер, будучи председателем Рабочего союза, голосует против присоединения к Международному Товариществу Рабочих.

Затем между Кохом, Зорге и Фогтом завязывается краткое обсуждение личности И. Ф. Беккера, который 18 лет тому назад вызывал некоторое подозрение.

Отныне заседания будут проводиться в четвертую пятницу каждого месяца.

Зорге обращает внимание на то, что в скором времени появится большое экономическое произведение Карла Маркса [2].

[1] На конгрессы Интернационала допускались лишь представители организаций, официально присоединившихся к Интернационалу. В частности, на этом основании на Женевский конгресс не была допущена небольшая группа бланкистов. *Н. Р.*

[2] Имеется в виду I том «Капитала». *Н. Р.*

Обсуждается предложение Коха относительно вечера памяти Камма, однако обсуждение подробностей переносится на следующее заседание.

По предложению Кралингера на письмо Карла с просьбой вычеркнуть его из списка членов в связи с неблагоприятными материальными обстоятельствами решено дать отрицательный ответ, так как, разумеется, такая причина не может служить для этого достаточным основанием.

ЗАСЕДАНИЕ 26 ИЮЛЯ, У РЕФЛЕ

Присутствуют: Зорге, Кралингер, Ланге, Комп, Рушхаупт, Вебер, З. Мейер.

Согласно отчету кассира наличность кассы составляет 2 доллара 1 цент.

Обсуждается вопрос, должны ли взносы в Международное Товарищество Рабочих уплачиваться каждым членом в отдельности или из кассы Клуба.

Ланге предлагает просмотреть список членов, чтобы точно знать, сколько же членов насчитывается в Клубе.

Предложение принимается.

Во время обсуждения отдельных кандидатур принимается решение о том, чтобы впредь членами Коммунистического клуба считать следующих 21 человека: Компа, Зорге, Ланге, Трауда, Розу, Рушхаупта, Эмиля Зигеля, Тильбаха, Катарину Камм, Матерне, И. Коха, Кралингера, Т. Хейденфельда, Шарлотту Хейденфельд, Апфельбаума, Карла, Зигфрида Мейера, Вебера; далее, исключить из общества: Маркса, Конхейма, Рёделя, Фогта, Хирцеля; затем запросить следующих членов: Якоба Мейера, Финцеля, Флаха, Печа, Петера Армбрустера, В. Штоппельбейна, Э. О. Виганда, Г. Э. Фабера, считают ли они себя еще членами. Г-жу Печ и, наконец, следующих членов: Ливингстона, Монцхеймера, Шиффлина, Куппера, Апфельбаума, призвать к уплате взносов.

Принимается решение уплатить и послать в Женеву взносы за двух членов из кассы Клуба.

Зорге сообщает, что поставил в американском обществе, к которому принадлежит [1], вопрос о присоединении к Международному Товариществу Рабочих, и написал в Лондон относительно присылки английских газет и документов.

[1] Речь идет о «Независимом ордене секуляристов». *Н. Р.*

Кралингер предлагает меньше обсуждать текущие дела, а больше внимания уделять принципиальным вопросам, чтобы можно было вести пропаганду.

Зорге возражает: в свое время обсуждалось очень много принципиальных вопросов и в этом году, после того как Клуб после вызванного обстоятельствами перерыва возобновил заседания, в них нет недостатка.

Вебер предлагает обсудить вопрос об отношении коммунистов к американским партиям, если другие стоящие на повестке дня предложения можно отложить.

Зорге говорит, что рабочее движение становится более мощным, и обращает внимание на конгресс рабочих в Чикаго [1].

Вслед за этим заседание закрывается.

ЗАСЕДАНИЕ 23 АВГУСТА 1867 г., У РЕФЛЕ

Присутствуют: Зорге, Ланге, Рёдель, Рушхаупт, Кралингер, Вебер, Карл, Зигфрид Мейер, Фогт, Граф.

На основании двух писем, полученных от Флаха и Шиффлина, решено вычеркнуть обоих из списка. Кроме того, пришло письмо только от Куппера, который пока еще считает себя членом Клуба.

Всеобщий немецкий рабочий союз приглашает Клуб на организованный им 31 августа вечер памяти Фердинанда Лассаля.

Клуб решает принять приглашение.

Кралингер предлагает Графа в качестве члена: единогласно принимается.

В сегодняшней повестке дня вопрос об отношении коммунистов к американским партиям.

Зорге подчеркивает полезность стремлений к организации немецкой партии, которая будет представлять радикальные принципы.

Рёдель полагает, что мы можем еще воспользоваться принципом 1848 г., то есть присоединиться к партии, которая идет наиболее далеко. Среди членов рабочих организаций, которые были вызваны к жизни коммунистами в 1852 г. [2], тогда имелись разногласия по вопросу об отношении к американским

[1] Имеется в виду второй конгресс Национального рабочего союза, проходивший в Чикаго в августе 1867 года. *Н. Р.*

[2] Речь идет о созданных И. Вейдемейером Союзе пролетариев и Американском рабочем союзе. *Н. Р.*

партиям, и с тех пор все так и осталось. Немцы, которые в большинстве своем не знают английского языка, попали в руки профессиональных политиков, и поэтому необходима немецкая организация, которая будет действовать при помощи своих собственных средств.

Фогт говорит о различии между партией, которая защищает манчестерские принципы[1], и партией, которая имеет своей конечной целью коммунизм, эти партии одинаковы во всем мире: здесь от республиканцев вновь будут отделяться более радикальные элементы. Мы должны поддерживать тех, которые стремятся к централизации.

Затем Карл, Рёдель, Фогт, принявшие участие в дискуссии, переходят к обсуждению вопроса о рабочих объединениях в Америке; дискуссия на эту тему откладывается.

В соответствии с уставом пять членов: Вебер, Кралингер, Рушхаупт, Зорге и Карл, предлагают исключить Макса Конхейма.

Предложение единогласно принимается.

Заседание закрывается в 10 час. 45 мин.

ЗАСЕДАНИЕ 27 СЕНТЯБРЯ 1867 г., У РЕФЛЕ

Присутствуют: Зорге, Тильбах, Ливингстон, Ланге, Кралингер, Рушхаупт, Комп, Зигфрид Мейер.

В соответствии с уставом исключение Макса Конхейма вторично ставится на голосование и единогласно утверждается.

Кралингер делает сообщение о заседаниях Центрального комитета радикалов, на которых наш член Рёдель с большой решительностью высказался против рабочих; если бы Рёдель присутствовал на сегодняшнем заседании, Кралингер призвал бы его за это к ответу.

При обсуждении кассовых дел Тильбах предлагает уполномочить кассира и председателя особо отмечать в списках тех членов, которые в данный момент не в состоянии уплатить взносы, чтобы никто не попадал в неловкое положение.

Предложение всеми признается излишним, так как коммунисты, естественно, не могут находить ничего предосудительного в этой несостоятельности.

[1] Имеется в виду отражавшая интересы промышленной буржуазии партия фритредеров — сторонников свободы торговли и невмешательства государства в экономическую жизнь страны. *Н. Р.*

Во время продолжения дискуссии об отношении коммунистов к американским партиям Кралингер комментирует обсуждение немецкими радикалами вопроса о посылке делегата на съезд в Сиракузах [1]; в связи с этим Карл предложил резолюцию, чтобы в сферу обсуждения был внесен рабочий вопрос; рабочие в этот вечер доказали ученым адвокатам и политикам, что они доросли до них в этом вопросе. Было принято решение передать рабочий вопрос на рассмотрение социального комитета. Кралингер делает из этого вывод, что коммунисты постоянно должны решительно вступать в политическое движение.

Зорге рассматривает нашу позицию на будущих выборах. На выборах органов власти в штатах и на местах в этом году вопрос о равноправии негров утратит свое значение [2]. Возможно, будет уместным проголосовать на сей раз вместе с демократической партией, чтобы дать урок республиканской партии. Можно только пожелать, чтобы Джонсон перешел к насильственным мерам, ибо это окончательно откроет людям глаза и они устранят его.

Предложение занести в протокол заявление Клуба по этому вопросу отклоняется. В качестве второго пункта повестки дня на обсуждение ставится вопрос о мерах дальнейшей пропаганды Международного Товарищества Рабочих.

Зорге упоминает о том значении, какое в здешних газетах придавалось Лозаннскому конгрессу. Очевидно, что наступит время, когда Товарищество станет могучей силой.

Кралингер сообщает, что Всеобщий немецкий рабочий союз в скором времени опять устроит собрание делегатов здешних профсоюзов, на котором, вероятно, будет обсуждаться этот же вопрос.

Мейер предлагает уже сегодня избрать делегатов для этой цели, даже если Клубу и не последует никакого приглашения.

В качестве делегатов избраны *Зорге, Ланге, Комп, Рушхаупт, Фогт* и *Мейер*.

Зорге напоминает о том, что сегодня исполнилось 10 лет со дня основания Коммунистического клуба.

Заседание закрывается в 10 час. 45 мин.

[1] — на съезд членов республиканской партии штата Нью-Йорк, состоявшийся в конце сентября 1867 года. *Н. Р.*

[2] Зорге, по-видимому, имел в виду то, что выборы должны были проводиться уже на основе новых конституций южных штатов, предоставивших избирательные права негритянскому населению США в соответствии с поправкой 14-й к федеральной конституции. *Н. Р.*

ЗАСЕДАНИЕ 25 ОКТЯБРЯ 1867 г., У РЕФЛЕ

Присутствуют: Тильбах, Зорге, Рушхаупт, Кралингер, Зигфрид Мейер, Рёдель, Карл и Комп.

Тильбах поднимает вопрос о том, целесообразно ли высказать наше одобрение решений рабочего съезда [1], и предлагает на следующем заседании обсудить этот вопрос.

Кралингер сообщает о предложении, которое должно быть выдвинуто Всеобщим немецким рабочим союзом на созываемом собрании рабочих. В ближайшее время нужно сформулировать социальные требования рабочих, чтобы при образовании новой партии были учтены также и наши интересы. Предлагается призвать к сотрудничеству Коммунистический клуб. Важнейшие пункты таковы: введение прогрессивного налога, понижение процента на капитал, государственная поддержка всех производственных товариществ.

Тильбах высказывается за принятие приглашения, но предлагает выдвинуть контрпрограмму. Мы голосуем с самыми радикальными партиями, стоим в области религии на позициях свободных общин и должны выдвинуть общую социальную программу. Если мы будем говорить о частностях, то сразу же дадим слишком много поводов для нападок; эти детали могут и должны быть внесены, когда партия будет основана.

Рёдель: Немцы мало, а рабочие и того меньше годятся для того, чтобы образовать новую партию. Понижение процента на капитал на $2^1/_2\%$ — бессмыслица; можно ли на этой основе создать национальную партию? Партийная машина здесь — это деньги. Кто, следовательно, должен образовать партию? Даже наша немецкая организация зависит от денег американцев, то есть от продажных чиновников. У меня нет никаких надежд.

Кралингер возражает: в радикальном клубе «Кампания» [2] много взносов получено от немцев.

Мейер полагает, что при выдвижении платформы нужно ориентироваться на тех лиц, на присоединение которых к новой партии можно рассчитывать.

Карл выступает против того, чтобы вносить в эту платформу что-либо о рабочих и религии. Конституция дает равные права, поэтому мы, как граждане Соединенных Штатов, можем сказать, что привилегии, создаваемые процентом на капитал,

[1] Имеется в виду съезд Национального рабочего союза в Чикаго в августе 1867 года. *Н. Р.*

[2] — одна из организаций немецких радикальных эмигрантов в США, возникших после Гражданской войны 1861—1865 гг. и выступавших в поддержку левого крыла республиканской партии. *Н. Р.*

а также те, которые создаются косвенными налогами, должны быть отменены.

Рёдель говорит на основании своего опыта о неподготовленности американских рабочих к пониманию политических целей.

Зорге: Неудачная попытка может, однако, спустя некоторое время привести к победе. Наш долг, несмотря на весь печальный опыт,— все снова и снова разворачивать наше знамя. Историческое доказательство тому — общества по борьбе с рабством, перспективы которых на успех первоначально были очень невелики. Социальный переворот возможен только в интересах обездоленных и поэтому может быть осуществлен только их силами. Разумеется, мы стремимся к тому, чтобы совершенствовать всех людей, а не только рабочих.

Принимается решение установить связь с Всеобщим немецким рабочим союзом, чтобы выработать партийную программу. Кралингер предлагает назначить комитет из пяти человек.

Предварительно обсуждается вопрос, какие инструкции ему необходимо дать.

Так как при обсуждении затрагиваются попеременно разные вопросы, то Карл предлагает, чтобы комитету было доверено сформулировать *только* социальные требования.

Предложение принимается.

В комитет избираются *Комп, Мейер, Рушхаупт, Зорге.*

Остаток в кассе составляет 1 доллар 75 центов.

N. B. Барц из Женевы представляется как член Международного Товарищества Рабочих.

Заседание закрывается в 11 час. 30 мин.

ЗАСЕДАНИЕ 22 НОЯБРЯ 1867 г., У РЕФЛЕ

Присутствуют: Зорге, Комп, Тильбах, Кралингер, Зигфрид Мейер, Ланге.

Мейер сообщает о работе комитета, который закончил свою работу совместно с членами Всеобщего немецкого рабочего союза, и зачитывает требования, которые, по мнению комитета, должна выдвинуть новая партия.

Ланге считает невозможным при теперешних обстоятельствах покрыть все государственные потребности при помощи подоходного налога.

Тильбах хотел бы сказать, что государственные поступления должны взиматься только с имущих, а не с неимущих

и не с собственности, которая только что возникла, так же как и не с того дохода, источником которого является труд.

Зорге возражает: это относится к частностям, которые должны обсуждаться позднее.

Ланге опасается, что отмена ввозных пошлин приведет к нужде среди всех промышленных рабочих в результате упадка американской промышленности.

Зорге приводит доводы, опровергающие это мнение.

Тильбах поддерживает предложение о повышении налогов на предметы роскоши. С разных точек зрения рассматривается еще вопрос о свободе торговли и покровительственных пошлинах.

Зорге сообщает, что из Союза свободомыслящих [1] образуется новая секция Международного Товарищества Рабочих.

Задолженность составляет 4 доллара 87 центов.

Заседание закрывается в 11 час. 15 мин.

[1] — атеистическая организация, основанная радикальными немецкими эмигрантами в Нью-Йорке в 1866 году. *Н. Р.*

СПИСОК

членов Коммунистического клуба в Нью-Йорке[1]

	Name	*Geschäftslocal*	*Wohnung*
1.	A(lbert) Komp (Альберт Комп)	44, Exchange Place	[17, Ludlow St., 217, Christie] [Hoboken *] 143, M *
2.	F(riedrich) A(dolf) Sorge (Фридрих Адольф Зорге), Musiklehrer	—	110, Washington Str. [2, Steadow Str. Hoboken]
3.	A. Lange (А. Ланге)	206, William Str.	Hoboken, Bloom *
4.	Friedrich Kamm (Фридрих Камм)	214, Front St.	35, Essex St.
5.	Fritz Jacobi (Фриц Якоби), Vergolder	William Str., 206	Francfort, 29 i. d. *

[1] Каждый член Клуба собственноручно записывал в этом списке свою фамилию и адрес. Из протокольной книги видно, что в публикуемом списке указаны фамилии не всех членов Клуба. Список занимает две (3-ю и 4-ю) страницы протокольной книги. Слова, вычеркнутые в оригинале, помещены здесь в квадратные скобки. Места, написанные в оригинале неразборчиво, отмечены звездочкой. В круглых скобках дается русская транскрипция фамилий и имен; последние, если их удалось установить, приводятся на языке оригинала полностью также в круглых скобках *Н. Р.*

Name	*Geschäftslocal*	*Wohnung*
6. Julius I. Livingston (Юлиус И. Ливингстон)	31, Avenue D	31, Avenue D, N. Y.
7. J(acob) Meyer (Якоб Мейер)	112, Chambers Str.	127, Chrystie Str.
8. P. Stoppelbein (П. Штоппельбейн)	10, Catherine Str.	[65, Division St.]
9. John Finzel (Джон Финцель)	214, Canal	resp. 148, Fulton [Basement]
10. Julius Montzheimer (Юлиус Монцхеймер)	75, Chambers Str.	127, Chrystie Str.
11. [P. S. Hartzheim] (П. С. Харцхейм	ausgetreten 15.XI.57. [72, Duane Str.]	[72, Duane Str.]
12. Bernh(ardt) Flach (Бернхардт Флах)	[186, 37th St.]	[224, 226, 37th]
13. Lyman W. Cease (Лайман У. Сиз)[1]	115, Nassau St.	25, E. Broadway
14. Adam Fritz (Адам Фриц)	67, Norfolk St.	101, Cannon St.
15. Charles Schlund (Чарлз Шлунд)	343, 8th Avenue	388, 8th Avenue
16. Ferdinand Traud (Фердинанд Трауд)		67, Ave. A.

[1] В протоколе второго заседания Клуба 1 ноября 1857 г. дается иная транскрипция этого имени — Caze (Кейз). *Н. Р.*

Name	*Geschäftslocal*	*Wohnung*
17. [Max Cohnheim] (Макс Конхейм)	[150, Broadway] laut Beschluß vom 27. September 1867 ausgestoßen	[142 1/2, East Broadway]
18. Rudolph Rosa [Рудольф Роза]	95, Beaver Street	78, Union Av. William *
19. Heinrich Wall (Генрих Валль)		Norfolk, № 99
20. H. Petsch (Г. Печ)	[67, Forsyth Str.]	67, Forsyth Str.
21. F(riedrich) Ruschhaupt (Фридрих Рушхаупт)	[71, Hobok] 6.XII.1857. abgereist in die commun. Schweden. Bishop Hill, Henri Conaty, Illinois. April [18]58 wiedergekommen	
22. Albert Pet[er] Armbruster (Альберт Петер Армбрустер)	67, Norfolk St.	67, Norfolk St.
23. Lewis Schifflin (Людвиг Шифflин)	14, Platt	65, East Broadway
24. W(ilhelm) Stoppelbein (Вильгельм Штоппельбейн)		106, Reade St.
25. F. Henes (Ф. Хенес)	18, Liberty St.	18, Liberty St.
26. Th. Reich (Т. Рейх)	Reade St. *	69, Pitt St.
27. E. O. Wigand (Э. О. Виганд)	106, Water St.	264, William
28. Emil Sigel (Эмиль Зигель)	77, Nassau St.	136, Forsyth St.
29 Alois Tilbach (Алоиз Тильбах)	49, Liberty St.	198, Rivington St.

Name	*Geschäftslocal*	*Wohnung*
30. P. Anton Armbruster (П. Антон Армбрустер)	175, Elisabeth St.	
31. Ph. Adam Seel (Ф. Адам Зеель)	160, William St.	146, Duane St. 28, Beach *
32. Heinrich Kupper (Генрих Куппер)	[88, Norfolk St.]	[88, Norfolk St.]
33. Catharina Kamm (Катарина Камм)		35, Essex Str.
34. Emil Apfelbaum (Эмиль Апфельбаум)	New York	
35. Wilhelmina Finzel (Вильгельмина Финцель)		214, Canal St.

Januar 1858

Unterschriften neuer Mitglieder des Com. Clubs.

36. Wilhelmina Fritz (Вильгельмина Фриц)
37. Charlotte Schlund (Шарлотта Шлунд)
38. Lina Wollenberger (Лина Волленбергер)
39. Küpper (Кюппер) 11 Str. № 23 btw. Av. B. a. C.
40. Louis Kupper (Луи Куппер) Avenue B. № 171
41. Christian Burkhardt (Христиан Буркхардт) Mulberry Str., 229
42. August Marx (Август Маркс) № 171, Av. B, removed 325, 10th St.
43. Adolph Ohswaldt (Адольф Освальд) № 89, Chrystie Str.
44. August Lippold (Август Липпольд) № 42 1/2, Norfolk St.
45. * Petsch (Печ)

46. Henry E. Faber (Генри Э. Фабер) № 9, Avenue D.
47. Madame Petsch (г-жа Печ)
48. Mad. Reinhardt (г-жа Рейнхардт)
49. Leon Loebell (Леон Лёбелль)
(50.) (Heinrich Otto Exenmann) (Генрих Отто Экзенман) [167, E 13th St.]
51. Friedrich Materne (Фридрих Матерне) 70, Delancey Str. 27 *
52. Edmund F. Ignaz Koch (Эдмунд Ф. Игнац Кох) 106, Franklin St.
53. Christian Binniker (Христиан Бинникер) № 232, Division Str.
54. T. Kralinger (Т. Кралингер) [neue Bowery № 7] 195, Allen St.
55. Hirzel (Хирцель)
56. Theodor E. Heidenfeld (Теодор Э. Хейденфельд) 121, 10th Str.
57. Charlotte Heidenfeld (Шарлотта Хейденфельд)
58. Sigfried Meyer (Зигфрид Мейер) (box 101, Hoboken, N. Y.)[1]
59. Conrad Carl (Конрад Карл) 101, Forsyth Str.
60. W(ilhelm) Weber (Вильгельм Вебер) 594, 8th Ave. 689
61. P. C. Roedel (П. К. Рёдель) 209, Mercer Str. ([704], 689, Broadway)[1]
62. F. W. Graf (Ф. В. Граф) 6, 2d Street

[1] Круглые скобки даны в оригинале. *Н. Р.*

СПИСОК КНИГ И ЖУРНАЛОВ,

принадлежащих Коммунистическому клубу или предоставленных в его распоряжение[1]

1.	Reise nach Icarien von *E. Cabet*, deutsch v. Dr. Wendell. Hippster. Paris [18]48.	Bg. Tilbach
2.	Revue Icarienne. *E. Cabet*. franz. Nr. 5 pr. 1855; Nr. *2.11.12 pr.* [18]56; Nr. 4.5 pr. [18]57.— Nauvoo	dt. dt.
3.	Der Communist v. *E. Cabet*. Nr. 9 pr. [18]52.— Jahrg. [18]53.54.55.— Nauvoo Illin.	dt. dt.
4.	Der Humanist von *H. Loose*. pr. [18]53. Juni — October. Milwaukee.	dt. dt.
5.	Die *Natur* v. Dr. * u. *Dr. Müller*. Halle. 20 Nr. v. Januar — Mai [18]57.	dt. dt.
6.	Naturwissenschaftliches Litteraturblatt *(Blg. z. Natur)* 6 Nr. Jan. — Juni [18]57.	dt. dt.
7.	Republic d. Arbeiter. v. *W. Weitling*. Jahrg. 1850. 51.52.53.54— Juli 55.	dt. dt.
8.	Garantien der Harmonie u. Freiheit. v. *Wilh. Weitling*. 3. Aufl. Hambg. [18]49.	dt. dt.
9.	Die Sclavenfrage. von *Fr. Kapp*. New York [18]54.	Jacobi
10.	D. Westphälische Dampfboot. *Dr. Otto Lüning*. Bielefeld. Jahrg. [18]45 u. pr. 46 Jan. Feb. März. Dezemb.	Komp

[1] Список книг написан на двух страницах (142 и 143) протокольной книги. Места, в оригинале неразборчивые, отмечены звездочкой. *Н. Р.*

11. 30 Kriegsartikel v. *Carl Heinzen*. Neustadt. dt.
12. 18-te Brumaire d. Louis Napoleon v. *Carl Marx*. New York [18]52 1. u. 2. Heft der «Revolution» v. *Weydemeyer*. dt.
13. 2 Gedichte v. *Ferd. Freiligrath* 1. u. 2. Heft der «Revolution» v. *Weydemeyer*. dt.
14. 2 Reden ueber d. Freihandel u. Schutzzollfrage v. *Carl Marx*. Hamm. 1848. * d. Fr. v. *J. Weydemeyer*[1]. dt.
15. Menschenschöpfung u. Seelensubstanz von *R. Wagner*. Göttingen. [18]54. dt.
16. Ueber Wissen u. Glauben von *R. Wagner*. dt.
17. Naturwissenschaft u. Bibel von *Andr. Wagner*. Stuttgart [18]55. dt.
18. Koehlerglaube u. Wissenschaft v. *Carl Vogt*. 4. Aufl. Giessen [18]56. dt.
19. Manual of Political Economy by *G. Vale*. N. York. 1841. Nr. 1—5. dt.
20. Die Väter unsrer Republic von *H. Kriege*. N. York [18]47. 3 Hefte. *Franclin* u. *Th. Payne* u. *Payne's* *. dt.
21. *Blanchard's* Bulletin to independent Thinkers. Nr. 9. dt.
22. The New Crisis or our Deliverance from priestly fraud, politic. charlatan. N. Y. [18]57. dt.
23. Dies Buch gehört dem Volke, von Dr. *O. Lüning*. Bielefeld. 1845. Club
24. Kraft und Stoff von Dr. *Louis Büchner*. Francfurt a/M 1858. 5. Aufl. Club
25. Kreislauf d. Lebens, von *Jac. Moleschott*. Mainz. [18]57. 3. Aufl. Club
26. *Georg Forster* der Naturforscher d. Volkes. Von *Jac. Moleschott*. Francf. [18]57. Club
27. Das Wesen der Religion, von L. Feuerbach. 2. Aufl. Leipzig. [18]49. Club
28. *H. Heine's* sämmtliche Werke. 6 Bde. Philadelphia. 1855. Jacobi

[1] В списке книг, составленном 1 ноября 1859 г., кроме этих произведений Маркса, указаны еще «Нищета философии», «К критике политической экономии», «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса. *Н. Р.*

29. *Schiller's* sämmtliche Werke. 2 Bde. Stuttgart. Cotta. 1855. Apfelbaum
30. *Goethe's* sämmtliche Werke. 6 Bde. Stuttgart. Cotta. 1854. Apfelbaum
31. *Struve's* Geschichte der alten Welt. 1852. New York. 1. Bd. Lange
32. *Struve's* Geschichte des Mittelalters 1854. New York. 2. Bd. Lange
33. *Struve's* Geschichte der Neuzeit. I. Buch v. 1517 bis 1648. New York. 1856. Lange
34. *Freiligrath's* Gedichte. Stuttgart 1852. 13. Aufl. Lange
35. D. Königthum, d. Republic u. d. Souveränität d. franz. Gesellsch. mit der Febr. Revol. 1848 von *L. Stein.* Lpzg. 1850. Club

Januar 1858

36. Geschichte der Vereinigten Staaten von Dr. *I. A. Spencer.* 2 Th. Jacobi
37. Alex. Humboldt's Kosmos. 4 Th. Stuttgart 1849—58. Montzheimer
38. Comm. Nauvoo. Verschied. Schrift. Illinois 1852. 54. u. 57. Club
39. Die Sonntagsfeier von Proudhon. Ratibor. Komp
40. Geschichte der 10. Jahre. [18]30—40* von L. Blanc. *5 Th.* Cassel. 52. Club
41. Geschichte der 8 Jahre [18]40—48 von E. Regnault. *3 Th.* Cassel. 52. Club
42. *Max. Robespierre's* Schriften u. Reden. A. d. Fr. v. Laponneraye. 2 Th. Cassel [18]52. Club
43. *L. Börne's* Pariser Briefe. 2 Th. New York [18]58. Hausert. Club

ПЕРЕПИСКА С. ДЕ ПАПА С К. МАРКСОМ И ЧЛЕНАМИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА I ИНТЕРНАЦИОНАЛА В ЛОНДОНЕ (1866—1883)

Публикуемые ниже 20 писем бельгийского социалиста Сезара Де Папа в адрес Маркса и членов Генерального Совета в Лондоне (Бессона, Эрмана, Роша, Юнга, Эккариуса) хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Два письма (Марксу от 31 мая и 9 июня 1869 г.) частично были напечатаны в сборнике документов «Базельский конгресс Первого Интернационала», М., 1934, стр. 144—145. Одно письмо (Марксу от 25 апреля 1871 г.) опубликовано в сборнике «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 194—195. Три письма (Г. Юнгу от 7 января 1869 г., Марксу от 31 мая 1869 г. и 1 февраля 1870 г.) опубликованы бельгийским историком Б. Дандуа на языке оригинала (французском) в журнале «Le Mouvement Social», № 62, Janvier-Mars, 1968, pp. 68—70, 72—73, 80—82. Остальные письма публикуются впервые в переводе с французских подлинников.

Публикация подготовлена *А. Е. Коротеевой.*

№ 1

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 14 января 1866 г.

Дорогой гражданин Маркс!

Как я понял, из Вашего письма от 11 текущего месяца, Вы очень недовольны тем, что не получили ответа на свое первое

письмо[1], и считаете это проявлением невоспитанности. Поверьте, гражданин, что если я тотчас же не ответил на Ваше первое письмо, то просто потому, что не считал это дело столь срочным, и подумал, что стоит лучше немного повременить с ответом, чтобы предоставить Вам возможность ознакомиться с результатами воззвания, с которым мы должны обратиться к бельгийским рабочим[2], а также чтобы сообщить Вам об обмене мнениями внутри Бельгийской секции по различным предложениям к повестке дня конгресса[3]. Я должен также сказать Вам, гражданин, что в значительной мере мои многочисленные обязанности (ибо следует учитывать, что я продолжаю совмещать работу в типографии с журналистской деятельностью) явились причиной моего решения отложить ответ на Ваше письмо.

Будьте же так добры, простите мне мою невнимательность и даже нарушение правил поведения.

Бельгийская секция тут ни при чем, дорогой гражданин; и она совсем не хочет иметь никакого другого представителя в Генеральном Совете, она никого не хочет, кроме Вас. Мы знаем, что Вы прежде всего социалист, что в Ваших глазах чистая политика ничего или, по крайней мере, мало значит по сравнению с важностью экономического и социального вопроса; мы знаем, что, как и мы, Вы признаете полумеры, половинчатые реформы лишь в качестве переходных мер и что Вы связываете решение социального вопроса с полным уничтожением паразитизма

[1] Оба упомянутых письма К. Маркса в адрес С. Де Папа не сохранились. *А. К.*

[2] Предложение об обращении с воззванием к бельгийским рабочим было сделано Де Папом на заседании Бельгийской секции 30 декабря 1865 г., он же и сформулировал его текст. «Принимая во внимание, что Товарищество ставит своей главной целью организацию в стране рабочей федерации, в свою очередь действующей совместно с рабочими других стран для установления согласия между всеми членами великой семьи рабочих, для обсуждения и в меру предоставляющейся возможности решения социальной проблемы всеобщего освобождения трудящихся; что общество «Народ», в свою очередь, преследует ту же цель, сформулированную в ее программе; принимая, наконец, во внимание, что необходимо объединить и сконцентрировать силы социалистической демократии, я предлагаю превратить Бельгийскую секцию Международного Товарищества в секцию общества «Народ», предоставив членам вышеназванной секции Интернационала полнейшую независимость в управлении» (ЦПА, ф. 21, ед. хр. 153). Это предложение Де Папа было принято единогласно, напечатано в газете «La Tribune du Peuple», и вскоре последовало объединение секции и рационалистического (атеистического) общества «Народ». Печатный орган общества «Народ» газета «La Tribune du Peuple» стала официальным органом Бельгийской секции Интернационала. Вскоре общество «Народ» растворилось в секции, утратив самостоятельное значение. *А. К.*

[3] Речь идет о первом конгрессе Международного Товарищества, назначенном первоначально на 1865 и перенесенном на 1866 год. *А. К.*

и пауперизма, буржуазии и пролетариата, с уничтожением всех обложений, накладываемых капиталом и собственностью на труд, с великим объединением сельского хозяйства и промышленности, с переходом земли и недвижимого имущества в коллективную собственность. Короче, по всем этим вопросам мы думаем так же, как и Вы (по крайней мере большинство из нас). Кто же лучше, чем Вы, может представлять нас? — Гражданин Лонге в наших глазах очень уважаемый гражданин и для меня лично является другом (передайте, пожалуйста, ему мои сердечные приветствия), но Бельгийская секция не видит целесообразности в том, чтобы заменять Вас гражданином Лонге, который не имеет никаких особых заслуг, кроме того, что прожил, впрочем, так же, как и Вы, некоторое время в Бельгии. Мы горячо желаем, чтобы Вы сохранили за собой функции представителя Бельгийской секции.

Но перейдем к другому. Бельгийская секция численно не выросла; нас здесь все еще 60 членов, не больше; но как Вы, возможно, уже видели, мы предполагаем объединиться с ассоциацией «Народ» и многого ожидаем от этого объединения. «La Tribune du Peuple» является печатным органом вышеназванного общества «Народ», таким образом «Tribune» станет органом Бельгийской секции Интернационала. Вскоре Вы найдете в вышеупомянутой газете воззвание членов Интернационала ко всем бельгийским пролетариям. Кстати, поскольку речь зашла о «Tribune», выходит ли еще «Workman's Advocate»? Мы еще не получили ни одного номера. Из 2-х экземпляров газеты, посылаемых Вам отсюда, один предназначается для «Workman's Advocate», другой — для Вас лично. Не укажете ли Вы нам названия и адреса различных печатных органов швейцарских и немецких секций, чтобы мы могли установить с ними обмен?

В дальнейшем, гражданин, для связи с Вами Бельгийская секция будет использовать «La Tribune du Peuple», во всяком случае, когда надо будет сообщить такие сведения, которые подлежат оглашению. Эти корреспонденции будут в конце газеты под заголовком: «Корреспонденция гражданину М. в Лондоне». Это для Вас. Когда мы будем адресоваться к гражданину Дюпону, представителю французской секции, мы укажем: «Гражданину Д. в Лондоне». Так будет экономнее [1].

Не откажите, гражданин, передать нашему доброму другу Дюпону прилагаемое письмецо. Гражданин Дюпон просил меня

[1] Нам не удалось обнаружить на страницах газеты «La Tribune du Peuple» обещанных Де Папом печатных сообщений в адрес Маркса и Дюпона. По-видимому, в дальнейшем было решено не прибегать к такой форме переписки с Генеральным Советом в Лондоне. *А. К.*

об одном одолжении, которое он рассматривает как личное дело; здесь он найдет ответ.

Вот адрес нашего секретаря-корреспондента: А. Ванденхутен, Набережная Семенсес, 9, Брюссель. Передайте мои поклоны Вашей супруге и Вашим барышням и пожмите за меня руки моим лондонским друзьям.

Сезар Де Пап

№ 2

С. ДЕ ПАП, К. Ф. МЭТЕНС, Б. ДЕЛЕССАЛЬ И П. РОШАР — А. БЕССОНУ

Брюссель, 23 июня 1868 г.

Дорогой гражданин Бессон!

На своем вчерашнем вечернем заседании Центральная секция Интернационала в Бельгии *единогласно* уполномочила нас написать Генеральному Совету, чтобы снять с себя всякую ответственность за помещенную в одной бельгийской социалистической газете («La Cigale») статью, принадлежащую перу члена нашей секции (гражданина Везинье).

Мы сожалеем о том, что были преданы гласности споры, недавно возникшие в Интернационале в Лондоне в связи с предложением провести конгресс не в Брюсселе, а в Лондоне. Вовсе не следует доводить до сведения буржуазии и правительства, что несколько членов Интернационала хоть на одно мгновение заколебались в том, стоит ли созывать конгресс в Брюсселе, и готовы были отступить перед Дон-Кихотом — Бара. Если отчет о заседании Генерального Совета появился в «La Cigale» с его разрешения, мы сожалеем о том, что Совет поступил подобным образом, и говорим, что это было очень неполитично и неосторожно. Если же отчет появился без согласия Генерального Совета, то мы решительно осуждаем гражданина Везинье за этот поступок: никому из членов Товарищества не дозволено разглашать, и особенно в газете, то, что происходит не на публичном, а на закрытом заседании.

Но в статье гражданина Везинье есть и другое, что мы считаем нужным также заклеймить: мы протестуем против инсинуаций в адрес граждан Дюпона и Юнга, людей, которых мы рассматриваем как заслуживающих всяческого уважения, хотя они и внесли предложение, противоречащее нашим желаниям и правильно понятым интересам нашего Международного Товарищества; мы имеем в виду строчки, с которых начинается 1-й столбец на 2-й странице газеты. Впрочем, имеются и другие, также полные озлобления места в адрес этих двух граждан, которые мы не можем извинить.

Если мы сочли себя вынужденными заявить протест против этой статьи, то не потому, что гражданин Везинье писал ее от нашего имени; в сущности, мы могли бы и не вмешиваться; каждый сам несет ответственность за свои поступки.

Если мы протестуем, то для того лишь, чтобы устранить всякую двусмысленность. С одной стороны, гражданин Везинье является членом Бельгийской секции и выступал в Лондоне от нашего имени, с другой стороны, «La Cigale» многими лицами рассматривается как официальный орган Интернационала в Бельгии, и мы считаем своим долгом показать, что мы не только никак не причастны к статье гражданина Везинье, но сожалеем о ней и с полным правом не одобряем ее.

Мы хотим быть справедливыми по отношению к каждому: гражданин Везинье много содействовал своей письменной пропагандой (особенно среди шахтеров) успехам Интернационала в Бельгии; эту письменную пропаганду он энергично продолжает вести, несмотря на свой отъезд. Мы всегда ему будем признательны за это. Но это не основание, чтобы не признавать его ошибки, коль скоро они у него есть, и не сказать об этом открыто всем и ему самому.

Мы просим Вас, дорогой гражданин Бессон, ознакомить с настоящим письмом Генеральный Совет, *и как можно скорее,* чтобы он уведомил об этом присутствующих членов.

Мы намерены также написать небольшой протест в газету «La Cigale» к ближайшему воскресенью. Всего две строчки. Главный редактор обещал поместить его.

Мы уведомили гражданина Везинье «в частном письме» о шагах, предпринятых нашей секцией в связи с его статьей.

Примите, дорогой гражданин, наши горячие поздравления.

Казначей *К. Ф. Мэтенс*
Председательствующий
на заседании 22 июля 1868 г.
П. Рошер

Корреспондент *С. Де Пап*
Секретарь *Б. Делессаль*

P. S. Это письмо вручит Вам Ф. Мэтенс, брат нашего казначея. Этот гражданин, рабочий-механик, отправляется в Англию в поисках работы. Поскольку в Бельгии он пробыл всего несколько дней (хотя он и бельгиец), он еще не член Интернационала, но рассчитывает вступить в него в Лондоне. Мы рекомендуем Вам его.

№ 3

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 14 сентября 1868 г.

Дорогой гражданин Маркс!

Благодарю Вас за присылку Вашего труда «Капитал», который был передан мне нашим другом Дюпоном. Я очень плохо, с большим трудом читаю по-немецки, который, впрочем, понимаю постольку, поскольку этот язык похож на голландский; но я решил изучить немецкий и тогда смогу проштудировать эту работу. В ожидании этого я просил некоторых моих немецких друзей, проживающих в Брюсселе, перевести мне отдельные места, чтобы потом сделать по ним небольшие сообщения для членов Интернационала.

Мой поклон Вашей супруге и всей Вашей семье.

Сердечный привет.

Сезар Де Пап

№ 4

С. ДЕ ПАП, Б. ДЕЛЕССАЛЬ, А. ВАНДЕНХУТЕН — ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ

26 октября 1868 г.

Принимая во внимание, что в адрес Брюссельского конгресса (который согласно Уставу представлял собой общее собрание Международного Товарищества) поступило предложение гражданина Варлена об исключении гражданина Пьера Везинье, оклеветавшего граждан Толена, Фрибура, Варлена, Лимузена, Юнга, Дюпона и Дюпле в различных статьях в газетах «L'Espiegle» и «La Cigale», а также письмо, адресованное из Брюсселя членам Французской секции в Лондоне, в котором вышеупомянутых граждан обзывают бонапартистами, шпионами, интриганами, мошенниками и т. д.;

Принимая во внимание, что конгресс не мог заседать более восьми дней, и все же желая предоставить гражданину Везинье время для приведения доказательств своих обвинений, единогласно решил: 1) Предложить гражданину Везинье в месячный срок представить свои доказательства комиссии, назначенной конгрессом, и в случае отсутствия убедительных доказательств объявить об исключении вышеназванного Везинье. 2) Поручить комиссии, избранной конгрессом, представить доклад по этому делу Брюссельской секции, которая была в свое время уполномочена конгрессом в качестве последней инстанции проголосовать от его имени предложение об исключении;

Принимая во внимание, что гражданин Везинье, хотя он впоследствии и изменил свое мнение, в письме на имя гражданина Ф. Мэтенса формально согласился представить эти доказательства комиссии, назначенной Брюссельским конгрессом, и тем самым признал компетенцию этой комиссии;

Принимая, кроме того, во внимание, что Брюссельской секции незачем спрашивать гражданина Везинье, признает ли он ее компетентность или нет, поскольку в данном деле Брюссельская секция должна рассматриваться не как арбитр или суд чести, уполномоченный разрешать конфликт между враждующими сторонами. В силу голосования самого конгресса секция является продолжением последнего, следовательно, продолжением общего собрания Международного Товарищества по частному вопросу, определенному заранее единогласным решением делегатов секций различных стран, представленных на Брюссельском конгрессе;

Принимая во внимание, что товарищество, собравшееся на общее собрание в лице своих делегатов, имеет право исключить члена, которого оно считает недостойным находиться в его рядах, не требуя от упомянутого члена, чтобы он признал его компетентность в этом, учитывая, что в этом случае товариществу было бы всегда невозможно избавиться от тех, кто утратил право оставаться в его рядах;

Принимая во внимание, что месячный срок, зафиксированный конгрессом, истек;

Принимая во внимание, что гражданин Везинье не только не предъявил обвинительных документов, которыми он якобы располагал, но даже не представил простой копии этих документов. Кроме того, он хотел запугать членов комиссии, назначенной конгрессом, угрожая им опубликованием их биографий в случае, если они примут решение о его исключении;

Принимая, наконец, во внимание, что ввиду отсутствия требуемых доказательств гражданин Везинье должен рассматриваться как клеветник по отношению к семи вышеназванным гражданам, как нанесший тяжкое оскорбление гражданам Варлену, Толену, Дюпле, Юнгу и Дюпону, которые все пятеро являются членами Международного Товарищества;

В силу всего этого Брюссельская секция, уполномоченная конгрессом вынести от его имени решение, единогласно, при нескольких воздержавшихся, проголосовала за исключение вышеназванного Пьера Везинье из различных отделений и секций Международного Товарищества Рабочих, объявив его недостойным состоять в обществе, имеющем основой мораль, справедливость и истину.

Настоящее принято на заседании 26 октября 1868 г. и послано Генеральному Совету в Лондоне корреспондентами Брюссельской секции [1].

Корреспондент	Секретарь	Корреспондент
Сезар Де Пап	*Б. Делессаль*	*Альф. Ванденхутен*

№ 5

С. ДЕ ПАП — Г. ЮНГУ

Брюссель, 7 января 1869 г.

Гражданин Юнг!

В ответ на Ваше письмо от 28 декабря истекшего года генеральный совет бельгийских секций уполномочил меня сообщить Вам, что он полностью одобряет позицию Генерального Совета в Лондоне по отношению к Международному альянсу социалистической демократии.

Еще до получения Вашего заключения мы вынесли в отношении этой новой лиги такое же суждение, как и Вы: мы считаем ее не только бесполезной, но могущей принести вред, поскольку она вызвала бы раскол в Интернационале, который как раз призван сплотить в одно целое все силы пролетариата.

До сих пор Брюссельская секция играла в Бельгии роль *временной* центральной секции. На рождество мы провели съезд делегатов всех секций Бельгии, и на этом съезде был избран генеральный совет из 17 членов для ведения дел федерации бельгийских рабочих. Вы найдете здесь циркуляр, который мы посылаем нашим избирателям [2].

Совсем недавно среди рабочих, членов Интернационала, прошли три стачки: одна в бассейне Шарлеруа среди рабочих шахты Гран Бордиа (смотри «La Tribune du Peuple» за декабрь), одна в Генте и одна в Антверпене. Две первые закончились в нашу пользу, третья не увенчалась успехом. Бастовавшие 80 рабочих-ткачей парусины в Антверпене вынуждены были отступить, потому что им всем грозила замена голландскими рабочими; сорока из них удалось вернуться к старым хозяевам на прежних условиях, а двадцать уже не нашли работы на прежнем месте, так как туда взяли голландских рабочих. Но

[1] На письме дважды проставлена овальная печать: «Международное Товарищество Рабочих. Брюссель». *А. К.*

[2] Циркуляр был напечатан в первом номере газеты «L'Internationale», которая начала выходить с января 1869 г. вместо газеты «La Tribune du Peuple». *А. К.*

нет худа без добра, эти двадцать человек при поддержке секций Интернационала, которые ссудили им средства, трудятся теперь в своем обществе сопротивления, которое на выделенные средства приобрело оборудование и сырье и таким образом основало производственный кооператив для изготовления парусов и корабельных снастей.

В настоящее время только что вспыхнула новая стачка в Вервье среди ткачей: хозяева хотели обязать рабочих в принудительном порядке делать отчисления из своей заработной платы для создания кассы взаимопомощи. Ткачи отказались, говоря, что у них уже есть своя касса взаимопомощи в Интернационале и они предпочитают продолжать вести свои дела самостоятельно; последовало увольнение рабочих хозяином и стачка. К несчастью, возникли беспорядки, вмешалась конная жандармерия, было несколько раненых, из Льежа были направлены войска в Вервье. Стачка продолжается; мы только что послали туда 300 франков взаимообразно для ее поддержки.

В Брюсселе бастуют рабочие-типографы, добиваясь увеличения заработной платы: большинство владельцев типографий уже согласились с требуемым увеличением, это явилось следствием стачки парижских типографов, с которыми наши связаны. В данном случае много типографов стали членами нашей Брюссельской секции, а в ближайшее время союз типографов присоединится коллективно; последний просил уже моральной поддержки Интернационала, на что мы с удовольствием согласились. Присоединение к Ассоциации рабочих-типографов, которые насчитывают в Брюсселе 500 членов и составляют центральную группу бельгийской федерации типографов, будет для нас хорошим пополнением.

Еще два рабочих общества собираются присоединиться к Брюссельской секции: общество красильщиков кожи и общество литейщиков.

Мы должны были в соответствии с решением конгресса послать нашему корреспонденту Бернару *квартальный* отчет, но поскольку генеральный совет был избран только на рождество, мы не смогли этого сделать, таким образом, нам придется послать вам от имени этого совета *полугодовой* отчет за сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, потому что для составления этого общего отчета о положении бельгийских секций мы сами ждем финансового отчета от каждой из этих секций.

Наибольших успехов мы добились в настоящий момент в угольном бассейне Монса (Боринаж): здесь вступают в Интернационал по 1000 рабочих сразу и организуются в общества сопротивления; мы также продолжаем вести пропаганду в угольном бассейне Шарлеруа, Намюра, Лувьера (куда мы в ближайшее

время поедем), Льеже, а также среди рабочего населения Брюгге, Гента, Антверпена, Вервье, валлонского Брабанта. Еще немного времени, и рабочий класс будет полностью организован в Бельгии, и по мере того как мы организуемся, мы обмениваемся сведениями о социальных реформах, которые должны быть проведены. Если во всех странах движение развивается так быстро, как у нас, то мы можем не опасаться, что когда начнется крушение буржуазного общества, движением завладеют адвокаты и краснобаи формальной республики.

Будьте любезны передать прилагаемое другу Бернару: на будущей неделе Ванденхутен должен послать ему в счет предстоящих поступлений 100 франков для Генерального Совета в Лондоне. Привет всем друзьям, с которыми я имел удовольствие познакомиться в Лондоне, Лозанне и Брюсселе.

Преданный Вам

С. Де Пап

№ 6

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 16 февраля 1869 г.

Дорогой гражданин Маркс!

Извините меня. если я ответил Вам не так скоро; хотел написать Вам, лишь переговорив со всеми брюссельскими издателями. Но поскольку у меня в настоящее время много забот (такие, как типография, госпиталь, потому что в настоящий момент в Брюсселе свирепствует эпидемия), все это потребовало некоторого времени.

Если бы только, даже с такой задержкой, я мог сообщить Вам о хорошем результате! Но, увы, я не нашел издателя для Вашей брошюры. Я побывал у Лакруа, Фербекхауена и К°, у Муньяра, Кислинга, Розеса, но все безуспешно. Сожалею, что не могу быть Вам хоть сколько-нибудь полезен в этом деле. Они, правда, согласны издать Ваш труд при условии, что Вы оплатите все расходы по печатанию и т. д., но не хотят приобретать его [1].

В Вашем письме Вы говорите об одной статье в «Cigale», где довольно грубо обходятся с лондонским Генеральным Советом и особенно с Брюссельской секцией. Эта статья принадлежит г-ну Станиславу Шарналю, комедианту (sic!), другу г-на Везинье. Мы не ответили на эту гнусную статью, потому что у нас

[1] Речь идет о попытке издания на французском языке работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». *А. К.*

слишком развито чувство собственного достоинства, чтобы отвечать на подобное сквернословие.

Наконец я обнаружил в Брюсселе Вашу работу «Нищета философии» не в какой-нибудь библиотеке, а в публичной, именуемой Библиотекой Королевского музея. Я ее читал частично во время своей поездки в Лондон, но совсем забыл. Теперь я ее прочел и снова перечел с огромным вниманием. Прудон разбит в ней наголову, от него не осталось ничего. Разумеется, и это я должен Вам сказать, все это не разубедило меня в том, что обменный банк будет не только возможным, но и полезным учреждением. Хотя я далек от того, чтобы рассматривать его как решение социальной проблемы.

Так, я вполне представляю себе, что кооперативные производственные общества могут быть объединены неким учреждением, которое централизует обмен между ними и функционирует, предоставляя кредит без процента, вместо того чтобы извлекать из капитала процент. Точно так, как это делал Кредитный трудовой банк Белюза, только что потерпевший крах в Париже.

Дальше этого мой прудонизм не идет. Ах! Простите, я также приемлю критику Прудоном собственности (1-й и 2-й мемуары), от которой, к несчастью, он впоследствии почти полностью отрекся.

Что касается Вашего труда «Нищета философии», мы предполагаем постепенно перепечатать в нашей газете «Internationale» различные куски оттуда, например о разделении труда, о машинах, о рабочих коалициях и т. д. Разумеется, с указанием, откуда мы это берем. В этой связи я хотел бы спросить Вас: знаете ли Вы, что среди нас еще много ортодоксальных прудонистов (редакторы «La Liberté», например, по крайней мере большинство из них). Даже те, кто, подобно мне, начали более или менее депрудонизироваться, тем не менее питают к Прудону большое уважение. Короче, в Вашей книге имеется несколько мест, проникнутых едкой иронией по отношению к Прудону, которые оправданы тогдашней полемикой и которые было бы (по моему мнению) полезно и удобно опустить ныне. Речь попросту будет идти о том, чтобы нам было позволено опустить эти места, когда подойдем к ним, продолжая Вашу аргументацию или Ваше изложение? Именно для того, чтобы сделать более приемлемой Вашу идею для некоторых фанатиков Пьера-Жозефа, я прошу Вас сделать нам эту небольшую уступку. Если Вы не ответите мне, буду считать, что Вы согласны в соответствии с пословицей: молчание — знак согласия.

Могу ли я просить Вас оказать нам услугу, поручив Лафаргу, Эккариусу или кому-нибудь еще из наших друзей посылать

нам (федеральному совету бельгийских секций) время от времени небольшие отчеты о пролетарском движении в Германии, Англии и Соединенных Штатах в форме корреспонденций, адресованных газете «L'Internationale». Совсем не обязательно, чтобы эти корреспонденции были столь же регулярными, частыми и подробными, какими являются корреспонденции Эккариуса в «L'Egalité». Нас удовлетворит гораздо меньшее.

Когда-то мы получали «Bee-Hive», которую Эккариус посылал нам. Прошло вот уже много времени, как мы не получаем больше этой газеты, не перестала ли она выходить?

Я сказал антверпенцам, чтобы они посылали вам свой «Werker». При удобном случае я скажу товарищам из Брюгге, чтобы и они посылали Вам свой «Vooruit!».

Мы хотели бы знать, какие в Англии имеются — помимо «Bee-Hive» и «Social-Economist» — социалистические, кооперативистские или тред-юнионистские и т. д. газеты, с которыми мы могли бы осуществлять обмен. Тоже и относительно немецких демократических газет, потому что до сих пор мы обменивались только с «Vorbote», «Arbeiter» в Базеле и «Demokratisches Wochenblatt» в Лейпциге.— Знаете ли Вы также итальянские или испанские социалистические газеты? — Мы Вас спрашиваем обо всем этом потому, что организовали в Брюсселе читальню, куда наши члены могут приходить по вечерам, чтобы познакомиться с книгами и газетами, которыми мы располагаем.

Передайте мой поклон Вашей супруге и всей Вашей семье и дружеский привет нашим друзьям из Генерального Совета в Лондоне. Не забудьте в числе последних нашего корреспондента Бернара и будьте добры передать ему, что в конце этого месяца он получит наш полугодовой отчет. И не забудьте в особенности Лафарга, которому я должен дать некоторое пояснение: он находит термин compagnon (который мы употребляем здесь обычно в Международном Товариществе) слишком уж средневековым. Я должен сказать ему, что мы говорим безразлично monsieur, citoyen, camarade или compagnon, но все же предпочитаем последнее выражение; от него веет мастерской, трудом, оно больше пристало тем, кто добивается социальной революции в интересах трудящихся. Слово же monsieur слишком аристократично, а слово citoyen слишком напоминает ограниченный характер античного города. Впрочем, в Бельгии рабочие не являются «гражданами» [citoyens], они не имеют никаких политических прав, они в государстве ничто, они не являются его полноправными членами. Добавьте к этому, что слово «гражданин» более или менее утратило свою силу у нас вследствие злоупотребления им великих поборников буржуазной, формальной

республики, а мы не хотим, чтобы нас смешивали с ними. Они хотят республики как формы правления, мы же хотим ее как формы организации общества; для них республика есть цель, для нас же республика — форма той социальной организации, где не будет больше никаких паразитов, то есть не будет ни республиканцев, ни капиталистов и собственников так же, как не будет королей и императоров.

Братский привет. *С. Де Пап*

№ 7

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 31 мая 1869 г.

Дорогой гражданин!

Я передал Лерикену, который ведает экспедицией газеты «L'Internationale», письмо, в котором Вы просите у меня несколько номеров, содержащих воззвание Генерального Совета в Лондоне [1]. Я не знаю, послал ли товарищ Лерикен эти номера, но сегодня вечером я напомню ему об этом.

Что касается воззвания Генерального Совета, то Вы, наверное, заметили, что мы внесли в его перевод два небольших изменения. Нам пришлось так поступить, потому что нас могли бы привлечь к ответственности за то место, где говорится о г-не Пирме и принце Фландрском, а также за то место, где сказано, что министры продали страну французскому правительству. Надеемся, что Вы не истолкуете в дурном смысле эти изменения, поскольку они были необходимы. По правде говоря, нам следовало бы Вам предварительно написать, но это задержало бы выход воззвания.

От имени бельгийских секций мы, правда с большим опозданием, предлагаем добавить два вопроса к порядку дня Базельского конгресса. Нам было трудно сделать это раньше, так как только на съезде бельгийских секций 16—17 сего месяца было решено внести это предложение. Эти два вопроса следующие:

1. Организация правосудия в будущем.

2. Кассы взаимопомощи, их федерация и организация страхового дела вообще.

Кроме того, съезд бельгийских секций постановил поддержать английские секции, если они действительно (как нам передавали) предложили внести в повестку дня Базельского

[1] Речь идет о составленном Марксом воззвании «Бельгийские избиения». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 367—370. *А. К.*

конгресса вопрос о сочетании промышленного и земледельческого труда посредством кооперации.

Этой же почтой посылаю Вам новую фламандскую газету «De Samen-Werking» («Кооперация»), которая издается в Генте.

Уже длительное время мы не получаем «Reynolds» и «National Reformer», мы регулярно получаем «Bee-Hive» и «Social-Economist».

Скажите Бернару, что, поскольку Ванденхутен вчера уехал во Францию, писать следует мне. Разумеется, друг Ванденхутен покинул страну лишь на несколько недель.

Я не пишу непосредственно нашему официальному корреспонденту Бернару только потому, что ввиду отсутствия Ванденхутена не располагаю его адресом.

Мое почтение Вашей супруге и Вашим барышням (если они все еще барышни). Привет всем членам Генерального Совета.

Ваш *Сезар Де Пап*

А вот, для напоминания товарищу Бернару, адрес, по которому мне следует писать: Сезар Де Пап, Фонсни, в Сен-Жиле, Брюссель (Бельгия).

№ 8

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 9 июня 1869 г.

Дорогой гражданин!

Несколько дней тому назад получил от Бернара письмо с вложенной банкнотой в 100 франков. Я должен был уведомить его о получении, так же как и о 50 франках, которые он недавно послал Ванденхутену. Речь идет, разумеется, о второй посылке 50 франков, так как о получении первой Бернар писал мне, что Ванденхутен уведомил его. Так как у меня не было адреса нашего друга Бернара, а Ванденхутен (у которого он имелся) отправился на несколько недель работать во Францию, я прошу Вас передать Бернару прилагаемое письмецо.

Установил ли Генеральный Совет отношения с новой голландской секцией в Амстердаме? Заявили ли члены этой секции о своем присоединении к Генеральному Совету? Если вам еще не написали и если вы собираетесь писать им, вот адрес одного из основателей: г-н Ван Брюссел (редактор газеты «Asmodé»), Амстердам (Нидерланды).

Мы приступаем в Брюссельской секции к обсуждению вопросов, стоящих в повестке дня Базельского конгресса, с тем, чтобы по каждому из них представить доклад. Надеюсь, что лондонский Генеральный Совет или же английские секции

(а может быть и Совет, и секции) также представят в этом году доклады по каждому из этих вопросов. Что касается, в частности, земельной собственности, то я надеюсь, что Вы (либо от имени Генерального Совета, либо от имени немецкой секции в Лондоне, либо от имени английских секций) представите законченный и хорошо обоснованный доклад по этому важному вопросу. Надеюсь, что в этом году у Вас найдется для этого время, несмотря на постоянную занятость Вашим большим трудом — «Капиталом», которая, как Вы мне говорили, помешала Вам подготовить для Брюссельского конгресса доклад по вопросу о собственности. Я знаю, что сторонники индивидуального землевладения, последователи Прудона, тоже намерены представить Базельскому конгрессу доклад, исходящий от парижан, и другой, составленный брюссельскими прудонистами, в которых будет доказываться необходимость частной земельной собственности (как в посмертном труде Прудона, озаглавленном «Теория собственности»), и что оба доклада будут весьма внушительны в научном и философском отношении. Индивидуалисты хотят взять реванш за постановление Брюссельского конгресса, и я очень боюсь, что если на этот раз коллективисты будут поддержаны только брюссельским и руанским докладами, то конгресс, застигнутый врасплох, откажется от выводов, утвержденных в Брюсселе.

Ваш *Сезар Де Пап*

№ 9

С. ДЕ ПАП — М. БЕРНАРУ

[9 июня 1869 г.]

Дорогой Бернар!

Если будешь снова писать мне, не забудь сообщить свой адрес.

Генеральный совет бельгийских секций сообщает о получении от Генерального Совета Международного Товарищества в Лондоне *общей* суммы *всего* в 200 франков, сложившейся из первой посылки в 50 франков, второй — в 50 франков и третьей — в 100 франков по подписке в пользу жертв и заключенных в связи с событиями в Серене и Боринаже в 1869 году.

Брюссель, 9 июня 1869 г.

N.B. В сумму 200 франков входят и те 50 франков, о получении которых Ванденхутен уже уведомил.

По поручению совета бельгийских секций

Корреспондент для заграницы

С. Де Пап

P. S. Альфонс[1] все еще находится в Фурми, вот почему, не имея твоего адреса, я вынужден послать данное письмо через гражданина Карла Маркса.

Остаюсь твой, привет Дюпону и Юнгу и другим членам Генерального Совета.

* * *

Напоминаю тебе, что бельгийские секции просят включить в порядок дня Базельского конгресса следующие вопросы. Сообщи об этом Генеральному Совету в Лондоне.

1. Организация правосудия в будущем.

2. Кассы взаимопомощи, их федерация и организация страхования вообще.

И еще, если следующий вопрос выдвинут англичанами, бельгийцы поддерживают его: о сочетании с помощью кооперации промышленного труда с трудом садоводческим и сельскохозяйственным[2].

№ 10

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 13 ноября 1869 г.

Дорогой гражданин Маркс!

Благодарю Вас за присылку Вашей книги «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта». Я не знаю немецкого языка, но благодаря моему фламандскому языку и с помощью словаря я могу довольно хорошо понимать Вашу брошюру. К сожалению, я не могу этого сказать о Вашем великом труде «Капитале», в котором я не понял ничего. Следовательно, я с нетерпением жду французского перевода. Из статьи Поля Лафарга в парижской «Travail» я узнал, что этот перевод появится в начале следующего года. Тем лучше.

Что касается меня, то я все более *депрудонизируюсь*, по правде говоря, я уже больше не прудонист; впрочем, я был им всегда со значительными оговорками, особенно в отношении земельной собственности, стачек и *тред-юнионов* и т. д. и т. п.

Решение Базельского конгресса о земельной собственности взбесило буржуа, не исключая *мелкобуржуазной* школы французских и бельгийских прудонистов; брюссельская «Liberté» (Вы получаете ее в Лондоне?) ведет в настоящее время

[1] — Ванденхутен. *А. К.*

[2] На обороте адрес: «М. Бернару, маляру, корреспонденту для Бельгии». *А. К.*

[3] Данное письмо Де Папа было оглашено Марксом на заседании Генерального Совета 16 ноября 1869 г. (см. «Генеральный Совет Первого Интернационала, 1868—1870». М., 1964, стр. 122). *А. К.*

полемику против нас по этому вопросу, которой, кажется, не видно конца. Здесь все трудящиеся являются коммунистами, хотя многие из них не любят этого слова (несомненно, из-за бабувистского и икарийского прошлого, которое помнят) и принимают новое слово *коллективизм*. Для меня эти слова равнозначны: название не меняет сути дела. Среди нас есть несколько адвокатов и журналистов, которые являются социалистами-индивидуалистами (два слова, которые, как они считают, неразрывны).

Теперь о другом. Это предназначено для сообщения Генеральному Совету. Я уполномочен Федеральным советом бельгийских секций написать Вам для передачи Генеральному Совету в Лондоне и узнать следующие сведения:

1. Известно ли ему, что стало с вашим корреспондентом (или экс-корреспондентом) маляром Бернаром? Посещает ли он заседания Совета?

2. Правда ли, что Бернар все еще держит у себя деньги, собранные для бельгийцев, жертв избиений в Серене? Можно ли узнать, каков размер суммы, удерживаемой до сих пор Бернаром, и как получить ее?

(N. B. Мы получили из Лондона по вышеупомянутой подписке всего 200 франков).

3. Если Бернар не посещает ваши заседания и, следовательно, не выполняет своих обязанностей, не может ли Генеральный Совет сам назначить вместо Бернара нового корреспондента?

* * *

Гражданин Маркс!

Само собой разумеется, что если Бернар посещает заседания и не задерживал деньги по подписке, то все, что я Вам только что написал, не подлежит разглашению.

Наш поклон Вашей семье, всем членам Генерального Совета, всем собратьям.

С. Д. Пап

Рю де Терр Нов, 47, Брюссель

№ 11

С. ДЕ ПАП — Г. ЭККАРИУСУ

Брюссель, 22 ноября 1869 г.

Дорогой Эккариус!

Вы помните, что бельгийские секции были уполномочены Брюссельским конгрессом в 1868 г. довести до конца дело Везинье. Вы также помните, мы почти единогласно постановили, что вышеуказанный Везинье должен быть исключен из всех

отделений Интернационала за клевету в адрес граждан Варлена, Толена, Фрибура, Лимузена, Юнга, Дюпона и Дюпле. Мы послали в Лондон, Генеральному Совету, мотивировки нашего решения, а здесь у нас осталась лишь копия, находящаяся в распоряжении бельгийского *правосудия*.

Нельзя ли послать Лимузену в Париж копию, которую он у нас просит? Мы прилагаем здесь письмо, с которым к нам обращается Лимузен, чтобы получить эту копию.

Я прошу Вас сообщить об этом Генеральному Совету и прежде всего Юнгу и Дюпону.

Мы пустили здесь подписные листы в пользу бастующих рабочих Парижа и прядильщиков Руана. Наши рабочие из Вервье (текстильщики) послали около 200 франков в Руан, а мы, в Брюсселе, в воскресенье отправили через Варлена первую сумму в 500 франков для парижских рабочих.

Некоторое время тому назад я написал письмо Марксу, которое он, наверное, показал Вам.

Видел ли гражданин Маркс, как расценивает его «Капитал» журнал под названием «La Philosophie positive», издаваемый раз в два месяца в Париже. Смотри «La Philosophie positive», сентябрь — октябрь, статья г-на Роберти об экономических законах. Согласно этому журналу Карла Маркса можно считать одним из учеников Прудона!!!

Привет всем друзьям.

Ваш *С. Де Пап*

№ 12

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 1 февраля 1870 г.[1]

Дорогой гражданин Маркс!

Письмо Гинса в адрес Степни по поводу Вашего письма является сугубо личным и написано без ведома Бельгийского совета, который, впрочем, не видит в нем ничего особенного. В качестве моего коллеги Ванденхутен должен был написать гражданину Серрайе, что Бельгийский совет единогласно одобрил письмо и позицию Генерального Совета в деле Романской Швейцарии и особенно в деле с «Egalité».

Правда, для тех, кто знает Бакунина лично (например для Брисме, Гинса и меня), они кажутся несколько суровыми по отношению к этому гражданину и несколько преувеличенными в оценке личных побудительных причин, которые Вы приписы-

[1] Данное письмо Де Папа является ответом на письмо Маркса от 24 января 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 534—537). *А. К.*

ваете ему. Именно в этом заключается разница в оценке характера человека, который кажется вам заслуживающим самой незавидной оценки, но которого мы уважаем, несмотря на некоторые идейные ошибки и допущенные им несколько необдуманные действия. Впрочем, довольно: эта разница в оценке данного человека не мешает нам одобрить позицию Генерального Совета по отношению к нему, к его друзьям Перрону, Робену, Беккеру, Броссе, Геггу и т. д., хотя, несмотря на это, мы все равно считаем их преданными друзьями, прекрасными гражданами, искренними социалистами.

Излишне говорить Вам, что в том, как изображают в Англии бельгийскую земельную собственность и, в частности, в изображении положения крестьян в наших провинциях, нет ни слова правды. Я с готовностью назову Вам важнейшие работы, где Вы найдете сведения о состоянии сельского хозяйства в нашей стране:

1) Отчет о положении королевства, в 3-х томах, с 1850 по 1860 гг. (в первом томе смотрите статью «Территория»; в 3-м томе смотрите раздел IV: «Сельское хозяйство»).

N. B. Отчет королевства за период 1860—1870 гг. еще не вышел в свет.

2) Сельское хозяйство. Общая перепись от 31 декабря 1856 г., опубликованная Министерством внутренних дел.

3) То же. Перепись 1846 г.

4) Дюкпетье. Экономический бюджет рабочего класса (та часть, где речь идет о сельскохозяйственных рабочих).

5) Поггендорф. «Бельгийское сельское хозяйство».

6) Ле Докт. «Об улучшении культуры в Бельгии».

7) Кервин. «Замечания о фламандском сельском хозяйстве».

8) Ежегодные доклады Центральной сельскохозяйственной комиссии (и Высшего сельскохозяйственного совета).

9) Серия «Сельскохозяйственных ежегодников» (выпускаемая ежегодно в «Сельскохозяйственном издательстве» г-ном Тарлье в Брюсселе).

10) Комплект «Сельскохозяйственной газеты провинции Брабант».

11) Лавеле. «Исследование о сельской экономике Бельгии».

Появился ли уже французский перевод Вашего «Капитала», объявленный Лафаргом в статье в парижской «Travail»?

Я, разумеется, говорю о первом томе, потому что другие еще не готовы, как я вижу из Вашего письма.— Как только появится французский перевод, не будете ли любезны (Вы или кто-либо из наших друзей, Эккариус, например) уведомить меня об этом, чтобы я приобрел его и изучил несколько лучше, чем позволило мне немецкое издание.

Видели ли Вы оценку Вашего труда в журнале «La Philosophie positive» (Литтре и Вырубов)? Есть на что ответить. Если ответ Вами уже сделан, то я очень прошу Вас познакомить меня с ним на этих днях, когда Вы будете писать нам. Я спрашиваю Вас об этой подробности потому, что испытываю сильное желание опровергнуть статью этого позитивистского журнала.

Примите мой искренний привет.

С. Де Пап

P. S. Мы написали голландцам в Амстердам и Роттердам, чтобы они обращались непосредственно и регулярно в Генеральный Совет в Лондоне. Впрочем, я скоро рассчитываю увидеть многих из них на голландско-фламандском рабочем съезде, который состоится в Антверпене.

Официально для Генерального Совета в Лондоне: в своем письме к Степни Гинс писал кое-что, носящее совершенно официальный характер, а именно: присоединения к Интернационалу рабочих Реймса в Шампани. Эти рабочие, среди которых несколько бельгийцев и люксембуржцев, но большинство — французы, предложили присоединиться к Бельгийской федерации; мы же считаем, что им было бы неплохо присоединиться непосредственно к Генеральному Совету в Лондоне. Что думает об этом Генеральный Совет? Пожалуйста, пусть ответит наш корреспондент Серрайе. Согласны ли они?

Кстати, передайте мой братский привет этому гражданину, который изъявил согласие выполнять обязанности нашего представителя в Лондоне. Пусть он извинит меня за то, что прибегаю к Вашему посредничеству, испрашивая ответ Генерального Совета: я обращаюсь к Вам, а не к нему, только для того, чтобы одним ударом убить двух зайцев.

Сердечный привет

№ 13

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 25 апреля 1871 г.

Дорогой гражданин Маркс!

Я давно собирался написать Вам, но до сих пор события, которые произошли в моей личной жизни, мешали мне. Я имею в виду свое отсутствие из-за службы в армии в качестве медика, а затем смерть моей жены и потрясение, которое эта смерть вызвала в моей семье.

С того времени, как я Вам писал, произошли серьезные события: война и падение бонапартистской империи, провозглашение республики во Франции, заключение в тюрьму немецких

социалистов, наконец, провозглашение Коммуны в Париже и приход пролетариата к власти в этом городе! К чему все это приведет?

Новое подавление республиканцев-социалистов, новая реакция, как и после июньских дней?... Или эта парижская революция явится прелюдией великой всемирной социальной революции?

Что касается парижских рабочих, то мы намерены предпринять здесь в Бельгии меры, которые следовало бы распространить на страны, где существуют секции Международного Товарищества: Бельгийский федеральный совет Интернационала намерен выступить в Бельгии с инициативой подписки в пользу парижских корпораций. Вот анкета, которую мы приняли для этой подписки: «Мы открываем подписку в пользу парижских корпораций, которых война между Францией и Германией лишила работы в течение почти целого года.

Призывы к филантропии были уже сделаны; поддержка нашлась для деревенских жителей, но для промышленных рабочих — *ничего,* абсолютно ничего не предпринималось.

Именно нам, промышленным рабочим, следует восполнить этот пробел и доказать, что если крестьяне заслуживают симпатии, парижские рабочие, больше всего пострадавшие в наши дни, заслуживают не меньших симпатий.

Мы считаем полезным и справедливым напомнить здесь, что международную солидарность лучше всего проявляли именно члены парижских корпораций, которые никогда не оставались безучастными к призывам о помощи.

Не забудем, что парижские пролетарии всегда приходили на помощь своим братьям из других стран, во время стачек в Женеве и Базеле, избиений в Серене и Боринаже, а также во время различных промышленных забастовок в разных частях Германии».

Чтобы во весь голос заявить о нашей солидарности с парижскими пролетариями, мы считаем, что было бы полезно, чтобы подобные меры были приняты во всех странах, и мы предлагаем Генеральному Совету в Лондоне приложить максимальные усилия в этом направлении.

Мы с удовольствием прочитали в женевской «Egalité» Ваш ответ по поводу апокрифического письма, приписываемого Вам и дезавуирующего парижское движение [1]. Этот факт (апокри-

[1] Парижская полицейская газета «Paris Journal» опубликовала 19 марта 1871 г. письмо, якобы подписанное Марксом, в котором содержалась провокационная версия об исключении немцев из секций Интернационала в Париже. Маркс опроверг эту фальшивку в заявлении Генерального Совета в редакцию «Times» и других газет (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 299—303). *А. К.*

фическое письмо) был опубликован здесь всеми нашими буржуазными газетами под заголовком: «Письмо Верховного главы Интернационала» (почему бы тогда не Великий лама или непогрешимый папа?)

— Я должен добавить, что когда мы прочитали о вышеупомянутом факте, то сразу же сказали: невозможно, чтобы это исходило от Вас.

Передаю Вам данное письмо через одного из наших общих друзей, члена парижской секции Терн гражданина Лаврова; его прекрасный характер, исключительные познания и великую преданность, Интернационалу в частности и социальному прогрессу вообще, мы смогли оценить во время его более раннего пребывания в Бельгии.

Ваш *С. Д. Пап*

P. S. Я остался один в качестве корреспондента Бельгийского совета с Генеральным Советом в Лондоне; гражданин Ванденхутен не только не является больше членом Бельгийского совета, но даже исключен из Брюссельской секции вместе с гражданином Краузье из-за их поведения в присоединившемся к Интернационалу потребительском обществе «Фурми» [1].

№ 14

С. ДЕ ПАП — А. ЭРМАНУ

Брюссель, 23 августа 1871 г.

Товарищ Эрман!

На чрезвычайном собрании бельгийского генерального совета, имевшем место вчера, я был уполномочен написать Вам следующее сообщение, с просьбой передать его Генеральному Совету в Лондоне [2].

[1. Бельгийский совет выражает свое удивление, я бы даже сказал неудовольствие тем, что Генеральный Совет в Лондоне послал в Бельгию в связи с делом механиков Ньюкасла делегата, не посоветовавшись с нами заранее о том, полезно ли это и не лучше ли было нам самим встретиться с бельгийскими механиками, а не английскому делегату, немеханику и не говорящему ни на одном из двух языков страны].

[1] На обороте адрес: «Д-ру Марксу, Модена Виллас, Майтленд парк, Хаверсток хилл, Лондон», а также надпись рукой Ф Энгельса: «Брюссель, 25 апреля 1871, С. Де Пап». *А. К.*

[2] Следующий ниже пункт 1 в оригинале письма перечеркнут. *А. К.*

2. Кроме того, Бельгийский совет выражает свое неудовольствие образом действия вышеупомянутого делегата по отношению к *членам Интернационала* в Брюсселе. Вместо того чтобы непосредственно встретиться с нами (он уже был знаком с нами со времени Брюссельского конгресса), гражданин Кон встретился здесь с секретарем сигарочников Брюсселя, одним из самых озлобленных противников Международного Товарищества Рабочих. Гражданин Кон, вероятно, должен был согласовать с сигарочниками вопросы производственного или профессионального порядка, но является ли это достаточным основанием для того, чтобы находиться исключительно в этой среде, мало благоприятной для Интернационала, поскольку брюссельское общество сигарочников так и не захотело присоединиться к Интернационалу даже после получения от него помощи во время последней стачки; секретарем же этого общества является господин Робин, человек, который в пределах своего общества угрожает выбросить на улицу членов, слишком доброжелательно говорящих об Интернационале.

Правда, гражданин Кон утверждает, что был плохо принят Брюссельской секцией. Если он так думает, то этот гражданин не знает ни наших нравов, ни наших обычаев. Мы ему по-братски пожали руку; он немедленно получил слово, чтобы объяснить свою миссию; языковая трудность (никто из нас не *говорит* по-английски) помешала нам объясниться с ним по душам, как бы нам хотелось, вот и все. Кроме того, возможно, что гражданин Кон принял на свой счет неблагоприятное впечатление, которое произвел на нас тот факт, что привел его к нам г-н Робин; ибо именно г-н Робин пришел в Брюссельскую секцию, чтобы представить нам своего друга Кона в разгар нашего собрания и вызвал какие-то споры, в которых Кон, вероятно, ничего не понял.

Таковы, в общем, замечания, которые Бельгийский совет уполномочил меня направить Вам для сообщения лондонскому Генеральному Совету.

Вчера мы решили, что Бельгийский совет пошлет одного делегата на Лондонскую конференцию и призовет провинциальные федерации секций также послать делегатов.

Примите наш братский привет.

По поручению Бельгийского генерального совета.

Корреспондент для заграницы *С. Де Пап*

P. S. Я забыл сказать Вам, что, как нас уверяют, гражданин Кон покинул Бельгию. Мы не знаем, правда ли это, потому что он нас так и не посетил ни по прибытии, ни в связи с отъездом. Мы видели его всего два раза: один раз в Брюссельской секции,

другой раз на митинге, организованном Обществом механиков. присоединившимся к Интернационалу.

Вот мой адрес: С. Де Пап, интерн при госпитале Сен-Жан в Брюсселе. Я прошу тебя, товарищ Эрман, послать при случае на этот адрес номера газеты «Bee-Hive», которую мне посылали на адрес Брисме; этим путем я ее получу скорее, потому что с тех пор, как я изучил английский язык, чтение «Bee-Hive» меня очень интересует [1].

№ 15

С. ДЕ ПАП — А. РОША

Брюссель, 27 ноября 1871 г.

Дорогой Роша!

Я зачитал Ваше письмо на заседании Бельгийского федерального совета в субботу вечером. Мне поручено ответить Вам.

Вы находите странным, говорите Вы, поведение Бельгийского федерального совета, который в своей газете «L'Internationale» не публикует ни резолюции конференции, ни сообщения Генерального Совета, а с другой стороны, в своих передовых статьях помещает извлечения из газеты «La Révolution sociale», о которой дает хвалебный отзыв.

Действительно, мы понимаем, и мы должны это со всей искренностью признать, что наш способ действия должен показаться Вам крайне странным, даже подозрительным. Однако я могу заверить Вас, что из этого не следует заключать, будто это происходит в результате какой-то принятой нами линии поведения. Это скорее случайно, чем предумышленно и последовательно; Вы это сейчас увидите. В Вашем упреке содержится, собственно, два упрека:

1. Не напечатаны в нашей газете присланные Генеральным Советом печатные материалы.

2. Напечатаны, с одобрением, извлечения из женевской «La Révolution sociale».

Перехожу к разбору этих двух упреков.

1. Со времени конференции мы получили от Генерального Совета лишь два сообщения — одно касалось дела Нечаева, а второе состоит из резолюций Лондонской конференции. Так вот, откровенно говоря, Бельгийский федеральный совет спрашивал себя, предназначаются ли оба эти документа для публики или же только для рассылки провинциальным секциям? В частности, что касается второго документа, то есть резолюций конференции, мы считали, что там есть такие статьи, которые

[1] На обороте надпись. «Товарищу Эрману». *А. К.*

желательно было бы не разглашать, и мы даже думали, что опубликование их только для сведения секций весьма рискованно, потому что это всегда кончается тем, что напечатанное попадает во враждебные руки и прежде всего в руки агентов правительства. Такой является, в частности, резолюция, касающаяся стран, где регулярные организации Интернационала преследуются правительствами. Предоставляя возможность этим правительствам узнать, что тот или иной кружок рабочих, не носящий названия секций Интернационала, однако присоединяется к нему под другим названием, не обрекают ли эти группы на преследования и судебные приговоры? В таком случае разве публикация этой резолюции не наносит вреда тому делу, которому она служит?

Вот почему имела место задержка с опубликованием резолюций конференции в газете «L'Internationale».

2. Что касается второго пункта, то гражданин Стеенс, который делает политический бюллетень в «L'Internationale», заявляет, что, заимствуя из женевской «La Révolution sociale» отрывок статьи, он не имел никакого намерения выразить недоброжелательство по отношению к Генеральному Совету; цитированные строчки, говорит он, превосходны, и почему бы мне не воспроизвести их; это отнюдь не предполагает одобрения ни следующей статьи (которая, впрочем, была, возможно, написана другим сотрудником), ни даже одобрения других нецитированных мест той же самой статьи.

* * *

Брюссель, 8 декабря 1871 г.

Дорогой Роша!

Та часть моего письма, которую Вы только что прочли, написана вот уже 10 дней. Я не продолжил ее потому, что нам в Брюсселе предстояло несколько заседаний, о которых я должен был дать тебе отчет. Целью этих заседаний было: 1) Обсудить позицию, которой нам следует придерживаться в конфликте, возникшем в Международном Товариществе Рабочих в Швейцарии и Лондоне. 2) Определить число экземпляров нового издания Общего Устава, которое нам должно быть прислано.

Но случилось так, что на двух заседаниях Бельгийского федерального совета, которые имели место с тех пор, присутствовало мало членов, и вместо того, чтобы приступить к этой повестке дня, занялись обсуждением манифеста, который предполагалось выпустить в Бельгии по поводу демонстраций против министерства в связи с бунтом наших брюссельских буржуа против духовенства. Мы поставили на обсуждение первый

пункт повестки дня потому, что многие наши члены получили из Швейцарии письма, в которых спрашивали мнение бельгийцев о конфликте, и какой-либо ответ на эти письма можно было дать только после решения, принятого всем Бельгийским федеральным советом; но теперь, накануне бельгийского съезда (на рождество), мы считаем, что лучше будет подождать, пока съезд, а не федеральный совет выскажется по этому вопросу.

По второму пункту повестки дня этих заседаний, а именно — сколько экземпляров Общего Устава должен нам прислать Генеральный Совет,— решено, что нам понадобится лишь несколько сот экземпляров. Вот почему нам не требуется больше: в наших секциях члены получают членскую книжку с текстами Общего Устава Интернационала, устава Бельгийской федерации и местного устава секции. Мы сохранили матрицу (говоря языком типографа) этой публикации, таким образом, когда мы получим новый Общий Устав, нам придется посмотреть, чем от него отличается наш старый текст и внести в него поправки для нового издания членских книжек; есть даже предложение сделать это переиздание на двух языках нашей страны — французском и фламандском — параллельно, в каждой членской книжке.

Я говорю Вам, что мы обсудим позицию, которую должны занять по отношению к расколу, происходящему в Швейцарии и в Лондоне, не думайте, что мы собираемся присоединиться к раскольникам или, может быть, колеблемся, оставаться ли нам с Генеральным Советом. Нет, до этого у нас, к счастью, не дошло. Еще до всякого углубленного обсуждения я уже могу сказать Вам, что огромное большинство наших членов видит в расколе своего рода компромисс, заключенный между: 1) охвостьем Альянса, существование которого мы никогда не одобряли; 2) французскими якобинцами, пиатистами и другими из бывшей Французской секции в Лондоне и 3) некоторыми французскими мютюэлистами (как раз наиболее буржуазными, если не по положению, то по взглядам), которых особенно разозлили резолюции, принятые на конгрессах по вопросу о земельной собственности, и которые, кроме того, недоброжелательно относятся к некоторым членам Генерального Совета лично, потому что они являются коммунистами. Если мы расцениваем таким образом *честные элементы* раскола, то само собой разумеется, ни в коем случае не попадемся на их удочку. Но это еще не все. Когда мы видим, как присоединяются к этим элементам такие люди, как Дюран и К^{0}, у которых нет никаких убеждений и которые просто-напросто продаются, мы можем лишь отвергнуть эту группу раскольников. Вот что я знаю из личных бесед.

Разумеется, у нас есть несколько членов, и мой долг об этом сказать, которые, отвергая раскол, считают, что есть основания для небольших претензий, частично в отношении организации, которую придали Интернационалу последовательные конгрессы и, наконец, Лондонская конференция. Я с нетерпением жду изложения этих претензий, четко сформулированного изложения; потому что до сих пор я слышал лишь упреки, столь туманные и маловыразительные, что невозможно было их понять, или же такие необоснованные, что одного слова объяснения достаточно, чтобы свести их к нулю.

Еще одно слово. В Вашем письме Вы просите кратко изложить требования бельгийских рабочих к правительству. Думаю, что Вы не поняли наше предложение, внесенное на конференции: когда на конференции решался вопрос о манифесте Генерального Совета правительствам, мы предложили, чтобы в этом манифесте, наряду с неблаговидными действиями правительств крупных континентальных держав по отношению к Коммуне и Интернационалу, было также сказано о бельгийском правительстве, которое в этом случае превратилось в жандарма и полицейского агента г-на Тьера. Мы просили, чтобы, в частности, в нем содержался протест против выдачи французских коммунаров и против законопроекта Малу. Этот законопроект, который не прошел, но и окончательно не взят еще обратно, сводится по сути дела к следующему: впредь всякий призыв к революции, даже призыв, за которым не следует начало или попытка положить начало его выполнению, независимо от того, произнесен он устно или в печати, наказуем тюрьмой или штрафом. По подобному закону почти каждый оратор на наших митингах, каждая статья в наших газетах должны были преследоваться.

Мы не видели здесь Альбера Ришара и Блана, и никто до сих пор ничего не слышал об их пребывании в Бельгии даже проездом.

Альфред Эрман все еще в Льеже. Я справлялся о нем на днях у одного друга, который прибыл из этого города, тот сказал мне, что он не только работает, но и не предполагает возвращаться в Лондон.

Несколько дней тому назад я получил письмо от гражданина Маркса. Я ему еще не ответил, потому что, как только собираюсь это сделать, возникает то одно, то другое непредвиденное дело. Поблагодарите его за сведения, которые он сообщил мне, и скажите ему, что я займусь посылкой книг, которые он просил у меня.

Привет всем нашим друзьям, всем членам Генерального Совета, а также семьям Маркса, Фондевиля, Серрайе, Вайяна,

Энгельса, Лесснера. Я никогда не забуду теплого приема, оказанного мне этими семьями во время моей последней поездки в Лондон.

С братским приветом *С. Де Пап*,
врач-интерн в госпитале Сен-Жан,
рю Пашеко в Брюсселе, Бельгия.

№ 16

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 24 марта 1872 г.[1]

Дорогой друг!

С удовольствием рекомендую Вам моего прекрасного друга Алексиса Спленгара, который передает Вам данное письмо.

Алексис Спленгар — адвокат, брат двух наших бельгийских членов, Пьера и Роча Спленгара; первый — адвокат рабочих по разным делам, когда члены Интернационала ведут тяжбу с хозяевами по поводу стачек или рабочих книжек, второй — член Бельгийского федерального совета и один из пропагандистов на собраниях, проводимых нами в провинции.

Г-н Алексис Спленгар, собираясь пробыть в Лондоне несколько месяцев, горит желанием установить связь с Вами, а через Вас познакомиться с другими деятелями Интернационала, а также с деятелями рабочего движения в Англии.

Мой поклон всей Вашей семье, жму руки друзьям

С. Де Пап

№ 17

С. ДЕ ПАП — Г. ЮНГУ

Брюссель, 22 августа 1872 г.

Дорогой друг!

Так как у нас нет в Лондоне корреспондента для Бельгии в Генеральном Совете (поскольку Эрман и Роша оба покинули Лондон), то посылаю эти 100 франков тебе с просьбой вручить их Генеральному Совету в счет задолженности бельгийских секций. Мне поручили послать эти деньги некоторое время тому назад, но другие занятия (сугубо личные) отняли у меня время, и я не особенно торопился, так как отлично знал, что не эта скромная сумма в 100 фр. может спасти положение.

Попроси секретаря или казначея Генерального Совета передать расписку в получении этих 100 фр. одному из лондонских

[1] Данное письмо написано на визитной карточке: С. Де Пап, доктор медицины. Профессор естественных наук. 168, Рю Журдан, Сен Жиль, Брюссель. *А. К.*

делегатов на Гаагский конгресс с тем, чтобы эта квитанция там попала в руки кого-нибудь из бельгийских делегатов на указанном конгрессе.

Ты, наверное, поедешь в Гаагу. Что касается меня, то я там не буду. Не знаю еще, кто будет в числе бельгийских делегатов. Надеюсь, что этот конгресс положит конец расколам, которые возникают в Интернационале. Многое хотелось бы тебе сказать по поводу этих расколов, но знаю, что не успею написать длинное письмо, а у тебя может не найтись времени его прочитать. Скажу тебе только, что я лично (и большинство бельгийцев со мной) отнюдь не на стороне юрцев, а на стороне Генерального Совета.

Преданный тебе *Де Пап*

№ 18

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 26 октября 1872 г.

Гражданин Маркс!

Несколько дней тому назад мне передали первый выпуск перевода Вашей книги «Капитал» [1].

Я горячо благодарю Вас за эту посылку. Я давно стремился познакомиться с этим значительным трудом, потому что, хотя я имею первый том книги на немецком языке, но трудности языка в соединении с трудностями содержания мне не позволили изучить ее серьезно.

Примите мои сердечные поздравления.

С. Де Пап

Я намеренно ничего не писал Вам по поводу Гаагского конгресса и его последствий. Я Вам скажу только одно: я сожалею о расколе, существующем в Интернационале; я скорблю о том резком и оскорбительном тоне, которого продолжают придерживаться как та, так и другая сторона; я считаю вредными для нашего Товарищества некоторые решения, принятые в Гааге. Таковыми являются исключения из Интернационала и увеличение полномочий Генерального Совета по отношению к национальным федерациям и секциям и особенно то, что Генеральный Совет перемещают в Америку, то есть в страну, где ему будет довольно трудно иметь точное представление о том, что происходит в секциях и федерациях Старого Света. Впрочем, чтобы высказаться с бо̀льшим знанием дела, я ожидаю опубликования официальных протоколов.

[1] Речь идет о французском переводе I тома «Капитала», который печатался отдельными выпусками в Париже с 1872 по 1875 г. *А. К.*

Вот мой теперешний адрес, потому что я оставил работу в госпиталях ради частной практики.

Де Пап, доктор медицины.

Рю Кинт, 24, около Бойни в Брюсселе.

№ 19

С. ДЕ ПАП — К. МАРКСУ

Брюссель, 17 декабря 1875 г.

Дорогой Маркс!

Наш общий друг Глязер де Вильброр передал мне 14 числа сего месяца последние выпуски перевода Вашего «Капитала».

Я очень благодарен Вам за эту посылку; и Вы можете быть уверены в том, что я извлеку из нее огромную пользу. Правда, я читал, хорошо или плохо, первое немецкое издание; но хотя я за последнее время изучил немецкий язык, на французском языке мне значительно легче читать. Я не скрою от Вас, что, намереваясь читать курс социальной экономии в новой федерации рабочих обществ Брюсселя (Палата труда), я буду немало заимствовать из Вашего произведения, буду обкрадывать его самым бессовестным образом, но намерен указывать источник, из которого черпаю.

Еще раз большое спасибо: мои сердечные поздравления Вам и Вашим.

С. Де Пап

P. S. Знаете ли Вы об аресте Франкеля в Вене?

№ 20

С. ДЕ ПАП — Ф. ЭНГЕЛЬСУ

[20 марта 1883 г.]

Примите мои искренние чувства соболезнования семье Маркса и мое горькое сожаление по поводу того, что не могу присутствовать (от имени Бельгийской социалистической партии) на похоронах нашего замечательного учителя!

Маркс принадлежал также и нам, социал-демократической нидерландо-фламандской партии.— Когда-то Маркс жил среди нас. он был другом наших старых деятелей — Жотрана, Катса, Де Поттера, Бартельса и т. д. Но он принадлежал прежде всего всемирному социализму, пролетариату всех стран, самым могущественным глашатаем которого он был вплоть до сего дня!

Доктор *Де Пап*

Брюссель, 20 марта 1883 г.

ПРОЕКТ «МАНИФЕСТА ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ» 1880 ГОДА

В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится рукопись видного деятеля международного и французского рабочего движения Поля Лафарга. Рукопись озаглавлена: «Манифест французской Рабочей партии» [1]. На рукописи имеются обращенные к Карлу Марксу две надписи П. Лафарга с просьбой прочитать ее и дать свои замечания. По-видимому, вопрос о написании «Манифеста» был заранее согласован с Марксом; об этом говорит весьма лаконичная форма, в которой обращается проживавший тогда в Лондоне Лафарг к Марксу. Обращения написаны на последних, чистых страницах первой и третьей частей «Манифеста». Первое из них гласит: «Читайте, если Вы не возражаете, я зайду во вторник вечером, чтобы выслушать Ваши замечания. П. Л.». В конце также читаем: «Дорогой Маркс! Прочтите, я зайду послезавтра вечером, чтобы выслушать Ваши замечания. П. Л.».

Маркс прочитал всю рукопись и отредактировал ее. Он внес свои замечания на поля и в самый текст. Одно его замечание несколько большего размера; имеется еще несколько более мелких замечаний [2]; они написаны черными чернилами и частично синим карандашом. Маркс сообщил Лафаргу свои замечания еще и в устной форме. Это видно из того, что на полях рукописи имеются многочисленные записи Лафарга как чернилами, так и карандашом, носящие обрывочный, незаконченный характер, написанные в форме предложений для предстоящей доработки.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5658.

[2] См. настоящую книгу, стр. 456, 475—476, 479, 480.

Очевидно, эти записи были либо продиктованы Марксом, либо составлены под влиянием его замечаний.

«Манифест» сохранился не полностью; до нас дошли небольшое введение, первая и третья части. Первая часть носит название: «Развитие промышленной собственности», третья часть — «Развитие финансовой собственности».

До настоящего времени «Манифест» не был полностью опубликован. Только недавно было напечатано факсимиле двух его страниц — первой и одной из страниц третьей части [1]. Кроме того, первая часть «Манифеста» (бо̀льшая ее доля) была опубликована в доработанном виде, с учетом замечаний на полях «Манифеста» в серии статей Лафарга «Капиталистическое производство», печатавшейся в газете «Egalité» с 30 июля по 5 ноября 1881 года. Отрывки из третьей главы «Манифеста» напечатаны в вышедшей в Париже в 1895 г. работе П. Лафарга «Происхождение и развитие собственности» [2]. Идеи 1-й части «Манифеста» нашли отражение в написанных Ж. Гедом и П. Лафаргом в 1883 г. комментариях к программе французской Рабочей партии, а именно, в главе, носящей название «Введение к программе» («Les Concidérants»).

Встает вопрос, почему же документ этот не был в свое время опубликован и был предан забвению. Постановка этого вопроса ведет нас к рассмотрению той партийной борьбы, которая происходила во французском социалистическом движении в первые годы после образования Рабочей партии.

Маркс и Энгельс сыграли важную роль в образовании и укреплении этой партии [3]. Их помощь французским марксистам имела решающее значение особенно в начальный период деятельности партии. Известно, что важнейший документ — проект избирательной программы партии — был выработан в мае 1880 г. П. Лафаргом и Ж. Гедом совместно с Марксом и Энгельсом. Теоретическое введение к программе было продиктовано Марксом Геду; о том, как была составлена остальная часть, Энгельс писал: «затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили» [4]. В теоретической части программы Маркс в сжатой форме изложил

[1] «Quand Lénine vivait à Paris». Paris, 1967, p. 129.

[2] *Lafargue, P.* «Origine et évolution de la propriété». In: «La Propriété. Origine et évolution. Thèse communiste par Paul Lafargue. Réfutation par Yves Guyot». Paris, 1895.

[3] См. *З. В. Чернуха.* «Маркс и Энгельс и программа Рабочей партии Франции 1880 года». В кн.: «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1963; *И. Д. Белкин.* «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции». М., 1952.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 189.

конечную цель борьбы пролетариата — построение социалистического общества — и пути достижения этой цели [1]. В практической части программы были изложены ближайшие политические и экономические требования рабочего класса, в целом не выходящие за рамки буржуазно-демократических преобразований.

Появление проекта программы, которая должна была быть утверждена предстоящим в 1880 г. партийным съездом в Гавре, вызвало обострение идейной борьбы с реформистскими элементами, входившими в партию,— прежде всего с Б. Малоном. Поначалу борьба эта велась в завуалированной форме. Малон начал с того, что выразил свое полное признание проекта программы. Так, 18 мая 1880 г. он писал: «Мой дорогой Лафарг, программа и статья получены. Вводная часть замечательно хороша, а программа именно такова, какой она нам представлялась. Я принимаю ее, как она есть» [2]. Вскоре он изменил тактику: признавая проект на словах, выдвинул в печати свою «интерпретацию» основных положений [3]. Он воспользовался неизбежной краткостью формулировок проекта, для того чтобы придать им свое «расширенное» толкование. Высказанному во вводной части программы положению о революционном действии пролетариата, организованного в самостоятельную политическую партию, Малон противопоставил проповедь проведения в капиталистическом обществе постепенных реформ, ведущих к «бескровной революции» [4].

Практика печатания подробных пояснений и обоснований программных документов различных организаций существовала издавна. Так, Маркс написал знаменитый Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих, который Ф. Энгельс считал «официальным и обязательным комментарием к Уставу» [5]. Комментарий к программе Лиги земли и труда, основанной в Лондоне в 1869 г. при участии Генерального Совета I Интернационала, был составлен членом Генерального Совета Эккариусом и отредактирован К. Марксом [6]. Он назывался: «Обращение Лиги земли и труда к рабочим и работницам Великобритании и Ирландии» [7].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 246.

[2] «Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1962». М., 1963, стр. 465.

[3] См., например, «La Revue socialiste», 1880, № 10.

[4] Там же.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 473.

[6] Подробнее об этом см. *В. Э. Кунина*. «Карл Маркс и английское рабочее движение (1845—1883)». М., 1968, стр. 292—293.

[7] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 598—603.

За составление подобного комментария к программе французской Рабочей партии взялся П. Лафарг. Так возник публикуемый ниже документ. Лафарг приступил к работе над ним вероятно сразу же после того, как была написана программа [1]. «Манифест» должен был дать научное, марксистское обоснование программы, сыграть важную роль в идейной борьбе партии.

По-видимому, написанный П. Лафаргом проект «Манифеста» натолкнулся на резкие возражения со стороны Малона и его сторонников.

Малон, недовольный проектом программы партии, намеревался исправить дело посредством собственного, реформистского толкования проекта [2]. Есть основания предполагать, что именно благодаря усилиям Малона и его сторонников «Манифест» и не был опубликован. В дальнейшем, на съезде в Реймсе в 1881 г., когда уже разгорелась острая борьба между марксистами и оппортунистическим крылом партии, поссибилистами, идеологами которых были Б. Малон и П. Брусс, последние сделали все возможное, чтобы был принят совершенно другой манифест. очень поверхностный документ, состоявший из общих положений и лишенный революционного классового содержания.

«Манифест» представляет большой интерес для выяснения и уточнения позиции П. Лафарга, как одного из руководителей французской Рабочей партии. Он раскрывает ранее неизвестные факты о помощи К. Маркса в становлении и идейном укреплении Рабочей партии, проливает дополнительный свет на важную страницу биографии Маркса — великого теоретика и вождя международного рабочего движения. «Манифест» насквозь пронизан взглядами и мыслями Маркса как об экономическом и политическом развитии Франции, так и по вопросам политической экономии. Не исключено, что Лафарг имел предварительную беседу с Марксом по поводу плана «Манифеста» и его конкретного содержания.

Первая часть «Манифеста» представляет собой как бы адресованное французским социалистам и рабочим популярное изложение последнего параграфа 24 главы I тома «Капитала» Маркса — «Историческая тенденция капиталистического накопления». Эта часть «Манифеста» также очень близка по содер-

[1] Датировать «Манифест» позволяют упомянутые в нем газета «Presse» от 21 мая 1880 г., а также ссылки на заседание Общества политической экономии, происходившее 5 мая 1880 г.; отчет об этом заседании был опубликован в «Journal des Économistes», май 1880. Возможно, что работа над «Манифестом» продолжалась и в июне.

[2] Б. Малон — редакции газеты «Prolétaire». «Prolétaire», 3. VII. 1880. См.: «La Revue socialiste», 1887, № 25, р. 51; см. также р. 47.

жанию к 11 и 13 главам I тома «Капитала». Интересно также отметить близость отдельных мест «Манифеста» к некоторым местам из неопубликованных в то время экономических рукописей К. Маркса. Таково, например, рассуждение о перенаселении, создаваемом введением машин [1].

В третьей части «Манифеста» — «Развитие финансовой собственности» — освещаются вопросы, которые рассмотрены и в V отделе III тома «Капитала», где, по выражению Маркса, разоблачаются «современная спекуляция и коммерческая мораль» [2]. Наряду с историей развития кредитной системы и ее ролью в буржуазном обществе, в «Манифесте» анализируется роль финансовой системы вообще, а также возникновение и развитие акционерных обществ. III часть «Манифеста» перекликается со многими работами Маркса, посвященными истории Франции, ее экономическому и политическому развитию [3]. В этих статьях Маркс постоянно подчеркивал, что во французской экономике очень значительную роль играли финансовые круги, что огромное развитие получила финансовая система; именно на примере Франции он впервые высказал важное теоретическое положение о роли и значении акционерных обществ при капитализме, знаменующих «новую эпоху в экономической жизни современных народов» [4]. Маркс непрестанно подчеркивал, что финансисты во Франции используют народное достояние в своих корыстных целях, тормозят развитие экономики, в огромной степени способствуют росту нищеты, своей политикой толкают страну к войнам.

«Манифест французской Рабочей партии» отражает важный этап борьбы Маркса и французских марксистов за создание подлинно пролетарской партии во Франции. Он представляет собой блестящий образец пропаганды марксизма и свидетельствует о глубоком влиянии учения Маркса на французское рабочее и социалистическое движение.

* * *

Текст «Манифеста» сохранился в виде двух рукописей,— черновой, написанной рукой П. Лафарга на 8 листах с оборотом (14 страниц), и чистовой, в 9 страниц, рукой Лауры Лафарг, соответствующей первым 7 страницам черновика (Введение и I часть).

Значительная часть правки, внесенной в черновую рукопись, не нашла отражения в чистовике. Это — заметки о необходимой

[1] Ср. стр. 464 настоящей книги и *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 633—634.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 164.

[3] См: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т.т. 12 и 15.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 34.

доработке, наметки поправок и дополнений, критические замечания по тексту; в отдельных случаях речь идет о фразах и абзацах, перенесенных в другое место и не вычеркнутых на прежнем месте. При подготовке данной публикации за основу взята черновая рукопись.

Для передачи особенностей рукописи использованы разные шрифты и способы выделения.

1) Замечания, внесенные рукой К. Маркса, даны полужирным шрифтом, подчеркнутый им текст — полужирным курсивом.

2) Замечания, полученные Лафаргом от Маркса в устной форме и внесенные им на полях или в текст, напечатаны в рамках. Для анализа первых 7 страниц черновика дополнительным критерием служил тот факт, что данная правка не нашла отражения в чистовой рукописи.

3) Правка, внесенная рукой Лафарга дополнительно и отраженная в чистовой рукописи, расценивается как результат редакторской работы самого Лафарга над своим первоначальным вариантом. Она выделена светлым курсивом. В отдельных случаях, когда Лафарг подчеркнул то или иное слово, оно дано также светлым курсивом. Это каждый раз оговаривается в редакционных примечаниях.

Следует, однако, оговорить, что чистовая рукопись дала возможность дифференцировать правку, сделанную рукой Лафарга, только во введении и в первой части. В третьей части, которая не была переписана, удалось выделить лишь ту его правку, которая носит заведомо незаконченный характер. Исправления Лафарга, логически сливающиеся с первоначальным текстом (они, как правило, короткие), дифференцировать невозможно. Они все напечатаны светлым курсивом, но без рамок. Здесь нет возможности определить, что именно было написано Лафаргом самостоятельно, а что — в результате беседы с Марксом.

В публикации на полях отмечены страницы оригинала, в квадратные скобки помещены вставки и пояснения от редакции.

В публикации не учтены сделанные самим Лафаргом незначительные, чисто редакционные исправления, не влияющие на перевод.

Т. Л. Артемьева

1 ‖ «МАНИФЕСТ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ»[1]

Торговая и[2] промышленная революция, вот уже несколько веков преобразующая экономические основы общества и переделывающая общественные отношения, обусловила необходимость свержения в прошлом веке *старой* дворянской аристократии. Сегодня она делает столь же настоятельной необходимостью свержение *новой,* плутократической аристократии.

Рабочая партия, единственная политическая партия, которая представляет экономические интересы пролетариата и явится одним из зачинателей этой социальной революции, считает, что настало время сформулировать свой манифест, чтобы сплотить разрозненные силы пролетариата и привлечь

[1] В левом верхнем углу надпись карандашом рукой Лафарга, повторенная ниже чернилами: «Промышленность». *Т. А.*

[2] Здесь и далее курсивом выделена правка, внесенная в текст самим Лафаргом. *Т. А.*

на его сторону представителей низших слоев буржуазии, которым плоды этой революции *должны пойти на пользу*[1].

I
РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

а) ХОД ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ход промышленной революции *известен* и может быть *изучен* вокруг нас во всех его фазах. Сначала производитель является хозяином своего орудия труда и продукта своего труда. Как только капиталист вмешивается в производство, он собирает производителей и орудия труда в общей мастерской; если же они оставляются *временно*[2] рассеянными в предместьях или сельской местности, как это имеет место в ткацкой промышленности, то он предоставляет им[3] сырье и становится хозяином продукции. Как в том, так и в другом случае работник из свободного производителя превратился в наемного производителя.

В общей, или кооперативной, мастерской начинается разделение труда между собранными вместе работниками,

> Описать ход развития теоретически (marche théorique).
>
> Влияние международной конкуренции.
>
> Показать, что имеются различные этапы и что все отрасли промышленности не достигли одинаковой ступени, что, следовательно, требуются различные решения для различных...[4]
>
> Буржуазия лишила рабочего всякой собственности. Задачей революции является восстановление его в правах собственности...[5]

[1] Вместо зачеркнутого: «пошли бы на пользу». *Т. А.*
[2] Вместо зачеркнутого: «еще». *Т. А.*
[3] Далее зачеркнуто: «по крайней мере». *Т. А.*
[4] Запись обрывается. *Т. А.*
[5] Здесь и далее в рамке — замечания на полях или правка, внесенные Лафаргом после беседы с Марксом. *Т. А.*

затем механизация распространяется на орудие труда и *видоизменяет*[1] его; инструмент отделяется от руки ремесленника и становится составной |неотъемлемой| частью машины, а машина, которая первоначально приводилась в движение силой человека, или осла и лошади, ветра и воды, под конец приводится в движение паром.

Теперь орудие труда, весьма усложнившееся и выросшее до громадных размеров, стоит огромных денег, оно не находится и не может больше находиться в **индивидуальном** владении производителя, как это имело место, когда оно было простым, небольших размеров и дешевым.
1а ‖ Оно временно **переходит** ‖ в собственность отдельного капиталиста или капиталистической компании.

Этот ход развития неизбежен. В былые времена цеховые мастера упирались, пытаясь воспрепятствовать этому преобразованию, а буржуазная революция сломила их. Рабочие, *инстинктивно* предчувствуя бесчисленные страдания, которые обрушатся на них и их семьи, бунтовали и ломали машины; но голод, подкрепленный государственными штыками, согнул их. В наши дни промышленная буржуазия, *которая является лишь бессознательным орудием этого преобразования,* прикрывается протекционистской системой и низким уровнем заработной платы во Франции, чтобы не доводить

[1] Вместо зачеркнутого: «преобразует». *Т. А.*

свое оборудование до уровня последних достижений прогресса[1].

Прогресс промышленности должен происходить лишь постольку, поскольку он совместим с интересами капиталиста.

Промышленники, вместо того чтобы перекладывать на рабочих все издержки за низкий уровень своего оборудования, требуя от них большего количества часов работы и платя меньшую заработную плату, будут вынуждены тратить часть прибылей, ко-

[1] Вот несколько примеров. Жан Дольфус, один из крупнейших фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, в своей брошюре «Долой запреты на хлопчатобумажную пряжу» (1853) писал, что мотальные станки, изобретенные в 1825 г., применялись уже на всех прядильных фабриках Англии и что в 1853 г. Промышленное общество в Мюльхаузене присудило первую медаль за первый большой комплект, который был произведен в восточных департаментах. «Поскольку во Франции,— добавляет он,— рабочая сила более дешевая, чем в Англии, мы не извлекаем от применения новых станков такой выгоды, как англичане». Луи Рейбо в своих «Исследованиях об условиях работы на фабриках. Хлопок» констатировал, что в 1863 г. из 1 700 000 прядильных станков едва ли 200 000 были усовершенствованного образца и что машина Хейльмана для чесания шерсти, изобретенная во Франции до 1848 г., уже широко применялась в Ланкашире, тогда как во Франции в 1853 г. ее только еще испытывали; он замечает: «Вообще осуществление этого переворота в методах производства находится в прямой зависимости от условий оплаты рабочей силы. Пока ручной труд имеется в изобилии по низкой цене, его расточают, а когда он дорожает, ищут возможности его сберечь... Очень точные подсчеты,— продолжает он,— показывают, что французская заработная плата ниже, чем английская — на 12% и 15% в Нормандии *и Фландрии,* на 20% в Эльзасе и на 30% в Вогезах». Этот более низкий уровень заработной платы, который обрекал рабо-
2 || чих на нищету и задерживал совершенствование || оборудования, *породил*[2] скандальные богатства фабрикантов. Ж. Дольфус считает, что с 1850 по 1853 г. средние прибыли в прядильнях[3] были не менее 60 сантимов с каждого килограмма, «что̀ давало 40% чистой прибыли, то есть больше, чем со всего... С такими прибылями уже через 3 или 4 года на предприятии может быть полностью сменено оборудование». *(Примечание Лафарга).*

[2] Вместо зачеркнутого: «допускал». *Т. А.*

[3] Здесь в тексте зачеркнуты слова: «обыкновенных номеров». *Т. А.*

торые они крадут у рабочих, на усовершенствование оборудования, вместо того чтобы расточать ее на личные наслаждения.

Почти всегда частный интерес капиталиста противопоставляется развитию техники, будь то по глупости или из жадности.

Но эти два явления имеют тенденцию к исчезновению. Под влиянием пропаганды социалистов, которые пустят в ход стачки и прибегнут к борьбе за рабочее законодательство, заработная плата будет подниматься, а количество часов работы сокращаться. Протекционистский режим, о котором самые циничные эксплуататоры среди предпринимателей говорят, что они поддерживают его исключительно в интересах своих несчастных рабочих, уже сильно поколеблен; в более или менее близком будущем он отступит перед соединенными усилиями крупной торговли, черпающей новые силы в крупной международной торговле, и крупных земельных собственников, вынужденных подчиняться в сбыте своей продукции системе свободной торговли и наблюдающих безутешно, как их собратья по эксплуатации *облагают ввозными пошлинами сельскохозяйственные машины и одежду для рабочих* [1].

[1] Выделенные курсивом слова вписаны на полях вместо слов: «пользуются значительно большими привилегиями, чем они». *Т. А.*

Тогда промышленники, вместо того чтобы перекладывать на рабочих все издержки за низкий уровень оборудования, требуя от них большего количества часов работы и платя меньшую заработную плату, будут тратить часть огромных прибылей, которые они крадут у рабочих, не на личные наслаждения, а на усовершенствование оборудования.

Впрочем, вопреки этим частным причинам, развитие промышленного оборудования[1] постепенно совершилось во Франции под воздействием международного рынка. Один из наиболее революционных этапов капиталистического производства начинается тогда, когда национальный рынок становится слишком узким для возрастающего производства и возникает необходимость вывозить продукты на иностранные рынки. Вступая в борьбу с иностранными продуктами, французским фабрикантам волей-неволей приходится усовершенствовать свое оборудование, чтобы сократить издержки производства.

2 а || Ничто не может остановить промышленную революцию.

б) СОЦИАЛЬНЫЕ БЕДСТВИЯ, ВЫЗЫВАЕМЫЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

С того момента, когда производитель перестал быть собственником продукта и орудия своего труда и у него остается только один товар — его рабочая сила,

> Но буржуазия еще до появления крупной промышленности экспроприировала ремесленника, лишив его всякой собственности на продукт его труда.

[1] Далее зачеркнуто: «медленно». *Т. А.*

на него и на его семью обрушивается вихрь социальных бедствий.

В *известных* отраслях промышленности, как например, ручное ткачество, изготовление кружев и т. д., производитель является собственником орудия труда и производство сохраняет еще форму домашней промышленности; часто оно служит дополнением к сельскохозяйственному труду. Производитель *пытается таким сочетанием*[1] уравновесить бюджет своих средств к существованию. Эти отрасли промышленности горячо рекомендовались экономистами-филантропами как средство сохранения рабочей семьи, разрушаемой работой в мастерской, в то время как они являлись для капиталиста, функции которого ограничивались снабжением сырьем, лишь средством загнать под ярмо всю семью рабочего в самом его домашнем очаге и сократить заработную плату, недостаток которой восполнялся продуктом сельскохозяйственного труда. *Ремесленники, которые живут изолированно, не могут войти между собой в соглашение для урегулирования оплаты труда, который, несмотря на свое превосходство, является наименее оплачиваемым.* | 1 |

| (1) Примечание о piquage d'once[2] |

[1] Вписано сверху, вместо зачеркнутого: «ищет в нем средства». *Т. А.*

[2] Вся буржуазная мораль восстала против *тайного присвоения рабочими части материала, выданного им для выделки ткани (piquage d'once)* в шелковой и шерстяной промышленности (см. циркуляр от 4 сентября 1862 г. торговой палаты Эльбёфа). Это изъятие сырья было для рабочего лишь средством восполнить недостаточность заработной платы. Но как квалифицировать позорное обкрадывание, которое практиковали фабриканты и их служащие? *(Примечание Лафарга).*

| Процитировать Одигана и Больё (I, 3) (см. стр. 5) |

И этот вид занятия является одним из наиболее ненадежных и изменчивых, так как торговец, который именует себя *фабрикантом*[1], хотя вместо мастерской он имеет всего навсего только контору, увеличивает, уменьшает или *временно прекращает*[2] раздачу сырья в зависимости от времени года и состояния рынка. История кружевной промышленности—это мартиролог жен и девушек из рабочего класса, замученных ради удовлетворения самых легкомысленных и нелепых вкусов правящих классов. Рабочее население в 125 000 кружевниц, если верить Ж. Симону, и 220 000, если верить Рейбо[3], годами существовало на заработную плату, колебавшуюся между 40 с. и 1 ф. 25 с. за 12 и 16 часов ежедневного труда.

(Процитировать: Д-р Хаксо, Кружевницы Вогезов[4]

Несмотря на преимущества, которые домашняя промышленность предоставляет капиталисту, который избавляется от необходимости
3 || вкладывать[5] капитал для сооружения общей мастерской и приобретения орудий труда, все же ей суждено уступить место кооперативной мастерской, которая является формой, присущей капиталистическому производству. Только в общей мастерской может осуществиться промышленная революция.

[1] Курсив Лафарга в первоначальном варианте текста. *Т. А.*

[2] Вместо зачеркнутого: «упраздняет». *Т. А.*

[3] *L. Reybaud.* «Le Coton; son régime — ses problèmes; son influence en Europe». Paris, 1863, pp. 43, 191 (*Л. Рейбо.* «Хлопок; условия работы — проблемы; удельный вес в Европе». Париж, 1863, стр. 43 и 191). *Т. А.*

[4] По-видимому, речь идет о книге: *J. Haxo.* «Populations industrielles de la France... La Broderie et les brodeuses vosgiennes, coup d'oeil sur la situation actuelle de cette industrie dans les Vosges et son influence sur la santé des ouvrières». Epinal, 1856 (*Ж. Хаксо.* «Промышленное население Франции... Вышивка и вышивальщицы в Вогезах. Обзор нынешнего положения этой отрасли промышленности в Вогезах и его влияния на здоровье рабочих». Эпиналь, 1856). *Т. А.*

[5] В левом верхнем углу страницы черным карандашом: «Промышленность». *Т. А.*

Надо почитать работы экономистов первой половины века — Сисмонди, Виллерме, Бланки (академик), чтобы составить себе представление о тех бедствиях, которыми сопровождалось рождение крупной машинной промышленности; и это буржуа назвали царством Рав[енства], осуществлением Прав человека.

Общая мастерская при господстве капитализма означает казарму для огромной массы рабочего класса, разрушение семьи рабочего, открытую и беспощадную эксплуатацию рабочего народа, отупевшего от самого унизительного труда при самом длительном рабочем дне. Капиталистическая мастерская

— это ад для пролетариата. Описание бедствий, которые являются уделом производителей при господстве буржуазии, мы найдем у буржуазных экономистов и писателей.

Виллерме, Бланки, *Молинари, стр. 101*[1], «Presse» 21 мая 1880 г.

Эти бедствия не являются ни местными, ни национальными, мы находим их также в официальном английском расследовании, они не преходящи, если они смягчаются на какой-то короткий срок, то возобновляются в острой форме либо в результате промышленных кризисов, либо в результате прогресса техники.

Однако не следует считать, что этим бедствиям суждено исчезнуть; вот что говорит по этому поводу один из наиболее патентованных экономистов, «Молинари».

Это бедственное положение рабочего класса неизбежно, ничто —

[1] Речь идет о книге *Г. Молинари:* «L'Évolution économique du dix-neuvième siècle. Théorie du progrès». Paris, 1880. («Экономическое развитие в девятнадцатом веке. Теория прогресса». Париж, 1880). *Т. А.*

ни политические, ни экономические реформы — не сможет облегчить его надолго, пока не прекратилось капиталистическое присвоение орудий и продуктов труда.

Капиталистическое производство может установиться, только порождая нищету *производителей,* а нищета производителей *становится*[1] основным условием возрастания богатства капиталистов. Прибыли, которые составляют богатство капиталиста, это только неоплаченный труд, и эти прибыли тем больше, чем более снижается
3а || заработная плата и || чем длиннее становится рабочий день; именно промышленное перенаселение, которое Энгельс назвал *резервной армией труда*[2], служит капиталисту для того, чтобы сводить требования рабочих к низкому уровню их потребностей. Чтобы создать свою промышленную армию, капиталистическая буржуазия освободила ремесленников от крепостной зависимости и от цеховых ограничений, завлекла их массами в промышленные центры, привезла их из | соседних районов | других стран, соблазнив самыми лживыми обещаниями высокой заработной платы.

В Мюльхаузене, этой обетованной стране промышленной филантропии, создали гостиницу для бедняков, чтобы встречать, кормить,

В примечание. Перед 48 годом для фабрик резины, маслобоен, мыловаренных заводов Марселя и Экса рабочие набирались в горах Форе и Пьемонта. Этим несчастным платили 60 и 80 фр. в месяц. Они питались и ночевали в мастерской, сменяя друг друга круглые сутки. Труд был настолько тяжелым и так плохо оплачивался, что местные рабочие отказывались от него.

[1] Вписано вместо зачеркнутого: «является». *Т. А.*

[2] Курсив Лафарга в первоначальном варианте текста. Речь идет о работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, глава «Конкуренция»). *Т. А.*

Но европейских рабочих уже не хватает. Капиталистическая буржуазия обращается к Азии, этому неистощимому источнику людей, пригодных для эксплуатации. Французских капиталистов уже не удовлетворяет нищенское положение европейских рабочих. Буржуазные экономисты всерьез обсуждали в Обществе политической экономии 5 июня возможность ввоза в Европу, как в Австралию и в Америку, китайских рабочих и введения системы кули, которая является лишь усугубленной системой рабства. «Китаец,— говорит г-н Симонен, гражданский горный инженер,— доказал на опыте, что работник физического труда может жить и делать сбережения, довольствуясь незначительной заработной платой». Г-н П. Л. Больё, главный редактор журнала «Économiste français», говорит: «Требования европейских рабочих, зачастую чрезмерные, в конце концов привлекут в

предоставлять кров и подыскивать работу приезжим, и повсюду, где это промышленное население было кочующим и беспокойным, например в горнопромышленных районах департамента Соны и Луары, ему облегчали устройство на постоянное жительство, возводили для него рабочие поселки, организовывали кормежку, приюты, создавали общества взаимопомощи и другие учреждения расчетливой благотворительности.

Даже сама машина создает перенаселение.

Но перенаселение создается усовершенствованием оборудования. Всякое изобретение машин выбрасывает на улицу часть рабочего населения. Подыхая с голоду, эти рабочие вынуждены оставаться на месте,

Европу жителей Китая, Индии и Японии, известных своей воздержанностью»[1].

«Республиканский чиновник»

Пусть они приедут, эти славные китайцы.

В примечание. Этот Симонен, затеявший эту дискуссию, редактор газеты «France», один из величайших пошляков, какие только есть на свете. Вот что он говорил в 1866 г.: Я поместил отчет об этом заседании в «Egalité» от ...Некоторые друзья упрекнули меня за грубую форму моего ответа.

так как через определенный период времени дешевизна, обусловленная этим новым применением машины, увеличит сбыт, расширит мастерскую и даст работу уволенным рабочим до той поры, когда новое изобретение,

| или кризис перепроизводства |

вновь выбросят их на улицу. Воздействие капиталистического производства | на рабочее население | подобно всасывающему и нагнетательному насосу.

4 || Было бы в высшей степени нелепо требовать от капиталистов, чтобы они применяли средства, смягчающие это положение вещей; капиталист живет, дышит, движется исключительно ради прибыли, и если бы ему пришлось обескровить все человечество, чтобы раздобыть монету в 100 су, он так бы и сделал. Впрочем,

⊙ Все филантропические панацеи — Лт. Д.[2],..., Гамбетта, бесплатный кредит, кооперирование производства, потребления, участие в прибылях — были испробованы много и

[1] «Journal des Économistes», Paris, mai, 1880, p. 303. *Т. А.*

[2] Далее в оригинале неразборчиво. *Т. А.*

много раз с помощью правительства и плачевно провалились.

Ничто, ничто не сможет, если не...[1]

Вот как представляется промышленная проблема:

Мелкая собственность осуждена.

Крупная собственность делает нищету всеобщей, и иначе не может быть, пока производительные силы будут находиться в распоряжении...[1]

хотя он извлекает прибыли из бедственного положения народа, его самого подчиняют себе те самые экономические силы, которые он пустил в ход; он является в такой же мере игрушкой этих сил, как и пролетарий, как это показывают промышленные кризисы. ⊙

Только пролетариат, после того как он овладеет политической властью и экспроприирует всех | промышленных | капиталистов,— поставит на место | их[2] бесчеловечного, | *глупого*, мошеннического и анархического *капиталистического* управления общественным производством централизованное управление, которое передаст в руки объединившихся рабочих общие мастерские, *утратившие капиталистический*[3] *характер*, урегулирует производство, *даст толчок развитию экономических сил* и положит конец страданиям рабочего класса. Нищета рабочего класса не является неотъемлемой чертой самого машинного производства, а лишь его *капиталистического*[4] управления.

[1] Запись обрывается. *Т. А.*
[2] Далее зачеркнуто: «бездарного». *Т. А.*
[3] Вписано вместо зачеркнутого: «буржуазный». *Т. А.*
[4] Исправлено в тексте (в строку), было: «буржуазного». *Т. А.*

╳ Что касается пролетариев в крупной промышленности, то они понимают причину своих страданий и знают, что единственно возможное решение — это насильственная экспроприация.

Далее, когда центральное управление заменит собой торговцев, которые эксплуатируют ремесленников, владеющих своим инструментом и занятых ручным трудом на дому, оно будет, всячески учитывая сложившиеся навыки, в то же время способствовать переходу отраслей промышленности, основанных на ручном труде, к крупному промышленному производству. Фазы этого преобразования известны науке и могут быть сокращены и смягчены умелым управлением.

Нечего упираться, это преобразование неизбежно, и сами ремесленники должны решить, осуществить ли это под ярмом капиталиста и в пользу капиталиста или же с помощью центрального управления, находящегося под контролем пролетариата.╳

5 ||

Манифест.

Часть III [1]**.**

III

Развитие финансовой собственности

(См. стр. 2 и последнюю страницу) [2]

В любом высокоразвитом капиталистическом обществе промышленные и сельскохозяйственные предприятия принимают такие размеры, что их создание предполагает накопление значительного

[1] В левом верхнем углу страницы надпись карандашом: «Финансовая система». *Т. А.*

[2] Маркс здесь отсылает к своим более крупным замечаниям (см. стр. 475—476 и 480 настоящей книги). *Т. А.*

капитала, *находящегося в индивидуальном владении,* а капитал накапливается только путем постоянного ограбления народных масс. Во многих случаях (железные дороги, рудники, ведение сельского хозяйства по американскому образцу и т. д.) накопленных капиталов, *находящихся в индивидуальном владении,* оказывается недостаточно, и появляется потребность в объединении индивидуальных капиталов при помощи товариществ на паях.

С другой стороны, количество движимого капитала, который необходим при всякой капиталистической эксплуатации для покупки сырья и рабочей силы; быстрота и изобилие производства, медленность сбыта продуктов, обширность и удаленность рынков; затруднения с оборотом денежных средств — все это обязывает всякого промышленного капиталиста, для того чтобы поддерживать и развивать свое предприятие, постоянно прибегать к кредиту, то есть к авансам из совокупного общественного капитала. Таким образом, общественное богатство, то есть постоянно растущий излишек производства над потреблением, приходится накапливать, централизовать и постоянно держать в готовности для использования в соответствии с нуждами производства и обмена. Эта двойная функция всасывающего и нагнетательного насоса применительно к общественным сбережениям выполняется современной финансовой системой. Финансы стали, так сказать, сердцем экономической системы капитализма.

Поскольку эти две жизненные функции общества — централизация и распределение национального богатства — вместо того, чтобы стать общественными функциями, направленными только на общее благо, попали в ведение бесконтрольных и безответственных личностей, экономические и политические интересы всего общества оказались в руках нескольких сот индивидов худшего сорта, «способных на все и не способных ни на что», согласно выражению Берье. Завладев «преступными, преступ-
5a ‖ ными путями... ‖ награбленным добром целых областей, средствами к существованию народа, достоянием государства», они удерживают их, обращая часть их на неслыханное расточительство, которое «является вызовом нищете большей части остальных граждан» [1], а другую употребляя без разбора *на создание* и поддержание промышленных отечественных и иностранных предприятий, иногда самых безрассудных.

Империя оказала весьма значительную помощь финансистам в их централизаторской деятельности. Система выпуска государственных займов мелкими купюрами, которую министр Бино назвал «демократизацией ренты», предлагая всегда недоверчивым мелким собственникам гарантию государства при помещении их денежных средств, подготовила почву для опустошительного финансового набега, совершенного кредитными учреждениями. Последние служили лишь для завлечения мелких

[1] Указ об учреждении Судебной палаты 1716 г. *(Примечание Лафарга).*

буржуа и крестьян-собственников, столь же бестолковых, сколь и алчных, приманкой крупных дивидендов, премий, лотерей [1]. Империя сделала больше. Она субсидировала кредитные учреждения десятками миллионов, позволяла им распоряжаться государственными средствами подобно банкиру, который пускает капитал в оборот. Она поставила на службу Crédit Foncier департаментских и окружных чиновников фиска для выкачивания сбережений у сельского насе-
6|| ления. || Только один Crédit Mobilier, этот шедевр бонапартистской финансовой системы, за 15 лет, с 1852 по 1867 г., принял и пустил в *отечественный и международный* оборот капитал на сумму около четырех миллиардов; и в этом огромном водовороте сделок не фигурируют государственные и местные займы, в которых он принимал участие. За 10 лет его 15 директоров присвоили из средств, которые прошли через их руки, 8 248 445 фр. на издержки управления, то есть по 54 989 фр. в год на каждого ди-

[1] И сбережения рабочих стали добычей финансистов. «Сберегательные кассы, говорит Л. Рейбо в работе «Железо и каменный уголь (Очерк о режиме работы на фабриках, 1874)», хранят только лишь очень небольшую часть народных сбережений: остальное поступает в спекуляцию... В Лионе, Сент-Этьенне, в долине Жьер жертвами были главным образом наиболее искусные рабочие, те, которые получали высокую заработную плату... Рабочие представляют более значительный контингент, чем это обычно думают... Многие печально показывали мне вышедшие из игры или обесцененные акции, с которыми исчезло их небольшое состояние; ясно, что их выбор пал на бесчестные дела... Вот к чему привела вакханалия кредита, которая насчитывала столько защитников и столько сторонников. Разбрасывая в этих авантюрах народные сбережения, уменьшали общественные гарантии, которые обеспечивали их устойчивость, и, кто знает, может быть, прививали несчастным, которые явились жертвами этих возмутительных спекуляций, *жажду некоторого реванша*» [2]. Финансисты лучше всех социалистов сорвали покров с тайной цели экономистов, проповедующих сбережения. *(Примечание Лафарга).*

[2] Курсив в первоначальном варианте Лафарга. *Т. А.*

ректора, не считая тех процентов и дивидендов на акции, которые они присуждали себе как премию за изобретения, и тех прибылей, которые они получали от спекуляции акциями на бирже[1].

Кредитные учреждения, отдавая в руки финансистов контроль над движимым национальным богатством, позволили им захватить управление также частью недвижимости (железные дороги, металлургические заводы, заокеанское пароходство и т. д.) и собирать оброк под видом процентов, учета и т. д. с остальной части недвижимости, которая, чтобы удерживаться и развиваться, вынуждена прибегать к кредиту. На деньги всего общества финансисты эксплуатируют промышленность и сельское хозяйство. Так, Французский банк с акционерным капиталом в 182½ млн. ежегодно снимает дань с суммы оборота, составляющей почти 10 млрд. (В 1873 г. размах этих его операций возрос до 16 млрд.). Благодаря этой двойной кредитной системе — кредиту, предоставляемому публикой кредитным учреждениям, и кредиту, предоставляемому этими учреждениями промышленности и сельскому хозяйству, — финансисты выжимают соки из других категорий господствующих классов и превращают их в простые органы экстракции, на которых лежит обязанность обирать рабочий класс в пользу финансистов.

Экспорт капиталов

[1] Спекулянт, посвященный, подобно директорам, в тайны кулис, мог бы, действуя из месяца в месяц, покупая дешевле и продавая дороже, в течение 1853 г. заработать на 100 акциях Crédit Mobilier 162 250 фр. *(Примечание Лафарга).*

Современная финансовая система берет свое начало в системе общественного кредита [1], то есть государственных долгов, первые основы [2] которых заложили Венеция и Генуя в средние века; во Франции же она была введена только в 1522 г. канцлером Дюпра. Государственный долг [3] заключает в себе зародыш автоматического
6а ‖ роста. ‖ «Займы позволяют правительствам покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что налогоплательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют в конце концов повышения налогов. С другой стороны, повышение налогов, вызванное последовательно нарастающими долгами, вынуждает правительство при каждом новом чрезвычайном расходе прибегать все к новым и новым займам» [4]. Но есть еще один аспект: государственный долг «наделяет непроизводительные деньги производительной стоимостью [5], ...устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не да-

[1] Здесь и ниже Лафарг пересказывает, а также цитирует (по первому французскому изданию) отдельные места из шестого параграфа 24-й главы I тома «Капитала» К. Маркса (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 764, 766). *Т. А.*

[2] — fondements; в немецком издании «Капитала»: «зачатки» («Ursprünge»). *Т. А.*

[3] Далее в тексте зачеркнуты слова: «наделяет непроизводительные деньги производительной стоимостью... устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с ростовщическими операциями». *Т. А.*

[4] — У Лафарга описка: «Impots» («налогам»). *Т. А.*

[5] — valeur reproductive; в немецком издании «Капитала»: «производительной силой» («Zeugungskraft»). *Т. А.*

ют ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги» (337—338).

Таким образом, государственный долг, обладающий способностью к самопроизвольному возрастанию, преобразует государство, *все равно, монархию или республику,* в машину, которая удваивает прибыль с накопленных капиталов. Более того, современные государства, для того чтобы удерживаться и выполнять свое призвание поддерживать правящие классы, вынуждены изымать из производства определенное, все возрастающее число производителей (полиция, магистратура, армия), и по мере обострения классовой борьбы давать разрядку внутренним волнениям в иностранных экспедициях. Это — накладные расходы, которые возрастают вместе с капиталистическим производством. Таким образом, эксплуатация нации государством и эксплуатация государства финансистами возрастает в прямой пропорции к эксплуатации промышленности и сельского хозяйства финансистами.

Эта эксплуатация государства финансистами принимает различные формы. На следующий день после Февральской революции республиканское временное правительство, оказавшееся без денег, приостановило выдачу по вкладам в сберегательные кассы, но предложило выплатить досрочно ренту за полугодие, начинавшееся с 22 мар-

та, и разрешило Ротшильду не вносить 80 млн., полагавшиеся государству за заем в 250 млн., права на реализацию которого он добился в конце царствования Луи-Филиппа. 5 месяцев спустя, через месяц после июньского избиения народа, 27 июля, генерал Кавеньяк, этот Мак-Магон 2-й буржуазной республики, тайно разрешил тому же Ротшильду эмиссию государственных облигаций на сумму в 13 миллионов.

В царствование Луи-Филиппа промышленная и торговая буржуазия не переставала протестовать против чрезмерной привилегии, предоставленной Французскому банку в вопросе чеканки монеты и использования кредита, который ему предоставляли торговцы и промышленники, для того чтобы обирать торговлю и промышлен-
7 || ность[1]. В 1840 и 1847 гг. || в палате депутатов настойчиво требовали ликвидации привилегий Банка. Но временное правительство революции 1848 г., осуществленной мелкой буржуазией против банкиров, декретировало временно принудительный курс: это означало, что государство *безвозмездно*[2] придало законную стоимость клочкам бумаги Банка. 3-я буржуазная республика окончательно установила принудительный курс, и все так

2 || [1] Известно, что Банк имеет право выпустить банкноты на сумму векселей, которые имеются у него в портфеле. Таким образом, промышленники и торговцы сами предоставляют гарантию банкнот, которые они принимают и которые Банк только берет на себя труд печатать. И за то, чтобы иметь счастье обеспечивать гарантией банкноты Банка, буржуа платят 2, 3 и даже 10 учетных процентов. Если промышленные буржуа без угрызения совести эксплуатируют производителей, то они, в свою очередь, подвергаются эксплуатации и третируются как глупцы со стороны финансистов. *(Примечание Лафарга)*.

[2] Курсив в первоначальном варианте Лафарга. *Т. А.*

В связи с Банком я приведу анализ его годовых балансов, начиная с 1869 г., где покажу, что наибольшие прибыли, какие он когда-либо получал. пришлись на 1872, 1873 гг. и что источником их были займы, предоставленные им казне для уплаты контрибуции.

Насколько мне известно, *французский банк всегда* мог *выпускать столько банкнот, сколько хотел,* но был обязан обменивать *эти банкноты* на золото или серебро *по предъявлению.* Это законодательное ограничение выпуска естественно отпадает при *принудительном курсе.* Тем не менее *французский банк* так хорошо знал *экономические пределы* эмиссии и всегда действовал так осмотрительно,

же безвозмездно. В 1857 г. втихомолку, всего лишь на одном заседании, 28 мая, в последний день сессии, в два счета был принят закон, продливший до 1897 г. привилегии Банка, которые должны были истечь в 1867 году.

Закон, который ограничивал дисконт шестью процентами, был отменен. При Империи Банк завоевал себе полную свободу хозяйствования. Ему оставалось только освободиться от некоторых обязательств по отношению к государству. 4 февраля 1878 г. республиканский министр г-н Сэй, ныне председатель сената, но уже тогда, как и сегодня, слуга банкократии, внес законопроект, который освобождал Банк от гербового сбора, установленного законами от 30 июня 1840, 23 августа 1871, 19 февраля 1874 г., и сокращал его *ежегодные* расходы на сумму около двух миллионов. Кроме того, Сэй требовал, чтобы Банку было предоставлено право выпускать банкноты, не обеспеченные ни звонкой монетой, ни векселями, как это требовалось по предшествовавшим законам. Это право и установление принудительного курса равносильно восстановлению седьмой части ассигнаций в пользу магнатов Банка.

В период правления орлеанистов, бонапартистов, республиканцев финансовая олигархия добилась предоставления ей железных дорог; она строила их на деньги казны, эксплуатирует же с гарантией государства. В 1868 г., согласно Г. Дюшену («Промышленная империя»), государственные субсидии на строительство железных

что его *банкноты* никогда не подвергались ни малейшему обесценению. Его *система не имеет, следовательно, ничего общего с системой ассигнаций!*

Следовало бы уточнить текст законопроекта г-на Сэя. Я не думаю, что Французский банк мог выпускать банкноты только *путем учета* векселей, *ссуд под ценные бумаги,* установленных законом, *займов правительствам, наконец, покупкой ценных металлов* с помощью своих банкнот. Впрочем с тех пор как *принудительный курс стал постоянным, поступление металлических денег,* не стоив ему ни гроша, самопроизвольно возросло в такой степени, что все время превосходит *уровень*, предписанный законом *Английскому банку.*

дорог достигали суммы в	1 536 576 544 ф.
Гарантированный государством капитал достигал суммы в	3 859 000 000 ф.
	5 395 576 544 ф.

При этих трех режимах строительство и эксплуатация железных дорог давали повод для самых бесстыдных темных делишек. Дороги, построенные на средства государственной казны, но доведенные до разорения бессовестными хищениями и воровством финансистов, вновь скупались государством, а затем

7a ‖ переуступались тем самым финансистам, которые довели их до банкротства, и вновь эксплуатировались ими, но уже с более высокой гарантией государства. К чести 3-ей республики надо сказать, что договоры о выкупе и эксплуатации, заключенные гамбеттистами-оппортунистами, по-иному обременительны для государственной казны, по сравнению с теми, которые

заключили бонапартисты — Руэ и ему подобные.

Бонапартовская империя послала в Мексику французские войска, чтобы восстановить доверие к Жеккеру, которого казнила Коммуна. Республика оппортунистов заключила священный союз с правительством Бисмарка и с правительством тори, чтобы свергнуть египетского хедива, который, стремясь экспроприировать задавленных европейским ростовщичеством феллахов, бросился в пасть Ротшильда и других крокодилов международных финансов.

Но помимо этого прямого воздействия на государство путем взяток, цинично даваемых и принимаемых политическими представителями буржуазии (министрами, высшими государственными чиновниками, депутатами, журналистами и т. д., бонапартистами и республиканцами), которые приходят в политику потертыми и с пустым кошельком и там волшебным образом превращаются в миллионеров, магнаты финансового мира оказывают еще и другое, хотя и косвенное, но не менее губительное воздействие *на политическую жизнь страны.*

Биржевой курс в их руках стал политическим термометром; их пресса создает и направляет общественное мнение. Насильственная централизация общественных сбережений [1], которую они осуществляют наиболее преступными путями, подрывает условия существования других категорий буржуазии и подготавливает буржуазные

[1] Вместо зачеркнутого: «богатства». *Т. А.*

революции. Февральская революция, совершенная под лозунгом реформы, представляла собой восстание мелкой буржуазии против избранных по цензовой избирательной системе депутатов, деятельность которых направляли крупные банкиры. Финансовый мир приветствовал империю как свое вступление в землю Ханаанскую. Чтобы избежать возмущения *и беспорядков* внутри страны, вызванных финансовыми спекуляциями, империя пустилась во франко-прусскую авантюру. В объявлении войны биржевики во главе с г-ном де Жирарденом, протеже которого, *г-н Оливье,* был в правительстве, увидели только предлог для удачной игры на бирже. Постыдно заключенный мир, который избавил г-на Пуйе-Кертье, тогдашнего министра, и других французских фабрикантов хлопчатобумажных тканей от конкуренции Мюльхаузена, а акционеров Анзенских рудников (одним из
8 || наиболее крупных был г-н Тьер) от конкуренции рудников Эльзаса, позволил европейским ростовщикам, призванным г-ном Тьером, в виде реванша броситься на Францию и превратить ее несчастья в неистощимый источник финансовых прибылей. Ни один государственный деятель не был более заслуженно награжден правящими классами титулом *отца родины*[1], чем г-н Тьер, этот Вашингтон 3-ей буржуазной республики; ибо ни один государственный деятель

[1] Курсив в первоначальном варианте Лафарга. *Т. А.*

не пускал так обильно кровь пролетариата и не возглавлял столь великолепно расхищение народного достояния; ни один государственный деятель не показал лучше, чем он, что под словом *родина*[1] правящие классы понимают лишь свои классовые интересы.

История учит нас, что господствующий класс под угрозой поражения со стороны поднимающейся демократии всегда предавал родину врагу. (Привести несколько примеров из античного мира, средних веков и нового времени, потому что необходимо подчеркнуть эту мысль — она очень важна.)

Колоссальная мощь, присущая в капиталистическом обществе *современной* финансовой системе, совершенно независима от той формы, которая облекает политическую власть; она не менее велика в демократической республике Американского союза, чем в деспотической Германской империи. Во Франции правления орлеанистов, бонапартистов, республиканцев сменяли одно другое, не поколебав при этом власти финансистов; напротив, она непрерывно увеличивается. Это пагубное *господство*[2] не из тех, которые могут быть ниспровергнуты политической революцией, ибо оно основывается на эксплуатации рабочего класса и на государственном долге. Финансисты, которые представляют собой наиболее ничтожный элемент буржуазного класса как по численности, так и по способностям и по смелости, исчезнут только тогда, когда пролетариат, овладев политической властью и *воплощая в жизнь социальную республику*, экспроприирует промышленных капиталистов, конфискует Банк и другие кредитные учреждения и упразднит государственный долг. **Хорошо!**

(добавление, полезное для общественного мнения)

---

[1] Курсив в первоначальном варианте Лафарга. *Т. А.*
[2] Вместо зачеркнутого: «мощь». *Т. А.*

Но если финансисты подготавливают политические революции и находят в этом непосредственные выгоды, то именно они во время борьбы проявляют наибольшую трусость, а в периоды репрессий наибольшую жестокость. В июне 1848 г. деловые люди, устраивая банкеты на бульварах, спаивали и подстрекали к убийству мобильную гвардию; в 1871 г., заполнив Версаль со своими шлюхами, законными и незаконными, они подвергли надругательству и пыткам безоружных коммунаров. **В мае 1871 г., как и в июне 1848 г., они требовали «кровопускания» для парижского пролетариата, чтобы восстановить «кредит»!**

Все это значительно лучше сказано в полутора строках Марксом.

Восстановить «доверие» и открыть «Кредит». Порядок.

СОДЕРЖАНИЕ

3К16
М27

М 27 **Маркс** и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. (Статьи и документы). М., Политиздат, 1970.
VI, 481 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Книга состоит из двух разделов: научных статей и документов. Публикуемые в ней материалы затрагивают в основном одну важную проблему истории марксизма — великую роль Маркса и его учения в освободительной борьбе пролетариата XIX века. На основе богатого документального материала, в значительной мере впервые вводимого в научный оборот, в книге прослеживаются связи Маркса с немецким, французским, бельгийским рабочим движением. В сборнике помещены статьи о значении экономической теории марксизма для рабочего движения. Особый раздел книги составляют разнообразные по своему характеру документы, которые почти все публикуются впервые. Книга рассчитана на преподавателей и специалистов в области истории марксизма и международного рабочего движения.

1—1—3 **3К16 + 3К + 9(М)32**

65—69

Оформление художника *А. Г. Кобрина*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *А. М. Денисов, Е. И. Щукина*

Сдано в набор 20 мая 1969 г. Подписано в печать 4 мая 1970 г. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 30,5. Учетно-изд. л. 29,13. Тираж 15 тыс. экз. А 06062. Заказ № 2504. Цена 1 р. 31 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Отпечатано с матриц в типографии изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Заказ № 362.